

ОТКРЫТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ

ОТ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕН
ДО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Данная книга является частью дилогии Г. Элленбергера «Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии», в связи с чем сохранена сквозная нумерация глав и параграфов, использованная автором, в текстах обеих книг без дополнительного указания их полных наименований

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Henri Frédéric Ellenberger

The discovery of the unconscious

The history and evolution of dynamic psychiatry

edition in two volumes

Basic Books, Inc., Publishers
New York, 1970

Генри Фредерик Элленбергер

Открытие бессознательного–1

История и эволюция динамической психиатрии

От первобытных времен до психологического анализа

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 159.9
ББК 88
Э 47

Элленбергер Генри Фредерик

Э 47 Открытие бессознательного—1. История и эволюция динамической психиатрии. От первобытных времен до психологического анализа / Пер. с англ. под ред. В.В. Зеленского. — М.: Академический проект, 2018. — 550 с. — (Психологические технологии).

ISBN 978-5-8291-2159-4

В издание входит классический труд, в котором в историко-социальном контексте систематизирована «одиссея» поиска понимания картины человеческой души, патологических процессов психической жизни. Это уникальное по масштабу издание охватывает практически все психотерапевтические (психиатрические) направления в европейской истории, начиная от целительства у древних народов и заканчивая современными теориями и практиками вплоть до середины XX века.

Книга остается непревзойденной по объему представленного материала и количеству научных и медицинских ссылок энциклопедией психотерапии и является незаменимым справочным пособием в самых разных областях истории психологии, психиатрии и психоанализа.

Вместе с тем это источник информации об одном из важнейших слоев европейской культуры, необходимый всякому, кто хочет знать ее во всей сложности и взаимообусловленности самых разных ее сфер.

Для психологов, философов, религиоведов и всех интересующихся проблемами психологии.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-8291-2159-4

От первобытных времен до психологического анализа

Перевод с английского под редакцией *В.В. Зеленского*

По ту сторону бессознательного

Швейцарский историк медицины Анри Элленбергер широко известен на Западе как автор знаменитой книги «Открытие бессознательного», впервые вышедшей в 1970 году и предлагаемой ныне российскому читателю. Энциклопедическое по своему масштабу и мастерски исполненное исследование истории психиатрии и психотерапии от первобытных времен вплоть до середины XX века вполне заслуженно вошло в список западных интеллектуальных бестселлеров. И сегодня, спустя тридцать лет, эта книга остается незаменимым справочным пособием в самых разных областях истории психологии, психиатрии и психоанализа.

Генри (или Анри во французской транскрипции) Элленбергер, выходец из франкоязычной швейцарской семьи, родился в 1905 году в Южной Африке, где его отец работал там в составе Евангелической миссии.

В 1914 году родители отправили своего девятилетнего сына учиться во Францию, где юный Генри в одиночку пережил тяготы военного времени (Первая мировая война). С 1921 по 1924 год Элленбергер изучал гуманитарные науки в университете Страсбурга и получил здесь степень бакалавра по философии. Затем он переехал в Париж, где прожил до 1934 года. Впоследствии Элленбергер вспоминал эти годы как «самые счастливые и интеллектуально насыщенные». Он поступил в медицинскую школу при Парижском университете и решил специализироваться на психиатрии. В качестве экстерна он работал в нескольких госпиталях, включая прославленный Сальпетриер и приют Святой Анны. В 1930 году Элленбергер женился на Эмилии фон Бахст, молодой девушке русского происхождения, которая в то время изучала в Париже живопись и художественные ремесла. В 1934 году Элленбергер завершил работу над диссертацией «Аффективные состояния при кататонических психозах» и получил степень доктора медицины.

Последовавшие за этим годы — до 1941 года — Элленбергер работал психиатром в частной психиатрической клинике в Пуатьере (западная провинция Франции). И этот период Элленбергер свел дружбу с Арнольдом Ван Геннепом, одним из основателей французской этнографии, и написал работу, посвященную местному фольклору. В результате Элленбергер стал зачинателем нового направления на стыке культурной антропологии и медицинской психологии, названного им «этнопсихиатрией». Его интерес фокусировался на сравнительном изучении прошлого и текущего опыта относительно душевных рас-

стройств в различных культурах. Из-под его пера вышли многие статьи, посвященные самоубийству, истерии, шизофрении, алкоголизму и обцессивным расстройствам и увиденные Элленбергером с транскультуральной точки зрения.

Весной 1941 года по причине оккупации Франции гитлеровцами Элленбергер с семьей — женой и тремя детьми — вернулся на родину в Швейцарию. Несмотря на свое швейцарское гражданство, Элленбергер фактически в Швейцарии до этого не жил и был весьма неискушен в специфике швейцарской медицины. Но за двенадцать последовавших лет он стал высококлассным специалистом в своей области. До 1952 года Элленбергер работал заместителем директора в клинике для душевнобольных в небольшом городке Шафхаузене неподалеку от немецкой границы на берегу Рейна. В этом городке, кстати, родился Германн Роршах (1884–1922), создатель известного психодиагностического теста. В этот период Элленбергер близко познакомился со многими психиатрами из первого поколения швейцарской психиатрии. В основном, это были ученики Аугуста Фореля и Юджина Блейлера, а также члены известного швейцарского психиатрического кружка, развивавшегося под непосредственным влиянием Зигмунда Фрейда. Здесь же Элленбергер познакомился с сыном Блейлера Манфредом (тоже психиатром) и Карлом Густавом Юнгом. Он постоянно навещал жившего неподалеку Людвига Бинсвангера, известного экзистенциального психиатра, и свел тесную дружбу с Альфонсом Медером, одним из первых членов цюрихской психоаналитической группы, а позже учеником Юнга; был также хорошо знаком с Леопольдом Шонди, психиатром и разработчиком одноименного теста, и с Оскаром Пфистером, пастором и психоаналитиком, дружившим в те годы с семьей Фрейда. У этого «именитого старца психоанализа», каковым его считало поколение Элленбергера, он прошел неформальный учебный анализ в начале пятидесятых годов. В это же время Элленбергер часто посещал лекции и семинары в Психоаналитическом обществе и Психологическом институте в Цюрихе. Здесь он имел возможность слушать устные рассказы Пфистера, Шонди, Медера, Юнга и других об их ранних аналитических опытах в предвоенные десятилетия, — своего рода «золотом веке» европейской психотерапии.

Работая в Шафхаузене, Элленбергер стал постепенно тяготиться карьерой провинциального доктора и администратора, «местечковым духом», как он это называл (Kantonligeist). Но чтобы пробиться в престижные университетские клиники Цюриха, Базеля, Женевы или Берна, необходимо было иметь диплом швейцарского медицинского учебного заведения.

Другой путь к профессиональной известности лежал через Америку. После Второй мировой войны мощный информационный поток

пролегал через Атлантику в обоих направлениях. В Швейцарии был значительный интерес к изучению последних психотерапевтических инноваций и техник в других странах. В 1952 году Элленбергеру удалось получить трехмесячный грант на поездку в США с лекциями о современных европейских психиатрических теориях и практиках, откуда он вернулся со свежими знаниями, соответственно, о последних американских разработках в этой области и с заманчивым предложением занять должность профессора клинической психиатрии в известной в США клинике Карла Меннингера (штат Канзас). В начале 1953 года Элленбергер приступил к своей новой работе.

Теперь он преподавал на английском языке, уча американских студентов (в основном, врачей) различным психиатрическим дисциплинам: «Общая психопатология», «Классические психиатрические синдромы», «Основы психиатрического лечения». Он также вел специальные семинары: «Алкоголизм и аддиктивность», «Неврозы» и «Сексуальные отклонения».

Со своим блестящим знанием многих европейских языков Элленбергер оказался неоценимой фигурой в деле канализации американским специалистам информации по современной европейской психиатрии. В пятидесятые годы «Бюллетень клиники Меннингера» пестрел обозрениями медицинских работ, сделанных Элленбергером по материалам французских, немецких, швейцарских, испанских, голландских, датских и русских журналов. Кроме того, огромную службу Элленбергеру сослужило его личное знакомство со многими видными учеными и специалистами в области психиатрии в Европе. В те годы американцы живо интересовались, в частности, тестом Роршаха и, разумеется, были заинтригованы тем, что Элленбергер знал его семью во время своей работы в Шафхаузене. Этот интерес побудил Элленбергера написать небольшую монографию о Роршахе, основанную как на его работах, так и на личных беседах с родственниками, друзьями и коллегами Роршаха. Можно сказать, что с этого момента и началась серьезная историографическая деятельность Элленбергера на ниве психиатрии и психотерапии. Вслед за Роршахом последовали циклы публичных лекций для профессионалов о Блейлере, Юнге, Адлере, Пфистере, Бинсвангере, Медере, Шонди, Минковском и других, которые Элленбергер читал во многих университетах и клиниках по всей Америке. Таким образом, к 1956 году в Меннингеровской клинике сложился лекционный курс под названием «История динамической психиатрии», охватывавший период от первобытной медицины до эпохи Просвещения, включавший далее основные теоретические и практические подходы психиатрии конца XIX и начала XX веков и завершавшийся размышлениями о современном состоянии психоло-

гической теории и психотерапии. Эти лекции, до сих пор хранящиеся в его личном архиве, и составили основу данной книги.

Между тем, семья Элленбергера оставалась в Швейцарии, дети продолжали там свое образование. Сам Элленбергер начал тяготиться провинциальной жизнью теперь уже на американском среднем Западе. И хотя он был единодушно признан здесь в качестве знатока психоаналитических теорий, у него не было медицинского сертификата ни от одного американского штата. В своей клинической практике он придерживался эклектической позиции и в дополнение к психоанализу живо интересовался феноменологической психиатрией, аналитической психологией и экзистенциальным анализом, переживавшими в ту пору вершину своего расцвета во Франции, Германии и Швейцарии. Здесь уместно снова вспомнить о швейцарских корнях Элленбергера. Психоаналитическая школа в Швейцарии включала широкое распространение лэйализа, то есть анализа, проводимого специалистом, не имевшим медицинского образования, а также была весьма терпима к широкому спектру религиозных конфессий и верований (что показательно, например, в случае психоаналитика-теолога Пфистера). Творческое развитие психоанализа следовало в направлении гуманитарных знаний, в особенности философии, литературы и педагогики. Разумеется, Элленбергер нашел американский психиатрический мир пятидесятых годов профессионально более открытым, чем европейский, но, по всей видимости, он также ощутил его отчасти догматическим, монодоктринальным и в значительной степени медикализированным. Так или иначе, но в конце пятидесятых Элленбергер решил покинуть США. И если в свое время он уехал из Швейцарии по профессиональным причинам, то на этот раз можно считать, что это были причины личные, культурные и идеологические.

Но жизнь в Америке Элленбергеру нравилась, и чтобы выйти из создавшегося тупика, он стал искать то место, куда бы могла переехать его франкоговорящая семья. И он нашел его в Монреале в Канаде, куда и переселился в 1959 году. Здесь в начале шестидесятых годов Элленбергер основал кафедру криминологии на факультете социальных наук Монреальского университета и на два десятилетия погрузился во франкоговорящую профессиональную среду.

Он учил студентов психологии и биологии криминального поведения. Им была организована целая серия лекционных курсов: «Психиатрия для криминалистов», «Биокриминология», «Юридическая психология», «История криминологии», «Виктимология», «Норма и Патология». В 1965 году Элленбергер начал готовить к печати рукопись своей знаменитой книги и к 1968 году завершил подготовку текста. А два года спустя книга была напечатана и появилась в продаже.

В 1977 году Элленбергер подал в отставку по возрасту. Ему было 72 года, и к этому времени он имел степень почетного профессора. Последняя из известных нам печатных работ Элленбергсра датируется 1991 годом и посвящена анализу новых документов в истории взаимоотношений Карла Юнга и Елены Прейсверк (его племяннице, медиуматический дар которой лег в основу написанной Юнгом в 1902 году диссертации «К психологии и патологии так называемых оккультных явлений»). Генри Элленбергер умер 1 мая 1993 года.

Данная русскоязычная версия книги подготовлена в рамках программы Информационного Центра психоаналитической культуры.

Валерий Зеленский
Февраль 2001 г.

Открытие бессознательного

Введение

Данная книга представляет собой попытку создать историю динамической психиатрии, основанную на научной методологии, в которой были бы подробно и объективно отражены выдающиеся динамические психиатрические системы и прежде всего системы Жане, Фрейда, Адлера и Юнга. Предлагаемая интерпретация тех или иных фактов и систем производилась автором с учетом социально-экономической, политической и культурной ситуации рассматриваемого периода, а также личности самого создателя системы, его окружения и роли отдельных пациентов.

Отправной точкой моего исследования явилось отражение контраста между эволюцией динамической психиатрии и эволюцией, пройденной другими науками. Ни одна отрасль человеческих знаний не претерпела столь многих метаморфоз, как динамическая психиатрия: от примитивных методов исцеления к магнетизму, от магнетизма к гипнозу, от гипноза к психоанализу и новым динамическим школам в психопатологии и психотерапии. Кроме того, различные психиатрические тенденции неоднократно переживали то периоды, когда их отвергали, то периоды популярности. Однако их принятие никогда не было столь единодушным, как в случае открытий в области физики, химии или физиологии, не говоря уже о том, что учения новых динамических школ в значительной степени являются противоречащими друг другу. И еще один характерный факт: имеющиеся в настоящее время изложения истории динамической психиатрии содержат в себе больше ошибок, пробелов и вымыслов, чем история любой другой науки.

Мое исследование имело три основные цели. Его первой задачей было как можно более тщательно проследить историю динамической психиатрии, отойдя при этом от привычной модели «воспевания героя», принятой в некоторых прежних ее изложениях, и в то же время сохранить строгую беспристрастность, воздерживаясь от какой-либо полемики. Используемая автором методология сводится к четырем принципам: (1) Ничего не принимать за само собой разумеющееся. (2) Абсолютно все подвергать проверке. (3) Любое явление рассматривать в его историческом контексте. (4) Проводить четкое различие между фактами и интерпретацией фактов. Во всех случаях, где это было возможно, я старался обращаться к первоисточникам, таким, как архивы, специ-

ализированные библиотеки и свидетельства заслуживающих доверия очевидцев. При использовании дополнительных источников строго учитывалась их надежность. В ходе научного исследования, основанного на таком критическом подходе, исследования, продолжавшегося на протяжении двенадцати лет, мне удалось собрать большое количество новых фактов, а многие уже известные факты рассмотреть в новом освещении. Кроме того, мною была доказана несостоятельность многочисленных ложных свидетельств и историй, переходящих из одного исследования в другое.

Вторая задача исследования заключалась в реконструкции и подробном изложении наиболее известных систем динамической психиатрии. Это предполагало рассмотрение развития каждой системы в хронологическом порядке с самого ее возникновения. (Исследование творчества Жане, таким образом, пришлось начать с философских сочинений, написанных им в юности, изучение наследия Фрейда — с его работ по нейроанатомии, Адлера — с его ранних статей по социальной медицине, а Юнга — с докладов, сделанных им на заседаниях студенческой ассоциации.) Каждую систему надо было показать в свете ее собственных принципов, а для того, чтобы сделать ее доступной для понимания, необходимо было исследовать ее источники и попытаться восстановить контекст социального окружения ее создателя и его связей с современниками. Рассмотрение творчества любого деятеля в его историческом контексте является лучшим способом оценки его подлинной самобытности.

Моя третья задача состояла в том, чтобы дать интерпретацию истории динамической психиатрии и ряда конкретных динамических систем, заслуживающих наибольшего внимания. Для достижения этой цели мне пришлось излагать историю динамический психиатрии с точки зрения двойной перспективы, а именно: с точки зрения того, как то или иное открытие было воспринято современниками, с одной стороны, и каким оно представляется в ретроспективе прошлого нам (многие факты, которые казались современникам малозначительными, с нашей точки зрения, являются необычайно важными, и наоборот) — с другой. Для того чтобы придерживаться такого метода написания истории, необходимы прежде всего широкие исследования социально-экономических, политических и культурных факторов, подробное изучение состояния медицинской науки, а также личностей ученых, основателей той или иной школы и их окружения, включающего в себя, в том числе, и пациентов. Цель данного исследования состояла и в том, чтобы найти объяснение парадоксальным особенностям эволюции динамической психиатрии и пролить свет на происхождение, источники и значение наиболее известных психодинамических систем.

Данное исследование начинается с обзора предшественников психодинамической психиатрии. Этот обзор представляет определенный исторический интерес, поскольку позволяет продемонстрировать неразрывную связь между экзорсизмом и магнетизмом, магнетизмом и гипнозом, гипнотизмом и современными наиболее мощными динамическими системами. Он несет в себе также и теоретический интерес, поскольку позволяет обнаружить в методах лечения, применявшихся на ранних ступенях развития человеческого общества, свидетельства и следы тонких терапевтических приемов, многие из которых напоминают самые современные психотерапевтические методы, в то время как другие не имеют в современной медицине известных аналогов. В книге рассматривается десять таких методов лечения и дается их сравнение с современными методами. Особое внимание уделяется тем приемам психической подготовки, которые использовались греко-римскими философскими школами и представляли различные разновидности психотерапии, а также религиозному исцелению «патогенного секрета». Здесь также прослеживается непрерывная линия эволюции между данной формой лечения и определенными методами современной динамической психиатрии.

Во 2-й главе излагается история возникновения и эволюции динамической психиатрии, а также события, происходившие в ней между Месмером и Шарко, то есть в период между 1775–1893 годами. Сообщаются новые важные детали, связанные с жизнью и деятельностью Месмера, Пюисегюра и Кернера. Показывается, что появление спиритизма между 1848 и 1853 годами явилось решающей поворотной точкой в истории динамической психиатрии, и что многое из учений старых магнетизеров после 1850 года было предано забвению и частично переоткрыто Бернгеймом и Шарко около 1880 года. Я воспользовался биографией Шарко, опубликованной в России врачом-терапевтом Любимовым, который на протяжении двадцати лет был другом Шарко; этот важный источник выпал из поля зрения всех других исследователей, занимавшихся историей динамической психиатрии до этого.

Главная тема 3-й главы — появление первой динамической психиатрии. Автор показывает, что на протяжении всего девятнадцатого столетия существовала хорошо развитая система динамической психиатрии, несмотря на неизбежные столкновения и расхождения между конкурирующими между собой группами магнетизеров и гипнотизеров. Основными чертами, характеризующими первую динамическую психиатрию, были использование гипноза как средства проникновения в бессознательный разум, интерес к определенным специфическим состояниям, называемым «магнетическими заболеваниями», понятие о двойной (dual) модели психики, состоящей из сознательного и бессознательного эго, вера в психогенное происхождение многих эмоцио-

нальных и физических состояний и использование специфических психотерапевтических процедур, представление о терапевтическом канале как о «раппорте» (психотерапевтической связи) между гипнотизером и пациентом. Магнетизм и гипнотизм породили новый тип целителя, характерные черты которого описываются на основе автобиографий древних магнетизеров и других документов, не изученных историками вплоть до настоящего времени. Далее показывается, что культурное влияние первой динамической психиатрии было значительно более сильным, чем это повсеместно принято считать.

Глава 4 посвящена новой оригинальной интерпретации истории и особенностей первой динамической психиатрии. Парадоксальный переход от техники Месмера к методу Пюисегюра и от последнего к авторитарной гипнотической терапии второй половины девятнадцатого века объясняются как отражение изменений отношений между общественными классами. Другие особенности эволюции динамической психиатрии интерпретируются как проявления борьбы между великими культурными направлениями: барокко, просвещением, романтизмом и позитивизмом. Автор показывает поразительное сходство между основными концепциями Фрейда и Юнга, с одной стороны, и определенными концепциями философов и психиатров романтического направления, с другой стороны, включая таких поздних представителей романтизма, как Фехнер и Бахофен. Анализируется также влияние общественно-экономических потрясений, вызванных промышленной революцией, а также влияние на динамическую психиатрию учений Дарвина и Маркса.

В 80–90-х годах девятнадцатого века могло казаться, что первая динамическая психиатрия завоевала прочные позиции, поскольку многие из ее положений были приняты Шарю и Бернгеймом. Однако этот триумф оказался недолговечным, — вскоре за ним последовал стремительный упадок. Цель главы 5 состоит в том, чтобы объяснить эти парадоксальные события, исследовав общественно-экономические сдвиги и культурные тенденции, приведшие общественное мнение к новой ориентации. Среди тенденций, объясняющих переход на другую динамическую психиатрию, особо выделяются новая «снимающая покровы» психология Ницше и его последователей, движение неоромантизма, тенденция к репсихологизации психиатрии, быстрое развитие сексуальной психопатологии, интерес к сновидениям, исследование бессознательного (одним из энтузиастов этого был Флурнуа). Сообщается о том, что слово «психотерапия» стало модным около 1890 года и что в это время ощущалась потребность в новой психотерапии, которая удовлетворяла бы интеллектуальным потребностям пациентов, представлявших высшие классы общества.

Глава 6 представляет собой первое исследование, посвященное жизни и творчеству Пьера Жане (которое когда-либо делалось на каком бы то ни было языке). Это исследование было сделано на основе записей актов гражданского состояния, архивов Парижской Медицинской Школы, Эколь Нормаль Суперьер, лицеев в Шатору и Гавре, Коллеж де Франс, а также на основе обширной информации, предоставленной двумя дочерьми Жане и многими другими людьми, которые были с ним лично знакомы. Автор опровергает некоторые легенды, связанные с личностью Жане. В главе впервые дается по-настоящему полный обзор психологической системы Жане. Цитируются многочисленные высказывания, доказывающие приоритет Жане в открытии катарсической терапии, и подчеркивается тот факт, что первым и, возможно, единственным случаем лечения и успешного исцеления от одержимости дьяволом с помощью динамической психотерапии явилось излечение пациента Жане «Ахилла» в 1890–1891 годах. Читатель найдет в этой главе описание теорий психологического автоматизма Жане, его психологический анализ, описание грандиозного психологического синтеза, который он конструировал начиная с 1908 года, и его идей по психологии религии. Автор уделяет должное внимание психотерапии Жане, упоминание о которой можно лишь изредка встретить на страницах соответствующих учебников.

Литература, посвященная Фрейду и психоанализу, столь обширна, что в этой области кажется невозможным сказать что-то новое. Тем не менее в главе 7 читатель обнаружит ряд неизвестных до сих пор фактов и некоторые неожиданные интерпретации. Анализируя еврейское происхождение Фрейда, автор показывает, что в Австрии существовало несколько групп евреев, условия жизни которых резко отличались друг от друга, и что эти различия в условиях жизни нашли свое отражение в появлении самых разных мировоззрений у их потомков, то есть у австрийских евреев — современников Фрейда. Что касается биографии Фрейда, в главе публикуются некоторые новые материалы, связанные с его жизнью. Автору удалось использовать недавно открытые факты, относящиеся к периоду пребывания семьи Фрейда во Фрайберге, эпизод, связанный со школьными годами Фрейда, часть недавно обнаруженной переписки Фрейда с Зильберштейном, документ, удостоверяющий способности Фрейда в качестве офицера (недавно найденный миссис Рене Джиклхорн в архивах Австрийского Военного Министерства). В главе излагается история, связанная с докладом Фрейда о мужской истерии, прочитанном на заседании венского Общества врачей 15 октября 1886 года, и автор показывает, что общепринятая версия этого события является не более чем легендой. Самоанализ Фрейда интерпретируется как случай специфической творческой болезни. Неизвестны-

ми до этого подробностями иллюстрируется эпизод с поездкой Фрейда в Америку в 1909 году. С помощью неопубликованных ранее документов, недавно открытых миссис Рене Джиклхорн, воссоздается история участия Фрейда в так называемом судебном процессе Вагнера-Яурегга. В книгу включено наиболее полное собрание сохранившихся записей интервью Фрейда, а также обзор наиболее известных интерпретаций его личности. Глава содержит также подробное рассмотрение работ Фрейда, которое делается в хронологическом порядке на фоне событий в культурной и научной жизни того времени. В свете новых данных рассматривается вопрос об учителях Фрейда и тех, кто сыграл важную роль в формировании его личности. Рассказывая о Брейере, например, я использовал новые данные, предоставленные мне семьей последнего, в частности, документы, касающиеся Фонда Брейера (Breuer-Stiftung), даже само существование которого не было удостоено внимания каких-либо других историков. Подчеркивается влияние Мориса Бенедикта, как одного из людей, сыгравших важную роль в творчестве Фрейда; с другой стороны, автор показывает, что отношения между Фрейдом и Шарко не были отношениями ученика и учителя, но скорее напоминали некое соперничество. Тщательное изучение уже известных фактов, и расследование, проведенное в венских архивах, позволили мне предположить, что общепринятая версия о болезни Анны О. является несостоятельной, что ее заболевание можно отнести к великим «магнетическим болезням» прошлого, но, поскольку учения старых магнетизеров были забыты, этот случай неминуемо подвергся неправильному толкованию. Было вскрыто много новых материалов, касающихся источников творчества Фрейда, его отношений с некоторыми из его современников и их влияния на него, равно как обнаружился и новый социальный контекст, в котором происходили его открытия.

В главе 8 читатель найдет критическое описание семейных обстоятельств и истории жизни Альфреда Адлера, основанное на тщательном изучении венских архивов и сведений, полученных в результате опроса членов семьи Адлера и нескольких его ранних учеников. Автор показывает, что еврейское окружение Адлера было совершенно отличным от окружения Фрейда, что отчасти и объясняет различие в отношении этих двух людей к еврейскому и нееврейскому миру. Показано также, как блестящее созвездие членов семьи Адлера отразилось в его более поздних теориях. Среди других неизвестных ранее фактов — открытие дофрейдовского периода в учении Адлера. После продолжительных исследований я смог обнаружить экземпляр (возможно, единственный сохранившийся) первой опубликованной работы Адлера «Книга здоровья для представителей портновской профессии» (1898). Была также найдена серия статей, опубликованных Адлером в мало известном

австрийском журнале. Внимательное изучение этой брошюры и статей показывает, что основные принципы будущей системы Адлера уже намечены в его ранних работах, другими словами, из него (изучения) видно, что индивидуальная психология Адлера не может рассматриваться как «искажение психоанализа», а скорее является возвращением и дальнейшей разработкой тех идей, которые Адлер развивал в течение шести лет своего допсихоаналитического периода. Шаг за шагом прослеживается эволюция адлеровской мысли и различные грани его творчества иллюстрируются примерами, взятыми из его мало известных работ, в том числе из интервью, которые он давал газетам и журналам. В книге приводится подробное и точное описание применяемых Адлером методов индивидуальной и групповой терапии и терапевтического образования; при этом многие данные, разбросанные по отдельным изданиям психологической литературы, собраны здесь вместе и представлены в систематизированном виде. Рассматривается также несколько неупоминавшихся ранее работ, послуживших источником для творчества Адлера — например, работы русских авторов.

Глава 9 содержит довольно обширный новый материал, касающийся Карла Густава Юнга. Она начинается с описания его рождения в Швейцарии, семейных подробностей и необычайной истории, связанной с его дедом и бабкой. Для реконструкции этого периода жизни и интеллектуального развития Юнга неоценимыми оказались воспоминания его школьного товарища Густава Штайнера (недавно опубликованные в Basler Stadtbuch и навряд ли известные за пределами Базеля). Мне удалось разыскать того молодого медиума, в сотрудничестве с которым Юнг проводил свои ранние эксперименты, и получить от него некоторые новые данные, касающиеся этого эпизода жизни ученого. Я решительно выступаю против общепринятого стереотипа, что система Юнга представляет собой не что иное, как искаженный вариант психоанализа Фрейда. В главе показано, что некоторые из основополагающих идей Юнга были разработаны им еще в бытность его студентом. На основе как опубликованных, так и неопубликованных данных описываются эксперименты Юнга над собой, проводимые им в период между 1913 и 1919 годами, которые интерпретируются как пример «творческой болезни». Данный в книге обзор системы Юнга, возможно, является самым полным и самым всеохватывающим, по сравнению с другими до сих пор опубликованными (книга писалась в 60-е годы. — *В. З.*) на эту тему исследованиями: ведь я не только использовал при его составлении все опубликованные работы Юнга и интервью, которые он давал газетам и журналам, но и имел доступ к полному собранию неопубликованных лекций и семинаров Юнга. Эволюция учения Юнга описывается мной в хронологической последовательности и развитии. Описание психотерапии Юнга также можно счи-

тать наиболее полным из всех, которые когда-либо на сегодняшний день (1970 г.) создавались. Глава содержит информацию и по малоизвестным областям творчества Юнга, таким, как его философия истории и его обширные неопубликованные (опубликованы в 1988 году. — *В. З.*) комментарии к «Заратустре» Ницше. Автор указывает на некоторые ранее неизвестные или опущенные предшествующими исследователями источники идей Юнга, а также на неожиданные сферы влияния его творчества (такие, например, как происхождение детектора лжи, основание Общества Анонимных Алкоголиков и сравнительно недавние теории национальной экономики и политической философии).

Главу 10 можно рассматривать в качестве ключевой для всей книги. Она преследует цель дать синтезированную историю появления и роста новых систем динамической психиатрии в период между 1893 и 1945 годами. Происхождение и развитие каждой из этих систем прослеживается год за годом с учетом их взаимодействия, а также отношений с другими психиатрическими и психотерапевтическими тенденциями, равно как и с событиями в культурной и политической жизни общества. Все это приведет читателя к выводу о том, что рост психоанализа и новых динамических систем следует рассматривать не как революционное изменение, но как постепенную эволюцию от первой динамической психиатрии к новым системам. История динамической психиатрии, таким образом, перекликается с историей событий того времени: с войнами и политическими переворотами, литературными и художественными движениями, международными конгрессами, сенсационными судебными процессами и, разумеется, с психиатрическими системами, существовавшими в период с 1882 по 1945 год. В главе подробно рассматривается происхождение и развитие каждой системы, например, смерть Шарко и публикация книг по психиатрии и литературных работ, которые в то время произвели сенсацию. Автор показывает, что в противоположность существующему ныне убеждению полемика вокруг психоанализа едва ли началась ранее 1907 года, то есть до того, как психоанализ приобрел форму реально существующего движения. Автор выделяет несколько эпизодов дебатов по этому поводу, в частности цюрихскую полемику 1912 года (о которой не содержится информации в работах других исследователей), и показывает, что значение подобных споров для людей того времени несколько отличалось от представлений об этих спорах, приобретенных через ретроспективу. Автор привлекает внимание читателя к множеству динамических систем или психотерапевтических методов, которые играли огромную роль в свое время, но в большей или меньшей степени преданы забвению сегодня. На протяжении всей главы читатель знакомится с большим количеством неизвестных или малоизвестных данных.

Короткая заключительная глава посвящена классификации и определению факторов, вызывавших появление динамической психиатрии и направлявших ее эволюцию, а именно, социально-экономический фон, на базе которого она развивалась; факторов, ответственных за последовательное появление основополагающих направлений в культуре и борьбу между ними; личностям основателей динамической психиатрии, их происхождению, семьям, биографическим данным и преследующим их неврозам; феномену «творческой болезни» (в применении к Фрейду и Юнгу); роли общественного класса, из которого произошли их родители; сложной и неоднозначной роли, которую сыграли в их жизни определенные привилегированные пациенты (в большинстве своем истерические женщины); роли окружения, коллег, учеников, соперников, книг, издававшихся в их эпоху и современных им событий.

Благодарности автора

Исследование, составившее основу данной книги, оказалось возможным благодаря финансовой поддержке национального Института психического здоровья, которая позволила автору пробыть четыре месяца в Австрии, Германии, Швейцарии и Франции, проводя опросы людей и собирая архивные данные, а также обеспечила для него возможность на протяжении трех лет выплачивать жалованье ученому секретарю. Пребывание в Англии стало возможным благодаря финансовой поддержке Британского Совета, а второе лето, проведенное за исследованиями в Вене и Цюрихе — благодаря поддержке дирекции Психиатрических служб в Квебеке. Последняя выплачивала также жалованье секретарю, услуги которого были необходимы для завершения данной книги. Большую поддержку я получил также и от профессоров Монреальского университета, оказывавших мне помощь, не считаясь со временем.

Ценные советы и информация были получены мной от профессора Вернера Лейббранда из Мюнхена, профессора Эрвина Акернехта из Цюриха и особенно от профессора Эрны Лески из Вены, позволившей мне также ознакомиться в рукописи с ее работой «История Венской медицинской школы», которая в то время еще не была опубликована.

Виконт дю Буадюльер предоставил мне массу ценной информации из семейных архивов о своем предке маркизе де Пюисегюре. Информация о Пьере Жане была получена мной от его дочерей Фанни Жане и Элен Пишон-Жане, а также от профессора Жана Деле и Игнация Меерсона. Кейт Брейер предоставила мне обширную информацию о своем отчиме д-ре Йозефе Брейере, дав разрешение использовать неопубликованные письма и другие документы, среди которых были и документы Фонда Брейера.

Эрнест Фрейд ознакомил меня с кабинетом и библиотекой своего отца, в том виде в каком она была воссоздана в его доме на Уэрсфилд Гарденз (Maresfield Gardens) в Лондоне, и снабдил информацией по многих интересующим меня вопросам. Д-р К.Р. Эйслер, директор архива Фрейда, дал автору ценные советы и любезно предоставил ему возможность ознакомиться с рукописью своего неопубликованного исследования, посвященного личности Фрейда. Воспоминания о Фрейде и ранней истории психоаналитического движения были получены мной из первых рук от ныне покойного преподобного Оскара Пфистера и д-ра Альфонса Медера (оба из Цюриха). Очевидное несоответствие между общепринятыми версиями некоторых событий и их описанием,

сделанным двумя вышеупомянутыми очевидцами, явилось одним из стимулов, способствовавших появлению у меня более критического отношения при проведении моих исследований. В исследовании жизни и творчества Фрейда неоценимая помощь была мне оказана миссис Рене Джиклхорн из Вены, которая предоставила мне рукопись своей неопубликованной книги о так называемом процессе Вагнера-Яурегга, а также фотокопии нескольких чрезвычайно интересных документов.

Воспоминания об Альфреде Адлере были получены от д-ра Александры Адлер и других родственников, проживающих в Австрии, Германии и Америке. Д-р Ганс Бек-Видманстеттер выступил для автора в роли проводника по лабиринту венских архивов, оказывал ему всевозможную помощь, а впоследствии выполнил для него некоторые исследования и предоставил ему право использовать свою неопубликованную работу о детстве и юности Альфреда Адлера. Остальная информация о нем была предоставлена профессором Виктором Франклом, преподобным Эрнстом Яном из Берлин-Штиглица, а также профессором Ансбахером и его супругой из Берлингтона в Вермонте.

Я был лично знаком с покойным К.Г. Юнгом и имел возможность выслушать его личные пояснения по поводу всех моментов его учения, которые казались мне недостаточно ясными, после чего мною был составлен краткий конспект теории Юнга, прочитав который, Юнг вернул мне со своими карандашными пометками. Я выражаю также свою искреннюю благодарность Францу Юнгу и его супруге, д-ру фон Зюри, д-ру К.А. Мейеру, Аниеле Яффе и тем, кто дал мне возможность воспользоваться записями неопубликованных лекций и семинаров Юнга.

Информация по различным вопросам была предоставлена мне д-ром Чарльзом Бодуэном, д-ром Людвигом Бинсвангером, д-ром Оскаром Дительмом, д-ром Генри Флурнуа, д-ром Юджином Минковским, д-ром Джекобом Морено, д-ром Густавом Морфом, Ольгой Роршах, д-ром Леопольдом Зонди и многими другими.

Не имея возможности перечислить всех поименно, приношу благодарность сотрудникам Нью-Йоркской Публичной Библиотеки, Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Национальной Медицинской Библиотеки в Бетезде, штат Мериленд, Национальной Библиотеки в Париже, Библиотеки Британского Музея в Лондоне, Швейцарской Национальной Библиотеки в Берне, Университетских Библиотек Страсбурга, Нанси, Базеля, Цюриха, Женевы, Вены и Софии, Библиотеки Гетеанума в Дорнахе, Швейцария, архивного отдела Ноэ Цюрхер Цайтунг в Цюрихе и, наконец, сотрудникам библиотек Макджильского Университета и Университета Монреаля.

Этот достаточно длинный список отнюдь не является полным и должен включить в себя студентов, вопросы и замечания которых часто за-

ставляли меня более пристально заняться рассмотрением той или иной проблемы, что подтверждает справедливость высказывания Раввина Шануна в Талмуде: «Как ни много досталось мне от моих учителей, еще больше я получил от своих коллег, а больше всего от тех, кого учил».

Глава 1. Предшественники динамической психотерапии

Хотя систематические исследования бессознательного разума и психического динамизма начались сравнительно недавно, происхождение динамической психотерапии можно проследить к очень отдаленным от нас временам, от которых нас отделяет длинный ряд ее предков и предшественников. Некоторые медицинские и философские учения прошлого, а также старинные методы лечения в очень большой степени напоминают нам то, что считается последними открытиями в области человеческого разума.

На протяжении многих лет рассказы об исцелениях, производимых у первобытных народов целителями, лекарями-шаманами, не вызывали особого интереса у психиатров. Эти рассказы считали сомнительными и представляющими интерес разве что для историков и антропологов. Лекари и целители рассматривались либо как глубоко невежественные и суеверные люди, способные излечить только тех, кто и так поправился бы в любом случае, либо как коварные и опасные шарлатаны, пользующиеся доверчивостью своих соплеменников.

Сегодня мы выработали иную, более положительную оценку их деятельности. Развитие современной психотерапии привлекло внимание к тайнам механизмов психологического исцеления и показало, как много в них до сих пор озадачивает нас. Почему одни пациенты реагируют на определенный метод лечения, а другие — нет? Мы этого не знаем, и все, что может пролить свет на эти проблемы, представляется интересным и полезным.

Исторические и антропологические исследования позволили обнаружить важные документы и выявили свидетельства применения среди первобытных и древних народов многочисленных методов, которыми пользуется современная психотерапия, хотя и в отличной от древности форме; найдены также и доказательства существования других тонких терапевтических методов лечения, которым едва ли удастся найти параллели в современной медицине. Поэтому изучение древних способов лечения представляет интерес не только для антропологов и историков (как источника, из которого в результате долгой эволюции развилась психотерапия), но имеет и большое теоретическое значение для изучения психиатрии как основы новой науки, получившей название сравнительной психотерапии.

В данной главе мы сначала расскажем об открытии первобытной психотерапии у первобытных народов, а затем представим обзор основных методов лечения, позволяющий сравнить эти методы с современной психотерапией. В заключение мы представим краткое описание эволюции от техники лечения, применяемой у первобытных народов, до современной динамической психотерапии.

Открытие первобытной психотерапии

Одним из первых ученых, понявших ценность научного изучения первобытных методов лечения, был немецкий антрополог Адольф Бастиан (1826–1905)[1]. Во время полевых работ в Гвиане Бастиан однажды почувствовал сильную головную боль и лихорадку и попросил местного лекаря полечить его методами, которыми тот обычно пользовался. Описание происшедшего достаточно интересно, чтобы здесь его процитировать.

Лекарь велел своему белому пациенту прийти в его хижину вскоре после наступления сумерек и принести с собой гамак и несколько листьев табака, которые поместили в чашу с водой и поставили на пол хижины. Непосредственно сама процедура лечения производилась в присутствии примерно тридцати туземцев, которые собрались там заранее. В хижине не было ни окон, ни дымохода, дверь была закрыта, так что в комнате было совершенно темно. Пациенту велели лечь в гамак и лежать неподвижно, не поднимая ни головы, ни рук; его предупредили, что, если он дотронется до земли ногой, его жизнь окажется в опасности. Юноша, говоривший по-английски, лег в другой гамак и переводил по мере возможности слова, произносимые лекарем, и то, что говорили kenaimas (демоны или духи). Лекарь начал с созыва kenaimas. Последние вскоре обозначили свое присутствие всевозможного рода звуками, сначала тихими, затем более громкими и, наконец, ставшими оглушительными. Каждый дух или демон говорил своим голосом, и все голоса различались в зависимости от предполагаемой личности kenaima. Предполагалось, что некоторые из них летают по воздуху, пациент мог слышать шелест их крыльев и чувствовать на своем лице дуновение ветерка от них. Один раз крыло демона коснулось его, и он успел откусить кусочек крыла, оказавшийся впоследствии листьями от ветки, которой лекарь, вероятно, размахивал во время процедуры.

Он слушал также, как демоны лизали лежавшие на полу табачные листья. Церемония произвела на пациента сильное впечатление, он постепенно погружался в нечто вроде гипнотического сна, от которого он слегка пробуждался, когда шум утихал, но тут же снова впадал в бесчувствие, когда шум усиливался. Ритуал продолжался не менее шести

часов и внезапно закончился, когда лекарь неожиданно положил руку на лицо пациента. Но когда последний пришел в себя, боль не исчезла. Лекарь, однако, настаивал на получении причитающейся ему платы, утверждая, что пациент исцелился. В качестве доказательства исцеления он показал ему каракатицу, которая, якобы, представляла собой «болезнь», извлеченную им из головы пациента в тот момент, когда он положил руку на лицо.

Бастиан отмечает фантастическое искусство этого человека, который на протяжении шести часов проявлял завидную активность и демонстрировал необычайные чревовещательные способности. К сожалению, Бастиан, которому удалось понять лишь немногие из тех слов, которыми лекарь обменивался с духами, не сообщает ничего ни о значении данной церемонии, ни о личности лекаря, и, по-видимому, он не расспрашивал туземцев об эффективности подобного лечения среди местных пациентов. Он считал необходимым собирать такие сведения, поскольку первобытная медицина, по его словам, быстро исчезала, а данные подобного рода представляют величайшую ценность как для медицины, так и для этнологии.

Конечно, большое количество разрозненных данных, касающихся первобытной медицины, к тому времени было уже опубликовано. Трудоемкая задача собрать этот обширнейший материал и систематизировать его была предпринята Бартельсом[2]. Он показал, что многие методы, используемые первобытной медициной, являются рациональными — применение лекарств, мазей, массажей, диеты и т.д.— и что они представляют собой раннюю стадию в развитии современной медицины, в то время как многие другие являются иррациональными процедурами, основанными на ошибочных теориях, и не имеют аналогов в научной медицине. Примерами последних являются попытки вернуть больному якобы устраненную им душу, извлечение болезни как таковой в форме постороннего тела (очевидно, производимое с помощью ловких рук), изгнание злых духов и т. д. Работа Бартельса, однако, представляла собой лишь мозаичный набор разрозненных фактов, позаимствованных от самых разных народов. За время, прошедшее после публикации его работы, наши знания о первобытной медицине значительно увеличились. Сейчас у нас больше возможностей различать специфические черты древней медицины у различных народов мира. Но не следует упускать из вида и то, что наши знания в этой области навсегда останутся фрагментарными. Многочисленные популяции первобытных людей исчезли еще до того, как среди них оказалось возможным провести сколько-нибудь серьезное этнологическое исследование, а у групп и племен, которые до сих пор сохранились, в наличии имеются лишь искаженные остатки их прежних обычаев и фольклора. Тем не менее данные, ко-

торыми мы располагаем, дают нам возможность получить достаточно точное представление об основных чертах первобытной медицины, как это видно из книг Бушана[3] и Зигериста[4].

Форест Е. Клементе различает пять форм лечения, которые с легкостью выводятся из теории заболеваний, благодаря «весьма простому причинно-следственному способу мышления». Эти формы лечения просуммированы в таблице 1–1[5].

Таблица 1–1

Теории болезни	Терапия
1. Вторжение в организм болезненного объекта	Извлечение болезненного объекта
2. Утрата души	Найти, вернуть назад и восстановить утраченную душу
3. Вторжение духов	а. Изгнание духов (экзорсизм) в. Механическое извлечение чуждого (постороннего) духа с. Переселение чуждого духа в другое живое существо
4. Нарушение табу	Признание вины, искупительная жертва
5. Колдовство	Контрмагия

Такие формы терапии являются весьма разнообразными, и очевидно, что на основе одной и той же теории болезни можно было бы разработать многие другие процедуры. Например, если диагноз гласит, что заболевание является результатом вторжения в тело больного болезненного объекта, то нельзя считать, что лечение непременно должно состоять в извлечении этого объекта высасыванием его через рот, а не каким-то другим способом. Однако анализ известных фактов показывает, что почти повсеместно объект извлекается именно таким методом. Это позволяет сделать логическое заключение о том, что мы имеем здесь дело со специфическим методом лечения, который, вероятно, возник в одном месте, а затем получил распространение по всему миру. Как мы увидим позднее, можно даже попытаться реконструировать развитие первобытной медицины, начиная с древнейших (доисторических) времен вплоть до наших дней.

По мере того как увеличиваются наши знания о различных формах первобытной терапии и появляется все больше надежных документов, психиатры начинают проявлять к ним все больший интерес. Например, Шарко интересовался проявлениями психопатологии среди популяций,

находящихся на первобытной ступени развития, и хотел сравнить их с психопатологическими проявлениями у своих истерических пациентов в Париже. Один из его помощников, Меж[6], собирал данные об одержимости дьяволом и его изгнании у туземцев Центральной Африки, а прибывшая в Париж жительница Африки, страдавшая тяжелой формой истерии, была осмотрена Шарко и помещена в его палату в больнице Сальпетриер[7]. В 1932 году Оскар Пфистер опубликовал статью, посвященную методу лечения шамана из индейского племени Навахо и пытался интерпретировать его метод в терминах психоанализа[8]. Подобные исследования были предприняты и другими психоаналитиками школы Фрейда и Юнга. На то, что многие понятия первобытной медицины проявляют большое сходство с некоторыми новейшими концепциями современной динамической психиатрии, указывал и антрополог Клод Леви-Стросс[9].

Утрата и возвращение души

Согласно древним поверьям, болезнь наступает тогда, когда душа человека самопроизвольно или случайно покидает тело человека, либо ее похищают злые духи (ghosts) или волшебники. Целитель находит утраченную душу и встраивает ее обратно в то тело, которому она изначально принадлежала.

Такая теория болезни нашла весьма широкое, хотя и не всеобщее распространение. Она превалирует среди наиболее первобытных популяций на земле, таких, как негроидные племена Малайского полуострова, пигмеи Филиппинских островов, туземцы Австралии и, вообще говоря, среди людей, народов, которых Гребнер и Шмидт называют Urkulturkreis. Однако эту же теорию болезни можно обнаружить и у представителей более развитых культур, в основном в Сибири, где подобная точка зрения на болезнь является самой распространенной. Она встречается также у жителей Северо-Западной Африки, Индонезии, Новой Гвинеи и Меланезии. Но даже если взять какую-то одну, конкретную область распространения данной теории, то можно обнаружить множество местных особенностей, касающихся не только понимания природы души, но и причин и участников (посредников) ее похищения, местопребывания похищенной души и способов избавления от конкретной болезни[10].

Эта теория болезни связана со специфическим понятием души, которое стало предметом исследования новаторской работы Тейлора[11]. Во время сна или обморочного состояния «душа», согласно представлениям этой теории, отделяется от тела. Во время снов и видений перед спящим предстают антропоморфные формы, отличающиеся от всего того, что

он видит в реальном мире. Эти два тезиса объединены представлением о том, что внутри человеческого тела заключено нечто вроде дубликата, призрачной души (ghost-soul), присутствие которой в теле необходимо для нормальной жизни; причем эта «призрачная душа» может временно покидать тело и блуждать по свету, особенно во время сна. По словам Фрэзера, «душа спящего блуждает отдельно от тела и посещает те места, встречается с теми людьми и совершает те действия, которые спящий видит во сне». Во время этих блужданий душа может столкнуться со всевозможными ситуациями и опасностями, описанными Фрэзером в его классическом труде «Золотая ветвь» в разделе «Табу и опасности для души»[12]. Душа, например, может заблудиться, получить увечья или отделиться от тела, если спящего внезапно будят в тот момент, когда она находится далеко от него. Душа может попасть под власть злых духов во время своих странствий и удерживаться ими, а может покинуть тело и в тот момент, когда человек бодрствует, особенно, если он находится в состоянии сильного испуга. И наконец, душа может быть насильственно отделена от тела духами, демонами или волшебниками.

Из вышеизложенного следует, что лечение болезни в этом случае состоит в обнаружении исчезнувшей души, возвращении ее назад и восстановлении в теле. Однако методы лечения, как и сама теория болезни, могут выступать в различных вариантах. Иногда утраченная душа остается в материальном мире, находясь от больного на большом расстоянии или поблизости от него, иногда она посещает мир мертвых или духов. Последнее представление встречается преимущественно у народов Сибири, где лечение может осуществляться только шаманом, то есть человеком, который в ходе долгой инициации получил доступ в мир духов и таким образом приобрел способность выступать в роли посредника между миром духов и миром людей. Русскими этнологами собран огромный материал по истории шаманизма. Один из них, Ксенофонтов, пишет:

> Когда человек «теряет свою душу», шаман с помощью особой техники входит в состояние экстаза или транса, во время которого его душа отправляется в страну духов. По утверждениям шаманов, они способны разыскать душу в потустороннем мире точно так же, как охотник выслеживает дичь в обычной жизни. Им часто приходится торговаться с духами, похитившими душу, пытаться умилостивить их и предлагать им дары. Иногда они вынуждены сражаться с духами, обычно опираясь на помощь других духов, которые стоят на их стороне. Даже если поиски души оказываются удачными, шаманам не следует забывать о том, что злые духи могут попытаться отомстить им. Как только шаману удается завладеть утраченной душой, он приносит ее назад и возвращает в лишенное души тело, достигая таким образом излечения от болезни[13].

В других частях мира целитель не совершает каких-либо далеких путешествий, у него нет необходимости и погружаться в состояние экстаза. Вся техника излечения состоит из простых манипуляций и различных магических пассов. Так, например, обстоит дело у индейского племени Кечуа в Перу. Подробным описанием методов излечения заболеваний при утрате души у этого племени мы обязаны доктору Федерико Саль-и-Розасу (Sal-y-Rosas)[14]. В период с 1935 по 1957 год Саль-и-Розас наблюдал в провинции Хуараз и соседних с ней областях 176 случаев Susto (испанское слово, означающее «испуг»). Сама болезнь, душа и излечение называются у индейцев Кечуа одним словом Jani. Саль-и-Розас подчеркивал, что Susto не является просто суеверием, это болезненное состояние, которое можно рассматривать как с научной, так и с антропологической точек зрения. Приводим краткое изложение описания этого явления, сделанного Саль-и-Розасом:

Индейцы племени Кечуа верят в то, что душа (или, возможно, какая-то ее часть) способна покидать тело как самопроизвольно, так и под воздействием какой-то силы. Причины заболевания Susto могут быть двоякого рода: это либо испуг, вызванный, например, ударом грома, видом разъяренного быка, змеи и т. д., либо влияние злых сил (в последнем случае испуг отсутствует и этот вариант заболевания носит название «Susto без Susto»). Среди враждебных сил, способных похитить душу, наиболее могущественной является земля. Индейцы Кечуа испытывают сильный страх перед некоторыми горными склонами и пещерами и особенно перед древними развалинами поселений инков. Наступает ли заболевание Susto в результате испуга или нет, это вопрос отдельный, но во всех случаях сила, которую следует попытаться умилостивить, — это земля.

Но как можно определить заболевание Susto, если его появление ни в какой степени не связано с испугом? Если человек теряет вес и энергию, становится раздражительным, беспокойно спит и видит во сне кошмары и, особенно, когда он впадает в состояние физической и умственной депрессии, называемой Michko, индейцы Кечуа считают, что он болен Susto. Тогда для выяснения диагноза приглашается curandera. Она растирает с головы до ног тело больного, используя для этой цели живую морскую свинку таким образом, что в конце процедуры животное умирает. Затем она снимает со свинки шкуру и, глядя на кровь животного, капающую в чашу с водой, и исходя из повреждений, которые она находит в его внутренних органах, ставит диагноз.

Сама церемония излечения начинается с обряда, называемого shokma, который также проводится curandera, — женщина произносит определенные заклинания, одновременно натирая все тело пациента смесью различных цветов и листьев и нескольких сортов муки, изготовленной из разных

видов зерна. Затем эта смесь собирается и передается целителю-мужчине, curioso, который должен выполнить основную часть обряда.

Curioso приходит в дом пациента в полночь, заворачивает полученную смесь в один из предметов одежды пациента и готовит его к принятию отсутствующей души. Затем он уходит, оставляя пациента в темном доме с открытой дверью. Удаляясь от дома, он постепенно высыпает смесь на землю так, чтобы образовалась белая линия, благодаря которой душа сможет найти путь назад, в то время как он сам отправляется либо на то место, где пациент испытал испуг, приведший его к потере души, либо в какое-то другое, вызывающее у его сородичей ужас место (например, старая могила или развалины крепости инков). Там, используя оставшуюся смесь, он делает на земле крест, становится в его центр и предлагает остаток смеси земле в качестве жертвы, которая должна умилостивить ее. Затем он торжественно призывает утраченную душу вернуться и повторяет свой призыв пять раз. По окончании пятого призыва он должен почувствовать специфический шум, показывающий присутствие души, после чего он может вернуться в дом пациента, следуя строго вдоль оставленной им белой линии. Пациент в это время должен спать, и целитель осторожно приподнимает одеяло у его ног, поскольку, считается, что именно через ноги душа возвращается в тело, при этом раздается особый шелест, слышный для целителя. Ожидается, что пациент в это время должен видеть во сне, как его душа возвращается в тело в виде усмиренного животного. После этого целитель покидает дом, либо через другую дверь, либо через ту же дверь, но шагая задом наперед. Родственникам больного не разрешается возвращаться домой до следующего утра, и, вернувшись, они обычно застают его излечившимся. Если исцеления не происходит, неудача приписывается тому, что пациент не находился в состоянии сна в тот момент, когда ему следовало это делать, либо какой-то другой погрешности в процедуре, и процесс повторяется еще раз.

Саль-и-Розас собрал статистику, основанную на результатах лечения 176 пациентов, в основном детей и подростков, страдающих Susto, которые были подвергнуты медицинскому осмотру. Было обнаружено, что эти пациенты принадлежат к двум различным группам: первая состояла из 64 эмоционально неустойчивых индивидов, страдающих ощущением постоянного беспокойства, депрессией, симптомами истерии и т. д. Вторая группа насчитывала 12 пациентов, подверженных физическим заболеваниям, таким как туберкулез, малярия, постдизентерийный колит, истощение, анемия и т. д.; при этом в каждом случае физические недомогания усугублялись эмоциональной неустойчивостью.

Изумление вызывает тот факт, что в большинстве случаев лечение оказывалось успешным. С достойной восхищения честностью Саль-и-Розас пишет: «Я лично наблюдал многочисленные случаи типично или нетипично протекающей болезни, в которых состояние больного в результате одной

или двух процедур Jani резко улучшалось или наступало его полное выздоровление... И этот успех достигался невежественным сельским curioso или женщиной-крестьянкой, с помощью примитивной туземной операции, в то время как образованные врачи, в том числе автор данной статьи, оказывались бессильны перед заболеванием Susto».

Потеря души, возможно, является самой странной из всех известных первобытных теорий болезни. Что еще может быть более отдаленным от наших принципов лечения, нежели восстановление у пациента утраченной им души? И тем не менее, если проигнорировать культурный фактор и попытаться вскрыть сущность рассматриваемых явлений, то можно найти некую общую основу в этих первобытных принципах лечения и используемых нами современных понятиях. Разве мы не говорим о наших страдающих психическими заболеваниями пациентах, что они «отчуждены от самих себя», что их эго исковеркано и разрушено? Разве нельзя считать современным последователем шаманов психотерапевта, который пытается помочь пациенту с тяжелой формой шизофрении тем, что он устанавливает контакт с теми сторонами его личности, которые еще не разрушены болезнью, и стремится восстановить его эго? Разве он не напоминает шамана, который отправлялся на поиски потерянной души в царство духов, вступал в борьбу с демонами, удерживающими ее, и приводил назад в мир живых?

Вторжение в организм болезнетворного объекта и его удаление

Эта теория утверждает, что болезнь вызывается присутствием в теле наносящего ему вред инородного тела, такого, как кость, камешек, деревянная щепка или мелкое животное. Среди некоторых народностей распространено убеждение, что заболевание вызывается не самим объектом, а содержащимся в нем особым веществом. В некоторых случаях считается, что вызывающий болезнь предмет проник в тело в результате выстрела, сделанного волшебником.

Эта теория болезни широко распространена в Америке (за исключением районов, заселенных восточными эскимосами), а также в Восточной Сибири, на юге Азии, в Австралии, Новой Зеландии и в некоторых других частях мира. Она оставила многочисленные следы в европейской народной медицине и фольклоре. Удивительным здесь является связь между теорией болезни и особым способом ее лечения: лекарь высасывает предмет, вызвавший болезнь, через рот пациента. Другие методы лечения, такие, как массаж, встречаются значительно реже.

Не вызывает сомнений то, что извлечение из тела пациента предмета, ставшего причиной болезни, является не более чем трюком, и это объясняет, почему некоторые европейцы, наблюдавшие подобную процедуру лечения, считали туземных лекарей шарлатанами и мошенниками. Однако не вызывает сомнений тот факт, что подобное лечение часто оказывается успешным. Отмечалось также, что у некоторых народностей предметами, вызывающими болезнь, оказываются такие объекты, которые никоим образом не могли быть оттуда извлечены. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, часто встречающейся в антропологии. Для того, чтобы понять смысл какого-то обычая или верования, необходимо рассматривать их в рамках социологической структуры данного общества. То же самое и здесь: мы не можем понять сущность такого метода лечения, не зная отношения туземцев к заболеванию и их веры в шамана и его методы лечения.

Для того чтобы пояснить эту точку зрения, мы приводим в сокращенном виде документ, опубликованный в 1930 году Францем Боасом. Это фрагмент автобиографии, рассказанной ему шаманом из племени Квакиутл и опубликованной на языке этого племени с переводом на английский язык[15]. Леви-Стросс придавал большое значение этому документу, представляющему огромный интерес с точки зрения сравнительной психотерапии[16]. Вот как рассказывает Боас о приключениях Кваселида, шамана племени Квакиутл, относящегося к группе индейских племен, населявших северную часть Тихоокеанского побережья Британской Колумбии:

> Рассказчик, индеец по имени Устраивающий Празднества (Giving-Potlatches-to-the-World*), сообщает о том, что он усомнился в силе шаманов и для того, чтобы выяснить правду, попытался добиться принятия в одну из их групп. Благодаря знакомству с двумя шаманами, он получает возможность наблюдать используемые ими методы лечения и процедуру извлечения предмета из тела больного. Церемонию проводит шаман по имени Приносящий Оживление (Making Alive), он ощупывает грудь пациента, затем смачивает себе рот и начинает сосать то место, где, как он определил, якобы гнездится болезнь. Через некоторое время шаман вынимает изо рта нечто, напоминающее окровавленного червя, заявляя, что он извлек «болезнь» из тела пациента, после чего он исполняет священную песнь. В конце церемонии шаман нажимает на свой желудок, вызывает у себя рвоту и находит в ней кусочек блестящего кварца, который он бросает высоко в воздух, заявляя при этом, что он выстрелил им в желудок Устраивающему Празднества. Такова церемония призыва в шаманы: рассказчику предлага-

* Потлач, ритуальное празднество с приношением даров (у американских индейцев). — *Прим. ред.*

ется стать шаманом, давая возможность выбора — принять это предложение или отказаться. Он решает принять предложение и вскоре после этого получает на тайном собрании шаманов первый урок шаманского искусства.

Рассчитанный на четыре года обучения курс этой школы включал в себя заучивание наизусть ряда магических песнопений, имеющих отношение к различным заболеваниям, методы «нащупывания» болезни (то есть пальпации тела, включая некоторые приемы акушерства), практические упражнения в симуляции обмороков, тремблинга, конвульсий, рвоты с кровью и усвоение некоторых терапевтических методов. Обучаемый узнает, как шаманы, перед тем как приступить к процедуре лечения, кладут себе за щеку горсточку орлиного пуха, смешивают его во рту с собственной кровью, получаемой либо в результате прокусывания языка, либо с помощью растирания десен, и вот, после исполнения большого количества ритуальных песен и различных манипуляций, шаман, с большими или меньшими усилиями, извлекает «болезнь» из тела пациента и показывает ее больному и его родственникам в виде окровавленного земляного червя. Обучаемому предстоит также узнать, что он должен притворяться, будто проводит ночь среди могил, его учат как пользоваться услугами «ясновидцев», то есть шпионов, которые незаметно собирают у пациентов информацию об их болезнях и тайно сообщают ее шаманам.

Рассказчик сообщает нам о своей первой процедуре исцеления, которую он провел над юношей по имени Владелец Пищи, внуком вождя. Пациенту приснился сон, будто новый кандидат в шаманы исцелил его от болезни; такой сон считался достаточным основанием для того, чтобы просить его заняться лечением пациента. Ученик использует метод окровавленного червя, и пациент заявляет, что излечился от болезни. Это большой успех для кандидата в шаманы, которому присваивается имя Квазелид, и с этих пор он пользуется репутацией великого шамана. Пациент излечился, «потому что он сильно верил в свой сон, в котором видел меня», заявляет рассказчик, но, по-видимому, после этого события он действительно начинает считать себя могущественным шаманом.

Во время визита Квазелида в соседнее племя Коскимо его приглашают присутствовать на церемонии излечения, проводимой дочерью вождя по имени Женщина, Созданная Для Приглашений. Квазелид замечает, что шаманы племени Коскимо пользуются несколько другой техникой: вместо того чтобы извлекать из тела пациента болезнь в виде окровавленного червя, они просто показывали ему немного слюны, заявляя, что это и есть его «заболевание». Таким образом, по мнению рассказчика, шаманы племени Коскимо являются большими мошенниками, нежели шаманы племени Квакиутл, которые, по крайней мере, способны предъявить больному нечто материальное. Но тут история принимает неожиданный оборот: шаманы Коскимо оказываются не в состоянии вылечить Женщину, Созданную Для

Приглашений. Квазелид просит разрешения попытаться использовать свой метод, извлекает и показывает пациентке ее предполагаемую «болезнь» (окровавленного червя), и пациентка заявляет, что излечилась. Шаманы племени Каскимо пристыжены, а сам Квазелид, вероятно, несколько удивлен, хотя оба метода являются обманом, один из них оказывается более эффективным, нежели другой.

Шаманы Коскимо приглашают Квазелида на тайное совещание, которое происходит в пещере у подножия холма в лесу. Один из шаманов, Великий Танец, приветствует Квазелида в дружественной манере и объясняет ему теорию болезни и метод лечения, применяемый шаманами его племени. Объектом заболевания, говорит он, является сам человек, и когда им удается захвать его душу, болезнь умирает и пациент поправляется, поэтому шаману нечего показать присутствующим при исцелении людям. Они просят Квазелида объяснить, каким образом болезнь оказывается у него в руках. Но Квазелид отказывается говорить, заявив, что он лишь недавно стал шаманом и что ему не позволено говорить об этом, пока он не закончит четырехлетний курс обучения. Шаманам Коскимо не удается заставить его говорить, несмотря на то, что они посылают к нему своих дочерей в надежде соблазнить его.

После того как Квазелид возвращается в деревню, один из старых шаманов, пользующийся авторитетом среди своих сородичей, вызывает его на соревнование в лечении нескольких пациентов. Квазелид видит, что старик использует другой трюк: он заявляет, что якобы заключает извлеченную им болезнь либо в обруч, который он носит на голове, либо в погремушку, имеющую форму птицы, и благодаря силе, содержащейся в болезни, эти предметы на некоторое время приобретают способность парить в воздухе. Среди пациентов есть женщина, которая сообщает, что старому шаману никогда не удавалось вылечить ее, и Квазелид, использовав на ней метод окровавленного червя, добивается ее выздоровления. В знак победы над старым шаманом он поет свою священную песнь и распределяет среди зрителей двести долларов, чтобы они запомнили его имя.

Старый шаман расстроен и посылает к Квазелиду свою дочь, чтобы она договорилась с ним о встрече. «Я умоляю тебя спасти мою жизнь, — говорит он ему, — чтобы я не умер от позора, ибо я стал посмешищем в глазах своих сородичей из-за того, что ты сделал со мной вчера». Он умоляет Квазелида раскрыть ему свой метод лечения, а тот требует, чтобы старый шаман показал ему свои трюки. Несмотря на то что шаман соглашается выполнять его требование и несмотря на мольбы старого шамана и его дочери, Квазелид отказывается открыть ему в свою очередь свои секреты. На следующее утро шаман и его семья исчезают, и вскоре появляются слухи о том, что он сошел с ума. Квазелид продолжает изучать трюки других шаманов, добавляя их к своему методу окровавленного червя, который приносит ему

новые терапевтические успехи. В конце повествования автор сообщает, что ему становится все труднее отличать «настоящих» шаманов от шарлатанов. Только в отношении одного шамана у него нет сомнений, что тот является «настоящим», поскольку он не принимает платы у своих пациентов, а также потому, что его никто никогда не видел смеющимся; все остальные, по его мнению, «лишь изображают из себя шаманов». С другой стороны, Квазелид сообщает о своих собственных успехах в лечении пациентов, явно предавая забвению тот факт, что он начал свою карьеру с намерения разоблачить трюки шаманов, которые он теперь успешно применяет сам.

Если мы отбросим, возможно, имеющиеся у рассказчика элементы мифомании, то эта история человека, который, сам того не желая, стал шаманом, может помочь нам лучше понять процесс такого лечения. Не подлежит сомнению, что высасывание «болезнетворного объекта» из тела больного является лишь частью тщательно разработанной церемонии, которая включает в себя другие обряды, такие, как песни и магические жесты, и требует помощи ассистентов (сопровождающих этот церемониал барабанным боем). Вся процедура лечения является тщательно подготовленной и хорошо продуманной. Она производится в присутствии мужчин, женщин и детей и достигает своей кульминации в драматический момент, когда шаман показывает болезнь в виде постороннего тела пациенту, его семье и присутствующим зрителям.

Но эта церемония, в свою очередь, может стать эффективной только на основе определенного психологического и социологического фона, который включает в себя: (1) веру шамана в свои собственные способности, даже если он знает, что часть проводимой им процедуры лечения основывается на шарлатанстве, (2) веру пациента в способность целителя излечить его, как это было описано в случае с первым пациентом Квазелида (успех и репутация целителя, разумеется, увеличивают веру в его способности), (3) само заболевание, метод излечения и личность целителя должны быть признаны данной социальной группой. Ведь шаман является одним из членов организации, имеющей свою систему подготовки, свои школы, свои строгие правила, свои места сборов, своих тайных агентов, и соперничающей с другими подобными организациями.

Для нас сама мысль о том, что можно лечить болезнь, извлекая ее из тела пациента в виде предмета, является неприемлемой, равно как и лечение с помощью возвращения потерянной души. Однако разве не является для цивилизованного пациента впечатляющим тот момент, когда ему демонстрируют «зримое воплощение» болезни, — когда, например, хирург показывает ему опухоль, которую он удалил, или зубной врач — вытащенный зуб, а врач-терапевт — изгнанного из организма ленточного червя?

Психиатр не может показать своему пациенту конкретный предмет, но если мы вспомним значение такого термина, как «трансферентный невроз», мы можем усмотреть здесь некоторое подобие материализации заболевания. Невроз, от которого страдает больной, заменяется «трансферентным неврозом», природу и происхождение которого врач объясняет пациенту и таким способом излечивает его от заболевания.

Одержимость злыми духами и экзорсизм

Согласно этой теории болезни, заболевание наступает в результате проникновения в тело пациента злых духов и «овладения им». Одержимость, однако, является более широким понятием, чем болезнь, поскольку известны многочисленные случаи искусственно производимой или церемониальной одержимости.

Одержимость злым духом как вид заболевания является достаточно распространенной, хотя и не повсеместной. По-видимому, она известна негроидным племенам Малайского полуострова, пигмеям, проживающим на Филиппинах, австралийским туземцам и т. д. Широкого распространения на американском континенте такого рода болезнь не получила. Центром ее распространения, вероятно, была западная часть Азии.

При наличии подобного заболевания могут использоваться — и в действительности использовались — три метода лечения. Первый состоял в попытке изгнать духа механическим способом, то есть через кровотечение, избивание или порку больного, а также посредством сна и с помощью запахов. Второй заключался в переводе духа из тела больного в другое живое существо, обычно животное (этот метод лечения может связываться с экзорсизмом). Третий метод лечения, гораздо более распространенный, чем первые два — экзорсизм, то есть изгнание духа с помощью заклинаний или других психических способов. Экзорсизм являлся одним из ведущих способов лечения в странах Средиземноморья и кое-где используется до сих пор; он представляет для нас особый интерес, поскольку это один из корней, из которых, говоря исторически, произросла современная динамическая психотерапия.

Одержимость и экзорсизм являются предметом обширных исследований, среди которых мы можем назвать классический труд Остеррайха, содержащий огромный, тщательно проанализированный материал[17]. Остеррайх подчеркивает, что одержимость, несмотря на наличие большого разнообразия признаков, неизменно проявляется в одних и тех же основных особенностях.

Человек внезапно утрачивает свою индивидуальность, как бы становясь другой личностью. Его внешний облик меняется и приобретает разительное сходство с индивидом, воплощением которого он, предпо-

ложительно, является. У такого человека изменяется голос, и высказывания, которые он делает, соответствуют личности этого нового индивида. Нередки случаи, когда он становится способным выполнять движения необычайные по масштабам и мощности. Обычно одержимость наступает в виде приступов различной степени частоты, длительности и интенсивности.

Имеется два различных вида одержимости — сомнамбулический и с ясным сознанием. При сомнамбулической одержимости индивид внезапно утрачивает осознание самого себя и говорит от лица предполагаемого пришельца, а придя в себя, он не помнит ничего относительно того, что говорил или делал «другой человек». В случаях одержимости с ясным сознанием индивид постоянно осознает себя как личность, но ощущает, что «внутри его духа находится другой дух», борется с ним, но временами не в состоянии помешать ему говорить. При обеих формах одержимость осознается как нечто вроде интрапсихического паразитизма: точно так же, как глист обитает в теле, паразитирующий дух способен жить в чьей-то душе. Католическая теология использует термин «одержимость» только по отношению к сомнамбулической форме, называя форму с сохранением сознания обсессией, словом, которое стало термином, используемым в психиатрии, хотя и с другим значением.

Вторым важным различием является то, которое существует между самопроизвольной и искусственной одержимостью. Самопроизвольная, спонтанная одержимость наступает сама собой, без ведома и против желания человека; это специфическое ментальное состояние, от которого пациент ищет избавления с помощью экзорсиста. Искусственная одержимость не является заболеванием, это добровольно практикуемая ментальная техника, используемая некоторыми индивидами для достижения определенных целей. Пифии Дельфийского Оракула в Древней Греции, сибирские шаманы наших времен и спириты западных цивилизованных стран культивируют искусственные типы одержимости, при которых припадок наступает по желанию индивида и заканчивается произвольно.

Третье основополагающее различие — это различие между явной и латентной, формой одержимости. Одержимость, будь она сомнамбулической или с ясным сознанием, считается явной, если внедрившийся дух способен разговаривать через рот одержимого индивида. Латентная форма — это форма, при которой пациент не осознает свою одержимость, он может страдать от умственного расстройства, невротических или физических нарушений месяцами или даже годами, не подозревая, что причиной его неприятностей является внедрение в него злого духа. В таких случаях первой задачей экзорсиста является выявление наличия

болезни, для чего он должен заставить злого духа заговорить, и только после этого производится процедура изгнания. Излечение, как правило, достигается легче, чем при явных формах одержимости. Процедуру, используемую для того, чтобы заставить злого духа обнаружить свое присутствие, можно сравнить с тем, что мы называем трансферентным неврозом, хотя в данном случае процесс является более драматическим и скоротечным: его эффект состоит в том, чтобы вызвать абреакцию и излечение больного от предшествующих невротических нарушений.

Экзорсизм является процессом, обратным одержимости и хорошо структурированным видом психотерапии. Его основными характеристиками могут служить следующие положения. Экзорсист обычно говорит не от своего собственного имени, а от имени вышестоящих сил. Он должен обнаруживать абсолютную веру как в эти вышестоящие силы, так и в собственные способности, равно как и в реальность одержимости и реальность вторгшегося духа. Он обращается к этому духу в торжественной манере, говоря от лица высших сил, которые он представляет. Он старается поддержать одержимого, подбодрить его, к вторгшемуся же духу обращается с угрозами и увещеваниями. Подготовка экзорсиста к процедуре изгнания духа является долгой и сложной и часто включает в себя чтение молитв и пост. Изгнание духа по возможности должно производиться в священном месте, в закрытом помещении и в присутствии очевидцев, хотя в то же время не рекомендуется делать его в присутствии многочисленной толпы любопытствующих зевак. Экзорсист должен вынудить духа заговорить, и после длительной дискуссии между ними иногда удается заключить сделку. Экзорсизм — это борьба между экзорсистом и внедрившимся в тело больного духом, которая может длиться в течение многих дней, недель, месяцев и даже лет, прежде чем будет достигнута полная победа. Нередки случаи, когда экзорсист терпит поражение, более того, он подвергается опасности заражения тем самым духом, от которого он только что освободил пациента.

Хотя основные черты одержимости и экзорсизма являются постоянными, существует большое разнообразие их видов в зависимости от страны и рассматриваемой эпохи.

В Японии одержимость часто проявляется в виде одержимости животным, чаще всего лисой, которая играет большую роль в японских суевериях и фольклоре. Ниже приводим краткое описание случая Kitsune-Tsuki (одержимости лисой), сделанное немецким терапевтом Фон Баэльцем.

Раздражительная и упрямая семнадцатилетняя девушка поправлялась после тяжелой формы сыпного тифа. Рядом с ней находились женщины, ее

родственницы, которые, по японскому обычаю, сидели или скорее стояли на коленях. Одна из них упомянула о том, что видела, как в дом проскользнула лиса, что считалось весьма зловещим предзнаменованием. После того, как больная услышала это, по ее телу пробежали судороги, и в этот момент совершился акт одержимости. Лиса вошла в ее тело и по нескольку раз в день разговаривала, находясь внутри. Вскоре она стала выполнять роль хозяйки больной, отчитывая и терроризируя бедную женщину.

Несколько недель спустя призвали известного экзорсиста из секты Ничирен, который попытался провести процесс экзорсизма, но не добился успеха. Лиса саркастически заявила, что она слишком умна для того, чтобы ее могли провести с помощью таких примитивных трюков. Однако она была согласна покинуть изможденное, больное тело добровольно, при условии, что ей устроят роскошную трапезу. Но как это можно было устроить? В определенный день кто-то из родственников должен был прийти в расположенный в 12 километрах Храм Лисы в 4 часа и принести с собой два горшка определенным образом приготовленного риса, жареных пирожков с бобами, большое количество жареных мышей и сырых овощей, то есть все то, что являлось излюбленными блюдами волшебных лис. Если все это будет выполнено, лиса в тот же момент покинет тело больной. Так и случилось. Ровно в 4 часа, в тот момент, когда все названные блюда были выставлены в указанном отдаленном храме, молодая женщина глубоко вздохнула и сказала: «Она ушла». Излечение от одержимости закончилось успешно[18].

Вышеприведенный рассказ представляет собой пример спонтанной, полной одержимости духом животного. Давайте рассмотрим культурный и социальный фон, на котором произошла эта история. Согласно традиционным японским поверьям, лиса наделена сверхъестественными способностями; считают, что она способна принимать любое обличье, оказывать услуги тем, кто поклоняется ей, чтобы защитить себя и отомстить врагам, а также захватывать тело человека против его воли. Согласно Киоши Нозаки, Kitsune-Tsuki в данный момент происходят только в определенных районах страны и исключительно с женщинами из нижних классов общества, обычно с нервными, сверхчувствительными особами, выросшими среди суеверных людей и ставшими свидетельницами подобных случаев[19]. Этому специфическому заболеванию соответствует определенный тип целителей. Жрецы из секты Ничирен считаются лучшими экзорсистами (возможно, потому, что они искренне верят в лису и ее сверхъестественные способности). Как и во многих других случаях экзорсизма, сделка здесь является неотъемлемым атрибутом процедуры изгнания духа: лиса соглашается покинуть тело, но только при получении определенной компенсации.

На Мадагаскаре существует вера в одержимость духом предков в виде церемониального культа Тромба[20]. Духи прежних королей или воинов вызываются в ходе ритуальной церемонии и вселяются временно в определенных людей, которые играют на этих церемониях роль медиумов. Затем происходит разговор «духов» с народом. Но может случиться так, что некоторых из зрителей внезапно одолевает одержимость, и нередко это является началом массового психоза. Спонтанная одержимость существует на Мадагаскаре и в другой форме, Bilo, специфика лечения которой будет описана ниже.

Культ Тромба можно сравнить с существующим на Гаити культом вуду, в котором одержимость духами Лоа часто связывается с духами древних героев или божеств вуду. Здесь также ритуальная одержимость временами служит причиной появления спонтанной одержимости весьма зловещего характера.

Одержимость богом — характерная черта некоторых религий. Фон Баэльц описывал паломничество в Японии в Минобу, главный храм секты Ничирен, где паломники часами сидят перед гигантскими статуями богов со свирепыми лицами, читая молитвы, бесчисленное количество раз повторяя одни и те же заклинания, раскачиваясь вперед и назад до тех пор, пока глаза статуи не оживают и не уставляются на них. В этот момент они ощущали, как в их тело входит змей или тигр, падали на пол в приступах конвульсий, и это означало, что они готовы для экзорцизма. Это примеры искусственной добровольной одержимости, но и здесь внушаемых зрителей могла также постигнуть недобровольная, спонтанная одержимость. Странные описания одержимости японскими богами были сделаны также Персивалем Лоуэллом, который считает эту ритуальную одержимость средством поддержания живых контактов с мифическими защитниками нации[21].

Совершенно иной вид одержимости представляет одержимость злыми духами, ужасное состояние, как правило, являющееся для одержимого клеймом позора. Обладание демонами на протяжении многих лет являлось частым явлением на Ближнем Востоке и в Европе, и интересно отметить, что его симптомы и ритуалы экзорсизма, принятые среди евреев, христиан и мусульман, являются во многом схожими. В Эфиопии и Египте встречается несколько иная форма одержимости, Zar, или одержимость Djinns, проявления которой будут описаны ниже.

На Ближнем Востоке и в Европе клинические проявления одержимости демонами могут быть троякого рода. Первый — это тяжелое психическое заболевание, обычно шизофрения, которое под давлением веры и традиции выливается в форму постоянной одержимости. Это явление было хорошо документировано Криссом и Криссом-Хейнрихом в их описании греческих святилищ и мест паломничества[22]. В монастыре

Св. Герасима на острове Цефалония, авторы встречали хронических пациентов с тяжелой формой психических заболеваний, которые были заключены там многие годы. Их руки и ноги были скованы цепями, и они находились в состоянии постоянного двигательного и вербального возбуждения. Когда в их присутствии совершался религиозный ритуал, их возбуждение возрастало, и они выкрикивали богохульства и непристойности (что можно понимать как отчаянную борьбу за власть между авторитетом церкви и желанием пациентов). Психически больного человека с помощью оказываемого на него давления можно заставить играть ту роль, которую ему приписывают связанные с его болезнью представления, установленные традицией и верованиями. В вышеупомянутом случае больных психозом заставляли верить, что они одержимы демонами, и действовали соответственно тому, что от них ожидалось. По словам Крисса и Крисса-Хейнриха:

> Это можно объяснить тем, что в юности данные пациенты получили четкие понятия о том, что собой представляет безумие, в результате чего эти понятия превратились для них в жизненную реальность, когда они сами стали добычей психического заболевания.

Как результат спонтанной ремиссии или же как следствие внушения, но весьма многие из этих пациентов действительно выздоровели, воспринимая свое выздоровление как результат победы церкви над «силами тьмы».

Вторая форма одержимости, иначе латентная одержимость, выявляемая с помощью предварительного экзорсизма, использовалась во многих местах для излечения физических и психических заболеваний. После того как наличие одержимости установлено, демон может быть изгнан с помощью второй процедуры экзорсизма, которая в то же время освобождает пациента от его болезни. Кноц, австрийский терапевт, практиковавший в начале века в Боснии в период, когда научная медицина в стране еще не существовала, сообщает о том, как каждый год в день Иоанна Святителя толпы паломников приходили в старую францисканскую часовню, где отцы церкви проводили весь вечер, выслушивая исповедь прихожан[23]. Утром 24 июня священники произносили ритуальные молитвы, и те паломники, у которых обнаруживались признаки одержимости, подвергались исцелению. Служители церкви таким образом оказывались в состоянии излечивать больных истерией женщин, которым официальная медицина помочь не могла. Тот же вид экзорсизма практиковался отцом Гаснером около 1775 года; историческое значение этого события будет освещено в главе 2.

Третья форма одержимости — полная спонтанная одержимость — считается сейчас более или менее тяжелой формой истерического невроза. В настоящее время она довольно часто встречается в некоторых районах Восточного Средиземноморья. Хартоколлис, посетивший Цефалонию в 1953 году, дает описание таких случаев, а также описание экзорсизма, некоторые черты которого кажутся достаточно удивительными[24]. Первой такой особенностью является внезапное усиление умственного расстройства в момент, когда экзорсист демонстрирует святые реликвии. Проявления психического расстройства могут усилиться до такой степени, что пациента приходится держать связанным на протяжении всей процедуры экзорсизма. Это явление объясняется жителями острова как выражение ярости демона, чувствующего свое скорое изгнание. (Выражаясь языком современной психотерапии, это явление можно было бы назвать сопротивлением и кратковременным трансферентным неврозом.) Жители Цефалонии также утверждают, что в тот момент, когда изгоняется демон, по каким-то непостижимым причинам на одном из деревьев ломается и падает ветка или в церкви вдруг разбивается оконное стекло, что также приписывается ярости изгоняемого демона. Чем коварнее и могущественнее демон, тем больше вероятность того, что при изгнании он проявит свою ярость подобным образом. Когда пациент выздоравливает, он не должен покидать остров, не сделав подарка монастырю. По словам Жане, это «акт завершения» процедуры, который поднимает пациента в собственных глазах. История западного мира на протяжении двадцати последних столетий изобилует рассказами об одержимости — как индивидуальной, так и групповой, иногда даже в форме эпидемии, — равно как и рассказами об экзорсизме. Роскофф[25] показал, что проявления одержимости, как и охота на ведьм, постепенно исчезали, частично благодаря влиянию идей Просвещения, развеявших веру в дьявола, так что даже в церковных кругах ему приписывалось все меньшее и меньшее значение. Неудивительно поэтому, что последние случаи одержимости и экзорсизма наблюдались именно в той среде, которая по той или иной причине сопротивлялась духу Просвещения: во-первых, среди традиционалистов, таких, как отец Гасснер (о котором пойдет разговор в главе 2), затем среди представителей романтизма — таких, например, как Жюстин Кернер, у которого проявления одержимости вызывали необычайный интерес, в-третьих, среди набожных людей, бешено сопротивлявшихся рационалистическому духу Просвещения, — власть тьмы была для них живой реальностью с которой христиане сталкиваются и с которой им приходится сражаться в каждый миг своего существования[26]. Продуктом такой среды был Иоган Кристоф Блумхардт (1805–1880).

Случай с Готтлебин Диттус и священником Блумхардтом — это типичный пример одержимости и экзорсизма, выполненного точно по модели тех очищений, которые проводились ранними представителями христианской церкви. Однако он произошел в середине девятнадцатого века и является, таким образом, примером первобытного лечения, проведенного в современную эпоху и в современном окружении. Более того, этот случай исключительно полно документирован и явился темой многочисленных исследований, как с точки зрения психиатрии, так и с точки зрения религии.

Этот знаменитый случай исцеления от одержимости произошел в небольшой деревне Меттлиген в Вюртембюрге в 1842–1843 годах вскоре после того, как Блумхардт был назначен туда пастором лютеранской церкви. Сначала мы кратко изложим рассказ о событиях в том виде, как их описал сам Блумхардт в своем официальном сообщении, которое он послал церковным властям.

Готтлебин Диттус, девушка двадцати восьми лет, еще в детстве лишилась родителей и проживала со старшим братом и сестрами, которые все были не замужем. Первое впечатление Блумхардта о ней в результате случайной встречи было неблагоприятным: ему показалось, что в ней есть что-то отталкивающее. В конце апреля 1842 года Блумхардту сообщили, что Готтлебин посещают видения, в которых она видит умершую за два года до этого женщину с ребенком на руках; ему сказали также, что дом, в котором проживают Готтлебин и ее родственники, посещает нечистая сила. Соседи слышали по ночам странные ужасающие звуки со стороны дома. Однажды местный врач и несколько свидетелей остались в доме на ночь и подтвердили эти слухи. Когда Блумхардта призвали к больной, он нашел ее в бессознательном состоянии, в котором она находилась уже целый день. По совету Блумхардта больную перенесли в дом ее двоюродной сестры, где она должна была оставаться некоторое время. После этого нечистая сила прекратила посещать ее дом, но у самой больной появились признаки одержимости, в том числе сильные конвульсии. Во время одного из визитов к ней Блумхардта выражение лица и голос больной внезапно изменились, и она заговорила голосом умершей женщины. Между пастором и духом умершей последовал драматический диалог. Она утверждала, что не может обрести покой в загробном мире и не может молиться, поскольку во время жизни умертвила двух малолетних детей и находится во власти дьявола. Блумхардт ни минуты не сомневался в том, что столкнулся с силами тьмы, и решил, что он примет вызов. Он постоянно навещал Готтлебин, состояние которой день ото дня ухудшалось. Вскоре она была одержима уже тремя демонами, потом семью и затем четырнадцатью! А затем ею владели уже сотни и тысячи демонов, которые изрыгали через ее рот самые

ужасные богохульства. По-видимому, побуждаемая демонами, Готтлебин раздавала удары людям, стоявшим рядом с ней, но она ни разу не ударила Блумхардта. Последний не устраивал никаких ритуалов, его оружием, в соответствии с Евангелием, были лишь молитва и пост. Однажды в феврале 1843 года Готтлебин рассказала, что во время ее последнего пребывания в бессознательном состоянии ее душа облетела вокруг земли и видела, как демоны вызвали землетрясение в какой-то далекой стране, которой, как установил по ее описанию Блумхардт, была Вест-Индия. Несколько дней спустя сообщение об этой катастрофе достигло деревни. Примерно в это же время у Готтлебин началась рвота, во время которой она изрыгала песок, кусочки стекла, гвозди, ногти и другие предметы. Она потеряла при этом огромное количество крови. Среди духов, которые разговаривали через нее, многие заявляли, что они являются жертвами нечистой силы, и просили Блумхардта дать им разрешение укрыться в его доме или в церкви, на что он после некоторых колебаний дал свое согласие, при условии, однако, что сначала их должен простить Иисус Христос. Готтлебин в это время уже находилась под влиянием Блумхардта и выполняла его указания. Окончательный кризис произошел во время Рождества 1843 года. Демоны предприняли отчаянную попытку победить. Не довольствуясь тем, что они мучили Готтлебин, они атаковали также ее брата и сестру Катарину; муки брата, однако, вскоре кончились — он быстро поправился. К этому времени демоны, по-видимому, утратили всякий интерес к Готтлебин. Катарина, однако, которую они до этого никогда не беспокоили, совершенно подпала под их власть и вела себя так же, как раньше вела себя Готтлебин во время самых ужасных приступов. Наконец 28 декабря 1843 года после отчаянной борьбы между Блумхардтом и нечистой силой, во время которой Катарина издавала ужасающие крики, в два часа ночи она воскликнула «Иисус победил!» В 8 часов следующего утра духи исчезли, и Катарина исцелилась. Власть тьмы закончилась, и Готтлебин освободилась от духов и демонов[27].

Этот случай станет более понятным, если принять во внимание окружение пациента и окружение целителя, а также ту конкретную социальную и культурную среду, в которой рассматриваемый инцидент имел место.

К сожалению, о том, в каком окружении росла Готтлебин Диттус, известно мало. В сообщении, написанном Блумхардтом, говорится, что она выросла в глубоко религиозной семье, члены которой в то же время были очень суеверны. Она рассказала Блумхардту, что вскоре после рождения она была дважды похищена невидимым духом, который оставил ее у двери, когда испуганная мать произнесла имя Христа. Это звучит довольно необычно, но в то время во многих сельских районах Европы была распространена вера в то, что новорожденных младенцев

часто воруют и подменяют феи, домовые или дьяволы[28]. Готтлебин рассказала ему также о своей тетке, которая, по ее словам, была ведьмой и пыталась заставить племянницу пойти по ее стопам. Одержимость и излечение Готтлебин, таким образом, могут рассматриваться как выражение культурного конфликта между церковью и суеверием.

О происхождении самого Иоганна Крентофа Блумхардта известно гораздо больше. Согласно сообщениям его биографов, он происходил из бедной и чрезвычайно набожной семьи[29]. С раннего детства ребенок обнаружил ярко выраженную склонность к религиозности (в возрасте двенадцати лет он уже дважды прочитал всю Библию). Проявляя необычайное усердие, он изучал теологию и служил в нескольких приходах, в то же время плодотворно работая над историей христианских миссий и другими связанными с этой темой вопросами. В июле 1838 года в возрасте тридцати трех лет он был назначен пастором в Меттлинген и в сентябре того же года женился. Блумхардт был всегда убежден, что дьявол представляет собой ужасную реальность, которая играет большую роль в человеческих делах. Некоторые из его идей могут показаться нам довольно странными. Он, например, считал, что раствор, используемый при строительстве пирамид, размешивался волшебниками, которым помогал дьявол. Он был также убежден, что причиной большинства болезней является грех, и неодобрительно относился к использованию лекарств, изготовленных из ядовитых растений. Он также считал, что использование болеутоляющих средств опасно для души[30]. Идеи такого рода, однако, были достаточно распространены среди романтически настроенных врачей и философов. С другой стороны, Блумхардт был несомненно чрезвычайно умным и образованным человеком, обладавшим большим мужеством и верой, достойной апостола.

Деревня Меттлинген расположена в отдаленной части Черного Леса, где процветали суеверия и вера в колдовство. Пастор Барт, который был предшественником Блумхардта, а также его духовником, пытался оживить религиозные чувства своих прихожан, но отнюдь не преуспел в этом[31]. Интересно отметить, что Готтлебин Диттус была одной из его любимых прихожанок. Назначение пастором Блумхардта было с радостью встречено населением. На протяжении его двухлетних попыток спасти душу несчастной женщины жители деревни с живым и неизменным интересом наблюдали за всеми перипетиями борьбы, и завершившее ее изгнание духов и демонов было воспринято ими как триумф всей общины.

Как непосредственный результат победы Блумхардта религиозное обновление, которого не сумел добиться пастор Барт, теперь превратилось в реальность. Прихожане один за другим приходили к Блумхардту для того, чтобы исповедоваться в грехах и получить его благословение.

В отчете, в котором он описывает это духовное возрождение, мы видим, как ужаснули его количество и тяжесть этих грехов, к которым добавились выполнение обрядов, связанных с суеверием, колдовство и контроль рождаемости[32]. Церковные авторитеты, однако, по-видимому, относились к Блумхардту с некоторым беспокойством и подозрительностью, и он подвергся яростной критике со стороны некоторых из своих коллег.

С самим Блумхардтом произошли большие изменения. Теперь он был человеком, который исключительно с помощью молитв и постов сумел выдержать длительную борьбу против сил тьмы и победил их с Божьей помощью. Слова «Иисус победил» стали его девизом. Он имел очень высокую репутацию и пользовался необычайным уважением среди жителей Меттлингена и соседних с ним деревень. Его осаждали толпы людей, желающих покаяться ему в своих грехах и получить облегчение силой его молитвы. Четыре года спустя друзья помогли ему приобрести дом в Бэд Болле, где он продолжал свою работу, проповедуя, излечивая больных и ведя обширную переписку. В этот момент в его доме появляется Готтлебин Диттус, которая становится его незаменимой помощницей, особенно в работе с душевнобольными. Комментируя этот факт, Виктор фон Вайцзэкер писал:

> Я думаю, что одним из самых замечательных примеров взаимодействия исцелителя и нуждающихся в помощи людей является длящаяся два года борьба старого Блумхардта с Готтлебин Диттус... С точки зрения современной психиатрии, можно считать, что эта женщина была подвержена тяжелейшей форме истерии. После двух лет не прекращающейся ни на минуту борьбы она стала одним из членов домашнего окружения Блумхардта... Такой исход означал победу Блумхардта над истерией и победу Готтлебин над Блумхардтом: он добился удаления демонов, а она — радости приобщения к жизни рядом с ним. Эта победа была компромиссом для обеих сторон, но в то же время и шагом к новому уровню существования...[33]

Несколько психиатров пытались интерпретировать излечение Готтлебин Диттус Блумхардтом в терминах современной психиатрии. Один из них, Микаэлис, пришел к выводу, что данный инцидент можно лишь частично трактовать в терминах психоанализа или других современных динамических доктрин и что здесь остается «трансцендентальный» аспект, который лежит вне современных учений и выше них[34].

Другой психиатр, Бенедетти, специализирующийся на психотерапии психозов, написал работу, в которой подчеркивал разительное сходство между вышеупомянутым излечением и психотерапией больных с тяжелой формой шизофрении. Он считает, что Блумхардт с по-

мощью интуиции более чем на столетие раньше других открыл принцип лечения таких больных. Приводим краткую выдержку из его работы:

> Первой реакцией Блумхардта были нерешительность и опасение, что явилось естественной прелюдией к пониманию всей серьезности ситуации. Основные усилия Блумхардта были направлены на самого себя (молитвы и пост), точно так же, как врач, собирающийся лечить больного психозом, должен прежде всего заняться собственным «контрпереносом». Затем он обращается к пациенту, который в первый раз положительно реагирует на его слова: это был тот момент, когда Готтлебин впервые согласилась повторить несколько слов молитвы, произнесенной Блумхардтом, и Блумхардт правильно понял, что это решающий момент, знаменующий начало исцеления. После этого Блумхардт смело бросается в демонический мир Готтлебин, точно так же, как современный психотерапевт исследует внутренний мир шизофренических фантазий своего пациента. Усиление признаков одержимости Бенедетти сравнивает с явным ухудшением состояния больного, которое является следствием его сопротивления. Пациент пытается одержать верх над психотерапевтом, который должен реагировать на это подавлением желаний пациента, и это как раз то, что делал Блумхардт. Блумхардт также проводил четкое различие между своим отношением к «виктимизируемым» духам и силам зла, точно так же, как психотерапевт тонко дифференцирует свое отношение к тому, что исходит от здоровой части сознания пациента, в то же время резко отрицательно относясь ко всем болезненным проявлениям. Острую психологическую проницательность Блумхардта доказывает то, что, хотя сопротивление пациентки принимало все более абсурдные, гротескные и отчаянные формы, он ставил ей свои условия, проверял состояние больной и отдавал ей приказы. (Здесь можно было бы добавить, что Блумхардт в полной мере использовал то, что экзистенциальные терапевты называют kairos, то есть произвольно выбирая момент для решительного вторжения в психику пациентки или принятия решений)[35].

Этот памятный случай исцеления от одержимости произошел в то время, когда во все сферы жизни проникал позитивистский и научный взгляд на вещи, и случаи одержимости нечистой силой становились чрезвычайно редкими. Однако вплоть до конца девятнадцатого века пациентов больных одержимостью госпитализировали в различные психиатрические лечебницы, в частности, в больницу Сальпетриер (Salpetriere) в Париже. Одного из пациентов этой больницы лечил Жане (в период 1890–1891 годов), и представляется интересным сравнить два различных подхода к лечению, примененные в этих двух случаях, которые отделяет друг от друга во времени всего полстолетия. В гла-

ве 6 мы узнаем, как Жане лечил своего пациента, не прибегая, впрочем, к экзорсизму, но раскрывая «фиксированную подсознательную идею», которая лежала в основе заболевания данного пациента, и переводя эту идею в его сознание.

Современным динамическим психотерапевтам трудно представить нечто более устаревшее в лечении психических заболеваний, нежели метод экзорсизма. Однако, как указал Бенедетти, можно найти некоторое сходство между методом экзорсизма и методами используемыми для лечения тяжелых форм шизофрении. Другое сравнение было проведено между экзорсизмом и методом короткой психотерапии Медера, необходимым условием использования которой является искреннее желание пациента получить помощь и при которой очень жесткие требования предъявляются по отношению к психотерапевту[36]. Дело здесь не просто в необходимости анализировать сбственный контрперенос, но и в том, чтобы работать, опираясь на свою собственную индивидуальность, развивая и поддерживая в себе искреннее желание помочь больному. Первый этап этого активного процесса — выражение пациентом просьбы о помощи («призыв о помощи»); психотерапевт реагирует на этот призыв, выражая свое желание и готовность помочь пациенту, и пытается активизировать его способности к самоизлечению. Больной отвечает на это, проецируя на психотерапевта «архетип Спасителя», постепенно активизируя способности своего организма к самоизлечению, хотя терапевту и приходится временами использовать специальные методы, чтобы вызвать реакцию пациента. Этот процесс в конце концов должен помочь пациенту обрести способность конструктивной любви, что, по мнению Медера, является залогом излечения.

Исцеление через исповедь

То, что тяжелое заболевание или внезапная психогенная смерть могут быть результатом нарушения табу, для многих народов, находящихся на низкой ступени развития, является не «теорией болезни», а реальным фактом, и это подтверждается многими компетентными свидетелями. Приведем в качестве примера сообщение миссионера во Французском Конго священника Греберта.

> В Самките у ученика по имени Онгюи внезапно начались судороги, и его перенесли в спальню, где он потерял сознание. Когда мы пришли посмотреть, что с ним, он лежал в окружении мальчиков; одни держали его за несгибающиеся руки и ноги, другие напрасно старались разжать его сжатые кулаки, рискуя сломать ему пальцы. Хотя они были испуганы, им не

пришло в голову удалить пену, от которой он задыхался. Маленькое тело мальчика изгибалось дугой, но вскоре вдруг расслабилось. Окружавшие его дети дали нам торопливые объяснения. «Он ел бананы, которые были приготовлены в кастрюле, использованной до этого для варки маниоки. Маниока для него eki, его дедушка и бабушка говорили ему, что, если он когда-либо съест, хоть немного маниоки, даже самую малость, — он умрет». Нарушение законов предков вызывает у них такой испуг, такой животный страх, такой коллапс организма, что жизненные силы быстро покидают тело. «Смотрите, — говорили мальчики, указывая на диафрагму больного, которая вздымалась, как будто под кожей было маленькое животное, стремящееся выйти наружу, — у него evur, который пришел в состояние возбуждения». Не было сомнения в том, что положение больного очень серьезно. Увы! Никакое лекарство не проходило через заблокированное горло. Бедный ребенок, лежавший без сознания, начал хрипеть. Один из туземцев побежал в соседнюю деревню, чтобы принести оттуда лекарство от evur, яйцо, смешанное с какими-то еще веществами. Мы тем временем сражались с асфиксией с помощью ритмичных нажатий на грудную клетку, но никак не могли вытащить его язык. Все было бесполезно. Перетруженное сердце не выдержало, и мальчик умер на наших руках[37].

Это один из трех подобных случаев, описанных Гребертом. Два из них закончились смертью пациента. В третьем случае больного удалось спасти с помощью европейских медикаментов, хотя и с величайшим трудом. Имеются сообщения о подобных случаях, имевших место в Уганде и Центральной Африке, и удивительно, что, хотя западная медицина здесь бессильна, туземный лекарь в такой ситуации оказывался в состоянии добиться быстрого и полного выздоровления больных, находящихся на грани смерти.

Подобные случаи психогенной смерти в результате нарушения племенных табу, наблюдались и в Полинезии, хотя характер протекания заболевания здесь отличается от описанного в Африке. Смерть здесь наступает в менее драматической манере, медленнее и спокойнее, больной перестает ходить, отказывается принимать пищу и через несколько дней умирает[38]. Важным здесь является не само нарушение табу, а то, что это нарушение разоблачается, становится достоянием всего племени и нарушитель подвергается осуждению своих соплеменников[39].

У многих первобытных народностей существует вера в то, что определенные заболевания являются результатом нарушения табу или других племенных законов. Однако существует бесчисленное множество разъяснений относительно природы таких заболеваний, возможностей излечения от них и рекомендуемых методов лечения. Покаяние в совер-

шенных грехах не везде является методом лечения, но, если оно принято, то часто выходит за рамки простого способа лечения болезни.

Подробный обзор данных, касающихся покаяния в грехах, был сделан Раффаэлом Петтаццони, который подчеркивал, что у первобытных народностей понятие «грех» равносильно понятию «нарушение табу»[40]. Различие делается только в отношении того, является ли это нарушение добровольным или нет; даже случайные события могут идентифицироваться с грехом, например, у племени Кикуа считается, что человек совершил грех, если на пути ему попадается змея определенного вида. Однако у ряда племен во внимание принимаются некоторые нарушения морали, особенно сексуального характера. Среди заболеваний, чаще всего считающихся следствием греха, — мучительные и долгие роды и бесплодие у женщин. Раскаяние в грехе у первобытных народов обычно является публичным. Сама процедура раскаяния часто сопровождается такими очистительными процедурами как омовение, рвота или кровотечение.

Ацтеки Древней Мексики, у которых двумя самыми тяжкими грехами считались супружеская измена и пьянство, обычно каялись в содеянном жрецу. Среди мицтеков было повсеместно принято в случае болезни прибегать к раскаянию в грехах, особенно если содеянными грехами были кража и преступления против собственности. В государстве инков раскаяние в грехах было всеобщим обычаем: назначались определенные дни для всеобщего покаяния жрецам, называемым ichuris. В церемонию входило обращение к богам, покаяние, за которым следовало чтение огромного списка грехов, проповедь и, наконец, раскаяние. Здесь также прибегали к раскаянию в случае болезни; отец каялся в своих грехах, когда болел его ребенок, а муж — когда заболевала его жена. Когда болел инка, каяться должны были все жители государства. Согласно сообщению Петтаццони, в Китае происходило обратное — в случае всенародного бедствия там каяться должен был император.

Понятие болезни как наказания за грехи преобладало и у семитских народов Древнего Востока. Грех там, очевидно, рассматривался как добровольно совершенное нарушение моральных и религиозных законов. Многие заболевания, в том числе психические, считались наказанием за грехи. И здесь признание грехов считалось средством получить облегчение или даже вылечиться.

Многие следы такого представления о болезни дожили до наших дней. До сих пор не исчезла народная вера в то, что «грех» мастурбации наказывается ужасными болезнями. Не желая пользоваться такими антинаучными понятиями, психиатрия решительно исключила из своего словаря слово «грех». Но современная динамическая психиатрия восстановила это понятие, если не в виде первоначального слова

«грех», то, по крайней мере, в виде понятия «чувство вины». Нельзя не учитывать патогенное действие чувства вины, равно как и терапевтическое воздействие раскаяния даже на физические заболевания. В этом отношении интересно приводимое ниже клиническое наблюдение Альденховена.

В больницу была доставлена сорокадвухлетняя женщина с пневмонией на пятый день заболевания, которое началось у нее в то время, как она находилась одна в своей неотапливаемой квартире. Ко времени поступления в больницу она была в критическом состоянии с признаками истощения, сильной одышкой, небольшим цианозом, ректальной температурой 40 °С. Рентген показал пневмонию верхней части левого легкого.

На следующий день ее состояние ухудшилось, несмотря на применение медикаментов (описываемое происходило еще до начала эры антибиотиков). В тот же вечер, шестой от начала заболевания, пульс едва прослушивался, хотя и достиг частоты 150 ударов в минуту, цианоз усилился и дыхание стало чрезвычайно поверхностным. Больная покрылась холодным потом, ее широко открытые глаза выражали страдание, и она неоднократно повторяла, что умирает.

Д-р Альденховен посетил ее этим вечером. В комнате присутствовала старый друг семьи пациентки. Альденховен приказал сделать больной кровопускание в объеме 180 куб. см и инъекцию камфоры. Он надеялся, что эти меры смогут хотя бы ненамного продлить жизнь больной, но знал, что они не смогут помешать ее постепенному угасанию, пульс и дыхание уже исчезали, взгляд терял осмысленность, голос был едва слышен. Врач сел у постели больной и сообщил ей, что утром приедет ее сестра, к которой та была очень привязана. Она едва слышно прошептала: «Я не доживу до утра... и это будет справедливым наказанием!» — «Наказанием? — спросил врач спокойно, — ну что ж, тогда вы не умрете. Мы позаботимся о том, чтобы вы понесли наказание здесь, а не в следующем мире».

Эти слова, произнесенные с большим внутренним убеждением, попали в точку. Больная почувствовала, что рядом человек, который ее понимает. Она попросила посетительницу покинуть комнату и рассказала врачу, что заболела пневмонией именно в том месте, где она изменила своему мужу (с которым она рассталась и который был военнопленным). И вот теперь болезнь и приближающаяся смерть стали для нее заслуженным наказанием. Сразу же после этого признания в клинической картине больной произошла разительная перемена: с ее лица исчезло выражение страдания, пульс усилился и стал ровнее, дыхание углубилось и стало более спокойным, цианоз исчез. Час-два спустя она настолько оправилась от болезни, что в хорошем настроении пила

утренний кофе. Дальнейшее выздоровление проходило без каких-либо помех[41].

Исцеление через исполнение желаний

Влияние несбывшихся желаний на этиологию заболеваний известно с незапамятных времен. «Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце, а исполнившееся желание — как древо жизни» (Книга Притчей Соломоновых, XIII, 12). Пословица Маори говорит: «Если в сердце человека — колодец разочарований, его посещают раздражительность и беспокойство»[42].

На протяжении многих столетий медицинские трактаты содержали описания двух факторов, которые в большой степени не учитываются сегодня, это тоска по дому и любовная истома. Первую, называемую также ностальгией, часто испытывали солдаты или другие люди, находящиеся вдали от родины, они скучали по дому, беспрестанно мечтали о нем, не могли ни на чем больше сосредоточиться и часто даже умирали, если не попадали домой, а если попадали, наступало быстрое чудесное исцеление[41]. Любовная истома наблюдалась у мужчин и женщин, страдающих от безнадежной любви. Они медленно угасали и в конце умирали, если им не удавалось соединиться с объектом своего чувства (которое часто держалось в тайне). Психиатрия девятнадцатого века исключила эти два состояния из своей нозологии, не придавая большого значения несбывшимся желаниям как психогенному фактору. Динамическая психиатрия вновь стала подчеркивать их значение, которое так хорошо понимала первобытная медицина в отдельные периоды своего существования.

Когда французские иезуиты начали в семнадцатом веке миссионерскую работу среди индейцев северо-восточного побережья Америки, их поразило то, какое значение гуроны и ирокезы придают исполнению личных желаний человека в том виде, в каком они отражаются в сновидениях. «Было бы жестокостью, если не убийством, не дать человеку то, что ему снится, ибо такой отказ может привести его к гибели», — писал один из отцов-иезуитов[44]. Считалось священным долгом дать человеку то, что он видел во сне или дать ему сделать то, что ему приснилось — тем более, если этот человек болен. Ничто не может спасти его, кроме исполнения желаний его сердца, выраженных в снах.

Один из иезуитских миссионеров, отец Рагюно, дает превосходное описание верований и обычаев гуронов в этом отношении[45]. Гуроны различали три причины заболеваний: естественные причины, колдовство, неисполнившиеся желания. Что касается неосуществившихся желаний, часть их инди-

виду известна, другие, называемые ondinnonk, ему не известны, но могут проявиться в его снах. Эти сны, однако, могут забыться, а есть желания, которые не появляются даже в снах. Прорицатели, называемые saokata, могли определить эти неосознанные желания, глядя, например, в кувшин, наполненный водой. Если пациент был смертельно болен, прорицатели заявляли, что его желания невозможно выполнить. Если же были шансы на выздоровление, они перечисляли то, чего якобы желал пациент, и организовывали «праздник снов». Среди членов племени проводился сбор подарков, и собранные предметы дарили во время пира с танцами и другими проявлениями общественного ликования. Вопрос о возвращении этих подарков дарителям никогда не ставился. Таким образом, пациент не только поправлялся от болезни, когда исполнялись его желания, но иногда и становился богатым человеком. С другой стороны, некоторые из дарителей могли, в свою очередь, тоже заболеть и увидеть во сне, что они тоже кое-что получили в качестве компенсации за свои расходы. «Праздник снов», таким образом, являлся одновременно средством излечения больного, общественным праздником и обменом собственностью.

В других работах отцы-иезуиты описывают «праздник снов» как приступ коллективного безумия, при котором больные перебегают от гостя к гостю и, крича и угрожая им, требуют, чтобы они угадывали их сны и давали им то одно, то другое, до тех пор пока не угадывался сон и не находился правильный ответ.

В этих описаниях встречаются случаи того, что можно было бы назвать символической реализацией. Одному из иезуитов случилось посетить общину племени ирокезов в день «праздника снов». Один из ирокезов хотел убить француза, однако, когда ему предложили сюртук француза, он охотно согласился на эту замену[46]. В другой истории рассказывается о молодой женщине, которая была тяжело больна. Одному из ее сородичей приснился сон о том, что она поправится, если ее родители устроят угощение, на котором пиршественный стол будет украшен двадцатью головами лосей, что было невозможно сделать в то время года. Однако толкователь снов проявил понимание ситуации, согласившись, что двадцать голов лосей можно заменить двадцатью буханками хлеба[47].

Этот вид терапии может показаться совершенно неприемлемым для нас: ну в самом деле, кому сейчас придет в голову лечить пациента, предоставляя ему то, что он хотел бы иметь? Тем не менее терапевтический эффект исполнения желаний, возможно, в наши дни недооценивается. Но здесь роль терапевта иногда может сыграть счастливый случай.

Историческим примером именно такой ситуации может служить эпизод из биографии Франсуа Мажենди (1778–1855). Занимаясь изучением

медицины в возрасте между двадцатью одним и двадцатью двумя годами, Мажենди жил в невероятной бедности и почти голодал. Он тяжело заболел, находился в состоянии депрессии и испытывал отвращение к жизни. В этот момент к нему неожиданно пришел нотариус и сообщил, что он унаследовал двадцать тысяч франков, что в то время составляло значительную сумму. Мажанди мгновенно излечился. Он завел конюшню с прекрасными лошадьми и породистыми собаками и начал вести столь экстравагантный образ жизни, что через год от его наследства не осталось ничего, кроме приятных воспоминаний. После этого Мажанди вернулся к своим занятиям медициной и позднее стал выдающимся физиологом.

Психодинамика этого случая становится понятной, если мы вспомним, что Мажанди происходил из очень зажиточной семьи, потерявшей свое состояние во времена Французской Революции. Его отец, последователь идей Руссо, дал ему весьма свободное воспитание. В результате юный Мажанди был одновременно склонен к фрустрации и нетерпим к ней. Его чистопородные лошади и собаки представляли для него то, чем «праздник снов» являлся для ирокезов[48].

Весьма вероятно, что исполнение несбывшихся желаний играет решающую роль в успехе экзорсизма и ряда других терапевтических процедур. Бруно Левин показал, что замена исполнения сексуальных желаний, возможно, объясняет успех египетской церемонии, называемой «Zar».

Церемония Zar совершается в Египте для лечения женщин из низших социальных классов, больных неврозом и истерией. Она организуется женщиной, которую называют kudya. Ей помогают еще три женщины, они поют, танцуют и играют на барабане и на тамбурине. Участие в церемонии принимают только женщины. После выполнения различных обрядов, в комнату вводят больную, облаченную в свадебный наряд. Производится жертвоприношение животного, в комнате жгут благовонья, больную раздевают и надевают на нее белую рубашку. Затем kudya начинает танцевать, как бы погружаясь в транс, ее движения постепенно становятся все более дикими, пока она наконец не падает на пол в изнеможении. Через некоторое время снова начинает звучать музыка, сначала это медленная и нежная мелодия, kudya призывает djinn, который, как полагают, является ее возлюбленным. Затем музыка и танец становятся снова дикими и kudya в трансе совершает оргастические движения, как бы отдаваясь воображаемому возлюбленному, а затем снова падает на пол, призывая прийти других djinns. Больная присоединяется к дикому танцу kudya, ее примеру следуют остальные, пока все они не начинают срывать с себя одежду и в трансе вступают в сексуальный контакт с djinn'ами. Д-р Левин констатирует, что эта церемония дейст-

вительно помогает многим пациенткам. Некоторые женщины приходят на Zar каждый месяц. Большинство из них фригидны и состоят в несчастливом браке, так что Zar дает им возможность получить сексуальное удовлетворение в единственной форме, которая им доступна[49].

Иногда неудовлетворенные желания не выступают в форме стремления к обладанию и не связаны с либидо, а представляют скорее попытки самореализации. Д-р Льюс Марс описывает параноидальные реакции, имеющие место у жителей Гаити среди активных и амбициозных индивидов, находящихся в состоянии стресса из-за все увеличивающихся трудностей и постоянно преследующих их неудач[50]. У таких людей появляется чувство, что их кто-то преследует, и они, в свою очередь, начинают вызывать раздражение у других и доставлять им неприятности. Реакция общины на такие ситуации выглядит весьма примечательной: пациента внимательно и сочувственно выслушивают и затем подыскивают для него работу, соответствующую его способностям. Проекция фрустрации пациента постепенно ослабевает и исчезает, и община снова принимает его в свои ряды.

Многие люди испытывают фрустрацию из-за того, что их жизнь является скучной и неинтересной, и из-за того, что они не получают должного внимания со стороны окружающих, в том числе и членов своей семьи. Некоторые описания обычаев жителей Мадагаскара позволяют предположить, что там имеются терапевтические процедуры, имеющие целью непосредственно удовлетворить вызывающие фрустрацию потребности людей. Ниже приводим два описания таких обычаев.

Ле Барбье описывает в своей работе Bilo (слово, которое одновременно означает саму болезнь, пациента и терапевтическую церемонию): Bilo говорит он, «это самая странная, непонятная, насыщенная образами болезнь, в то же время и самая легкая для излечения». Пациентами являются нервные, сверхчувствительные к шуму люди, неспособные оставаться в спокойном состоянии. Местный лекарь, или ombiasa, решает, в какой день состоится обряд «коронации». Героем церемонии является сам пациент, которого окружающие называют королем, в то время как члены его семьи составляют его «свиту», а остальные жители деревни — его подданных. В день церемонии пациента облачают в роскошные одежды и проявляют по отношению к нему всевозможные знаки уважения и почтительности. Дважды в день для него исполняются песни и танцы, к которым он может присоединиться, если пожелает. Эти празднества продолжаются в течение пятнадцати-двадцати дней, пока не наступит исцеление пациента. Затем приносят в жертву быка, крови которого должен отведать Bilo[51].

Еще одно описание, сделанное в другой провинции Мадагаскара, сообщает о том, что после пятнадцати дней песен и танцев процедура завершается «поднятием» Bilo. Воздвигается платформа примерно 2,5 метра в высоту, на которую помещают пациента, а у его ног ставится небольшая статуя. Затем совершается жертвоприношение, пациента омывают и приносят ему пищу, которую он съедает, сидя на возвышении[52].

Понятно, как должно раздуться (стать напыщенным) «эго» пациента (в разговорном значении этого слова), если его целых две недели называют королем и обращаются с ним соответствующим образом, а затем поднимают его на возвышение. Неудивительно, что во многих случаях лечение с помощью процедуры Bilo оказывается успешным[53]. В своем исследовании чудесных исцелений Жане подчеркивает, что многие из пациентов, которые таким образом излечились, были больны, потому что испытывали потребность общественного признания[54]. Чудесное исцеление для них было сопряжено с внезапным увеличением престижа и внимания со стороны окружающих.

Лечение с помощью церемонии

Одно из главных различий между современным лечением, проводимым на научной основе, и лечением первобытным состоит в том, что первое является частью повседневной жизни, в то время как последнее обычно осуществляется в виде церемонии. Это относится ко всем методам первобытного лечения, которые мы рассмотрели. В некоторых случаях создается впечатление, что церемонии в них являются не просто второстепенным элементом лечебной процедуры, но ее главным терапевтическим агентом.

Существует несколько видов церемониального лечения. Хокарт показал, что некоторые лечебные процедуры есть не что иное, как бывшие обряды посвящения (или части таких обрядов), которые ушли в прошлое как таковые, но приобрели новое значение как лечебные методы[55]. Иногда церемония лечения представляет собой нечто вроде восстановления вызвавшей болезнь (патогенной) травмы. Иногда это может быть проигрывание великих мифов племени, таких, как миф о сотворении мира или истории о богах[56]. Во многих церемониальных излечениях — с подобным проигрыванием или без него — пациента принимают в какую-то группу (например, в общество целителей у народности Зуни) или в социальную группировку, к которой он принадлежит: семью, клан, племя. И наконец, церемония может оказать эффективное воздействие на пациента просто благодаря красоте ее обрядов, великолепию костюмов, музыки и танцев.

Лечение через пере-разыгрывание (re-enactment) первоначальной травмы было описано у индейского племени Помо в Калифорнии. Фриленд сообщает, что у Помо имеется несколько различных видов целителей[57]. Один из них, доктор переодеваний (или поющий доктор), — единственный, кто имеет право использовать так называемый метод устрашения. Если происхождение заболевания неизвестно, его симптомы не ясны и болезнь является продолжительной, у целителя появляются подозрения, что она явилась результатом встречи пациента с одним из духов (о чем сам пациент может не помнить). В этом случае лекарь консультируется с членами семьи больного, чтобы выяснить, чем он занимался в момент возникновения болезни, и они вместе пытаются определить, с каким духом он мог повстречаться. Лекарь принимает решение как можно точнее воспроизвести происшедшее. Он может сам нарядиться духом или сконструировать изображение чудовища. Короче, воссоздается необходимая реальная обстановка, и эту сцену неожиданно показывают пациенту. Если при этом он демонстрирует симптомы ужасного страха, диагноз считается подтвержденным. Затем пациента обычными медицинскими методами выводят из состояния коллапса, в которое он впал в результате испытанных переживаний. После этого лекарь снимает свой костюм или уничтожает изображение духа на глазах у пациента для того, чтобы тот мог избавиться от своего чувства страха. Сообщается, что после такой процедуры быстро наступает выздоровление.

Один человек страдал от хронической болезни, которая не поддавалась никакому лечению. Его родственники помнили, что в тот день, когда он заболел, он охотился в горах. Лекарь предположил, что пациент повстречался у ручья с водяным чудовищем. Он создал изображение большой змеи, состоящее из нескольких соединенных между собой частей, змея имела длину шесть футов и ширину один фут и могла приводиться в движение с помощью привязанных к ней веревок, затем изображение чудовища было выкрашено в белый, красный и черный цвета. Когда пациент увидел устрашающее видение, его охватил такой страх, что он начал кидаться на стоящих вокруг него людей, и для того, чтобы удерживать его, прежде чем он не упал в конце концов в обморок, понадобилось шесть человек. После этого лекарь заставил его сильно пропотеть, затем вымыл его, дал напиться воды и рассказал ему о том, что его болезнь была вызвана встречей с водяным духом, который с тех пор его преследовал. Вскоре наступило выздоровление.

В другом случае женщина испытала среди ночи страшный испуг, после чего упала в обморок. «Поющий доктор», который случайно оказался неподалеку, решил, что больная увидела духа. Он быстро надел костюм духа и с помощью отца пациентки сильно напугал ее. Затем он успокоил боль-

ную, рассказав ей всю историю. На следующий день она чувствовала себя нормально.

Такие терапевтические процедуры можно было бы назвать либо психической шоковой терапией, либо психодрамой.

Более сложную процедуру можно было найти у племени Зуни, где прерогатива лечения была возложена не на одного человека, а на целую группу целителей, утверждавших, что они производят исцеление с помощью богов, покровительствующих их обществу. Считалось, что во время церемонии эти боги входят в тела целителей. Матильда Стивенсон дает нам подробное описание таких обществ и проводимых ими лечебных церемоний[58]. Эти церемонии у каждого общества разные, в зависимости от мифов о богах, которые им покровительствуют.

В качестве примера миссис Стивенсон описывает церемонию, совершенную одним из таких обществ с целью излечения ангины. Члены общества собрались на рассвете в комнате пациента. Пациент лежал на коврике на полу в центре комнаты, откинувшись на руки «отца братства». Три колдуна, одетые в маски и костюмы богов общества, спустились в комнату через крышу в сопровождении женщины-члена общества, несущей его символы и корзину со священной едой. «Боги» исполнили несколько танцев и обрядов вокруг пациента, оставляя на его теле линии, обозначенные пыльцой священных растений. Один из обрядов состоял в том, что пациент производил отхаркиванье через ротовое отверстие маски Великого Бога (которую ему давал один из колдунов и которую он позднее возвращал ему). Во время всей церемонии пел хор под аккомпанемент определенных инструментов. Совершив целую серию других обрядов, «боги» удалялись. После этого «отец братства» давал пациенту два пирога, из которых один он должен был съесть сам, а другой — отдать бродячей собаке, после чего члены общества удалялись на пир, приготовленный для них заранее членами семьи больного.

Такой метод лечения отличают следующие особенности. (1) Это коллективное лечение, организуемое и проводимое не одним человеком, а лечебным обществом. (2) Это психодрама, в которой участвуют три главных целителя, одетые в маски и костюмы трех богов, и в которой помогают остальные члены общества, в то время как пациент тоже исполняет в обрядах активную роль. (3) Это религиозная терапия, поскольку боги спускаются к больному и разыгрываются связанные с ними мифы. (4) Это также и «терапия красотой», благодаря великолепию песен, обрядов и костюмов. (5) Частично это излечение, достигаемое переносом болезни или зла другому существу (больное горло передается бродя-

чей собаке). (6) После выздоровления пациент обязан присоединиться к излечившему его обществу (этот обычай сейчас возрождается современной психотерапией: бывшие алкоголики часто вступают в общества трезвости, выпущенные на свободу пациенты психиатрических клиник объединяются в свои клубы)[59].

Еще более тщательно разработанный церемониал излечения можно видеть у индейцев племени навахо, известных прекрасными сотканными вручную тканями, великолепными картинами, которые они делают из цветного песка, и музыкой. Это племя обладает также хорошо развитой мифологией. Их церемониальные излечения, в отличие от подобных процедур, проводимых в племени Зуни, выполняются не медицинскими обществами, а под руководством одного лекаря. Ритуал настолько сложен, что у человека, исполняющего эти обязанности, уходит несколько лет на то, чтобы выучить наизусть одно из «Девятидневных песнопений», составляющих основную часть церемонии, во время которой разыгрываются мифы о сотворении мира и о пирах богов навахо.

Среди навахо часто имеют место случаи, когда человек впадает в состояние беспокойной депрессии, в результате плохого сна, иллюзии того, что он якобы видел духа или из-за страха, что он обидел священное животное. Пациент может чувствовать себя до такой степени больным, что иногда он добровольно идет на смерть в результате длительного голодания. В таких случаях своевременно назначенная церемония излечения, проведенная опытным целителем, может оказаться необычайно эффективной и вызвать быстрое выздоровление.

Замечательный пример такой церемонии наблюдала в 1928 году и сняла по нему фильм Лаура Адаме Армер. Священник Оскар Пфистер опубликовал об этом излечении статью с иллюстрациями и приложил к ней психоаналитический комментарий[60].

Пациенту, человеку примерно пятидесятилетнего возраста, приснился сон, что он видел своих детей мертвыми. Это до такой степени расстроило его, что он впал в тяжелую депрессию. Через несколько недель запросили совет астронома, который погрузился в транс, посмотрел на звезды и увидел медведя. После этого он сказал пациенту: «Ищи волшебника, который владеет Горным Заклинанием, ибо, если ты его не найдешь, тебя ожидает неминуемая смерть». Волшебника нашли, и он сказал пациенту: «Когда ты был ребенком, то видел больного или мертвого медведя, а может быть, твоя мать видела его перед твоим рождением. Это был священный медведь, и теперь тебе нужно найти способ умилостивить его».

Были выстроены две хижины — одна, «дом песен» или «медицинский вигвам», для пациента, вторая — для его жены и детей. Все собратья больного по клану пришли, чтобы помочь во время девятидневной церемонии

излечения, в то время как женщины помогали готовить и обслуживать участников. Пациент, целитель и остальные мужчины начали церемонию, совершив омовение в ручье и исполнив обряды очищения.

Песни, обряды и церемонии, выполняемые на протяжении девяти дней, настолько сложны, что пришлось бы написать целую книгу, чтобы описать хотя бы одну церемонию подробно. (Монография о Девятидневных Заклинаниях была опубликована Вашингтоном Мэтьюсом)[61]. Двенадцать мужчин собирались у медицинского вигвама на шестой, седьмой, восьмой и девятый день и под руководством целителя выполняли на земле прекрасные картины цветным песком. Эти рисунки одинаково замечательны как своими художественными достоинствами, так и мифологическим и символическим значением. Целитель, исполняя обряды, сопровождал их магическими жестами и песнями. Каждый день в конце церемонии картина уничтожалась, а оставшийся от нее цветной песок собирался и им посыпали пациента. В конце девятого дня около двух тысяч навахо — мужчин, женщин и детей — собрались вокруг членов семьи больного, чтобы пропеть заключительные песнопения Горного Заклинания, и церемония закончилась радостным обрядовым танцем. В этот момент пациент почувствовал, что излечился. Информация, полученная два года спустя, показала, что излечение было полным и никаких рецидивов болезни не последовало.

Комментируя это излечение, Оскар Пфистер предлагает психоаналитическую интерпретацию: медведь является символом отца. Будучи ребенком, пациент желал смерти своему отцу и теперь опасался, что его дети будут испытывать по отношению к нему те же чувства. Результатом этого явилось появление у него желания смерти детям, по поводу чего он испытывал чувство вины. Ему пришлось примириться с отцом с помощью двух мужчин, как бы символизирующих отца (астронома и целителя), а также всего рода и богов племени. В течение девятидневной церемонии он сначала был примирен со своей семьей и членами клана, затем с более обширной группой людей и, наконец, в последний вечер церемонии, со всем племенем. Все эти искупления и примирения проходили на бессознательном, символическом уровне.

Эта интерпретация может пролить некоторый свет на описанное излечение, однако его смысл и значение гораздо шире. Пфистер сам добавляет, что деятельное участие всех сочувствующих больному членов общины напоминает ему некоторые религиозные излечения, имевшие место в святых местах. К тому же во время целительных церемоний в племени навахо пациента не только примиряют с его племенем и богами, но это многоступенчатое примирение совершается через пере-разыгрывание космогонических и других священных мифов. Более того, навахо являются непревзойденными мастерами в плане поразительного

обилия высокохудожественных представлений, связанных с описанной церемонией лечения: все это — искусство, музыка, поэзия, танцы — «терапия красотой», не имеющая никаких аналогов в современной психотерапии.

Единственная параллель таким церемониальным излечениям, которую мы находим в западном мире, — это чудесные исцеления, происходящие в священных местах, многие из которых находятся в районе Средиземноморья. Одно из таких наиболее известных святых мест находится в Лурде, оно славится необычайной красотой пейзажа с бьющим из-под земли ключом и гротом, величием происходящих там религиозных ритуалов, великолепием процессий и «постоянными молитвами, которые читаются там день и ночь огромным количеством людей, так что сам воздух там, кажется, пронизан и заряжен молитвами»[62]. То, что, возможно, не так заметно, — это постепенное слияние паломников и больных в группы, принимающие все больший и больший размер. После серьезной индивидуальной подготовки к посещению святыни в месте своего проживания (исповедь, молитва, проповеди) пациент присоединяется к группе паломников из местного прихода. Несколько таких групп из приходов объединяются затем в более многочисленные группы из данного епископства, и начинается долгое и полное неудобств путешествие, которое, тем не менее, проходит в атмосфере радостного энтузиазма. Трехдневное пребывание в Лурде расписано и размерено с величайшей точностью, пациент оказывается в огромной толпе, но при этом не чувствует себя потерянным и постоянно ощущает заботу окружающих. Каждый приход, каждое епископство и каждая национальная группа сохраняют свою индивидуальность. Но в момент кульминации религиозных церемоний все эти различия смываются, и паломник ощущает себя частицей бесчисленного множества людей, частью единой огромной души, переполненной религиозным экстазом. Есть сообщения, что многие излечения происходят именно в этот кульминационный момент, точно так же, как это произошло в последний день Девятидневных Песнопений с пациентом, описанным Стивенсон.

Лечение с помощью инкубации

Методы первобытной терапии часто столь тесно связаны друг с другом, что их нелегко классифицировать. Это относится, например, к инкубации, которую можно было бы причислить к другим типам церемониального лечения, поскольку инкубации как таковой предшествуют и следуют за ней различные обряды и церемонии. Тем не менее представляется целесообразным описать ее отдельно, поскольку она являлась главным терапевтическим агентом.

Само слово «инкубация» означает «лежание на земле», поскольку пациент, подвергаясь подобной процедуре, должен был провести ночь в пещере, лежа на земле. В это время ему, по предположению, и мог присниться сон, который, собственно, и наделялся исцеляющей силой.

Этот тип терапии, по-видимому, достиг совершенства в Древней Греции в Асклепии или храмах Асклепия (Эскулапа), одного из богов медицины. Но происхождение этого способа лечения, вероятно, гораздо более древнее. В древние времена инкубация, очевидно, проводилась в священной пещере (которую позднее заменил подземный зал в Асклепии). Имеются и другие свидетельства использования пещер в магически-религиозных целях, такие, как оракул Трафония в Древней Греции[63]. Те, кто его посещал, должны были пройти специальную подготовку, включая питье воды из «Фонтана Забвения» и «Фонтана Памяти». В пещере у них были устрашающие видения, так что, выходя из пещеры, они находились в состоянии панического страха. Затем жрецы помещали их в «Кресло Памяти», сидя в котором они могли вспомнить все, что видели. Тот же ужас окружал и мистические церемонии в Асклепии, при которых проводились столь же тщательные приготовления, те же мистические подземные происшествия и то же ожидание приема оракула — в Асклепии лечащего оракула в виде сна.

Среди многих Асклепий, о которых у нас сохранились источники, наиболее известными были Асклепий Эпидавра, Пергамона и Коса[64]. Храм Асклепия был важным институтом, как мы знаем из описаний древних авторов, а также из современных археологических исследований. В эти священные места в поисках исцеления приходили люди из самых отдаленных мест. К сожалению, о методах лечения, применяемых в них, нам многое неизвестно, например, мы не знаем ни значения, ни целей использования круглого лабиринта, толоса, который был обнаружен в развалинах нескольких Асклепий.

Можно предположить, что и прекрасное месторасположение многих Асклепий, и путешествие, совершаемое теми, кто хотел попасть в них, и ожидание, и слухи о чудесных исцелениях, все это оказывало влияние на пациента. Прежде чем его допускали в святилище, он проходил специальную подготовку, очищение, которое включало в себя воздержание от пищи, питье воды из священных фонтанов и другие обряды. Кульминацией лечения являлась инкубация, то есть сон в святилище. Пациента облачали в специальный наряд, украшенный пурпурными полосами, иногда он носил на голове корону. Священным убежищем, где он должен был провести ночь, было специальное подземное помещение, называемое «abaton». Стены этого помещения были покрыты надписями, рассказывавшими о чудесах, которые здесь произошли. В древние времена пациент должен был лежать на

земле, позднее — на кушетке, называемой «kline». В отличие от кушетки современного психоаналитика, kline предназначалась для сна и сновидений. В течение ночи, проведенной пациентом в абатоне, он мог видеть видения, принять оракула или увидеть сон.

Увидеть «видение» означало, что пациент, все еще находясь в состоянии бодрствования, видел фигуру бога, преимущественно Асклепия, который оставался бессловесным или приносил послание, или же пациент мог слышать голоса, чувствовать дуновение ветра, а также видеть ослепительный свет. Эти явления широко обсуждались в современной литературе и получили различные объяснения, такие, как действие сильных наркотических препаратов, гипноз или мошенничество жрецов. «Принять оракула» означало, что пациент видит сон, во время которого ему даются указания богом или жрецом. «Видение во сне» подразумевало сон, в котором пациент получал предсказание события из ближайшего будущего. Термин «сон как таковой» применялся для обозначения особого вида сна, который сам по себе должен был излечить больного. Это не был сон, который требовал специального толкования, имеющего целью раскрыть смысл совета, который в нем содержался, — пациент просто спал и, проснувшись, обнаруживал, что болезнь исчезла. Очевидно, это был вид терапии, не имеющий аналогов в медицине нашего времени и заслуживающий большего внимания. Изучая подобные явления, психоаналитик юнгианского направления К.А. Мейер упоминает тот факт, что подобное понятие было выражено Кайзером, учеником Месмера: «Там, где внутреннее ощущение болезни персонифицируется и выражается в символах, может иметь место исцеление»[65].

Лечение с помощью гипноза

В какой степени гипноз применялся или продолжает применяться с терапевтическими целями в первобытной медицине, все еще остается спорным, несмотря на большое количество собранных данных[66]. Гипнотические или полугипнотические состояния, несомненно, часто имели место у пациентов во время многих процедур первобытного лечения. В описании собственных ощущений, испытанных им во время пребывания в Гвиане, Бастиан четко констатирует тот факт, что он впал в приятное состояние, напоминающее гипнотическое. Неизвестно, однако, до какой степени гипнотическое состояние в таких случаях является результатом сознательных действий целителя или же оно, скорее, представляет собой побочный эффект, сопровождающий данную процедуру.

Не вызывает сомнения также и то, что определенные целители способны сознательно и целенаправленно пользоваться гипнозом, как это видно в обрядах, окружающих инициацию австралийских лекарей. Этим, возможно, объясняются рассказы целителей о фантастических

способностях, которыми они, якобы, были наделены. Подробные описания совпадают по всему континенту, даже в самых отдаленных районах. Как сообщает Элкин, австралийские лекари единодушно заявляют о том, что во время финальной инициации их тела открывались, из них вынимались внутренние органы и заменялись другими, при этом швы заживали, не оставляя никаких следов[67]. Он пишет также о том, что эти лекари способны вызывать коллективные галлюцинации, такие, как видение магической веревки. Сообщения Элкина подтверждает Р. Росс, исследователь, получивший подготовку в парапсихологии[68]. Эти галлюцинации удивительно похожи на галлюцинации, производимые жителями Тибета, из чего Элкин делает вывод о том, что тайные знания австралийцев и тибетцев происходят из одного источника. Хотя эти факты, по-видимому, указывают на то, что древние целители знали гипноз, это вовсе не означает, что они сознательно использовали его в терапевтических целях. Пример использования гипноза, который ближе всего напоминает современную гипнотическую процедуру, был обнаружен в документе из египетского папируса, датируемого третьим веком нашей эры и опубликованного Бругшем[69]. В нем рассказывается о том, как в гипнотическое состояние с помощью фиксации светящегося объекта был погружен подросток и что он, находясь в состоянии транса, якобы и видел, и слышал. Но и здесь гипноз использован лишь как средство получения предсказаний, а не в терапевтических целях. Высказывались мнения и о том, что как устрашающие видения в пещере Трофония, так и исцеляющие видения в Асклепии носили гипнотический характер, однако, информации, которая подтвердила бы эти предположения, недостаточно.

Лечение с помощью магии

Многие из лечебных процедур, которые мы рассмотрели, можно было бы назвать магическими или содержащими определенные магические элементы; но магия занимает область гораздо более обширную, чем медицина.

Магию лучше всего определить как неадекватную технику властвования человеком над силами природы, предвосхитившую — в ложном аспекте — появление научного знания[70, 71]. Используя свою псевдотехнику, маг пытается достичь того, что современный человек способен достичь с помощью адекватных научных средств. Но в то время как наука «нейтральна» и может одинаково применяться как для достижения добрых целей, так и в целях зла, магия обычно четко делится на «плохую» и «хорошую» («черную» и «белую»). Первая, как считают, может вызывать болезни, а последняя их излечивает.

Магия описывалась также как система, в которой черты социальной жизни неправомерным образом спроецированы на материальный мир[72]. Игнорируя абстрактные, постоянно действующие и безличные законы природы, магия подменяет их системой правил, подобных правилам общественной жизни. Маг обращается к силам природы с заклинаниями и магическими формулами, образованными по модели социальных требований и правил. Магические обряды строятся по модели общественных церемоний. Именно таким образом маг якобы способен влиять на природные факторы, такие, как погода, плодовитость животных и обилие урожаев, а также вызывать болезни и излечивать их.

Обычаи первобытной медицины, называемой магией, составляют разнородную группу, которую можно разделить на следующие подгруппы:

1. Рациональное (хотя и завуалированное) использование эффективных лекарственных средств и ядов, применение многих магических веществ, действующих по принципу плацебо.

2. Эпизодическое использование парапсихологических способностей, таких, как ясновидение и телепатия.

3. Использование в ряде случаев гипнотических состояний.

4. Несомненное широкое применение мошеннических и шарлатанских трюков.

5. Использование внушения, являющегося, возможно, самым важным средством в практике магии.

Любая магическая процедура на самом деле, возможно, достигает цели в силу того, что человек, который ей подвергается, верит в ее эффективность; маг верит в свои магические способности, вся община верит в существование и эффективность магии, поскольку искусство магии ощущается как необходимое для социальной сплоченности общества[73].

Вера в магию присуща всем находящимся на низкой ступени развития народностям. Она сохранялась и среди цивилизованных народов (чаще всего под названием колдовства) вплоть до недавних времен, отступив только под давлением науки. Сила, если не сказать могущество, приписываемое магии среди первобытных народностей, выражается в широко распространенной вере в то, что с помощью магии можно убить человека, а с помощью контрмагии можно даже в последний момент спасти его. Это на самом деле больше, чем просто суеверие, и имеется много надежных сообщений о том, что такие случаи имели место в некоторых районах земного шара, таких, как Австралия и Меланезия.

Так, имеется сделанное Х. Басидоу описание того, как в центральных районах Австралии человека могут убить с помощью «указующей палки» или «указующей кости» в соединении с определенными обряда-

ми и заклинаниями. Смерть жертвы при этом наступает через несколько часов.

> Человек, знающий о том, что кто-то из врагов сделал его целью «указующей кости», представляет собой жалкое зрелище. У него обезумевший вид, взгляд не отрываясь следит за предательской стрелкой, руки подняты как бы для того, чтобы отразить удар невидимого оружия, которое, как ему кажется, проникает в его тело. Его щеки бледны, глаза имеют стеклянный блеск, а черты лица искажены, как у больного параличом. Он пытается кричать, но звуки застревают у него в горле, а на губах выступает пена. Тело его начинает дрожать, а мышцы непроизвольно подергиваются. Он откидывается назад и падает на землю, и некоторое время кажется, что он в обмороке, но вскоре он начинает извиваться как бы в смертельной агонии и, закрыв лицо руками, начинает стонать. Через некоторое время он, собрав свои последние силы, ползет к своей хижине. С этого времени болезнь овладевает им, он находится в состоянии депрессии, отказываясь от пищи, и не принимает никакого участия в повседневных делах племени. И если вдруг не подоспеет помощь в виде контрзаклятия, производимого Нангарри или лекарем, его смерть — дело сравнительно непродолжительного времени[74].

Нангарри, призванный к постели больного, позволяет многочисленным родственникам больного находиться в том же помещении. Он произносит магические заклинания, устанавливает предполагаемое местонахождение зла в теле больного, извлекает его, высасывая ртом, и показывает его членам семьи.

> Эффект, производимый этой процедурой, поразителен. Несчастный, только что пребывавший на пороге смерти, поднимает голову и изумленно взирает на предмет в руке Нангарри, который, как он серьезно полагает, был извлечен из его тела. Удовлетворенный вещественностью этого доказательства своего освобождения от болезни, он приподнимается в сидячее положение и просит дать ему воды. Кризис миновал, больной быстро поправляется и вскоре достигает полного выздоровления. Если бы не вмешательство Нангарри, человек, ставший жертвой заклятия, наверняка умер бы в конце концов от депрессии, но вид конкретного предмета, который, как утверждают признанные авторитеты племени, есть причина его болезни, является для него символом его выздоровления, и удаление предмета — «причины болезни» — знаменует собой начало новой жизни. Непоколебимая вера, испытываемая туземцем по отношению к магическим силам туземного лекаря, приводит к исцелениям, превосходящим все, что когда-либо было известно о достижениях, опирающихся на веру целителей более высокоразвитых цивилизаций[75].

Такие примеры позволяют нам понять значение магической медицины. Если колдун способен, используя коллективное внушение, вызвать острую психогенную смерть своей жертвы, а затем вырвать его из объятий смерти, то он в состоянии вызывать и большое количество симптомов или заболеваний и затем излечивать их. Он также получает возможность лечить многих больных людей, которые просто верят или подозревают, что они стали жертвами магии. В таких случаях магический процесс получает дальнейшее развитие: определение того, является ли человек жертвой колдовства, и, если да, то выяснение, кто за этим стоит. Последнее обычно поручается специалисту-прорицателю.

Лечение с помощью магии, таким образом, можно разделить на две основные процедуры. Первая из них — контрмагия. Заболевание, которое, как считают, вызвано черной магией, излечивается устранением причины болезни. Последнее подразумевает либо убийство предполагаемого волшебника, либо противостояние его колдовству. Еще одно применение контрмагии — это предотвращение магических действий с помощью талисманов или других средств. Вторая процедура — прямое применение магии для лечения заболеваний, не являющихся результатом магических действий.

Существуют многочисленные типы волшебников и бесчисленное множество магических и контрмагических процедур. Отголоски многих из них до сих пор существуют в народной медицине цивилизованных стран. Систематическое изучение магической медицины без сомнения поможет нам лучше понять психические явления, которые мы называем внушением и самовнушением.

Рациональные терапии в первобытной медицине

Слишком часто утверждается, что первобытная медицина принадлежит области иррационального и фантастического. Мы не должны забывать, что целитель имеет дело прежде всего с тяжелыми и экстраординарными заболеваниями и что обычно существуют другие люди, которых можно назвать светскими целителями и которые занимаются менее серьезными заболеваниями или заболеваниями определенно органического и физического происхождения. Как показал Бартельс, первобытная медицина во многом представляет собой предшественницу эмпирической медицины, такой, как использование ванн и парилок, массажа, элементарной хирургии и лекарств. Хорошо известно, что современная фармакопия переняла большое количество своих наиболее эффективных препаратов у первобытной медицины. У некоторых народностей этот тип рациональной и эмпирической терапии достиг

более высокого уровня, чем у других. Одним из лучших исследований рациональной первобытной медицины является работа Д.В. Харли, проведшего некоторое время среди туземцев племени Мано в Либене[76]. Он перечисляет около сотни заболеваний, из которых только пятнадцать подлежат лечению магическими или иррациональными методами. Целители этого племени используют более двухсот растений в виде вливаний, отваров и в других формах.

Р.В. Фэлкин, молодой врач, который занимался миссионерской деятельностью в Уганде в 1884 году, опубликовал сообщение, что он был свидетелем того, как в Катуре, бывшей тогда частью королевства Буниоро, в 1879 году было сделано кесарево сечение[77]. К этому сообщению многие отнеслись с недоверием. Однако недавние исследования показали, что медицина в королевстве Буниоро могла гордиться и другими высокими достижениями. Как утверждал Дэвис, некоторые местные талантливые специалисты, кажется, «перешли Рубикон, который отделяет магический мир от мира, в котором царит экспериментальная наука»[78].

Что касается лечения психических заболеваний, то же самое можно было бы сказать и о методах, используемых местным целителем в Лапландии, описанным в работе Д. Квистада[79]. Для больных психическими заболеваниями он предписывал общие жизненные правила: воздерживаться от употребления алкогольных напитков, табака и кофе, рано вставать и рано ложиться спать, постоянно заниматься работой, хотя и не тяжелой. Кто-то должен постоянно наблюдать за таким пациентом, но так, чтобы он при этом не чувствовал, что находится под наблюдением. Пациент должен не принимать никаких лекарств, но дважды в день купаться — в морской воде утром и в пресной — вечером. Если пациент становится агрессивным, его нельзя связывать, а лучше устроить в помещении, из которого удалены все предметы, способные нанести ему потенциальный ущерб. Если пациент на кого-то нападает, его следует шлепать по обнаженному телу веткой с оборванными листьями, разговаривать с ним резко и не выказывать страха. Известно, что этот лапландский целитель вылечил многих пациентов с психическими нарушениями.

Основные характеристики первобытного лечения

До сих пор мы рассматривали основные методы первобытного лечения и указывали на определенное сходство между некоторыми из них и современными психотерапевтическими методами. Не следует преуменьшать различия между первобытным лечением и современной

психотерапией, как не следует упускать и тот факт, что в бесчисленном разнообразии методов первобытного лечения можно распознать определенные основополагающие черты.

Первобытный целитель играет в своей общине гораздо более существенную роль, чем та, которую играют врачи сегодня. Сигерист пишет: «Назвать целителя предшественником современного врача — это значит оскорбить его. Да, он, конечно же, им является, но является и еще чем-то гораздо большим; можно сказать, что он является предшественником большинства наших профессий»[80]. Он занимается не только проблемами благосостояния своего племени (начиная с того, что он вызывает дождь и кончая обеспечением победы в войне), но часто является волшебником, вызывающим у окружающих трепет, иногда бардом, который знает, как создавался мир, и историю своего племени. Еще задолго до того, как появилось разделение труда, лекарь был единственным человеком, обладающим профессиональным статусом, наряду с вождем и жрецом, а иногда он совмещал все эти три должности. Чаще, однако, различные функции целителя были разделены между несколькими людьми. У некоторых племен существовало несколько классов целителей: возможно, у них были шаманы, которые пользовались высочайшей репутацией и занимались только лечением болезней, вызванных потерей души, в то время как лечением обычных физических заболеваний занимались целители более низкого разряда.

При наличии заболевания, особенно тяжелого и опасного, пациент возлагает больше надежды и больше доверяет личности целителя, нежели лекарствам и другим способам лечения. Отсюда следует, что главным агентом излечения является сама личность целителя, помимо необходимых для него навыков лечения и знаний. Медер различает три типа первобытного целителя: первый можно было бы назвать светским целителем, то есть целителем, который лечит рациональными или претендующими на рациональность методами. Второй — это колдун, который действует, используя свой авторитет и внушение. Третий — это религиозный целитель, на которого, как говорит Медер, пациент проецирует «архетип Спасителя», в то время как целитель пробуждает и развивает собственные способности пациента к самоизлечению[81].

Первобытный целитель — это весьма искусный и ученый человек, «человек высокого ранга», как называет Эткин австралийского целителя, который завоевывает свой статус путем долгой и трудной подготовки. Целители у наиболее слаборазвитых народностей обучаются у целителей старшего поколения и являются членами объединения, которое передает их знания и традиции следующему поколению. Многим из них приходится пережить «болезнь посвящения». В действительности, многие первобытные целители подвержены психопатологическим наруше-

ниям. В этом отношении Акеркнехт различает три типа целителей: а) не вдохновляющие себя, видения и состояния транса которых вызываются постом, алкоголем и лекарствами, в) вдохновляющие себя, те, которые подвергаются ритуальной одержимости, то есть различным приемам самогипноза, несколько напоминающим состояние транса у наших западных медиумов, с) истинные шаманы, то есть те, кто становятся целителями только пройдя специфическое состояние тяжелых психических нарушений[82]. Таковы шаманы некоторых африканских племен, аборигенов Индонезии и прежде всего Сибири. Русские этнологи так описывают болезнь посвящения сибирского шамана:

> Ниорадзе рассказывает, как молодой человек, принявший решение стать шаманом, отдаляется от людей, он спит на голой земле или даже на снегу, соблюдает длительные периоды голодания, преодолевает огромные физические трудности и беседует с духами. Из всего этого вырисовывается картина больного, страдающего тяжелой формой психоза. Однако, в отличие от обычного психического заболевания, в этом случае началом болезни служит момент, когда индивид ощущает призвание стать шаманом, и во время этой болезни он проходит период инициации под руководством других шаманов. Болезнь заканчивается сразу, как только завершается период подготовки, и пациента провозглашают шаманом[83].

Очевидно, что здесь мы имеем дело не с обычным психическим заболеванием, но скорее с чем-то, что можно было бы назвать «болезнью инициации», которую можно отнести к более широкой группе «творческих болезней»[84]. К этой группе относится и то, что переживают некоторые мистики, поэты и философы. Ниже мы рассмотрим роль, которую такого рода болезнь, по-видимому, сыграла в основании динамической психиатрии.

Целитель может обладать искусством лечения переломов, знанием лекарственных препаратов, умением делать массаж и знанием других эмпирических видов лечения, часто оставляемых на долю светских целителей. Но главные методы его лечения носят философский характер, касается ли дело лечения заболевания, имеющего физическую природу, или речь идет о психическом расстройстве. В первобытных обществах не проводится столь четкого разделения между телом и сознанием, как в более цивилизованной среде, и туземного целителя вполне можно считать психосоматиком.

Первобытное лечение — это почти всегда публичная и коллективная процедура. Пациент, как правило, не ходит к лекарю сам, и при этом во время лечения в доме остаются родственники больного. Как мы уже видели, лечение с помощью магии в то же время представляет собой

церемонию, проводимую внутри хорошо структурированной группы, включающей в себя всех сородичей пациента, либо членов медицинского общества, в которое пациент вступает после излечения.

Таким образом, мы суммировали основные черты первобытного лечения и сделали обзор наиболее важных его разновидностей. Форест Е. Клементс предпринял попытку воссоздать его историческую эволюцию на основе тщательно проделанного сравнения областей распределения основных теорий заболевания[85]. Его гипотеза относительно времени их происхождения и хронологического порядка их возникновения в суммарном виде представлена в таблице 1–2.

Таблица 1–2

Теория болезни	Период возникновения	Географический центр
Заболевание связано с внедрением в тело постороннего объекта	Палеолит (ранний)	Старый Мир
Потеря души	Палеолит (поздний)	Сибирь
Вторжение духа в тело больного	Конец плейстоцена	Западная Азия
Нарушение табу	Относительно недавняя эпоха	Три центра одновременно

Теория, объясняющая болезнь как результат колдовства, является наиболее распространенной из всех, и установить ее хронологию не представляется возможным.

Храмовое лечение и философская психотерапия

Примерно около 4000 года до нашей эры (более точное время установить невозможно) в Азии возникли первые государства и империи. Они заложили основу для формирования организованных религий с учебными заведениями для жрецов и создания систематизированных комплексов знаний, которые представляли собой прообраз современной науки, основанной на наблюдении и дедукции, но не на измерениях и эксперименте — что является характерным для науки современной.

Некоторые методы первобытной медицины были усвоены новой храмовой медициной. (Примером здесь может служить экзорсизм.) Другие методы были разработаны и развиты в самих храмах (такие, как излечения в Асклепии). Светская медицина также подверглась самостоятельному развитию, но она оказалась более эффективной при лечении физических заболеваний, нежели при лечении эмоциональных состояний. Это привело к отделению храмовой медицины от медицины как таковой: теперь первую осуществлял целитель-жрец, а вторую — врач. Акеркнехт убедительно показал, что истинными предшественниками

современного врача являются светские целители (то есть те, кому лекарь оставлял эмпирическую и физическую заботу о пациентах), в то время как «лекарь (medicine man) являлся скорее предшественником священника, который на протяжении многих столетий выступал в качестве антагониста врача»[86]. В течение нескольких веков врач и жрец-целитель существовали бок о бок: Кос был колыбелью Гиппократа и его школы, но славу его составлял также и Асклепий. Гален, знаменитый врач второго века нашей эры, без колебаний шел за советом по конкретным вопросам в Асклепий Пергама. Психологические методы лечения, по-видимому, достигли более высокой ступени развития в Асклепии, нежели в светской медицине.

Помимо храмовой медицины и ранней научной медицины, замечательной особенностью этих культур является тщательная разработка методов ментальной тренировки — часто с психотерапевтическими целями — на основе определенных философских и религиозных учений. Наиболее известным из этих методов является Йога, необычайно подробно разработанная «мистическая техника», общая для большинства религиозных и философских школ Индии[87]. Другие философские и психотерапевтические методы вышли из буддизма, такие, например, как методы секты Дзен.

В западном мире некоторые техники ментальной тренировки также ассоциируются с определенными философскими школами. Часто не учитывается тот факт, что в эпоху древних греков и римлян принятие конкретной философии не означало просто принятие определенной доктрины. Пифагорейцы, платонисты, ученики Аристотеля, стоики, эпикурейцы были не просто приверженцами «философских систем», они были членами организованных «школ», также называемых «сектами», которые обязывали своих членов пользоваться определенным методом подготовки и вести определенный образ жизни[88]. Каждая из таких школ имела центральное учреждение или управление, помимо которого существовали местные отделения. Пифагорейский институт в Кротоне, на юге Италии, был разрушен врагами этой ассоциации, но на протяжении столетий последователи Платона, Аристотеля и Эпикура имели свои институты в Афинах (Академия, Лицей, Дом и Сад Эпикура, соответственно). Эти институты включали в себя жилье, предоставляемое выдающимся членам общества, помещения для чтения лекций, библиотеки и мастерские, где производилась публикация трудов. Каждая из таких школ была организована по-своему и существовала под руководством сколарха, который являлся последователем основателя школы. Каждая имела иерархию старших и младших членов. Члены, которые переходили из одной философской школы в другую, должны были пройти инициацию и поддерживать определенный образ жизни

вплоть до диеты и манеры одеваться. Они либо поддерживали доктрины школы и соблюдали ее правила, либо исключались из нее.

Каждая школа передавала своим ученикам доктрину своего основателя, последователи такой школы могли в чем-то расходиться с его идеями, но всегда существовало «официальное» учение школы. Это учение включало в себя не только метафизику, но также и логику, мораль, физику и другие науки. Наиболее фундаментальные знания сохранялись прежде всего для учеников, но проводились лекции и издавались работы и для обычной широкой публики. Эти школы часто вели полемику с нефилософами, с другими школами, а также с теми, кто покидал их общество. Члены каждой школы были объединены общими убеждениями, выполнением одних и тех же упражнений, одинаковым образом жизни и культом основателя — памятью о нем, а чаще, вероятно, легендами, которые о нем ходили, и его произведениями. Этим особенно отличались эпикурейцы: где бы ни образовалась их местная группа, они раз в месяц устраивали пир в честь основателя своего общества. В тех местах, где они имели обыкновение собираться или занимались упражнениями, всегда имелось его изображение, и те, кто приезжал в Грецию, никогда не пренебрегали возможностью посетить его дом и сад в пригороде Афин.

В каждой школе преподавался и практиковался определенный метод психической подготовки. Пифагорейцы, которые были связаны строгой дисциплиной и повиновением «мастеру», соблюдали строгие ограничения в диете, упражнялись в выработке самообладания (например, в период инициации соблюдался длительный период молчания), в способности запоминания и в заучивании наизусть отрывков. Они даже изучали математику, астрономию и музыку. Ученики Платона занимались совместными поисками истины, которая, как они ожидали, может возникнуть в беседах между учителем и учеником. Школа Аристотеля напоминала собой научно-исследовательский институт энциклопедического масштаба. Стоики и эпикурейцы придавали большое значение физическим упражнениям[89]. Стоики учились контролировать свои эмоции и практиковались устно и в письменном виде в искусстве концентрации и медитирования, их метод был столетия спустя взят на вооружение святым Игнатием Лойолой. Они выбирали заданную тему, например смерть, и упражняющийся должен был опровергнуть все ассоциируемые с ней устоявшиеся мнения, страхи и воспоминания. Другой практикой было упражнение в «утешении», которое представляло собой дружеские философские рассуждения, с которыми адепт обращался к скорбящему лицу в устном или письменном виде. Эпикурейцы в своих медитациях избегали прямого столкновения со злом, они, скорее, предпочитали думать о прошедших и будущих радостях. Они также

практиковали интенсивное запоминание набора афоризмов, которые они беспрестанно цитировали и вслух, и про себя. Не может быть сомнений, что такие практики оказывали некоторое психотерапевтическое воздействие на многих индивидов. Утверждается, что стоики проявляли определенные черты, которые можно обнаружить у последователей Адлера и современных экзистенциалистов, что некоторые особенности Академии Платона свойственны юнгианской школе, в то время как Эпикура, стремящегося устранить всякое беспокойство, сравнивают в этом отношении с Фрейдом[90].

Философская психотерапия не является лишь совокупностью методов коллективного образования, дисциплины и умственной подготовки, которые преподаются на коллективном уровне. Они могли прибегать и к методам индивидуальной терапии, как об этом свидетельствует трактат Галена «О страстях души»[91]. Чтобы понять метод Галена, его надо воспринимать на фоне современного ему уровня культуры и морали. Это был период, когда процветала грубость. Гален сообщает, что его мать кусала своих слуг, а в качестве образца терпеливости приводит своего отца, который, гневаясь на слуг, не пинал их ногами, но дожидался, когда спадет его гнев, прежде чем отдать приказ, чтобы их выпороли. Гален также описывает путешествие со своим другом, во время которого слуги не могли найти один из предметов багажа, после чего его друг ударил их мечом и сильно ранил. Император Адриан в приступе гнева проткнул глаз одному из рабов. Вероятно, греки и римляне той эпохи были склонны впадать в приступы неконтролируемого поведения, являющиеся результатом «гневных» или «похотливых» сторон души (терминология Галена). Существование огромного количества смиренных рабов, на которых можно было обрушить приступы любых страстей, способствовало установлению такой манеры поведения. Это, возможно, объясняет ту чрезвычайную важность, которую современные Галену философы и моралисты придавали умению владеть своими страстями, и то, что в трактате Галена эта проблема занимает центральное место.

Метод обуздания своих страстей, разработанный Галеном, по-видимому, был в основном заимствован у стоиков (хотя здесь, как и в медицине, Гален оставался эклектиком). Первый шаг состоял в попытке удерживаться от наиболее грубых форм эмоционального взрыва, особенно от того, чтобы кусаться, избивать ногами или ранить своих врагов. Второй шаг состоял в том, чтобы найти ментора, мудрого, старшего по возрасту советчика, который укажет на твои недостатки и даст хороший совет, и Гален настойчиво подчеркивает необходимость найти такого человека, и то, как трудно его найти. Третий шаг заключался в том, чтобы с помощью ментора делать беспрестанные усилия по укрощению

своих страстей. Такую тренировку Гален считал возможным проводить в любом возрасте, даже в пятьдесят лет, но считал, что мудрее начинать ее в ранней юности. Были также и дополнительные методы, такие, как ежедневное перечитывание и цитирование афоризмов пифагорейской школы. По мере того как пройдут годы, учил Гален, человек научится довольствоваться в жизни самым необходимым. Ему, например, будут нужны всего два костюма и пара рабов. На этой стадии, когда он достиг состояния спокойствия и свободы даже от горестей, он будет рассматривать страсти как тяжелые заболевания души и сможет помочь другим. Этот метод руководства, осуществляемого мудрым человеком по отношению к своему молодому ученику, иллюстрируется в трактате «Об ошибках души», в котором Гален различает два источника ошибок: ошибки чисто интеллектуального характера и ошибки, которые являются результатом страстей.

Религиозное лечение и «лечение душ»

Католическая церковь взяла от прежних установившихся религий такие приемы и обычаи, как молитвы, клятвы, паломничества (которые, несомненно, обладают стимулирующим действием в период, когда люди ведут однообразный образ жизни и привязаны к одному месту); церковь придает также большое значение практике исповеди, осуществляемому индивидуально признанию в грехах священнику, связанному обетом тайны. Есть основания предполагать, что повсеместно принятая практика исповеди оказала свое влияние на развитие психологии в виде автобиографий, таких, как «Исповедь» Святого Августина и психологический роман[92]. Был накоплен большой запас психологических знаний, которые в известной степени были систематизированы в учебниках по моральной теологии, но сама природа тайны исповеди делала эти систематизированные здания достаточно абстрактными[93].

Протестантские реформы устранили принудительные исповеди, но именно среди протестантских общин возникла новая практика и традиция, называемая «излечением души» (Seelsorge). Эта практика имеет много аспектов и разновидностей, один из которых несет в себе особое значение[94]. Некоторые протестантские священники считались владеющими специфическим духовным даром, который позволял им получать признание о тайнах, мучающих несчастные души, и помогать этим людям в их затруднениях. Эти духовные лица соблюдали традицию строжайшей тайны, хотя обязанность соблюдать тайну исповеди не накладывалась на них с такой строгостью, как на священников католической церкви. Ввиду отсутствия достоверного исторического примера такого вида лечения мы обратимся к роману Генриха Юнга-Штиллинга «Тео-

бальд, или Мечтатели», опубликованного в 1785 году. В одном из главных эпизодов этого романа мы находим подробное описание «излечения души», которое, возможно, основано на реальном событии, ставшем известным романисту.

> Молодая незамужняя женщина, Занхен, становится жертвой какого-то особого вида депрессии. Врачи приписывают ее состояние «слабости нервов», называют его истерией и безуспешно лечат больную с помощью лекарств. Услышав о деревенском пасторе Босиусе, который якобы обладает особым даром «излечения души», родственники больной просят его о помощи. Преподобный Босиус описан в романе как набожный, образованный, скромный и преданный своему делу человек. Приехав, он отправляется прогуляться с Занхен по саду. Его доброта производит на нее благоприятное впечатление. Он заводит долгий дружеский разговор о любви Господа, которая воплощается во всей природе, где каждое существо думает о Боге. Что же является самым прекрасным во всех этих мыслях о Боге? Любовь. А что такое любовь? Это желание любящего соединиться с возлюбленной. Этот разговор побуждает Занхен рассказать ему о своей тайной трудной любви к Теобальду и о грехе, который она совершила. Услышав это признание, преподобный Босиус восклицает: «Добрые души! Как мало вы знаете о любви!» После этого он начинает объяснять ей, что она была обманута страстью в обличье любви, а страсть — это не что иное, как «естественное сексуальное влечение» (natürlicher Geschlechtstrieb), то есть естественный инстинкт животных, которые стремятся к размножению, какой бы утонченный и возвышенный вид этот инстинкт ни принимал. Вслед за этой беседой преподобный Босиус заставляет Занхен смириться с судьбой и с ее согласия объясняет ситуацию ее родителям, затем он уговаривает Теобальда жениться на ней, так что первая часть романа заканчивается тихим венчанием Теобальда и Занхен[95, 96].

Отметим, что болезненная тайна, с которой столкнулся преподобный Босиус, связана с любовью, и создается впечатление, что из своего опыта «излечения души» он, вероятно, знал, что это так. Показательно также, что Босиус не счел свою задачу выполненной после того, как получил признание и утешил страдающую. Получив на это разрешение пациентки, он играет активную роль в решении ее мучительных проблем. Вся эта процедура несколько напоминает современную краткосрочную психотерапию.

Наступило время, когда знание мучительных секретов пациентов и их лечение стали обязанностью светских врачей. Когда это случилось, неизвестно, но, возможно, это произошло среди первых магнетистов (о которых мы будем говорить в следующей главе). Понятие

отягощающей пациента тайны стало известно этим людям вскоре после открытия Пюисегюром состояния «магнетического сна» (позднее названного гипнозом). Самый первый пациент, которого Пюисегюр в 1786 году погрузил в магнетический сон, Виктор Рас, сообщил ему о своем конфликте с сестрой, о котором он никогда не осмелился бы сказать ему в нормальном состоянии. Придя в себя, пациент последовал совету Пюисегюра к своему полному удовлетворению[97]. В 1786 году граф Лутцельбург опубликовал рассказ об одном из своих пациентов, преисполненном дружеских чувств к своему приятелю, к которому в состоянии бодрствования он испытывал полное доверие[98]. Однако во время «магнетического сна» он узнал, что его предполагаемый друг является предателем, нанесшим ему большой вред, и он сам объяснил магнетисту, что тот должен делать для того, чтобы перевести это знание из «глубины» магнетического сна в его бодрствующее состояние. В ранний период магнетизма о подобных случаях сообщалось повсюду, во второй половине девятнадцатого века они стали менее частыми, но в 80–90-х годах прошлого века еще были гипнотизеры, которые знали, как снять с пациента тяжесть тайны, о которой тот рассказал в гипнотическом состоянии.

Понятие патогенной тайны постепенно стало известно более широкой публике. Свидетельством этого может служить серия литературных произведений, созданных на протяжении всего девятнадцатого века. Роман Кремиаса Геттхельфа (псевдоним швейцарского пастора Альберта Битциуса), опубликованный в 1843 году, рассказывает историю молодого человека из богатой крестьянской семьи, который умирает от отчаяния, потому что он тайно влюблен в юную служанку, на которой родители никогда не разрешат ему жениться, так как она бедная сирота[99]. Семья устраивает его брак с богатой и высокомерной невестой. Опытная старая гадалка разгадывает тайну юноши и вынуждает родственников разорвать помолвку и женить сына на его возлюбленной. С этого момента он начинает поправляться. В 1850 году Натаниэль Готорн в своем шедевре «Алая буква» описал историю о том, как патогенная тайна может оказаться разгаданной злым человеком и использоваться им для того, чтобы довести свою жертву до гибели[100].

Замечательная история о страшной тайне и излечении от нее была рассказана Ибсеном в 1888 году в его пьесе «Женщина с моря».

Эллида, героиня пьесы, страдает мистическим неврозом, который каким-то непостижимым образом, по-видимому, связан с морем: она тратит невероятно большое количество времени, купаясь и плавая в фиорде, хотя при этом она утверждает, что ненавидит его «болезненную отвратительную воду» в противоположность живой воде открытого моря. Каждый раз, когда кто-либо заговаривает о море, Эллида вздра-

гивает и прислушивается с глубоким интересом. Она предлагает художнику идею нарисовать сирену, умирающую на берегу после того, как море отступило. Разговаривая со скульптором, она немедленно начинает думать об изготовлении скульптур, изображающих тритонов, сирен и викингов. Говоря о своем ребенке, который умер в раннем младенчестве, Эллида утверждает, что цвет и блеск его глаз изменялись в зависимости от различного состояния и цвета моря. Она придерживается теории, что, если бы человечество предпочло жить в море, а не выйти на сушу, люди были бы намного лучше и счастливее, но они сделали неправильный выбор, и сейчас слишком поздно возвращаться в море, хотя, как она считает, мучительное ощущение этой ошибки лежит в основе печали человечества. Постепенно тайна приоткрывается: когда-то Эллида была увлечена (а возможно, соблазнена) мистическим мореплавателем, они соединили свои кольца в одну цепь, которую он швырнул в море и исчез, сказав, что однажды вернется к ней. Мистический мореплаватель возвращается и требует от Эллиды исполнения своего обещания, но она уже замужем. Муж оставляет ей выбор между собой и незнакомцем, напоминая, однако, о чувстве долга. Она выбирает мужа, и писатель дает нам понять, что это свободное осмысленное решение принесет ей излечение[101].

В пьесе Ибсена подчеркиваются два аспекта патогенной тайны: (1) многие символические способы, которыми эта тайна выражает себя и (2) результат лечения может зависеть не только от вмешательства психотерапевта, но и от свободного, ответственного решения, которое пациенту позволяется принять самому.

По-видимому, первым медиком, который систематизировал знания о патогенной тайне и ее психотерапии, был венский врач Морис Бенедикт[102]. В серии публикаций, которые появились в 1864–1865 годах, Бенедикт показал, что во многих случаях истерии и других невротических заболеваний причина болезни кроется в наличии мучительной тайны, чаще всего связанной с сексуальной жизнью больного, и что многих пациентов можно излечить, заставив их признаться в своей тайне и попытавшись помочь им решить связанные с ней проблемы.

Можно только удивляться тому, в какой степени современная динамическая психотерапия испытала на себе влияние старого понятия патогенной тайны и лечения больного при ее наличии. Как мы увидим в последующих главах, некоторые из описанных Жане и Фрейдом случаев имеют отношение к патогенным тайнам, так же как это было с магнетистами и гипнотизерами. В своем «Предварительном сообщении», опубликованном совместно с Брейером в 1893 году, Фрейд упоминает в одной из сносок: «Мы нашли самое близкое сходство с нашими теоретическими и терапевтическими ут-

верждениями в опубликованных замечаниях Бенедикта». С дальнейшим развитием психоанализа понятие патогенной тайны стало постепенно абсорбироваться в понятия травматических реминисценций, репрессии и невротического ощущения вины.

Среди пионеров динамической психиатрии именно Юнг уделил наибольшее внимание этому понятию, возможно, узнав о нем от своего отца, протестантского священника[103]. Юнг считал это лечение предварительной частью полного психотерапевтического процесса. Среди ранних учеников Фрейда священник Оскар Пфистер из Цюриха был первым, кто применил психоанализ к Seelsorge. Для тех, кто знал его лично или внимательно читал его работы, ясно, что для Пфистера психоанализ был до определенной степени повторным открытием и совершенствованием «излечения душ». Пфистер всегда считал свою психоаналитическую практику частью своей работы пастора. Именно по этой причине мы находим в его работах многочисленные описания кратких аналитических процедур, основанных на быстром раскрытии в большей или меньшей степени «подавляемых» неприятных воспоминаний. На этом круг замыкался: терапия патогенной тайны, начавшаяся с «исцеления душ», возвратилась в нее в модернизированной форме.

Научная психотерапия

Происшедшее в конце шестнадцатого и на протяжении семнадцатого века рождение современной науки знаменовало начало новой эры. В то время как в ранний научный период знание основывалось на наблюдении и дедукции, современное научное знание базируется на эксперименте и измерении. Наука стремится к объединению человеческих знаний: есть только одно научное дерево, ветвями которого являются отдельные науки. Это исключает возможность существования замкнутых научных школ, каждая из которых имеет собственные доктрины и традиции, противостоящие доктринам и традициям других школ. Так, и медицина стала ветвью науки, психиатрия ветвью медицины, а психотерапия — применением психиатрии, основывающимся на научных открытиях. В этом плане врач, в том числе и психиатр, все в большей степени становится техником и специалистом. Поскольку наука включает в себя все знания, она не может допустить ценность каких-либо сверх-(экстра-, квази-, пара-) научных знаний, — отсюда презрение, испытываемое «официальной» медициной ко всем видам первобытной и народной медицины (последняя содержит остатки первобытной и ранненаучной медицины)[104].

Различия между первобытной и научной терапией суммируются в таблице 1–3.

Таблица 1–3

Первобытное лечение	Научная терапия
1. Целитель гораздо больше, чем врач, он является одним из ведущих представителей своей социальной группы.	1. Врач является специалистом наряду со многими другими специалистами.
2. Целитель оказывает воздействие на пациента прежде всего через свою личность.	2. Врач применяет конкретные методы независимо от своей личности.
3. Целитель в значительной степени является психосоматиком. Он занимается лечением многих физических заболеваний с помощью психологических методов.	3. Существует разделение между физической и психической терапией. В психиатрии делается акцент на физическом лечении психических заболеваний.
4. Подготовка целителя является длительной и изнурительной и часто включает в себя необходимость лично пережить тяжелое эмоциональное заболевание для того, чтобы быть в состоянии лечить других.	4. Подготовка врача является чисто рациональной и не принимает во внимание его личные, медицинские или эмоциональные проблемы.
5. Целитель принадлежит к определенной школе, обладающей своими собственными учениями и традициями, отличающимися от учений и традиций других школ.	5. Врач действует на основе унифицированной медицины, являющейся ветвью науки, а не эзотерическим учением.

Эту параллель можно продолжить, процитировав замечание Акеркнехта о том, что целитель «играет свою роль как самый иррациональный человек в иррациональном паттерне», в то время как современный врач «рационализирует даже то, что является иррациональным»[105].

Современная динамическая психотерапия

Рассказ о том, как динамическая психотерапия медленно развивалась на протяжении всего девятнадцатого столетия и сделала огромный скачок вперед на повороте к этому столетию с приходом в нее Шарко, Жане, Фрейда и их последователей, и составляет предмет данной книги.

Исторически современная динамическая психотерапия происходит из первобытной медицины, и можно продемонстрировать непрерывную преемственность между экзорсизмом и магнетизмом, магнетизмом и гипнотизмом, гипнотизмом и современными динамическими школами.

Изучив приведенную выше таблицу, мы можем видеть, что некоторые черты современной динамической психотерапии указывают на ее неоспоримое сходство с первобытным лечением. Психоаналитиков часто рассматривают как выполняющих более значительную роль в обществе, нежели обычный, «научный» врач. Личность аналитика является для него важным терапевтическим инструментом. Подготовка психоаналитика неизмеримо сложнее, чем подготовка большинства других

специалистов, и включает в себя длительный анализ собственной личности, направленный на решение своих индивидуальных эмоциональных проблем. Динамическая психотерапия вернула к жизни психосоматическую медицину. Современная динамическая психиатрия делится на большое количество «школ», каждая из которых обладает собственной доктриной, собственным учением и собственным методом подготовки. Но означает ли это, что создание динамической психотерапии явилось регрессом в направлении прошлого, или это свидетельствует о том, что научный подход оказался недостаточным для того, чтобы охватить всю личность человека, и необходимы другие подходы, которые бы дополнили его? К этому вопросу мы вернемся в конце данного исследования.

Глава 2. Возникновение динамической психиатрии

Возникновение динамической психиатрии восходит к 1775 году, в этом году имел место конфликт между врачом Месмером и экзорсистом Гасснером.

Гасснер преуспевающий и пользующийся невероятной популярностью целитель, был представителем традиционных сил (воплощением силы традиций). Он в совершенстве владел вековой техникой исцеления, которую применял с благословения господствующей религии, однако дух времени был явно против него. Месмер, сын эпохи Просвещения, выдвинул новые идеи, новую технику, у него были огромные надежды на будущее. Он стал инструментом для расправы над Гасснером, при этом сам Месмер считал, что настало благоприятное время для научной революции, о которой он мечтал.

Однако само по себе крушение устаревших традиций не может служить достаточным основанием для установления новых. Теория Месмера не получила признания, организация, которую он основал, просуществовала недолго, а применявшаяся им терапевтическая техника была во многом изменена его учениками. И тем не менее, теория Месмера придала сильный импульс развитию динамической психиатрии, несмотря даже на то, что пройдет целое столетие, прежде чем идеи его последователей будут включены в официальное собрание трудов по нейропсихиатрии Шарко и его современников.

Гасснер и Месмер

В начале 1775 года толпы народа — богатых и бедняков, дворян и крестьян, среди которых преобладали больные люди, страдавшие всевозможными недугами, — буквально обрушились на маленький городок Эльванген, в Вюртемберге, чтобы увидеть отца Иоганна Иозефа Гасснера, одного из самых известных целителей всех времен. Он изгонял из пациентов нечистую силу в присутствии служителей католической и протестантской церквей, чиновников, врачей, аристократов всех рангов, представителей буржуазии, скептиков и верующих. Каждое его слово и жест, равно как и слова и жесты его пациентов фиксировались нотариусом, а свидетели из числа известных людей расписывались в книге официальных записей. Сам Гасснер был скромным сельским

священником, но как только он облачался в церемониальные одежды, усаживался на свое место, и когда больной вставал перед ним на колени, начинали происходить удивительные вещи. Сохранилось большое количество протоколов, а также описаний происходящего, сделанных непосредственными свидетелями. Среди последних был некий аббат Буржуа, из рассказа которого мы взяли следующие подробности[1]:

> Первыми пациентами были две монахини, вынужденные покинуть свою общину, так как страдали конвульсиями. Гасснер попросил, чтобы первая монахиня встала перед ним на колени, кратко расспросил о том, как ее зовут, каков ее недуг и согласна ли она выполнить все, что он скажет. Она согласилась. Тогда Гасснер произнес торжественно на латыни: «Если в болезни сей есть что-либо противоестественное, то именем Иисуса я приказываю, чтобы оно проявилось немедленно». Пациентка сразу же забилась в конвульсиях. Согласно утверждениям Гасснера, это служило доказательством того, что конвульсии были вызваны злым духом, а не естественным заболеванием. Далее Гасснер продолжал демонстрировать свою власть над демоном, которому он приказывал на латыни вызывать конвульсии в разных частях тела пациентки, затем он вызывал у нее внешние проявления печали, глупости, стыдливости и даже видимость смерти. Все его приказы с точностью выполнялись. Теперь представлялось вполне логичным, что если демон настолько усмирен, то его будет сравнительно легко и изгнать, что собственно Гасснер и сделал. Затем он повторил все те же действия с другой монахиней. После того как сеанс был окончен, аббат Буржуа подошел к ней и спросил, было ли ей больно. Монахиня ответила, что у нее сохранилось всего лишь смутное воспоминание о том, что происходило, и что много страдать ей не пришлось. Далее Гасснер принял третью пациентку, даму очень благородных кровей, которая ранее страдала приступами меланхолии, и объяснил ей, что нужно делать, если приступы возобновятся.

Кем же был этот человек, чей почти непостижимый дар исцеления привлекал толпы народа? О жизненном пути Иоганна Йозефа Гасснера (1727–1779) известно очень мало. Среди биографических трудов один — написанный Зирке[2] — достаточно предвзят и направлен против Гасснера, другой — труд Циммерманна[3] — в большей степени основывается на документальных сведениях, но написан явно во славу Гасснера и тоже предвзят. Оба этих исследования опираются, главным образом, на сведения из памфлетов того времени, а не на архивные материалы. Гасснер родился в Браце, бедной крестьянской деревне в Форальбергг, горной провинции Западной Австрии. В 1750 году он был рукоположен в священники и, начиная с 1758 года, являлся приходским священником в Клестерле, маленькой деревушке в Восточной Швейцарии. Несколь-

ко лет спустя, согласно Циммерманну, он начал страдать от ужасной головной боли, дурноты и других недугов, которые начинали донимать его еще сильнее, когда он начинал мессу, исполнял обязанности священника или слушал исповедь. Именно эта особенность симптоматических проявлений подтолкнула его к мысли, что все это, возможно,— «козни дьявола». Он обратился к церковному экзорсизму, молитвам, и его неприятности, в конечном счете, исчезли. Затем он принялся изгонять нечистую силу из своих прихожан и, видимо, делал это с таким большим успехом, что к нему потянулись страждующие из соседних земель. В 1774 году его слава значительно возросла после того, как он вылечил графиню Марию Бернардину фон Вольфегг, представительную даму из очень знатного рода.

В этом же году Гасснер написал брошюру, в которой объяснил принципы своего целительского метода[4]. Он различал два рода заболеваний: естественные, которые находились в ведений врачей, и сверхъестественные, подразделенные им на три категории: circumsessio (имитация дьяволом естественных заболеваний), obsessio (результат колдовства) и possessio (одержимость дьяволом), наименее часто встречающееся. Во всех этих случаях Гасснер сначала говорил больному, что вера в имя Иисуса Христа является необходимым предварительным источником исцеления, и спрашивал его согласия на применение exorcismus probativus (испытательного экзорсизма). Затем он торжественно приказывал демону ясно продемонстрировать симптомы заболевания. Если симптомы появлялись, Гасснер считал это доказательством того, что болезнь вызвана дьяволом, и продолжал изгонять из больного демонов, но если никаких симптомов не проявлялось, он отправлял пациента к врачу. Таким образом, он считал, что его позиция неоспорима как с точки зрения католической ортодоксальной религии, так и с точки зрения медицины.

Благодаря этой неожиданно пришедшей славе Гасснер стал получать приглашения ко многим дворам, в том числе и в Констанц, где он продемонстрировал свои способности исцелять людей с помощью экзорсизма, но при этом он, видимо, так и не смог добиться расположения кардинала Рота, епископа Констанца. Однако ему удалось найти могущественного покровителя в лице Принца — епископа Регенсбургского, графа Фуггера, который предоставил ему почетное место при своем дворе. Таким образом, Гасснер обосновался в древнем городке Эльванген, где была церковь. Там он прожил с ноября 1774 года по июнь 1775-го. В этот период деятельность Гасснера достигла своего апогея. В Эльванген толпами сходились пациенты, а метод лечения Гасснера вызывал бурную полемику. В Германии, Австрии, Швейцарии и даже во Франции как сторонники, так и противники Гасснера опубликовали десятки памфлетов. Гасснер пользовался поддержкой

некоторых покровителей среди духовенства, равно как и поддержкой народных масс, и тех, кто надеялся с его помощью обрести исцеление. (Его противники добавляли при этом, что он особенно популярен среди содержателей гостиниц и извозчиков, которые получали огромные прибыли от этого бума.) Одним из почитателей Гасснера был знаменитый пастор из Цюриха Лаватер, а среди его противников были католический теолог Штерцингер, протестантский теолог Земмлер и большинство представителей Просвещения. Распространялись слухи, что в тех краях, куда намечался приезд Гасснера, моментально возникали случаи одержимости: всевозможные подражатели, в числе которых были даже крестьяне и дети, начинали исцелять людей с помощью его метода[5]. В Вене не прекращались яростные споры между сторонниками и противниками Гасснера.

Возникает вопрос: почему же все это вызвало столь бурную реакцию? На него будет гораздо легче получить ответ, если мы рассмотрим ситуацию, которая сложилась в Европе к 1775 году.

С политической точки зрения Европа начинает освобождаться от старой феодальной организации общества и стремится к развитию национальных государств. В отличие от объединенных государств, таких, как Франция и Англия, Германия, формально управляемая императором, на самом деле представляла собой запутанный конгломерат, состоящий из более чем трехсот государств с самыми различными территориями. Большая часть континентальной Европы была под властью австрийской монархии, простиравшейся не только над самой Австрией, но и более чем над десятью подчиненными народами. В Вене, центре искусства и науки высшего ранга, размещался великолепный двор. Повсеместно превалировала жесткая, неколебимая система передачи по наследству социального положения: аристократия, буржуазия, крестьянство, наемные рабочие — у каждого класса существовали и свои подклассы. Церковь имела прочные позиции среди низшего и среднего класса, однако в то же время новая философия, философия Просвещения, провозгласившая примат Разума над невежеством, суевериями и слепым следованием традиции, буквально околдовала Европу. Согласно этой философии, под руководством Разума человечество возобновит движение по пути непрерывного прогресса к будущему, в котором достигнет всеобщего счастья. В Западной Европе идеи Просвещения привели к возникновению радикальных тенденций, которые позже нашли проявление в американской и французской революциях. Остальная Европа была под властью так называемого «просвещенного деспотизма», представлявшего собой компромисс между принципами Просвещения и интересами правящих классов. Мария Тереза Австрийская, Фридрих II Прусский и Екатерина II в России были типичными

представителями этой системы правления. «Просвещенные» тенденции набирали все больший вес также и среди духовенства: орден Иезуитов был использован в роли козла отпущения, и в 1773 году он был распущен. Печально известная охота на ведьм и процессы над колдунами еще происходили (одной из последних была казнена Анна Гелди в Гларусе, Швейцария, в 1782 году), однако все, что имело отношение к демонам одержимости или экзорсизму, игнорировалось[6]. Ввиду сложившейся ситуации становится ясно, почему деятельность Гасснера вызвала такое сильное сопротивление и почему даже наиболее верившие в него покровители повели себя максимально осторожно. Местный настоятель, архиепископ Регенсбургский, назначил расследование. Оно было проведено в июне 1775 года, в результате чего Гасснеру посоветовали прекратить свою деятельность и ограничиться изгнанием дьявола из тех больных, которых ему будут присылать духовные лица, имеющие к ним непосредственное отношение. Университет Ингольштадта назначил комиссию из представителей четырех его факультетов, целью которой было провести расследование. Это расследование состоялось 27 мая 1775 года и имело сравнительно благоприятный исход. Имперский суд в Вене, однако, также заинтересовался этим делом[7].

В Мюнхене Принц-Электор Макс Йозеф Баварский также назначил комиссию по расследованию. Эта комиссия пригласила доктора Месмера, который утверждал, что открыл новый способ лечения, называемый животным магнетизмом. Он только что вернулся из путешествия по Рейну, во время которого побывал в Констанце, где, как говорили, он совершал удивительные чудеса исцеления. Месмер приехал в Мюнхен и 23 ноября 1775 года дал там несколько сеансов, во время которых всего лишь одним прикосновением пальца добивался того, что у пациентов возникали и исчезали симптомы различных заболеваний, даже конвульсий[8]. Отец Кеннеди, секретарь Академии, страдал конвульсиями, и Месмер продемонстрировал, что он может по желанию заставить его испытывать конвульсии или же прекратить их. На следующий день в присутствии членов суда и представителей Академии он вызывал приступ у эпилептика, при этом он утверждал, что может вылечить пациента с помощью животного магнетизма. По производимому эффекту сеансы Месмера были равносильны тому, что делал Гасснер, однако Месмер не прибегал к экзорсизму. Месмер заявил, что Гасснер, безусловно, честный человек, и что он лечит людей с помощью животного магнетизма, даже не подозревая об этом. Можно представить, что, услышав доклад Месмера, Гасснер, вероятно, почувствовал себя в положении Моисея, когда египетские колдуны повторили его чудеса в присутствии фараона. Однако, в отличие от Моисея, Гасснеру не разрешили присутствовать на представлении Месмера, и он не мог ответить на его доклад.

Тем временем Имперский Суд, члены которого были решительно настроены не в пользу Гасснера, попросил архиепископа Регенсбургского отстранить его от дел, и Гасснера выслали в небольшую общину в Пондорфе. В Риме Папа Пий VI (Джованни Анджело Брасчи) назначил свое расследование по делу Гасснера. В последовавшем за расследованием декрете утверждалось, что так как экзорсизм является общепринятым благотворным занятием, практикуемым церковью, то использовать его надо благоразумно и строго в соответствии с предписаниями ритуала Римской католической церкви. Гасснер умер в Пондорфе 4 апреля 1779 года. На его надгробном камне высечена длинная надпись на латыни, где Гасснер назван самым прославленным экзорсистом своего времени.

Никто никогда не ставил под сомнение абсолютное благочестие Гасснера, отсутствие у него всяческих притязаний и эгоизма. К несчастью, он пришел в этот мир слишком поздно, ведь споры, которые разгорелись вокруг его имени, имели гораздо более глобальную цель — борьбу новых идей Просвещения с традиционными представлениями. Падение Гасснера подготовило почву для нового метода лечения, который не был связан с религией и удовлетворял всем требованиям эпохи Просвещения. Недостаточно только уметь исцелять людей, необходимо также, чтобы методы лечения были приняты обществом.

Франц Антон Месмер (1734–1815)

Так или иначе, но судьбоносный переход от экзорсизма к динамической психиатрии произошел в 1775 году благодаря Францу Антону Месмеру, которого часто сравнивают с Колумбом. Подобно Колумбу, он открыл новый мир, до конца своих дней так и оставаясь в заблуждении относительно своего открытия, и, подобно Колумбу, умер в горьком разочаровании своей судьбой. Еще одно обстоятельство, сближающее их судьбы, заключается в том, что и здесь и там мы имеем весьма скудные сведения об их жизненном пути.

Похоже, никто из учеников Месмера не интересовался биографией своего учителя. Первым, кто решил узнать о его жизни, был Юстинус Кернер[9], который специально поехал в Меерсбург — город, где умер Месмер, — чтобы собрать документы и сведения о нем из первых рук. Исследования, проведенные не так давно Тишнером[10], Шюрером-Вальджаймом[11], Биттелем[12], Волебом[13], Мильтом[14] и Винчоном[15], пролили свет на некоторые периоды жизни Месмера, в истории которой осталось еще очень много белых пятен.

Франц Антон Месмер родился 23 мая 1734 года в Ицнанге, небольшой деревне на немецком берегу озера Констанц; он был третьим из девяти детей. Его отец служил инспектором по охране окрестной фауны («дичи»)

на службе у епископа Констанцы. О детстве и юности Франца Антона ничего не известно, первая запись относится к 1752 году, когда в возрасте восемнадцати лет он был зачислен в Иезуитскую теологическую школу в Диллингене. В 1754 году поступил на третий курс Иезуитского университета в Ингольштадте изучать теологию. Чем занимался Месмер с 1754 по 1759 год и где он жил, не известно. Вероятней всего, он провел все это время, изучая философию. Его фамилия появляется в 1759 году в Вене в списках студентов, изучающих право, а на следующий год Месмер переключается на занятия медициной. В 1766 году он заканчивает обучение в Вене и, защитив диссертацию о влиянии планет на человеческие болезни, в возрасте тридцати трех лет получает ученую степень.

Схоластическая карьера Месмера примечательна во многих отношениях. Конечно, не было ничего удивительного в том, что церковь, заметив умного, усердного мальчика, предоставила ему возможность учиться в церковных учебных заведениях с расчетом на то, что в будущем он сделает карьеру священника. Один из братьев Месмера Иоганн позднее стал священником соседней общины, и, видимо, Франц Антон начал свои занятия с той же целью. Однако трудно представить, что церковь или семья стали бы поддерживать его материально, когда Месмер переключился с изучения теологии на занятия философией, юриспруденцией и, наконец, медициной. Более вероятно, что он нашел себе богатых покровителей, так же как он действовал в более поздние периоды своей жизни. Не исключено и то, что он мог сотрудничать с тайными обществами.

В 1767 году Месмер женился на богатой вдове знатного происхождения Марии Анне фон Пош и обосновался в Вене в качестве практикующего врача[16]. Будучи светским человеком с утонченными вкусами, он жил в великолепном поместье, про которое Леопольд Моцарт сказал: «Сад, с его аллеями, статуями, театром, птичьим двором, голубятней и бельведером на вершине, просто бесподобен»[17]. В числе друзей, посещавших дом Месмера, были композиторы Глюк и Гайдн, а также вся семья Моцарта. (Премьера одной из самых ранних опер Моцарта «Бастиен и Бастиенна» состоялась в театре Месмера.) Месмер одним из первых начал играть на стеклянной гармонике, новом музыкальном инструменте, который позже в Америке усовершенствовал Бенджамин Франклин.

С 1773 по 1774 год Месмер лечил в собственном доме двадцатисемилетнюю пациентку фрейлейн Остердин, которая страдала не менее чем пятнадцатью, по всей видимости, серьезными болезнями. Он изучил квазиастрономическую периодичность ее заболеваний так, что смог предсказывать их повторяемость. Затем он добился изменения динамики их протекания. Незадолго до этого ему стало известно, что

английские врачи лечат некоторые заболевания с помощью магнитов, и Месмеру пришло в голову вызвать в теле своей пациентки так называемое «искусственное течение». После того как он дал ей выпить специальный препарат, содержащий железо, Месмер приложил к ее телу специальные магниты — один на живот, а два других на ноги. Вскоре пациентка почувствовала внутри необычное движение, словно вниз по ее телу бежала загадочная жидкость, и все болезни в течение считанных часов покинули ее. Это произошло, по сведениям Месмера, 28 июля 1774 года, и этот день считается исторической датой[18]. Месмер понял, что такой эффект не мог быть вызван только магнитами, но был порожден «существенно иной движущей силой». Последнее означало, что эти магнетические потоки были вызваны силой, концентрирующейся в нем самом, силой, которую он и называл животным магнетизмом. Магниты же были всего лишь вспомогательным средством, чтобы усилить непосредственно само действие и придать ему нужное направление.

Месмеру было сорок лет, когда он сделал это открытие. Всю оставшуюся жизнь ему было суждено посвятить себя изучению данного открытия и ознакомлению с ним широкой публики.

В результате лечения таким методом фрейлейн Остерлин выздоровела настолько, что вышла замуж за пасынка Месмера и стала хорошей женой и матерью. Однако первые разочарования не заставили себя долго ждать. Отец Хелль, астроном, который снабжал Месмера магнитами, заявил, что открытие принадлежит ему, в то время как друзья Месмера из числа его коллег отнеслись к его новым исследованиям с сильным неодобрением. И тем не менее, к этому времени Месмер, должно быть, уже стал чем-то вроде знаменитости, потому что в 1775 году, в июне барон Хорецки де Хорка, венгерский аристократ, пригласил его в свой замок в Рохов, в Словакии. Барон страдал от нервных спазмов, которые не проходили, несмотря на усилия лучших из лучших венских врачей. Месмер пробыл в Рохове около двух недель, о его пребывании сохранился отчет гувернера барона Зейферта, который был переводчиком Месмера и, считая последнего шарлатаном, внимательно следил за ним, стремясь его разоблачить[19].

Вскоре после приезда Месмера несколько человек, живших в замке, стали чувствовать боли или необычные ощущения, как только они приближались к Месмеру близко. Даже скептически настроенный Зейферт чувствовал, что, когда Месмер исполнял музыку, на него нападала непреодолимая сонливость. Вскоре после этого он полностью убедился в том, что Месмер действительно обладает экстраординарными способностями. Он видел, как тот вызывал в окружающих симптомы разных заболеваний, особенно сильно у тех, кого он магнетизировал. Месмер прикоснулся к даме,

которая развлекала гостей пением, и она тотчас потеряла голос, но обрела его снова, когда тот пошевелил пальцем. Когда они сидели за одним столом, Зейферт мог наблюдать, как Месмер воздействует на людей, сидящих в соседней комнате, всего лишь указывая на их отражение в зеркале, даже если эти люди не видели не только его самого, но и, в свою очередь, его отражения в зеркале. В другой раз, когда два музыканта играли на рожках, Месмер прикоснулся к одному из инструментов, и моментально у целой группы людей, из тех, кто не мог его видеть, стали проявляться симптомы, которые исчезли, как только он руку убрал. Тем временем в округе распространился слух, что в Рохов приехал чудесный целитель, и больные толпами из всех близлежащих земель двинулись к замку, чтобы увидеть его. Многих из них Месмер магнетизировал, при этом остальных отсылал к врачу.

Вечером на шестой день своего пребывания в Рохове Месмер объявил, что на следующее утро у барона будет кризис, что собственно и произошло. Кризис был необычайно острым, причем, согласно сохранившимся сведениям, лихорадка становилась сильнее, когда Месмер подходил к больному, и ослабевала, когда тот отходил от него. Второй, менее сильный кризис произошел несколькими днями позже, но барон посчитал, что такие методы лечения слишком радикальны, и Месмер покинул Рохов, хотя буквально в последнюю минуту он успел вылечить крестьянина, который неожиданно оглох за полтора месяца до этого.

Зейферт также упоминает о своих беседах с Месмером, в которых последний утверждал, что Гасснер обладает магнетизмом невероятной силы и что его собственные возможности не столь велики и ему приходится усиливать их с помощью специальных средств. У Зейферта были основания полагать, что он делал это посредством магнитов, которые носил на теле, а ночью оставлял в кровати.

Следующий месяц, июль 1775 года, Месмер провел, путешествуя к берегам озера Констанц, своей родине, где он продемонстрировал несколько чудесных исцелений, идя по стопам Гасснера. Его пребывание в Рохове, вероятно, убедило его в том, что он может превзойти Гасснера[20]. Как вы уже знаете, кульминацией этого наиболее лучезарного периода жизни Месмера стала его поездка в Мюнхен по приглашению вновь избранного архиепископа, во время которой он продемонстрировал свои магнетические способности, выступил с докладом о Гасснере и стал членом Баварской академии наук. Когда Месмер в конце 1775 года возвратился в Вену, он, должно быть, пребывал в полной уверенности, что его грандиозное открытие принесет ему нескончаемую славу.

Однако медицинский мир Вены отнесся к нему все с тем же безразличием, даже враждебностью. Месмер взял к себе в дом несколько пациентов. Одна из них, Мария-Терезия Парадиз, восемнадцатилетняя

дочь богатого и влиятельного чиновника, ослепла в возрасте трех с половиной лет. Согласно сведениям одного из биографов, она получила великолепное образование, используя специальные приспособления, такие, как тисненые карты для обучения географии, знаменитый механик Кемпелен сделал ей печатный станок, на котором она могла писать[21]. Она грациозно двигалась, умела танцевать и вышивать, но самым главным из ее дарований был талант к музыке, благодаря которому она пользовалась особым вниманием и покровительством императрицы Марии Терезы[22]. Знаменитые венские врачи многие годы безрезультатно лечили ее (в ходе лечения она получила более трех тысяч электрических разрядов). Но после нескольких магнетических сеансов Месмера она заявила, что видит. Первым человеческим обликом, который она увидела, было лицо Месмера; Мария Парадиз заявила, что человеческий нос имеет странную и даже пугающую форму, и даже выразила опасение, что он может повредить ее зрению[23]. Ее зрение постепенно восстанавливалось — или, по крайнем мере, это то, что говорила она и о чем заявил Месмер, — и ее семья выражала по этому поводу величайший восторг. Однако ее прежние врачи отрицали факт излечения. Специально назначенная комиссия утверждала, что пациентка способна видеть только в присутствии Месмера. В последующем между Месмером и семейством Парадиз возник ожесточенный конфликт, и в конце концов пациентка навсегда потеряла зрение. Она вернулась домой и продолжила карьеру слепой музыкантши. Месмер высказал предположение о том, что в ее излечении не были заинтересованы ни она сама, ни ее семья: в этом случае она утратила бы свою славу слепой музыкантши, а вместе с ней, возможно, и щедрую финансовую поддержку императрицы[24].

Вскоре после этого, в конце 1775 года, Месмер покинул Вену. Причины, по которым он это сделал, неизвестны, его враги позднее заявляли, что он был вынужден уехать. Предполагали, что он был очень расстроен тем, что ему не удалось вылечить Марию-Терезию Парадиз, а также весьма враждебным отношением своих коллег. Причина могла также заключаться и в том, что одна молодая пациентка сильно увлеклась Месмером, и тот ответил на ее чувства взаимностью. (Примечателен тот факт, что его жена осталась в Вене, и Месмер так и не увидел ее до конца своих дней.) Однако реальная причина его отъезда заключалась, по-видимому в сверхчувствительности и неуравновешенности характера Месмера, в определенной психопатологий его личности.

Согласно оценкам самого Месмера, в этот период его жизни он впал в депрессию[25]. Он совершенно отчаялся когда-либо узнать истину. Гулял в лесах, разговаривая с деревьями и целых три месяца пытался мыслить без помощи слов. Постепенно ему удалось обрести душевный покой и уверенность в себе, а также увидеть окружающий мир совершенно

по-новому. Месмер ощутил, что его миссия заключается в том, чтобы рассказать миру о своем великом открытии! Он направился в Париж, куда прибыл в феврале 1778 года.

Атмосфера, которую Месмер застал в Париже, сильно отличалась от венской. Австрийская империя, с ее энергичным правительством, эффективной административной системой и бдительной полицией, была довольно прочным государством. Париж не уступал Вене как культурный центр, но жизнь там была до странности неспокойной. При попустительстве слабого короля и легкомысленной королевы состав правительства был непостоянным, финансовая ситуация катастрофической — огромные суммы денег тратились на взятки, махинации и азартные игры. Идеи Просвещения имели радикальную и антирелигиозную направленность. Дворянство упорно держалось за свои привилегии, но при этом парадоксально демонстрировало удивительное стремление к филантропии и бескорыстному служению своему народу. В разорительной войне против Англии Франция потеряла Индию и Канаду, и поэтому — частично из мстительных соображений — французы с энтузиазмом восприняли весть об американской войне за независимость. Во Франции, а особенно в Париже, наблюдалась всеобщая тенденция к массовой истерии — людей буквально кидало из одного завихрения в другое[26].

Похоже, слава Месмера достигла Парижа гораздо раньше его самого, так как в то время французы испытывали необычайный интерес к выдающимся иностранцам. Месмеру тогда было сорок три года, это был высокий, крепкий, статный человек, чья импозантная внешность и манера говорить, несмотря на сильный немецкий акцент, обеспечили ему сравнительно легкий доступ во французское высшее общество. По неизвестным нам причинам он вскоре расстался со своим компаньоном, французским хирургом Ле Ру, и стал принимать пациентов в собственном доме в Кретей. Затем он поселился в особняке на Вандомской площади, где принимал больных из самых высоких общественных кругов и магнетизировал их за большую плату. Он особенно стремился установить отношения с представителями научных учреждений: Академии наук, Королевского медицинского общества, Медицинского факультета. В конечном счете Месмеру удалось обрести влиятельного последователя в лице доктора Д'Эслона, частного врача графа Артуа, одного из братьев короля. Месмер дополнял свою деятельность, публикуя статьи, написанные им[27] и Д'Эслоном[28].

Тем временем его практика постепенно расширялась. Еще до отъезда из Вены он стал обходиться без использования магнитов и электричества как вспомогательных средств. В 1780-м или же в 1781 году ему пришлось по причине слишком большого количества пациентов ввести

новую групповую (коллективную) форму лечения baquet, о которой мы поговорим ниже. Два клиента Месмера были по-настоящему ему преданы: Николя Бергассе, высококвалифицированный адвокат, который был очень увлечен философией и активно участвовал в политической жизни[29], и банкир Корнманн — Месмер вылечил его маленького сына от очень серьезного глазного заболевания[30].

Систему Месмера, которую он в 1779 году изложил в двадцати семи пунктах, можно вкратце сформулировать в виде четырех основополагающих принципов[31]. (1) Невидимые физические флюиды наполняют Вселенную и образуют соединительную среду между человеком, землей и небесными телами, а также между человеком и человеком. (2) Болезнь происходит от неравномерного распределения этих флюидов в человеческом теле — выздоровления можно достигнуть, восстановив равновесие. (3) С помощью особой техники эти флюиды можно направлять в определенное русло, накапливать и передавать другим людям. (4) Таким образом, можно вызвать у пациента «кризис» и излечить его.

Не представляет труда выделить основные элементы того, что Месмер и его последователи называли своей доктриной. Первое и самое главное положение заключалось в том, что Месмер интуитивно ощущал себя носителем таинственных флюидов — животного магнетизма, что он впервые заметил, когда лечил фрейлейн Остерлин. Месмер описывает, как ему удавалось с помощью одного своего физического присутствия или же дополнительных жестов вызвать у своих пациентов появление симптомов различных заболеваний: он также описывает случай, когда он подошел близко к человеку, которому в этот момент делали кровопускание, и кровь пациента потекла в обратном направлении. Согласно Месмеру, каждое живое существо обладает животным магнетизмом определенной силы: Гасснер обладал им в очень большой степени, Месмер — в несколько меньшей, а у больных — его меньше, чем у здоровых. Можно провести аналогию между этой теорией и полинезийским понятием «мана» — всеобъемлющей, безличностной энергией, которую можно концентрировать в людях, предметах, определенных местах, и наличие которой обнаруживается только по результатам ее воздействия.

Вторым основополагающим элементом доктрины было использование физических теорий, с помощью которых Месмер предполагал объяснить природу и действие животного магнетизма. Будучи сыном эпохи Просвещения, он стремился найти своим способностям «рациональное» объяснение и без сомнений отвергал все мистические концепции. С другой стороны, в силу того что психология в те времена фактически не существовала, Месмеру приходилось искать объяснение в области физики — нечто среднее между законом всемирного тяготения Нью-

тона и теорией электричества. В своей диссертации Месмер уже описал универсальные флюиды, наполняющие Вселенную, которые он назвал gravitatio universalis. С помощью этого феномена можно было объяснить воздействие на человеческое тело солнца, луны и других планет, а также повторяемость некоторых заболеваний. Позднее Месмер назовет эти флюиды главной движущей силой. Он полагал, что они существуют в нескольких проявлениях: в виде полей магнита, электричества и животного магнетизма. Этот физический аспект доктрины был, безусловно, ее самым слабым местом, который Месмер никак не мог для себя прояснить, ибо не был силен в конструировании систем.

Третье положение системы Месмера заключалось в аналогии, которую Месмер проводил с открытиями своих современников в области электричества. Месмер предполагал, что открытые им флюиды также имеют полюса, токи, разряды, проводники, изоляторы и аккумуляторы. Его baquet, инструмент, с помощью которого он концентрировал флюиды, на самом деле представлял собой имитацию лейденской банки. Он также учил, что флюиды делятся на положительные и отрицательные и что они нейтрализуют друг друга, — предположение, которое его последователи решительно отвергали.

Четвертым положением доктрины Месмера была теория кризиса, которая, по-видимому, была заимствована из практики Гасснера. Гасснер верил, что кризис является свидетельством одержимости, равно как и первым шагом в процедуре экзорсизма. Для Месмера кризис был искусственно полученным доказательством наличия болезни и средством ее излечения. Кризисы, как он утверждал, имеют в каждом случае свою специфику: у астматика это приступ астмы, в то время как у эпилептика — эпилептические конвульсии. Если у пациента несколько раз подряд спровоцировать кризис, то приступы каждый раз становятся слабее и слабее, пока, в конце концов, они не исчезают совсем, и не наступает выздоровление.

Эти основополагающие моменты, которые Месмер пытался синтезировать в своей доктрине, привели к тому, что он сказал свой знаменитый афоризм: «Существует всего одна болезнь и один способ ее вылечить». Ни одно лекарство или же терапевтическая процедура сама по себе никогда и никому не помогла — исцеление достигалось исключительно посредством магнетизма, хотя врачи даже и не знали об этом. Животный магнетизм теперь предоставит человечеству универсальное средство для лечения и предотвращения абсолютно всех болезней и тем самым «приведет медицину к небывалому уровню совершенства».

Эгоцентризм Месмера позволял ему полагать, что медицинские школы спокойно воспримут теорию, которая отменяет все те знания, которые человечество накопило со времен Гиппократа, и сделает про-

фессию врача ненужной. Неудивительно, что тот тип терапии, который исповедовал Месмер, был настолько же чужд медицине того времени, насколько последняя была чужда Месмеру. Месмер не использовал никаких лекарств, кроме магнитной воды. Он обычно садился перед пациентом, при этом его колени должны были касаться колен пациента, и держал пациента за большие пальцы рук, глядя ему прямо в глаза; затем Месмер дотрагивался до его подреберной области («ипохондрии») и начинал делать пассы руками над конечностями пациента. У многих из них появлялись необычные ощущения или начинался кризис. Это должно было принести выздоровление.

Метод коллективного лечения Месмера был еще более необычным. Английский врач Джон Грив, посетивший Париж в мае 1784 года, в своем письме описал визиты в дом Месмера, при этом он обращает внимание на тот факт, что он ни разу не встретил там менее двухсот пациентов[32].

> Я пришел в его дом на следующий день и собственными глазами видел, как Месмер работает со своими пациентами. Посреди комнаты стоит сосуд, высотой примерно полтора фута, который все называют baquet. Он настолько велик, что вокруг него могут легко уместиться двадцать человек: в краях крышки сосуда проделаны отверстия, количество которых равно числу людей сидящих вокруг него. В эти отверстия вставлены металлические прутья, загнутые под прямым углом и разные по длине, так как они предназначались для разных частей тела. Кроме этих прутьев, между baquet и одним из пациентов была протянута веревка, которая от него шла к следующему и так по всему кругу. Наиболее ощутимое воздействие наблюдалось при приближении Месмера, который, как утверждали, посылал флюиды руками или же глазами, не дотрагиваясь при этом до пациентов. Я беседовал с несколькими из тех, у кого Месмер вызывал конвульсии, а затем прекращал их движением руки...

Все в комнате, где Месмер работал с пациентами, было устроено так, чтобы усилить его воздействие: огромные зеркала должны были отражать флюиды, а музыканты играли на магнетизированных инструментах. Сам Месмер иногда играл на своей стеклянной губной гармонике, звучание которой многих людей просто обескураживало. Затем наступала тишина. Через некоторое время у некоторых из них появлялись необычные телесные ощущения, а тех, у кого начинался кризис, Месмер и его помощники относили в chambre des crises (комнату для кризисных больных). Иногда кризис волной переходил от одного пациента к другому.

Но еще более необычным методом лечения было магнетизированное дерево, что-то вроде коллективной терапии для бедных вне стен дома Месмера.

Описанные выше терапевтические процедуры казались столь экстравагантными, что мало кто из врачей мог поверить в то, что Месмер не шарлатан. Возросшее негодование со стороны медиков можно объяснить невероятным успехом Месмера и огромными гонорарами, которые он требовал со своих знатных и богатых клиентов.

К середине 1782 года Месмер, похоже, осознал, что зашел в тупик. Пять лет он работал над тем, чтобы научные общества признали его открытие, которое он затем очень выгодно продал бы французскому правительству, чтобы иметь право применять свой метод и обучать ему в муниципальной больнице. Однако в то время он находился дальше, чем когда бы то ни было, от своей цели. В июле 1782 года он на некоторое время уехал отдохнуть на воды — оздоровительный курорт на территории современной Бельгии — со своими преданными друзьями Бергассе и Корнманном. Согласно Бергассе, Месмер получил письмо, где сообщалось, что Д'Эслон, претендовавший на его место, открыл свою практику животного магнетизма[33]. Месмер пребывал в смятении и ярости на «предателя» и строил в воображении картины своего разорения. Он был абсолютно уверен, что, украв его секрет, Д'Эслон переманит и его клиентов. Тогда юрист Бергассе и финансист Корнманн предложили следующий выход из положения: они организуют подписку желающих купить открытие Месмера с целью собрать большую сумму денег. Подписчикам предоставлялись права на «секрет» Месмера, планировалось организовать особое общество, задачей которого стало бы обучение студентов и распространение учения Месмера.

Этот проект возымел огромный успех. Несмотря на огромные суммы денег, которые требовали с подписчиков, последние все-таки были найдены. Среди них оказались наиболее знаменитые имена Парижа и двора, имена представителей наиболее древних аристократических фамилий, таких, как Ноайе, Монтескье и даже сам Маркиз де Лафайет, равно как и выдающиеся судьи, адвокаты и врачи.

Окружной Бальи* (Bailli des Barres) Мальтийского ордена должен был представить магнетизм Рыцарям на острове[34]. Однако между Месмером и его последователями нарастали противоречия. Бергассе позднее опубликовал подтвержденный документами отчет о напряженных переговорах с подписчиками в 1783–1784 годах, в котором, если верить всем подробностям, Месмер представлен исключительно эгоистичным, подозрительным человеком, мрачным, жадным и иногда даже бесчестным.

Как бы там ни было, общество (названное Societé de l'Harmome — Общество Гармонии) — нечто среднее между коммерческим предприя-

* В средневековой Франции — королевский чиновник, осуществляющий административную и судебную власть в области. — *Прим. ред.*

тием, частной школой и масонской ложей — все же было основано и процветало. Его филиалы были открыты во многих городах и городках Франции. Все это принесло Месмеру огромную прибыль, не считая его доходов от практики. Общество также опубликовало резюме, в котором излагались основополагающие положения доктрины Месмера[35]. Создание общества превратило учение о животном магнетизме из секрета одного человека в общее знание, разделяемое группой энтузиастов. Несомненно, деспотизм Месмера часто становился причиной негодования со стороны его последователей, однако животный магнетизм получил во Франции признание и довольно быстро распространялся. Внимание общественных кругов, которое прежде было приковано к войне американцев за независимость и подписанию мирного договора с Англией, теперь всецело переключилось на Месмера.

1784 год для Месмера был столь же судьбоносным, как и 1776 год для Гасснера: в этом году он достиг пика своего успеха, известности, и за всем этим последовал крах.

В марте 1784 года, в результате ажиотажа вокруг имени Месмера, король назначил комиссию по расследованию, состоявшую из членов Академии наук и Медицинской академии, и еще одну — из членов Королевского общества. В состав этих комиссий входили наиболее известные ученые того времени: астроном Байн, химик Лавуазье, физик Гиллотен, а также американский посол во Франции Бенджамин Франклин. Программа экспериментов была разработана Лавуазье и представляла собой образец практического применения экспериментального метода[36]. Вопрос, который предстояло выяснить, заключался не в том, может ли Месмер исцелять больных, а в том, подлинно ли его утверждение, что он открыл доселе неизвестные физические флюиды. Комиссия сделала заключение, что не обнаружила никакого подтверждения существованию «магнетических флюидов». Возможность исцеляющего воздействия при этом не отрицалась, но ее приписывали человеческому «воображению»[37]. Королю был отправлен дополнительный секретный отчет, в котором говорилось об опасности эротического влечения магнетизируемой пациентки к своему магнетизеру[38]. Один из членов комиссии Жуссо разошелся во мнениях со своими коллегами, полагая, что у этого явления, безусловно, должна быть какая-то неизвестная науке движущая сила, возможно, «животная теплота»[39]. Месмер был вне себя от возмущения, так как члены комиссии обратились не к нему, а к «предателю» Д'Эслону. Позднее, однако, это обстоятельство сыграло Месмеру на руку: когда Министерство общественного благосостояния, на основании отчета комиссии, постановило запретить практику животного магнетизма, Бергассе удалось добиться от Парламента — высшей юридической инстан-

ции — отмены запрета на основании технической стороны дела: отчет комиссии касался практики Д'Эслона, а не Месмера.

Так или иначе, заключения комиссии, похоже, мало повредили магнетическому движению. Общество Гармонии развило бурную деятельность, и во многих городах Франции продолжали открываться его филиалы. В то же время, однако, движение испытало невиданную доселе волну неудач. Месмер стал постоянным героем карикатур, сатирических куплетов и пьес[40]. В это время произошел неприятный случай со знаменитым ученым Куртом де Жебеленом, который опубликовал памфлет в защиту Месмера после того, как тот его «вылечил». Вскорости у Жебелена случился рецидив, и ученый скончался в доме Месмера[41]. Так или иначе, но спустя несколько месяцев ажиотаж вокруг имени Месмера пошел на убыль, — общественное внимание переключилось на похождения графа Александроди Калиостро (Джузеппе Бальзамо) и на скандал с «ожерельем королевы». Гораздо более серьезную угрозу, по мнению Месмера, представляла та лавина критики, которая обрушилась на него со стороны ученых и образованных людей. Анонимный автор опубликовал книгу под названием «Анти-магнетизм»[42], где он довольно непредвзято рассуждает об источниках доктрины Месмера и показывает связь между методами лечения Месмера и Гасснера. Другой автор, Туре, опубликовал еще более полное исследование, в котором один за другим рассмотрел все двадцать семь пунктов доктрины Месмера и пришел к выводу, что каждое из них уже было описано и примерно в тех же терминах в сочинениях таких авторов, как Парацельс, Ван Хельмонт и Гоклениус, а прежде всего в сочинениях Мэда и Максуэла. На основании этого Туре[43] предполагает, что теория Месмера не содержит на самом деле ничего нового, а является древней системой, преданной забвению около века назад. Месмер, в свою очередь, отрицал даже, что читал кого-либо из этих авторов (тогда еще не вошло в моду называть источники подобного рода «предшественниками»). Физики же не хотели даже слушать, они даже слыхом не слыхивали о каких-то там магнетических флюидах. Некто Марат, физик и врач, заявил, что животный магнетизм не имеет никакого права называться физической теорией[44].

Еще более досадным, с точки зрения Месмера, был тот факт, что он уже приступил к опубликованию своего учения, когда его последователи взбунтовались. Они посчитали, что его доктрина весьма непоследовательна и неясна, хотя в то же время Д'Эслону удалось четко и ясно изложить некоторые ее основополагающие принципы. Был назначен специальный Comité d'instruction (инструктивный комитет), в задачу которого входила публикация доктрины в доступной студентам форме[45]. Бергассе, который играл значительную роль в обществе, нашел в учении Месмера основу для новой философской концепции и изложил эту тео-

рию в своем труде «Теория устройства мира и живых организмов»[46]. Он опубликовал ее малым тиражом и в целях сохранения секретности заменил 115 ключевых слов символами, понятными только посвященным. Но выход этой книги в свет вызвал бешеный гнев у Месмера, и после острейшей полемики между ним и Бергассе последний покинул общество. Тем временем многие члены общества, также разочаровавшись, стали уходить. Но для Месмера, похоже, самым неприятным стало открытие Пюисегюром, одним из самых его одаренных учеников, — о нем я расскажу ниже — явления магнетического сна, что дало новое направление учению.

Еще один неприятный для Месмера инцидент, более личного характера, произошел с ним в Страстную Пятницу (16 апреля 1784 года) на Concert Spirituel du Carême (концерте духовной музыки) в присутствии королевского двора и всего высшего общества Парижа. Из Вены в Париж приехала слепая пианистка Мария-Терезия Парадиз. Гримм отмечает, что «все внимание публики было постоянно приковано к Месмеру, который поступил весьма опрометчиво, явившись на концерт. Он прекрасно осознавал, что стал объектом всеобщего внимания и пережил одно из самых сильных унижений в своей жизни»[47]. Его враги не преминули напомнить всем о том, как Месмер заявил, что излечил слепую, но было доказано, что ему это не удалось. Мария-Терезия оставалась во Франции в течение целых шести месяцев, и ее пребывание в Париже стало сущей пыткой для Месмера. В августе того же года лионский филиал Общества Гармонии пригласил его продемонстрировать свои способности перед принцем Генрихом Прусским (братом короля Фридриха II). К своему стыду и ужасу своих последователей Месмер не смог сделать ровным счетом ничего. Видимо, все эти разочарования подействовали на него так же, как и в 1777 году, когда он впал в депрессию и предпочел жить, плывя по течению.

Примерно в начале 1785 года Месмер покидает Париж. Куда он направился, никто из его последователей не знал. Ходили слухи, что Месмер проживает в Англии под вымышленным именем. Движение, которое он организовал, развивалось все стремительней в направлении, предложенном Пюисегюром.

О деятельности Месмера в течение последующих двадцати лет ничего не известно. Удалось выяснить только часть маршрута его путешествия по Швейцарии, Германии, Франции и Австрии[48]. Исследователям стало известно, что, когда он приехал в Вену в 1794 году, его имя упоминалось в связи с каким-то непонятным политическим заговором. Затем он направился в Швейцарию, где получил гражданство и поселился во Фраунфельде, маленьком городке на берегу озера Констанц. Месмер потерял значительную часть своего состояния, однако все еще

был достаточно богат, чтобы до конца своих дней вести безбедное существование богатого аристократа. В сравнительно недавно опубликованных исследованиях жизни Месмера приводятся свидетельства людей, знавших его в этот период. Они описывают Месмера как человека хороших манер, но при этом ужасно гордого и эгоистичного, не желавшего считаться с интересами окружающих. Он был, вне всякого сомнения, озлоблен на мир, который не принял его открытия, на врачей, отвергнувших его теорию, и своих последователей, которые исказили его учение.

К этому времени про Месмера забыли настолько, что большинство его учеников даже не знало, жив он или умер. В 1812 году ему нанес визит немецкий врач Вольфарт. Романтик и патриот, Вольфарт был весьма удивлен, что Месмер изъяснялся исключительно по-французски — в манере старых немецких аристократов. Он перевел на немецкий и опубликовал последнюю книгу Месмера, в которой тот не только обрисовал в общих чертах окончательную модель своей системы, но также изложил свои воззрения относительно множества предметов и явлений, таких, как образование, общественная жизнь, народные гуляния, цены и тюрьмы[49]. К сожалению, большая часть бумаг, которые он доверил Вольфарту, была утеряна. Последний оказался настолько безалаберным, что, подготавливая книгу к изданию, перепутал первое имя Месмера — Фридрих вместо Франц.

За один-два года до смерти Месмер переехал в соседний город, также находящийся на берегу озера Констанц и расположенный буквально в нескольких милях от родных мест, где он и скончался 5 марта 1815 года.

Когда Юстинус Кернер в 1854 году приехал в Меерсбург, то услышал от пожилых людей, знавших великого человека[50], удивительные истории. Ему рассказывали, что как-то Месмер отправился на лодке на остров Майнау, к нему тотчас же со всех сторон слетелись стаи птиц, которые следовали за ним на острове по пятам, а когда он присел на пути, устроились вокруг него. Старожилы также рассказывали Кернеру, что у Месмера в комнате в открытой клетке жила ручная канарейка. Каждое утро птичка подлетала к хозяину, садилась ему на голову и будила своим пением. Птичка составляла ему компанию во время завтрака, а иногда приносила и кидала ему прямо в чашку кусочки сахара. Едва заметным движением руки Месмер мог усыпить канарейку, а затем таким же образом разбудить. Но однажды утром она не вылетела из клетки, — этой ночью Месмер скончался. Канарейка стала отказываться от пищи и через несколько дней умерла.

Кем же был этот человек, снискавший у себя на родине славу великого волшебника? К сожалению, мы не можем дать исчерпывающего

ответа: слишком многое о нем не известно. Мы ничего не знаем ни о его детстве, ни о его личной жизни, за исключением того, что он был несчастлив в браке. Однако, основываясь на документальных сведениях, все-таки можем создать какое-то подобие его реального портрета.

Первые и самые известные описания оставили его французские последователи, в частности Бергассе, в записях которого осталось длинное преисполненное негодования описание, появившееся после того, как Месмер исключил его из своего движения[51]. Бергассе рисует портрет человека, одержимого навязчивой идеей, человека, сделавшего эпохальное открытие, за которое мир должен тотчас же признать его еще до того, как это открытие получит известность. Свое открытие Месмер стремился хранить в тайне и раскрывать эту тайну только тогда, когда это было ему выгодно. Его доктрина животного магнетизма должна была навсегда оставаться его исключительной собственностью: никому не разрешалось ничего добавлять, менять или же опускать что-либо без его ведома. Месмер требовал от своих последователей абсолютной преданности, хотя при этом совершенно не испытывал стремления отплачивать им за это благодарностью и порывал со всяким, кто осмеливался выражать свое мнение. У Месмера было постоянное ощущение, что он живет во враждебном ему мире, где его противники постоянно пытаются украсть, исказить или же запретить его открытие. Он воспринимал безразличие за враждебность, а в возражениях видел стремление как-то его преследовать. Этот портрет Месмера, пожалуй, не намного отличается от того, как его описывают несколько достаточно известных ученых. В данном случае мы имеем дело с типичным проявлением (использую термин Юнга) «психической инфляции», в которой манифестации вторичного характера наложились на более фундаментальную личностную структуру.

Месмер чувствовал внутри себя таинственную силу, которая проявилась в чудесных исцелениях и загадочных вещах, произошедших в замке Рохов. Но кроме способностей к такому временному воздействию на людей, он в огромной степени обладал «личностным магнетизмом» — смесью неотразимого очарования и авторитета. Ему не было равных в искусстве убеждения людей и извлечения из этого огромных выгод. Это может также объяснить тайну его стремительного взлета по социальной лестнице в эпоху непререкаемых сословных различий и способности общаться на равных с аристократами.

Причинами перепадов и колебаний в уровне личностного магнетизма у Месмера были, вероятно, его более фундаментальные характерологические черты, такие, как болезненная сверхчувствительность, мрачность характера, а также чередующиеся периоды приподнятого настроения и депрессии. В моменты своего успеха он проявлял без-

удержную, почти гипоманиакальную активность. Похоже, временами он демонстрировал признаки параноидальной мании величия. (Швейцарский врач Эгг утверждал, что в 1804 году Месмер сказал ему, что проточная вода магнетизирована, потому что он, Месмер, двадцать лет назад магнетизировал солнце.)[52] Но помимо этого, он был также подвержен неожиданным приступам уныния. Месмер сам описал то необычное состояние, которое он пережил в 1776 году. Весьма возможно, что нечто подобное произошло с ним и в 1785 году. Оба эти эпизода сопровождались истощением его магнетической силы.

Месмер с его сверхъестественной внутренней силой гораздо ближе к древним колдунам, нежели к психотерапевтам двадцатого столетия. Его победа над Гасснером больше напоминает нам поединки соревнующихся шаманов Аляски, чем противостояние двух современных психотерапевтов. Тем не менее его доктрина содержала ростки некоторых основных положений современной психиатрии, а именно:

Магнетизер, утверждал Месмер, и есть, собственно, терапевтическое начало всякого исцеления: его сила лежит в нем самом. Чтобы приступить к лечению, ему нужно установить связь со своим пациентом, то есть раппорт, иначе, «настроиться» на него. Исцеление достигается посредством кризиса — проявления скрытых заболеваний, вызываемых искусственно, с целью контролировать их. Лучше вызывать несколько постепенно уменьшающихся по силе кризисов, нежели один острый. При коллективном лечении магнетизер должен контролировать реакции пациентов друг на друга.

Месмер организовал своих последователей в общество, в котором врачи и профессиональные магнетизеры имели разные права. Его члены, жертвовавшие огромные суммы денег, изучали доктрину Месмера, вместе обсуждали результаты их терапевтической работы и поддерживали единство общества.

До сих пор остается открытым вопрос о том, был ли Месмер предтечей или же непосредственно самим основателем динамической психиатрии. Можно сказать, что любой первопроходец всегда является преемником предыдущих и предтечей для последующих исследователей. Как бы там ни было, развитие современной динамической психиатрии восходит своими корнями к животному магнетизму Месмера, чьи заслуги были несправедливо забыты неблагодарными потомками.

Пюисегюр и новый магнетизм

В истории каждого открытия есть момент, когда оно перестает принадлежать человеку, это открытие совершившему, и начинает собственный исторический путь.

Не успел Месмер приступить к обнародованию своего учения, как один из его наиболее преданных последователей маркиз де Пюисегюр сделал открытие, придавшее новое направление развитию магнетизма. По мнению некоторых историков, оно имеет не меньшую или даже большую важность, чем открытие Месмера. Шарль Рише сказал: «имя Пюисегюра должно стоять в одном ряду с именем Месмера... Месмер, безусловно, является инициатором магнетизма, но не его основателем»[53]. «Если бы не Пюисегюр, — добавляет он, — магнетизм не просуществовал бы долго и остался бы в памяти как мимолетный приступ безумия вокруг baquet».

Среди наиболее восторженных последователей Месмера были три брата Пюисегюр, принадлежавшие к одному из самых известных дворянских родов Франции. За минувшие столетия род Пюисегюр дал Франции много выдающихся людей, в основном, в сфере военного искусства[54]. Их семья принадлежала к той ветви французской аристократии, которой было присуще активное участие в филантропических делах. Все три брата стали учениками Месмера и играли далеко не последнюю роль в истории животного магнетизма[55].

Младший брат Виконт Жак Максим де Шатен де Пюисегюр (1755–1848) отличился на парадном плацу в Байонне: один из офицеров, возможно, сраженный апоплексическим ударом, упал на землю. Виконт сумел магнетизировать его на месте и вылечил на глазах у всех. Есть сведения, что он впоследствии получил повышение за то, что неоднократно излечивал солдат и офицеров в своем полку.

Второй брат, Антуан-Гиацинт, которого называли графом де Шатене (1752–1809), был морским офицером. Он увлекался исследованием гуанчей, аборигенов Канарских островов, и даже привез в Париж несколько мумий. Он первым стал распространять животный магнетизм в Санто-Доминго, богатой и процветающей французской рабовладельческой колонии. Белые плантаторы вскоре толпились вокруг baquet, а чернокожие рабы также освоили эту технику и стали использовать ее для своих нужд.

Старший из братьев, Аман-Мари-Жак де Шатене, маркиз де Пюисегюр (1751–1825), офицер артиллерии, отличившийся при осаде Гибралтара и принимавший участие в официальной миссии в Россию, половину своего времени уделял военной карьере, а остальное время жил в Бюзанси, недалеко от Суассона, где у него было огромное поместье. Как и у многих его современников-аристократов, у него в доме был cabinet de physique (физический кабинет), где он производил различные опыты с электричеством. Хотя поначалу он отнесся к месмеризму весьма скептически, его брату Антуану-Гиацинту удалось обратить брата в свою веру, и тот вскоре сам начал исцелять людей индивидуальным и групповым методом у себя в поместье[56].

Одним из первых его пациентов был Виктор Рас, молодой крестьянин двадцати трех лет, чья семья была в услужении у Пюисегюров на протяжении нескольких поколений. Виктора, у которого было легкое респираторное заболевание, удалось легко загипнотизировать, и в этом состоянии с ним произошел очень странный кризис. У пациента не было конвульсий или беспорядочных движений, как позднее и у других пациентов, он скорее впал в доселе неизвестную разновидность сна, при котором казался даже в большей степени бодрствующим и осознающим происходящее, чем в нормальном состоянии. Он мог разговаривать, отвечать на вопросы и демонстрировал большую ясность мысли, нежели во время бодрствования. Когда маркиз начал чуть слышно напевать песню, то заметил при этом, что и юноша тоже ее напевает. Когда кризис миновал, Виктор ничего не помнил. Заинтригованный Пюисегюр еще раз вызывал у него такой же кризис, а также несколько раз успешно проделал это с другими пациентами. Пребывая в подобном состоянии, они могли сами диагностировать свою болезнь, предсказывать ее развитие (Пюисегюр называл это pressensation), а также назначать себе лечение.

Вскоре у Пюисегюра стало так много пациентов, что он организовал сеансы коллективного лечения. Недалеко от великолепного замка Пюисегюров располагалась окруженная деревьями и крытыми соломой хижинами базарная площадь небольшой деревни Бюзанси. Посреди площади стоял большой красивый вяз, у основания которого бил родниковый ключ. Крестьяне располагались вокруг дерева на каменных скамьях. На ствол и крупные ветви дерева навязывали веревки, свободные концы которых пациенты пристраивали к тем частям тела, которые их беспокоили. Сеанс начинался с того, что крестьяне становились вокруг дерева, держа при этом друг друга за большие пальцы рук. Они начинали чувствовать, как флюиды с переменной силой начинают циркулировать по цепочке. Через некоторое время маркиз приказывал крестьянам разбить цепочку и потереть ладони. Затем он выбирал некоторых из них и, дотрагиваясь до них железным прутом, погружал их в состояние «абсолютного кризиса». Эти пациенты, которых он называл врачами, диагностировали заболевания и назначали лечение. Чтобы «расколдовать» их (т. е. вернуть их из магнетического сна), Пюисегюр приказывал им поцеловать дерево, вследствие чего они пробуждались, забывая все, что с ними в этом состоянии происходило. Эти сеансы проходили при стечении большого количества любопытных и зевак. Сообщалось, что за время немногим более месяца Пюисегюру удалось вылечить от разных заболеваний 62 пациента из трехсот.

Новая техника, открытая Пюисегюром, имела две отличительные черты: первой был собственно «совершенный (perfect) кризис», харак-

теризуемый состоянием, схожим с состоянием сна, возможным, но необязательным общением с магнетизером, все команды которого пациент исполнял, и следовавшей за всем этим амнезией. Вскоре была отмечена схожесть такого магнетического сна с естественно вызванным сомнамбулизмом, и первый получил название «искусственного сомнамбулизма». (Пройдет еще много времени, прежде чем Брейд назовет это состояние нынешним именем — «гипнозом».) Второй особенностью была та «ясность сознания, которую проявляли некоторые пациенты, т. е. их способность диагностировать заболевания, предсказывать их развитие и определять лечение как для себя, так и для других пациентов, с которыми у них устанавливалась терапевтическая связь — раппорт.

С помощью Виктора Пюисегюр вскоре узнал о том, что состояние совершенного кризиса[57] можно использовать в психотерапевтических целях. В то время Виктор был очень расстроен ссорой, произошедшей между ним и его сестрой. Он бы никогда в жизни не рассказал об этом ни единому человеку, но в состоянии магнетического сна он почувствовал себя достаточно свободно, чтобы исповедаться маркизу, который посоветовал Виктору отстаивать свои собственные интересы и найти подходящее решение. Виктор вскоре действительно последовал советам маркиза и нашел выход из положения.

Роль Виктора Раса в истории магнетизма заслуживает отдельного разговора. Он был не только одним из первых пациентов Пюисегюра, но и самым первым, кто впал в состояние совершенного кризиса, прототипом которого он, собственно, и стал, — ведь именно изучая Виктора, маркиз постиг основные принципы своего открытия. В начале 1785 года Пюисегюр взял Раса в Париж, где использовал его при публичных показах. Он дважды показывал Виктора Месмеру, но какова была реакция, последнего, нам неизвестно. После этого самочувствие Виктора стало ухудшаться: в состоянии магнетического сна он объяснил, что причина в том, что во время демонстрационных сеансов его часто показывали любопытным и скептически настроенным людям. Таким образом, Пюисегюр осознал, что магнетизм можно использовать исключительно в целях лечения, а не для показов или экспериментов. Кроме того, экспериментируя с Расом, маркиз осознал также всю безосновательность учения Месмера о флюидах физического происхождения и пришел к выводу, что действительной движущей силой исцеления является воля самого магнетизера[58].

Открытие Пюисегюра возымело значительный эффект. По всей Франции пошла волна подражания чудесным излечениям в Бюзанси. Из отдаленных деревень доходили слухи о том, как филантропически настроенные графы и маркизы исцеляют своих крестьян и слуг у подножия дерева[59]. Но как бы там ни было, эта новая тенденция маг-

нетического лечения распространялась очень быстро, к великому неудовольствию Месмера, который считал магнетический сон всего лишь одной из разновидностей кризиса и настаивал на своей теории о флюидах физического происхождения, хотя и потерял на этом много своих последователей. С этого момента между ортодоксальными месмеритами, придерживавшимися теории флюидов, и последователями Пюисегюра, концентрировавшими свое внимание на искусственном сомнамбулизме, принимавшими психологическую теорию и, в результате, упростившими технику месмеризации, произошел медленно прогрессирующий раскол.

В августе 1785 года Пюисегюр получил приказ принять командование своим артиллерийским полком, стоявшим в Страсбурге[60]. Местное масонское общество обратилось к нему с просьбой ознакомить своих членов с принципами животного магнетизма. Пюисегюр прочел им курс лекций, который закончил словами:

> Я верю в существование внутри меня особой силы.
>
> Из этой моей веры проистекает воля, посредством которой я вызываю эту силу.
>
> Всю доктрину животного магнетизма можно уложить в два слова: верить и желать.
>
> Я верю в то, что я обладаю силой, которая сможет осуществить на деле жизненно важный принцип моих соотечественников.
>
> Я желаю, чтобы моя сила принесла пользу обществу.
>
> Вот вся моя наука и вся моя техника.
>
> Верьте и желайте, господа, и вы достигнете того же, чего и я.

В Страсбурге Пюисегюр организовал Société l'Harmonique des Amis Réunis, в задачи которого входила подготовка магнетизеров и открытие центров лечения магнетическим методом. К 1789 году общество насчитывало более двухсот человек. В их число входила элита эльзасской аристократии, представители которой давали торжественное обещание лечить безвозмездно, писать подробные отчеты о своей практике и предоставлять их обществу. По инициативе общества центры лечения были открыты по всему Эльзасу. Деятельность страсбургского общества представляет особый интерес, так как оно — в отличие от центров в остальной Франции — публиковало ежегодный отчет о своей деятельности, где фиксировались случаи исцеления в форме краткой истории болезни, с указанием имени врача и пациента, а также характера заболевания[61]. Коллективные сеансы ни в форме baquet, ни в форме магнетизированного дерева в отчетах не упоминаются. Похоже, что теоретические соображения играли незначительную роль в жизни этого общества.

Невозможно предсказать, как развивалось бы общество в дальнейшем, если бы его деятельность не была внезапно прервана революцией 1789 года. Société l'Harmonie и все его филиалы перестали существовать. Крестьяне предпочли исцелению у подножия магнетизированных деревьев подножия «деревьев свободы», где они слушали речи революционеров. Многие из последователей Месмера дворянского происхождения эмигрировали, другие окончили свой путь на эшафоте, как это произошло с некоторыми из членов королевских комиссий: Байном, Лавуазье и его оппонентом Туре. Бертассе чудом избежал гильотины, позднее он стал философом мистического направления и близким другом русского царя Александра I. Когда Мальту оккупировали войска Наполеона, а затем англичане, месмерианские рыцари были высланы с острова. В Санто-Доминго магнетизм скатился до уровня массового психоза среди чернокожих рабов, который (психоз) французы потопили в море крови. Позднее Месмер как-то хвастался, что вновь образованная республика — ныне называемая Гаити — обязана своей независимостью ему.

Маркиз де Пюисегюр провел два года в тюрьме, после чего он получил возможность отреставрировать свой замок и стал мэром Суассона. Он взялся за написание литературных сочинений, а также возобновил работу над исследованием магнетизма. Он работал над гипотезой, согласно которой сильные умственные расстройства, возможно, являются разновидностью сомнамбулического нарушения, и был убежден, что когда-нибудь магнетизм можно будет использовать для лечения безумия. Пюисегюр принялся за лечение двенадцатилетнего мальчика Александра Эбера, у которого время от времени возникали приступы безумной ярости. Маркиз лечил мальчика полгода, не оставляя ни на минуту, тем самым предвосхитив последующие попытки лечения тяжелых психозов психотерапевтическим методом[62].

После свержения Наполеона новое поколение магнетизеров, которые не застали Месмера, стали считать Пюисегюра своим патриархом, при этом мало кто обращал внимание на то, что термин «месмеризация» в действительности означает метод лечения, который ввел Пюисегюр. Возвратившись в Бюзанси в апреле 1818 года, шестидесятисемилетний маркиз узнал, что Виктор Рас, которому тогда было пятьдесят восемь лет, тяжело болен и все время говорит о нем. Пюисегюр отправился к нему и магнетизировал его в той же крытой соломой хижине, как и тридцать четыре года назад. Он был поражен, что в состоянии магнетического сна Виктор прекрасно помнил все детали своей предыдущей сомнамбулической жизни. Виктору стало значительно лучше, и маркиз вернулся в Париж. Виктор Рас, старейшина французских сомнамбул, умер вскоре после описанных событий и был похоронен на кладбище

в Бюзанси. Маркиз отдал распоряжение, чтобы на его могильном камне сделали соответствующую надпись[63].

29 мая Карл X торжественно короновался в Реймсе. Церемония совершалась в соответствии с древним ритуалом. Пюисегюр, потомок одного из старейших дворянских родов Франции, остановился на время коронации в одном из праздничных шатров на базарной площади. Возможно, из-за повышенной влажности семидесятичетырехлетний аристократ сильно заболел и был отправлен домой в замок в Бюзанси, где вскоре скончался, оставив о себе память как о предельно честном, щедром, хотя, может быть, и недостаточно критичном человеке[64]. При своем врожденном уважении к рангу и старшинству Пюисегюр всегда считал себя благодарным последователем Месмера и никогда не пытался занять его место. Его имя было предано забвению, а сочинения стали редкостью. В 1884 году Шарль Рише заново откроет миру имя Пюисегюра и докажет, что большая часть того, что его знаменитые современней считали своими открытиями в сфере гипноза, уже давно было описано Пюисегюром в своих сочинениях.

В наше время Бюзанси представляет собой очаровательную маленькую деревню, скрытую среди лесов, плодородных полей и лугов. Замок древнего и могущественного рода Пюисегюр почти полностью исчез. Вековой вяз сохранялся долго и стоял до 1940 года: Société des Amis de Mesmer (Общество друзей Месмера) собиралось снимать фильм о жизни Месмера, один из эпизодов которого был посвящен этому дереву, но случившаяся тогда же буря вырвала дерево с корнем. Окрестные фермеры бросились растаскивать его на кусочки, некоторые брали кору дерева, приписывая ей профилактические или же лечебные свойства[65]. Ключ все так же продолжает бить на том же месте, где и раньше, ключевой воде тоже приписывают удивительные целительные свойства. Могила Виктора Раса на маленьком деревенском кладбище не сохранилась, а его потомки, которых удалось проследить до настоящих дней, совершенно не имеют представления об исторической роли своего предка[66]. Маленькая старая церковь хранит прах нескольких Пюисегюров, в том числе и Амана-Мари-Жака де Шатене, маркиза де Пюисегюра, одного из великих, незаслуженно забытых людей, внесших огромный вклад в историю психологической науки.

Распространение месмеризма

Движение Месмера было еще достаточно молодым и неустоявшимся, когда в 1785 году ее лидер исчез. Однако оно продолжало существовать, медленно развиваясь в разных направлениях. Ранние магнетизеры проделали много практической работы и публиковали интересные

наблюдения, однако странный феномен магнетического сна сильно повлиял на их воображение и акцентировал их внимание на всем необычном. В 1787 году в Лионе некто Палетен опубликовал сочинение об истерической женщине, которая впадала в каталептическое состояние, при этом все ее функции чувственного восприятия в этом состоянии концентрировались в надчревной области (epigastrium), таким образом, она могла смотреть и слышать исключительно надчревной областью[67]. Хотя Месмер и был известен в Германии и демонстрировал там свои способности в 1775–1776 годах, его имя позднее стало ассоциироваться с новым магнетизмом, который открыл Пюисегюр. В 1786 году маркграф земли Баден Карл Фридрих отправил делегацию к Месмеристскому Обществу в Страсбурге, и вскоре магнетизм стал известен в этих землях. В 1787 году профессор Бекманн, физик из Карлсруэ, основал Archiv für Magnetismus und Somnambulismus (Архив исследований магнетизма и сомнамбулизма). Необычное состояние магнетического сна использовалось для того, чтобы попытаться разгадать сверхъестественные откровения. Было проведено много исследований случая молодой женщины двадцати трех лет, жившей в маленьком городке Раштадт (земля Баден), которая во время магнетического сна объясняла тайны строения человеческой души, рассказывала о семи ступенях магнетического сна, устройстве окружающей природы и даже о Боге и Святой Троице[68].

После временного запрета в годы Революции развитие животного магнетизма во Франции и в Германии приняло разные направления.

Во Франции, как мы видели, Пюисегюр около 1805 года возобновил исследования в области магнетизма и опубликовал несколько работ. Вместе с сочинениями Месмера они, по крайней мере, на протяжении одного поколения, считались классическими работами по этому вопросу. Однако начиная с 1812 года появляются новые исследователи и, соответственно, новые методы изучения магнетизма.

Одним из первых из них был экзотичный аббат Фариа, португальский священник, который утверждал, что он приехал из Индии, где был посвящен в брахманы. В 1813 году он начал читать курс лекций по ясновидению во сне, в котором критиковал учение о физических флюидах, а также теорию связи между магнетизером и пациентом. Он утверждал, что, по сути своей, процесс магнетизации в большей степени зависит не от магнетизера, а от пациента[69]. Далее он учил, что некоторые типы личностей восприимчивы к гипнозу, и называл их natural epoptes. Его техника заключалась в том, что, усадив пациента в удобное кресло, он просил пациента фиксировать все свое внимание на открытой ладони его поднятой руки, после чего он громким голосом командовал: «Спать!». Пациент впадал в магнетический сон. Пока он находился в этом состо-

янии, Фариа вызывал у них видения, а также производил внушение уже после сеанса гипноза. К сожалению, Фариа очень плохо изъяснялся по-французски, да к тому же (по сведениям Нуазе) стал жертвой розыгрыша, когда к нему на сеанс пришел актер с намерением пошутить над ним. После этого Фариа стал главным посмешищем Парижа. Его имя дошло до наших дней во многом потому, что Александр Дюма использовал Фариа для создания образа одного из своих персонажей в романе «Граф Монте Кристо». Жане утверждал, что именно Фариа посредством Нуазе и Льебо был действительным предшественником Школы в Нанси.

Гораздо больший успех сопутствовал Делёзу, и именно ему приписывают возрождение магнетизма во Франции Он так же, как и Фариа, читал курс лекций и опубликовал книгу, в которой довольно ясно и четко изложил свои воззрения[70]. Делез утверждал, что эра «чудесных исцелений» прошла вместе с уходом из жизни Месмера и Пюисегюра и что настало время четко отработанной и систематизированной техники. Он также отмечал, что старые разногласия между «флюидистами» (теми, кто верил в физические флюиды Месмера) и «анимистами» (теми, кто отдавал предпочтение психологической стороне проблемы) и сторонниками смешанной теории (теми, кто верил в то, что флюиды действуют посредством воли магнетизера) на тот момент уже совершенно утратили свою актуальность: практики пришли к своему пониманию проблемы. Он дал великолепные описания явлений, происходящих во время состояния искусственного сомнамбулизма, довольно скептически относился к мнимым сверхъестественным проявлениям и предупреждал о возможных ошибках при лечении магнетизмом.

Если Делез был преимущественно врачом и эмпириком, — Александр Бертран который получил двойное — физическое и инженерное — образование, подходил к проблеме животного магнетизма с намерением исследовать его в научно-экспериментальном плане[71]. Жане, который ставил работы Бертрана выше работ всех остальных, считал его настоящим новатором в изучении гипноза.

Нуазе, офицер французской армии, присутствовавший при демонстративных сеансах Фариа, вспоминает, как он познакомился с Бертраном, который тогда только начал изучать магнетизм, и как он убедил его в несостоятельности теории флюидов. Они стали друзьями, и оба отослали свои работы на конкурс, который проводила Берлинская академия, но работы им вернули. Бертран переделал свою работу в сочинение под названием «Трактат» (Traite), в то время как у Нуазе ушло целых тридцать пять лет, чтобы написать свой труд и опубликовать его в сокращенном варианте[72]. Учение Нуазе продолжил Льебо, и, таким образом, техника Фариа была взята за образец Нансийской школой. И Бертран, и Нуазе придавали особое значение тому обстоятельству, что мозг

человека воспринимает мысли и рассуждения, о которых мы не имеем понятия и которые можно распознать только по их воздействию на нас.

Среди французских магнетизеров мы встречаем также фамилии Шарпиньон, Тест, Лафонтен, Депин, Дупоте, Дюран (де Грос) и другие. Все они заслуживают высшей оценки, но, тем не менее, сегодня основательно позабыты. Жане протестовал против того, чтобы их называли «предшественниками», как их порой не совсем уважительно именовали. Эти люди, утверждает он (равно как Пюисегюр и ранние месмеристы), были настоящими основателями гипнотической науки: они с самого начала описали это явление, и в течение девятнадцатого столетия ничего существенного добавлено не было.

Эти исследователи, например, осознали тот факт, что феномен связи между магнетизером и пациентом имеет главенствующее значение в теории магнетизма и сомнамбулизма и что воздействие этой связи выходит далеко за рамки самой лечебной сессии. Внушения, совершаемые после сеанса, были описаны уже в 1787 году и были хорошо известны Фариа и Бертрану[73]. Обоюдное воздействие друг на друга пациента и магнетизера вскоре стало одним из пунктов концепции раппорта (терапевтической связи)[74]. Ранние магнетизеры предупреждали об опасности, заключенной в сильном межперсональном притяжении, вызываемом посредством такой связи, хотя в то же время они знали и о том, что это притяжение имеет и свои пределы. Тардиф де Монтревель в 1785 году отметил, что пациент, находясь в состоянии магнетического сна, может также сопротивляться любым аморальным командам, которые отдает нечистоплотный в нравственном отношении гипнотезер[75]. Они также уделяли внимание превратностям индивидуального лечения, объясняя, как лучше начать и закончить его курс, и предупреждали о вреде слишком частых сеансов и слишком большой продолжительности курса[76]. Кроме того, ранние магнетизеры исследовали различные виды состояния пациента во время магнетического сна, включая случаи раздвоения личности. Главной задачей исследования они ставили изучение влияния разума на тело человека и возможности лечения различных органических заболеваний с помощью магнетизма. Магнетизеры довольно часто объединялись в рабочие группы и фиксировали подробности своей практики в журнале. Несмотря на все их заслуги: обширный опыт, который им удалось накопить, принципиальную честность и рациональный подход лучших из них, магнетизерам ранней поры так и не удалось широко распространить свое учение. Они делали отчаянные, но безуспешные попытки добиться от официальной медицины признания магнетизма; все назначенные Академией наук комиссии давали отрицательное заключение[77]. Жане отмечает, что большинство магнетизеров, вместо того чтобы объяснять наиболее элементарные проявления магнетического

сна, наивно полагали, что смогут доказать истинность своей доктрины с помощью необычных явлений. Кроме того, большинство из них не являлись профессионалами и к тому же часто находили совершенно необразованных, хотя и чувствительных к гипнозу пациентов. На глазах у всей комиссии они погружали последних в транс, после чего те начинали ставить диагнозы и предписывать то или иное лечение. С точки зрения медицины того времени это было вдвойне неверно и вызывало гнев у медиков-профессионалов. Ну и, в конечном счете, магнетизеры были беспомощны против целой толпы шарлатанов, которые использовали технику магнетизма для хорошо оплачиваемых показов на сцене, публичных демонстраций, которые иногда заканчивались психическими эпидемиями и дискредитировали магнетизм как учение.

Развитие месмеризма в Германии приняло своеобразный характер, так как, в отличие от Франции, в Германии университеты проявляли к животному магнетизму самый неподдельный интерес, к тому же немецкие романтики и натуралисты принимали теоретические положения этой концепции. В 1812 году прусское правительство назначило комиссию по расследованию, которая в 1816 году опубликовала отчет с положительным отзывом, после чего университеты Берлина и Бонна учредили кафедры месмеризма[78].

Среди немецких месмеристов были люди необычайного интеллекта и образованности, такие, как Гмелин, Клуге, братья Хуфеланд, Кизер, Нассу Пассаван и Вольфарт, который в 1811 году основал журнал «Асклепий» (Asklapeion)[74], где много внимания уделялось магнетизму. Вольфарт путешествовал к Месмеру во Фрауенфельд и привез оттуда последнюю книгу Месмера.

Так же как и их французские коллеги, немецкие месмеристы понимали центральную роль, которую в лечении играла связь между магнетизером и пациентом, но при этом рассматривали само явление в более философском аспекте. В своем научном труде Клуге пишет, что магнетизер и пациент образуют «магнетический круг», т. е. замкнутый мир двух личностей, который нужно защищать от излишнего света, шума и внешних помех[80]. Фридрих Хуфеланд сравнивал союз магнетизера и пациента со связью, существующей между беременной женщиной и плодом, и учил, что лечение также имеет стадии, схожие с теми, через которые проходит развитие плода до самого его рождения, соответствующего концу лечения[81].

Немецкие романтики были очень заинтригованы теорией Месмера об универсальных физических флюидах. На это у них было две причины: первая заключалась в том, что их привлекала теория Месмера об универсальных «флюидах». Философы-романтики рассматривали Вселенную как живой организм, наделенный всепроникающей душой,

объединяющей все в единое целое. Флюиды Месмера — будь их существование доказано — стали бы подтверждением правильности такой концепции. Вторым фактором стало открытие Пюисегюром магнетического сомнамбулизма и возникающей в этом состоянии повышенной ясности сознания. Месмер в своих трудах уже упоминал о «шестом чувстве», которое проявляется в чувствительности к флюидам; Пюисегюр открыл, что «шестое чувство» позволяет людям описывать события, происходящие далеко, а также предсказывать будущее. Романтики полагали, что, используя состояние сомнамбулической ясности сознания, они смогут установить контакт с Мировой Душой. По вышеизложенным причинам значительная часть внимания исследователей уделялась феномену магнетического сомнамбулизма как такового. Клуге в своем учебнике по животному магнетизму различал шесть ступеней этого состояния: (1) Состояние бодрствования — пациент чувствует нарастающее тепло; (2) Состояние полусна; (3) «Внутренняя темнота», т. е. собственно состояние сна и отсутствие чувствительности»; (4) Внутренняя ясность, т. е. ощущение своего тела, экстрасенсорное восприятие, чревовещание и т. п.; (5) «Самосозерцание»: пациент способен очень ясно видеть изнутри свое тело и тело того, с кем он находится в связи; (6) «Универсальная ясность»: способность раздвигать границы времени и пространства и воспринимать события прошлого, будущего или же происходящие в данный момент на значительном расстоянии[82].

Очень немногие пациенты, однако, могли достичь последних трех стадий, и особенно шестой стадии, поэтому считалось, что первейшая философская и научная проблема состоит в том, чтобы найти такой объект исследования и систематически работать с ним. Таким образом, если французские магнетизеры искали сомнамбул с повышенной ясностью восприятия для усовершенствования своих методов лечения, немецкие — использовали их в своих дерзких опытах в области экспериментальной метафизики.

Среди таких необычных пациентов, которые в то время буквально наводнили Германию, никто не достиг такой известности, как Катарина Эммерих и Фредерика Хауффе. Катарина Эммерих (1774–1824), бедная крестьянка, бывшая монахиня Дюльменской обители в Вестфалии. У нее были видения, а на теле она носила стигматы Страстей Господних. Поэт Клеманс Брентано, после того как посетил ее, решил порвать со своей прежней жизнью и стал секретарем этой святой. Он поселился в Дюльмене и жил там с 1819 года до самой смерти Катарины в 1824 году[83]. В каталептическом состоянии Катарине являлись Страсти Господни, отчего она очень страдала. Каждую ночь она видела сны, которые шли в правильной последовательности согласно литургическому календарю. В этих снах ей являлись эпизоды из жизни Христа и Бого-

матери. Брентано приходил к Катарине каждое утро и записывал с ее слов содержание снов и видений. На основе этого материала он выпустил две книги, которые пользовались огромным успехом[84, 85]. Несмотря на художественные приукрашивания[86], которые привнесло поэтическое перо, многие люди считали эти откровения реальными историческими фактами.

Другая женщина, Фредерика Хауффе (1801–1829) была прорицательницей. Ее прославил поэт-врач Юстинус Кернер, но и она, в свою очередь, принесла ему огромную славу. Хотя в исследованиях Кернера есть существенные недостатки, они стали вехой в истории динамической психиатрии.

Юстинус Кернер (1786–1862) был сыном небогатого чиновника в Вюртемберге. В замечательном автобиографическом труде[87] он рассказывает о своем детстве в маленьком городке Людвигсбург, где был дом, населенный призраками, и башня, в которой, по преданию, занимался черной магией сам доктор Фауст. Рядом с домом его родителей находился приют для умалишенных, который Юстинус мог видеть из своего окна. В раннем детстве он видел поэта Шиллера, а когда Кернеру было двенадцать лет, магнетизер Гмелин вылечил его от нервного заболевания. С этих пор он стал испытывать стойкий интерес к раскрытию тайн человеческого разума. Некоторые стихотворения Кернера принадлежат к второстепенной классике немецкой поэзии. Как врач именно он впервые описал вид пищевого отравления, который в наши дни называют ботулизмом, и дополнил свои клинические исследования очень интересными опытами на животных[88]. В 1819 году он получил должность городского врача в небольшом городке Вейнсберг в Вюртемберге, где прожил до самой смерти в 1862 году. Дом Кернера, известный своим гостеприимством, вскоре стал маленькой Меккой для поэтов, писателей, философов, а также просто людей всех рангов и классов, включая королей и принцев[89]. Кернер был добродушным, щедрым, жизнерадостным человеком. Интересный собеседник, любитель природы, популярных песен и фольклора, он интересовался также мистикой и оккультизмом[90]. Он первый совершил исследование истории жизненного пути Месмера и собрал биографические документы по этому вопросу. Кернер выделял среди своих пациентов случаи одержимости, которые он называл демонико-магнетическими заболеваниями[91]. В таких случаях он применял технику, в которой причудливо смешались элементы экзорсизма и магнетизма. По словам друга Кернера Давида Штраусса, он был гораздо менее легковерным в своем отношении к одержимости, магнетическому сомнамбулизму и якобы существующим сверхнормальным психическим проявлениям, чем это принято считать. Он

смотрел на эти вещи как поэт, надеющийся, что все это действительно существует, но, тем не менее, не был в этом твердо убежден.

Двадцать пятое ноября 1826 года стало поворотным днем в жизни Кернера: в этот день он впервые увидел Фредерику Хауффе, которую принесли к нему в состоянии, близком к смерти. Шестого апреля 1827 года Кернер взял ее к себе в дом, где она прожила недолго, до своей смерти в 1829 году. Ее история, со слов Кернера, вкратце такова[92]:

Фредерика Хауффе родилась в деревне Преворст, в Вюртемберге, в семье егеря. Будучи необразованной, она не читала ничего, кроме Библии и псалмов. Видения и предсказания стали посещать ее еще в детском возрасте. Когда Фредерике исполнилось девятнадцать лет, родители решили выдать ее замуж за человека, которого она не любила. В тот же самый день хоронили священника, которым она была очень увлечена. Во время похоронной службы она «умерла для видимого мира», и с этого момента началась ее «внутренняя жизнь». Вскоре после того, как она вышла замуж, она заболела, воображая, что лежит в постели с трупом священника. Фредерика вошла в серию «магнетических кругов», в то время как ее физическое состояние все более и более ухудшалось: она страдала от конвульсий, каталепсии, кровоизлияний и лихорадки, при этом ни врачи, ни целители не могли найти никакого средства, которое могло бы ей помочь. Наконец, ее привезли к Кернеру — изможденную, бледную, с горящими глазами, с лицом закутанным в белую ткань наподобие головного убора монахинь. Сначала Кернер попытался лечить ее обычными медицинскими средствами, но заметил при этом, что каждое лекарство, которое он давал ей — даже в мельчайшей дозе, — вызывало реакцию, прямо противоположную той, которая ожидалась. Тогда он решил прибегнуть к « магнетическим пасам», после чего состояние пациентки стало медленно улучшаться. На протяжении оставшегося времени своего пребывания в Вайнсберге Фредерика вела «бестелесную жизнь», то есть ее жизненные силы как будто проистекали не из ее организма, а исключительно от сеанса магнетизма, которым она день за днем подвергалась через регулярные промежутки времени. Большую часть времени она находилась в магнетическом сне, хотя в этом состоянии она «была в сознании более чем кто-либо другой» и обнаружила в себе удивительный дар «прорицательницы». Кернер тщательно исследовал ее, он записывал все то, что она говорила и провел ряд экспериментов, в чем ему помогала целая группа философов и теологов.

Ни у кого из тех, кто видел «прорицательницу», не возникало подозрений в том, что она является мошенницей. На многих она производила сильное впечатление. Теолог Давид Штраус сообщает, что у Фредерики были благородные, тонкие и просветленные черты лица, она говорила медленно, в торжественно-мелодичной манере, напоминающей речитатив, на чистей-

шем верхненемецком, а не на швабском диалекте, распространенном в этой местности. Когда она давала совет, наставление или рассказывала о мире духов, то говорила с большим чувством.

Утверждали, что «прорицательница» могла видеть события, происходящие на большом расстоянии, и предсказывать будущее. В ее присутствии происходили якобы также загадочные явления физического характера, например, спонтанное перемещение предметов. От неинкарнированных духов она получала информацию как общего, так и частного характера. Например, она могла раскрывать тайны человеческой природы, «магнетических кругов»: Фредерика утверждала, что существует семь «кругов солнца» и один «жизненный круг». Эти сведения, видимо, были символическими изображениями духовных состояний.

«Прорицательница» часто говорила на неизвестном языке, который Кернер и его друзья нашли звучным и очень красивым. Она утверждала, что это изначальный язык человечества, забытый со времен Иакова, который, однако, можно обрести вновь при определенных обстоятельствах. Так как она владела им свободно и при этом переводила его, некоторые люди научились понимать ее. К сожалению, Кернер не составил грамматики этого языка или хотя бы словаря, а только записал несколько высказываний, например: O pasqua non ti bjat handacadi? (Не подадите ли вы мне руку, доктор?) или Bona finto girro (Люди должны идти). Этот язык был записан и представлял систему шифрованных знаков, каждый из которых также имел цифровое значение. Фредерика постоянно комбинировала эти и другие цифры в систему внутренних вычислений, которые непрерывно происходили в ее сознании.

Кернер, заметив сверхчувствительность своей пациентки ко многим вещам, проделал систематическое исследование влияния, которое на нее оказывали различные вещества: минералы, растения, продукты животного происхождения, а также влияние солнца, луны, электричества, звуков и музыки.

В состоянии магнетического транса «прорицательница» часто предписывала себе лекарства, которые всегда помогали ей, когда она что-либо предсказывала. В одном из снов Фредерика сконструировала аппарат, который назвала «прибором для настройки нервов», Nervenstimmer. Кернер сделал этот прибор, следуя ее указаниям: прибор действительно оказался эффективным. Также сообщается, что «прорицательница» вылечила несколько человек, но Кернер, похоже, не особенно поощрял эту грань ее таланта.

Прорицательница вызвала огромный интерес по всей Германии. Такие философы, как Геррес, Баадер, Шеллинг, Г. фон Шуберт, Эшенмайер и теологи — Давид Штраус и Шлейермахер, помногу раз приезжа-

ли в Вейнсберг, чтобы увидеть ее и с полной серьезностью обсуждали ее откровения. Вскоре после ее смерти Юстинус Кернер опубликовал книгу Die Seherin von Prevorst[93], в которой он приводит как свои собственные наблюдения, так и описание проведенных им экспериментов. К этому прилагалось теоретическое исследование Адама Карла Августа фон Эшенмайера. Книга имела в Германии колоссальный успех и переиздавалась несколько раз. Это была первая монография в истории динамической психотерапии, посвященная одному пациенту. Существовало мнение, что Кернер и его сподвижники были просто одурачены истеричной женщиной, но нет никаких доказательств того, что Фредерика вводила окружающих в заблуждение, равно как и того, что Кернер исказил или слишком приукрасил то, что она говорила. Очевидно, он прилагал огромные усилия, чтобы остаться объективным и отделить свои собственные наблюдения от результатов экспериментов и философских интерпретаций, которые он оставил на усмотрение Эшенмайера. Но ни Кернеру, ни его сподвижникам не пришла в голову мысль о том, что сам факт подхода к изучению пациентки с определенными ожиданиями мог оказать воздействие на появление у нее этих ожидаемых симптомов или проявлений. «Прорицательница из Преворста» и в наше время представляет определенную ценность как описание непреднамеренного эксперимента по осуществлению (perfomances) бессознательным «мифопоэтических» функций в соответствующем времени и при благоприятных обстоятельствах. Интерес к «прорицательнице», вызванный описанным наблюдением Кернера, вылился в целый поток писем и сообщений о подобных случаях. Кернер и его соратники опубликовали много таких материалов в Blätter von Prevorst (1831–1839) и в Magikon (1840–1853). Это, вероятно, были первые периодические издания, посвященные в основном парапсихологии.

В последний период своей жизни Кернер потерял горячо любимую жену и постепенно ослеп. Он впал в тяжелую депрессию, но, тем не менее, не прекратил своей деятельности. Для развлечения он делал кляксы на листках бумаги, складывал их и придавал получившимся чернильным пятнам забавную форму, а затем записывал на каждом таком листе по стихотворению. Он говорил, что эти фигурки — привидения и монстры, живущие в преисподней Гадесе (временном пристанище духов). Эта книга, изданная после смерти автора под названием Klecksographien, стала источником вдохновения для Германна Роршаха, который гораздо позднее разработал тестирование с помощью клякс[94].

Далее вы увидите, что в начале девятнадцатого века в Германии многие испытывали сильное влияние животного магнетизма, но после 1850 года оно пошло на убыль, уступая место позитивизму и научному рационализму.

За пределами Франции и Германии развитие месмеризма шло гораздо медленнее. В Англии месмеризм столкнулся с сильным сопротивлением, однако между 1840 и 1850 годами ситуация изменилась. На врача из Манчестера по имени Джеймс Брейд оказали сильное впечатление выступления французского магнетизера Лафонтена, посетившего Англию в ноябре 1841 года. Сначала Брейд был настроен скептически, но, повторив опыты Лафонтена, вскоре поверил в небезосновательность магнетизма. Он отверг теорию флюидов и предложил свою, основанную на физиологии мозга. Брейд освоил старую технику Фариа и Бертрана, заменив фиксацию внимания на руке фиксацией внимания на блестящем предмете. Используя более подходящий термин «гипнотизм», он добился того, что магнетизм был признан в некоторых медицинских кругах, после чего Брейда в Англии стали считать основателем этого учения[95]. К сожалению, Брейд пытался комбинировать гипнотизм и френологию, что стало причиной множества его неудач. Независимо от Брейда английский хирург Джон Эллиотсон сделал доклад об операциях, которые он безболезненно совершал на пациентах, погруженных в состояние магнетического сна[96]. Эллиотсон жаловался, что натолкнулся на бешеное сопротивление со стороны Королевского медицинского и хирургического обществ. Почти одновременно другой английский хирург Эсдейл, который практиковал в Индии, сообщил, что провел 345 хирургических операций, используя месмерическую анастезию, — технику, которая, по его словам, удавалась ему лучше при работе с индусами, нежели с англичанами[97]. Он также использовал ее как главный метод лечения. Несколько лет спустя Эсдейл объявил о существовании «месмерической болезни», которая представляет собой искусственно созданное, однако довольно тяжело переносимое состояние у людей, привыкших к частому магнетическому воздействию[98]. Однако произошедшее вскоре открытие эфирной анестезии привело к тому, что эта техника стала ненужной.

Магнетизм также нашел последователей и в Шотландии. Анонимный автор опубликовал описание нескольких интересных экспериментов и отмечал необычное влечение, которое магнетизированные пациенты испытывали друг к другу во время сеанса[99]. Он также представил великолепные результаты работы с пациентом, находящимся в состоянии магнетического сна в течение десяти дней. Воздействие месмерического учения было столь сильным, что в 1851 году в Эдинбурге и других городах Шотландии разразилась настоящая психическая эпидемия[100].

В США магнетизм появился сравнительно рано. Нужно отметить, что Месмер попросил Лафайета, своего ученика из числа аристократов, быть послом к Джорджу Вашингтону. Но практическое применение

магнетизма можно было увидеть только в Новом Орлеане, который в то время был все еще французским городом, в котором вскоре и образовалось многочисленное месмеристское общество. В других городах США распространение месмеризма шло довольно медленно и стало постепенно увеличивать свои темпы только после 1840 года. Среди американских последователей месмеризма, по крайней мере, два заслуживают отдельного упоминания. Первым был Финеас Паркхерст Квимби (1802–1866), молодой часовщик. Он осознал, что действительной движущей силой лечения является внушение, и практиковал нечто вроде «исцеления разума». Одна из его пациенток, известная впоследствии под именем Мэри Вейкер Эдди (1821–1910), стала основательницей движения «Крисчен Сайенс» (Христианской Науки)[101]. Другим был Эндрю Джексон Дэвис, молодой человек, который каждый день магнетизировал себя и, находясь в состоянии транса, диктовал открывающиеся ему сведения о мире духов[102]. Изданная на основе этих материалов книга пользовалась огромным успехом и подготовила почву для распространения спиритизма, который вскоре стал весьма популярен.

Примечательно, как история месмеризма проходила свои позитивные и негативные фазы. Первой фазой считается период с 1777 по 1785 год, когда деятельность Месмера в Париже достигла своего пика, вторая — наступила после 1815 года, в начале 1820-х годов, третья — началась около 1840 года и закончилась в 1850-х годах. Согласно сведениям Жане[103] в период с 1815 по 1850 год во Франции возникло, по крайней мере, девять журналов, посвященных магнетизму. Месмеристские общества проводили заседания и конгрессы, вручали призы и награды, а 23 мая 1850 года организовали по случаю дня рождения Месмера большой праздник, в программу которого входили концерты, банкеты и торжественные речи.

Но по мере того как последователи Месмера становились все более многочисленными, исполненными энтузиазма и фанатизма, развитие движения все больше отклонялось от первоначального курса и дискредитировало себя: оно сдвигалось в сторону абстрактного теоретизирования, оккультизма, а временами даже опускалось до мошенничества. В такой ситуации в его развитии возникли неожиданные повороты, последовавшие за открытием спиритизма. Чтобы проследить судьбу этих поворотных моментов, следует обратить внимание на Соединенные Штаты Америки.

Влияние спиритизма

К 1840–1850 годам США представляли обширную по территории и склонную к территориальной экспансии страну с весьма энергич-

ным, хотя и относительно немногочисленным населением, составлявшим около 20 миллионов человек. Большая его часть жила в маленьких городках. Уровень образованности обычного человека был выше, чем в других странах, но зато отсутствовал «образованный высший класс», который определял бы традиции и культурные нормы. Каждый человек считал своим правом самому думать и заботиться о себе и с достаточным энтузиазмом пользовался им скорее под влиянием обстоятельств, нежели рукодствуясь интеллектуальной дисциплиной. Священники и общины часто меняли свои взгляды, и число сект увеличивалось. Таким образом, в стране существовала сильная перманентная предрасположенность к психическим эпидемиям, которые возникали неожиданно, распространялись с огромной скоростью и в малочисленных районах вовлекали в свой «водоворот» буквально каждого. Открытия того времени — например телеграф — распаляли воображение. Ничто не казалось настолько фантастичным, чтобы быть отвергнутым без предварительного изучения. В результате совершенно тривиальный инцидент стал началом непредвиденной по силе психологической эпидемии — возникновения и распространения спиритизма[104].

Если можно доверять сведениям того времени, все началось в 1847 году, когда одного человека из Хайдсвилла, около Аркадии, стали беспокоить звуки, раздававшиеся в доме по ночам, и он продал дом фермеру Джону Фоксу, который въехал туда с женой и двумя дочерьми, пятнадцати и двенадцати лет. Таинственные звуки не прекратились. Вечером 31 марта «нечто» ответило (повторило) на постукивания, которые совершала одна из сестер, а затем — в присутствии соседей — это «нечто» ответило на вопросы матери, использовав элементарный код. Обнаружилось, что ранее в этом доме жил человек, которого убили и похоронили в погребе. Толпы любопытных стали сходиться к дому Фоксов. Через несколько дней миссис Фокс с дочерьми пошли в гости, по дороге «постукивания» следовали за ними и продолжали общаться, сообщая, что они духи умерших людей. Миссис Фокс с дочерьми вскоре стали назначать плату за свои сеансы спиритизма, и у них появилось много подражателей. Эпидемия быстро распространялась по всей стране; система кодового общения с духами была доведена до совершенства. В феврале 1850 года появилось сообщение о физических проявлениях духов. Например, сообщалось, что во время спиритического сеанса начинали двигаться столы, можно было услышать громкие необычные звуки, а флюиды становились видимыми. В стране началась страстная полемика. Организовались спиритические группы, писались памфлеты, издавались журналы, проводились конгрессы. Среди наиболее активных участников движения было много последователей Месмера.

В начале 1852 года волна спиритизма пересекла Атлантику и обрушилась на Англию и Германию. В апреле 1853 года она пронеслась по Франции и вскоре достигла всех цивилизованных частей мира[105].

Тем временем было открыто, что результаты спиритизма в большой степени зависят от личностей его участников: некоторые люди препятствуют появлению «духов», другие — помогают им, а немногие привилегированные могут быть использованы в качестве медиумов или посредников между живыми и мертвыми. Некоторые из медиумов могут писать автоматически, разговаривать в состоянии транса и, как предполагают, вызывать появление ряда физических феноменов. Около 1860 года «духи» начали «зримо» появляться во время сеансов, а в 1862 году были продемонстрированы их фотографии, якобы снятые во время сеансов, а также слепки, сделанные с их рук. За этим последовала эпоха выдающихся медиумов: Флоренс Кук, Стайнтон Мозес, Слейд, Хоум и другие[106]. Говорили, что во время сеансов Хоума в воздух взлетали пианино, арфы, и аккордеоны начинали играть сами по себе, и слышались голоса духов[107]. Видели, как Хоум помещал руку в огонь, и говорили даже, что на одном из сеансов он исчез, «вылетев» через окно на высоте четвертого этажа[108], и влетел обратно через окно в другой комнате. Сэр Уильям Крукс, хорошо известный физик, экспериментировал с Хоумом и Флоренсом Куком. Крукс клянется, что в присутствии Кука он наблюдал «воплощение» прекрасной женщины Кэти Кинг. Она позволила Круксу сфотографировать себя и разговаривала с ним и его друзьями[109].

Эпидемия спиритизма постепенно шла на убыль, однако многие группы спиритистов продолжали действовать. В Париже Ипполит Ривель, бывший школьный учитель, последователь Песталоцци в Швейцарии, увлекся спиритизмом и выпустил в свет несколько систематизированных исследований, пользуясь псевдонимом Аллан Кардек. Своим воззрениям он придал характер ставшей очень популярной мирской религии. «Книга духов»[110] стала — по выражению Жане — пособием не только для спиритистов, но и для самих духов.

Чарльз Рише провел более систематическое исследование спиритических явлений. Попытки изучить их ранее предпринимались Круксом и Целльнером, которые подошли к этому исследованию недостаточно критично. Постепенно на свет появлялась новая наука — парапсихология. В Англии Майерс и Герни в 1882 году образовали Общество психологических исследований, которое собрало большое количество тщательно проверенных сведений. Скрупулезный исследователь, Майерс допускал существование жизни после смерти и возможность общения с умершими, в то время как Флурнуа из Женевы считал это явление следствием сублиматического восприятия и криптомнезии.

Возникновение спиритизма как явления сыграло значительную роль в истории динамической психиатрии, так как оно косвенным образом знакомило психологов и психопатологов с неизведанными проявлениями человеческой психики. Автоматическое письмо — один из методов, который ввели спиритисты, — было позаимствовано у них учеными для исследований бессознательного. Шевроль, который еще в 1833 году продемонстрировал, как скрытое мышление исполнителя может управлять движением магического жезла или маятника[111], возобновил свои старые опыты, чтобы дать рациональное объяснение феномену переворачивания столов на демонстрационном сеансе[112]. Появился новый участник — медиум, который также стал доступен в качестве объекта для экспериментальных психологических исследований. Так появилась новая модель человеческого разума.

Другим побуждающим фактором дальнейшего развития динамической психиатрии стало появление великих профессиональных гипнотизеров, которые, разъезжая по всей Европе, демонстрировали свое искусство, привлекая внимание большого количества народа. Мы уже говорили о том, как Брейд пришел к исследованию магнетизма, посмотрев выступление магнетизера Лафонтена. Около 1880 года некоторые неврологи начинают пересматривать свое отношение к гипнотизму, посмотрев представления таких магнетизеров, как Хансен в Германии и Донато в Бельгии, Франции и Италии[113].

Эти новые достижения в динамической психологии вызывали возобновляющийся интерес к гипнозу с его «дурной славой», а также и интерес к исследованию этого явления со стороны университетских ученых и врачей, таких, например, как физиолог Шарль Рише[114]. Вскоре образовались две школы, которые внесли большой вклад в новую динамическую психиатрию: школа в Нанси и школа в Сальпетриере.

Школа в Нанси[115]

В период с 1860 по 1880 год магнетизм и гипноз стали настолько непопулярны, что сам факт использования врачом таких средств при лечении мог испортить его научную карьеру и грозил потерей медицинской практики. Жане[116] упоминает удивительную историю об известном в городе враче, который втайне ото всех купил дом в соседней деревне и устроил там больницу, где содержал нескольких пациентов, которых он лечил и изучал с помощью постоянного гипнотического воздействия.

Среди тех немногих, кто не боялся гипнотизировать открыто, был Огюст Амбруаз Льебо (1823–1904), от которого и начала свою жизнь школа в Нанси. Льебо был двенадцатым ребенком в семье крестьянина в провинции Лорен[117]. Упорным трудом он сумел получить образование

и занять должность сельского врача в Понт-Сен-Винсент, недалеко от Нанси. Он оказался очень хорошим практикующим специалистом, и за несколько лет ему удалось заработать себе небольшое состояние. Будучи еще студентом-медиком, он нашел старую книгу по магнетизму и сумел успешно промагнетизировать нескольких своих пациентов. Неизвестно, что заставило Льебо использовать именно этот метод после того, как учение магнетизма утратило былую популярность. В силу того, что клиенты Льебо неохотно соглашались на лечение магнетизмом, он предлагал им выбор: либо лечиться с помощью магнетизма бесплатно, либо обычными средствами за плату. Число его пациентов настолько возросло, что через четыре года у него была огромная практика, не приносившая, впрочем, никакого дохода. Тогда Льебо решил уйти в двухлетний отпуск, он купил дом в Нанси и поселился там, посвящая все свое свободное время написанию книги о своем методе[118]. Состояние магнетического сна, утверждал Льебо, идентично состоянию сна обычного. Существенное различие состоит лишь в том, что первый является следствием внушения: с помощью концентрации внимания пациента на идее сна. Это является причиной того, почему пациент не теряет раппорта с гипнотизером во время сеанса. Согласно сведениям Жане, идеи Льебо восходят к учению Нуазе и Бертрана. (Любопытно, что Льебо через много лет поверил в теорию флюидов, которую отвергал большую часть своей жизни.) Но дело в том, что он был, несомненно, больше гипнотизером-практиком, нежели писателем. Есть сведения, что за десять лет был куплен всего один экземпляр его книги[119]. Вскоре Льебо возобновил свои медицинские занятия. Он принимал пациентов с 7 утра до обеда, при этом брал с них ту сумму денег, которую они сами желали ему заплатить.

Ван Рентергем, посетивший Льебо во времена его запоздалой славы, описывает его как человека небольшого роста, разговорчивого и живого, с морщинистым смуглым лицом и внешностью крестьянина[120]. Льебо, сообщает он, принимал по 25–40 пациентов за утро. Он работал в старом сарае с побеленными стенами и полом, уложенным каменными плитами. Пациента он принимал в присутствии остальных посетителей, при этом царящий в помещении шум ему нисколько не мешал. Льебо гипнотизировал пациента, внушая ему, что тому очень хочется спать. Когда пациент находился в состоянии легкого гипноза, Льебо внушал ему, что он освободился от своего заболевания. Большинство пациентов были крестьяне из соседних деревень, и он успешно лечил их одним и тем же методом от всех болезней — артритов, язвы желудка, желтухи или же туберкулеза легких.

В течение более чем двадцати лет Льебо считали шарлатаном (так как он лечил гипнозом) и дураком (так как он не брал денег). Слухи о его чудесных исцелениях дошли до Бернгейма, который в 1882 году решил

навестить Льебо, после чего признал значимость его идей. Случаи, когда уважаемый профессор соглашается подтвердить и перенять нетрадиционный метод старика, стяжавшего славу шарлатана и дурака, происходят не часто. Тем не менее Бернгейм совершенно открыто стал почитателем таланта Льебо, его учеником и преданным другом, а также ввел его методы лечения в университетской больнице. Льебо неожиданно обрел славу великого ученого, а его книга, преданная забвению, стала пользоваться большой популярностью.

Льебо считается духовным отцом Школы в Нанси, но реальным ее лидером был Ипполит Бернгейм (1840–1919)[121]. Патриот Эльзаса и Франции, Бернгейм оставил свою должность в Страсбургском университете, когда в 1871 году Эльзас был аннексирован Германией, и получил должность в Нанси. В результате прибытия многочисленных эльзасских беженцев древняя столица провинции Лорен зажила новой жизнью. В 1872 году там был основан университет, процветала новая школа изящных искусств, возглавляемая Эмилем Галле и Виктором Пруве, позднее именно здесь появился распространившийся к 1900 году повсеместно стиль «модерн». Бернгейм, сделавший себе имя исследованиями в области тифозной лихорадки, а также заболеваний сердца и легких, был назначен титулярным профессором медицины на кафедре внутренних органов в новом университете в 1879 году. Через три года, в 1892 году, Бернгейм освоил гипнотический метод Льебо, хотя, в отличие от своего учителя, применял его только тогда, когда был уверен в своем успехе.

По описанию ван Рентергема, Бернгейм был человеком невысокого роста, с голубыми глазами; обычно он говорил тихим голосом, однако пользовался довольно авторитарными методами в управлении своим больничным отделением, аналогичные приемы он использовал и при гипнозе. Бернгейм учил, что гипнозу больше подвержены пациенты, привыкшие к пассивному поведению и подчинению, например старослужащие солдаты или заводские рабочие, лечение которых осуществлялось наиболее успешно. Его результаты в лечении людей из более богатых и привилегированных сословий были гораздо более скудными.

Бернгейм ознакомил медицинский мир с работами Льебо вскоре после того, как Шарко прочел на заседании Академии наук свой знаменитый доклад о гипнотизме[122]. С этого момента началась ожесточенная борьба между этими двумя людьми. В 1886 году Бернгейм опубликовал свой учебник[123], который был встречен с огромным успехом и сделал его лидером школы Нанси. В противоположность Шарко, он заявил, что гипноз не является патологическим состоянием, характерным для больных истерией, но есть результат «внушения». Он определил внушаемость как «способность трансформировать идею в действие», черту, в разной степени присущую каждому человеку. Гипноз, говорил он, является со-

стоянием усиленной внушаемости, достигаемым посредством внушения. Бернгейм стал использовать гипноз для лечения многих органических заболеваний нервной системы, ревматизма, желудочно-кишечных заболеваний и менструальных расстройств. Он яростно выступал против теории истерии Шарко и утверждал, что истерические состояния, продемонстрированные в Сальпетриере, являются артефактами. Со временем Бернгейм стал использовать гипноз все меньше и меньше, утверждая, что воздействие, которое может быть получено в результате применения этого метода, с не меньшим успехом достигается с помощью внушения, осуществляемого в состоянии бодрствования пациента, то есть той процедуры, которую в школе Нанси называли «психотерапевтикой»[124].

Бернгейм, однако, был врачом-интернистом, а не психиатром, и вокруг него не образовалось организованной школы. В узком смысле школу Нанси составляли четыре человека: Льебо, Бернгейм, судебно-медицинский эксперт Бонн и юрист Льежуа. Два последних особенно интересовались использованием внушения в юриспруденции и криминальной ответственности.

В более широком смысле школа Нанси состояла из разрозненной группы психиатров, которые разделяли принципы и методы Бернгейма. Среди них были Альберт Молл и Шренк-Ноцинг в Германии, Крафт-Эбинг в Австрии, Бехтерев в России, Милн Брэмвелл в Англии, Борис Сидис и Мортон Принс в Соединенных Штатах и некоторые другие, которые заслуживают особого упоминания.

Отто Веттерстренд (Wetterstrand), модный шведский врач, жил в Стокгольме в большой роскошной квартире с анфиладой гостиных, украшенных прекрасными коврами и обставленных великолепной мебелью. Это был светловолосый голубоглазый человек среднего роста, он носил усы, и веки глаз у него периодически подергивались. Веттерстренд принимал от тридцати до сорока пациентов каждый день и гипнотизировал их в присутствии других. У него также была больница, сестрами в которой служили его бывшие пациентки. В качестве лечебного средства он использовал длительный гипнотический сон, в котором его пациенты находились от восьми до двенадцати дней. Его странные методы породили легенду, представляющую его в образе всемогущественного современного волшебника[125]. Фактически же он стал зачинателем метода длительного непрерывного сна — метода, который Отто Вульф модифицировал в 1898 году, заменив применявшийся до того препарат, трионал, гипнозом.

В Голландии Фредерик Ван Иден[126], известный больше как выдающийся голландский поэт, нежели врач, занимался смелыми экспериментами с гипнозом. Он пытался учить десятилетнюю девочку в состоянии гипноза французскому языку, которого в обычном состоянии (бодрствования)

она не знала. Затем Иден перевел эти знания из состояния сна в состояние бодрствования, и к своему удивлению девочка обнаружила, что понимает и немного говорит по-французски[127]. В 1887 году он и Ван Рентергем организовали психотерапевтическую клинику в Амстердаме, которую назвали Институт Льебо[128].

В Швейцарии Огюст Форель, профессор психиатрии в Цюрихе и директор психиатрической клиники в Бургхольцли (пригороде Цюриха), посетил Бернгейма в 1887 году и вскоре стал одним из признанных мастеров гипнотизма. Подобно Льебо и Бернгейму, он весьма успешно лечил некоторые органические заболевания. Он организовал амбулаторное лечение методом гипнотической терапии. Наиболее оригинальным здесь оказалось применение им гипноза для самого обслуживающего персонала психиатрической больницы. Форель загипнотизировал нескольких добровольцев — медсестер и медбратьев, внушив им, что, несмотря на шум, их сон будет крепким, но, как только кто-то из пациентов сделает нечто необычное или опасное, они сразу же проснутся. Сообщалось, что этот метод оказался весьма успешным[129].

Зигмунд Фрейд был одним из многих визитеров школы в Нанси[130], где в 1889 году он провел несколько недель с Бернгеймом и престарелым Льебо. На него произвело впечатление сделанное Бернгеймом утверждение о том, что постгипнотическая амнезия не является столь полной, как это повсеместно считалось. С помощью концентрации и умело задаваемых вопросов Бернгейму удавалось заставить пациента вспомнить то, что он испытал в состоянии гипноза[131].

В 1900 году Бернгейм считался ведущим психотерапевтом Европы, но десять лет спустя его имя было почти забыто. Другие же, считавшиеся более современными, к этому времени достигли славы, в особенности Дюбуа в Берне, о котором Бернгейм с горечью сказал, что тот в 1871году «аннексировал» его открытие (подобно тому, как немцы «аннексировали» Эльзас и Лотарингию). Являвшийся на протяжении многих лет любимым учеником Льебо, Бернгейм теперь, очевидно, считал его своим предшественником, а себя истинным основателем психотерапии[132]. По крайней мере, ему повезло дожить до того времени, когда, незадолго до его смерти, Эльзас был возвращен Франции.

Шарко и школа в Сальпетриере

В противоположность Нансийской школе, школа в Сальпетриере была прекрасно организована и возглавлялась весьма внушительной фигурой — великим учителем Жаном-Мартином Шарко (1835–1893), невропатологом, который достаточно поздно занялся изучением некоторых умственных проявлений.

На протяжении всего периода между 1870 и 1893 годами Шарко считался величайшим невропатологом своего времени. Он выполнял должность врача-консультанта для королей и принцев, и пациенты приезжали к нему отовсюду, «от Самарканда до Вест-Индии». Но слава пришла к нему только после долгих лет непрерывного и неоцененного современниками труда, и лишь немногие из тех, кто поражался необычайному успеху Шарко, знают, что этот успех был запоздалым и что он достиг славы только после многолетних трудов.

До сих пор не существует достаточно серьезно написанной биографии Шарко. Многие из посвященных ему работ, такие, как работа Гийена[133], основаны на некрологах и, по большей части, описывают тот период жизни Шарко, когда он находился в зените славы. Содержащие ценную информацию воспоминания о Шарко были написаны его учеником Суке[134], и, в особенности, русским врачом Любимовым[135], который был знаком с Шарко последние двадцать лет жизни ученого.

Шарко родился в Париже, в семье мастера, изготовляющего экипажи, и, по словам современников, экипажи, которые он делал, были необычайно красивы и напоминали скорее произведения художника, нежели изделия ремесленника. О детстве и юности Шарко известно крайне мало. Имеются сведения о том, что он был холодным, молчаливым, застенчивым и необщительным молодым человеком, у которого к тому же был дефект речи. Шарко носил черные усы и говорят, что он получил протекцию лечить своего первого богатого ученика лишь при условии, что эти усы сбреет. Молодой Шарко был направлен в качестве интерна (медика, проживающего на территории больницы) в старую больницу Сальпетриер, которая в то время являлась чем-то вроде дома для престарелых и служила убежищем для четырех-пяти тысяч пожилых женщин. Шарко понимал, что среди многочисленных пациентов, лежащих в этой больнице, многие страдают редкими или неизвестными неврологическими заболеваниями и могут стать прекрасным источником для клинических исследований. Эта мысль приходила в голову Шарко в то время, как он медленно продвигался вперед, делая карьеру патологоанатома. Будучи еще молодым врачом, он получил приглашение от одного из своих учителей сопровождать богатого банкира во время его поездки по Италии в качестве личного врача и компаньона, что дало ему возможность ознакомиться с художественными сокровищами Италии[136]. Медицинская карьера Шарко была медленной и достаточно сложной. Однако в 1862 году наступил поворотный пункт, когда, в возрасте тридцати шести лет, Шарко был назначен главным врачом одного из самых больших отделений больницы Сальпетриер, где он с лихорадочной энергией принялся за осуществление своих планов. Изучались истории болезни, делались вскрытия, открывались лаборатории. В это

же время он начал собирать команду преданных ему сподвижников. Его вдохновляли работы Дюшена (де Булонь), выдающегося невропатолога, который не имел официальной должности и которого Шарко называл своим «учителем в невропатологии». За восьмилетний период с 1862 по 1870 год Шарко совершил открытия, сделавшие его выдающимся неврологом и невропатологом своего времени[137].

В 1870 году Шарко начал дополнительно вести палату, в которую администрация направляла женщин, страдающих от конвульсий. Некоторые из них были эпилептиками, другие — истериками, научившимися имитировать эпилептические кризы. Шарко стремился открыть способ, с помощью которого можно было бы различать эпилептические и истерические конвульсии. Он также начал исследовать истерию тем же методом, который он использовал при обследовании органических неврологических заболеваний, и с помощью своего ученика Поля Рише составил описание ярко выраженного истерического криза (grande hysterie)[138].

В 1878 году, возможно под влиянием Шарля Рише, Шарко заинтересовался гипнотизмом, серьезное научное исследование которого он предпринял (как и в случае с истерией), взяв в качестве объектов исследования нескольких из своих наиболее одаренных женщин-пациенток, страдавших истерией. Он обнаружил, что больные, впадающие в гипнотическое состояние, последовательно проходят через три стадии: «летаргию», «каталепсию» и «сомнамбулизм», для каждой из которых характерны свои совершенно определенные и специфические симптомы. Шарко доложил о своих открытиях на заседании Академии наук в начале 1882 года[139]. Это была попытка заставить признать гипнотизм ту же самую Академию, которая на протяжении столетия отвергала его трижды под названием магнетизм. Этот впечатляющий доклад придал гипнотизму необходимую респектабельность, и с этих пор запретная тема становится предметом многочисленных публикаций.

Среди наиболее эффектных достижений Шарко были его исследования травматических параличей, которыми он занимался в 1884–1885 годах[140]. В то время параличи считались следствием повреждений нервной системы в результате несчастного случая, хотя в 1837 году Б.К. Бгюуди[141], а в 1869 году Рассел Рейнольдс[142] в Англии сообщали о существовании «психических параличей». Но каким образом чисто психологический фактор может вызывать паралич при том, что пациент не знает об этом факторе, а возможность симуляции исключается?

Шарко к этому времени уже проанализировал различие между органическим и истерическим видами паралича. В 1884 году в Сальпетриер поступили три пациента с моноплегией (параличом) одной руки, насту-

пившей вследствие травмы. Шарко прежде всего доказал, что симптомы этого заболевания, хотя они и отличались от симптомов паралича органического, тем не менее точно совпадали с симптомами истерического паралича. Вторым шагом явилось экспериментальное воспроизведение подобных параличей у больных в состоянии гипноза. Шарко сделал внушение нескольким загипнотизированным пациентам, что их руки парализуются. Появившийся в результате гипнотический паралич, как оказалось, проявлял точно такие же симптомы, что и спонтанный истерический паралич и посттравматические параличи у всех трех вышеуказанных пациентов. Шарко сумел шаг за шагом восстановить эти параличи и предложил попытаться убрать их, действуя в обратном порядке. Следующим шагом явилась демонстрация последствий травмы. Шарко выбрал легко поддающихся гипнозу пациентов и внушил им, что, когда они будут находиться в состоянии бодрствования и кто-то слегка ударит их по спине, они мгновенно получат моноплегию руки точно того же типа, что и посттравматическая моноплегия. Шарко указал на тот факт, что у ряда пациентов, постоянно живущих в состоянии сомнамбулизма, гипнотическое внушение не является необходимым. Они получали паралич руки после удара по спине даже без специального словесного внушения. Таким образом, был продемонстрирован механизм посттравматического паралича. Шарко предположил, что нервный шок, сопровождающий травму, является чем-то вроде гипноидного состояния, аналогичный гипнозу и, следовательно, дающий возможность появления у пациента самогипноза. «Я не думаю, — делает заключение Шарко, — что в каком-либо психопатологическом экспериментальном исследовании было бы возможно более точно воспроизвести условие, изучить которое человек сам поставил себе в задачу».

Шарко относит истерические, посттравматические и гипнотические параличи в группу динамических параличей в противоположность органическим, являющимся результатом поражения нервной системы. Подобную демонстрацию он провел в отношении истерической немоты и истерической коксальгии (болей в тазобедренном суставе). Ему и здесь удалось экспериментально воспроизвести посредством гипнотизма клинические картины, идентичные истерическим состояниям. В 1892 году Шарко разграничил «динамическую амнезию», в которой потерянная память может быть восстановлена в состоянии гипноза, и «органическую амнезию», где восстановление невозможно[143].

В последние годы своей жизни Шарко понял, что между зоной ясного сознания и зоной органической мозговой физиологии существует еще одна обширная область. Его внимание привлекло лечение с помощью веры, и в одной из своих последних статей он писал о том, что видел больных, направляющихся в Лурд и приезжающих оттуда излечивши-

мися от своих заболеваний[144]. Он пытался проследить механизм таких излечений, предчувствуя, что увеличение знаний о законах «лечения с помощью веры» приведет к большим терапевтическим успехам.

Есть много описаний и портретов Шарко, но они почти все без исключения были сделаны в то время, когда он находился в зените славы, или в преклонных годах. Наиболее живым описанием Шарко мы обязаны Леону Доде, изучавшему медицину в Сальпетриере, отец которого, романист Альфонс Доде, был дружен с Шарко. Вот сокращенный отрывок из книги Леона Доде «Воспоминания», в котором он описывает Шарко[145]:

> Шарко был небольшого роста, полноватый, живой человек с большой головой, бычьей шеей, низким лбом, широкими щеками. Его линия рта наводила на мысль о жесткости характера и склонности к задумчивости. Он был всегда чисто выбрит и зачесывал свои прямые волосы назад. Шарко чем-то напоминал Наполеона и стремился подчеркнуть это сходство. Походка у него была тяжелая, голос властный, довольно низкий, временами ироничный и настойчивый, а выражение лица говорило о необычайном темпераменте его натуры.
>
> Он был чрезвычайно образованным человеком, знакомым с работами Данте, Шекспира и великих поэтов, читал на английском, немецком, испанском и итальянском языках. У него была большая библиотека, полная странных, необычных книг.
>
> Шарко был очень человечен, проявлял глубокое сочувствие к животным и запрещал вести в своем присутствии какие-либо разговоры об охоте и охотниках.
>
> Мне никогда не доводилось встретить более властного человека, не встречал я и человека, который обладал бы такой деспотической способностью воздействовать на окружающих. Чтобы понять это, достаточно было только увидеть, какой быстрый подозрительный взгляд он мог бросить с кафедры на своих студентов, и услышать, как он прерывает их резким коротким словом.
>
> Он не выносил, чтобы ему противоречили, даже в самой малой степени. Если кто-то осмеливался на возражение его теориям, Шарко приходил в ярость, мог действовать вероломно и делал все возможное, чтобы разрушить карьеру дерзкого безумца, если тот не брал свои возражения назад и не приносил извинений.
>
> Он не выносил глупости, однако, из-за своего стремления доминировать вынужден был избавляться от своих самых талантливых последователей, в результате чего в его окружении остались в основном посредственности. Чтобы как-то компенсировать это обстоятельство, он завел знакомство со многими поэтами и художниками и устраивал великолепные приемы.

Одна из идей, которыми Шарко был особенно увлечен, заключалась в том, что та доля, которую в нашей жизни играют сны, даже наяву гораздо больше, чем просто «значительная».

Многочисленные упоминания Шарко мы находим в Дневниках Эдмона и Жюля де Гонкуров. Эти два брата были известны своими язвительными описаниями и, похоже, до известной степени оказались настроенными против Шарко, о котором они написали следующее[146]:

Шарко был довольно амбициозным человеком, завистливым к любому превосходству над ним. Он приходил в ярость, если кто-то осмеливался отклонить приглашение на его прием. Шарко был настоящим деспотом в университете, с пациентами он вел себя довольно бесцеремонно, вплоть до того, что грубо заявлял им о надвигающейся смерти, и в то же время проявлял малодушие, когда был болен сам. Он был тираном и по отношению к своим детям; например, он заставил своего сына Жана, который хотел быть мореплавателем, стать врачом. Как ученый Шарко представлял собой странную смесь гения и шарлатана. Наиболее отталкивающей из его черт была та бесцеремонность, с которой он говорил о конфиденциальных проблемах своих пациентов.

В то же время описание, сделанное русским врачом Любимовым, настолько сильно контрастирует с вышесказанным, что можно подумать, что речь идет о совершенно другом человеке[147]:

Помимо тех выдающихся талантов, которые Шарко демонстрировал как педагог, ученый и художник, он был весьма гуманным человеком, бесконечно преданным своим пациентам и не выносил, когда кто-нибудь отзывался о них пренебрежительно в его присутствии. Шарко был весьма уравновешен и благоразумен, довольно осторожен в суждениях, а также мог быстро определить, что за человек перед ним. Его семейная жизнь протекала гармонично и счастливо: он женился на вдове, у которой была дочь. Жена Шарко помогала ему в работе и активно участвовала в благотворительности. Он вложил много сил в образование своего сына Жана, который, без всякого давления со стороны отца, выбрал профессию врача. Выход в свет первой научной работы Жана очень порадовал Шарко. Он пользовался преданностью своих студентов и пациентов, а день его святого покровителя Св. Мартина — 11 ноября — отмечается в больнице Сальпетриер радостно и торжественно.

Может возникнуть вопрос, как же Шарко удалось добиться такого уважения, которым он особенно пользовался с 1880 по 1890 год. Можно привести несколько доводов.

Во-первых, Сальпетриер представлял собой все что угодно, кроме обыкновенной больницы. Это был настоящий город в городе, построенный в архитектурном стиле XVII века и насчитывавший около сорока пяти зданий, с улицами, площадями, садами и замечательной старой церковью. Сальпетриер также был местом исторической славы: именно здесь занимался своей благотворительной деятельностью Сент Винсент де Поль. Позднее Людовик XIV повелел превратить Сальпетриер в приют для нищих, проституток и безумцев. Сальпетриер стал одним из мест, где во время Французской революции вспыхнула печально известная Сентябрьская резня. Здесь Пинель проводил свои реформы лечения душевнобольных. Упоминание о нем также содержится в одном из классических романов аббата Прево «Манон Леско». Тысячи старух, живших в Сальпетриере, послужили предметом вдохновения для одной из поэм Бодлера. До прихода Шарко Сальпетриер был мало известен студентам-медикам, а врачей не особенно прельщало получить туда назначение. Шарко же все стали считать волшебником от медицины, которому удалось превратить это историческое место в Храм Науки.

В этой размещавшейся в древних строениях старой больнице не было ни лабораторий, ни приемных, ни условий для обучения. Проявив свою железную волю, а также пустив в ход политические связи, Шарко организовал лечение, исследования и набрал преподавательский состав. Он очень осторожно относился к выбору сотрудников. Шарко учредил кабинеты офтальмологии, отоларингологии и тому подобное, а также всевозможные лаборатории и фотографическую службу. Позднее он добавил к этому патологоанатомический музей и амбулаторное отделение, куда также допускались и мужчины, а также большой лекционный зал. Среди последователей Шарко были Бурвилль, Питре, Жофруа, Котар, Жилль де ла Туретт, Поль Рише, Меж, Пьер Марье, Реймон, Бабинский. Вряд ли найдется хоть один французский невропатолог того времени, не учившийся у Шарко. В школе, которая была его детищем, Шарко пользовался неограниченной властью. Каждая его лекция записывалась учениками и опубликовывалась в одном из издаваемых им журналов. Было время, когда никто не мог получить назначение в преподавательский состав медицинских факультетов в Париже без согласия Шарко. Такие патриотические настроения содействовали славе Шарко: он и Пастер были для французов доказательством научного гения Франции, бросающего вызов пресловутому научному превосходству Германии.

Шарко представлял собой человека, которого французы называют prince de la science (князем науки); он не только был крупным ученым, но также могущественным и богатым человеком. Женившись на богатой вдове, взимая со своих пациентов баснословную плату за лечение,

он мог позволить себе вести жизнь представителя богатого сословия. Кроме виллы в Мейн, он в 1884 году приобрел просторную резиденцию на бульваре Сен-Жермен, которая была обставлена по его собственному вкусу. Его дом представлял собой подобие частного музея: мебель эпохи Возрождения, окна с витражными стеклами, гобелены и картины на стенах, коллекция антиквариата и редких книг. Сам Шарко был еще и художником, он великолепно рисовал и являлся опытным экспертом в росписи по фарфору и эмали. Он также был прекрасным знатоком истории искусства и французской прозы, имея огромные познания в области французской литературы[148]. Шарко знал английский, немецкий и итальянский языки, что в те годы было редкостью. Он особенно восхищался Шекспиром, которого цитировал по-английски, и Данте — на итальянском. Каждый вторник он устраивал для парижских ученых, политиков, художников и писателей приемы в своем огромном доме. Известно, что Шарко был врачом, но иногда он выступал и в качестве поверенного в делах королей и принцев. Говорили, что ему нанес визит император Бразилии Педро II, игравший с Шарко на бильярде и посетивший его лекции в Сальпетриере. Шарко был весьма влиятельной фигурой в медицинских кругах Англии. На международном конгрессе в Лондоне в 1881 году его выступление по табетической (относящейся к сухотке спинного мозга) артропатии вызвало бурю аплодисментов. У него также было много последователей в Германии, хотя он отклонял все приглашения на конгрессы в эту страну после Франко-Прусской войны 1870–1871 годов. В Вене в число его знакомых входили Мейнерт и Моритц Бенедикт. Шарко был очень популярен в России, куда его несколько раз приглашали выступить в роли врача-консультанта царской семьи. Русские врачи приветствовали его, так как он избавил их от сильной зависимости от немецких ученых. Согласно сведениям Гийена, Шарко удалось заключить неофициальное соглашение между Гамбеттой и великим князем Николаем, с чего и начался франко-русский альянс[149]. Шарко много путешествовал: каждый год он совершал тщательно запланированное путешествие в какую-нибудь из европейских стран. Он посещал музеи, делал рисунки и писал путевые заметки. Сколь бы велика ни была уже его слава, она возросла еще больше, благодаря тому ореолу тайны, который окружал его имя. Этот ореол стал медленно появляться после 1870 года и достиг апогея, когда Шарко в 1882 году представил свой знаменитый доклад по гипнотизму. Так он приобрел славу великого чародея. Доктор Любимов приводит следующие примеры случаев полуфантастического исцеления[150]:

> Многих пациентов привозили к Шарко со всего мира: паралитиков приносили на носилках, или же они приходили сами, передвигаясь с помощью

сложных приспособлений. Шарко просил, чтобы все приспособления были сняты с пациентов и приказывал пациентам идти. Например, среди больных была молодая дама, парализованная многие годы. Шарко попросил ее встать и идти, что она и сделала на глазах своих изумленных родителей и матушки-настоятельницы монастыря, в котором остановилась. Другую девушку привезли к Шарко с параличом обеих ног. Шарко не обнаружил никакого органического поражения. Консультация еще не успела закончиться, когда вдруг пациентка встала и пошла к выходу, где возница, ожидавший ее, снял шляпу и перекрестился в изумлении.

В глазах общественного мнения Шарко был человеком, который досконально изучил все самые сокровенные уголки человеческого разума, его прозвищем стало «Наполеон невроза». Имя Шарко связывали с открытием таких явлений, как истерия, гипнотизм, раздвоение личности, каталепсия и сомнамбулизм. Рассказывали странные вещи о том, как он лечит молодых истеричных женщин в клинике и о непонятных вещах, происходящих в Сальпетриере. Жюль Кларетье вспоминает, что во время бала для пациентов в Сальпетриере кто-то нечаянно задел гонг, вследствие чего многие из истеричек мгновенно впали в каталептическое состояние и замерли как манекены, в тех позах, в которых оказались застигнутыми звуком гонга[151]. В область исследовательских интересов Шарко входило также и изучение глубин прошлого, он ретроспективно объяснял смысл, вложенный в предметы живописи и предметного искусства, при этом попутно ставил изображенным на них калекам неврологические диагнозы того времени[152]. Он основал журнал Iconographie de la Salpêtriére (Иконография Сальпетриера), за которым последовало другое издание Nouvelle Iconographie de la Salpêtriére (Новая иконография Сальпетриера). Это были, пожалуй, первые журналы, совмещавшие искусство и медицину. Считалось также, что Шарко нашел научное объяснение одержимости дьяволом, которая, как он предполагал, была всего лишь одной из форм истерии. Он также коснулся этого состояния в своих ретроспективных комментариях к предметам искусства[153]. Шарко был известен своей коллекцией редких старинных сочинений по колдовству и одержимости, некоторые из них он опубликовал в серии книг под названием «Библиотека дьявола».

Все приведенные выше сведения о его жизни и обстоятельства содействовали тому безграничному изумлению, которое оказывали сеансы Шарко в Сальпетриере. Утро вторника обычно посвящалось осмотру только что поступивших больных, который проходил в присутствии врачей и студентов. Им очень нравилось наблюдать, как Шарко демонстрирует свою врачебную проницательность, а также уверенность в собственных силах и легкость, с которой он устанавливал ди-

агноз в самых трудных случаях, даже когда заболевание было редким. Но еще большей популярностью пользовались его торжественные лекции, которые Шарко читал в пятницу утром. Каждую из них он готовил с непревзойденной тщательностью. Задолго до начала лекции большая аудитория заполнялась до предела врачами, студентами, журналистами и толпой любопытных. Подиум был всегда украшен рисунками, иллюстрирующими содержание предстоящей лекции. В 10 часов появлялся Шарко, манера держаться которого напоминала Наполеона или Данте, его часто сопровождал какой-нибудь знаменитый иностранный гость и группа ассистентов, которые размещались в первом ряду. Наступала абсолютная тишина, и Шарко начинал говорить, сначала тихо, потом постепенно повышал голос, когда давал свои четкие объяснения, которые иллюстрировал великолепными рисунками, выполненными цветными мелками на доске. С талантом прирожденного актера он имитировал поведение, мимику, походку и голос пациента, страдающего болезнью, о которой он рассказывал, после чего в зал вводили самого пациента. Само появление пациентов часто обставлялось очень эффектно. Так, когда Шарко рассказывал о треморе, публике демонстрировались тричетыре женщины, одетые в шляпы с очень длинными перьями. Дрожание перьев на шляпах позволяло зрителям проследить различный характер тремора при разных заболеваниях[154]. Ответы пациента на вопросы лектора принимали характер драматического диалога между Шарко и пациентом. Наиболее зрелищными были его лекции по истерии и гипнотизму. Другим нововведением Шарко было использование фотографических проекторов, прием совершенно необычный для преподавательской практики того времени. Лекция заканчивалась обсуждением диагноза и коротким заключением, резюмирующим основные положения прочитанного, причем и то и другое являлось образцом четкости и краткости. Лекция продолжалась два часа, но публика никогда не замечала, как прошло это время, даже если темой лекции были редкие органические заболевания мозга[155]. Любимов указывает на отличие лекций Шарко от лекций Мейнерта, на которых он также присутствовал в Вене и с которых уходил в состоянии утомления и растерянности, в то время как после лекций Шарко у него всегда оставалось чувство радостного ликования.

Нетрудно представить себе завораживающий эффект, который оказывали лекции Шарко на неспециалистов, на врачей и особенно на иностранных посетителей, таких, как Зигмунд Фрейд, который провел в Сальпетриере четыре месяца в период 1885–1886 годов. Отношение других посетителей было более скептическим. Бельгийский врач Дельбеф, интерес которого к работам Шарко привел его в Париж в то же самое время, что и Фрейда, вскоре начал ощущать весьма сильные сомне-

ния, когда увидел, с какой небрежностью проводятся эксперименты над больными истерией. По возвращении в Бельгию он опубликовал весьма критическое описание методов Шарко[156].

Те посетители, которые приезжали в Париж ненадолго, чтобы увидеть Шарко, часто не представляли, что он был со всех сторон окружен могущественными врагами. Духовенство и католики клеймили его как атеиста (одной из причин этого была произведенная им замена в Сальпетриере монахинь на светских медсестер), но, с другой стороны, некоторые атеисты обвиняли его в излишней склонности к спиритуальному (spiritual).

Он был публично обвинен магнетизерами в шарлатанстве[157]. Жесточайшие враги были у него и в политических и светских кругах (как это с очевидностью следует из дневников братьев Гонкуров). Некоторые из невропатологов, которые были его приверженцами до тех пор, пока он оставался на твердой почве неврологии, покинули его, когда он сделал крен в сторону изучения гипнотизма и начал свои зрелищные эксперименты с истерическими пациентами. Любимов сообщает, что, проведя месяц в Париже, немецкий невропатолог Вестфаль выразил глубокую озабоченность по поводу нового направления исследований Шарко. В Америке Шарко с тех же позиций критиковал Бакниль. Берд, хотя и признавал, что Шарко допустил «серьезные ошибки», тем не менее относился к нему с уважением «как к гению и человеку чести»[158] Шарко приходилось также вести бесконечную борьбу против Нансийской школы, и в этой борьбе он неуклонно уступал позиции своим оппонентам. Бернгейм с сарказмом заявил, что среди тысяч пациентов, которых Шарко гипнотизировал, лишь одна прошла все три стадии, описанные Шарко, и это была больная, пролежавшая в Сальпетриере три года. Шарко столкнулся также с неугасающей ненавистью к себе со стороны некоторых из своих коллег, особенно со стороны своего бывшего ученика Бушара, честолюбивого человека, который был двенадцатью годами младше его. Что было еще более ужасным — некоторые из учеников Шарко, внешне оставаясь ему преданными, ставили его в тупик, демонстрируя ему все более и более необычайные симптомы у больных, с которыми они заранее все это репетировали. Конечно, далеко не все из его учеников участвовали в этом, но ни один из них, очевидно, не осмелился предупредить его. В течение достаточно длительного времени он проявлял чрезвычайную осторожность, но в конце концов наступила пора, когда и к нему можно было применить афоризм Ларошфуко о том, что «обман всегда пересилит подозрение». Как сообщает Гийен, под конец жизни Шарко стали посещать серьезные сомнения, и он начал подумывать о том, чтобы заново предпринять изучение гипнотизма и истерии, но смерть помешала ему осуществить эти планы. Тайный враг

Шарко, которому было известно о его болезни и который годами посылал ему анонимные письма, описывающие состояние здоровья Шарко и предвещающие его надвигающуюся смерть от грудной жабы, по всей вероятности, принадлежал к числу медиков, окружавших Шарко[159].

Крайние расхождения мнений относительно личности Шарко — очарование, которое он мог внушить людям, с одной стороны, а с другой стороны, ожесточенная враждебность, которую к нему испытывали весьма многие, — сделали истинную оценку его работы при жизни весьма затруднительной. В противоположность ожиданиям, время не сделало эту задачу более простой. Поэтому представляется необходимым разграничить различные области его деятельности. Во-первых, часто забывают о том, что, будучи специалистом по внутренним заболеваниям и патологоанатомом, Шарко внес ценный вклад в исследование легочных и почечных заболеваний, а также о том, что его лекции, посвященные старческим болезням, в течение длительного периода считались классической работой в области медицины, в настоящий момент получившей название гериатрии. Во-вторых, в неврологии, ставшей его второй карьерой, Шарко сделал несколько выдающихся открытий, несомненно обеспечивших ему славу на многие годы: это описание рассеянного склероза, амиотрофического латерального склероза («болезнь Шарко»), локомоторный атаксии и сопутствующих ей артропатий (заболеваний суставов = «связки Шарко»), работа по церебральным и спинномозговым (медуллярным) локализациям и потере речи.

С другой стороны, чрезвычайно сложно объективно оценить то, что можно было бы назвать «третьей карьерой» Шарко, а именно его исследование истерии и гипнотизма. Как это случается со многими учеными, он утратил контроль над новыми идеями, самим им сформулированными, и был унесен потоком того движения, которое сам и создал.

Методологические ошибки, совершенные Шарко в этой области, достаточно точно описаны Пьером Жане[160]. Первой из этих ошибок было чрезмерное стремление к описанию сущности конкретных заболеваний с использованием в качестве их модели тех случаев, где проявлялось наибольшее количество симптомов, в то время как остальные случаи считались неполными формами заболевания. Поскольку такой метод оказался успешным в неврологии, Шарко счел как само собой разумеющееся, что то же окажется верным и для психических состояний. Руководствуясь этим, он сделал свои описания grande hysterie и grand hypnotisme. Вторая его ошибка состояла в том, что он излишне упростил описание сущности этих заболеваний для того, чтобы сделать эти описания более понятными для студентов. Третьей фатальной ошибкой Шарко было то, что он не проявлял должного интереса к происхождению и предшествующей жизни пациентов, а также к тому, что проис-

ходило в палатах Сальпетриера. Он почти не делал обходов больных, встречался с ними только в смотровой комнате, а его помощники должны были осматривать их и докладывать ему об их состоянии. Шарко не имел понятия о том, что его больных часто посещали и гипнотизировали в палатах некомпетентные люди. Жане показал, что описанные Шарко «три стадии гипноза» были не чем иным, как результатом обработки, которой эти магнетизеры подвергали его пациентов. Видя, что ранняя история гипнотизма предана забвению, Шарко — даже в большей степени, чем Бернгейм — считал все открытое им при работе с гипнотизированными пациентами оригинальными открытиями.

Еще одно обстоятельство, благодаря которому исследования Шарко в области динамической терапии претерпели искажение, заключалось в том специфическом духе коллективизма, царившем в Сальпетриере. Это закрытое заведение давало приют не только огромному количеству пожилых женщин, в нем также были специальные отделения для больных истерией. Некоторые из этих пациенток были молоды, красивы и коварны: невозможно себе представить более благоприятных обстоятельств для распространения психической инфекции. Эти женщины использовались как средство привлечения внимания на демонстрациях клинических случаев студентам, а также на публичных лекциях, которые Шарко читал для парижан (Tout-Paris). Так как Шарко по-отечески снисходительно относился к окружающим, а в отношениях со студентами был настоящим деспотом, его сотрудники никогда не брали на себя смелость возражать ему, вместо этого они демонстрировали Шарко то, что, по их мнению, он и хотел видеть. Тщательно прорепетировав показ, они приводили пациентов к Шарко. Тот вел себя настолько беспардонно, что позволял себе проводить обсуждение в присутствии последних. Между Шарко, его сотрудниками и пациентами устанавливалась специфическая атмосфера взаимного внушения, достойная более тщательного социологического исследования.

Жане отмечал, что описания Шарко таких явлений, как истерия и гипнотизм, основаны на изучении весьма ограниченного количества пациентов. Примадонна Бланш Виттманн заслуживает большего, нежели только анекдотического упоминания. Роль пациентов в исследовании по динамической психиатрии также недооценивалась и тоже достойна более подробного изучения. К сожалению, по прошествии стольких лет очень трудно собрать достоверные сведения.

Нам неизвестно абсолютно ничего ни о происхождений Бланш Виттманн, ни о ее прошлом до той поры, пока она не была направлена в отделение истерических больных в Сальпетриере. Согласно сведениям Бодуэна, она попала в Сальпетриер в довольно молодом возрасте и быстро стала одной из самых известных пациенток Шарко, получив

при этом прозвище la reine des hystériques (королевы истерии)[161]. Шарко часто использовал ее при демонстрациях «трех стадий гипноза», причем она представляла собой не только типичный случай этого явления, но, по сведениям Фредерика Майерса[162], стала своего рода моделью. Бодуэн утверждает, что это она изображена в состоянии глубокого истерического криза между Шарко и Бабинским на знаменитой картине Брюйе. Несколько ее фотографий были также опубликованы в журнале Iconographie de la Salpêtriére, равно как и в других изданиях. Она была своенравной, капризной и относилась к другим пациентам и персоналу с неприязнью.

По неизвестным причинам Бланш Виттманн покинула Сальпетриер и была принята в Hotel-Dieu, где ее осмотрел Жюдь Жане, брат Пьера Жане[163]. После того, как Жюль Жане погрузил ее в первую стадию гипноза, т. е. в состояние летаргического сна, он стал использовать традиционную технику и обнаружил пациентку в совершенно новом для нее состоянии. Появилась еще одна личность — Бланш 2, гораздо более уравновешенная, чем Бланш 1. Новая личность открыла, что она постоянно присутствовала, осознавая происходящее, скрытая за Бланш 1. Она воспринимала все происходящее на показательных выступлениях, когда Бланш 1 исполняла «три стадии гипноза», и все думали, что она находится в бессознательном состоянии. Майерс отмечает: «любопытно представить себе, сколько же лет Бланш 2 в немой ярости присутствовала, таким образом, при экспериментах, которым Бланш 1 подвергалась с чувством легкого самодовольства».

Жюль Жане держал Бланш Виттманн в ее втором состоянии в течение нескольких месяцев и обнаружил, что в результате лечения в ее общем самочувствии наступило значительное (и, по-видимому, прочное) улучшение. Историю ее последующей жизни кратко рассказал Бодуэн. Она вернулась в Сальпетриер, где стала работать в фотографической лаборатории, а когда открылась радиологическая лаборатория, перешла туда. Бланш Виттманн оставалась все такой же своенравной и капризной, отрицала свое прошлое и злилась, если кто-либо спрашивал ее об этом периоде ее жизни. Так как опасность радиоактивного излучения была в те годы еще неизвестна, Бланш Виттманн стала одной из первых жертв рака, вызванного радиацией. Последние годы ее жизни стали настоящим мучением, через которое она прошла, не проявив ни единого симптома истерии. Ей пришлось перенести несколько ампутаций, после чего она умерла смертью мученицы науки.

Однако именно третье призвание Шарко в большей мере способствовало той славе, которую он обрел среди своих современников. Журналист Т. де Вузева в некрологе, посвященном Шарко, сказал, что, возможно, через несколько столетий работы Шарко по невропатологии

будут забыты, но он всегда останется в памяти людей как человек, который открыл миру целую область психического, о существовании которой никто не подозревал[164]. Именно благодаря этому открытию, а не своим литературным работам (они оставались неопубликованными) Шарко оказал такое влияние на литературу. Согласно утверждениям Монзье, он дал начало целой литературной традиции писателей психологической ориентации, таких, как Альфонс Доде и его сын Леон Доде, Золя, Мопассан, Гюисманн, Бурже, Кларетье, а позднее — Пиранделло и Пруст, не говоря уже о многочисленных авторах массовой литературы[167]. Сам Шарко послужил прототипом героев многих романов и пьес 1890-х годов: ученый с мировым именем проводит необычное исследование неисследованных областей человеческого разума.

Американский путешественник, который видел Шарко в 1893 году, отмечал, что хотя его могучий интеллект не утратил своей силы, его физическое здоровье было уже в значительной степени подорвано[166]. Он продолжал лихорадочно работать вплоть до 15 августа 1893 года, когда отправился в отпуск с двумя своими любимыми учениками, Дебовом и Штраусом, намереваясь посетить собор Везеле. Он неожиданно скончался в ночь на 16 августа, и 19 августа был похоронен в Париже. Ему были устроены пышные похороны, но, несмотря на поток восхвалений, сопровождавших уход Шарко, его слава вскоре пошла на убыль. Публикация собрания его сочинений, которое планировалось выпустить в пятнадцати томах, была приостановлена в 1894 году после выхода IX тома. По сообщению Любимова, Шарко оставил значительное количество литературных работ: мемуаров, иллюстрированных лекций о путешествиях, критических очерков, посвященных философским и литературным трудам, он не хотел, чтобы все эти работы были опубликованы при его жизни. Любимов добавляет, что, не прочитав эти произведения Шарко, невозможно составить истинное представление о его личности. Однако ни одна из этих работ так и не была опубликована. Сын Шарко, Жан (1867–1936), изучавший медицину в угоду отцу, через несколько лет после его смерти оставил эту профессию и получил известность как мореплаватель и исследователь Южного полюса[167]. Драгоценная библиотека Шарко была пожертвована его сыном Сальпетриеру и постепенно пришла в состояние крайнего упадка, как, впрочем, и музей Шарко[168].

Зло, которое творят люди, живет после их смерти;
Добро же часто погребают вместе с ними.

Так случилось и с Шарко. Вскоре образ прославленного ученого был превращен в стереотипный облик ученого-деспота, убеждение которого в собственном превосходстве ослепило его до такой степени,

что он развязал психическую эпидемию. Через год после смерти Шарко Леон Доде, студент-медик, работавший в его палате, опубликовал сатирический роман Les Morticoles, в котором под вымышленными именами были изображены известные врачи и высмеивался весь медицинский мир Парижа[169]. Шарко был изображен там под именем Футанжа, а Бернгейм — под именем Бустибраса. В романе в карикатурном виде описывались поддельные гипнотические сеансы в «Больнице-Тифе», в которых принимала участие «Розали» (Бланш Виттманн). Другая злобная карикатура на Сальпетриер во времена Шарко была позднее дана Акселем Мюнтом в его автобиографическом романе «История Сан-Мишель»[170].

Жюль Буа, который был близко знаком с Шарко, рассказывает, что в последние месяцы жизни Шарко пессимистически высказывался по поводу будущего своей работы, которая, как он чувствовал, не надолго переживет его[171]. И действительно, не прошло и десяти лет после его смерти, как имя Шарко предали забвению, и большинство учеников отреклось от него. Его последователь, Реймон, на словах восхваляя работу Шарко в области неврозов, в то же время сам был сторонником органического направления в неврологии. Один из любимых учеников Шарко, Жозеф Бабинский, который стал известным при жизни Шарко, благодаря своим экспериментам по переносу истерических симптомов от одного пациента другому с помощью магнита[172], стал затем главным протагонистом радикальных идей, направленных против концепции истерии Шарко. Истерия, как он утверждал, есть не что иное, как результат внушения, и ее можно вылечить с помощью «убеждения»[173]. Само понятие «истерия» Бабинский заменил на термин «питиатизм» (pithiatisme), придуманный им самим. Гийен сообщает, что, когда он проживал в Сальпетриере в 1899 году — через шесть лет после смерти Шарко, — там еще оставались несколько его истерических пациенток, которые за небольшое вознаграждение могли продемонстрировать перед студентами полномасштабный приступ grande hysteric. Однако в конечном счете истерические пациентки из Сальпетриера исчезли[174].

С течением времени неврологические открытия Шарко стали восприниматься как само собой разумеющееся, а его имя — ассоциироваться с неприятным эпизодом в истории больницы Сальпетриер. В 1925 году в Сальпетриере отмечали сто лет со дня рождения Шарко. Акцент в основном делался на его достижениях в области невропатологии и лишь несколько мимолетных сожалений было высказано но поводу légère défaillance (небольшой оплошности), допущенной в его работе по истерии и гипнозу. Психоаналитики, однако, восхваляли Шарко за это, считая его предшественником Фрейда. В 1928 году группа парижских сюрреалистов, в порыве противостояния всем общепринятым иде-

ям того времени, решила отметить открытие Шарко истерии — «величайшего поэтического открытия конца девятнадцатого века»[175].

Через несколько лет автор настоящей книги, тогда студент-медик в Сальпетриере, встретил там очень старую женщину, пациентку, которая провела в Сальпетриере почти всю свою жизнь и видела Шарко и его коллег. Она не переставая говорила сама с собой, а иногда у нее были галлюцинации, во время которых она слышала, как все эти ученые говорят по очереди. Эти голоса из прошлого, которые никто никогда не записывал, воспроизводимые, однако, вновь и вновь в больном сознании этой несчастной женщины — все, что осталось от былой славы Сальпетриера эпохи Шарко.

Заключение

Теперь мы можем еще раз взглянуть на тот этап развития, который прошла динамическая психиатрия от Месмера до Шарко.

До Месмера мало кто занимался динамической психиатрией, не считая довольно устаревшей и не относящейся к медицине практики экзорсизма. Медики разработали теорию «воображения» (имагинации), т. е. «силы разума», выражающейся в многочисленных и многообразных — иногда необычных — проявлениях (среди которых особенное внимание привлекал естественный сомнамбулизм).

Месмер верил в то, что он основал новую научную теорию и открыл универсальный способ лечения. Его целью было спровоцировать у пациентов «кризисы», которые, как он полагал, являются средством диагностики и оружием в борьбе за исцеление. Его самым важным достижением стало открытие раппорта (терапевтической связи) между магнетизером и пациентом.

Пюисегюр заменил псевдофизическую теорию «флюидов» интуитивным предположением, что в процессе участвуют прежде неизвестные психические силы. Его величайшим открытием был «магнетический сон» или же «искусственный сомнамбулизм», — состояние, схожее с естественным сомнамбулизмом, с тем лишь различием, что его можно было вызвать и прекратить по желанию магнетизера и использовать в целях исследования неизвестных функций психического, а также в целях лечения. Концепция раппорта в то время активно исследовалась, ее начинают рассматривать как канал (channel) к психотерапевтическому действию.

Появление в XIX веке волны спиритизма привело к открытию новых подходов к сознательному разуму, таких, как автоматическое письмо. Кроме искусственного сомнамбулизма, предметом изучения науки стало состояние транса, в который впадали медиумы. Шарко отметил су-

ществование бессознательных «навязчивых идей», являющихся ядром некоторых неврозов, — концепция, которую позже будут разрабатывать Жане и Фрейд.

Таким образом, до появления этих двух великих пионеров лежит целое столетие динамической психиатрии, на протяжении которого было проведено значительное количество исследований, хотя они и были в недостаточной мере систематизированы. Эта первоначальная динамическая психиатрия и будет предметом обсуждения следующей главы.

Глава 3. Первая динамическая психиатрия (1775–1900)

Результатом опыта, накопленного несколькими поколениями магнетизеров и гипнотизеров, стало медленное развитие гармоничной системы динамической психиатрии. Первые исследователи с поразительной смелостью принялись изучать и применять в терапии бессознательную психологическую энергию. На основе своих открытий они создали новые теории о человеческом разуме и психогенезе болезней. Первая динамическая психиатрия была весьма выдающимся достижением, тем более что возникла она в значительной степени вне рамок тогдашней официальной медицины (а порой была ей полностью противоположна).

Поскольку первая динамическая психиатрия не являлась результатом труда одного человека, то в отличие от многих других систем в ней не было никакой жесткой концептуальной структуры, направляющей ее развитие. Основные принципы были разработаны Месмером и Пюисегюром. Их последователи представляли огромное число любителей-энтузиастов и врачей, которые работали либо индивидуально, либо в различных несистематичных, порой соперничавших между собой, группах или школах, в основном, во Франции и Германии, а в дальнейшем — в Англии и Северной Америке. Развитие первой динамической психиатрии не носило равномерного характера: на протяжении всего девятнадцатого века наблюдались различные колебания, приливы и отливы.

Около 1880 года ощущался значительный подъем, и тогда же первая динамическая психиатрия получила официальное университетское признание в лице профессоров Шарко и Бернгейма. Вслед за этим последовало ее более быстрое развитие. На протяжении того же периода стала медленно появляться новая динамическая психиатрия. Примерно до 1900 года обе системы существовали вместе, но затем на передний план вышла новая школа, а первая динамическая психиатрия пришла в упадок. Однако следует особо выделить два обстоятельства: (1) В новых динамических школах многое из того, что нам кажется наиболее оригинальным, на самом деле уходит корнями в первую динамическую психиатрию. (2) Хотя временами казалось, что новая система совершенно противоположна первой динамической психиатрии, последняя в действительности была не вытеснена, а скорее дополнена первой.

Основные характеристики

Среди всех бесчисленных вариаций первой динамической психиатрии несколько основных ее характеристик остаются неизменными:

1. Гипноз был принят как основной подход, via regia (королевская дорога — *лат.*) к бессознательному. В конце века добавились дополнительные подходы (использование медиумов, автоматическое письмо и гадание с помощью хрустального шара).

2. Особое внимание уделялось некоторым клиническим картинам (иногда называемым магнетическими болезнями): спонтанному сомнамбулизму, летаргии, каталепсии, множественной личности, и в самом конце века все большее внимание стало уделяться истерии.

3. Была разработана новая модель человеческого разума, основанная на двойственности сознательного и бессознательного психизма. Позднее она приняла форму группы субличностей, составляющих основу сознательной личности.

Новые теории, касающиеся патогенеза нервных болезней, первоначально основанные на гипотезе неизвестных флюидов, вскоре были заменены понятием ментальной (mental) энергии. В конце девятнадцатого века появились представления об автономной активности отщепленных личностных фрагментов и мифопоэтической функции бессознательного.

Психотерапия опиралась главным образом на гипноз и внушение, при этом особое внимание уделялось раппорту (психотерапевтической связи) между пациентом и магнетизером. Появились новые типы психотерапевтов: магнетизеры и, позднее, гипнотизеры, которые, однако, были не более чем простая разновидность первых.

В этой главе мы кратко рассмотрим источники первой динамической психиатрии, дадим обзор основных характеристик, перечисленных выше, и затем проследим ее влияние на культурную жизнь того времени.

Источники первой динамической психиатрии

Среди большого числа источников первой динамической психиатрии особое внимание следует уделить трем из них.

Мы уже описали то, как животный магнетизм исторически развивался из старой практики изгнания злых духов, и мы видели, как месмеровские кризисы вызывались точно таким же образом, что и гасснеровский exorsismus probativus; выявлявшееся зло рассматривалось как первый шаг к его уничтожению. Одержимость в конечном счете исчезала, заменяясь проявлениями множественной личности. Однако в течение девятнадцатого века, например, в Южной Германии, были отмечены

отдельные случаи одержимости, и ученые, такие, как Юстинус Кернер, лечили ее методом, который являлся любопытной смесью магнетизма и экзорсизма[1].

Другим очень важным источником первой динамической психиатрии было старое понятие «воображение». Во времена Ренессанса философы и врачи стали проявлять большой интерес к силе разума, Imaginatio. Этот термин содержал в себе более широкий смысл, чем сейчас, и включал то, что мы называем внушением и самовнушением. Многие из когда-то известных, а теперь забытых работ были посвящены Imaginatio. В одной из глав своих «Опытов» Монтень суммирует некоторые из превалирующих идей своего времени[2]. Он приписывает воображению заразительные последствия человеческих эмоций. Воображение, согласно Монтеню, часто является причиной физических, эмоциональных и психических болезней и даже смерти, равно как и все проявления, обычно приписываемые магии. Воображение могло быть причиной необычных физических явлений, таких, как появление стигматов или даже трансформации одного пола в другой. Но воображение также могло быть использовано и как лекарство от физических и психических недомоганий. В восемнадцатом веке итальянец Муратори написал трактат «О силе человеческого воображения», который получил широкую известность и часто цитировался[3]. Среди многих проявлений воображения он описал сновидения, видения, галлюцинации, навязчивые идеи, антипатию (то есть фобию) и главным образом — сомнамбулизм. Во второй половине восемнадцатого века сомнамбулизм стал центром всех обсуждавшихся тогда проблем воображения. Повсюду публиковались удивительные истории о людях, гуляющих во сне, людях, которые писали, переплывали реки или гуляли по крышам в полнолуние и жизнь которых оказывалась в опасности, если кто-то внезапно окликал их по имени и тем самым выводил из состояния сна. Сейчас мы с трудом можем представить себе, каким невероятным и фантастическим должно было казаться современникам Пюисегюра его заявление о том, что сомнамбулизм может быть вызван и остановлен искусственно, почти по желанию, и использован для исследования наиболее скрытых тайн человеческого разума.

Третьим источником являлось знание о самом гипнозе, который на протяжении человеческой истории был открыт, забыт и заново переоткрыт[4]. Даже не обращаясь назад, к древним египтянам или ученым эпохи Ренессанса, изучавшим естественную магию, можно увидеть, что многих своих пациентов Гасснер вылечил, гипнотизируя их (это стало очевидным при чтении доклада, сделанного аббатом Буржуа). Сам Месмер при сеансах магнетизма погружал некоторых своих пациентов в гипнотический сон. В отчете наблюдателей упоминается, что «...все они были

удивительным образом подчинены человеку, который магнетизировал их; несмотря на свою сонливость, они просыпались от его голоса, его взгляда или даже знака». Однако ни Гасснер, ни Месмер так и не поняли ясно смысл того, что они делали, и только Пюисегюр в 1784 году открыл, что полный кризис, который он порождал у своих пациентов, был не чем иным, как искусственно вызванным сомнамбулизмом.

Королевский путь к неведомому разуму: гипноз

С 1784 примерно до 1880 года искусственный сомнамбулизм был основным методом получения доступа к бессознательному разуму. Первоначально Пюисегюр назвал магнетический сон, или искусственный сомнамбулизм, совершенным кризисом, но затем, в 1843 году, Брейд определил их как гипноз[5].

Природа этого состояния с самого начала оказалась предметом многочисленных споров. Месмер отказывался рассматривать его иначе, как одну из конкретных форм проявления кризиса. Возникла полемика между флюидистами, которые объясняли искусственный сомнамбулизм в терминах магнетических флюидов, и анимистами, утверждавшими, что гипноз является психологическим феноменом. Но вопрос об идентичности природы спонтанного сомнамбулизма и месмерического сна на протяжении всего девятнадцатого века никогда не подвергался серьезному сомнению[6].

Основные аргументы в защиту подобной концепции были позднее суммированы Жане[7]. Во-первых, индивид, подверженный спонтанному сомнамбулизму, также легко магнетизировался и гипнотизировался. Во-вторых, с индивидом, находившимся в состоянии спонтанного сомнамбулизма, было нетрудно установить связь и заставить его перейти из этого состояния в состояние типичного гипнотического сна. В-третьих, индивид, подверженный приступам спонтанного сомнамбулизма, о которых он не помнит в состоянии бодрствования, способен вспомнить о них в состоянии гипноза, и наоборот.

С другой стороны, имеется и существенное различие между естественным и искусственно вызванным сомнамбулизмом. Оно заключается в том, что последний направляется и строго контролируется магнетизером, который его вызывает, формирует его проявления и прекращает по своему желанию.

С самого начала своеобразные отношения между магнетизером и магнетизируемым являлись предметом многочисленных размышлений и предположений. Пюисегюр заметил, что его испытуемый, Виктор, не только точно выполняет все его приказания, но что он, по-видимому, предчувствует и угадывает их. Немедленно возник вопрос о том, будет

ли испытуемый сопротивляться ограничениям, наложенным на него магнетизером, и сможет ли магнетизер заставить его совершить аморальные или криминальные действия. Раппорт — это особо складывающееся отношение между магнетизером и магнетизируемым — также с самого начала занимал воображение ранних месмеристов. Стало ясно, что магнетизируемая личность не воспринимает извне ничего, кроме указаний магнетизера, и что она может ощущать внешний мир только через последнего. Вскоре было открыто, что подобная связь (читай раппорт) обнаруживает свое влияние и за пределами сеанса магнетического сна. Личность, погруженная в магнетический сон во второй раз, помнит все, что происходило во время первого сеанса. Таким образом, магнетизер вызывает у своего пациента появление особой жизни внутри его собственной, обыденной сознательной жизни, то есть некое второе состояние, которое имеет свой собственный сценарий и все больше зависит от магнетизера.

Среди наиболее убедительных и поразительных доказательств того, что влияние гипноза распространяется на нормальную сознательную жизнь, являются факты существования постгипнотической амнезии и постгипнотического внушения. Ранние месмеристы заметили, что испытуемый в своем нормальном состоянии не восстанавливает ничего из того, что с ним происходило во время магнетического сна. Они справедливо сравнивали это состояние с тем, которое сопровождает приступы спонтанного сомнамбулизма. Вскоре после этого они открыли, что испытуемый и в состоянии бодрствования выполняет приказ, данный ему во время гипнотического сна. Феномен постгипнотического внушения был описан еще в 1787 году[8], и с ним было проделано много экспериментов Делёзом[9] и Бертраном[10], а позднее Бернгеймом и Нансийской школой. Тот факт, что постгипнотическая амнезия не является полной и что индивида с помощью некоторых процедур можно заставить вспомнить в состоянии бодрствования о происходившем с ним на гипнотическом сеансе, был также известен уже на раннем этапе и никогда не был полностью забыт до того момента, когда был вновь открыт Бернгеймом[11].

Что же касается способов погружения в месмеровский сон (который мы будем называть появившимся позднее термином гипноз), то ранние магнетизеры использовали месмеровскую технику пассов (passes), но вскоре от нее отказались в пользу двух других. Первую можно было бы назвать завораживанием (fascination) (метод, уже известный древним египтянам, Корнелиусу Агриппе и другим). Пациента просили смотреть на неподвижно зафиксированную или слегка движущуюся точку — светящуюся или нет — или просто пристально смотреть в глаза гипнотизера. Этот метод, впоследствии популяризированный Брейдом, также использовался в Сальпетриере. Его исполь-

зовали в сочетании с вербальной техникой аббата Фариа, который усаживал пациента в удобное кресло и властно приказывал ему «Спать!». Другие гипнотизеры обычно отдавали команды мягким, негромким голосом. Техника Фариа впоследствии была принята Льебо и Нансийской школой. Первые месмеристы, выводя пациента из гипнотического сна, дули ему на глаза.

Магнетизеры вскоре осознали, что другие, не менее важные составляющие, более общего характера, также имеют значение. Они хорошо поняли то, что сейчас мы называем гипнотической ситуацией, и что ни один человек не может быть загипнотизирован против своего желания. Необходимо, чтобы пациенту было комфортно, удобно и чтобы он расслабился. Первые исследователи хорошо поняли элемент самовнушения в гипнозе. Он был отчетливо выявлен Брейдом и позднее Нансийской школой. Ранние магнетизеры ясно осознали роль взаимного внушения. Они, следуя примеру Месмера, лечили пациентов в группах. Вначале в присутствии других гипнотизировали одного или двух членов группы, которые уже были знакомы с процедурой. Было замечено, что пациент может становиться более восприимчивым к гипнозу уже только от того, что он наблюдает, как гипнотизируют других. Коллективный метод широко применялся Месмером, Бернгеймом и Шарко, а также гипнотизерами, проводившими публичные сеансы.

Однако ранние магнетизеры не осознавали ту степень гипнотического воздействия, которую создает гипнотизер и которая должна усваиваться пациентом. Жане высказался по этому поводу совершенно определенно[12]. «Если ваш пациент никогда до этого не слышал о гипнозе, — говорил Жане, — маловероятно, что вы сможете погрузить его в обычное гипнотическое состояние. И если даже у него бывали приступы спонтанного сомнамбулизма или конвульсий, то, вероятно, он впадет в прежние состояния сомнамбулизма или конвульсий, или, возможно, в какое-нибудь неопределенное нервное состояние, если гипнотизер не объяснит, что от него ожидается, и таким образом не подготовит его играть роль, которая ему предназначена». Это также является причиной того, почему гипнотическое состояние различается в зависимости от личности каждого отдельного гипнотизера, школы, к которой он принадлежит, и от временного периода в истории первой динамической психиатрии. Таким образом, ранние месмеристы, не зная об этом, сформировали особенный тип гипнотического состояния, который, как они полагали, является стандартом магнетического сна. На самом деле гипнотическое состояние в том виде, как они его развивали, включало в себя много проявлений, некоторые из них довольно ординарны и мало чем отличаются от обычных психологических состояний, другие же, напротив, — редкие и экстраординарные.

Одной из первых характеристик магнетического сна, которая поразила ранних месмеристов, была повышенная острота восприятия, проявляемая пациентами. Индивиды под действием гипноза могут воспринимать стимулы, к которым они невосприимчивы в обычном состоянии или которые находятся ниже порога чувствительности. Пюисегюр был удивлен, услышав, как Виктор напевает вслух мелодию, которую он, Пюисегюр, напевал про себя. Очевидно, Виктор распознал песню по непроизвольным движениям губ маркиза, поскольку большинство людей шевелят губами, когда поют про себя. Эта гиперчувствительность распространяется на все области восприятия и может объяснить множество случаев предполагаемого ясновидения в состоянии гипноза. Не менее впечатляющими являются возросшие способности памяти. Гипнотизируемая личность оказывается в состоянии вспомнить старые и, казалось бы, забытые эпизоды из своего детства и описать события, которые происходили во время искусственного или спонтанного сомнамбулизма или в состоянии опьянения. Эта гипермнезия распространяется и на вещи, которые, очевидно, остались незамеченными субъектом.

Вскоре было открыто, что гипноз предоставляет прямой доступ к некоторым психологическим процессам. Субъект способен не только продемонстрировать физическую силу, большую, чем он предполагал у себя в состоянии бодрствования, но и — спонтанно или по команде гипнотизера — стать глухим, слепым, парализованным, не восприимчивым к боли, войти в состояние каталепсии, пережить галлюцинации и судороги. Эта способность не чувствовать боль могла быть настолько абсолютной, что временами хирургические операции проводились без всякой анестезии, просто под гипнозом. По-видимому, Рекамье был первым, кто провел хирургическую операцию под магнетической анестезией в 1821 году. Удивительно, что подобной находке было уделено так мало внимания, ведь она могла помочь избежать стольких страданий. Когда Эсдэйл начал систематически применять гипнотическую анестезию при хирургических операциях, он столкнулся со скептицизмом и враждебностью. С другой стороны, применение месмерического сна к лечению физических недомоганий было обычным среди месмеристов и никогда полностью не забывалось. В основном, благодаря влиянию Льебо, к концу 1880-х годов стало достаточно широко известно, что множество расстройств может быть вылечено или облегчено гипнотическим внушением (невралгия, ревматизм, подагра и дисменоррея). Эксперименты по изменению физиологических состояний под гипнозом проводились Шарпиньоном[13] и Дю Поте[14] еще в первой половине девятнадцатого века.

С самого начала месмеристы были поражены способностью своих пациентов проявлять эмоции и играть соответствующие роли с удивительным совершенством, с предельной искренностью и, как им каза-

лось, даже с большим умением, чем это делали опытные актеры. Вспоминается, как Виктор поразил Пюисегюра демонстрируя под гипнозом живость и интеллигентность, которой он не обладал в состоянии бодрствования. Эта способность была столь поразительной, что Дю Поте говорил в 1849 году о метаморфозе (metamorphosis) личности, и этот феномен стал отправной точкой обсуждаемой до сих пор проблемы возрастной регрессии (age-regression).

> Ранние магнетизеры обращали так много внимания на объективные проявления гипноза, что не пытались исследовать субъективные переживания самих гипнотизируемых. Они считали, что это состояние является видом сна, хотя и весьма специфической его разновидностью, поскольку о субъекте часто можно сказать, что он скорее уже пробудился (awake), нежели еще пребывает в состоянии пробуждения (waking state). Они не прилагали сколько-нибудь значительных усилий, чтобы разрешить это явное противоречие — одновременное сосуществование сна и пробуждения (wakefulness). До конца девятнадцатого века никаких систематических исследований не проводилось, вплоть до того момента, когда они были предприняты под влиянием Нансийской школы. Лучшим описанием гипнотизируемой личности в то время, возможно, является отчет сделанный Юджином Блейлером, который был загипнотизирован своим коллегой, доктором фон Шпейром из Берна.

Фон Шпейр использовал технику фиксации Льебо в сочетании с вербальным внушением. Блейлер старался сотрудничать с гипнотизером все то время, пока он находился в состоянии бодрствования. Вскоре он заметил, что части его зрительного пространства стали выпадать. Затем эти пустые пятна увеличились, и остаток визуального поля затуманился. В конце концов Блейлер мог различать только границу между светом и тенью. Было ощущение, как будто глаза увлажнились и слегка горели, но он находился в состоянии релаксации. Приятное тепло овладело телом с головы до ног; никакого желания двигаться или делать что-нибудь не было, и казалось, что мысли были совершенно ясными. Он слышал приказ гипнотизера поднять руки и пытался сопротивляться, но это не совсем удавалось. Затем гипнотизер сказал, что тыльная сторона его руки нечувствительна; Блейлер подумал, что это неправда и фон Шпейр просто смеется над ним, когда говорит, что колет ее (что он на самом деле и делал). Очнувшись по указанию гипнотизера, Блейлер обнаружил отсутствие у себя какой-либо амнезии и вспомнил постгипнотическое внушение о том, что он проснется ровно в 6.15 на следующее утро. Безуспешно пытаясь следить за временем в течение всей ночи, он внезапно проснулся в 6.15 утра: кто-то просто постучал в дверь. Из этого

эксперимента Блейлер сделал вывод о том, что гипнотический процесс вовлек его бессознательное в большей степени, чем он сам это постигал. Два или три дальнейших сеанса с фон Шпейром и Форелем принесли те же результаты, что и первый[15].

Было бы полезно сравнить субъективные впечатления индивидов различных типов и пациентов, загипнотизированных врачами из разных школ. Недавнее исследование, проведенное Стоквисом, ясно указывает на элемент бессознательной ролевой игры, которая проявляется в состоянии гипноза[16].

Среди многочисленных проявлений месмерического сна одно особенно впечатлило Пюисегюра и его последователей. В нем обнаружилось внезапное обострение восприятия у пациента. Подобная необычная острота восприятия подтолкнула ранних гипнотизеров на дальнейшие поиски в этой поистине чудесной области. Как было показано в предыдущей главе, они обнаружили, что пациент в состоянии диагностировать не только свои собственные недомогания, предсказывать их развитие и предписывать лечение, но, по-видимому, он в состоянии сделать то же самое и по отношению к людям, с которыми у него возникал раппорт в ходе эксперимента. Более того, утверждалось, что некоторые из гипнотизируемых субъектов, так называемые экстралюсидные сомнамбулы (somnambules extralucides), в состоянии читать с закрытыми глазами, угадывать мысли других, находить потерянные предметы и даже предсказывать будущее. Сейчас мы знаем, что это было результатом взаимного внушения, развивающегося между магнетизером и гипнотизируемым. Но вопреки предположению первых магнетизеров стало очевидным, что гипнотизируемый субъект также может и лгать, — и делать это не только в результате внушения, но и по своей собственной воле.

Одним из самых спорных вопросов в гипнозе была проблема возрастной регрессии, выявленной рядом гипнотизеров довольно рано и подвергнутой внимательному изучению в 1880-х и 1890-х годах. Загипнотизированному субъекту сообщалось, что он возвращается назад в прошлое, например, в какой-то момент своей юности или детства. Его поведение, движения, голос соответственно меняются. Субъект, по-видимому, забывает все, что происходило с ним после того момента, в котором он себя обнаружил, и он дает детальное описание того, что происходило с ним в данный период жизни. Является ли это «истинной регрессией», то есть восстановлением тех событий, которые пациент в действительности переживал тогда, или это просто блестящая актерская имитация того, что, как полагает субъект, он тогда переживал? Это, повторяю, была проблема, которая серьезно обсуждалась. Полковник де Роша, некогда известный гипнотизер, доводил подоб-

ные эксперименты до крайности и даже до абсурда[17]. Так, сначала он приказывал пациентам, находящимся в состоянии гипнотического сна, вернуться в свое прошлое (как это обычно происходило в экспериментах подобного рода), и затем постепенно уводил их все дальше и дальше во времени, заставляя погружаться в периоды младенчества, рождения и даже в период эмбрионального развития. Затем наступало временное помрачение сознания, за которым следовали картины предыдущей жизни пациента, последовательно сменяющиеся от старости к детству, младенчеству, рождению и эмбриональному периоду развития, за которым вновь наступал период помрачения сознания, и затем начиналось переживание второй из его предшествующих жизней. Испытуемые де Роша, таким образом, вновь проигрывали несколько своих прежних жизней, всегда чередуя жизнь в женском обличье с жизнью в мужском. Описания этих жизней часто выглядели весьма правдоподобными, хотя и несколько искаженными анахронизмами. Некоторые полагали, что полковник де Роша нашел экспериментальное подтверждение учения о реинкарнации. Однако по этому поводу возникли сомнения, когда молодые пациенты де Роша начали описывать различные стадии своей будущей жизни. Скептицизм увеличился, когда де Роша заявил, что вызвал экстернализацию чувствительности: он убирал чувствительность у загипнотизированного субъекта и переносил ее на какой-либо внешний объект. Таким образом, когда пациента кололи, он ничего не чувствовал, но когда начинали колоть этот материальный предмет, у пациента было ощущение будто колют его самого. На протяжении всего девятнадцатого века литература по магнетизму и гипнозу наводнялась фантастическими историями подобного рода, и это, без сомнения, было одной из основных причин сопротивления научных кругов первой динамической психиатрии.

Другой причиной сопротивления гипнозу было осознание некоторого неудобства и возможной опасности, связанной с его практическим применением. Прежде всего серьезное беспокойство вызывало то, что, будучи в состоянии гипноза, пациент, по-видимому, находится полностью во власти чар гипнотизера, повинуясь его требованиям, иногда неприятным или нелепым. Еще в 1785 году в Париже возникла дискуссия о том, будет ли пациент-женщина уступать аморальным приказам, отдаваемым магнетизером. Тардиф де Монтревель утверждал, что, если безнравственный магнетизер попытается совратить женщину, она проснется[18]. Однако такие врачи, как Делез, Готье, Шарпиньон и другие, подчеркивали необходимость большой осторожности со стороны магнетизера. Тесте отмечал, что субъект вскоре становился способным обнаруживать скрытые желания гипнотизера и, таким образом, предостерегался от опасностей не только грубого сексуального домогатель-

ства, но и от того, чтобы впасть в состояние искренней влюбленности[19]. Преподобный Дебрейн, священник и просветитель, имевший медицинское образование, отмечал, что магнетизером обычно является здоровый и сильный мужчина, а пациентом — привлекательная молодая женщина (редко старая и безобразная), и у него есть все основания предполагать, что в такой ситуации может часто происходить сексуальное совращение[20]. Еще одной опасностью была возможность посвящения пациентом магнетизера в какую-то важную тайну. Как мы увидим позднее, проблема аморальных действий и преступлений, совершенных в состоянии гипноза, стала темой для оживленных дискуссий в 80–90-е годы девятнадцатого века.

Неопытные или недостаточно образованные гипнотизеры иногда испытывали большие трудности при выведении пациентов из гипнотического сна. Дю Поте в своем автобиографическом очерке рассказывает, как в молодости он, не имея должного опыта, магнетизировал двух девушек и страшно растерялся, когда обнаружил, что они впали в каталептическое состояние, и на протяжении нескольких часов прилагал отчаянные усилия, чтобы вывести их из этого состояния, пока они в конце концов не проснулись[21]. Не менее серьезными были нарушения, испытанные пациентами после сеансов гипноза, которые были либо слишком продолжительными, либо слишком напряженными, особенно после экспериментов, включавших ясновидение и extra-lucidité (сверх-отчетливость). Еще одним патологическим проявлением была «вигильность», или специфическая бессонница (vigilambulism), — особенное состояние постоянного полусомнамбулизма у людей, которых часто подвергали гипнозу, и к которым применяли неправильную технику для выведения из сна. Такие люди, по-видимому, даже находясь в состоянии полного бодрствования, могут проявлять склонность к внушению со стороны любого, кто пожелает с ними общаться.

Как только обнаружился феномен постгипнотического внушения, стала очевидной и его потенциальная опасность; тотчас же стали обнародоваться различные истории об индивидах, которым недобросовестные гипнотизеры внедряли в сознание приказ совершать нелепые действия после того, как те просыпались. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать обвинения, предъявленные первой динамической психиатрии. Бернгейм обратил особое внимание на то, что под гипнозом возможно внушение псевдовоспоминаний. После пробуждения пациент верит, что он видел или делал что-то, сообразуясь с полученным внушением[22].

Делез и ранние месмеристы также описали пагубные последствия слишком частых или слишком длительных по времени гипнотических сеансов. Такие пациенты постепенно оказывались полностью во вла-

сти гипнотизера; у них не только увеличивалась потребность все чаще подвергаться гипнотическому воздействию, но и приобреталась зависимость от конкретного гипнотизера, зачастую принимавшая сексуальный характер. Этот хорошо известный факт был вновь открыт Шарко, представившим доклад о женщине, которая в течение трех недель подвергалась гипнозу пять раз, после чего уже не могла думать ни о чем, кроме своего гипнотизера. В конце концов она сбежала из дома, чтобы жить с ним[23]. Муж вернул ее обратно, но у нее начались истерические припадки, потребовавшие срочной госпитализации. Считалось, что пролонгированное лечение гипнозом ускоряет вспышки психоза у пациентов, которые имеют к этому предрасположенность.

В конце концов гипнотизеры, дававшие публичные сеансы, и разного рода шарлатаны привели к появлению целого ряда психических эпидемий, особенно среди молодых людей и детей школьного возраста, которые играли в гипнотизирование друг друга[24].

Поскольку феномен гипноза являлся центральным в первой динамической психиатрии, неудивительно, что относительно его природы было сформулировано огромное количество теорий и гипотез. Существовало два крайних мнения. Скептики придерживались одного из них, которое состояло в полном отрицании существования гипноза или допущении, что в лучшем случае он является чем-то вроде самовнушения. Другое, принадлежавшее мистикам, заключалось в том, что гипноз рассматривали как связь между естественным и сверхъестественным мирами, как способ, посредством которого всякая отдельная человеческая душа может получить доступ к Мировой Душе. Между этими двумя крайними позициями существовали всевозможные промежуточные мнения. Месмер и флюидисты рассматривали гипноз как физический флюид, циркулирующий либо в теле магнетизируемого, либо между пациентом и магнетизером. Позднее эти гипотезы были заменены теориями, которые включали в себя понятия нервной энергии или разделения зон возбуждения и торможения в мозге. Заслуживает внимания тот факт, что сексуальные теории существовали уже с самого начала. В секретном приложении Отчета полномочных представителей королю Людовику XVI было заявлено, что «кризы», испытываемые магнетизируемыми женщинами, часто носили явно сексуальный характер[25]. Мейнерт основывал свои возражения против гипноза на том, что в целом установка женщины на гипнотизера содержит в себе сильный сексуальный компонент и что эти сексуальные эмоции также имеют место и у гипнотизируемых мужчин[26]. Что касается психологических теорий, впервые сформулированных Пюисегюром и развитых Бертраном, то их стали признавать ближе к концу века. Мы еще вернемся к этой проблеме.

Нельзя вменять в вину ранним месмеристам то, что они не организовали научное исследование гипноза. Экспериментальная психология тогда еще не существовала, и, как было подчеркнуто Жане, Бертран достоин похвалы за истинно объективное и систематическое исследование гипноза. В то же самое время проводились исследования, предпринятые Делезом и Нуазе, а позднее Деспеном, Шарпиньоном, Дю Поте, Дюраном (де Гро) и другими. Основные проявления гипноза, как отметил Жане, были известны с самого начала, и ничего существенного в течение всего девятнадцатого века добавлено не было.

Главным недостатком в изучении гипноза с самого начала было то, что гипнотизерам не удалось полностью понять значение раппорта, который они устанавливали со своими пациентами. Они хорошо осознали, что путем повторения гипнотических сеансов вызывают новую и скрытую жизнь в сознании пациента, но так и не поняли, в какой степени эта скрытая жизнь оказывает особое действие и на самого гипнотизера. Гипнотизер невольно внушает пациенту гораздо больше, чем он думает, пациент же возвращает гипнотизеру весьма многое из втайне ожидаемого последним. Таким образом, может развиться процесс взаимного внушения. История динамической психиатрии изобилует фантастическими мифами и романтическими историями, которые возникали через бессознательное сотрудничество гипнотизера и гипнотизируемого. Мы можем, таким образом, понять, почему на протяжении всего девятнадцатого века люди то увлекались, то с ужасом отвергали феномен гипноза. На первый взгляд, он, казалось, открывает доступ к новому, таинственному царству души: возросшая чувствительность, обостренная память, новый контроль психологических процессов, открытие неожиданных способностей у пациента — все эти явления как бы обещают удивительные открытия. Но как только начинается сама работа, исследователь может множество раз сбиться с пути и стать игрушкой в руках неуловимой и обманчивой Фата-Морганы.

Другие подходы к неведомому разуму

На протяжении всего девятнадцатого века гипноз оставался основным способом изучения бессознательного разума. Однако во второй половине века к нему добавились и другие техники. Одни из них являлись вариантами гипноза, другие — техниками иного типа. Третьи представляли собой комбинацию классического гипноза с новыми методами. С самого начала месмеристы рассматривали искусственный сомнамбулизм как вид сна (поскольку слово «гипноз», введенное Брейдом, означает на греческом hypnos, сон). Они выделяли различные уровни этого сна, в зависимости от его глубины. Чем глубже сам сон, в который

погружают пациента, тем более примечательны полученные результаты. По этой причине сначала казалось неправдоподобным утверждение некоторых гипнотизеров, таких, как Дю Поте, о том, что пациента можно довести до такого состояния, в котором он будет подчиняться командам, становиться парализованным или галлюцинировать, не будучи погруженным в сон. Они не верили, что пациент может осознавать все происходящее и вспомнить события сеанса позже. Эту технику широко применял гипнотизер Донато, дававший публичные сеансы, который и определил ее как «завораживание» (fascination). В смягченной форме, под названием suggestion a l'état de veille, ее обычно использовали Бернгейм и Нансийская школа.

В результате спиритической волны середины века появилась техника, которая приобрела гораздо более важное значение. В начале 1850-х годов некоторые медиумы начали не только писать под спиритическую диктовку, но, так сказать, одалживали духам свои карандаши. В Париже барон де Гюльденстюб якобы получил таким образом послания, собственноручно написанные Платоном и Цицероном. Большинство медиумов, однако, казалось довольствовались расшифровкой спиритических посланий, полученных ими в состоянии транса, и удивлению их не было предела, когда они просыпались и видели то, что написали. На протяжении второй половины века было опубликовано довольно большое количество литературы подобного рода. Некоторые из психологов, такие, как Фредерик Майерс[27] и Уильям Джеймс[28], поняли, что с помощью автоматического письма можно проникнуть в бессознательное. Они применяли его, придав самому методу характер научной процедуры. Как мы увидим позднее, Жане систематически использовал метод автоматического письма в исследованиях подсознания своих пациентов.

На основе старой практики, используемой прорицателями и предсказателями судьбы, была разработана еще одна техника проникновения в бессознательный разум, которая заключалась в пристальном вглядывании в зеркало, хрустальные шары, воду (леканомантия) и так далее. В начале 1850-х годов магнетизер Дю Поте рисовал белым мелом на черном полу круг и заставлял своих пациентов пристально смотреть на него до тех пор, пока у них не появлялись различные видения и галлюцинации[29]. В 1880-х годах Майерс и другие члены Общества психических исследований пришли к выводу, что эти методы, имеющие много общего с автоматическим письмом, являются способом обнаружения подсознательного материала в психике пациентов.

Приход спиритизма породил новый тип индивида — медиума. Между гипнотическим сном и произвольным трансом, в который впадает медиум, есть много общего, но то, что получается в результате последнего, является более спонтанным и правдоподобным. Для динамической

психиатрии большим шагом вперед было систематическое исследование медиумов, предпринятое в конце девятнадцатого века Флурнуа, которое впоследствии продолжил К. Г. Юнг[30].

Эти методы в конце концов стали сочетать друг с другом. Позднее проводились эксперименты с индивидами, которые, находясь в гипнотическом сне, автоматически писали, пристально вглядываясь при этом в зеркало. Испытуемых подвергали дальнейшей гипнотизации, вводя в состояние гипноза второй степени, и усилия в этом направлении сделались наиболее интенсивными к концу века. Но, как мы увидим в дальнейшем, ответы лежали в теориях, возникших в новых школах динамической психиатрии.

Пример клинической картины: магнетические болезни

Изучение всего лишь отдельной болезни могло подтолкнуть развитие многих психиатрических систем. В качестве парадигмы душевной болезни органическая психиатрия часто выбирала общий паралич, или афазию, и с этой точки зрения изучала другие душевные заболевания. Первая динамическая психиатрия развивалась вокруг одного отдельного состояния: спонтанного сомнамбулизма и его искусственно вызванного двойника, гипноза. Но вскоре были открыты другие состояния, обнаружившие тесную связь с сомнамбулизмом и впоследствии объединенные с ним в группу, иногда называемую магнетическими болезнями.

Мы не будем подробно останавливаться на сомнамбулизме, который долгое время был в центре внимания и рассматривался как чистый образец загадочной работы воображения. Интерес к сомнамбулизму вышел далеко за рамки медицины и распространился на области философии и литературы. Нам достаточно только вспомнить шекспировскую Леди Макбет, которая по ночам снова и снова проигрывала фрагменты сцены своего преступления, таким образом, выдавая себя и как бы совершая акт собственного предательства. Генрих Клейст в своей пьесе «Кетхен из Гейльбронна» (Katchen von Heilbronn) (1868 год, русский пер. Пьесы. М., 1962) также дал литературное описание сомнамбулизма. С психиатрической точки зрения проблема индивидуального взаимоотношения между хождением во сне и обычным состоянием широко освещалась на протяжении девятнадцатого века, при этом особый интерес вызывала проблема ответственности индивида за свои действия в состоянии сомнамбулического сна.

Еще одним клиническим состоянием, которое, на первый взгляд, кажется, сильно отличается от сомнамбулизма, является летаргия, то есть, напротив, очень глубокий и продолжительный сон, лишенный ка-

ких-либо особенных физических отклонений, но который иногда принимает вид явной смерти (отсюда широко распространившийся страх быть похороненным заживо). Со времен древнегреческой медицины вплоть до девятнадцатого века о природе и причинах летаргии выдвигалось огромное количество предположений. Иногда ее рассматривали как самостоятельное специфическое недомогание, иногда как субформу истерии, но было отмечено, что летаргия время от времени встречается у сомнамбул, и порой вместо искусственного сомнамбулизма ее могут вызвать гипнотические манипуляции.

Еще больше загадок и предположений вызывало состояние каталепсии. В восемнадцатом веке самые известные случаи были описаны Буазье де Соважем, Лорри и многими другими. В 1785 году Пететен, врач из Лиона, опубликовал удивительное исследование восемнадцатилетней молодой женщины, которая в течение двух месяцев очень сильно страдала из-за тяжелого состояния своего больного ребенка[31]. Как только ребенок выздоровел, у нее появились острые боли в эпигастрии (epigastrium — надчревная область). Затем у нее случился кризис, во время которого она пела чудесным голосом и впала в состояние каталепсии с полной видимой утратой подвижности и чувствительности. Однако в той или иной мере она могла отвечать на задаваемые вопросы. Пететен предпринял серию экспериментов с этой пациенткой и обнаружил, что все ее тело лишилось чувствительности, за исключением эпигастрия, в который, по-видимому, передавались все ее ощущения. Она могла слышать, видеть и обонять только своей надчревной областью. Помимо этого она могла ощущать свои внутренние органы и предсказывать симптомы, которые появлялись на следующий день. Пететен связывал это каталептическое состояние не с сомнамбулизмом, а с истерией и выдвинул объяснение, основанное на распределении электрических флюидов в теле. После Пететена другие критические работы были написаны Бурденом[32] и Пюэлем[33], которые в качестве основных симптомов описали прекращение всех произвольных движений, пассивность в отношении к навязанным движениям, flexibilitas cerea, пролонгацию мускульных положений, внушенных субъекту, тех, которые в нормальном состоянии было бы трудно или невозможно сохранять в течение длительного периода времени. Предположение, что между каталепсией и истерией существует связь, все еще оставалось спорным. Брике наблюдал, что каталепсия встречается одинаково часто как у мужчин, так и у женщин, тогда как истерия в двенадцать раз чаще встречается у женщин[34]. Однако он добавлял, что каталепсия встречается более часто у истерических, чем у неистерических пациентов, и, следовательно, предполагал, что между истерией и каталепсией должна быть связь. С другой стороны, гипнотизе-

ры обнаружили, что пациенты, которых они гипнотизируют, нередко впадают в состояние каталепсии вместо сомнамбулизма.

Три магнетических состояния — сомнамбулизм, летаргия и каталепсия — имели одно общее, а именно то, что у всех них наблюдались неявные сходные черты с истерией. Они иногда встречались у одних и тех же пациентов и могли быть вызваны гипнотическими манипуляциями. Впоследствии к группе магнетических болезней добавились два других состояния. Пришар[35] назвал их «маниакальными экстазами» и «экстатическими видениями».

«Маниакальный экстаз» (или экстатическое безумие) был описан Пришаром как гипнотическое состояние с бессвязностью в сознании. В то время как сомнамбулы, по-видимому, имеют ясное представление о своих действиях, пациент в состоянии маниакального экстаза смешивает или плохо связывает свои мысли, напоминая маньяка или слабоумного. Такие временные состояния, особенно в форме галлюцинаторной дезориентации или во время одной из фаз истерического приступа, наблюдали многие гипнотизеры у пациентов, которых они гипнотизировали.

То, чему Пришар дал название «экстатическое видение», является видом глубокого сна наяву у личности, которая, по всем внешним признакам, живет нормальной жизнью, так что наиболее странные проявления психических отклонений происходят на границе между обыденной жизнью и этими грезами. Когда приступ заканчивается, у индивида сохраняются яркие воспоминания о происшедшем, а также ощущение, что ему довелось побывать в каком-то фантастическом мире. По словам Пришара, «существуют примеры, в которых впечатления, сохраняющиеся после приступа экстаза, настолько связаны с внешними событиями и объектами и настолько смешаны с реальностью, что составляют большое количество отдельных или озадачивающих комбинаций, и это, возможно, является единственно разумным объяснением многих странных вещей и загадочных историй».

Пришар рассказывает об одном священнике, который не страдал какими-либо серьезными заболеваниями. Однажды, стоя на углу улицы, он увидел, как к нему приближается похоронная процессия. Священник ждал и наблюдал за тем, как она проходит мимо него и вдруг заметил свое собственное имя на гробе и увидел, как процессия входит в его собственный дом. Это происшествие стало началом болезни, которая привела его к смерти через несколько дней.

В другом случае один джентльмен, примерно тридцати пяти лет отроду, прогуливаясь по Лондону около церкви Святого Павла, столкнулся с незнакомцем, который сначала пригласил его пообедать где-то по соседству, а затем убедил подняться под церковный купол. Там незнакомец вытащил из

кармана что-то похожее на компас, который потом оказался магическим зеркалом, и предложил джентльмену посмотреть в него, чтобы увидеть любого человека, которого он пожелает, невзирая на расстояние. Подумав о своем больном отце, джентльмен действительно отчетливо увидел его в зеркале, полулежавшего в кресле. Охваченный ужасом, он обратился к своему спутнику с требованием немедленно спуститься. Расставаясь, незнакомец сказал ему: «Помни, ты раб этого человека в зеркале». В течение нескольких следующих месяцев воспоминание об этом событии полностью захватило все мысли джентльмена. Пришар полагает, что на самом деле он поднимался под купол церкви в состоянии экстатической фантазии и что впоследствии он был не в состоянии провести в случившемся границу между реальным и воображаемым.

Литературные описания экстатических видений можно обнаружить в некоторых работах Жерара де Нерваля[36], в книге Вильгельма Йенсена «Градива»[37], а также в более поздней работе Андре Бретона Les Vases communiquants[38], которая является автобиографией и дополнена психологическим анализом данного явления.

Пример клинической картины: амбулаторный автоматизм

В течение долгого времени внимание специалистов было сосредоточено на скоординированных действиях, которые пациент совершает в состоянии сомнамбулического сна. Тем не менее стало ясно, что подобные действия могут совершаться и в дневное время индивидами, которые по внешнему виду находятся в состоянии бодрствования. Однако, как и при сомнамбулизме, эти действия выходят за рамки последовательной непрерывности сознания. Индивид как бы внезапно возвращается в свое обычное состояние сознания и, по-видимому, не имеет совершенно никакого представления о том, что он делал.

В качестве примера можно привести известный когда-то случай, произошедший с молодым немецким пастухом Зёргелем, который был эпилептиком. Однажды, когда его послали в лес за дровами, он встретил мужчину, убил его, отрезал ему ноги и выпил его кровь. Затем он возвратился в деревню, спокойно рассказал все, что он сделал, и потом вернулся в свое «нормальное» сознательное состояние, в котором он, по-видимому, не помнил ничего из того, что совершил. Суд, демонстрируя гораздо большее психологическое понимание, чем некоторые из современных судей, оправдал Зёргеля на тех основаниях, что он не может быть ответственным за то, что произошло[39].

На протяжении девятнадцатого века подобные случаи стали предметом оживленных дискуссий и иногда интерпретировались как примеры временного раздвоения личности.

В 1880 годах Шарко заинтересовался такими случаями и посвятил им несколько из своих самых блестящих лекций[40]. Он классифицировал фуги (состояния блуждания, которые сопровождались амнезией) согласно этиологии, описывающей травматическую, эпилептическую и истерическую формы амбулаторного автоматизма.

К первой группе принадлежал случай, произошедший в 1885 году с пятидесятичетырехлетней парижской акушеркой, которая однажды ночью была вызвана к пациентке. По дороге акушерка упала на лестнице, сильно ударилась головой и примерно на пятнадцать минут потеряла сознание, после чего она пошла к пациентке, приняла ребенка и затем уснула. Когда роженица вызвала ее три часа спустя, та была охвачена сильнейшей дрожью. К этому времени она вернулась к своему прежнему «я» и была не в состоянии понять, как ребенок появился на свет. Из-за своего несчастного случая акушерка совершенно ничего не помнила из того, что за ним последовало.

В качестве примера эпилептического амбулаторного автоматизма Шарко приводит случай парижского привратника, который пропал после получения денег за три месяца со всех обитателей дома. Одетый в свои домашние тапочки, он провел неделю на Лазурном берегу. После чего вновь вернулся в свое обычное состояние и настолько расстроился, что сам сдал себя полиции, требуя, чтобы его арестовали. Эксперту-психиатру, доктору Моте, пришлось нелегко, убеждая суд, что этот человек был не в состоянии отвечать за свои поступки.

Еще один эпилептический пациент, которого лечил Шарко, девятнадцать лет прослужил в отделе доставки в парижском мебельном магазине. Однажды, в 1889 году, после получения 900 франков от клиента, он пропал. Через неделю, во время концерта военного оркестра, он внезапно вернулся к своему прежнему сознанию, при этом обнаружив себя в Бресте. В кармане у него было только 700 франков. Он сам сдал себя в руки военного полицейского, который отправил его в тюрьму. Этот пациент уже имел несколько других фуг. Во время одной из них он очнулся и обнаружил, что плавает в Сене. Это случилось, когда в состоянии фуги он проехал в городском поезде дальше, чем позволял его билет. В тот момент, когда поезд пересекал мост, он выпрыгнул в окно и бросился в реку, где и вернулся к своему обычному состоянию.

Шарко включал в группу истерического амбулаторного автоматизма и те многочисленные случаи, в которых никакая травматическая или эпилептическая этиология не обнаруживалась. Некоторые из этих слу-

чаев отличались особой продолжительностью. Удивительно было и то, что с момента потери сознания до момента его внезапного возвращения (пациент, например, мог обнаружить, что он находится в совершенно незнакомом окружении или в отдаленной местности), поведение пациента было последовательным и логически связанным. Одним из самых известных случаев подобного рода является поведение одного из пациентов Фореля, согласно отчету, опубликованному его учеником Наэфом.

> В августе 1895 года один тридцатидвухлетний мужчина, сидя в цюрихском кафе и читая газету, поразился одной статьей. В статье сообщалось, что пропал некий мистер N., который несколькими месяцами ранее покинул Швейцарию и уехал в Австралию. Здесь же высказывались опасения, что он стал жертвой убийства или погиб в результате эпидемии. Взволнованный этой новостью, мужчина кинулся в свой пансион, лихорадочно обыскал карманы своей одежды и нашел паспорт на имя мистера N. Мысль о том, что он и есть мистер N. мучила его, но он не был в этом совершенно уверен: в его памяти обнаружился огромный провал. Он помнил лишь то, что годом ранее он попросил должность за границей и что затем совершил долгое морское путешествие, картина которого была в его памяти крайне размытой. В течение последних недель он вел незаметную и уединенную жизнь в Цюрихе. Находясь в таком бедственном положении, он пришел на прием к доктору Форелю, который поместил его в Бургхольцли в качестве пациента. Расследование показало, что мистер N. был назначен швейцарским правительством на официальный пост в Австралии, куда и уехал в ноябре предыдущего года и совершенно исправно выполнял свои обязанности в течение полугода. Он покинул свою резиденцию в мае с официальным поручением, направившись в один из городов Центральной Австралии, где внезапно и сильно заболел в результате инфекции. На этом месте его след оборвался. Однако кто-то заявил, что позднее видел мистера N. в австралийском морском порту, и впоследствии обнаружилось, что из Австралии он поехал в Неаполь под вымышленным именем.
>
> У пациента наблюдалась депрессия, он выглядел истощенным и нервным. Попытки стимулировать его память просьбами сконцентрироваться на некоторых моментах, очные ставки с его семьей и человеком, которого он знал в Австралии, оказались безрезультатными.
>
> Форель гипнотизировал мистера N., отталкиваясь от самых недавних воспоминаний, медленно и последовательно следовал дальше в хронологическом порядке, начиная каждый сеанс гипноза с последнего воспоминания, которое было получено с помощью предыдущего. Пациент, таким образом, дал подробное описание своего путешествия из Швейцарии в Австралию, деятельности в этой стране, своей поездки в город Центральной Австралии, где он столкнулся с серьезными проблемами и подхватил ли-

хорадку. С этого момента гипнотическое лечение оказалось значительно более трудным. Однако постепенно сопротивление было преодолено, так что можно было добиться почти полного восстановления картины происшедшего после амнезии[41].

Мы можем отметить, что антероградная амнезия началась в мае и прекратилась в тот момент, когда пациент вернулся в Швейцарию, тогда как ретроградная амнезия распространилась назад вплоть до обстоятельств, которые предшествовали отъезду пациента в Австралию; складывалось впечатление, будто весь эпизод, связанный с его пребыванием в Австралии, просто вырезали из памяти. С другой стороны, не было и никакой попытки сформировать вторичную личность, за исключением того факта, что мистер N. использовал вымышленное имя для возвращения на корабле. (В истории болезни не упоминается имя, под которым он жил в Цюрихе.)

Любопытно также отметить, что появление или исчезновение состояния фуг у большинства из этих пациентов — не только эпилептиков, но и истериков, — всякий раз соответствовало определенным эксклюзивным ситуациям. Оба пациента Шарко впали в это состояние сразу же после получения значительной суммы денег; при этом оба не могли объяснить, как они их потратили. После возвращения в свое обычное состояние оба чувствовали себя виноватыми и демонстрировали самоуничижительное поведение. Второй пациент Шарко вернулся в нормальное состояние только после того, как его «второму я» удалось ловко избежать последствий, с которыми он, возможно, столкнулся бы, проехав остановку, до которой его поездка была оплачена. Объяснение, полученное в отношении пациента Фореля, выглядит весьма осторожным, но после знакомства со всей историей можно сделать вывод, что пациент имел личные причины для отъезда из Австралии. В таких случаях, так же как и в случаях последовательно множащихся личностей, авторы девятнадцатого века не уделяли должного внимания сознательным или бессознательным мотивациям, лежащим в основе этих личностных сдвигов. В действительности первой историей болезни, в которой личным мотивациям было уделено должное внимание, считается случай, опубликованный Реймоном и Жане в 1895 году.

Современные клинические картины: множественная личность

К концу восемнадцатого века и на протяжении всего девятнадцатого стали приобретать известность случаи расщепления личности, сначала очень редкие, если не сказать легендарные. После 1840 года их

рассматривали уже более объективно, а к 1880 году эту проблему стали обсуждать наряду с другими, находившимися в центре внимания психиатров и философов.

Еще св. Августин размышлял над проблемой единства личности в своей «Исповеди»[43]. Обдумывая перемену, происшедшую в нем с момента его обращения, св. Августин отметил, что его старая языческая личность, которая, казалось, никогда не напоминала о себе в состоянии бодрствования, несмотря на это, должна существовать, поскольку она оживает по ночам в его снах. Он писал: «О, Господи, являюсь ли я самим собой? И, однако, как много различий между мной и тем, каким я являюсь в момент перехода из состояния бодрствования в сон, или возвращения из сна в бодрствование». Это приводит Августина к обсуждению проблемы моральной ответственности сновидца за свои сновидения. Позднее аналогичная проблема ответственности индивида за действия, совершенные его «второй личностью», станет предметом широкого исследования.

Феномен одержимости, столь часто встречающийся на протяжении многих веков, можно рассматривать как вариант множественной личности. Мы уже упоминали о двух формах одержимости: ясная одержимость (при которой субъект ощущает внутри себя две души, сражающиеся друг с другом) и сомнамбулическая одержимость (при которой субъект теряет осознание себя самого, в то время как его телом как бы овладевает некий мистический незваный гость, действующий и говорящий с теми специфическими особенностями, о которых субъект ничего не знает, когда возвращается в сознание). Можно отметить определенное сходство между этими двумя формами одержимости и двумя основными формами множественной личности. Более того, точно так же, как одержимость выступает в явной или скрытой форме, множественная личность может быть манифестной (то есть возникать и развиваться спонтанно) или же проявляться только под влиянием гипнотических манипуляций или автоматического письма.

Возможно, что случаи множественной личности соседствовали с одержимостью многие годы, но оставались незамеченными. К подобному объяснению прибегли историки, чтобы пролить свет на некоторые исторические загадки вроде таинственного «Друга Бога из Оберланда», который, по-видимому, был не иначе как второй сомнамбулической личностью, мистического Рульмана Мерсвина[44]. В действительности только после исчезновения явления одержимости в документах месмеристов, а позже и в медицинской литературе стали появляться истории болезней пациентов, у которых наблюдалась множественность личности. Еще в 1791 году Эберхард Гмелин опубликовал случай umgetauschter Persönlichkeit (измененной личности).

В 1789 году, в начале Французской Революции, в Штутгарт прибыли беженцы из числа аристократии. Пораженная их видом, одна двадцатилетняя немецкая девушка внезапно «поменяла» свою собственную личность. Она стала имитировать манеры и стиль поведения одной леди, урожденной француженки, при этом прекрасно говорила по-французски, изъясняясь в то же время по-немецки так, как это делала бы француженка. Эти «французские» состояния возникали периодически как бы сами по себе. В своей «французской личности» девушка помнила все, что она говорила или делала во время своего предыдущего «французского состояния». Будучи немкой, она ничего не знала о своей «французской личности». Гмелин мог легко заставить ее переходить из одной личности в другую, давая соответствующее указание одним лишь движением руки[45].

Рейль очень заинтересовался этим случаем, тщательно работал над ним и связал его с явлением сновидений. Наряду с другими свидетельствами он приводит сон, рассказанный ему Лихтенбергом, немецким писателем. Тому снилось, как он рассказывает кому-то грустную, но правдивую историю, и тут его прерывает кто-то третий, чтобы напомнить о важном деле, о котором он, Лихтенберг, забыл. «Почему его фантазия, — спрашивал Рейль, — создает третью личность, которая удивляет его и заставляет почувствовать стыд? Как может эго разделиться на личности, которые, находясь вне его самосознания, производят вещи, о присутствии которых в самом себе он и не подозревает, и которые удивляют его своей мудростью, пришедшей извне?»[46]. Данная проблема, в сущности, является той же, что и множественная личность, и это хорошо понял Рейль.

Затем наступила череда случаев, о которых сохранились лишь туманные описания, не подтвержденные фактами. Об одном таком случае весьма кратко упоминает Эразм Дарвин.

Однажды меня обеспокоило состояние очень элегантной и благородной молодой леди, которая была одержима навязчивыми идеями, появлявшимися у нее через день и сохранявшимися в течение всего дня. В дни расстройств ее захватывали те же мысли, которые преследовали ее во время предыдущего приступа, но она ничего не могла вспомнить о них в те дни, когда была здорова. Этот случай также относился к ряду эпилептических, и больную лечили опиумом, применявшимся до момента начала приступа, периодически повторяя курс[47].

Одним из самых известных случаев множественной личности являлась история Мэри Рейнолдс, рассказанная доктором Джоном Кирсли Митчелом[48] около 1815 года, тогда же опубликованная, а позднее из-

данная в более расширенном варианте (с последующими наблюдениями преподобного Вильяма С. Плюмера)[49].

Мэри Рейнолдс, дочь священника Вильяма Рейнолдса, родилась в Англии и была еще ребенком, когда ее семья переехала в Соединенные Штаты. Они поселились недалеко от Титусвилля, штат Пенсильвания. Местность, населенная, в основном, индейцами и немногочисленными белыми, все еще оставалась дикой, и в округе повсюду свободно бродили дикие животные. Весной 1811 года, в возрасте примерно девятнадцати лет, Мэри шла через поле с книгой в руке, и позже ее обнаружили лежащей на земле, очевидно, без сознания; вскоре она очнулась, но, по всей видимости, оставалась глухой и слепой в течение пяти или шести недель. Слух вернулся к ней внезапно, а зрение восстанавливалось постепенно. Три месяца спустя ее нашли спящей в глубоком сне, и этот сон продолжался в течение многих часов. Когда она проснулась, оказалось, что она ничего не помнит и при этом не может разговаривать. Ее состояние было таким же, как и у новорожденного младенца. Однако она быстро восстановила свои утраченные знания. Через пять недель однажды утром она проснулась в своем прежнем состоянии и выразила удивление по поводу перемены времени года, не осознавая ничего из того, что происходило с ней в течение последних недель. Спустя еще какое-то время (несколько недель) она опять впала в состояние глубокого сна, проснулась в своем «втором» состоянии и стала вести ту же жизнь, какую вела некоторое время до этого; такие чередования одного состояния с другим продолжались в течение пятнадцати или шестнадцати лет, но в конце концов прекратились, когда она достигла возраста тридцати пяти лет. Мэри осталась во «втором» состоянии и пребывала в нем без изменений до самой смерти в 1854 году.

Разница между этими двумя личностями была совершенно поразительной. В своей «первой» личности Мэри была тихой, спокойной и задумчивой, с тенденцией к депрессии, с заторможенным мышлением и отсутствием воображения. Личность «вторая» была беспечной, веселой, экстравагантной, любила компании, забавы и розыгрыши, имела ярко выраженную склонность к стихосложению и рифмовке. У каждой личности был свой почерк. Находясь в одном состоянии, Мэри знала о существовании другого и боялась оказаться в нем, но по разным причинам. Во «втором» состоянии она считала «первую» личность глупой и скучной.

Ее «второе» состояние доставляло семье много хлопот, потому что девушка становилась беспокойной и эксцентричной; она бродила по лесам, не опасаясь волков и диких зверей, и однажды даже попыталась поймать гремучую змею. Мэри также находилась в какой-то странной психологической зависимости от одного из шуринов. Непосредственно перед тем как заснуть, она обычно рассказывала о событиях дня и иногда весело смеялась над шутками, которые проделывала за день.

Случай Мэри Рейнолдс обычно приводится в качестве примера полной разделенности между обеими личностями. Однако из доклада преподобного Плюмера становиться понятно, что это разделение не всегда было полным. Во «втором» состоянии, до того как она снова научилась читать и узнала что-либо о Священном Писании, Мэри рассказывала о снах, в которых проявлялось знание Библии. Точно так же ее сны указывали на воспоминания о своей умершей сестре Элизе, о которой она не имела ни малейшего представления, когда просыпалась.

Этот случай был популярно изложен в книге «Философия сна», написанной Макнишем, получившей широкое распространение во Франции. В ней Мэри фигурировала под именем la dame de Macnish («леди Макниш»)[50]. В 1889 году доктор С. Вейр Митчел, сын доктора Джона Кирсли Митчела, опубликовал более полный отчет об истории Мэри Рейнолдс, основываясь на бумагах своего отца. По-видимому, некоторые читатели так и не поняли, что Мэри Рейнолдс и «леди Макниш» — одно и то же лицо, и в течение некоторого времени на эти редакции ошибочно ссылались как на два различных примера множественной личности. Это, между прочим, демонстрирует неточность первого отчета, представленного доктором Митчелом-старшим[51].

Более серьезное объективное исследование множественной личности началось во Франции с публикации Деспеном истории об «Эстель», написанной в форме подробного отчета, но по сути — монографии[52]. Деспен был терапевтом, служившим медицинским инспектором термального центра Экс-ан-Савуа. Время от времени он практиковал магнетическое лечение.

В июле 1836 года на прием к Деспену привели одиннадцатилетнюю девочку. Врач в Нёшателе диагностировал у нее тяжелый паралич в результате повреждения спинного мозга. Эстель — так звали девочку — потеряла своего отца во время эпидемии 1832 года и была довольно избалованна. В ноябре 1834 года во время игры ее толкнул сверстник, и она упала на спину. С этого момента Эстель стала жаловаться на боль, которая постепенно увеличивалась и в конечном счете стала невыносимой. Все другие способы лечения оказались безрезультатными, и ее отправили в Экс. Пять дней она путешествовала в экипаже, лежа на спине в просторной плоской ивовой корзине, обитой стеганым пуховым одеялом, с ровной поверхностью на дне. Окна экипажа, занавешенные шторами, были плотно закрыты. Эстель требовала, чтобы ее выносили на каждой остановке, и вокруг тотчас же собиралась огромная толпа, чтобы поглазеть, как бедняжку несут в местную гостиницу. Никто, кроме матери и тети, не мог дотрагиваться до нее, не вызывая пронзительного болезненного крика. Девочка целиком погрузилась

в грезы, фантастические видения и галлюцинации и постоянно забывала о том, что происходит вокруг.

Шестидесятилетний доктор испытывал сильную привязанность к своей маленькой пациентке. Повсюду в книге он восхищается ее умственными способностями и смелостью, с которой она переносила все тяжелые испытания. Со всей осторожностью Деспен начал курс гипнотерапии и электрического лечения, после чего последовало медленное улучшение. В декабре ее мать рассказала Деспену, что каждый вечер хор ангелов утешает и успокаивает Эстель. Для доктора это послужило озарением, и внезапно он осознал, что случай Эстель является примером «экстаза» — состояния, которое может быть вылечено с помощью животного магнетизма. Сначала Эстель упорно сопротивлялась тому, чтобы ее магнетизировали, но, уступив настойчивым просьбам матери, она в конце концов согласилась, оговорив собственные условия. Они состояли в том, что она будет подвергаться магнетизму, только когда этого захочет сама и только в той степени, в какой пожелает, и что все сказанное ею в сомнамбулическом состоянии будет повторено ей слово в слово. Магнетическое лечение началось в конце декабря 1836 года. Ее мать вела дневник, многочисленные выдержки из которого содержатся в книге Деспена. Магнетический сон вызывался легко и всегда сопровождался амнезией. Во время сеанса Эстель сама назначала собственное лечение и диету. Вскоре после начала лечения в ее магнетическом сне появился один из ангелов, которого она назвала Ангелиной. Девочка вела с ним оживленную беседу (из которой, конечно, была записана только часть Эстель). С этого момента лечение предписывалось Ангелиной. Диета запрещала принимать всю ту пищу, которая не нравится Эстель, и предписывала давать все то, что нравится, даже снег. Никто не должен был перечить. Ангел сказал: «Позвольте ей действовать согласно ее прихотям, иначе улучшения не будет».

Начиная с января 1837 года Эстель стала вести двойную жизнь. В своем обычном состоянии она все еще оставалась парализованной. Малейшее движение причиняло невыносимые страдания. Ее были вынуждены обкладывать подушками, укрывать шерстяными одеялами и одеялами из гагачьего пуха. Эстель любила свою мать и требовала, чтобы та постоянно находилась рядом с ней. Девочка обращалась к доктору Деспену уважительно, на «вы». В состоянии же магнетического сна она становилась способной двигаться, начинала гулять, испытывала страстную тягу к снегу и не выносила присутствия матери. С Деспеном обращалась фамильярно, на «ты». Ее способность передвигаться зависела от наличия на теле золота, присутствие же некоторых других веществ, напротив, оказывало негативное воздействие.

В конце января того же года Эстель стала спонтанно впадать в состояние магнетического сна, каждые двенадцать часов сменявшееся так называемым обычным состоянием. В последнем она все еще по-прежнему не могла

сделать ни одного шага. В состоянии магнетического сна Эстель обычно гуляла, бегала, без устали путешествовала в экипаже, любила играть со снегом и есть его. Однако она не переносила некоторых вещей, например кошек, взгляд на которых приводил девочку к каталепсии, из которой пациентку можно было вывести с помощью растирания золотом. Деспена поражало различие между двумя диетами Эстель. Обычно она могла есть очень ограниченную пищу. Магнетический сон приводил к тому, что девочка обычно ела все и в больших количествах. Казалось, у Эстель есть два желудка, один для критического («сонного») состояния, другой — для обычного («бодрствующего»).

В начале марта Деспен был вызван из Экса на несколько дней. Как и предсказывала Эстель, во время его отсутствия она стала страдать галлюцинациями и разного рода недомоганиями. Домочадцам оставалось молча сносить все ее капризы. В конце марта девочка предсказала последующее видение ею большого шара, который лопнет, в результате чего наступит значительное улучшение. Предсказание сбылось 14 апреля, когда в первый раз пациентка смогла сделать несколько шагов уже в обычном состоянии бодрствования. Магнетическое состояние также демонстрировало определенные успехи. Эстель начала плавать и предприняла ряд экскурсий в горы, хотя определенная идиосинкразия и сохранялась.

Постепенное слияние обычного и магнетического состояний стало медленно происходить в июле. 13 июля: лечедие Деспена завершилось, и пациентка со своей матерью неспешно отправились обратно в Нёшатель. Новость о ее излечении уже достигла города, и местная газета опубликовала историю Эстель, называя ее la petite ressuscite («воскресшая малышка»). Идиосинкразия постепенно утратилась до такой степени, что девочка могла видеть даже кошек и при этом не впадать в каталепсию.

Поразительное исследование Деспена вскоре было предано забвению, отчасти потому, что он был обычным врачом, а отчасти потому, что книга его никогда более не переиздавалась и сейчас является редкостью. Важность этого случая неоднократно подчеркивал Жане, ибо он (случай) стимулировал его собственное исследование. Интересным моментом в истории Эстель является тот способ, с помощью которого было достигнуто излечение. «Обычное» состояние Эстель в действительности было патологическим, в то время как ее анормальное или магнетическое состояние оказывалось на самом деле здоровым. Деспен позволил развиться последнему, доведя его до точки слияния с первым, когда здоровая личность стала лидирующей. История болезни показывает, как Деспен в первой фазе лечения устанавливает раппорт с ребенком, который начинает зависеть от врача в своем магнетическом состоянии. Во время сеансов проявляется и антагонизм по отношению

к матери. Деспен, таким образом, освобождает Эстель от болезненной зависимости от матери. Сильная зависимость девочки от Деспена проявляется во время его отсутствия. По всей видимости, он постепенно ослабил ее до такого состояния, что пациентка смогла вернуться в Нёшатель вместе с матерью.

Разумеется, было бы интересно узнать, что же произошло с Эстель после ее столь памятного излечения. В поздних работах Деспена никаких упоминаний об этом нет. Однако после того, как он однажды воспроизвел полное имя Эстель, стало возможным проследить ее судьбу. Она родилась 18 марта 1825 года в семье торговца из швейцарского города Нёшатель, сделавшего себе карьеру и имя в Париже. После выздоровления она провела большую часть жизни во Франции, вышла замуж в Гавре и умерла там же 15 декабря 1862 года, не оставив после себя детей[53].

Классификация и формы множественной личности

В связи с тем, что на протяжении девятнадцатого века в публикациях стало описываться все больше и больше случаев множественной личности, возникла необходимость различать и как-то классифицировать их клинические варианты. Среди многочисленных типов классификаций наиболее рациональной, вероятно, является следующая:

1. Одновременные множественные личности.
2. Последовательные множественные личности:
   а) взаимная осведомленность личностей о существовании друг друга;
   б) взаимная амнезия;
   в) амнезия одной из личностей.
3. Личностные группы.

Теперь мы предпримем короткий обзор этих различных типов, приводя для каждого один или два наиболее характерных клинических примера, включая недавние случаи, имеющие особый интерес[54].

Одновременные множественные личности

Личности называются одновременными, когда они способны проявлять себя отчетливо в один и тот же момент. Следует напомнить, что нельзя говорить о множественной личности, когда речь идет о двух фокусах внимания или двух согласованных потоках сознания (как это может происходить с религиозными мистиками, поэтами, художниками, изобретателями) или когда актер играет роль на сцене. У непосредственно множественной личности, каждая из них имеет свое собственное чувство индивидуальности, исключая наличия таковой у другой или других.

Такое состояние является очень редким. Хотя даже нормальный индивид, возможно, переживает подобные ощущения при переходе из сна в бодрствование, и наоборот. Мы вспоминаем, как св. Августин удивлялся подобным перемещениям из своей новой христианской личности в старую, языческую, и обратно.

Флурнуа упоминает о подобных кратковременных состояниях у своего медиума Элен Смит.

Множественность личности является своего рода состоянием сознания, которое невозможно описать адекватно. Его можно только представить, если вспомнить удивительное состояние, необычное для нормальной, активной жизни и более привычное для сна, когда человек, по всей видимости, меняет свою личность и становится кем-то еще.

Элен неоднократно рассказывала о том, что порой ее наполняет ощущение, что она на какое-то короткое время становится или уже является Леопольдом. Чаще это происходит по ночам или перед утренним пробуждением. Сначала перед ней проходит мимолетное видение ее покровителя. Затем постепенно он погружается в нее; у нее появляется чувство, что он вторгается в ее организм и завладевает им, как будто он на самом деле стал ею или она стала им[55].

В отчете о своих опытах с мескалином Джованни Энрико Морселли рассказывает о переживаниях, вызванных его действием, о состоянии, в котором с ним соединился дикий зверь, или, говоря другими словами, он чувствовал себя превращенным в дикого зверя, и мог описать его цвет[56].

Возвращение воспоминаний из прежней жизни — явление более сложное. Иногда оно случается у пациента с галлюцинаторной яркостью, при этом у него сохраняется четкое осознание себя самого и места, где он находится. Одним из таких случаев является любопытная история пациентки Макса Биршера по имени Икара.

Икара, домохозяйка из Цюриха, лишилась матери в тринадцать лет. Ее детство и юность были несчастливыми. Она выросла очень прилежной, практичной и серьезной девушкой, но вела скрытую жизнь, наполненную фантазиями и скрываемую от своих знакомых. Когда Икаре было пятнадцать лет, ее поразило внезапное осознание того, что ей ведомы все подробности рождения детей, будто пережитые ею самой на самом деле. В двадцать пять лет девушку стали посещать очень яркие воспоминания о событиях, происходивших с человеком, с которым она отождествляла себя в прошлой жизни. Она провела два года в медицинском санатории у Биршера, и последний упоминает примерно о десяти таких проявлениях воспоминаний из предыдущей жизни. Эти воспоминания имели личный характер и выглядели вполне отчетливыми, хотя и относились к совершенно иному миру.

В предшествующей жизни Икара была крепкой женщиной из первобытного племени. Она обитала на краю леса среди дикарей, одетых в звериные шкуры. Однажды она рассказала о том, как украла курицу, жадно ела ее сырое мясо и чувствовала вкус крови на своих губах; потом за ней погнались рассерженные мужчины, угрожающе размахивая большими палками. Икара пыталась найти убежище в ближайшей пещере — и видение внезапно пропало. Доктор Биршер считал, что это действительно были воспоминания о прежней жизни, которую эта женщина прожила в доисторической эре. Жаль, что он не предпринял более подробного исследования другой жизни своей пациентки[57].

Сосуществование в сознании двух личностей является исключительным состоянием, которое навряд ли способно длиться долго. Даже когда обе личности знают друг о друге, одна из них всегда доминирует (несмотря на то, что на заднем плане ощущается присутствие другой). По этой причине к первой группе последовательных множественных личностей относится случай пациента доктора Кори.

Последовательные множественные личности; взаимная осведомленность личностей о существовании друг друга

Этот тип множественной личности, по-видимому, встречается нечасто. Одним из лучших примеров является случай, опубликованный Чарльзом Э. Кори.

Кори описывает случай двадцатидевятилетней женщины, чья личность тремя годами ранее раскололась на «А» и «В» вследствие шока, который она пережила из-за самоубийства отца. Через какое-то время после случившейся трагедии женщина начала страдать двигательными расстройствами, галлюцинациями, выраженной нестабильностью и немотивированными переменами настроения. Однажды вечером, когда она сидела за пианино, у нее появилось ощущение, как будто кто-то внутри сказал, чтобы она набрала в легкие побольше воздуха и попыталась спеть. К тому моменту, как личность «В» научилась «полностью проявляться и брать власть над телом», прошло несколько недель. С этого времени обе личности стали чередовать свое появление, но одна всегда знала о существовании другой.

Личность «А» остается нормальной, обычной личностью и сохраняет прежний характер. Она — яркая и образованная женщина благородного происхождения, но, по большей части, стеснительная и замкнутая. «А» плохо поет. Она воспитывалась в строгости как дома, так и в монастырской школе, и в ее воспитании на все, что касалось сексуальных вопросов, распространялось строжайшее табу. «В», очевидно, является женщиной постарше, самоуверенной, но обладающей чувством собственного достоин-

ства и серьезных взглядов, женщиной, которая утверждает, что является реинкарнацией души испанской певицы. Она поет хорошо и уверенно и говорит по-английски с сильным испанским акцентом. Временами «В» изъясняется на языке, который, по ее утверждению, является испанским, но на самом деле — смесью из обрывков ломаного испанского и звучащих на испанский манер словообразований. «В» обладает крайним эгоцентризмом, демонстрирует сильную страстность, и основной ее интерес лежит в области сексуальных инстинктов. Она делает вид, что является сладострастной, очаровательной красавицей и утверждает, что в прошлом была танцовщицей, куртизанкой и любовницей аристократа.

«А» и «В» полагают, что находятся в хороших отношениях друг с другом, но являются личностями полностью самостоятельными, как если бы они были двумя приятельницами. Каждая знает другую и хочет раскрыться перед ней в той степени, в какой сама того желает. Каждая, если заинтересована в этом, осознает другую и помнит, что та делает. Они могут смотреть на одну и ту же вещь или читать одну и ту же книгу одновременно. Однако может показаться, что «В» никогда не спит. Она утверждает, что знает прежнюю жизнь «А» лучше чем ее знает сама «А». Она также настаивает на том, что является ангелом-хранителем «А» и что однажды гипнотизировала ее. Очевидно, что «В» является доминирующей личностью.

Кори мог гипнотизировать каждую личность отдельно. Он обнаружил, что под гипнозом «А» вспоминает вещи, о которых она ничего не знает в нормальном состоянии, но о которых рассказывала «В», при этом не будучи загипнотизированной. Однажды во время сеанса гипноза «В» неожиданно начала бредить, в этом состоянии она была сильно испугана и тяжело страдала: она увидела тело своего любовника, который покончил жизнь самоубийством. «Где-то глубоко в ее подсознании существует некая обитель ужасов».

В отчете Кори содержатся некоторые намеки о возможных психогенетических факторах. В монастырской школе «А» знала трех маленьких девочек, которые приехали из Мексики и между собой разговаривали по-испански. Вскоре после смерти отца она познакомилась с мужчиной, который был намного старше ее и выглядел как испанец и чья мать действительно была испанкой. С другой стороны, пациентка страдала от сильного сексуального подавления и внутреннего конфликта. Кори отметил, что «они обе родились на обломках старого конфликта».

И наконец, следует обратить внимание на то, что пациентка Кори никогда не говорила, что «В» могла быть возрождением предыдущей жизни «А» (как в случае Икары). Предполагалось, что «В» является реинкарнацией духа. Примечательно, что круг общения «В» включал в себя людей верующих в спиритизм. Они поддерживали ее веру в то, что она является вернувшимся духом, на который она распространяет свое тираническое влияние[58].

Последовательные множественные личности, взаимная амнезия

В этой группе личности «А» и «В» ничего не знают друг о друге. К этой группе относится случай юной пациентки Гмелина, чья французская личность ничего не знала о немецкой, точно так же, как и немецкая личность ничего не знала о французской. Случай Мэри Рейнолдс обычно приводится как типичный, но, как мы уже видели, некоторые знания первой личности временами проходили сквозь вторую личность. Следует быть осторожным при изучении старых историй болезни, которые не всегда записывались с той тщательностью, которая необходима для научного исследования сегодня. Одним из первых достоверно записанных случаев взаимно амнестических личностей является случай Анселя Бурна, опубликованный Ходсоном[59] и изученный Уильямом Джеймсом[60].

Ансель Бурн родился в 1826 году. Его родители развелись, и детство его было безрадостным. Когда он вырос, то стал плотником и работал в маленьких городках Род-Айленда. Бурн, будучи убежденным атеистом, публично заявил 28 октября 1857 года, что скорее станет глухим и немым, чем пойдет в церковь. Через несколько мгновений он оглох, онемел и ослеп. 11 ноября он пошел в церковь, показывая лист бумаги, на котором было написано о его обращении. В следующее воскресенье, 15 ноября, Бурн поднялся в церкви среди нескольких сотен молящихся и заявил, что Бог излечил его от болезни. Это якобы чудесное исцеление сделало его необычайно популярным, и с этих пор Бурн совмещал свою работу плотника с деятельностью странствующего проповедника. Через год у него умерла жена, и он женился вторично, но второй брак не был счастливым.

Однажды, через тридцать лет после обращения, Ансель Бурн исчез из своего дома в Ковентри, Род-Айленд. Он отправился в Провиденс, снял в банке 551 доллар, нанес визит любимому племяннику, и после этого его след был потерян.

Две недели спустя некий Альберт Браун прибыл в Норристоун, штат Пенсильвания. Он взял в аренду маленький магазин, купил некоторые товары и начал скромный бизнес по продаже канцелярских принадлежностей, кондитерских изделий и всякой мелочи. Мужчина вел по большей части незаметную и уединенную жизнь. Ранним утром 14 марта он проснулся совершенно сбитый с толку. Альберт Браун вернулся в свою прежнюю личность Анселя Бурна и не мог понять, что он делает в этом странном месте. Он позвал своих соседей, которые подумали, что Браун помешался. В конце концов приехал его племянник, продал магазин и забрал дядю обратно в Ковентри. Никаких воспоминаний обо всем, что он делал в течение двух месяцев, которые он провел под именем Альберта Брауна, у Анселя Бурна не осталось.

В 1890 году Ансель Бурн был загипнотизирован Уильямом Джеймсом и в состоянии транса вернулся к личности Альберта Брауна. Браун ничего не знал о Бурне, но дал связный отчет о том, что он делал в течение двух месяцев своего существования. В тех случаях, когда его заявления можно было проверить, они оказывались истинными. Что касается причин возникновения фуги, он был, очевидно, неудовлетворен своей жизнью и страдал от постоянного ворчания второй жены. Бурн пропал только после получения большой суммы денег. Его новая личность (Альберт Браун из Ньютона, штат Нью-Хемпшир) была слабой маскировкой его истинной личности (Анселя Бурна из Нью-Йорка, штат Нью-Йорк). Странно, что во втором состоянии Альберт Браун не заметил ничего необычного в бумагах, чековой книжке и других документах, которые он носил с собой все это время, и где стояло имя Анселя Бурна. Было бы интересно узнать обстоятельства, которые предшествовали его возвращению к первой личности, и то, как много денег он уже потратил к тому моменту.

В 1933 году С. Франц опубликовал более поздний и очень тщательно задокументированный случай взаимной амнезии личностей.

В декабре 1919 года полиция Лос-Анджелеса поймала мужчину, который бродил по улицам в полубессознательном состоянии. Мужчина, у которого при себе были английские и французские военные медали, сказал, что ничего не помнит о своей жизни до 1915 года и что очень обеспокоен тем, что не знает, кем он является. Одна пожилая леди из Калифорнии убеждала его в том, что узнала в нем потерянного сына, но он не может вспомнить в этой женщине свою мать. Франц пытался пролить свет на этот случай, как через официальное расследование, так и проводя многочисленные беседы с пациентом.

Документы пациента были выписаны на имя Чарльза Палтинга из Флориды, но он не был похож на коренного американца. У него был ирландский акцент. Он думал, что, возможно, является канадцем, и имел необъяснимое влечение к штату Мичиган. Пациент много путешествовал не только по Соединенным Штатам, но и за границей. Его воспоминания начались в феврале 1915 года, хотя имелось несколько серьезных провалов и после этой даты. Он принимал участие в Первой мировой войне и сражался на территории Франции, Бельгии и Британской Восточной Африки. Пациент весьма эмоционально рассказывал Францу о своих военных приключениях в африканских джунглях и о том, как после побега из немецкого плена вместе с другими солдатами он видел, как одного его товарища растерзали леопарды.

Таким образом, пока Палтинг пытался справиться со своими воспоминаниями, полиция снова обнаружила его на улицах в марте 1930 года, полностью утратившим все жизненные ориентиры. У Франца он заявил, что его

имя Чарльз Пултни. Он указал дату и место своего рождения, свой адрес в Дублине, а также имена своих родителей, братьев, сестер, жены и двоих детей. Полагали, что он находился в Дублине в сентябре 1914 года. Пултни приехал в Соединенные Штаты в 1913 году и жил в штате Мичиган. Он не мог вспомнить ничего из того, что произошло после сентября 1914 года. «Это был человек, проживший сорок два года, из которых только о двадцати семи у него сохранились какие-то воспоминания и переживания».

Франц пытался заставить Пултни восстановить воспоминания о второй половине жизни при помощи карт тех стран, где, как было известно, он временно останавливался. Изучая карту Британской Восточной Африки, Пултни неожиданно сильно возбудился, обнаружив на ней маленький город: там, сказал он, у него была ручная обезьянка, которую схватил и растерзал леопард. (С точки зрения динамической психиатрии эта эмоция была очевидно заменой более тяжелого воспоминания о товарище, растерзанном леопардами в той же самой местности.) Эта эмоциональная абреакция сопровождалась потоком воспоминаний, которые теперь лились без остановки. «За несколько минут этот человек прожил пятнадцать лет. Он встретился и познакомился с самим собой».

Таким образом, история жизни этого пациента как бы разделилась на три неравные временные части, которые Франц назвал личностями «А», «В» и «С». Личность «А» (Палтинг) существовала с рождения пациента до сентября 1914 года. Личность «В» охватывала период с сентября 1914 года до февраля 1915 года. Этот фрагмент личности был стерт, вероятно, в результате психической травмы, полученной во время сражений в Северной Франции. Личность «С» появилась в феврале 1915 года и существовала до того момента, когда Франц начал в 1930 году лечение пациента. В начале лечения пациент знал только личность «С», личности «А» и «В» выпали из его сознания. Францу удалось собрать вместе «А» и «С». Что касается «В», то она так и осталась недостающим звеном (отсюда название книги — «Личности Один и Три»)[61].

Последовательные множественные личности: амнезия одной из личностей

Это значит, что личность «А» ничего не знает о личности «В», но последняя знает не только саму себя, но также и личность «А». Прототипом такого варианта множественной личности послужила знаменитая пациентка профессора Азама, Фелида. Эжен Азам (1822–1899), профессор хирургии в Медицинской школе в Бордо, интересовался гипнозом еще в те времена, когда полагали, что гипноз научным методом не является. С 1858 по 1893 год он изучал и следил с некоторыми перерывами за женщиной Фелидой Х., для которой он ввел термин dédoublement de la personnalité (расщепление личности). Он сделал несколько науч-

ных докладов об этой пациентке различным медицинским сообществам и впоследствии объединил все свои наблюдения, дополнил их пояснениями и опубликовал в 1887 году с введением, написанным Шарко[62].

Фелида родилась в 1843 году и была дочерью капитана торгового флота. Он умер, когда она была еще совсем маленькой, и ее детство было нелегким. Будучи ребенком, Фелида была вынуждена зарабатывать себе на жизнь, работая белошвейкой. Начиная с тринадцати лет у нее стали развиваться сильные истерические симптомы. Она была угрюмой, неразговорчивой девушкой и упорной работницей, но постоянно жаловалась на головные боли, невралгию и другие болезненные проявления. Почти каждый день у нее случался «кризис»: внезапно Фелида чувствовала острую боль в висках, после чего впадала в летаргическое состояние, длившееся несколько минут. После пробуждения девушка становилась совершенно другой личностью: веселой, оживленной, иногда в приподнятом настроении и полностью свободной от всех недомоганий. Это состояние обычно длилось несколько часов и заканчивалось коротким летаргическим сном, после которого она возвращалась в обычную личность. Азам установил, что в нормальном состоянии Фелида обладает средними способностями, но что она становится более одаренной во втором состоянии. В последнем она очень хорошо помнит не только предыдущие состояния, но и всю свою жизнь. Нормальная личность ничего не знает о второй, за исключением рассказываемого о ней другими. Гораздо реже у Фелиды появлялась иная форма «кризиса», которую Азам называл третьим состоянием: приступы сильного страха с мучительными галлюцинациями.

Однажды Фелида консультировалась у Азама по поводу тошноты и увеличившегося живота. Азам определил беременность, но Фелида не согласилась это признать, заявив, что такое просто невозможно. Позже, переместившись во вторую личность и улыбаясь, она заявила, что знает о беременности, но не беспокоится по этому поводу. Фелида вышла замуж за своего приятеля, у них родился ребенок, и ей явно стало лучше. Она не наблюдалась у Азама в течение долгого времени. Но со второй беременностью все предыдущие симптомы вернулись.

Среди симптомов Фелиды Азам описывал необычные расстройства вегетативных нервных функций, становившиеся все сильнее и сильнее в последующие годы жизни. Она страдала от легочных и желудочных кровотечений без каких-либо признаков заболевания в этих органах. Когда она спала, из ее рта частенько медленно и безостановочно текла кровь. У нее неожиданно могла распухнуть любая часть тела, например, половина лица.

Азам установил, что у теперешней тридцатидвухлетней Фелиды, управлявшей бакалейным магазином, в основном проявляются те же

самые симптомы. Но теперь первая и вторая личности поменялись друг с другом местами, то есть периоды второй личности значительно удлинились по сравнению с первой, нормальной. Последней становилось все хуже и хуже. Во втором состоянии Фелида чувствовала себя хорошо, она становилась свободней, больше заботилась о внешнем виде, была более чувствительной и более привязана к семье. Она помнила всю жизнь. Во время коротких периодов первой личности она лишалась большой части воспоминаний (поскольку она ничего не помнила о второй личности), много работала, но выглядела хмурой, и ее раздражал муж. В любом отношении это так называемое нормальное состояние оказывалось менее желательным, чем второе, или ненормальное состояние. Все одиннадцать детей родились в нормальном, то есть в плохом состоянии. В обоих проявлениях она считала свое нынешнее состояние нормальным, а другое — ненормальным.

В последующие годы, вплоть до 1887 года, Азам продолжал наблюдать за Фелидой и написал несколько дополнительных работ о ней. Второе состояние становилось все более и более доминирующим, хотя оно никогда не оставалось единственным. Все то время, пока Азам наблюдал за ней, у Фелиды случались короткие возвраты в первое «нормальное» состояние. Расстройства вегетативной нервной системы постепенно увеличились до такой степени, что у нее начались частые кровотечения из всех слизистых тканей тела, без каких-либо признаков серьезных заболеваний.

Большинство случаев множественной личности принадлежит к данной группе односторонней амнезии. Как мы уже видели, «В» знает все об «А», в то время как «А» не знает ничего о «В». Более того, С.В. Митчел обратил внимание на то, что во всех известных случаях обнаружилось, что личность «В» является более открытой, более легкой в общении и часто имеет приподнятое настроение. Личность «А» является замкнутой, ответственной и подавленной. Майерс и затем Жане заявили, что некорректно называть личность «А» нормальной, а личность «В» ненормальной, как это делал Азам. В действительности личность «А» является больной, а «В» можно рассматривать как возврат к некогда здоровой личности, той, какой она была до начала болезни.

Из многочисленных примеров множественной личности, принадлежащих к этой группе, мы выбрали и добавили еще один, возможно, наиболее примечательный случай множественной личности из когда-либо опубликованных. Это история болезни Елены, пациентки доктора Морселли. Елена наблюдалась и лечилась у Морселли[63] в течение трех лет. Его отчет, опубликованный в итальянском журнале, является хорошо задокументированной монографией случая этого типа.

В мае 1925 года двадцатипятилетняя учительница игры на фортепиано Елена Ф. была помещена в психиатрическую клинику Морселли в Милане. Она обратилась к нему на превосходном французском. Морселли спросил ее, почему она, итальянка, не говорит с ним на своем родном языке. Елена ответила ему с явным удивлением, что разговаривает по-итальянски. У нее было ощущение, что вокруг нее происходит что-то странное и сверхъестественное. Пациентка жаловалась, что люди читают ее мысли, и она слышит голоса, которые выдвигают против нее чудовищные обвинения. Елена также уверяла Морселли (и это не соответствовало действительности), что ее отец умер. В то время как Морселли проверял состояние ее нервной системы, пациентка впала в короткий летаргический сон. После пробуждения она заговорила уже на итальянском и была очень удивлена, когда увидела Морселли, которого не узнала.

После этого франко- и италоговорящая личности стали чередоваться. Вне зависимости от того, в каком состоянии она находится, Елена полагала, что разговаривает по-итальянски. Во французской личности она говорила по-итальянски так, как говорила бы француженка, и наоборот. Кроме этих двух состояний, в поведении пациентки проявлялось то, что время от времени она начинала бредить и у нее возникали страшные галлюцинации, в которых, например, она видела, как отец убивает мать (подобные случаи, происходившие с Фелидой в третьем состоянии, были также описаны Азамом).

Итальянская личность Елены ничего не знала о своем французском двойнике, в то время как последняя знала как о себе, так и об итальянской личности. Французская личность была явно психотичной, итальянская — гораздо более здоровой.

Объективные данные говорили о следующем: отцом Елены является шестидесятишестилетний фабрикант, а матерью — шестидесятидвухлетняя женщина, невротичная до крайности и зависимая от алкоголя. Из-за бурных сцен между родителями ее жизнь дома была невыносимой. Елена всегда выглядела болезненной. Все свои силы и энергию она отдавала музыке. Она демонстрировала отвращение к сексуальным вопросам и не имела никаких любовных приключений. Легочные и другие заболевания привели к необходимости долгого пребывания на климатических курортах. Непосредственно душевные расстройства стали возникать после пребывания Елены вместе с отцом в деревне на берегу озера Маджоре.

Морселли построил свое лечение на двух принципах: (1) В связи с тем, что итальянская личность является более здоровой, он пытался сохранять ее как можно дольше. Он обнаружил, что может при желании — заставляя пациентку читать вслух 50 стихов Данте — переместить ее из французской личности в итальянскую, (2) Без погружения Елены в гипноз он делал попытки осторожного извлечения из памяти ее прошлого. Морселли был

поражен явным игнорированием пациенткой факта сексуальной жизни и некоторыми пробелами в ее памяти: у нее не было никаких воспоминаний о тех неделях, которые она провела вместе с отцом в деревушке, название которой она не могла даже вспомнить.

Постепенно Елена обретала забытые воспоминания, но это достигалось ценой мучительных эмоциональных абреакций. В конце концов она вспомнила, что стала жертвой сексуальных домогательств отца (то, что это действительно имело место, подтвердилось из других источников). Самым тяжелым для нее было воспоминание о его попытке засунуть ей в рот свой язык. Бегство Елены во французскую личность явилось, таким образом, стремлением подавить воспоминание о «языке» отца и его инцестуозных попытках.

Достигнув здесь некоторого успеха, Морселли сфокусировался затем на том, чтобы объединить франко- и италоговорящие личности и растворить одну в другой. Психотические симптомы стали постепенно пропадать. Лечение, таким образом, оказалось эффективным, но вскоре после того, как Елена покинула госпиталь в июле 1927 года, она умерла от почечной инфекции.

Личностные группы (clusters)

В течение достаточно долгого периода времени публиковались только случаи «множественной личности». Но, как стало ясно впоследствии, человеческий мозг скорее похож на матрицу, из которой могут возникать и обособляться целые группы подличностей (subpersonalities). Месмеристы открыли, что при наложении гипнотических процедур на уже загипнотизированных пациентов на авансцену порой выходит третья личность, которая настолько же отличается от обычной магнетической личности, насколько последняя отличается от нормального индивида в состоянии бодрствования. Пьер Жане одним из первых предпринял систематические исследования множественных гипнотических подличностей у своих пациенток Люси, Леони и Роз. Он показал важную роль «называния» или присвоения имени: «Пройдя церемонию крещения и присвоения имени, бессознательная личность сразу становится более ясной и определенной; она проявляет свои психологические черты более отчетливо»[64].

Хотя личностные группы (clusters) иногда развиваются спонтанно, всегда остается открытым вопрос, в какой степени исследование посредством сознательного или бессознательного внушения может подстегнуть умножение (multiplication) и развитие этих личностей. Среди самых известных примеров подобного умножения личности мы приведем случай мисс Бошам, которому Мортон Принс посвятил классическую монографию.

Кристин Бошам родилась в 1875 году. В 1898 году, когда Мортон Принс познакомился с ней, ей было двадцать три года. В то время она была студенткой колледжа в Новой Англии, хорошо образованная, но очень застенчивая девушка, проводившая все время за чтением книг. С очень развитым чувством ответственности, Кристин была усердной, добросовестной, гордой и замкнутой и проявляла болезненную скрытность при разговорах о себе. Девушка страдала от головных болей, усталости и подавленности воли. В конце концов судьба привела ее к Мортону Принсу, после консультации с которым было назначено лечение. Принс знал, что в тринадцать лет мисс Бошам потеряла мать. Кристин-подросток чувствовала себя несчастливой в доме и страдала от многочисленных психических травм, полученных ею между тринадцатью и шестнадцатью годами. Был случай, когда однажды она даже сбежала из дома.

С целью облегчить неврастенические страдания Принс решил применить гипноз и обнаружил, что Кристин легко ему поддается. В первых сеансах под гипнозом девушка продолжала, в основном, демонстрировать те же самые личностные черты, что и в состоянии бодрствования. Но однажды через несколько недель на очередном гипнотическом сеансе Принс обнаружил у своей подопечной проявление одного из двух дополнительных личностных выражений (которые он назвал В II и В III, отдавая бодрствующей личности имя В I). В то время как личность В II оставалась ярко выраженной мисс Бошам, личность В III оказалась ее полной противоположностью: она была веселой, оживленной, беспечной, непослушной и часто заикалась. В I (мисс Бошам в бодрствующем состоянии) ничего не знала о двух своих гипнотических подлинностях. В II знала В I, но ничего не знала о В III. С другой стороны, В III знала все о В I и В II. Вторая гипнотическая подлинность, В III, которую Принс назвал Крис, выбрала себе имя Салли. Она демонстрировала пренебрежение и презрение по отношению к В I, которую считала глупой. Однако Салли не обладала культурой мисс Бошам и не говорила по-французски. Косвенным образом участие личности Салли проявлялось и в повседневной жизни мисс Бошам: последняя произносила внушенные ей глупые слова и совершала немотивированные поступки, которые можно рассматривать как одну из форм «отреагирования». Через несколько месяцев Салли уже открыто демонстрировала свое присутствие в виде равноправно чередующейся личности, знавшей о мисс Бошам все, в то время как последняя оставалась постоянно озадаченной и обеспокоенной и ничего не знала о том, как Салли периодически над ней подшучивает.

Позднее появилась новая личность В IV, Идиот, по всей видимости, регрессивного типа. На этом этапе Принс выяснил, что в возрасте восемнадцати лет мисс Бошам пережила нервный шок. На протяжении всего периода с 1898 по 1904 год, говорил Принс, все указанные личности играли «комедию ошибок, которая иногда была смешной, а иногда трагичной».

Работать с ними было весьма тяжело. Однако ему удалось соединить эти личности в единое целое — истинную мисс Бошам. Детали этого лечения, которое, наверное, правильнее было бы назвать групповой терапией, более полно описаны в книге Принса «Диссоциация личности»[65].

История болезни Кристин может показаться несколько сложной для понимания, но все же она не столь запутанна, чем случай Дорис, опубликованный Уолтером Франклином Принсом[66]. Этот случай — слишком длинный и сложный, чтобы его здесь анализировать — содержит в себе несколько загадок, которые чрезвычайно трудны для объяснения. Например, одна из субличностей (Больная Дорис) постепенно поглощалась первой личностью (Истинная Дорис), в то время как еще одна субличность (Маргарет), не имея своих собственных воспоминаний, медленно отступала и исчезала, объединяясь с Истинной Дорис, а еще одна личность, Спящая Истинная Дорис, и вовсе тихо пропала.

Общие замечания о множественной личности

Мы уже видели, что исследования множественной личности описывают истории болезни, выстроенные по степени сложности: от коротких фуг амбулаторного автоматизма до пролонгированных, чрезвычайно сложных и загадочных случаев множественной личности. Несколько авторов также старались описать нетипичные и размытые случаи множественной личности. Проявления двойственности объяснялись как вид проекции второй личности. Француз Бине[67] и немец Люка[68] описали явление деперсонализации fausse reconnaissance (искаженного узнавания) как переходную и ослабленную формы двойственной личности.

Для объяснения этих явлений было разработано несколько теорий. Сначала дискуссия развивалась между ассоцианистами, которые говорили об умственном расщеплении и потере связи между двумя основными группами ассоциаций, и органицистами, поддерживавшими идею органических изменений в мозге. Позднее, к концу девятнадцатого века, в основном Флурнуа, были обнаружены факторы мотивации, ролевой игры, регрессии и прогрессии всей личности. Гарднер Мерфи пришел к выводу, что «по существу, большинство случаев множественной личности возникает, чтобы на примере различных ценностных систем продемонстрировать стремление организма выжить в самых разных случаях»[69]. Множественные личности, таким образом, драматически иллюстрируют, то, что единство личности не есть нечто само собой разумеющееся и должно быть реализовано и достигнуто индивидом с помощью настойчивых усилий на протяжении всей жизни.

После 1910 года концепция множественной личности подверглась массированному разрушительному удару. Посыпались заявления, что

исследователи, начиная с Деспена и заканчивая Принсом, были одурачены пациентами, патологически склонными ко всякого рода измышлениям; что эти исследователи непроизвольно сами сформулировали те проявления, которые они якобы наблюдали. Новая динамическая психиатрия демонстрировала незначительный интерес к проблемам множественной личности. Однако в настоящее время, по-видимому, частичное возрождение интереса к ней снова имеет место. Два самых удивительных случая описал итальянец Морселли [70]: один из них, о Елене, приводился выше, а другой, случай Марисы[71], интересен тем, что здесь среди прочего были записаны электрокардиограммы, и у двух личностей они оказались разными. В Швейцарии Биндер опубликовал две истории множественной личности. В одной из них вторая личность посылала анонимные письма, а первая личность принимала участие в поисках их автора[72]. В Соединенных Штатах произошел сенсационный случай Типгена и Клекли, который вызвал огромный интерес и о котором сняли фильм[73].

Пример клинической картины: истерия

С клинической точки зрения в центре внимания первой динамической психиатрии первоначально был сомнамбулизм. Впоследствии появился интерес к проблеме множественной личности, но к концу девятнадцатого века на первый план вышла истерия. С этого момента действительно было достигнуто слияние учений о гипнозе, с одной стороны, и официальной психиатрии, с другой.

На протяжении двадцати пяти веков истерию рассматривали как странное расстройство с несвязанными друг с другом и непонятными симптомами. Большинство врачей полагали, что она присуща женщинам и возникает в матке. Но уже начиная с шестнадцатого века некоторые врачи утверждали, что ее место находится в мозге, и что истерию можно иногда обнаружить и у мужчин. Впервые действительно объективные и систематические исследования истерии предпринял французский врач Брике. Его знаменитый труд Traite de I'Hysteric («Трактат об истерии») был опубликован в 1859 году[74]. В качестве терапевта Брике был назначен главой госпитального отделения истерических пациентов при Госпиталь де ла Шарите в Париже. Вскоре он выяснил, что состояние истерических пациентов во многом не соответствовало тем представлениям, которых придерживалась медицина того времени, и обнаружил, что истерия никогда как следует не изучалась. С помощью своих коллег в течение десяти лет Брике наблюдал 430 истерических пациентов. Он определил истерию как «невроз мозга, который проявляется, главным образом, в осложнении жизненных актов, касающихся выражения эмо-

ций и желаний». Брике подсчитал, что на один случай мужской истерии приходится двенадцать случаев женской; такое соотношение он приписывал более сильной впечатлительности женщин. Брике полностью отрицал общепринятую точку зрения того времени, полагавшую причинами этого заболевания эротические желания или фрустрации (он обнаружил, что истерия почти не встречается у монахинь, но очень распространена среди парижских проституток). Большое значение Брике придавал наследственным факторам (он определил, что 25 процентов дочерей истерических матерей также оказываются истеричными). В дальнейшем им было установлено, что истерия более часто встречается в низших социальных слоях, нежели в высших, чаще в деревнях, чем в городах. Брике пришел к выводу, что истерия возникает у предрасположенных к ней или гиперчувствительных людей вследствие сильных эмоций, длительных страданий, семейных конфликтов и несчастной любви. Впоследствии основные положения этой концепции истерии перенял Шарко.

Тем временем магнетизеры и гипнотизеры собрали огромное количество материала об истерии и ее отношении к сомнамбулизму и другим магнетическим болезням. В конце концов пришло время, когда стали считать, что истерия представляет собой синтез всех этих различных состояний. Эта новая концепция базировалась на трех аргументах.

Во-первых, наблюдалась постоянная связь с более чем одним из этих состояний у неистерических и истерических пациентов. Давно было известно, что летаргия, каталепсия и экстаз часто имеют место у истериков. В 1787 году Пететен утверждал, что каталепсия есть не что иное, как субформа истерии. Во время истерических приступов пациент может по очереди демонстрировать фазы летаргии, каталепсии, сомнамбулизма, экстаза и галлюцинации. Было выявлено, что множественные личности часто встречаются у истерических индивидов, и подобное перемещение из одной личности в другую часто вызывается приступами летаргии или любым другим магнетическим состоянием.

Во-вторых, гипнотизация может спровоцировать состояния, точно соответствующие упомянутым клиническим картинам: не случайно гипноз с самого начала определялся как искусственно вызванный сомнамбулизм. Однако вскоре было показано, что гипнотизация способна порождать такие состояния, как летаргия, каталепсия, экстаз, некоторые типы галлюцинаций и временные смены личности. Более того, именно при многократных сеансах гипноза и было открыто явление множественной личности. Такие индуцированные магнетические личности, которые иногда даже принимали месмерическое имя, уже описывались ранними магнетизерами[75].

В-третьих, опыты показали, что все эти состояния, по крайней мере при благоприятных обстоятельствах, можно вылечить с помощью гипноза. Проводя сеансы с истерическими пациентами, ранние магнетизеры добились, по крайней мере внешне, удивительных успехов в излечении, и, как мы уже видели, Шарко вылечивал тяжелые истерические параличи внушением в состоянии бодрствования, что дало ему репутацию великого медицинского мага.

В свою очередь, от теории, согласно которой истерия проистекает из нереализованных сексуальных желаний, никогда полностью не отказывались. Она не только прочно утвердилась в общественном сознании, но ее придерживались также гинекологи и многие невропатологи. Как уже говорилось, концепция истерии Шарко была в значительной степени вдохновлена Брике, который отрицал сексуальную теорию истерии. Шарко соглашался с ним в этом вопросе и не допускал мысли о природе истерии как сексуальном неврозе. Тем не менее он признавал, что сексуальный аспект играет крайне важную роль в жизни его истерических пациенток-женщин. В этом, в частности, можно убедиться при внимательном чтении книги о grande hysterie, написанной его последователем Полем Рише[76]. Галлюцинации и действия пациента во время истерических кризов, говорил Рише, могут представлять собой повторное переживание физической травмы, когда-то пережитой пациентом (например, бегство от бешеной собаки), но в большинстве случаев они относятся к сексуальным событиям (либо драматическим, таким, как попытка изнасилования, либо откровенным эротическим сценам, либо любовным ситуациям более сдержанного характера). Те же самые пациенты в другое время могли иметь галлюцинации, не основанные на реальных событиях и носящие воображаемый характер. Истерические приступы могли также выражать и скрытые желания больного, как это произошло с одной женщиной-пациенткой Рише. Она влюбилась в мужчину, которого видела всего один раз в жизни. Во время истерического бреда женщина выражала по отношению к нему чувства, которые скрывала в нормальном состоянии.

К концу девятнадцатого века были предприняты попытки объединить существовавшую тогда сексуальную теорию истерии с теорией множественной личности, разработанной первой динамической психиатрией. В 1887 году Бине объявил: «Я полагаю, можно с удовлетворением заключить, что, в общем, два состояния сознания, неизвестные друг другу, могут сосуществовать в разуме истерического пациента». В 1889 году он провозгласил: «Проблема, которую я пытаюсь разрешить, заключается в том, чтобы понять, как и почему у истерических пациентов имеет место разделение сознания»[77]. Ответить на этот вопрос попытался американский гинеколог А.Ф. А. Кинг. Ключ к проблеме, го-

ворил он, лежит в том, что существуют два «отдела» физиологического управления индивидом, «отдел самосохранения» и «отдел репродукции или воспроизводства»[78]. Возможно, что под влиянием некоторых обстоятельств, цивилизованная жизнь не дает женщине получить удовлетворение в «отделе репродукции». Истерические процессы выражают автоматическое функционирование этой потребности и в связи с тем, что данный процесс не достигает своей цели, он обязательно будет повторяться снова и снова на протяжении месяцев и даже лет.

В подтверждение этой теории Кинг представил подробный феноменологический анализ истерического кризиса; во-первых, говорил он, хотя «сотни случаев истерии были отмечены и у мужчин», она, главным образом, присуща женщинам в период между пубертацией и менопаузой, и особенно тем из них, чьи сексуальные желания остаются неудовлетворенными. Приступы чаще всего случаются весной и летом, и они наблюдаются по большей части у неработающих, материально обеспеченных женщин, нежели у женщин, вынужденных много работать и вообще бороться за свое существование. Приступы не происходят, если пациентка находится одна. Во время приступа пациентка как бы пребывает без сознания, хотя это не соответствует действительности; она также не выглядит сильно больной, «ее красота не страдает», и во многих случаях такая женщина оказывается даже более привлекательной для мужчин, чем обычно. Пока пациентка находится в этом состоянии, даже легкое прикосновение к руке может вызвать непереносимую боль, впрочем, исчезающую при сильном нажатии и грубом обращении. Когда приступ заканчивается, у женщины всякий раз появляется чувство стыда из-за происшедшего, она упивается проявленным к ней сочувствием, но чем больше ей сопереживают, тем ей делается хуже. Короче, можно сказать, что «в ее безумии есть система»; кажется, что все происходящее находится под контролем, и женщина, «по-видимому, просто играет». Вся ее установка в целом выглядит как готовность быть изнасилованной, хотя сама мысль об этом как бы отвергается. Тот факт, что пациентка не осознает связи между истерическими приступами и своими сексуальными потребностями, объясняется теорией множественной личности. Эта концепция истерии, как мы увидим в дальнейшем, удивительно схожа с той, которую Мориц Бенедикт сформулировал в то же самое время в Вене.

Стоит упомянуть, что эта концепция лежит в основе беллетристического описания характера Саламбо в одноименном романе Флобера, опубликованном в 1859 году. Флобер создал образ истеричной женщины, страдавшей от эротических желаний, природу которых она не понимала, но которые диктовали ей чувства, манеру поведения и действия. Ее невротические расстройства исчезли после того, как Саламбо, пожертвовав собой ради своей страны, отдается предводителю противника[79].

Шарко сделал первые попытки объединить обе традиции: гипнотизеров и официальной психиатрии. Он признал теорию Брике о том, что истерия — это невроз мозга у конституционально предрасположенных индивидов (иногда и у мужчин тоже), и что она имеет психогенное происхождение. Он также ассимилировал гипноз и истерию и (сам того не осознавая) взял от старых магнетизеров принципы согласования (equation) сомнамбулизма, летаргии и каталепсии. Он также соотнес (скоррелировал) многие случаи амбулаторного автоматизма и множественной личности с истерией.

Помимо клинического синтеза, механизм истерии начали объяснять и в терминах концепций первой динамической психиатрии. Шарко иногда описывал истерию как перманентное состояние полусомнамбулизма. Это понятие в дальнейшем подверглось дальнейшей разработке Соллье, который назвал это состояние «сон наяву» (vigilambulism). Еще одно понятие, обозначенное Бине и более полно развитое Жане, объясняло истерию как постоянное состояние двойственной личности. В действительности появление таких представлений явилось не только самым важным достижением в истории первой динамической психиатрии, но, как мы увидим дальше, также и отправной точкой для новых систем динамической психиатрии, особенно для тех, которые были разработаны Жане, Брейером, Фрейдом и Юнгом.

Модели человеческого разума

Изучение и применение магнетизма и гипноза заставило задуматься о строении человеческого разума. Появились две модели: во-первых, представление о двойственности человеческого разума (дипсихизм) и, в дальнейшем — определение человеческого разума как группы (кластере) субличностей (полипсихизм).

Дипсихизм

Первые магнетизеры были чрезвычайно потрясены тем, что через вызванный ими у пациента магнетический сон проявлялась новая жизнь, о которой сам пациент не имел никакого представления, иначе говоря, возникала новая и часто более одаренная личность со своей собственной достаточно продолжительной жизнью. Весь девятнадцатый век был захвачен проблемой сосуществования этих двух разумов и их взаимоотношений друг с другом. В результате чего родилось понятие «двойного эго» или «дипсихизма».

С самого начала поводом для разделения мнений стал вопрос, следует ли считать тот, другой или скрытый разум «закрытым» или «открытым». Согласно одному из подходов, скрытый разум является «закрытым» в том смысле, что он содержит только те вещи, которые время

от времени проходят через сознательный разум, — совершенно забытые воспоминания или случайные воспоминая о впечатлениях, которые сознательный разум ощутил только мимолетно, подобно воспоминаниям о снах или фантазиях. Некоторые авторы утверждали, что этот забытый материал может развиваться и существовать самостоятельно, независимо от сознательного разума. Большой вклад в развитие теории дипсихизма внес Дессуар, который в 1890 году написал известную в свое время книгу «Двойное эго», где он подробно излагает представление о том, что человеческий разум состоит из двух разных слоев, имеющих свои собственные характеристики[80]. Каждое из этих двух эго, в свою очередь, содержит сложные цепочки ассоциаций. Дессуар называл их Oberbewusstsein и Unterbewusstsein, «верхнее сознание» и «нижнее сознание»; мы получаем слабое представление о последнем во время сновидений и свободных впечатлений во время спонтанного сомнамбулизма. Вызванный гипнотический сон является не чем иным, как порожденным к жизни вторым эго, которое, таким образом, временно выходит на первый план. Относительно множественной личности Дессуар полагал, что вторая личность приобрела такую силу, что начала бороться с основной личностью за власть. В любом из нас, добавлял он, существуют внутренние семена, из которых может произрасти множественная личность. Более поздние авторы дополнили эту теорию богатым материалом, который касался вдохновения, мистицизма и проявления медиумических способностей[81].

Другие авторы утверждали, что скрытый разум является «открытым» для фактической связи со сверхиндивидуальной и таинственной областью. Мы помним многих ранних немецких магнетизеров, веривших, что магнетический сон связывает некоторых пациентов с Мировой Душой, откуда проистекает их способность заглядывать в прошлое и предсказывать будущее. Например, Алексис, сомнамбула из Парижа, утверждал, что история человечества полностью сохранена, и он сам, находясь в состоянии магнетического транса, обладает способностью проходить сквозь время и пространство и таким образом может быть свидетелем любого события, которое имело место в то или иное время в прошлом. Рассказывали, что благодаря этой удивительной способности Алексис находил многочисленные утерянные предметы[82]. Другие авторы уверяли, что людям в состоянии медиумического транса или гипнотического сна доступны воспоминания о предыдущих жизнях. Еще до великой спиритической волны 1850-х годов находились магнетизеры, настаивавшие на том, что магнетический сон предоставляет возможность общения с бесплотными духами. И наконец, были те, которые полагали, что бессознательный разум в состоянии постигнуть высшие реальности либо непосредственно, либо в форме универсальных символов.

Полипсихизм

По-видимому, это слово было введено магнетизером Дюраном (де Гро). Он утверждал, что человеческий организм состоит из анатомических сегментов, каждый из которых имеет свое собственное психическое эго, и все они подчиняются общему верховному эго или Эго-во-Главе (Ego-in-Chief), которое является нашим обычным сознанием. В этом легионе каждое субэго обладает своим собственным сознанием, в состоянии различать и хранить воспоминания и производить сложные психические операции. Вся сумма этих субэго составляет нашу бессознательную жизнь. Дюран (де Гро) зашел настолько далеко в своих предположениях, что заявил, что во время хирургической операции под анестезией некоторые из этих субэго жестоко страдают, хотя сознательное эго пребывает в полном неведении относительно этих страданий. В гипнозе верховное эго отстранялось, и гипнотизер получал прямой доступ к целому ряду этих субэго[83]. В дальнейшем теория полипсихизма получила свое философское развитие в работах Колзене, который связал ее с учением Лейбница об иерархии монад[84].

Магнетизеры и другие исследователи собрали многочисленные психологические данные в пользу этой теории. Еще в 1803 году Рейль связал феномен диссоциированных личностей с подобным явлением (occurrence) полипсихизма, проявившимся в определенном типе нормальных сновидений.

Появляются актеры, распределяются роли; сновидец берет себе только ту роль, которую он связывает с собственной личностью. Все другие роли и актеры являются для него настолько чуждыми, что происходящее выглядит так, как будто он с ними и вовсе не знаком, хотя и сами актеры, и все их действия созданы собственной фантазией сновидца. Мы слышим людей, говорящих на иностранных языках, восхищаемся талантом великого оратора, удивляемся глубокой мудрости учителя, который объясняет нам неизвестные доселе вещи[85].

В таких сновидениях мы находим модель сложного образования (группы) личностей, с одной из которых сновидец идентифицирует самого себя, хотя при этом другие личности обладают своей независимой линией поведения и оказываются даже более осведомленными, чем он. Как мы видели в главе 1, шаманы живут среди множества духов, некоторые из которых дружелюбны и служат шаману, другие же враждебны. То же самое происходит и с одержимостью: тот или иной человек может быть одержим не только одним или несколькими духами, но и (как безумная Гадара) целым «легионом» духов. В свою очередь, спиритизм познакомил нас с явлением, когда медиум вызывает целый ряд духов, которые иногда объединяются в группы в иерархи-

ческом порядке, о чем свидетельствовала, например, известный американский медиум миссис Пайпер. В сложных примерах множественной личности, таких, как случаи мисс Бошам и Дорис Фишер, подобные состояния присутствовали, и там мы обнаружили ряд личностей, каждая из которых имела собственную роль, и все они были связаны вместе сложной системой межличностных отношений. Приведенные примеры оставляли теорию двойного эго малодоказательной, что и привело к необходимости обратиться за помощью к учению полипсихизма. На него указывали как психические исследования, так и традиция магнетизма, а Д.Н.М. Тиррелл выразился по этому поводу следующим образом: «Личность — это множественность в столь специфическом единстве, что это почти невозможно выразить словами»[86]. Множественность личностей означает, что они (личности) принадлежат сферам самой различной глубины, а кроме того, выстроены в определенном иерархическом порядке. «Вывод, несомненно, заключается в том, что подлинность самости (selfhood) не зависит от количества различаемых признаков (separatedness) в том смысле, как мы это обычно понимаем... Самость не является тем объединением, которое ассоциируется с числом отличительных признаков».

Невозможно переоценить то влияние, которое эти две модели разума, дипсихизм и полипсихизм, оказали на системы новой динамической психиатрии. Дипсихизм в своем законченном виде явился моделью, из которой Жане вывел понятие подсознательного, а Фрейд — свое первое представление о бессознательном как всей суммы подавленных воспоминаний и устремлений (tendencies). Теория Юнга о бессознательном является скорее более общим вариантом, поскольку здесь индивидуальное бессознательное открыто коллективному архетипическому бессознательному. Как Фрейд, так и Юнг, идя от дипсихизма, пришли к полипсихической модели человеческой личности. У Фрейда это произошло, когда он заменил свою предшествующую модель сознательного-бессознательного на последующую, состоящую из трех элементов — эго, ид, суперэго; что касается Юнга, то он развил еще более сложную систему.

Понятия психогенеза и болезни

Одним из наиболее устойчивых утверждений в первой динамической психиатрии являлось подчеркивание психогенеза многих умственных и физических состояний. Доказательством психогенетической природы болезни стали все вышеупомянутые случаи, вылеченные при помощи магнетизации и гипнотизации. Были выдвинуты также и теории относительно патогенеза.

Теория флюидов

Месмер полагал, что он открыл существование универсальных физических флюидов, чье равновесие или дисбаланс объясняют здоровье и болезнь. Его ученики выдвинули три объяснения болезни: недостаточность, неправильное распределение и плохое (низкое) качество самого флюида. Предполагали, что с помощью раппорта магнетизер передает свой более сильный и более лучший флюид пациенту, восстанавливая, таким образом, его нарушенный баланс. Некоторые магнетизеры могли заставить своих пациентов визуализировать эти флюиды, чей вид и цвет они описывали. Даже после того, как Пюисегюр продемонстрировал психологическую природу магнетического лечения, флюидическая теория продолжала сосуществовать бок о бок с психологической теорией на протяжении всего девятнадцатого века. Были случаи, когда теория флюидов возрождалась заново в модернизированном виде. Подобное произошло, например, около 1880 года, в рамках учения Райхенбаха об «Od»'е, но даже и в наше время существуют приверженцы теории флюидов, которые верят в наличие мозговых волн, передаваемых от гипнотизера пациенту.

После того как теория флюидов была оставлена, взоры исследователей вновь обратились к психологическим концепциям, таким, как сила воли (Пюисегюр), или к более поздней идее психологических сил или нервной энергии. На протяжении всего конца девятнадцатого века общее мнение, разделявшееся большинством врачей академического толка и гипнотизерами, состояло в том, что болезнь является результатом недостатка нервной энергии. Несмотря на свою неопределенность, эта концепция всегда составляла часть идеологии первой динамической психиатрии и была готова к дальнейшему усовершенствованию, что позднее и было осуществлено в трудах Жане, Фрейда, Юнга и других исследователей.

Идеодинамизм

Явление гипноза показало, что внедрение какой-либо идеи в сомнамбулическом состоянии может привести к ее автономному развитию и последующей материализации этой идеи в форме выполнения постгипнотического внушения. Первые магнетизеры восхищались этим фактом, который хорошо вписался и в тогдашнюю динамическую ассоцианистскую теорию Гербарта в Германии и философию Ларомигьера во Франции[87]. Это совершенно естественно привело к предположению, что и некоторые болезненные симптомы могут происходить от идей, внедренных в разум посредством какого-либо вида внушения. Эта идея развивалась во второй половине девятнадцатого века. Льебо писал в 1873 году:

Та или иная мысль, вызванная во время искусственного сомнамбулизма, становится навязчивой и остается бессознательной после пробуждения... Мы видим, как она продолжает развиваться по своим законам, импульсно, и это развитие ничто не может остановить, несмотря на текущую умственную деятельность. Более того, пока разум занят повседневными заботами, которые субъект выполняет сознательно и по собственному желанию, некоторые из идей, внушенных в предыдущем пассивном состоянии, продолжают свое скрытое движение. Ничто не может помешать их фатальному развитию...[88]

Шарко, в своей лекции на тему истерического паралича, прочитанной в мае 1885 года, упомянул:

Хорошо известно, что посредством внушения, ... идея, связанная группа объединенных идей сами поселяются в разуме как паразиты, оставаясь изолированными от остальной части разума и проявляя себя вовне посредством соответствующих двигательных явлений... Группа внушенных идей обособляется и становится оторванной от контроля того обширного собрания личных идей, аккумулированных и организованных еще с давних пор, идей, собственно и составляющих сознание, то есть Эго[89].

Шарко приходит к выводу, что развитие истерического паралича происходит по той же самой схеме, хотя и осуществляется спонтанно. Это было началом появления представления о том, что маленькие, разрозненные фрагменты личности могут незаметно продолжать собственное развитие и проявляться через клинические расстройства. Жане назвал этот явление подсознательной навязчивой идеей и заявил:

Пришлось бы пройти через все виды душевных патологий и часть патологий физических, чтобы показать нарушения, вызванные идеей, исключенной из личного сознания... Эта идея, подобно вирусу, развивается в той части личности, которая недоступна ей как субъекту, эта идея работает подсознательно и является причиной всех расстройств, истерии и душевных болезней[90].

Позднее, когда Юнг выявил то, что обозначил как «комплекс», он приравнял его к понятию, которое Жане в свое время определил в качестве «подсознательной идеи фикс» (idee fixe subconsciente).

Старая концепция воображения, которую Месмер отбросил и заменил флюидической теорией, на протяжении девятнадцатого века считалась устаревшей. Однако когда, в свою очередь, отвергли теорию флюидов, необходимо было найти новое объяснение многочисленным

и загадочным появлениям, исчезновениям и метаморфозам явлений, обнаруженным у загипнотизированных пациентов, истерических пациентов и при магнетических болезнях. Старый термин «внушение» встретился с новым, более предпочтительным понятием самовнушения, и оба они стали обозначать все то, что ранее скрывалось под понятием воображения.

К концу девятнадцатого века магнетизеры и врачи стали обращать повышенное внимание на то, что среди истерических и гипнотизируемых индивидов наблюдается более или менее осознанная тенденция симулировать все виды симптомов и (провокативно) создавать ситуации, в которые они пытаются вовлечь гипнотизеров и врачей. Слово «мифомания» (патологическая склонность к выдумкам), которое позднее ввел Дюпре, стали применять к огромному количеству истериков. В действительности мифоманию можно рассматривать как отдельный аспект более широкой концепции мифопоэтической функции бессознательного. За исключением нескольких блестящих исследований, таких, как исследование Флурнуа его медиума Элен Смит, этой мифопоэтической функции — как она того заслуживала — не уделили должного внимания, и достойно сожаления то, что новая система динамической психиатрии еще не восполнила этот пробел.

Психотерапевтические процедуры

Девятнадцатый век оказался эрой великой психотерапии. В 1803 году Рейль в своей книге «Rhapsodien», представил законченную программу психотерапевтических методов для лечения душевных болезней. В таких странах, как Франция, Англия и Соединенные Штаты, с разной степенью успеха применялись разнообразные методы моральной терапии. Магнетизеры и гипнотизеры отдавали много сил, чтобы лечить нервные болезни и физические недомогания.

Месмеровская терапия, магнетизирование с использованием пассов, имела своей целью вызвать (спровоцировать) кризис. Как мы уже видели, этот кризис одновременно являлся выявлением симптомов и первым шагом к их искоренению. Он действительно являлся одним из способов, который мы сегодня называем очищающей или катартической (cathartic) терапией.

Начиная с Пюисегюра, искусственный сомнамбулизм стал великим терапевтическим оружием, которым и оставался до конца века. Следует обратить внимание на то, что гипноз может проявлять свой терапевтический эффект несколькими способами. Иногда пациенту становится легче от действия самого гипнотического сна, которому некоторые пациенты давали чудесное описание. Например, один из пациентов Бьерра

так говорил об этом: «... в высшей степени прекрасное чувство, ощущение единения с телом, как будто ты изолирован внутри самого себя. Все исчезает, остается только осознание самого себя. Это единение подобно самому абсолютному отдыху, какой только можно представить»[91].

Бьерр предполагал, что «гипноз — это временное погружение обратно в первоначальное состояние отдыха, в котором мы пребываем в период внутриутробной жизни». Используемый таким образом, гипноз, несомненно, действует как мощное успокаивающее средство.

Иногда — хотя, конечно, не всегда, — воздействие гипноза осуществляется через внушение, то есть через прямое внедрение какой-либо идеи в пассивный разум пациента. Однако это действие часто понимали неправильно. Гипнотическое внушение пациенту без необходимости не навязывалось. Действительно имелась терапевтическая схема императивного внушения, развитие которой можно исторически проследить от Фариа, через Нуазе к Льебо и Нансийской школе. Императивные внушения применяли, чтобы лучше работать с людьми, занимавшими в жизни подчиненную позицию и приученными исполнять приказы (солдаты и чернорабочие), или с теми, у кого была слабая сила воли или кто страстно хотел подавить свою волю волей гипнотизера. Но даже и в этих случаях власть императивного внушения имела свои пределы. Когда же его применяли к пациенту, не расположенному к подчинению, то обнаруживали, что либо никакого успеха совершенно не достигалось, либо наблюдалось только временное устранение симптомов, которые затем появлялись вновь или заменялись другими.

Еще один тип гипнотического лечения, которому не было уделено достаточно внимания, подразумевал в некотором роде сделку между пациентом и гипнотизером. Подобное часто происходило в процедуре экзорсизма (изгнания духов), когда после долгой дискуссии между экзорсистом и злыми духами последние соглашались уйти в указанное время и при определенных условиях. При магнетическом лечении периодически происходило то же самое. Во время сомнамбулического сна пациент обычно предвещал развитие своих симптомов и предсказывал точную дату своего окончательного излечения. Он также назначал и собственное лечение. Для магнетизера это была отнюдь не легкая задача: найти правильный компромисс перед требованиями своего пациента и избежать для себя роли манипулятора. История Эстель является характерным примером: подыгрывая на внешнем плане ее многочисленным причудам и прихотям, Деспен работал над тем, чтобы постоянно и постепенно избавляться от симптомов ее болезни, причем пациентка сама сознательно соглашалась с очередной симптоматической утратой. Этот тип гипнотической терапии широко распространялся в первой половине девятнадцатого века, но впоследствии оказался практически за-

быт, в значительной степени из-за того, что и в Сальпетриере, и в Нансийской школе при гипнотическом лечении использовался метод приказа. Тем не менее временами даже у Бернгейма мы находим некоторые характерные черты предыдущего метода[92]. Например, существует история, рассказанная Бернгеймом, о женщине, страдавшей истерической афонией, которая через короткое время вернула свой голос и даже заранее знала дату, когда это произойдет. Ответ пациентки звучал, как «через восемь дней». Действительно, через восемь дней она смогла говорить.

К концу девятнадцатого века начали применять новый метод гипнотического лечения — очищающий или катартическии метод, заключавшийся в обнаружении и искоренении бессознательного источника симптома. Однако открытым остается вопрос о том, в какой степени эти «катартические» или «очищающие» исцеления были достигнуты благодаря компромиссу между пациентом и врачом, компромиссу, о котором врач мог даже и не догадываться.

Третья, весьма важная гипнотическая процедура — внушение в состоянии бодрствования — практиковалась уже с начала девятнадцатого века под названием «завораживания». В 1880-х годах ею стали широко пользоваться Льебо, Бернгейм и Нансийская школа. Внушение базировалось на понятии «идеодинамизма», то есть, говоря словами Бернгейма, на «тенденции той или иной идеи материализоваться в действие». Согласно его представлениям, гипнотическое состояние является результатом внушения, производимого с целью способствовать реализации другого внушения. Иначе говоря, никакого фундаментального различия между внушением под гипнозом и внушением в состоянии бодрствования нет. К концу девятнадцатого века слово «внушение» использовали настолько небрежно и неопределенно, что, в конце концов, оно утратило свое первоначальное значение.

Терапевтический канал: раппорт

Какой бы ни была терапевтическая процедура, она демонстрирует одну и ту же общую основную черту: присутствие и использование раппорта. Этот термин с самого начала применялся Месмером и далее передавался из рук в руки поколениями гипнотизеров и магнетизеров до начала двадцатого века. Само понятие при этом постепенно развивали и совершенствовали. По-видимому, Месмер заимствовал это слово у современных ему врачей. В популярных тогда экспериментах участники образовывали цепочки, держась друг за друга и передавая, таким образом, от одного другому электрический ток, исходящий от динамомашины; в подобной цепочке они оказывались в связи (раппорте) друг с дру-

гом. Тем же самым образом Месмер осуществлял раппорт между своими пациентами и baquet или только между пациентами. Во время магнетизации пациента Месмер полагал, что он сам является источником магнетического флюида, с которым пациент вынужден устанавливать связь в соответствии с определенными инструкциями. Неясно, правда, до какой степени Месмер осознавал, что отношения, которые он таким образом устанавливал с пациентами, являются чем-то большим, нежели просто физическими отношениями. Пюисегюр же действительно понял психологическое значение раппорта. При чтении работ ранних магнетизеров поражает то огромное значение, которое они ему приписывали.

В действительности, явление раппорта не является таким уж новым, как это могло бы показаться. Раппорт уже был известен средневековым экзорсистам при изгнания злых духов. Олдос Хаксли заметил, что «отношения между одержимым и экзорсистом являются, возможно, еще более близкими, чем отношения между психотерапевтом и пациентом»[93]. Особенный тип отношений между исповедником и грешником, конечно же, был хорошо известен уже давно, и Нуазе, вероятно, ссылался на эту связь, когда сравнивал магнетизера с directeur (духовником) (то есть director de conscience или «духовным наставником»)[94].

Помимо этого сходства магнетический раппорт имел свои собственные характеристики, которые являлись предметом многочисленных исследований со стороны ранних месмеристов. Их поразила особенная чувствительность магнетизируемого по отношению к магнетизеру, выражавшаяся в способности перципиента читать мысли и воспринимать физические ощущения своего руководителя. Существовала также и обратная связь, и еще в 1784 году был введен термин «магнетическая взаимность»[95].

Вероятность присутствия эротического оттенка при магнетическом раппорте, как мы уже видели, также была известна с самого начала. По всей видимости, с тех пор, когда этот факт привлек внимание самого короля, о чем и было упомянуто в секретном приложении отчета комиссионеров. Мы также видели, что был поднят вопрос о возможности совращения и что таковая была исключена в 1785 году Тардифом де Монтревелем, хотя он и допускал, что между магнетизируемым и магнетизером может развиться некоторая платоническая привязанность[96]. В 1787 году один романист писал, что поскольку магнетизер активен, а магнетизируемый пассивен, то опасная ситуация вполне возможна, если магнетизер-мужчина и магнетизируемая женщина будут молоды[97]. В 1817 году некто Клингер написал любопытную диссертацию на латыни, содержавшую пространное сравнение между commercium magneticum (магнетическим раппортом) и актом размножения[98]. В Германии структура раппорта внимательно изучалась с точки зрения «взаимопонимания» —

понятия, разработанного сподвижниками так называемого движения «Философия Природы». Фридрих Хуфеланд[99] утверждал, что магнетический раппорт является самым интимным отношением, какое может существовать между двумя человеческими существами, и единственная вещь, которая выдерживает сравнение с этим — зародыш в материнской утробе. Согласно Хуфеланду, каждое излечение, достигнутое посредством животного магнетизма, проходит через те же стадии, какие еще не рожденный ребенок проходит в чреве матери.

Все французские магнетизеры подробно изучали раппорт и различали непосредственно сам раппорт и его влияние — пролонгацию раппорта между сеансами. Обен Готье проводил осторожное различие между магнетическим кризисом (вызванный сомнамбулизм) и магнетическим состоянием, во время которого магнетизер оказывался все еще способным как-то воздействовать на своего пациента. Шарпиньон заявлял, что действительно между сеансами субъект довольно часто воспринимает образ своего магнетизера достаточно реально и отчетливо, и это обстоятельство его ни в коей степени не беспокоит[100]. В Германии фон Шуберт отметил, что состояние «завороженности» проявлялось у пациента при любом действии, которое исходило от магнетизера во время сеанса. Некоторые пациенты пили только те напитки, к которым притрагивался магнетизер. Фон Шуберт заметил еще, что эти пациенты обычно перенимали те медицинские теории, которые находились в разуме магнетизера и прописывали себе лечение в свете этих теорий[101].

Немецкие магнетизеры Гмелин и Хайнекен сообщали также, что пациенты, которых магнетизировал один и тот же магнетизер, чувствовали непреодолимое влечение друг к другу. Один анонимный шотландский автор наблюдал то же явление. Пациенты, которых он магнетизировал, были чрезвычайно привязаны друг к другу, они дали друг другу месмерические имена и считали себя братом и сестрой[102].

Понятие раппорта, бывшее вполне четким и ясным в начале девятнадцатого века, несколько поразмылось в более поздний период, отчасти в связи с обсуждением роли пациента в гипнозе, а также статуса самоиндуцированного гипноза, о котором настойчиво говорил Брейд. Ни Шарко, ни Бернгейм не уделяли раппорту серьезного внимания. Но после 1885 года интерес к нему вновь возродился вследствие первых экспериментов Жане с «Леони». Пытаясь найти правдоподобное объяснение факту мысленного внушения, осторожный Руо начал анализировать структуру отношений между гипнотизером и его пациентом[103]. Он обнаружил, что мысли пациента постоянно фиксируются на личности гипнотизера как во время сеансов, так и в интервалах между ними. Во время сеанса пациент гиперчувствителен к гипнотизеру, причем до такой степени, что в состоянии различать самые слабые сигналы

последнего. В результате привыкания и тренировок между ними развивается процесс взаимного понимания посредством знаков, которые не осознают ни тот, ни другой. Пациент, сам не понимая каким образом, становится чувствительным к малейшим оттенкам мыслей гипнотизера, при этом гипнотизер тоже не замечает этого. Помимо всего прочего, магнетизер обучает пациента, и тот верит в него и в его сверхъестественные силы. Руо добавлял, что многие магнетизеры внушали своим пациентам свою уникальность, — ни один другой магнетизер не сможет их магнетизировать. Некоторые из них делали это постоянно в конце каждого сеанса или давали своим пациентам талисман, который они всегда должны были носить на своем теле. Таким образом, влияние магнетизера становилось таким сильным, что он оказывался в состоянии магнетизировать своего пациента на расстоянии и временами даже против его воли. Это утверждало веру гипнотизера в свои собственные силы, увеличивало его самоуверенность, а это, в свою очередь, увеличивало его власть над более многочисленными пациентами.

В 1889 году Жане кратко затронул эту тему в своей книге «Психический автоматизм»[104]. Он особо выделил роль выбора в раппорте и то, что у пациента появляется нечто вроде негативной галлюцинации по отношению ко всему, что не связано прямым образом с магнетизером (в современном языке это носит название «скотома», «scotoma»). Этот фактор также подчеркнул Молл в 1892 году[105]. На Международном конгрессе психологии в Мюнхене в 1896 году Жане представил тщательно разработанную теорию раппорта и сомнамбулического влияния[106]. Он подробно анализировал то, что происходит в разуме у пациентов в интервалах между гипнотическими сеансами, и обнаружил, что в первой фазе (влияния в непосредственном смысле), несомненно, наблюдается огромное улучшение. Истерический пациент освобождается от большинства своих симптомов; он ощущает себя счастливым, более активным и более умным, и мысли о гипнотизере его почти не посещают. Это состояние сменяется второй фазой, фазой сомнамбулического влечения, в которой симптомы отступают на задний план и пациент чувствует возросшую необходимость видеть гипнотизера и быть загипнотизированным. Подобное стремление часто принимает форму страсти. В зависимости от конкретного случая это может развиться в пылкую любовь, ревность, суеверный страх или глубокое уважение и сопровождаться чувством взаимности или отверженности. Иногда пациент видит гипнотизера в снах или галлюцинациях. Жане сделал очень важное наблюдение: обычно постгипнотическому внушению следуют в период сомнамбулического влияния и много меньше во время фазы сомнамбулического влечения. Он подчеркнул терапевтическое значение этого наблюдения.

В дальнейшем Жане расширил этот доклад и опубликовал его снова через год, в 1897 году[107]. На основании экспериментов с тридцатью пациентами он подтвердил то, что постгипнотическое внушение будет выполняться до тех пор, пока длится сомнамбулическое влияние. Кроме того, Жане анализировал чувство пациента по отношению к гипнотизеру на протяжении сомнамбулического влечения и обнаружил, что оно является смесью, отличающейся у разных пациентов, — из эротического влечения, любви детей к родителям или материнской любви и других чувств, в которых всегда присутствовал некоторый любовный аспект. Однако самым главным был фактор необходимости в руководстве (besoin de direction) — потребность пациента быть управляемым. Терапевтическое значение здесь состоит из двух частей. Во-первых, терапевт должен полностью взять под контроль разум пациента. Когда это достигнуто, необходимо научить пациента обходиться без гипнотизера, чего, в частности, можно добиться постепенным увеличением интервалов между сеансами. Пациент также должен быть осведомлен о собственных чувствах.

Исследования Жане о сомнамбулическом влиянии вызвали значительный интерес и стимулировали другие исследования на эту тему. Соллье согласился с описанием Жане и добавил еще одно наблюдение из собственного опыта: огромное значение для пациента имело то, что гипнотизер владеет большим количеством информации о нем, особенно когда проводились эксперименты по возрастной регрессии[108]. После у пациента было чувство, будто гипнотизер знал его всю жизнь.

Действительно многое изменилось с того момента, когда Месмер представил первую электрическую концепцию раппорта. Это изменившееся представление подверглось сложной психологической разработке магнетизеров и гипнотизеров, до того как оно достигло своего окончательного значения в трактовке «влияния» Жане. Он определил это влияние как особый вид чувств по отношению к гипнотизеру, смешанных с потребностью пациента быть управляемым. И эта потребность может использоваться гипнотизером как мощное терапевтическое оружие.

Психотерапевт

Магнетизеры и гипнотизеры являли собой новый тип целителя, имеющего много общего и в то же время сильно отличавшегося от всего того, что существовало ранее. Обе группы не только почитали Месмера и Пюисегюра великими основателями, не только разделяли две похожие доктрины и техники, но также создали свои общества, свои журналы и свою профессиональную этику.

Сейчас нам трудно представить, какими они были, о чем думали, как трудились в повседневной жизни. Кое-что, разумеется, можно прояснить, читая некоторые из их старых учебников, такие, например, как учебники Делеза, Бертрана, Шарпиньона и особенно Обена Готье[109]. Магнетизер, говорит Готье, должен быть здоровым, чтобы не передать свои собственные болезни пациенту. Если он вдруг заболеет, то должен «очистить» себя, прежде чем приступать к работе. Магнетизер должен вести «разумную и размеренную» жизнь, быть рассудительным, спокойным, сдержанным, добрым и обладать чувством собственного достоинства, не говорить много, кроме того, быть кристально честным и порядочным. Для того чтобы стать магнетизером, каждый должен пройти обучающий курс и прочитать работы Месмера, Пюисегюра и всех классиков магнетизма. Старый принцип Пюисегюра, что магнетизеру не следует брать плату за лечение, является больше неприемлемым, говорил Готье, потому что мужчина, который посвящает так много своего времени изучению магнетизма, не имеет возможности проводить бесплатное лечение. Магнетизер имеет право даже на более высокую плату, чем просто врач, потому что он должен обладать всеми качествами человека с медицинским образованием, плюс знания магнетизма и прекрасное здоровье. Он не только отдает свои знания, как это делает любой врач, но также передает пациенту свои жизненные силы. Для пациента выбор хорошего магнетизера имеет первостепенное значение. Некоторые магнетизеры добиваются большего успеха с одними пациентами, чем с другими. Ему никогда не следует принимать пациента, если нет возможности проводить лечение до конца, потому что прерванное лечение опасно. До начала лечения между магнетизером и пациентом должен быть решен вопрос о гонораре и также определен день и час приемов, после чего пациент должен пунктуально посещать сеансы. Последний не должен иметь никаких секретов от магнетизера относительно болезни или обо всем, что, возможно, поможет объяснить ее. Во время лечения пациент должен воздерживаться от любого рода излишеств, придерживаться умеренной диеты и удерживаться от курения. Длительность лечения может варьироваться от недели до полугода или больше, но никогда не следует проводить больше двух сеансов в день. Магнетизеру следует вести дневник о каждом пациенте, в котором должен быть записан каждый сеанс. Ни одна женщина не может быть загипнотизирована, если рядом не присутствуют ее муж или другой свидетель. Основным правилом является необходимость воздерживаться от всякого рода экспериментов с пациентом. Клинические случаи снабдят магнетизера достаточным опытом, чтобы удовлетворить свое научное любопытство. Готье, вдохновленный клятвой Гиппократа, даже предложил «клятву магнетизера».

Еще одной проблемой, которая возникла в то время, было заявление медицинских обществ, что только дипломированный врач может быть допущен к практике магнетизма. Этому заявлению яростно сопротивлялись непрофессиональные магнетизеры. В 1831 году Парижская Academie de Medecine (Медицинская академия) постановила, что непрофессиональным магнетизерам следует разрешить практиковать, но под медицинским контролем. Их дневники будут подвергаться регулярной врачебной проверке. Однако это правило едва ли когда-нибудь соблюдали.

Мы имеем ряд интереснейших автобиографий, большинство из которых написаны странствующими или выступающими публично магнетизерами. Один из самых известных французских магнетизеров, барон Дю Поте де Сенневуа, рассказывает в автобиографии, что родился в 1796 году в разорившейся аристократической семье[110]. Он признает, что был нерадивым учеником и непослушным ребенком. Услышав о магнетизме, он пытался опробовать его на двух молодых девушках, и был охвачен ужасом, когда на протяжении нескольких часов не мог вывести их из этого магнетического состояния. Тем не менее этот эпизод заставил его поверить в то, что он обладает большими магнетическими возможностями. Дю Поте отправился в Париж, чтобы изучать магнетизм, но вскоре он порвал отношения с коллегами и основал свою собственную школу. Гордый и высокомерный человек, Дю Поте был убежден, что «является воплощением магнетизера» и что у него есть миссия, которую он должен выполнить. После введения техники «волшебного зеркала» он постепенно все больше обращался к магии, и по-видимому, у него развилась настоящая мания величия.

Граф де Марикур, другой хорошо известный магнетизер того времени, провел свое детство в Неаполе, где графа познакомили с магнетизмом практиковавшие его старый ирландский священник и итальянский врач. Первые собственные попытки Марикура в деле магнетизирования были почти так же неудачны, как и попытки Дю Поте. После возвращения во Францию он присутствовал на представлении, данном одним странствующим магнетизером для студентов его коллежа. После сеанса магнетизма у одного из студентов наблюдались тяжелые последствия. Однако юный Марикур не был обескуражен этими событиями. По прибытии в Париж, он отправился к магнетизеру Марсилье и его знаменитому сомнамбуле Алексису. Позднее Марикур принял техники Дю Поте и написал работу, в которой провел детальное сравнение между пюисегюризмом (магнетический сон) и потеизмом (состояние завораживания без сна). Впоследствии он стал спиритом и занялся изучением связи между воплощенными и бесплотными духами[111].

Основательно подзабытая автобиография Шарля Лафонтена является довольно занятной[112]. Он родился в 1803 году и также утверждал, что принадлежит к одной из самых древних аристократических семей во Франции. Его отец занимал важный административный пост, и юный Шарль начал работать вместе с ним. Однако, желая стать актером, он покинул семью и уехал в Париж, где работал в нескольких театральных труппах и пережил множество «взлетов» и «падений». Однажды Лафонтен случайно магнетизировал женщину и обнаружил, что она является ярко выраженной somnambule (сомнамбулой), и одновременно открыл, что сам обладает огромной магнетической силой. Он рассказывает, что в тот день, когда стал магнетизером, от него отвернулись все: семья, друзья, прежние знакомые, и с ним стали обращаться как с изгоем. Тогда он посвятил себя магнетизму, ставшему его единственным интересом в жизни, полной странствий и борьбы. Лафонтен давал большое число публичных представлений, которые иногда омрачались массовыми беспорядками, в которые была вынуждена вмешиваться полиция. Он также лечил частным образом пациентов, и число их было огромным. По словам Лафонтена, куда бы он ни приходил, слепой снова становился зрячим, глухой начинал слышать, а парализованный — ходить. В городе Рейне он магнетизировал женщину, и в этом состоянии она выучила театральную роль, которую затем блестяще исполнила на сцене перед полным залом, о чем ничего не могла вспомнить, когда проснулась. Успех Лафонтена был таким огромным, что он мог спокойно посещать самые грязные таверны во время путешествия в Лондон, — воры его попросту боялись. После визита Лафонтена в Манчестер один из хирургов этого города по имени Брейд заразился идеей магнетизма и впоследствии стал известен как основатель брейдизма. Книга Лафонтена полна интереснейших фактов и читается как занимательный приключенческий роман.

Другой книгой, достойной внимания, хотя и изложенной довольно напыщенным языком, является автобиография Огюста Лассэна[113]. Родившись в Тулузе в 1819 году, Лассэн сначала работал на фабрике, проводя свое свободное время за чтением фантастических историй и изучением фокусов (ловкости рук). Его фокусы принесли такой успех, что в конце концов он решил посвятить этому всю свою жизнь. Во время одной из поездок Лассэн познакомился с восемнадцатилетней девушкой, Пруденс Бернар, которая была сомнамбулой по природе. Он наблюдал, как ее лечил один магнетизер, и его прежний скептицизм по отношению к магнетизму быстро улетучился. Вскоре Лассэн стал последователем магнетизма. Он женился на Пруденс и брал ее с собой во все поездки, магнетизируя на публике, поскольку она была ярко выраженной сомнамбулой. Лассэн верил, что наделен особой священной миссией. Он

полагал, что магнетизм является возвышенной наукой, способной затрагивать самые таинственные загадки человеческой природы. Однако он признавал, что в этих загадках, возможно, есть также что-то очень человеческое. Лассэн отмечал, что магнетизм может создавать «неземную чувственность» у магнетизированной женщины и что эти ощущения непременно будут бесконечно более восхитительными, если женщина любит магнетизера. О Пруденс он говорил, что «в состоянии бодрствования она — женщина, а в состоянии сомнамбулического сна — ангел». Он верил, что ее предназначение — привести Францию обратно к Истинной Вере, и сравнивал с Жанной Д'Арк. Книга полна резких выпадов против врагов магнетизма. В ней встречаются также любопытные высказывания о влиянии брака на отношения между магнетизером и его сомнамбулой. Разногласия, являющиеся результатом даже незначительной супружеской дисгармонии, заканчиваются последующей неудачей при проведении сомнамбулического эксперимента. «Магнетизм, — заключал Лассэн, — это наука будущего».

Мы должны понять, что эти автобиографии информируют нас только об одном типе магнетизеров. В действительности большинство магнетизеров были незаметными, скрытными людьми, которые, помимо медицинской или другой деятельности, практиковали магнетизм с небольшим количеством пациентов и хранили записи своих наблюдений для собственных профессиональных нужд или обсуждали их в маленьких, закрытых обществах. Это были врачи, с которыми Жане вошел в контакт, когда был молодым профессором в Гавре. Жане неоднократно повторял, что именно эти люди открыли то, что, как считали, было открыто Шарко, Бернгеймом и другими современниками.

Культурное влияние первой динамической психиатрии

Первая динамическая психиатрия оказала огромное влияние на философию, литературу и даже искусство. В свою очередь, возникли три основных направления этой науки: животный магнетизм, спиритизм и учения о гипнозе и множественной личности.

Еще в 1787 году писатель Шарль де Вийер, служивший в качестве офицера-артиллериста под командованием Пюисегюра, опубликовал роман Le Magnétiseur amoureux (Влюбленный магнетизер), где он развивал философскую теорию, выведенную из явления магнетизма.

Начиная с 1790 года животный магнетизм получил такое широкое распространение в Германии, что стало почти обычным явлением обращение к сомнамбулам по проблемам болезни и здоровья, за практическими советами, а иногда и за духовным руководством. Конечно, на-

ходилось и много противников этого направления; враги месмеризма обнаружили, что его легко сделать объектом для насмешек. В 1786 году появилось сообщение, что одна актриса настолько убедительно симулировала болезнь, что ввела в заблуждение нескольких врачей[114]. Вильгельм II, Фридрих, король Пруссии и недостойный наследник Вильгельма I, Фридриха Великого, сам стал жертвой удивительной интриги, закрученной вокруг него несколькими циничными подданными из его окружения. Они прибегли к помощи одной сомнамбулы, горбуньи, которой были даны инструкции симулировать состояние транса и вести себя так, как будто ее дух советуется со Всемогущим Господом. Эти якобы божественные слова, которые она передавала королю, исходили, конечно, от людей, которые ее наняли. Таким образом, они получали от короля всевозможные почести и богатства, к которым стремились, и влияли на его политические решения до тех пор, пока у них не возник конфликт с графиней Лихтено, его любовницей. После этого король перестал верить сомнамбуле, впоследствии и вовсе лишенной всех своих привилегий[115].

Несмотря на этот инцидент, месмеризм в Германии развивался постоянно. С 1790 до 1820 года он был не только открыто признан такими врачами, как Гмелин, Клуге, Кайзер, но и занял прочное положение в университетах Бонна и Берлина. Хорошо известные врачи, такие, как Вольфарт, Хуфеланд и Рейль, самолично убедились в его пригодности. Однако среди философов и писателей продолжал сохраняться некоторый скептицизм. Например, Готье никогда не проявлял никакого интереса к месмеризму. С другой стороны, основатели и адепты движения «Философия Природы» провозгласили магнетизм открытием века. Шеллинг видел в магнетическом сомнамбулизме средство установления связи между людьми и Мировой Душой, а также основу экспериментальной метафизики. Фихте был более критичен, но, наблюдая за проявлениями сомнамбулизма, он пришел к заключению об относительности эго и к тому, что человеческая индивидуальность может быть изменена, разделена или подчинена воле другого человека[116]. Шопенгауэр, находившийся под глубоким впечатлением от публичного сеанса, проведенного в 1854 году магнетизером Регаццони, неоднократно выражал интерес к магнетизму в своих работах[117]. «Животный магнетизм является самым важным (inhaltsschwer) открытием, когда-либо сделанным в истории. Конечно, его важность следует рассматривать с философской, а не экономической или технической точек зрения, даже если он принесет пока больше вопросов, чем ответов»[118].

Влияние магнетизма в равной степени почувствовали протестантские и католические теологи, и особенно важным оно стало для группы католических мистических философов. Виндишманн пропагандировал

«Христианское искусство врачевания», практиковавшееся священниками, которые сочетали священные ритуалы церкви с наукой магнетизма[119]. Эннемозер рекомендовал магнетизирование детей, начиная с внутриутробного периода[120]. Рингзайс основал «Христианскую германскую медицину»[121]. Мы уже видели тот огромный интерес, который вызвала у философов и теологов Фредерика Хауфф, пророчица из Превоста, и то, что Клеменс Брентано после своего обращения провел пять лет в Дюльмене, записывая откровения Катарины Эммерих.

Такой же интерес отразился и в литературе того времени. Едва ли найдется хоть один немецкий романтический поэт, не испытавший в своем творчестве влияния животного магнетизма. Писателем, чьи работы пронизаны магнетизмом больше, чем у кого-либо еще, является Э.Т.А. Гофман. Из его романов и рассказов можно составить целый учебник по магнетизму[122].

Гофман рассматривает магнетический сомнамбулизм как реальное проникновение одной личности в другую и поэтому делает его сравнимым с явлением одержимости. Во время сомнамбулического сна магнетизируемый (пассивная женская сторона) находится в полном согласии с магнетизером (активная мужская сторона), но есть в этом и нечто большее: магнетизер оказывается также посредником (ein Mittler) между магнетизируемым и всемирной гармонией. Магнетический сеанс выступает как всего лишь отдельный случай более широкого явления. Люди магнетизируют друг друга бессознательно и непреднамеренно; отсюда образование «магнетических цепочек», связывающих индивидов друг с другом. Мир — это система волеизъявлений, где сильный подавляет слабого. Неведомая сила, делающая магнетизера медиумом, имеет двойственную природу: она может быть либо хорошей, либо плохой. Магнетизер, обладающий плохой (злой) силой, представляет собой некоего морального вампира, который разрушает своего пациента. Магнетизируемым обычно является слабая, наивная, доверчивая и гиперчувствительная личность. По этой причине магнетические отношения могут быть либо хорошими (дружескими, нежными), либо плохими (демоническими). Понятия раздвоения личности и двойственности являются особенно заметными в творчестве Гофмана.

Гофман давал описание магнетического лечения, особенно ярко представив его в рассказе, озаглавленном Das Sanktus[123]. Беттина, певица, потеряла свой прекрасный голос. Каково же отчаяние Kapellmeister (дирижера) и врача, который не в состоянии ее вылечить. Врач обнаруживает, что ее болезнь имеет мистическую природу: Беттина может громко говорить, но ее афония тотчас же проявляется вновь, как только она пытается петь. В ее состоянии не происходит никаких улучшений. Болезнь началась в первый день Пасхи после того, как Беттина, спев несколько сольных номеров, по-

кинула церковь. В этот самый момент тенор начал исполнять Санктус (часть католической мессы). Присутствовавший там же магнетизер заметил, что она собирается уходить, и велел ей ненадолго остаться, но Беттина ослушалась и... поплатилась голосом. После этого происшествия она больше петь не могла. Магнетизер, который неумышленно стал причиной ее болезни, теперь желает вылечить ее. Он рассказывает Kapellmeister историю о женщине, потерявшей свой голос из-за неправедного поступка и вернувшей его обратно после очищения своей совести. Этот разговор Беттина подслушивает за дверью. Вернувшись через три месяца, магнетизер обнаруживает, что Беттина излечилась. Вся история показывает, что излечение, достигнутое при помощи магнетических способов, вовсе не всегда оказывается результатом суггестивного указания, внедренного в разум пациента, но что оно может также стать следствием более утонченной психологической процедуры. Болезнь Беттины появилась в результате неудачного внушения, сделанного в момент, когда она чувствовала себя виновной; она не осознавала причину своего состояния. Магнетизер косвенно заставил ее это понять и, таким образом, запустил механизм очищающего лечения.

Как уже говорилось, месмеристы столкнулись во Франции с сопротивлением и скептицизмом больше, чем в Германии. Многие люди совершенно не признавали его, как, например, Наполеон, который во время беседы с Пюисегюром заявил: «Если ваша сомнамбула такая умная, пусть она предскажет, что я буду делать через восемь дней и какой номер будет выигрышным в завтрашней лотерее»[124]. Магнетизм осуждала Академия и презирали ученые. Среди психотерапевтов было известно, что эксперименты, проводимые в госпиталях Пинеля и Эскироля, оставались безрезультатными, говорили, что Жеорже ввела в заблуждение истерическая женщина. Религиозные круги также сопротивлялись магнетизму и вели себя откровенно враждебно. Однако в 1846 году известный доминиканский проповедник, отец Лакордэр, заявил в своей проповеди в соборе Нотр-Дам, что он верит в магнетизм, который, как он чувствует, состоит из «естественных, но не поддающихся обычному объяснению сил, которые не могут быть сведены к научным формулам и которые использует Бог, чтобы поставить в тупик современный материализм»[125]. Влияние магнетизма было очень сильным среди некоторых групп спиритических, мистических и эзотерических философов, так же как в кругах сторонников романтизма. Некоторые из самых известных писателей также проявили большой интерес к магнетизму.

Бальзак являлся сторонником магнетизма, рекомендовал его в качестве лечения и время от времени сам практиковал; магнетизм также сыграл свою роль в некоторых его произведениях[126]. Поль Бурже по-

казал, что «теория желания», содержащаяся в романе Бальзака «Луи Ламбер», идентична магнетической теории флюидов в том виде, как ее интерпретировал Делез[127]. В произведении «Урсула Мируе», еще одной работе Бальзака, одного скептически настроенного врача знакомят с магнетизером, работающим с сомнамбулической женщиной, дух которой может перемещаться в любую точку мира. По просьбе врача дух сомнамбулы посещает его дом в провинциальном городке и рассказывает о том, что там происходит в данный момент; она даже сообщает ему, о чем говорит его подопечный в своих молитвах. По возвращении домой врач обнаруживает, что все, о чем поведала ему женщина, действительно имело место. Александр Дюма полагал, что наделен магнетической силой и его вилла является местом магнетических экспериментов[128]. В одном из своих исторических романов он изобразил Калиостро не обманщиком, которым тот был на самом деле, а великим магом и магнетизером[129]. Флобер в одном эпизоде из новеллы «Бувар и Пекюше», опубликованной после его смерти, дает комическое изображение того, чем может стать магнетизм в руках неопытных самоучек. Эти два персонажа организуют коллективный сеанс вокруг магнетизированного грушевого дерева и пытаются вылечить больную корову с помощью магнетизма. Но магнетизм больше эксплуатировали писатели популярные, нежели великие[129]. Роман Фредерика Сулье «Магнетизер» (Le Magnetiseur)[130] в свое время стал бестселлером. Один негодяй, немецкий магнетизер, магнетизирует душевнобольную женщину и, таким образом, узнает о тайном инциденте, свидетельницей которого она стала когда-то и о котором не помнит в нормальном, бодрствующем состоянии. Теперь магнетизер использует этот секрет с целью шантажа.

В Англии Роберт Браунинг написал довольно малоизвестную поэму «Месмеризм» (1855), в которой магнетизер на расстоянии приказывает женщине прийти в его дом в дождливую ночь. Его ужасает влияние, которое его разум может оказывать на других, и он молится о том, чтобы никогда не злоупотреблять им[131].

В Соединенных Штатах интерес к магнетизму развивался более медленно, но приобрел значение в период 1830-х годов. Мы уже видели связь между магнетизмом и происхождением Крисчен Сайенс (Christen Science = Христианская наука) и спиритизма. Эдгар Аллан По находился под впечатлением от доктрины магнетизма. Предполагали, что это он является автором одной анонимной книги, в которой выражалась уверенность по поводу реальности магнетических флюидов. Их якобы «белые как свет», разбрызгивающие бриллиантовые искры и могла видеть персонаж-сомнамбула[132]. История По «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром» хорошо известна: дух умирающего мужчины остается привязанным к больному телу магнетизером, который

является его другом. В конце концов по прошествии нескольких недель, когда дух освободился, тело немедленно распадается[133]. Случайно эта история пересекла Атлантический океан в то время, когда По еще не был известен во Франции. И этим может объясняться то, что в некоторых местах она была принята за вполне правдоподобную и приводилась Марбу в качестве примера непостижимых абсурдов, в которые верят магнетизеры[134].

Тема раздвоения личности, которой предстояло вдохновить стольких писателей второй половины столетия, появилась в литературе, приняв форму «двойника», спроецированной двойной личности[135]. Прототипом произведений этого типа является история Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны»:

> Монах Медар, выпив магический эликсир, который он нашел в монастыре, втайне от других превратился в злого и безнравственного человека. Посланный своим настоятелем с поручением в Рим, он совершает преступление и сбегает. Но затем встречает своего двойника — монаха, вышедшего из того же монастыря, совершившего то же самое преступление и страдающего от того же самого чувства вины. Двойник допивает оставшийся эликсир, становится безумным, и его помещают в психиатрическую больницу. Медар предстает перед судом, но затем он опять начинает вести преступную жизнь. Двойник появляется вновь, обвиняется в преступлении, которое совершил Медар, его арестовывают и приговаривают к смерти. Но прямо перед казнью Медар признает свою вину и сбегает, преследуемый двойником, который исчезает. Медар приходит в сознание в санатории в Италии и после надлежащего раскаяния возвращается в монастырь, где снова обретает душевное спокойствие[136].

Эта история замечательна тем, что является предвосхищением юнговского понятия «тени». Медар спроецировал свою тень (порочную сторону личности) на другое существо, отсюда следует его аморальная и беспорядочная жизнь. Как только он осознает вину и соединяется с тенью, то достигает высокой степени целостности своей личности. Представление о двойственности в истории Эдгара Аллана По «Вильям Вильсон» выглядит несколько иначе:

> Рассказчик замечает в своей школе мальчика, который, по случайности, носит то же имя, родился в тот же день и чрезвычайно похож на него, но говорит более низким голосом. Он недолюбливает этого мальчика и так пугается, когда видит его, что убегает из школы. Рассказчик начинает вести распутный образ жизни, но в каждый критический момент появляется двойник и обвиняет его, пока однажды Вильям Вильсон не убивает своего

двойника и после этого слышит, как тот говорит ему, что он убил самого себя и поэтому теперь тоже мертв[137].

Здесь двойственность понимается как моральная совесть в классическом смысле борьбы в каждом человеке доброго и злого начал (как впоследствии в рассказе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»). Совершенно иное представление о двойничестве дает Достоевский в повести «Двойник».

> Голядкин, мелкий служащий, начинает демонстрировать безнравственное поведение, которое привлекает внимание его начальника и коллег. Неожиданно он встречает человека, который является его точной физической копией и одет точно так же, как и он. На следующий день в учреждении, где он работает, двойника представляют как нового клерка, который носит его имя и родился в тот же день, что и Голядкин. Двойник разговаривает с ним заискивающим тоном и умоляет Голядкина составить ему протекцию. Голядкин приводит его в свою квартиру. Но по мере того, как развиваются их отношения, двойник начинает вести себя более высокомерно по отношению к нему, вытесняет его с должности, живет за его счет и уводит от него его друзей. Голядкин становится все более и более подавленным, пока однажды двойник не помогает ему сесть в экипаж, которому предстоит доставить его в госпиталь для душевнобольных[138].

В этой повести двойник, очевидно, рассматривается как больная личность человека, который становится душевнобольным — то опасное «второе Я», которое сначала является слабым, но постепенно начинает контролировать здоровое эго.

Огромная волна спиритизма, которая захлестнула Соединенные Штаты в 1848 году, докатилась до Европы в начале 1850-х годов и заставила магнетизм отступить на какое-то время на задний план, чтобы освободить для себя место. В моду вошли спиритические опыты, и выдающиеся медиумы становились весьма модными людьми. Появился поток литературы, которая, как предполагали, была написана духами или под диктовку голосов из другого мира. Во время изгнания в Джерси Виктор Гюго проводил спиритические сеансы у себя дома, на которых медиумом, вероятно, был его сын Шарль. Эсхил, Шекспир и духи других выдающихся людей диктовали прекрасные стихи на французском, походившие на весьма умелую имитацию собственной поэзии Гюго[139]. Астроном Фламмарион, восторженный сторонник спиритизма, опубликовал откровения духов знаменитых личностей, среди которых был и трактат «Генезис», предположительно продиктованный духом Галилея[140]. Некоторые медиумы, имевшие довольно посредственную профессиональ-

ную подготовку, писали романы, которые — в ряде случаев, согласно мнению критиков, — неожиданно оказались высокого уровня. Хорошо известным примером, вероятно, является опус Перл Ленор Кэррен. Ее родители были англичанами, но сама она родилась в США, в штате Иллинойс в 1883 году. Хотя ее дядя был медиумом, она, по всей видимости, никогда не интересовалась спиритизмом. В 1912 году, однако, она начала экспериментировать с Ouija board (планшеткой для спиритических сеансов). Постепенно к ней со все возрастающей скоростью начали приходить письма, а затем стали появляться яркие ментальные образы. Неожиданно 8 июля 1913 года Кэррен получила послание от женщины, называющей себя Пэйшенс Ворт, которая якобы в семнадцатом веке жила на ферме в Дорсете в Англии. В дальнейшем эта корреспондентка надиктовала миссис Кэррен огромное количество литературных произведений, включая стихотворения и романы. Некоторые из этих романов и подборка стихов были опубликованы[141]. Представленные литературные произведения были написаны на разнообразных старых английских диалектах, на которых, однако, уже никто не разговаривал. Эти диалекты (в каждой работе они были разные), так же, как и продемонстрированное в каждом произведении знание истории, озадачили экспертов. Каспер С. Пост[142] и Уолтер Френклин Принс[143], которые интервьюировали миссис Кэррен, полагали, что ее случай является необычным примером творческой силы подсознательного разума[144].

Практика автоматического письма, естественно, привела к практике автоматического рисования, которое вскоре стали широко применять медиумы и члены спиритических групп[145]. Драматург Викторьен Сарду привлек внимание своими любопытными рисунками, на которых якобы были изображены живописные сцены с планеты Юпитер и среди прочего нарисованы дома, принадлежавшие Заратустре, Илье-пророку, Моцарту. Фернан Демулен, профессиональный художник, в состоянии транса с огромной скоростью рисовал портреты умерших людей и мог делать это даже в темноте. Количество таких автоматических рисунков было достаточно велико для признания, что эстетику духов можно сделать предметом изучения. Жюль Буа описывал основные черты этих художественных произведений, пришедших из бессознательного, как имеющие тенденцию к асимметрии, многочисленным и не всегда оправданным подробностям, замене жестких линий на «нечеткие» и нерегулярности в появлении. Он полагал, что искусство медиумов оказало определенное влияние на художественную школу символизма, которая возникла около 1891 года.

Спиритическая волна медленно спадала, и в моду вернулись магнетизм, который в своем модернизированном виде стал называться гипнозом, и проблема множественной личности. Наиболее впечатляющим

моментом в обществе во второй половине девятнадцатого века стала проблема совращения и преступления в состоянии гипноза. Шарпиньон предпринял серьезное изучение данной темы в 1860 году[146]. В 1880-х годах вопрос привлек серьезное внимание после утверждения, сделанного Нансийской школой, что такие преступления возможны, и это стало темой для оживленных дискуссий в газетах, журналах и литературных произведениях. Школа в Сальпетриере, однако, отказывалась допускать возможность таких преступлений, следствием чего стали споры между экспертами обеих школ, происходившие всякий раз, когда с целью пролить свет на генезис преступлений во время суда прибегали к гипнозу. Бернгейм, конечно, не утверждал, что для совершения преступления можно загипнотизировать любого человека, но полагал, что при некоторых обстоятельствах это может произойти — либо у аморальных субъектов, которые не оказывают никакого сопротивления криминальному внушению, либо у безвольного индивида, например, эпилептика, способного на преступление под влиянием импульса, или, косвенным путем, у индивида, страдающего манией преследования, в результате чего преступление также возможно. Бывают случаи внушения субъекту ложных воспоминаний, в результате чего последний превращается в лжесвидетеля. Бернгейм также полагал, что важную роль в большинстве криминальных случаев играет самовнушение. Некоторые фактические преступники, говорил он, являются жертвами самовнушения и по этой причине не могут быть ответственными за совершенное ими[147]. Шренк-Ноцинг из Германии был твердо убежден в гипнотическом происхождении преступления и описал обширную область правонарушений, которые могут совершаться под воздействием гипноза или всякого рода внушений[148].

Сегодня едва ли можно представить, до какой степени в 1880-х годах прибегали к гипнозу и внушению, чтобы объяснить, в частности, многочисленные исторические, автобиографические и социологические факты, такие, например, как происхождение религий, случаи выдающихся событий, возникновение войн. Постав ле Бон популяризировал теорию коллективной психологии, основанную на утверждении, что «коллективную душу» группы людей можно сравнить с загипнотизированным разумом, а ее лидера — с гипнотизером[149]. На той или иной концепции внушения основывались целые образовательные системы. Огромный интерес вызывали субъекты, которые под гипнозом играли театральные роли, рисовали или прекрасно пели[150].

Гипнотизм вдохновил на создание многочисленных литературных произведений. В некоторых из них основной темой становились криминальные преступления, совершенные в нормальном состоянии, но в дальнейшем требовавшие участия гипноза для своего раскрытия, —

подозревавшийся человек в состоянии гипноза либо признавался сам[151], либо делал это в результате указания, внушенного ему умирающей жертвой.[152] В других произведениях преступник гипнотизирует невинного человека, чтобы тот совершил преступление под его руководством, но настоящего преступника обнаруживают всякий раз, когда психотерапевт-эксперт является достаточно умным, чтобы догадаться загипнотизировать того, кто совершил это криминальное действие[153]. Возможно, самым удачным произведением, основанном на явлении гипноза, является бестселлер Жоржа дю Морье «Трильби»[154]. Дочь английского лорда, Трильби жила в Париже и работала белошвейкой, а затем стала моделью одного художника. Свенгали, нагловатый учитель музыки, гипнотизировал ее и сделал блистательной певицей, после чего женился на ней. Но она могла петь только в гипнотическом трансе, когда Свенгали смотрел ей прямо в глаза из театральной ложи. В начале одного из представлений Свенгали внезапно умирает от сердечного приступа, и Трильби, оставшись без гипнотического «присмотра», оказывается неспособной петь — ее карьера завершается полным провалом. Не меньший интерес представляет рассказ «Орля» (Le Horla), написанный Ги де Мопассаном перед тем, как его разбил полный паралич[155]. Мужчину охватывает страх, когда он понимает, что в его доме происходят странные и необъяснимые явления, — как будто его захватили таинственные, невидимые существа. Он уезжает в Париж, где, присутствуя на гипнотическом сеансе, приходит в недоумение от того, что видит, как загипнотизированной женщине дают задание, которое она пунктуально выполняет на следующий день, сама не зная, почему она это делает. Мужчина, осознав, что то же самое происходит и с ним, в его собственном разуме, ужасается: «Кто-то обладает моей душой и руководит ею. Кто-то контролирует все мои действия, все мои движения, все мои мысли. Сам я не представляю собой что-либо, я всего лишь запуганный, порабощенный зритель тех поступков, которые совершаю».

Не менее многочисленными были и литературные произведения, вдохновленные темой множественной личности. Во Франции популярным бестселлером того времени являлся роман Гозлана Le Médecin du Pecq. Во время сомнамбулического транса богатый молодой человек, страдающий нервными расстройствами и живущий в санатории, убегает и делает беременной одну молодую девушку, о чем он совершенно не подозревает в состоянии бодрствования[156]. Врач объясняет ему то, что с ним произошло, анализируя сновидения, которые молодой человек рассказывает ему каждое утро. После 1880 года количество романов, посвященных множественной личности, быстро увеличилось. Жюль Кларетье, перед тем как написать свой роман «Наваждение» (L'Obsession) старательно собрал все документы в клинике Сальпетриер. Речь

в нем идет об истории художника, который узнал, что его вторая личность временами берет контроль над телом, о человеке, не знавшем, какое очередное зло может совершить другая его личность[157]. В конце концов художника вылечил Алзатьян, врач, который внушил ему смерть и похороны его второй личности. Еще одним сенсационным литературным произведением того времени был роман «Сестра Марта» Шарля Эфейра. Во время каникул в деревне молодого врача просят вылечить юную сироту, которая собирается стать монахиней[158]. Он гипнотизирует сестру Марту, чтобы освободить ее от нервных симптомов, но появляется другая личность, Анжель, которая знает, что она является дочерью богатого человека и наследницей огромного состояния (о чем сестра Марта, по-видимому, не подозревает). Анжель влюбляется в молодого доктора и хочет сбежать вместе с ним. Однако утром накануне планируемого побега на железнодорожной станции неожиданно вновь возникает сестра Марта, которая приходит в полное замешательство, не имея никакого представления обо всем происходящем. Она постригается в монахини и вскоре после этого умирает от туберкулеза. Некоторые читатели Revue des Deux Mondes подозревали, что имя Шарль Эфейр является псевдонимом хорошо известного психолога Шарля Рише. Роман Энника «Минни Брандон» также пользовался успехом. Молодой француз влюбляется в молодую очаровательную и утонченную англичанку Минни, которая, выпив немного алкоголя, к сожалению, превращается в настоящую мегеру, Брандон[159]. В борьбе между Минни и Брандон в конце концов побеждает последняя, и молодой человек, к глубокому сожалению, вынужден покинуть обеих. Еще более ужасной была судьба героя романа Минторна «Сомнамбулист». Полный чувства собственного достоинства протестантский священник, хороший муж и отец, превращается в сомнамбулическом состоянии в преступника, который совращает и насилует женщин и убивает детей, в то время как его нормальная личность ни о чем не подозревает[160]. Поль Линдо написал известную театральную пьесу «Другой»[161]: один судья руководит расследованием преступления и выясняет, что он или, скорее, его вторая личность, о которой он не подозревает, и есть преступник. Но величайшим достижением литературы такого рода является, вероятно, повесть Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»[162]. Эта книга представляет особый интерес из-за манеры изложения и написания. Стивенсон утверждал, что на протяжении многих лет он вел интенсивную жизнь во сне. В его снах к нему приходили «маленькие человечки» и внушали разные идеи для этой книги. Это четкое различие между его личностями в состоянии бодрствования и сна, возможно, и внушило ему идею повести. Он добавлял, что множество деталей и подробностей в повести были продиктованы этими «маленькими че-

ловечками»[163]. Важно заметить, что, помимо нескольких действительно хороших прозаических произведений и пьес, существовало и великое множество дешевой литературы, опубликованной в 1880-х годах и сейчас полностью забытой, включавшей в себя темы сомнамбулизма, раздвоения личности и преступлений, совершенных в состоянии гипноза, что, конечно, само по себе способствовало формированию менталитета той эпохи.

В действительности постепенное развитие идей сомнамбулизма и гипноза находило свое отражение и в эволюции литературного сознания, идущей от излишне упрощенных тем к более изысканным. Бине, Люка и другие авторы настаивали на том, что имеются не только драматические случаи расщепления личности, но существуют также и всевозможные переходные состояния между фактически расщепленной личностью и личностью нормальной и многогранной. Эта тенденция также отразилась в литературе. Некоторые авторы в качестве тем для своих произведений выбрали невидимые глазу переходы от одной грани личности к другой. Поль Бурже в 1883 году написал роман «Непоправимое» (L'Irréparable), где он описывает историю женщины, которая до своего замужества была открытой, беззаботной и веселой, но впоследствии внезапно стала подавленной и печальной[164]. Один из героев этого романа, философ в манере Рибо, объясняет эту метаморфозу читателю. В своем романе «Заветный сад» (Le Jardin secret)[165] Марсель Прево рассказывает историю о женщине, которая «потеряла» свою личность, когда вышла замуж. Через тринадцать лет случилось так, что она натолкнулась на свой дневник, который вела до замужества, и таким образом обрела вновь эту потерянную личность. Находка послужила стимулом для того, чтобы ее разум стал активным, и она начала лучше понимать окружающий ее мир. Она обнаруживает доказательство неверности своего мужа и думает о разводе. Но после длительного внутреннего конфликта решает остаться с ним и изменить свою жизнь. Она сохраняет свою вторую личность, хотя и на более высоком уровне осознания.

В начале двадцатого века в литературе стали появляться более тонкие описания многочисленных аспектов человеческой личности и их взаимосвязей. В творческой писательской лаборатории все больше использовалась полипсихическая модель человеческого разума, что можно увидеть в произведениях Пиранделло, Джойса, Итало Свево, Ленормана, Вирджинии Вульф, но больше всего в работах Марселя Пруста. Классический случай множественной личности сейчас является почти забытым. Он упоминался только один раз в творчестве Марселя Пруста при описании сцены в салоне мадам Вердуран, когда кто-то во время светской болтовни упоминает случай, произошедший с одним честным

человеком, который во второй личности превратился в негодяя[166]. Заслуживает внимания тот факт, что та же самая история была опубликована отцом Марселя Пруста, Адрианом Прустом, как пример интересного психопатологического случая[167]. То, что неустанно анализирует Марсель Пруст в своих работах, является многочисленными проявлениями полипсихизма, множественностью нюансов личности внутри нас. Он полагал, что человеческое эго состоит из большого количества маленьких эго, различных, хоть и находящихся рядом, и более или менее тесно связанных. Наша личность, таким образом, постоянно изменяется в зависимости от обстоятельств, места и людей, которые нас окружают. Какие-то события затрагивают одни области нашей личности и оставляют безразличными другие. В хорошо известном прустовском описании повествователь рассказывает, что после того, как ему сообщили о смерти женщины, Альбертины, эту новость последовательно воспринимали различные части его личности. Сумма наших прошлых эго является, как правило, закрытой сферой, но некоторые — парциальные эго — могут неожиданно появляться вновь, тем самым вызывая образную актуализацию прошлого. Тогда одно из наших прошлых эго, оказавшись на переднем плане, начинает жить для нас. Среди подобных многочисленных эго представлены также и их наследственные формы. Другие (например, социальное эго) являются творением мыслей и влияний на нас других людей. Это объясняет то непрерывное движение в разуме, которое соответствует метаморфозам личности. Работы Марселя Пруста представляют особый интерес, потому что его тонкий анализ не является результатом влияния Фрейда и других представителей новой динамической психиатрии. Его академические источники заканчиваются на Рибо и Бергсоне. Было бы вполне осуществимо сделать из его работ трактат на тему человеческого разума (mind) как некое умозрительное пособие, которое дало бы правдоподобную картину того, чем стала бы первая динамическая психиатрия, если бы следовала своим естественным ходом.

Профессиональные философы также сфокусировали свое внимание на феноменах гипноза и множественной личности. Особенное впечатление эти явления произвели на Тэна[168] и Рибо[169]. Жане утверждал, что история Фелиды является основным аргументом, используемым во Франции позитивными философами против школы догматической философской психологии Кузена. «Если бы не Фелида, нет никакой уверенности, что в College de France существовала бы должность профессора психологии»[170]. Фуйе видел в явлениях гипноза и сомнамбулизма подтверждение учения о навязчивых идеях (idées-forces). Однако один из его биографов наводит на мысль о том, что гипноз скорее вдохновлял, чем поддерживал эту концепцию[171]. Бергсон лично сталкивался

с гипнозом. Будучи профессором в Клермон-Ферран с 1883 до 1888 года, он принимал активное участие в гипнотических сеансах, неофициально проводимых Мутеном, врачом из этого города[172]. Сам Бергсон проводил замечательные эксперименты по проблеме бессознательной симуляции загипнотизированных субъектов[173]. Позднее, в одной из своих основных работ, Бергсон утверждал, что искусство является очищенной и одухотворенной версией средств, используемых гипнотизмом[174].

Литературные критики также прибегали к явлению множественной личности, для объяснения некоторых загадок. В частности, Спенле разрабатывает гипотезу раздвоения личности в своей интерпретации Новалиса[175]. В бытность ребенком Новалис развивал свою вторую личность с помощью фантазии и воображения. Эта личность вырастает, и в то время, пока Новалис внешне живет обычной жизнью горного инженера, она устами Новалиса заявляет, что его поэтический сон является выше любой обыденной реальности. Аналогичным образом Поль Валери объяснял личность Сведенборга, великого шведского мистика. Когда Сведенборгу было примерно сорок лет, его глаза «открылись духовному миру»[176]. Он живет одновременно в двух мирах, реальном и «духовном мире», в котором он поддерживает постоянную связь с ангелами и духами. Кстати, замечает Валери, это является не смешением двух миров, как происходит при галлюцинациях, а совмещением двух миров, между которыми Сведенборг мог перемещаться, как того пожелает.

Явления литературного творчества имели самое непосредственное отношение к первой динамической психиатрии; к их помощи часто прибегали в объяснительных схемах учений о двойственности разума, дипсихизма и полипсихизма, равно как и для размышлений о неизвестных силах разума.

Гипноз представил первую модель человеческого разума как двойного эго: сознательное, но ограниченное эго, которое, по мнению индивида, является единственным, и подсознательное, много более полиобъемное эго, неведомое сознанию, но наделенное неизвестными воспринимающими и созидательными силами. Феномен вдохновения может быть объяснен как более или менее периодический процесс выброса в сознательный разум психического материала, который хранится в подсознательном разуме. Франсис Гальтон выражал сходную идею: «По-видимому, в моем разуме есть гостевая комната, в которой сознание устраивает прием и где аудиенция в одно и то же время происходит у двух или трех идей, есть там и вестибюль, полный более или менее родственных идей, которые просто находятся за пределами познающего сознания»[177]. Успешная работа разума подразумевает «большую аудиторию», правильную комбинацию идей в «вестибюле» и плавность выхода информации. Иногда происходит так, что такой аккумулированный

материал возникает в разуме автоматически. Тогда «индивидуальность (отдельность) заменяет индивидуальность, и одна часть разума (portion of mind) общается с другой частью как отдельной личностью».

Шабано развивал более сложную концепцию[178], он проводил различие между несколькими уровнями дневного и ночного подсознательного разума и описывал многочисленные виды отношений между подсознательным и сознанием (прерывность или непрерывность, бесконтрольный или контролируемый контакт) и их отношение к художественным, научным и литературным произведениям.

Феномен вдохновения часто сравнивали с явлением второй личности, которая медленно тайно развивается и неожиданно появляется на какое-то время. Отсюда ощущение, что работа продиктована каким-то неизвестным существом, хотя и не настолько явно, как в случае с мисисс Кэррен и «Пэйшенс Ворт». К.Г. Юнг представил «Заратустру» Ницше как результат появления второй личности, которая незаметно развивалась, пока однажды внезапно не вырвалась на свободу[179]. По собственным словам Ницше:

> Da, plötzlich, Freundin! wurde Eins zu Zwei
> Und Zarathustra ging an mir vorbei...
> (Затем, внезапно, мой друг, он раздвоился –
> и мимо меня прошел Заратустра).

Вокруг полипсихической модели человеческого разума сосредоточилась еще одна теория литературного творчества. Поскольку человеческий разум представляет собой кластер (группу) субличностей, можно представить, что великий романист, говорил Бальзак, в состоянии их обнаружить, найти им занятие, характерные черты и дать им возможность медленно развиваться в собственном направлении. Говоря о многочисленных, хорошо очерченных персонажах бальзаковских новелл, Жюль Ромен предполагает, что каждый из них является одной из «эмбриональных личностей» самого писателя, то есть это не бессознательные или вытесненные личности, но «вполне завершенные психологические системы, органические и индивидуализированные, каждая из которых содержит в себе все необходимое, чтобы удовлетворять, при контакте с жизненными событиями и социальными условиями, требованиям полноценной судьбы мужчины или женщины»[180]. Жан Дилей также полагает, что романист обладает силой развития в себе латентных субличностей и преобразования их в литературные персонажи[181]. Он обращает внимание на процесс «создания двойника»: любой человек, ведущий личный дневник, имеет склонность развивать двойную личность, которая постепенно проявляется в этом дневнике, таким образом, что

развиваются особенные межличностные отношения между тем, кто ведет дневник, и его вымышленной второй самостью. Тогда эта вторая самость в определенный момент может войти в жизнь, чтобы говорить под видом литературного персонажа о тайных проблемах и пороках самого писателя (как это делали, например, Гете в романе «Страдания молодого Вертера» и Андре Жид в романе «Андре Вольтер»).

И наконец, была предпринята попытка объяснить процесс литературного творчества с точки зрения понятия «криптомнезии». Этот термин, который, по-видимому, был введен Флурнуа, обозначает явление, хорошо известное магнетизерам и гипнотизерам. В гипнотическом трансе и особенно в форме гипнотической регрессии индивид может говорить о многих вещах, о которых в бодрствующем состоянии полностью забывает. Наша подлинная скрытая память, таким образом, гораздо шире, чем память сознательная. Другие свидетельства криптомнезии проявляются в снах, в состоянии бреда и иных физических проявлениях[182]. Флурнуа показал, что «романтические истории подсознательного воображения» его медиума Элен Смит исходят, по большей части, из книжных «криптомнезий», из книг, которые она читала, когда была ребенком, и впоследствии совершенно забыла. Криптомнезия дает объяснение случаям псевдоплагиата в литературе. Юнг, например, обнаружил, что целый параграф в книге Ницше «Так говорил Заратустра» скопирован из статьи четвертого тома Blätter von Prevost (журнал, издаваемый Юстинусом Кернером). Это была публикация, над которой, как известно, Ницше размышлял еще в молодости. Бессознательность плагиата, как это представляется сейчас, проявилась в том, что оригинальный текст оказался грубо искажен и совершенно без всякой необходимости вставлен в историю Заратустры[183]. После этого было выявлено множество и других примеров псевдоплагиата; здесь могло бы даже показаться, что некоторые авторы особенно склонны к этому. Ницше как раз из их числа. Лу Андреас Саломе предполагал, что содержание его работы «Происхождение морали» полностью берет свое начало у Поля Ре, который обсуждал свои представления об этом в беседе с Ницше; Ницше осторожно выслушал Ре, затем присвоил их себе и впоследствии стал враждебно относиться к Ре[184]. Согласно X. Вагенвурту, Ницше имел исключительную способность с удивительной скоростью усваивать мысли других людей и тотчас же забывать об этом[185]. Следовательно, когда мысль приходила к нему опять, он не осознавал ее внешнее происхождение и верил, что она родилась в его собственной голове. Таким образом, говорит Вагенвурт, Ницше заимствовал основные понятия, развиваемые им в работе «Происхождение трагедии», из книги Мишле «Библия человечества» (La Bible de l'Humanité). Согласно другим исследователям, занимающимся историей литературы, основные

оригинальные концепции Ницше через криптомнезию уходят своими корнями в работы Эмерсона[186]. Фактически, криптомнезия, по-видимому, встречается настолько часто, что Поль Валери пришел к необходимости рассматривать ее как главный источник литературного творчества. «Плагиатором является тот, кто плохо постигает и излагает суть мыслей других — он позволяет самим фрагментам быть узнанными»[187].

Закат первой динамической психиатрии

История первой динамической психиатрии выявила некий парадокс: на протяжении целого столетия (с 1784 по 1882 год) новые открытия боролись за свое право на существование. Но после того, как они в конце концов были признаны «официальной медициной» в лице профессоров Шарко и Бернгейма, период ошеломляющего успеха, которым эти открытия «наслаждались», длился меньше двадцати лет, а затем наступил довольно быстрый закат. Проблема этого взлета и падения озадачивала множество выдающихся умов того времени. Жане предположил, что причины этой тенденции лежат не только в самом образе жизни того времени, но и непосредственно в медицине. После 1882 года весь медицинский мир оказался сильно увлеченным гипнозом; на эту тему были сделаны тысячи публикаций, пока они не достигли критической отметки, и после этого гипноз оказался забытым. Наверное, здесь есть доля истины, но должны быть и факторы, связанные непосредственно с самим гипнозом, которые послужили причиной его столь быстрого падения.

Внимательное изучение литературы о гипнозе того времени указывает на то, какими, возможно, были эти факторы. Многочисленные гипнотизеры, поначалу весьма воодушевленные гипнозом, очень скоро обнаружили в нем ряд серьезных недостатков. Не каждый человек в состоянии стать хорошим гипнотизером, точно так же, как и самый лучший гипнотизер не в силах загипнотизировать любого. Стало очевидным, что многие пациенты просто притворялись, симулируя состояние гипноза, хотя на самом деле не были загипнотизированы. Бенедикт, например, рассказывает, что позволил некоторым из своих студентов гипнотизировать пациентов, лечившихся амбулаторно. Эти пациенты в дальнейшем сообщали, что были в состоянии гипнотического сна, но многие из них признавались главным врачам о симуляции гипноза, чтобы угодить молодым докторам[188]. Сообщается, что то же самое происходило не только с Шарко (как мы видели выше), но также с Форелем, Веттерштрандом и другими опытными гипнотизерами, пациенты которых даже делали вид, что полностью вылечились, поскольку не осмеливались возражать своим авторитетным врачам.

Случалось и так, что субъекты притворялись загипнотизированными с целью почувствовать себя свободнее и рассказать о мучивших их тайнах, о которых им было тяжело говорить в другой обстановке. Возможно, это имело место с самого начала становления магнетизма. Мы уже рассказывали странную историю о человеке, сильно привязанному к своему другу-мужчине. Во время магнетического кризиса этот человек — полностью доверявший своему другу и уверенный в его благорасположении — сказал графу Лутцельбургскому, что его предполагаемый друг предал его и причинил ему вред и объяснил, что следует сделать, чтобы перенести это знание из его «кризиса» в состояние бодрствования[189]. Можно привести огромное количество подобных случаев. Доктор Бонжур[190], швейцарский психотерапевт, в 1895 году замечает, что некоторые пациенты рассказывают под гипнозом о вещах, которые их тяготят и о которых в состоянии бодрствования они — притворно — заявляют, что ничего не знают. Впоследствии же эти люди признаются, что знали об этом, но стеснялись говорить.

Тенденция к бессознательной симуляции являлась более серьезным недостатком. Она развивалась у многих гипнотизируемых индивидов и заставляла их угадывать желание гипнотизера и исполнять его. Бернгейм, например, говорил: «Невероятно, с какой проницательностью некоторые загипнотизированные субъекты определяют идею, которую им следует осуществить. Одно слово, жест или интонация уже могут указать им путь»[191]. Бергсон, предпринявший некоторое исследование так называемой способности к чтению мыслей под гипнозом, заключил, что пациент, которому приказывают выполнить tour deforce (дело необычайной трудности), «будет действовать добросовестно и сделает то же самое, что сделал бы самый бессовестный и наиболее искусный из шарлатанов; он бессознательно использует средства, о существовании которых мы едва ли даже можем предположить»[192]. Бельгийский врач Крок рассказывал, как, добившись удивительных результатов при использовании гипноза, он в конце концов осознал некоторые факты.

> Я проводил множество гипнотических экспериментов и добился, по всей видимости, прекрасных результатов. Это меня насторожило, и я стал крайне осмотрительным. Я добивался поразительной экстериоризации чувствительности, визуализации магнетического и электрического излучений и чуть не стал жертвой своих собственных пациентов — настолько удивительно успешными были мои эксперименты. Но осторожная и тщательная проверка фактов убедила меня, что все это было не чем иным, как эффектом самовнушения. Нам не следует забывать, что загипнотизированный субъект пытается всеми способами, находящимися в его распоряжении, удовлетворить желания магнетизера и выполнить не только его внешние

конкретные указания, но также и мысленные пожелания. Загипнотизированные пациенты тщательно исследуют мозг гипнотизера, который обычно не остерегается удивительной чувствительности пациента и не понимает, что знак, который является незаметным в состоянии бодрствования, может стать крайне важным для пациента под гипнозом[193].

Крок добавлял, что то же самое является истинным и для истерии, и предупреждал: «Если вы хотите быть обманутыми, тогда экспериментируйте с истерическими пациентами».

Дельбеф, еще один бельгиец, который посетил Сальпетриер и Нансийскую школу в 1886 году, комментировал поразительные различия, полученные Шарко, Бернгеймом и публичным гипнотизером Донато[194]. Дельбеф заключил, что имеет место не только неоспоримое воздействие гипнотизера на пациента («как мастер, так и ученик»), но существует еще большая степень суггестивного воздействия загипнотизированного субъекта на гипнотизера («как ученик, так и мастер»). Первый загипнотизированный субъект формирует (imprints upon) у гипнотизера определенную технику работы и закладывает соответствующие ожидания результатов. В дальнейшем это определяет ту или иную модель работы данного гипнотизера с другими пациентами, в свою очередь, влияющую на ее результаты. Кроме того, гипнотизер, обучавшийся в определенной манере, передает свой метод и ожидаемые результаты ученикам, что объясняет происхождение соперничающих школ, каждая из которых имеет монополию на специфические гипнотические явления. В связи с этим заслуживает внимания то, что выводы Дельбефа недавно подтвердились на базе новых независимых исследований Мартина Орна[195]. Неудивительно, что гипнотическую ситуацию часто сравнивают с folie à deux (безрассудство двоих), где «мы не знаем, кто из двух является более безумным». В последние годы девятнадцатого века негативные сообщения накопились до такой критической отметки, что возникла сильная реакция против использования гипноза и современных теорий истерии. Среди лидеров этого движения были люди, которые в течение многих лет проводили эксперименты такими способами, как металлоскопия, действие лечения на расстоянии и перенос симптомов от одного пациента другому. Жане, который был в высшей степени осторожен и экспериментировал с гипнозом и истерическими пациентами, избегая множества ловушек, был одним из немногих, кто продолжал развивать учение первой динамической психиатрии, являвшееся, как это было доказано, здравым.

Отказ от первой динамической психиатрии выглядит столь же иррациональным и поспешным, как и прежняя внезапная мода на нее в 1880-х годах, когда первая динамическая психиатрия оказалась в зените славы.

Подобное неприятие случилось, несмотря на огромное сопротивление со стороны некоторых приверженцев первой динамической психиатрии, которые открывали новые и многообещающие факты. Ими были, например, новые методы гипнотического катарсиса, с которыми Жане экспериментировал с 1886 года, а Брейер и Фрейд в 1893 и 1895 годах (о чем мы поговорим в других главах этой книги). Это был также метод, разработанный Оскаром Фохтом, которому он дал название «парциальный гипноз»[196]. Для этого метода необходимы были пациенты, которые легко гипнотизировались, но могли также в состоянии гипноза сохранять острое критическое восприятие. Пациент гипнотизируется, и его внимание остается сфокусированным на резко очерченном факте или воспоминании, которое позволяет ему изучать бессознательное содержание какого-то отдельного нынешнего или прошлого ощущения, ассоциации, сновидения или психопатологического симптома. Как оказалось, эта специфическая форма гипноза является удивительно похожей на то, что Энсли Миерс описал как «состояние-Y»[197]. Фредерик Майерс, который был хорошо знаком с ошибками и заблуждениями гипнотизма, истерии и множественной личности, подчеркивал действительный прогресс, который эти представления принесли в наше знание человеческого разума и последующий прогресс, который может ожидаться в будущем[198]. Одним из его утверждений является то, что вторичная личность необязательно является более худшей по отношению к основной, а иногда, напротив, она даже более совершенна (позднее эту идею развивал Юнг). Однако «последующие открытия токсических веществ (intoxicants), наркотиков и анестетиков, сформировали три важные стадии в нашем возрастающем контроле над нервной системой», а учение о гипнозе явилось следующей стадией. Гипноз позволяет многим людям расширить и освободить свой разум, что они не способны сделать в состоянии бодрствования: «Я утверждаю, что гипнотический транс (...) имеет некоторое сходство с гениальностью, так же как и с истерией. Я утверждаю, что для необразованных субъектов это было самым лучшим душевным состоянием, в которое они когда-либо входили. Если его изучить лучше и применить к субъектам более высокого уровня умственного развития, это может создать более спокойные и устойчивые потоки мысли, чем те, что могут поддерживаться сознательными усилиями наших суматошных и беспорядочных дней». Возможно, наступит время, когда человек будет выбирать не только между сном и бодрствованием, но когда наряду с ними «будут сосуществовать и другие состояния». И, наконец, Майерс вспоминает о тех замечательных излечениях, которые были достигнуты под гипнозом. Относительно будущего он чувствовал, что наше знание этих состояний может быть расширено и использовано тремя новыми способами: во-первых, моральным улуч-

шением с помощью импринтинга «гипнотических внушений целебного (salutary) типа»; во-вторых, достижением «состояния нечувствительности к физической боли»; и в-третьих, получением энергии с помощью диссоциации (разъединения) элементов нашего бытия новейшими (еще не изведанными) способами. Этим пророчествам Майерса предстояло материализоваться в методе самовнушения Куэ, технике безболезненных родов и аутогенной тренировке Шульца.

Но, конечно, легче полностью отбросить все учение, которое содержит ошибки, чем взять на себя трудную задачу очистить зерна от плевел. И, как был вынужден заключить Жане, «гипноз мертв ... до того дня, пока он не оживет».

Заключение

Первая динамическая психиатрия разработала хорошо сконструированную структуру знания, которая, несмотря на неизбежные колебания и издержки, была намного более органическим целым, чем это обычно предполагается. Согласно общепринятому мнению, первая динамическая психиатрия исчезла около 1900 года. На ее место пришли совершенно новые системы динамической психиатрии. Но внимательное изучение фактов показало, что здесь не было никакой внезапной революции. Напротив, произошел постепенный переход одной системы к другой, и новая динамическая психиатрия переняла от первой гораздо больше, чем полагали ранее. Культурное влияние первой динамической психиатрии было крайне сильным и пронизывает современную жизнь настолько, что нам даже трудно вообразить.

Новые теории динамической психиатрии, содержащие в себе многое из первой динамической психиатрии, также усвоили огромное количество знаний из других источников. Понять новые теории можно, только если мы сделаем обзор всех социологических и культурных явлений, существовавших на протяжении всего девятнадцатого века. А это является предметом следующей главы.

Глава 4. Предпосылки возникновения динамической психиатрии

Мы рассмотрели истоки динамической психиатрии (глава 1), ее возникновение около 1775 года и историческое развитие от Месмера до Шарко (глава 2), а также в общих чертах описали первую динамическую психиатрию как органичную и логически связанную систему (глава 3). Теперь представляется необходимым исследовать ее социальные, экономические и культурные предпосылки, чтобы посмотреть, в какой степени условия, которые существовали в Европе в конце восемнадцатого века, повлияли на первую динамическую психиатрию, и как изменения этих условий на протяжении девятнадцатого века привели к образованию новых систем динамической психиатрии. Учения Жане, Фрейда, Адлера и Юнга в различной степени являлись наследниками первой динамической психиатрии, но сами они были детерминированы социальными факторами и направлениями в философии, науке и культуре, которые мы рассмотрим настолько кратко, насколько нам позволит сложность этого вопроса, чтобы не упустить ни одной важной детали.

Социальные предпосылки

Открытие животного магнетизма, а также переход от Месмера к Пюисегюру невозможно понять правильно, если не принять во внимание те социальные условия, которые сложились в Европе в конце восемнадцатого века. Сто восемьдесят лет — слишком короткий промежуток времени по сравнению со всей историей человеческого рода, и все же нам крайне трудно представить себе образ жизни и способ мышления тех предков, национальности и языки которых мы унаследовали. Однако давайте вообразим, что мы путешествуем во времени и попадаем в Европу 1780-х годов. Каким необычным показалось бы все, что нас окружает! И насколько чуждым мы сочли бы образ жизни наших предков. Конечно, нам пришлось бы забыть об атомной бомбе, автомобилях, телевидении, радио, самолетах, телефоне, железных дорогах, сотнях изобретений и других вещах, которые для нас так привычны. Мужчины и женщины того времени казались бы нам столь странными, как будто они являются представителями другого мира. Даже биологически они

отличались от нас — невысокого роста, крепкие и чрезвычайно выносливые (еще не существовала хирургическая анестезия, едва ли были известны успокаивающие лекарства и наркотические средства; люди привыкли переносить физические страдания, так же, как они привыкли наблюдать их). Все, включая богачей, окруженных роскошью, жили в условиях, которые нам показались бы в высшей степени некомфортными. Подавляющее большинство населения питалось грубой и однообразной пищей. Поскольку в местах общественного пользования не соблюдались элементарные правила гигиены, люди часто страдали от многочисленных инфекционных заболеваний и почти каждый четвертый человек имел на лице следы оспы. Водопровод тогда еще не существовал, и на улицах гнили кучи нечистот, горожане и сельский люд привыкли к неприятным запахам. Кроме того, вернись мы в тот период, нам во многом пришлось бы отказаться от присущего нам способа мыслить, от своих идеалов и манеры общаться друг с другом, от того, чем мы так дорожим сегодня. Для большинства умственная деятельность была гораздо менее напряженной, по сравнению с сегодняшним днем. Достаточно прочитать любой роман, написанный в то время, к примеру роман Гете «Страдания молодого Вертера», и представить себе, что мы живем жизнью одного из его персонажей: этот образ жизни показался бы нам невыносимо скучным (в то время как наш образ жизни, по всей вероятности, поразил бы их своим опасным безумием). Большинство населения проживало в сельской местности, где свободно бродили волки и другие дикие звери. Города были небольшие, и даже в таких крупных центрах, как Вена или Париж, люди жили той жизнью, которую мы сейчас назвали бы «провинциальной», все знали друг друга и их отношения были гораздо более близкими, чем в наши дни.

Взгляды на жизнь наших предшественников показались бы нам не менее странными. Их образ мыслей в большинстве случаев был менее четким, чем у нас. Они, без сомнения, знали много любопытного, о чем мы забыли сегодня, но их идеи, суеверия и предрассудки во многом показались бы нам абсурдными. Для большинства людей наука, например, была весьма туманным понятием. Из толпы ученых-любителей выделялись несколько действительно великих пионеров науки, такие, как Пристли и Лавуазье. Физику, в основном, использовали шарлатаны и обманщики и к ней прибегали для устроения публичных представлений и увеселительных мероприятий. Эта наука была также увлечением аристократов или состоятельных буржуа, которые имели собственный cabinet de physique (физический кабинет). Однако появилось распространенное мнение, что человечество после долгих веков невежества и темноты постепенно поднимается на новую ступень развития, и это мнение подкреплялось непрерывным потоком открытий. Франклина

приветствовали как покорителя молнии, а Монгольфье как человека, ознаменовавшего эру завоевания воздушного пространства. Исследователи приносили новости об открытиях новых стран и народов на южном побережье Тихого океана и в других местах. В 1771 году, после возвращения из кругосветного плавания, французский мореплаватель Бугенвиль опубликовал рассказы о своих путешествиях, в которых описания якобы естественного счастья и полной сексуальной свободы среди жителей острова Таити просто захватывали воображение[1]. Комментируя рассказы Бугенвиля, Дидро заключил, что блага цивилизации и морали (которые он не отрицал) были достигнуты ценой естественного человеческого счастья[2]. Цивилизованный человек, говорил он, является жертвой внутренней борьбы между «естественным», с одной стороны, и «моральным и искусственным», с другой; и независимо от того, возобладает ли в этой битве первое или второе, он всегда будет оставаться несчастным — эта идея была впоследствии воспринята Ницше и Фрейдом. Война за независимость в Америке и установление Первой Республики по ту сторону океана вызвали волну энтузиазма во французском обществе, которое приравнивало эту новую нацию к спартанцам или римлянам эпохи ранней республики. Полагали, что Кур де Гебелен (один из почитателей Месмера) расшифровал древний миф и воссоздал праязык человечества. Одним словом, у «просвещенного» общества было ощущение того, что они живут в необыкновенную эпоху, где нет ничего невозможного.

Политическая и социальная структура общества также во многом отличалась от нашей. Повсеместно в разнообразных формах преобладал монархический тип правления, за исключением небольших республик, таких, как Швейцарские кантоны. Сейчас трудно себе представить, насколько неправдоподобной была идея о том, что такие крупные государства, как Британские Колонии в Северной Америке, когда-нибудь примут республиканскую конституцию. Короли, императоры, принцы и мелкие правители пользовались огромным почтением со стороны своих подданных. Однако они были вынуждены принять многие ограничения своей власти, наложенные обычаями, законами и общественным мнением. Строгое деление общества на классы являлось фундаментальным отличием социального устройства общества того времени от нашего. Теоретически существовало огромное количество этих классов, но на самом деле был только один основной принцип деления — деление на аристократов и простолюдинов. Первоначально дворянами считались потомки старинных феодальных семей, но таких было немного. Большинство же получили дворянство как награду за заслуги перед государством, поскольку выполняли какие-то важные общественные поручения, или же они просто покупали за огромные

деньги земельную собственность или должности, которые автоматически давали дворянский титул. Не только у аристократии существовала иерархия, имелось также разделение на военное и судебное дворянство. Но какими бы ни были эти различия, некоторые характерные черты оставались общими для всех: аристократия имела привилегии в том, что касалось налогов, правосудия и школ, в которые они отправляли учиться своих отпрысков. Дворяне имели право носить при себе оружие и охотиться в любом месте, где пожелают. Но у них были также и самые строгие обязательства, и им было запрещено заниматься некоторыми видами деятельности, которые были необычайно доходными. Поскольку у дворян было право на ношение оружия, предполагалось, что они должны защищать своего правителя. Аристократы также выполняли обязанности на флоте, дипломатической службе и занимали высшие церковные должности. Все еще существовали средневековые замки, но жить в них стало немодным, и постепенно они приобрели ореол таинственности и стали темой для леденящих душу историй и «черных романов». Высшее дворянство все больше и больше отдавало предпочтение жизни в комфортабельных и тихих особняках, находившихся в сельской местности, хотя владели они и городскими домами и появлялись при королевском дворе весьма часто. Этот класс создал новый, доступный только избранным тип социальной жизни, отличительной чертой которого были изысканная учтивость и неподражаемое искусство вести беседу, в чем особенно преуспели французы — отсюда господство французского языка и манеры поведения среди дворянства в большей части Европы. Высшие слои аристократии чувствовали себя обязанными поддерживать светский и расточительный образ жизни. Таким образом, на предметы роскоши и азартные игры тратились целые состояния. Однако дворянство переживало кризис, оказавшийся особенно заметным во Франции[3]. Все возрастающее количество молодых французских аристократов не находило достаточного выхода для своих честолюбивых замыслов и потребности в деятельности. Против аристократов нарастала враждебность и со стороны буржуазии, которая завидовала их привилегированному положению. Реакция французского дворянства была различной: многие отчаянно цеплялись за свои привилегии и пытались обеспечить их точное соблюдение. Довольно большое количество занялось благотворительной деятельностью; некоторые даже сочувствовали республиканским идеям и проявляли восторженный энтузиазм по отношению к Войне за независимость в Америке. Поскольку деятельность, доступная им, была ограниченной, а общественная жизнь не отнимала всех сил, некоторые из них попытались найти новые возможности для выхода энергии. Например, занялись предпринимательством в колониях или научными исследованиями, которые они прово-

дили со всей серьезностью, хотя их попытки рассматривались бы сейчас по большей части как дилетантские. Среди простолюдинов выделился класс буржуазии, которая стремительно продвигалась к власти. Образ жизни буржуазии совершенно отличался от того, как жила аристократия. По мнению последней, ее главное достоинство состояло в щедрой и показной манере тратить деньги, в то время как буржуазия полагала, что главной добродетелью является бережливость в сочетании с трудолюбием. Пролетариат на континенте* почти не существовал. (Промышленная революция, начавшаяся в Англии в 1760-х годах, еще не достигла других берегов Ла-Манша.) На самой низкой ступени социальной лестницы находились крестьяне, составлявшие наиболее многочисленную часть населения. Истинное положение крестьянства оценивается по-разному: многие историки описывают его существование в самых мрачных красках, подчеркивая нищенскую жизнь и страдания. Другие указывают на те значительные улучшения, которые происходили на протяжении восемнадцатого века. В любом случае судьба крестьянства, без сомнения, была нелегкой, даже принимая во внимание тот факт, что в те времена жизнь для всех была гораздо тяжелее. В России и некоторых государствах Центральной Европы миллионы крестьян все еще оставались крепостными. Даже в Западной Европе крепостничество еще не было полностью отменено, что, например, давало право немецкому принцу, ландграфу Гессенскому, продавать своих крепостных-мужчин в иностранные войска в качестве солдат. Сельскохозяйственные методы были более примитивными по сравнению с современными. Крестьян душили налогами и заставляли выполнять барщину (которая в Австрии называлась Robot) для своего хозяина или государства. В большей части Европы крестьяне оставались неграмотными, разговаривали на бесчисленных диалектах и едва понимали официальный язык своей страны. Но крестьяне имели собственную, хорошо развитую субкультуру (почти неизвестную остальной части населения), состоявшую из народных обычаев, методов врачевания, ремесел, богатой устной литературы и многочисленных традиций, включавших в себя веру в священные источники и священные деревья.

Образ жизни каждого класса, таким образом, сильно различался, и отношения между ними оставались крайне сложными. Взаимоотношения между слугами и хозяевами-аристократами носили весьма своеобразный характер, который сегодня трудно представить и описать. Дворянские семьи, жившие в деревенских поместьях из поколения в поколение, имели тесную связь с такими же крестьянскими семьями. Один и тот же человек, будучи крепостным крестьянином, мог по приказу

* Часть территории Западной Европы, не включающая Британские острова. — *Прим. ред.*

своего господина на время становиться ординарцем или солдатом, когда его хозяин принимал на себя командование полком. Такие отношения часто распространялись на многие поколения, и отношения между хозяином и слугой, без всякого сомнения, носили авторитарный характер. В России, в среде аристократов было принято избивать своих крестьян кнутом. Даже во Франции все еще оставался или, по крайней мере, существовал незадолго до этого времени обычай бить своих слуг и забывать платить им жалованье. Однако между господином и слугой часто происходили доверительные беседы, и они были искренне преданы друг другу. Мы можем обнаружить описания подобных отношений в пьесах Мольера, Мариво и Бомарше и увидеть, насколько они отличались от отношений между хозяином-буржуа и его слугой. В аристократической среде взаимоотношения аристократа и слуги можно рассматривать как отношения деспота и покорного раба, хотя они и представляли собой симбиоз, характерной чертой которого являлась смесь уважения и фамильярности. В то время как отношения буржуа и наемных рабочих были более обезличенными и представляли собой отношения эксплуататора и возмущенного своим положением труженика.

Если рассматривать историю магнетизма с точки зрения исторической перспективы, она покажется нам полной парадоксов. Трудно поверить, что Месмер пытался лечить пациентов за очень высокую плату, собирая их вокруг сосуда, наполненного магнетизированной водой, или что такая практика вызывала у светских женщин состояние нервного криза. Объявить это шарлатанством или коллективной истерией было бы слишком примитивно. Едва ли менее странным нам покажется и то, что знатные члены аристократического общества платили Месмеру, иностранцу, огромные деньги, чтобы получить предполагаемый «секрет», который дал бы им возможность бесплатно лечить пациентов, или, например, то, что врач, такой, как Пюисегюр, магнетизировал дерево для лечения пациентов, собиравшихся вокруг него. И наконец, до сих пор не объяснено, каким образом две первые волны животного магнетизма, связанные с практикой Месмера и Пюисегюра, после Французской революции сменились третьей, когда стал применяться метод магнетизма, который во многом совершенно отличался от предшествовавших двух. Мы полагаем однако, что эти странности исчезнут, а факты станут понятными, когда мы рассмотрим их в свете указанных выше социальных предпосылок. Победа Месмера над Гасснером была тройной: это была победа Просвещения над умирающей эпохой Барокко, победа науки над теологией и победа аристократии над духовенством. В начальной фазе животный магнетизм нужно рассматривать в системе координат и ценностей аристократии. Не будучи дворянином по происхождению, Месмер, женившись на аристократке из Вены, вел жизнь бо-

гатого патриция и искал пациентов среди дворянства. По представлениям того времени, считалось совершенно естественным, что ему следует брать с них высокую плату; действительно, было бы глупо с его стороны не брать денег с людей, которые, совершенно не задумываясь, тратили их на азартные игры и другие подобные развлечения.

Что касается его baquet, то это был примитивный механизм, на создание которого Месмера вдохновили недавние открытия в области физики, глубоко взволновавшие аристократов-любителей.

Поскольку Месмер считал, что открыл новые физические флюиды, то совершенно естественной была и его попытка накапливать их в контейнере, по примеру физиков, накапливающих электричество в лейденской банке. Месмер сформулировал свою физическую доктрину, подражая тогдашним теориям электричества, — отсюда нам достались понятия раппорта и цепочки из пациентов, по которой якобы способны передаваться флюиды. Правда, может показаться странным, почему большинство пациентов верили в то, что они ощущают физиологический эффект воздействия этих флюидов; но достаточно вспомнить, что действие плацебо осуществляется не только через лекарства и медикаменты, но также с помощью любого физического предмета. Даже выдающимся ученым того времени было трудно оценить физиологические воздействия электричества. Бертран, физик, ставший одним из самых известных ученых в области животного магнетизма, рассказывал любопытные истории о первых экспериментаторах. Некоторые из них испытывали ужасный шок от электрического разряда, который показался бы нам просто слегка неприятным, и пугались этого до такой степени, что по два дня не вставали с кровати, в то время как другие физики тайно проводили самые опасные эксперименты, иногда кончавшиеся их смертью[4]. Прошло достаточно много времени, прежде чем были установлены истинные физиологические последствия воздействия физических сил.

Интересен также вопрос о том, почему знатные леди, сидящие вокруг месмеровского baquet, испытывали воздействие магнетических флюидов только в форме кризов. В связи с этим необходимо упомянуть о vapeurs (истерических припадках), которые представляли собой невроз светских женщин того времени. На протяжении второй половины восемнадцатого века в действительности было два модных невроза: один, ипохондрия, поражал изысканных светских джентльменов и заключался в приступах депрессии и раздражительности, другим был невроз утонченных светских леди, которые падали в обморок и страдали от разнообразных нервных припадков. Эти неврозы подробно описаны в научных трактатах, которые являлись классическими произведениями, например «Трактат о vapeurs», написанный Жозефом Роланом[5],

и трактат, написанный Пьером Поммом[6]. Светские врачи лечили vapeurs при помощи всевозможных видов «современных» изобретений, таких, как гидротерапия и электричество. Вот почему эти дамы считали модным ходить к Месмеру, который ввел новый терапевтический метод и который, помимо всего прочего, пользовался определенным престижем из-за того, что был иностранцем (особый вид ксенофилии, распространенный во Франции в то время). Криз, вызываемый вокруг baquet, был не чем иным, как приступом vapeurs. Таким образом, мы можем сказать, что эти кризы являлись абреакцией текущего невроза, выявленного с помощью суггестивной терапии, которая, по мнению ее автора, была практическим применением последнего физического исследования. С точки зрения Месмера, терапевтические успехи, достигнутые им вокруг baquet, были не чем иным, как подтверждением его теории; отсюда его негодование по поводу отчета полномочных представителей, которых он обвинял в пристрастном к себе отношении.

Что послужило скрытой причиной того внезапного и полного перехода от техник и концепций Месмера к техникам и концепциям Пюисегюра в 1784 году? По-видимому, и в этом случае объяснение можно найти в социальных предпосылках. Сначала давайте вспомним, что Аман-Мари Жак де Шатене, маркиз де Пюисегюр, был потомком одной из самых древних семей французского дворянства, которая на протяжении нескольких веков давала Франции многих выдающихся деятелей, особенно на военном поприще, и что он сам сделал блестящую военную карьеру. Как и многие его современники-аристократы, он имел физический кабинет (cabinet de physique), где проводил разнообразные эксперименты с электричеством. Пюисегюр делил время между военной службой и жизнью в замке в Бюзанси, где владел обширными землями, которые принадлежали его семье на протяжении многих поколений. Маркиз, так же, как и два его брата, очевидно, разделял взгляды прогрессивной части французской аристократии, которая развивала свою деятельность в благотворительном направлении. Этим объясняется то, почему Пюисегюр и члены Общества Гармонии практиковали магнетизм бесплатно. При их высоком положении само собой разумелось, что они не могут использовать знание магнетизма с целью обогащения (поскольку, как мы помним, деятельность, приносящая доход французскому дворянству, была запрещена). Они не могли также брать плату со своих крестьян. Все последователи Месмера из числа аристократии и дворяне Эльзаса придерживались этой позиции.

Если мы мысленно вернемся в Бюзанси, то увидим, что маркиз проводил коллективное лечение не вокруг baquet, как это делал Месмер, а вокруг магнетизированного им дерева. Этот метод Месмер использовал очень редко. Для Пюисегюра магнетизация дерева была научной

процедурой, но для крестьян дерево имело особенное значение и притягательность, что можно объяснить народными верованиями и обычаями. В монументальной работе «Фольклор Франции» Себильо[7] посвятил целую главу народным поверьям и ритуалам, касающимся деревьев.

> Себильо утверждает, что леса и священные деревья являлись самыми почитаемыми божествами древних галлов, и на протяжении многих веков христианские миссионеры и епископы сталкивались с огромными трудностями при попытках искоренения этого преклонения перед деревом. Древний культ, в конечном счете, исчез, но произошло это, скорее, из-за того, что леса вырубались для нужд сельского хозяйства, а вовсе не из-за религиозных запретов. Однако культ некоторых деревьев, хотя и в несколько измененном виде, сохранился и до сегодняшнего дня. Исследование, проведенное в 1854 году, показало, что только в департаменте Уазы существовало не менее 253 деревьев, у подножия которых совершались более или менее неофициальные обряды. Среди них было 74 вяза и 27 дубов. Кроме того, в те времена считалось, что некоторые деревья способны вершить правосудие, а многие другие наделены профилактической или терапевтической силой. На протяжении семнадцатого века и даже позднее больные люди часто привязывали себя к стволу какого-нибудь дерева при помощи веревки или других приспособлений, чтобы передать ему свою болезнь. Себильо перечисляет огромное количество других практик, некоторые из которых еще существовали к началу двадцатого века. В этом свете история о магнетизированном вязе в Бюзанси во многом теряет свой парадоксальный характер. Практика использования магнетизированных деревьев не исчезла после Пюисегюра, но, по-видимому, отступила на задний план. В учебнике по магнетизму Готье есть глава, посвященная этой теме. В ней указывается, что для магнетизирования подходят только определенные виды деревьев. Это те же породы, что почитались как священные в прошлом[8]. Одно из последних упоминаний о магнетическом дереве можно обнаружить в новелле Флобера «Бувар и Пекюше»[9], опубликованной уже после его смерти. Оба эксцентричных персонажа этой новеллы проводят лечебный сеанс вокруг магнетизированного грушевого дерева (что для информированного читателя было совершеннейшей глупостью, поскольку считалось, что ни одно фруктовое дерево не подходит для магнетизирования).

Как можно объяснить то, что одна и та же последовательность пассов вызывала у пациента криз, если она использовалась Месмером, и магнетический сон, если ее использовал Пюисегюр? Месмеру удалось вызвать бессчетное количество кризов у пациентов, но среди них не было почти ни одного случая магнетического сна. Однако начиная с 1784 года можно было насчитать тысячи случаев сомнамбулизма. От-

вет лежит в социальных условиях жизни пациента. Как мы уже видели, когда Месмер магнетизировал светскую даму, то совершенно естественной реакцией с ее стороны был криз, который воспроизводил один из ее старых приступов меланхолии. Когда магнетизировали крестьян или слуг, то выявлялся другой вид патологии, связанный с их социальным слоем. Однако почему же крестьянин Виктор демонстрировал столь неожиданные качества при погружении в магнетический сон? Ответ, без сомнения, можно обнаружить в своеобразных отношениях, которые в конце восемнадцатого века существовали между французскими дворянами и их крестьянами. Семья Рас жила на землях, принадлежавших Пюисегюрам в деревне Бюзанси, и служила им в течение многих поколений. Виконт де Буаздюлье, ныне живущий потомок маркиза де Пюисегюра, предоставил следующую информацию:

> Семья Рас была в услужении Пюисегюров на протяжении многих веков. На картине, изображающей охотничий пикник, организованный маршалом де Пюисегюром — дедом магнетизера — было два конюха, одним из которых являлся Рас; один из его потомков, Габриел, еще живущий сегодня, служил моей матери в качестве егеря в 1914 году[10].

В отчете, сделанном Пюисегюром о различных эпизодах, связанных с Виктором, мы заметим необычную смесь фамильярности и уважения, характер которой однако сильно отличался в зависимости от того, находился ли Виктор в состоянии бодрствования или магнетического сна. В последнем состоянии он демонстрировал не только большую живость и ум, но также много больше доверял маркизу, посвящая его в свои заботы и спрашивая совета. Он был совершенно откровенным и не воздерживался от критики ошибок маркиза, которые тот совершал при проведении магнетических сеансов.

Магнетическое лечение Виктора, проводимое Пюисегюром, показывает две замечательные характерные черты: одной из них является появление второй личности, менее заторможенной и более одаренной, чем нормальная; другая черта — характерная особенность диалога или даже сделки между магнетизером и магнетизируемым, часто придававшая видимость того, что «пациент как бы управляет терапией». Если внимательно изучить случай Виктора, так же как и другие примеры магнетического сна того времени, можно заметить, что магнетизируемые пациенты устанавливали собственный диагноз, предсказывали развитие болезни и часто прописывали собственное лечение или, по крайней мере, обсуждали методы лечения, предписанные магнетизером. Объяснение всех этих особенностей также можно обнаружить и в социальных условиях.

Гипноз определялся как квинтэссенция отношения зависимости между индивидами. Это означает подчинение воли одного человека другому и, скорее всего, происходит, когда имеется значительная психологическая и социальная дистанция между двумя индивидами: одним, наделенным властью и престижем, и другим, пассивным и подчиненным. В 1818 году врач Вирей так написал в одном критическом наблюдении:

> Именно лендлорды воздействуют на своих подчиненных, а не подданные на своих хозяев; по-видимому, магнетизм всегда работает сверху вниз, и никогда снизу вверх. Офицеры, с таким увлечением проводящие сеансы магнетизма в своих гарнизонах, без сомнения совершают чудеса с бедными солдатами, которые чувствуют себя очень польщенными тем, что маркизы, графы, рыцари желают проводить с ними подобные эксперименты[11].

То же самое происходило и в Бюзанси. Влияние Пюисегюра на своих подданных было огромно, потому что его предки управляли этими землями в течение веков и крестьяне всегда считали их своими полноправными хозяевами. Только таким образом мы можем представить то влияние, которое оказывал маркиз на своих подданных, понять его способность завоевывать их доверие и собирать вместе для лечения вокруг магнетизированного вяза. Его престиж, конечно, усиливался тем, что он был близок к королевскому двору, имел сильное войско и cabinet de physique, в котором проводил загадочные эксперименты.

Почему новая личность, которая появлялась во время магнетического сна, была более одаренной, чем нормальная? Здесь речь идет не об отдельном случае. Это также неоднократно наблюдалось при явлении одержимости, где «дух», якобы разговаривающий устами одержимого, проявляет себя более одаренной личностью, чем его «хозяин». Мюльманн указывает на то, что духи, которые вселяются в пациентов — жителей побежденных стран, имеют тенденцию говорить на языке завоевателя[12]. Часто сообщалось также, что загипнотизированные крестьянки-девушки и слуги стремятся говорить на более правильном языке, чем они говорят обычно. Это явление можно назвать идентификацией с более высоким социальным классом. Мы пришли к предположению, что подобная тенденция наблюдалась среди французских крестьян и слуг до Французской революции. Очень показательным является один эпизод из автобиографии мадам Ролан:

> Когда она была еще ребенком, мать взяла ее с собой в замок для каких-то дел, и там им предложили пообедать вместе со слугами. Они были просто поражены открытием, что существует другой мир, о котором они и не подозревали. Служанки в одежде и манерах поведения копировали хозяек,

а слуги-мужчины также старались подражать своим господам, беспрестанно говоря о маркизах, графах и других высокопоставленных людях, чьи дела они обсуждали, как будто были осведомлены об этом. Посуда и сервировка имела много общего с тем, что было у их хозяев, а еда сопровождалась играми, в которых на карту, в лучших аристократических традициях, ставились довольно значительные суммы денег[13].

Пюисегюру не было известно, что у Виктора глубоко в сознании лежало стремление во всем походить на хозяина, или, говоря современным языком, желание отождествиться с ним. Именно социальные взаимоотношения между хозяином и слугой могли объяснить то, почему гипнотическое лечение Виктора Пюисегюром приняло своеобразную форму торга, характерную для того времени, которая постепенно исчезла после революции.

Социологическое значение метода магнетического лечения Пюисегюра хорошо проиллюстрировано в медицинских отчетах, которые велись в Страсбурге с 1786 по 1788 год. Известно, что маркиз основал в августе 1785 года ставшее преуспевающим отделение Общества Гармонии и что в Эльзасе было открыто несколько лечебных центров, находившихся под его наблюдением. Эти отчеты представляют особый интерес, поскольку в каждой истории болезни указывалось имя, положение и профессия магнетизера и, кроме того, в них часто содержались данные о пациенте. В книге, опубликованной в 1787 году, содержатся отчеты о 82 случаях излечения, 52 из которых провели лица дворянского сословия: барон Клинглин д'Ессе — 26; барон де Рейч — 13; граф де Лютзельбург — 6; Флашон де ля Жомарье — 6; барон де Дампьер — 1; барон Креок — 1[14]. Отчет, опубликованный в 1778 году, описывает 104 случая излечения; имена магнетизеров указаны в 95 случаях (из них 56 были дворянами)[15]. Большую часть пациентов, чей род занятий занесен в отчет, составляют крестьяне, ремесленники и слуги (работающие в основном в семьях буржуазии или аристократов).

Новая школа животного магнетизма, появившаяся после правления Наполеона, во многих отношениях отличалась от школ первых двух периодов. Это изменение можно понять в свете социального переворота, вызванного Французской революцией, следствием чего было ниспровержение аристократии и возвышение буржуазии. Несколько дворян среди магнетизеров Франции все еще осталось, но они, как правило, подобно барону дю Поте, были потомками разорившихся семей. Эту профессию все больше и больше осваивали буржуа. Каким бы ни было их социальное происхождение, теперь магнетизеры были вынуждены зарабатывать себе на жизнь. Этим легко объясняется то, почему закончился период бесплатного лечения. С переходом в середине века от магнетизма к гипнотизму

авторитарная структура усилилась. Baquet и магнетизированное дерево более не использовали. Пациент направлял, указывал, и метод сговора уступил технике указаний и приказов, отдаваемых под гипнозом. К концу века подобную процедуру стали идентифицировать с самим гипнотизмом. В основном, гипнотизерами были представители высшего класса и средней буржуазии, а их пациентами, по большей части, — рабочие, солдаты и крестьяне. Буржуазный характер, обретенный гипнотизмом, вероятно, может объяснить более рациональный и систематический подход, который усвоили теоретический и дидактический аспекты гипнотизма. Но, как мы увидим в дальнейшем, изменения, произошедшие в социальной сфере, способствовали приходу других видов психотерапии.

К тому времени стали появляться новые движущие силы экономического и политического характера, которые мы кратко рассмотрим, чтобы проследить их влияние на развитие динамической психиатрии.

Экономические и политические предпосылки

Наряду с социальными факторами, изменения в жизнь того времени привнесли и сильные экономические и политические факторы. Здесь прежде всего необходимо указать на промышленную революцию и на стремление народов к национальной независимости.

Промышленная революция — рождение и развитие крупной промышленности — произошла в Англии между 1760 и 1830 годами[16]. Благодаря новым, усовершенствованным машинам, использующим природные и искусственные источники энергии (вода, пар, электричество), чрезвычайно возрос уровень производительности, при этом потребность в рабочей силе оставалась прежней. Традиционные цеха постепенно исчезли, и возникло новое направление экономической жизни, сосредоточенное вокруг концепции прибыли. Это обусловило возникновение широкой экономической конкуренции, постепенно превратившей мир в гигантский рынок, за который энергично боролись крупные производители разных стран. Наряду с этим произошло расширение и развитие системы транспортных сообщений, что, в свою очередь, привело к возникновению новых рынков. Повсюду создавались новые заводы, и это побуждало крестьян покидать деревни, вызывая сильную урбанизацию и пролетаризацию масс, серьезные социальные проблемы и подъем социализма. Одновременно быстрое увеличение численности населения в Европе сопровождалось широкой эмиграцией в Северную Америку и заокеанские страны. «Границы» всего мира (за исключением России и Турции) открылись взору и власти белого человека, который пришел либо как поселенец, осваивающий новые территории, либо как колонист, либо как торговец, эксплуатирующий страны и их народы[17].

В качестве основного аспекта политической жизни выступила тенденция к установлению национальных государств. На руинах феодализма и старой мечты о европейском единстве под эгидой папы и императора медленно вырастал ряд национальных государственных объединений. К концу восемнадцатого века Испания, Англия и Франция объединились внутри себя в национальные государства, в то время как Италия и Германия все еще разделялись на маленькие суверенные государства, а австрийская монархия оставалась огромным конгломератом людей под правлением Габсбургов. Поскольку власть Наполеона настроила против него народы Европы, повсюду чувствовалось возрождение национального духа, и это движение продолжалось и после падения императора[18]. Многие народы, бывшие под иностранным господством, осознали свою национальную принадлежность, которая была близко связана с их родным языком. Был провозглашен принцип, что каждая нация имеет право устанавливать собственное национальное государство. Поскольку нация отождествлялась с языком, то по Центральной и Юго-Восточной Европе прокатились ожесточенные лингвистические войны.

Эта ситуация оказала сильнейшее влияние на науку и культуру. На протяжении многих веков общепринятым языком церкви, правительства и университетов во всей Европе была латынь. Конец ее господствующему положению, которое уже оспаривала Реформация, был положен подъемом национального самосознания. Однако до 1840-х годов латынь, к примеру, все еще оставалась официальным языком парламента, государственных учреждений Венгрии, да и вообще от каждого культурного человека в Западной Европе требовалось свободное владение этим языком[19]. Но в большинстве стран ученые уже начали использовать собственные национальные языки, и после начала Французской революции употребление латыни быстро сошло на нет.

Причину того, что латынь перестала существовать как интернациональный европейский язык, нельзя объяснить одной только ее научной несостоятельностью. Ньютон, Гарвей и Линней публиковали свои открытия на латыни. Мах высказал предположение, что причиной тому является желание дворянства наслаждаться плодами литературы и науки, не изучая этот сложный язык[20]. Кондорсе заявил, что когда французские ученые начнут использовать национальный язык для публикации своих трудов, их работы перестанут оставаться недоступными для рядового француза. Изучение же иностранных языков он считал делом специалистов[21]. Когда элита станет использовать национальный язык для философских и научных целей, говорил Кондорсе, последний неизбежно будет обогащаться и совершенствоваться. Это, в свою очередь, даст людям возможность распоряжаться более совершенным лингви-

стическим инструментом и вместе с тем облегчит доступ ко всемирной культуре. Без сомнения, именно отказ от латыни и принятие национального языка дали сильнейший толчок развитию наук (таких, как психология и психиатрия) в западноевропейских странах. Стремление науки быть менее универсальной, чем прежде, стало национальным интересом, а иногда даже служило и политическим оружием.

Культурные предпосылки: Просвещение

История западной цивилизации в значительной степени остается историей нескольких великих культурных течений, таких, как Ренессанс, Барокко, Просвещение и Романтизм, которые последовательно сменяли друг друга с конца эпохи Средневековья до девятнадцатого века. Каждое из них имело не только специфические особенности в области философии, литературы, искусства и науки, но предполагало новый стиль жизни и достигло вершины в формировании образа идеального человека[22]. Каждое течение зародилось в отдельной стране, и ему были присущи ее национальные черты (Ренессансу и Барокко — в Италии, Просвещению — во Франции, Романтизму — в Германии). И постепенно все они распространялись дальше по Европе. Эти течения (так же как и другие, менее известные) нельзя поставить в жесткие хронологические рамки; они медленно кочевали из одной страны в другую и частично перекрывали друг друга.

Ренессанс развивался в Италии на протяжении четырнадцатого, пятнадцатого и начала шестнадцатого веков. Он пышно расцвел при дворах принцев и в городах-государствах в период напряженных войн, когда поднимающаяся буржуазия начинала подрывать устои феодализма. В шестнадцатом веке он проник во Францию и другие страны. Основной характеристикой Ренессанса был страстный интерес к древнегреческой и римской культурам, — не только в качестве источника информации и различных учений, но как к модели жизни, ассоциировавшейся с появлением осознанной человеческой личности, представлявшей свою сущность и место во Вселенной[23]. В искусстве Ренессанс обусловил стремление к идеалу совершенных пропорций в статической форме. В это время были открыты законы перспективы, и их важность всячески подчеркивалась. Идеальным типом человека, по описанию Бальдассаре Кастильоне, был дворянин по происхождению, совершенный физически, имеющий утонченное образование, включающее изучение искусства, музыки и литературы, сочетающий чувство собственного достоинства с непринужденностью и благородством манер и мало интересующийся религией. Эпоха Ренессанса возвеличила образ искусного политика, великого гения и выдающегося ученого[24]. С того

времени вплоть до конца девятнадцатого века считалось естественным, что образованному человеку следует обладать превосходным знанием латинского и греческого языков и литературы, так же как и современных классических произведений, написанных на родном языке. По этой причине трудно понять таких людей, как Жане, Фрейд и Юнг, без учета того, что они с детства были погружены в атмосферу классической культуры, которой и проникнуто все их творчество. Негативным аспектом Ренессанса было презрение по отношению к простонародью, необразованным людям и всяческим «глупцам». Но в то же время возник огромный интерес к душевным болезням и, как мы уже видели, к многообразным проявлениям, приписываемым этой специфической особенности разума, imaginatio. Изучение воображения, унаследованное от Ренессанса последующими поколениями, и стало основным источником ранней динамической психиатрии.

К моменту рождения динамической психиатрии эпоха Ренессанса уже закончилась, а следующее культурное течение — Барокко — еще расцветало в Испании и Австрии. Развитие Барокко было связано с усилением централизованной власти, при которой монарх стремился сплотить вокруг себя дворянство и буржуазию. Поиски совершенной картины устройства мира в греческой и римской античности закончились. Кумирами стали идеализированные фигуры великих монархов (таких, как король Испании или французский Roi-Soleil (король-солнце)) в могущественных империях, где они лично устанавливали церемониалы, моду на одежду и украшения. Это было также связано с движением контрреформации. В искусстве на смену статичному и абсолютно пропорциональному идеалу эпохи Ренессанса стиль Барокко привнес динамичность и эмоциональность образов, стремление к величию и пышности. Эти качества часто перерастали в преувеличение, диспропорцию и чрезмерное украшательство. Идеальный человек, по описанию Бальтазара Грасиана, — это человек дворянского происхождения, прекрасно образованный, для которого религия и честь являются священными понятиями. Он прежде всего стремится к внутреннему благородству, хотя и любит его демонстрировать. Это — «человек, обладающий совершенными качествами и добивающийся успеха во всем»[25]. В литературе Барокко, часто написанной высокопарным стилем, преобладали истории о героях, которые сталкивались лицом к лицу с невероятными трудностями и препятствиями и служили пешками в руках судьбы. Эпоха Барокко была периодом великих философских построений и открытий во всех отраслях науки. Согласно Зигеристу, характерным примером стремления Барокко к движению и развитию стало открытие в медицине циркуляции крови, которое сделал Гарвей, а также его исследования в области эмбриологии[26]. В психиатрии наблюдалась тенденция

к построению систем и разработке классификаций. К сожалению, эпоха Барокко была одним из наиболее мрачных периодов в истории охоты на ведьм на почве религиозных предрассудков об одержимости дьяволом. Рождение динамической психиатрии в конце восемнадцатого века можно понять, только проследив культурные и исторические изменения, которые сопровождали закат эпохи Барокко и триумф Просвещения. Как мы видели, символом нового времени стал спор, произошедший в 1775 году между Гасснером, истово верующим священником и убежденным экзорсистом, и Месмером, просвещенным любителем и будущим ученым.

Третье великое культурное течение, Просвещение, по определению Трольцша, представляло собой «духовное направление, которое привело к секуляризации мысли и государства»[27]. Согласно хорошо известному определению Канта:

> Просвещение есть выход человека из своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны другого. Несовершеннолетие по собственной вине заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! Имей мужество пользоваться собственным разумом — таков, следовательно, девиз Просвещения[28].

Просвещение, становление которого было тесно связано с ростом и консолидацией буржуазии, зародилось во Франции около 1730 года, быстро распространилось в Англии и Германии и достигло высшей точки развития около 1785 года. В каждой из этих стран оно приняло различные формы. Во Франции основным стало политическое (в меньшей степени антирелигиозное) направление. В Англии особый интерес вызывали экономические преобразования. В Германии экономические реформы сдерживались рамками государственной религии. Кронпринцы восприняли идею Просвещения в форме просвещенного деспотизма, типичным представителем которого был Фридрих II, король Пруссии. Несмотря на свой деспотизм, он провозгласил себя первым слугой народа в противовес типичному правителю эпохи Барокко, Людовику XIV, который заявлял: «Государство — это Я» (L'état, c'est moi). В Европе повсеместно воцарилась глубокая уверенность, что человечество после крайне долгого периода невежества и рабской зависимости достигнет, в конечном счете, «просветления» и сможет под контролем разума двигаться к неограниченному прогрессу в будущем[29]. Самой фундаментальной чертой Просвещения был культ разума, который

рассматривался как незыблемая универсальная реальность, доступная людям всех возрастов и национальностей. Разум противопоставлялся невежеству, заблуждениям, предрассудкам, предубеждениям, навязанным вероисповеданиям, тирании правителей и аберрациям фантазии. Следствием подобных представлений стало понятие о том, что человек является социальным существом и общество создано для него. В свете этой концепции идеальный человек принадлежит к классу аристократии или буржуазии и в жизни руководствуется требованиями разумности и общественной полезности. Во Франции его фигуру олицетворял honette homme (честный человек), добропорядочный гражданин. В Англии такой человек представлялся более социально активным и обеспокоенным экономическими проблемами. Философия эпохи Просвещения была оптимистичной и практичной. Она провозглашала, что наука может и должна служить на благо человечества. Прогресс понимался не только в материальном смысле, но рассматривался как качественное и моральное развитие, предполагающее социальные реформы. Еще одной чертой Просвещения было глубокое убеждение в значимости образования.

В эпоху Просвещения в науке исчез принцип авторитета. Анализ, до этого применявшийся только в математике, стали использовать в других отраслях знания, включая изучение человеческого разума, общества и политики. Психология пробовала анализировать базовые элементы человеческой психики: ощущения и ассоциации, чтобы затем посредством синтеза воссоздать всю психическую структуру. Ученые, например Руссо, пытались представить подобным образом развитие общества. Была предложена теория «общественного договора» — учение о возникновении государства и права в результате сознательно заключенного соглашения между людьми. До этого момента прогресс в науке осуществлялся в основном за счет индивидуальной научной деятельности каждого из известных ученых. Последние были оторваны друг от друга, но поддерживали между собой оживленную переписку. Просвещение способствовало созданию сети научных обществ, которые опубликовывали результаты своей работы. Члены этих обществ, часто состоявших из любителей-энтузиастов от науки, считали своей обязанностью посещать общие собрания и докладывать о своих открытиях.

Рационализм, практичность и оптимизм эпохи Просвещения объединились в заботе о реформах и помощи всем людям как равным членам одной великой семьи. Во времена Просвещения был провозглашен принцип свободы вероисповедания и взаимной терпимости представителей одной веры по отношению к другой, как было проиллюстрировано Лессингом в знаменитой драматической поэме «Натан Мудрый» (Nathan der Weise, 1779 год). Этот принцип подразумевал независимость проте-

стантов в католических странах и католиков в странах протестантских, а евреев — по всей территории Европы. Среди христиан развернулось движение за свободное положение евреев, а у евреев появились общества, которые боролись против неукоснительного соблюдения правил поведения и образа жизни, налагаемых традициями иудейского вероисповедания[30]. Движение за отмену крепостничества и рабства также берет свое начало в эпохе Просвещения. Среди протестантов развивалось направление, называемое рационализмом, суть которого была хорошо определена в заглавии трактата Канта «Религия в пределах только разума», где акцент делался, скорее, на элементе разума в вере, чем на слепом соблюдении традиций или мистическом elan (порыве)[31]. Были предприняты попытки обнаружить рациональные объяснения для загадочных происшествий и вещей (то есть найти предположительно научные толкования библейских чудес). Роскофф показал, что под влиянием идей эпохи Просвещения в религиозных кругах мало-помалу исчезала вера в дьявола, что частично объясняет постепенное уменьшение количества судебных процессов по обвинению в ведовстве[32]. В эпоху Просвещения начали бороться против пыток и других ужасных телесных наказаний, которые все еще применялись правосудием. Движение в направлении судебных и уголовных реформ было проиллюстрировано известным трактатом Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (Dei Delitti e delle Pene, 1764 год), а также благотворительной деятельностью Ховарда по улучшению состояний тюрем и больниц.

Об огромном воздействии идей Просвещения на медицину вообще мало известно[33]. Было положено начало таким направлениям, как педиатрия, ортопедия, общественная гигиена и профилактика заболеваний, в том числе оспы, которую осуществляли, делая прививки населению. Эпоха Просвещения оказала значительное влияние и на психиатрию, начиная с ее секуляризации. Многие симптомы, ранее рассматриваемые как действие черной магии или одержимости, стали считать проявлениями душевных болезней. Прилагались усилия к тому, чтобы объяснить эти болезни с научной точки зрения. Быстрое развитие механики и физики подстегнуло к принятию механистических моделей в физиологии и сведению психической жизни человека к деятельности нервной системы. Поскольку во всех случаях главная роль отводилась способности к разумному мышлению, то все душевные болезни рассматривались, по существу, как расстройства разума. Считалось, что причинами здесь выступают либо какие-то физические повреждения, особенно повреждения мозга, либо последствия неконтролируемых эмоций. Таким образом, представители эпохи Просвещения обучали принципам, которые мы могли бы назвать душевной гигиеной, принципам, основанным на тренировке воли и подчинении страстей разуму.

Сам Кант в одной из книг написал главу, называвшуюся «О власти разума, который является хозяином болезненных ощущений в результате простого решения», где он описывает правила по преодолению бессонницы, ипохондрии и разнообразных физических недомоганий при помощи соблюдения надлежащей диеты, правильного дыхания и, особенно, путем систематической работы, чередующейся с полной релаксацией и выработкой полезных привычек, в значительной степени усовершенствованных частыми и осознанными волевыми решениями[34]. Доказательством того, что в эпоху Просвещения появился интерес к душевным болезням, стало все возрастающее количество трактатов, посвященных этой теме, которые были опубликованы во второй половине восемнадцатого века. Некоторые из них уже отличались определенным сходством с современными учебниками. Но самым важным было то, что во времена Просвещения были предприняты первые попытки, направленные на преобразование клиник для душевнобольных, — начинание, которое к концу века завершили ученые, являвшиеся самыми типичными представителями эпохи Просвещения: Чьяруджи (Chiarugi), Тюк (Тике), Даке (Daquin) и Пинель. Вообще проблема душевнобольных пациентов в тот период вышла за пределы медицинского мира. Некоторые люди, такие, как Оберлан, пастор из Алзатьяна, приводили этих больных к себе домой и лечили посредством чередования поддерживающей терапии и трудотерапии[35]. Именно дух Просвещения вдохновил Итара (Itard) на разработку специальных программ обучения умственно отсталых детей, аббата де Л'Эпе (Abbe de L'Epee) — глухонемых, а Хойу (Hauy) — слепых.

Историческое и культурное значение Просвещения трудно переоценить: современная западная цивилизация выросла на идеях той эпохи. Принципы свободы вероисповедания, мысли и слова, принципы социальной справедливости, социального государства, понятие общественного благосостояния как нормы, а не акта милости со стороны государства, принцип обязательного и свободного образования и позитивные достижения революций в Америке и во Франции — все это зародилось в эпоху Просвещения, так же как и основа современной психиатрии.

Но у этого периода, помимо всего прочего, есть и негативные стороны. Просвещение стремилось уравнять всех людей, и на этом фоне их физические и умственные способности недооценивались, не учитывались и культурные традиции. Эта позиция привела к одностороннему пониманию эмоций, которые рассматривались как нарушение рационального мышления без права на собственное существование. Хотя и развивалась историческая методология, недоставало исторической перспективы. Несмотря на то, что превыше всего ставился разум, он не

был достаточно критичным, а наука все еще оставалась на той стадии развития, которую Башляр охарактеризовал как донаучную[36]. У многих ученых того времени можно обнаружить любопытную смесь рационализма и противоречащих здравому смыслу предположений. Огромное количество подобных псевдогипотез, например, существовало в области естественных наук. Открытие Ньютоном закона всемирного тяготения захватило воображение ученых, которые продолжали изучение универсальных природных сил: огня, флогистона, электричества и даже животного магнетизма. Еще одним распространенным занятием было исследование «первобытного мира», предположительно существовавшего в период зарождения человечества, мира, наделенного высочайшим знанием и непостижимой мудростью. Полагали, что он был разрушен в результате какой-то катастрофы, но отдельные сохранившиеся элементы его знаний тайно передавались из рук в руки несколькими посвященными мудрецами. Некоторые считали, что «первобытный мир» находился в затонувшей Атлантиде, другие — в Центральной Азии. Буланже утверждал, что человеческую цивилизацию разрушали несколько раз, но каждый раз горстка людей, оставшихся в живых, восстанавливала ее заново. Самой недавней такой катастрофой, говорил он, стал Всемирный потоп, мучительные воспоминания о котором подавлялись человечеством. Но они оживали в многочисленных мифах всех народов мира, и Буланже пытался расшифровать их (христианский баптизм, например, являлся для него символическим напоминанием о водах библейского потопа)[37]. Согласно другому предположению, ушедшая под воду мудрость «первобытного мира» была записана в виде не поддающихся расшифровке иероглифов и хранилась в Древнем Египте. В своем романе «Сет» аббат Террасой описывал жизнь египетских мудрецов и их таинственные обряды[38]. Предполагалось, что масонские ритуалы воспроизводят некоторые из тех таинственных церемоний. Антуан Кур де Гебелен опубликовал серию великолепных книг, где в мельчайших деталях воссоздавалась картина «первобытного мира». По материалам, извлеченным из греческих и других мифов, и даже с помощью анализа современных языков автор попытался восстановить праязык человечества[39]. Характерно, что Кур де Гебелен стал восторженным последователем Месмера, и многие верили, что Месмер вновь открыл один из секретов «первобытного мира».

Таким образом, можно допустить, что рождение динамической психиатрии стало результатом проявлений как рациональных, так и иррациональных аспектов эпохи Просвещения. По сути, Месмер был одним из представителей этого периода. Он считал себя ученым, который продолжает развивать науку там, где Ньютон оказался бессилен. Поверхностные знания физики привели его к созданию физических

теорий, столь же умозрительных, как и теории многочисленных физиков-любителей, хотя идеи, лежащие в их основе, заставили многих современников признать, что Месмер действительно является ученым. Деятельность Пюисегюра и членов Общества Гармонии представляла собой благотворительное направление, которое стремилось предоставить открытия науки и их блага в распоряжение всего человечества и не допускать того, чтобы ими пользовались только те, кто может себе это позволить. В Эльзасе Общество Гармонии открыло ряд бесплатных кабинетов для всех, кто испытывал потребность в магнетизации. (Насколько нам известно, это первый зафиксированный пример действительно бесплатного психиатрического лечения неимущих.)

Таким образом, мы видим, что магнетизм стал продуктом эпохи Просвещения. По иронии судьбы представители следующего культурного течения, Романтизма, вскоре восприняли и переосмыслили его в совершенно другом направлении. Противостояние и взаимодействие Просвещения и Романтизма можно проследить на протяжении всей истории динамической психиатрии, от Месмера до наших дней. Как видно из последующих глав, истоки концепции Жане определенно берут начало в эпохе Просвещения, в то время как Фрейда и Юнга можно воспринимать как последних эпигонов Романтизма.

Культурные предпосылки: Романтизм

Романтизм зародился в Германии и достиг своего наивысшего развития между 1800 и 1830 годами, а затем стал медленно угасать, несмотря на то, что распространился во Франции, Англии и других странах. Его влияние было настолько сильным, что вся культурная жизнь Европы девятнадцатого века носила на себе отпечаток идей Романтизма. В строгом смысле слова, Романтизм можно обозначить как культурное течение, которое в начале девятнадцатого века развивали несколько небольших и разрозненных групп поэтов, художников и философов. В широком смысле — это направление, затронувшее все сферы жизни и имевшее свои характерные черты и особенности[40].

Возникновение Романтизма часто рассматривают как культурную реакцию на идеи Просвещения. В то время как во времена последнего главными ценностями объявили разум и общество, Романтизм возвел в культ иррациональность и индивидуальность. Мистические течения, которые в эпоху Просвещения отошли на задний план, теперь вновь возродились. Политическая теория рассматривала Романтизм как движение национального обновления в соответствии с принципом национальной самоидентификации. По сравнению с другими странами, самым сильным это движение было в Германии, что объясняется небла-

гоприятными политическими обстоятельствами, которые существовали там на протяжении нескольких веков. Германия пострадала от Тридцатилетней войны, была доведена до полного политического бессилия Ришелье, Людовиком XIV и Наполеоном, и состояла из многочисленных крохотных суверенных государств, являясь, таким образом, нацией без единого государства. Ее язык и культура также подвергались опасности чрезмерного иностранного влияния. Романтизм вернул Германии чувство собственной национальной принадлежности, способствуя, таким образом, политической реновации. Бруншвиг обнаружил зависимость между подъемом Романтизма и демографическим неравновесием в Германии конца восемнадцатого века[41]. Численность городского населения необычайно возросла, и новое поколение молодых буржуа и интеллектуалов, лишенное возможности делать карьеру и представлявшее свое будущее в самых мрачных красках, усвоило иррациональное умонастроение, присущее Романтизму. Обратив свои мысли и взоры к далекому прошлому или будущему, эта часть общества пребывала в постоянном ожидании чуда во всех сферах жизни: религии, медицине, любви, повседневных занятиях.

Какими бы ни оказывались объяснения причин возникновения Романтизма, он обладает несколькими характерными чертами.

1. Прежде всего это было глубокое понимание природы, в отличие от Просвещения, где в центре внимания находился Человек. Последнее нашло свое выражение в часто приводившихся строках Поупа «Истинным предметом в изучении человечества является Человек». Представители Романтизма наблюдали за природой с глубоким благоговением, с Einfühlung (сопереживанием, эмпатией), со страстным желанием постичь ее сущность, чтобы понять, какие отношения действительно связывают людей с природой. Такое понимание природы отразилось как в романтической лирической поэзии, так и в научных концепциях философии природы. Идеи Романтизма проникли даже в область физиологии, где появился интерес к ритмам и циклам жизнедеятельности человеческого организма и их взаимосвязи с космическими процессами.

2. Последователи Романтизма пытались заглянуть за границы видимой природы, в тайны ее «основания» (Grund), которое — по их предположению — являлось и основанием души человека. Средством достижения этого «основания» был не только разум, но также Gemut — наиболее непосредственное течение эмоциональной жизни («чистые» эмоции). Это обусловило возникновение интереса романтиков ко всем проявлениям бессознательного начала: сновидениям, врожденным способностям или задаткам гениальности, душевным болезням, парапсихологии, скрытым силам судьбы и психологии животных. С этого времени стали заниматься изучением народных сказаний и фольклора, и среди

прочего, проявлениями спонтанных идей у общепризнанных «властителей дум». Этим объясняется и энтузиазм по отношению к магнетизму. Указанный принцип «основания», называемый также ночной стороной Природы, содержал в себе универсальные символы, так же как и семена всех природных вещей и проявлений. Некоторые мыслители предприняли систематическое изучение мифов и символов; среди них Кристиан Готтлиб Гейне, Фридрих Шлегель, Кройзер и Шеллинг, для которых мифы были не просто историческими ошибками или абстрактными понятиями, а действительно существующими силами и реальностями.

3. Третьей характеристикой было чувство «становления» или «возникновения» (Werden). В то время как основным принципом Просвещения была непоколебимая вера в вечный разум и его проявление в форме прогресса человечества, представители Романтизма придерживались того мнения, что все живое имеет единые изначальные принципы, которые присущи как индивидам, так и обществам, нациям, языкам и культурам. Человеческая жизнь — это не просто долгий период взросления, следующий за коротким периодом детства, а самопроизвольный процесс развития, ряд «превращений» (metamorphoses) (которые К. Г. Юнг впоследствии назвал индивидуацией). Излюбленным жанром в литературе того времени стал «Bildungsroman» (дословно «Образовательный роман») — произведение в форме новелл, где описывался процесс интеллектуального и эмоционального развития индивида. Подобный жанр, вероятно, вдохновил психиатров записывать истории болезни пациентов, принимая во внимание все, что происходило с ними на протяжении всей жизни.

4. Романтизм имел отношение к конкретным нациям и цивилизациям, а не к обществу в широком смысле. В Германии не только восстановили свой немецкий язык и собственную культуру, но и начали с энтузиазмом изучать другие языковые культуры: фольклор, народные сказания, мифы, литературу и философию. Глубина их проникновения (Einfühlung) в суть других культур хорошо продемонстрирована тем удивительным совершенством, с которым последователи Романтизма переводили произведения иностранных авторов. В этом особенно преуспели романтические поэты, сделавшие настолько блестящий перевод Шекспира, что он стал «национальным» поэтом Германии. Фридрих Шлегель провозгласил: «Истинно свободный и образованный человек должен уметь по желанию сам настраивать себя на любой лад: философский или филологический, критический или поэтический, исторический или риторический, акцентироваться на древности или на современности, и делать это так же, как настраивают музыкальный инструмент»[42]. Новалис полагал, что «совершенный человек должен жить одновременно в нескольких местах и в нескольких людях»[43].

5. Романтизм принес новое понимание истории, которое заключалось в попытках представить, что же в действительности происходило в те времена, в стремлении «почувствовать» дух ушедших столетий. Романтизм достигал состояния «проникновения» (Einfiihlung) в любой возможный период истории, за исключением Просвещения. Но особое предпочтение отдавалось временам Средневековья, интерес к которому во многом походил на тот, что появился в эпоху Ренессанса по отношению к античности.

6. В отличие от Просвещения, в период Романтизма понятие «личность» приобрело особое звучание. В 1880 году Шлейермахер[44] в «Монологах» подчеркивает уникальность каждого индивида. Представлениям о личности пронизаны все учения того времени. Типичная романтическая концепция Weltanschauung (мировоззрение) указывает особенный путь понимания мира в отношении нации, какого-либо исторического периода или индивида. Согласно Максу Шелеру, это слово было введено Вильгельмом фон Гумбольдтом, который утверждал, что на определенном этапе наука всегда бессознательно детерминирована своим базовым суждением о мире (Weltanschauung)[45]. В то время как в эпоху Просвещения склонялись к тому, чтобы рассматривать общество как более или менее добровольный, если не искусственный продукт человеческого желания или социального договора, во времена Романтизма полагали, что общественная жизнь заложена в человеке от природы и независима от его воли. Последователи идей Романтизма часто работали и жили вместе в неформальной среде как приятели, братья или сестры, или небольшими группами единомышленников и периодически собирались, чтобы обмениваться мнениями и идеями. В отношениях между полами последователи идей Романтизма превыше всего ставили эмоциональную и духовную сторону жизни и испытывали неприязнь к идее «разумного брака», провозглашенного во времена Просвещения. В 1799 году Фридрих Шлегель вызвал много разговоров вокруг автобиографического романа «Люцинда» (Lucinde)[46], где он возвеличивал понятие длительной любви — любви романтической — и рассматривал ее как слияние физического влечения и духовной близости. Новалис высказал мнение, что любовь должна указать «способ, как стать совершенным самому и помочь в достижении совершенства своей возлюбленной»[47]. Как мы увидим в дальнейшем, эта концепция предвосхитила теорию К. Г. Юнга.

Как и в предшествующих культурных направлениях, в эпоху Романтизма также сформировался образ Человека идеального типа. Его основными чертами были крайняя чувствительность, дающая возможность «проникать» в тайны природы и «чувствовать» совместно с другими людьми, богатая внутренняя жизнь, вера в силу вдохновения,

интуиции и спонтанности, и эмоциональная жизнь, значение которой было огромно. Романтиков иногда критикуют за склонность к чрезмерной, хотя и естественной, восторженности и сентиментальности. Но Фридрих Шлегель и ранние романтики указывали на достоинство «иронии» в романтическом смысле, на беспристрастное отношение к собственным чувствам, какими бы сокровенными они ни были[48]. Нередко случалось, что романтически настроенных мужчин и женщин поражала болезнь, которую Шлегель описал в упомянутом романе «Люцинда» — а именно, страстное желание (Sehnsucht), тоска по чему-то неопределенному и необычному. Герой романа постоянно пребывает в состоянии беспокойства, бесцельного блуждания и ведет беспорядочную жизнь, которая доводит его в конце концов до полного изнеможения. Многие романтики в действительности слыли людьми неуравновешенными и страдали от отсутствия самодисциплины. Отдавая все таланты импровизации и беседам, они не доводили до конца многие свои начинания. Некоторые умирали преждевременно либо от физической болезни, как Новалис, либо от душевного расстройства, подобно Гёльдерлину, либо кончая жизнь самоубийством, как это сделал Генрих Клейст. Романтическая болезнь появилась также в Англии и Франции и стала темой для блестящих литературных описаний, сделанных Шатобрианом и Альфредом де Мюссе.

Когда мы говорим о Романтизме, то обычно вспоминаем о его вкладе в литературу, музыку и искусство. Но в Германии идеи Романтизма также проникли в философию, науку и медицину. Поскольку это оказало особенное влияние на дальнейшее развитие динамической психиатрии, следует кратко рассмотреть значение Романтизма в этой сфере.

Философия природы и романтическая философия

Отдельным направлением, отпочковавшимся от немецкого Романтизма, стала особая школа мышления, натурфилософия или философия природы, основателем которой был философ Фридрих Вильгельм фон Шеллинг (1775–1854). Среди последователей этой школы были как ученые, так и философы[49].

Отправной точкой философии Шеллинга являлось утверждение о том, что и природа, и дух происходят из абсолюта и пребывают в неразрывном единстве. «Природа есть видимый Дух, Дух есть невидимая природа». Следовательно, природу нельзя рассматривать только в терминах механистической и физической концепций, а нужно понимать на языке основных духовных законов, которые и старалась разъяснить философия природы. В видимой природе органический и зримый мир

проистекают из общих духовных принципов, мировой Души (Weltseele), которая вне себя и через ряд поколений последовательно производит материю, живую природу и сознание в человеке. Органическая природа и многочисленные вариации живого мира различаются по степени совершенства, но они подчиняются тем же самым законам. Следовательно, законы, управляющие каждой из этих вариаций, можно открыть посредством исследования другой вариации и использования аналогии, которая является волшебной палочкой романтической философии. Одним из основных принципов натурфилософии является сущностное единство человека и природы. Человеческая жизнь рассматривается как участие в неком космическом движении, протекающем в природе. Вселенная представляет собой организованное целое, в котором все элементы взаимосвязаны друг с другом отношением симпатии[50]. Отсюда интерес, проявленный представителями философии природы к теории животного магнетизма Месмера, который они интерпретировали в соответствии с собственными теориями.

Еще одним базовым принципом философии природы является «закон противоположностей», пары противодействующих и дополняющих сил, которые могут объединяться в индифферентной форме. Этими силами, согласно Шеллингу, являются противоположные стороны природы, такие, например, как день и ночь, действие и материя, сила тяжести и невесомость. Огромное значение, выходящее за границы животного мира, придавалось различию между мужским и женским началом. Шеллинг и его последователи пытались найти эти противоположности во всем. Научные работы по химии были написаны в рамках представлений о полярности кислоты и щелочи. Протекание физиологических процессов в организме человека, таких, как сон и бодрствование, деятельность вегетативной и животной сферы (Рейль), работа мозга и ганглионарной системы (фон Шуберт)[51], также трактовались в свете теории противоположностей. Противоположности часто понимали как динамическое взаимодействие антагонистических сил. Физиолог Огюст Винкельман[52] в свое работе «Введение в динамическую физиологию» (1802) утверждал, что «природа представляет собой борьбу сил, конфликт между положительной и отрицательной силой». Он разработал целую теорию динамической физиологии, основываясь на концепции конфликтующих противоположностей, таких, как нервная система и кровообращение.

Еще одним базовым понятием романтической философии было учение о первичных явлениях (Urphänomene) и серии преобразований, осуществляемых в процессе их развития. Гете, во многом опередивший методы познания философии природы, применял последние для исследования изменений, происходивших с растениями[53]. Слово «изменение» (metamorphosis) в том виде, как его использовал Гете, обо-

значает не материальную трансформацию, заметную наблюдателю, не чистую абстракцию, а предполагаемую перемену в «образующей силе» (по определению Агнес Арбе)[54]. Исходя из этого, Гете видел в Urpflanze (первичное растение) модель для всех растений, где до некоторой степени присутствует каждый ботанический вид. Довольно любопытно, что Гете поверил в существование Urpflanze и начал соответствующие исследования, хотя в представлении о первичных явлениях его фактическое существование не признавалось необходимым. То, что К.Г. Карус назвал генетическим методом, представляет собой способ взаимодействия первичного явления с изменением, в результате чего можно получить и обнаружить законы, управляющие их отношениями[55]. Среди других Urphänomene выделялся миф об Андрогине. В одном из своих философских диалогов, а именно в «Пире», Платон в иносказательной манере говорил о том, что первое человеческое существо было двуполым, и впоследствии Зевс разделил его на две части, с тех пор мужчина и женщина ищут каждый свою половину, чтобы соединиться вновь. Этот миф, возрожденный Беме, Баадером и другими, очень хорошо демонстрирует идею Романтизма об изначальной бисексуальности человеческого существа, — мысль, которую всесторонне развивали романтики[56]. Не менее важным для них было и понятие бессознательного. Последнее уже не означало «забытые воспоминания» Блаженного Августина или «смутное ощущение» Лейбница, а стало непременным условием повседневного человеческого бытия, и поскольку его корни уходят за пределы видимой жизни Вселенной, то бессознательное действительно связывает человека с природой. Близко к представлению о бессознательном лежит понятие «внутреннего» или «всеобщего чувства» (All-Sinn), с помощью которого человек до грехопадения мог познавать природу. Несмотря на то, говорили романтики, что это чувство стало несовершенным, оно все еще дает нам возможность достигнуть прямого понимания Вселенной, независимо от того, придет ли такое понимание в состоянии религиозного экстаза, поэтического или художественного вдохновения, магнетического сомнамбулизма или сна. Вокруг последнего также сфокусировался собственный центр внимания, и едва ли найдется хоть один романтический философ или поэт, который не высказывал бы свои соображения по поводу сновидений[57]. Понятия и способ мышления, привнесенные романтической философией, нам, уже привыкшим к методам экспериментальной науки, возможно, покажутся странными. Однако они безошибочно появились опять в новой динамической психиатрии. Лейббранд сказал, что «теории К.Г. Юнга в области психологии недоступны для понимания, если рассматривать их в отрыве от идей Шеллинга». Он также указал на влияние, которое оказала концепция мифов Шеллинга на современную динамическую психиатрию. (К это-

му можно добавить, что Лейббранд провел аналогию между учением о душевных болезнях Шеллинга, которые он считал неспецифической реакцией живой субстанции, и современными теориями Селье и Сперанского.)[58] По мнению Джонса, представления Фрейда об умственной жизни во многом сложились под воздействием идеи полярности (дуализм инстинктов, противоположности понятий субъект-объект, удовольствие-неудовольствие, деятельность-бездеятельность). К тому же, добавлял Джонс: «особенности мышления Фрейда в течение всей жизни представляли собой постоянное стремление к дуалистическим идеям»[59]. Подобный способ мышления был типичным для эпохи Романтизма. Романтическая философская концепция Urphänomen возродилась не только в трудах Юнга в виде термина «архетип», но ее можно обнаружить также и в работах Фрейда. Чем является эдипов комплекс, убийство родного отца, если не Urphänomen, первофеноменом, присущим всему человечеству в целом и принимающим разнообразные формы у каждого отдельного индивида? Что касается Фрейда, то не имеет значения, было ли в действительности совершено убийство родного отца или нет, так же, как и для Гете неважно, существовал ли на самом деле Urpflanze как ботанический вид. Важными являются только те отношения, которые в результате этого могли сложиться в культуре, религии, социальном устройстве и психологии индивида. Таким же образом романтическое представление об изначальной бисексуальности человеческого существа нашло свое выражение в психиатрической системе Фрейда и Юнга. Понятия анимы и анимуса у Юнга, скорее всего, являются более поздним воплощением Urphänomen и описанном в мифе об Андрогине. Представление о бессознательном, особенно в том виде, в каком оно возродилось в идее «коллективного бессознательного» Юнга, а также нашло свое выражение в снах и символах, имеет своим предтечей Романтизм. Как видно из нижеследующего, едва ли найдется хоть одно понятие Юнга или Фрейда, в основе которого не лежали бы идеи философии природы и романтической медицины.

В добавление к основным характеристикам, касающимся романтических представлений о человеке и природе, можно сказать, что каждый мыслитель того периода развивал свою собственную систему. Некоторые из них, такие, как фон Шуберт, Трокслер и К. Г. Карус, удивительным образом предвидели последующие разработки новой динамической психиатрии. Шопенгауэр, не будучи романтиком в строгом смысле этого слова, принадлежал к той же эпохе и определенно выступал одним из идейных вдохновителей современной динамической психиатрии.

Готтхильф Генрих фон Шуберт (1780–1860) являлся представителем высокопоэтических воззрений на природу, что иногда напоминает современному читателю Бергсона и Тейяра де Шардена и поражает своим

сходством с некоторыми концепциями Фрейда и Юнга[60]. Согласно фон Шуберту, человек в естественном, первичном состоянии жил в полной гармонии с природой, а затем отделился от нее, поскольку возлюбил себя (Ich-Sucht), но позднее, став более совершенным, опять вернулся к ней. Интуитивное знание этой гармонии, считал фон Шуберт, нашло свое выражение в древних культах земледелия, построенных на тайнах смерти и воскрешения Изиды, Адониса и Митры. Фон Шуберт прекрасно описал всю эволюцию земли, последовательное появление минералов, растений, животного мира и в заключение всего человека — венца творения природы, носителя духа, а также взаимосвязь всех составляющих во Вселенной и человеческом мире. По мнению Керна, фон Шуберт ясно указал на то, что впоследствии фон Икскюль назовет Umwelt[61]. Фон Шуберт различал три составляющие части человеческого бытия: Leib (живое тело), душу и дух, и добавлял, что они подвергаются процессу «превращения». Человеческая жизнь представляет собой серию изменений; иногда внезапная перемена происходит с ним незадолго до смерти или же достигается во второй половине жизни. Следовательно, человек имеет «двойную судьбу». Он наделен вторым центром, Selbstbewusstsein, который постепенно развивается в его душе. В человеке, как и в любом живом существе, страстное желание (Sehnsucht) любви неотделимо от стремления к смерти (Todessehnsucht), которое является тоской по «дому», то есть природе, но свидетельствует также и о будущей жизни. Еще в одной работе, «Символизм сновидений», фон Шуберт утверждает, что когда человек засыпает, его разум начинает думать «образным языком», в отличие от вербального, который используется в состоянии бодрствования[62]. Какое-то время оба языка могут существовать параллельно или смешиваться, но сновидениям присущ только первый. Этот язык труден для понимания, поскольку в нем присутствует множесто образов и понятий, которые могут быть скомбинированы в одной картине. Сновидения «говорят» на универсальном языке символов, общем дня людей во всем мире. Они являются одинаковыми как для наших предков, так и для всех современников. Образный язык сновидений — это «высочайший образец алгебры». Иногда он использует поэтические образы, иногда иронические (как, например, в сновидениях, где картина рождения означает факт смерти, а экскременты символизируют золото). По ночам бывает так, что человеческий разум становится способным предчувствовать грядущие события, но чаще сновидения имеют аморальный или демонический характер, поскольку освобождаются забытые, вытесненные и подвергшиеся насилию (vergewaltigte) аспекты личности. Можно наглядно показать некоторые сходные черты между концепциями фон Шуберта, Фрейда и Юнга, которые приведены в следующей таблице:

фон Шуберт	Фрейд	Юнг
Трехипостасная природа человека: Leib (живое тело) Душа Дух	 Ид Эго Суперэго	
Ich-Sucht (самовлюбленность)	Нарциссизм	
Изменения в течение жизни		Индивидуация
Второй центр человеческой души		Selbst («самость»)
Todessehnsuchl (стремление к смерти)	Инстинкт смерти	
Сновидения: словесный язык и образный язык Тайные знаки (Hieroglyphics) Универсальные символы	То же понятие Конденсация Универсальные символы	Архетипы

Еще один представитель философии природы, швейцарец Игнац Паул Витал Трокслер (1780–1866) был последователем Шеллинга, другом Бетховена, опытным врачом и учителем, преподававшим философию в Базеле и Берне[63]. После века забвения его идеи были открыты вновь и недавно обнародованы. Трокслер учил, что бытие человека состоит не из трех ипостасей или измерений — тела, души и духа (как проповедовали романтики), а из четырех, путем разделения на две составляющие: Körper и Leib. Körper — тело в том виде как его рассматривают анатомы и хирурги, Leib — живое и чувствительное тело, которое соответствует понятию сома (soma). Тетрактис (четверица) состоит из двух пар противоположностей: сома-душа, находящиеся на одном уровне и дополняющие друг друга, и дух-тело, где тело подчинено духу. Они связаны друг с другом через душевность (Gemut), являющуюся живым центром Тетрактиса. По словам Трокслера, Gemut есть «Истинная индивидуальность Человека, через которую он наиболее достоверно является самим собой, центр его личности, средоточие его существования». Жизнь представляет собой процесс последовательного появления более высоких уровней сознания. Маленький ребенок сначала учится находить различия между эго и не-эго, а затем между душой и сомой. После того как душа освобождается от сомы, человек может удовлетвориться исключительно интеллектуальным пониманием, но ему также дана свобода выбора для достижения третьего уровня развития — уровня духа, на котором открывается божественное зрение. Мистическая доктрина, которую Трокслер называл антропософией, видела истинное предназначение философии в том, чтобы превратить дух в орган познания, с помощью которого человек может постигать высшие духовные реальности. Между теорией Трокслера о развитии человеческого разума и концепцией индивидуации Юнга, так же, как и между трокслеровским Gemut и юнговским Selbst (Самость), имеется определенное сходство.

Карл Густав Карус (1789–1869), врач и художник, известен своими работами в области животной психологии и физиогномики и особенно книгой «Психическое», которая была первой попыткой создать полную и объективную теорию бессознательной психологической жизни. Книга начинается следующими словами:

> Ключ к познанию природы сознательной жизни души лежит в царстве бессознательного. Этим объясняется трудность, если не невозможность достижения действительного понимания ее тайны. Если бы обнаружение бессознательного в сознании было абсолютно невыполнимым, человеку следовало бы потерять всякую надежду на получение знания о своей душе, то есть знания о себе самом. Но если эта невыполнимость только кажущаяся, тогда первейшая задача науки о душе — установить, как дух человека может проникнуть в ее глубины[64].

По определению Каруса, психология является наукой о развитии души от бессознательного к сознанию. Согласно его мнению, человеческая жизнь разделена на три периода:

1) до-эмбриональный период, в котором индивид существует просто в виде маленькой клетки в яичниках матери;

2) эмбриональный период. В момент оплодотворения индивид внезапно пробуждается от долгого сна и появляется бессознательное, определяющее дальнейшее развитие;

3) период после рождения, когда бессознательное продолжает управлять ростом индивида и функциями его органов. Сознание формируется постепенно, но всегда остается под влиянием бессознательного, и индивид периодически возвращается к нему во время сна.

Карус различал три слоя бессознательного:

1) общее абсолютное бессознательное, которое совершенно и постоянно недоступно сознанию;

2) частичное абсолютное бессознательное, которое управляет процессами формирования, роста и деятельности органов. Эта часть бессознательного оказывает косвенное влияние на эмоциональную жизнь. Карус описывает «области души», такие, как дыхание, кровообращение, работу печени, каждая из которых обладает собственной тональностью и вносит свой вклад в строение основных чувств, лежащих в основе эмоциональной жизни. Сознательные мысли и чувства также медленно и опосредованно действуют на частичное абсолютное бессознательное, это объясняет то, почему физиогномика индивида может отражать его сознательную личность;

3) относительное или вторичное бессознательное, охватывающее всю полноту чувств, ощущений и представлений, которые мы воспри-

нимаем в тот или иной момент, но которые впоследствии уходят в бессознательное.

Карус приписывает бессознательному следующие характеристики:

1. Бессознательное имеет аспекты «Прометея» и «Эпиметея», оно обращено к прошлому и будущему, но не знает настоящего.

2. Бессознательное находится в постоянном движении и трансформации. Сознательные мысли и чувства, становясь бессознательными, непрерывно модифицируются и развиваются.

3. Бессознательное не знает усталости, ему не требуется периодический отдых, в то время как сознательной жизни необходимы отдых и умственное восстановление, которое оно обретает, погружаясь в бессознательное.

4. Бессознательное, по сути, здорово и не знает болезней. Одна из его функций — «исцеляющая сила Природы».

5. Бессознательное работает по своим неизвестным законам и не имеет никакой свободы.

6. Бессознательное обладает собственной врожденной мудростью, где нет проб и ошибок и процесса обучения.

7. Мы, сами не зная об этом, с помощью бессознательного поддерживаем связь с остальным миром, особенно с близкими нам людьми.

Карус различал четыре формы межличностных отношений:

1) от сознания к сознанию;

2) от сознания к бессознательному;

3) от бессознательного к сознанию;

4) от бессознательного к бессознательному.

Он сформулировал принцип о том, что индивидуальное бессознательное связано с бессознательным всех людей.

Существует, говорил Карус, три сорта сновидений, каждое из которых принадлежит одному из трех «кругов жизни» (Lebenskreise): минеральному, растительному и животному. Нужно отметить, что он пытался интерпретировать сновидения по форме, а не по содержанию.

Книга Каруса «Психическое» представляет собой труд всей его жизни, труд врача и тонкого наблюдателя человеческой психики. В ней описывается уровень развития теории бессознательного, которого она достигла к концу романтического периода, до того как стало доминировать позитивистское направление. Карус был идейным вдохновителем фон Гартмана и последних философов, исследовавших проблему бессознательного, так же как теорию сновидений Шернера. Через полвека К.Г. Юнг сделал ударение на автономной, созидательной и компенсаторной функциях бессознательного, которые определил Карус.

Артур Шопенгауэр (1788–1860) издал свою основную работу «Мир как воля и представление» в 1819 году, задолго до того, как Карус

опубликовал книгу «Психическое», но она оставалась незамеченной как философами, так и критиками в течение двадцати лет. Шопенгауэр достиг известности только после 1850 года. Он стал наставником Вагнера и Ницше, и его работы приобрели необычайную популярность в 1880-х годах[65]. Кант различал мир явлений и мир вещей в себе, который недоступен нашему пониманию. Шопенгауэр называл явления представлениями, а вещь в себе — волей, уравнивая волю с бессознательным, подобно тому, как это представляли некоторые романтики. По Шопенгауэру, воля обладает динамическим характером невидимых ведущих сил, которые не только правят Вселенной, но также руководят человеком. Таким образом, человек — это иррациональное существо, управляемое внутренними силами, которые ему неизвестны и которые он навряд ли осознает. Шопенгауэр уподобил сознание поверхности Земли, чьи недра нам неизвестны. Эти иррациональные силы состоят из двух инстинктов: инстинкта самосохранения и полового инстинкта, последний из которых намного более важен. Он сравнивал половой инстинкт с сердцевиной (innerer Zug) дерева, на котором человек — просто лист, питающийся от него и сам участвующий в его питании[66]. «Человек представляет собой воплощенный половой инстинкт, поскольку сам является результатом спаривания, и желание его желаний состоит в том, чтобы спариваться». Половой инстинкт — главнейшее подтверждение жизни, «самое важное, что связывает человека с животным»... «В конфликте с ним никакая мотивация, какой бы сильной она ни была, не даст уверенности в победе»... «Половой акт — это беспрерывная мысль о непристойном и вынужденном, вечно возвращающаяся мечта о невинности, ключ ко всем намекам, всегда готовый материал для розыгрышей, неисчерпаемый источник шуток». Но это также и «иллюзия индивида, который думает, что заботится о своем благополучии, в то время как выполняет замысел рода человеческого». Здесь нам представлен пример того, как нас обманывает воля, которая руководит нашими мыслями и тайно противостоит интеллекту. Она может заставить человека не допускать проникновения в разум мыслей, которые были бы ему неприятны, мыслей, которые, в отличие от желания, мы не можем осознать. В известной статье, посвященной «безумию» (Wahnsinn), Шопенгауэр объясняет его случаем подавления: «Барьер, который воздвигает воля между тем, что она считает отвратительным, и разумом, является местом, через которое безумие может проникнуть в душу»[67].

Сходства между некоторыми основными учениями Шопенгауэра и Фрейда были выявлены Кассирером[68], Шелером[69] и, особенно, Томасом Манном[70]. Манн, глубоко погрузившийся в метафизику Шопенгауэра в юности, заявляет, что во время ознакомления с психоанализом

Фрейда его «переполняло чувство, как будто все это ему понятно и хорошо знакомо». Он полагал, что описание ид и эго Фрейда находилось «на волосок» от описания воли и интеллекта Шопенгауэра, переведенного из метафизики в психологию. Психология сна, где огромное значение придавалось сексуальности и мысли в целом, «является в совершенно удивительной степени философским предвосхищением аналитических концепций». В действительности, если психоанализ Фрейда иногда и называли «пансексуализмом», то гораздо чаще этот термин можно было бы применять к учению Шопенгауэра. Основное различие между ними состоит в том, что Шопенгауэр видел в половом инстинкте прежде всего уловку воли, находящейся на службе воспроизводства, в то время как Фрейд рассматривал этот инстинкт обособленно и редко говорил о связи с деторождением. Луи С. Гранье считает, что у Фрейда и Шопенгауэра было три точки соприкосновения: иррационалистическая концепция человека, отождествление главных жизненных импульсов с половым инстинктом и крайний антропологический пессимизм[71]. Эти сходства, согласно Гранье, невозможно объяснить, говоря только о прямом влиянии Шопенгауэра на Фрейда, здесь также сыграло роль и то, что личности этих двух мыслителей были похожи: каждый из них по разным причинам был полон негодования и настроен против современного буржуазного общества.

Учения и открытия немецкой романтической философии второй трети девятнадцатого века достигли кульминации в 1869 году благодаря известной работе Эдуарда фон Гартмана «Философия бессознательного»[72]. Воля Беме, Шеллинга и Шопенгауэра в конце концов обрела самое подходящее для себя имя — бессознательное. Бессознательное фон Гартмана явно стало обладать качествами идеи Гегеля. Следовательно, оно является высоко разумным, несмотря на невидимый динамизм, лежащий в основе видимого мира. Фон Гартман описал три слоя бессознательного:

1) абсолютное бессознательное, представленное субстанцией универсума и являющееся источником других форм бессознательного;

2) физиологическое бессознательное, которое, подобно бессознательному Каруса, занимается происхождением, движением и эволюцией живых существ, включая и человека;

3) относительное или психологическое бессознательное, находящееся у истоков сознательной умственной жизни.

Работа «Психология бессознательного» представляет особый интерес не столько из-за философских теорий, развиваемых там, сколько из-за богатого вспомогательного материала. Фон Гартман собрал многочисленные относящиеся к делу факты, которые касались восприятия, ассоциативного мышления, разума, эмоциональной жизни, инстинкта,

характерных черт личности, индивидуального жизненного пути, а также роли бессознательного в языке, религии, истории и социальной жизни.

Романтическая медицина

Хотя часто считают, что медицина эпохи Романтизма представляла собой смесь неясных и запутанных рассуждений, она, по мнению Лейббранда, в действительности содержала ряд ценных открытий[73]. О причинах возникновения болезни было сделано множество наивных предположений, и их поиск составлял суть исследований романтической медицины. Новалис, не обладавший крепким здоровьем, сказал, что болезни должны стать основной заботой человека и что, «возможно, они являются самым важным стимулом к действию и пищей для размышлений, и мы крайне мало знаем об искусстве их практического использования»[74]. Он добавлял, что существуют два вида ипохондрии — простая и возвышенная, и с помощью последней можно изучать душу. Это заставляет нас поверить в то, что Новалис предвосхитил концепцию творческой болезни. В самом деле, нет никаких сомнений, что такое расстройство, как творческая болезнь, поражает тех людей, у которых появляется новое видение мира или новая философия. Мы уже видели это, говоря о шаманах, и увидим в дальнейшем, когда будем обсуждать Фехнера, Ницше, Фрейда и Юнга[75]. Еще одним направлением деятельности романтической медицины была умственная гигиена, которая, в отличие от оптимистического взгляда на жизнь, присущего эпохе Просвещения, приобрела теперь некоторый пессимистический оттенок. Фойхтерслебен (Feuchtersleben) в книге «Диетология души» говорит, что в каждом человеке посеяны страшные семена безумия, и советует: «Сражайтесь всеми доступными и действующими силами против их пробуждения»[76]. Нет другого более эффективного способа укротить эмоции, кроме как достичь их понимания, а это — каждодневная работа, требующая полной отдачи всех сил. Любое расслабление означает болезнь или смерть.

Открытие многочисленных центров по изучению душевных болезней послужило усилению интереса романтиков к этим заболеваниям. Подобные центры возглавлялись специально подготовленными врачами, которые жили вместе с пациентами. В этой обстановке развивался особый вид психиатрии. Поскольку врачи в таких психиатрических клиниках были совершенно независимыми, каждый из них мог разрабатывать собственные теории, касающиеся природы и лечения душевных болезней, что, возможно, объясняет самобытность и смелость первых исследователей, независимо от того, принадлежали ли они к органической школе Physiker («органиков») или разделяли подход Psychiker («психистов»), отводивших основное место психологическим причи-

нам душевных расстройств. Некоторые из них находились под сильным влиянием романтического направления. К сожалению, исследование этой забытой главы в истории психиатрии затруднено тем, что подобные научные работы встречаются довольно редко и к тому же изобилуют вышедшими из употребления терминами[77]. Однако любой, кто бы ни начинал заниматься этой темой, поражался при виде того, до какой степени эти люди предвосхитили понятия, которые, по нашему мнению, являются совершенно новыми. Мы ограничимся только четырьмя из них: Рейлем, Гейнротом, Иделером и Нейманом.

Иоганн Кристиан Рейль (1759–1813) занимался изучением анатомии мозга и был одним из выдающихся специалистов своего времени по клиническим заболеваниям. Киршхоф называет его «сознательным исследователем и основателем рациональной психотерапии». Эрнст Хармс подчеркивает огромное значение и в особенности современный характер его работ[78]. В книге «Замечания по поводу применения психических методов лечения душевных расстройств» Рейль тщательно разрабатывает целую программу лечения душевных болезней как при помощи существующих методов, так и тех, которые он предлагает ввести.

Сначала должно быть изменено название лечебных центров: пользующееся дурной славой слово Tollhaus (дословно, «прибежище для помешанных») нужно заменить названием «клиника психотерапии» или чем-нибудь в этом роде, а также установить тройную систему управления: администратор, врач и психолог. Клиника должна быть расположена в приятном месте и разделена на павильоны, а на принадлежащей ей территории следует заниматься хозяйственной деятельностью. В ней изначально должны быть заложены два отделения, назначение и устройство которых совершенно разное: цель первого, которое отведено для явно неизлечимых больных, — не только защищать от них общество, но и стремиться сделать жизнь таких пациентов как можно более приятной. Их обязательно необходимо занимать какой-либо деятельностью. Другое отделение, совершенно иного характера, следует отдать под лечение умственных расстройств и неврозов. Рейль разделял три типа лечения:

– химическое (включающее диетологию и медикаментозное лечение);

– механическое и физическое (включающее хирургию);

– психотерапевтическое, которое особенно выделяет Рейль; психотерапия представляет собой отдельное направление терапии, занимающее такое же важное положение, как хирургия или фармакология.

В тех случаях, когда в основе душевного расстройства лежит физическая причина, будут применять соответствующее медицинское лечение. Психотерапия должна быть основана на точной системе «практической эмпирической психологии». Метод лечения должен быть адаптирован под индивидуальные потребности каждого отдельного па-

циента, несмотря на то, что он возник в общей системе. Рейль выделял три класса психотерапевтических методов лечения:

1. Телесные стимуляции, обращенные на изменение общего физического состояния. Эти воздействия, направленные на корректировку того, что сейчас называют «жизненным тонусом», в зависимости от каждого конкретного случая, будут приятными или неприятными.

2. Сенсорные стимуляции, включающие в себя целую гамму процедур, которые сегодня назвали бы «перевоспитанием восприятия». Каждое чувство является объектом перевоспитания, для чего применяются особые методы обучения. Среди них есть метод «терапевтического театра». Он заключается в том, что служащие клиники играют разнообразные роли, а пациенты исполняют те партии, которые соответствуют особенностям их состояния.

3. Метод «знаков и символов» представляет собой вид обучения, основанный на чтении и письме. Он также включает в себя различные варианты трудотерапии, в том числе физическую работу, тренировку и арт-терапию[79].

Эрнст Хармс полагает, что учение о душевных болезнях Рейля — «самая лучшая психологическая биологическая философия, с которой я когда-либо сталкивался»[80]. Рейль не считал, что все умственные расстройства являются исключительно психическими по своему характеру: он уделял должное внимание органическому субстрату, но утверждал, что существуют также расстройства психики, вызванные ослаблением или разрушением Gemeingefühl, то есть главного чувства, «центрирующего» умственную жизнь, лежащего в основе сознательного эго. В этой системе координат описано огромное количество психопатологических проявлений.

Иоганн Кристиан Август Гейнрот (1773–1843). Сегодня его часто высмеивают за утверждение, что основной причиной душевного расстройства является грех. Но в действительности достаточно было бы просто заменить термин «грех» на термин «чувство вины», чтобы он стал выглядеть почти современным. Гейнрот был ученым, ведущим специалистом по клиническим заболеваниям и автором законченной теории человеческого разума в состоянии здоровья и болезни. Среди большого количества его работ есть учебник (Lehrbuch), который начинается с описания человеческого разума в нормальном состоянии и возникновения степеней сознания, из которых выделяются:

1) Selbstbewusstsein (самосознание); развивается в результате конфронтации с внешней реальностью;

2) Bewusstsein (сознание как таковое); развивается в результате конфронтации с самосознанием;

3) Gewissen (совесть), «гость внутри эго»[81].

Совесть возникает не во внешнем мире и не в эго, а в Uber-Uns (в том, что выше нас), которое Гейнрот, по-видимому, приравнивает к разуму и пути к Богу. По его мнению, здоровье — это свобода, а душевное расстройство — ущемление или утрата свободы. Потеря свободы является результатом Ich-Sucht (самовлюбленности) и разнообразных страстей. Галлюцинации представляют собой расстройство разума, несмотря на то, что их причины лежат в сильных эмоциях. Второй том учебника Гейнрота содержит в себе систематическое описание психотерапевтических методов. Первый шаг состоит в том, чтобы определить, в какой степени патологическое состояние пациента требует терапевтической помощи, а затем разработать специальный терапевтический план лечения, в котором будут учитываться не только симптомы, но и пол, возраст, профессия, личность и экономическое и социальное положение больного. Этот план должен также распространяться на семью и окружение пациента. Одна из главных забот состоит в том, чтобы не использовать никаких ненужных или опасных методов лечения. Далее Гейнрот подробно описывает практическую сторону разнообразных лечебных методик, которые следует применять к возбудимым и депрессивным пациентам, а также и к пациентам со всеми другими видами отклонений. Читатель в очередной раз может изумиться, насколько современны многие из этих концепций[82].

Карл Вильгельм Иделер (1795–1860) развивал учения Шталя и Лангермана о первостепенном значении страстей, являющихся причиной душевных болезней. Иделер оставил после себя огромное количество работ. Среди его опубликованных трудов есть учебник, который содержит около 1800 страниц. Первую часть он посвятил описанию человеческого разума, делая особое ударение на эмоциональной жизни[83]. Каждый эмоциональный импульс способен к неограниченному росту, а любое сильное чувство является началом эмоционального расстройства, поэтому психотерапия должна отталкиваться от этой точки[84]. Основной закон, взятый им из учения Шталя, Иделер называет Законом жизни. Это закон человеческого существования — вечный процесс саморазрушения и самовосстановления. Для того чтобы между этими противоположностями сохранялся нормальный баланс, человек должен постоянно извлекать необходимые элементы из внешнего мира. Во второй части учебника Иделер подробно излагает теорию патогенеза душевных болезней. Он детально описывает происхождение разнообразных страстей, их борьбу друг с другом и разрушительный эффект нереализованной и неудовлетворенной потребности в деятельности. Большое место в психогенезе душевных расстройств занимают неудовлетворенные сексуальные желания. Природа, говорит Иделер, пожелала, чтобы самым сильным чувством, на которое способны человеческие

существа, было половое влечение, с его предназначенностью увеличить их потенциальные возможности для более свободного и полного развития. Отсюда происходит мучительная битва, являющаяся результатом неудовлетворенности. Он описывает несчастное положение влюбленной девственницы, которая вынуждена заменять свою потребность в любви на легкомысленные светские развлечения. «Прежде чем требовать, чтобы девушка отказалась от своих чувств, научите ее контролировать свои эмоции; пусть она укрепляет свой дух энергичной деятельностью посредством выполнения каких-либо обязанностей и предоставьте замену тем прекраснейшим и сильным эмоциям, которые были ею утрачены». Истерические приступы, добавляет Иделер, — это не что иное, как борьба души с самой собой. Умственные расстройства, тем не менее, никогда не возникают в результате действия какого-то одного фактора. Играет роль наследственная предрасположенность, поскольку она сеет раздор между непреодолимым желанием и ограниченной реальностью. В результате этого человек, испытывающий отвращение к действительности, погружается в фантазии, где может наслаждаться безмерным удовольствием мира грез или оправдывать свои страдания, представляя все в полностью искаженном свете[85]. Иделер настаивает на том, что корни галлюцинаций уходят в самое раннее детство (bis in die früheste Kindheit). Что касается лечения, он твердо верит в возможность психотерапии психозов. Однако он утверждает, что «излечения галлюцинаций можно добиться только непосредственной психической деятельностью, которую врач должен лишь стимулировать и направлять». Это направление предполагает наличие хорошо организованной клиники и тщательно подобранных и преданных делу врачей и обслуживающего персонала.

Одним из последних представителей этого психиатрического направления был Генрих Вильгельм Нейман (1814–1884). Его учебник также начинается с оригинальной системы медицинской психологии[86]. В психической жизни нет никаких случайных событий, говорит Нейман. Так же, как и Иделер, он придерживается теории о том, что жизнь представляет собой постоянный процесс саморазрушения и восстановления, где первому принадлежит забывание, а последнему — воспоминание. В ходе развития человек постепенно приобретает все возрастающую способность к самоконтролю, который можно сравнить с индивидуальной «степенью свободы». В том, что касается психопатологии, Нейман приписывает огромное значение расстройству внутренних импульсов или влечений (Triebe). Инстинктивные потребности выражаются в сознании через то, что Нейман назвал эстезией (Aestheses), которая не только обладает характеристиками ощущения, но также является и стражем человеческого организма. Эстезия предупреждает

о потенциальной опасности, обучая в то же самое время, как следует вести себя при встрече с ней. Существуют примеры, когда сигнал тревоги подается, но эстезия настолько «изменена», что не может показать, как нужно встретить опасность. В результате появляется страх (Angst). Нейман делает акцент на отношениях между внутренними импульсами и страхом: «Если внутренние импульсы обратятся в боязнь, они никогда не смогут быть удовлетворены», и добавляет, что это возникает только в том случае, когда под угрозой находятся жизненные функции, и при условии, что мы это осознаем[87].

Исследовательский интерес Неймана касался широкого круга тем. Среди них — клинические проявления полового инстинкта, возникающие у душевнобольных пациентов. Здесь можно отметить следующие симптомы: стремление к чистоте тела либо нечистоплотности, расплетание прически, беспрестанное мытье тела или («что я считаю патологическим эквивалентом») абсолютная нечистоплотность и пачкание тела, неприязнь к одежде или ее разрывание, несдерживаемые испражнения в присутствии врача, раздраженность при виде женщин, работающих в больнице, которых, например, обзывают «шлюхами», или обвинения сексуального характера, бросаемые знакомым женского пола, постоянные разговоры о браках других людей, но не о своем, частое плевание, болезненная религиозность и преувеличенный интерес к божественной службе и пастырю. Нейман заявил, что врачу-терапевту следует лечить не болезнь, а пациента, и что он должен заниматься одновременно как телом, так и психикой. Однако специфика лечения умственных расстройств, добавляет Нейман, кроется непосредственно в психических методах.

Из приведенного выше краткого обсуждения основных положений учений Рейля, Гейнрота, Иделера и Неймана видно, что каждый из них имел собственные мнения и теории — вещи весьма характерные для того времени[88]. С точки зрения романтической психотерапии можно отметить общие черты, свойственные представлениям данных врачей. Они не доверяли психиатрической классификации. Диагноз, говорил Нейман, не имеет ничего общего с присвоением названия, он подбирает ключ, который сделает симптомы болезни понятными. Каждый из них настаивал на необходимости изучения любого случая заболевания как особенного и имеющего свои собственные проявления. Все они, следуя традиции Шталя и Лангерманна, разделяли физические и психические причины душевных расстройств, но полагали, что для развития тяжелого душевного расстройства достаточным является наличие одной лишь психической причины. Однако их мнения расходились в вопросе об относительной важности различных страстей: Гейнрот настаивал на роли «греха» (в современном виде — чувства вины), Гюислэн — на роли страха, Иделер и Нейман — на роли сексуальных импульсов и фрустраций.

Каждый из этих врачей создал свою собственную систему медицинской психологии. Наряду с другими концепциями, они развили закон баланса между психическим поглощением и выплеском (intake + output), что тем самым подтверждает роль чрезмерно сильного стимула. Можно вспомнить концепции эстезии и «изменений» Неймана и связь между неудовлетворенными внутренними импульсами и страхом.

Все они находились под глубоким впечатлением от терапии, особенно психотерапии, применяемой для лечения самых тяжелых душевных расстройств. Рейль и Гейнрот разработали тщательно продуманную систему психотерапевтических процедур, начиная от физической работы до шоковой терапии, и даже то, что сегодня назвали бы психодрамой (Рейль).

К сожалению, эти врачи жили относительно изолированно и, вероятно, практически не встречали понимания и общественного признания. Не прошло и полвека, как возникли новые научные концепции. Изучение анатомии мозга стало первостепенным, и работа вышеназванных пионеров приобрела дурную славу или была предана забвению. Однако любой, кто познакомится с трудами Рейля, Гейнрота, Иделера, Неймана и Гюислэна, поймет, что их положения и теории являются теми скрытыми источниками, которые лежат в основе многих открытий Блейлера, Фрейда, Юнга и новейшей динамической психиатрии.

Эпигоны романтизма: Фехнер и Бахофен

После 1850 года философия природы и романтизм, по-видимому, полностью исчезли. Это был период позитивизма и триумф механистического мировоззрения (Weltanschauung). Однако романтизм оставил после себя множество наследников, двое из которых, Фехнер и Бахофен, представляют для нас особый интерес.

Гюстав Теодор Фехнер, сын протестантского священника, изучал медицину в Лейпциге, где он и прожил до самой смерти[89]. Первое увлечение привело его к экспериментальной физике. Молодой ученый получил неоплачиваемую должность в университете и зарабатывал на жизнь, делая научные переводы и составляя популярные энциклопедии и учебники для начинающих. Время от времени он публиковал небольшие литературные памфлеты под псевдонимом «Доктор Мизес». В одном из них, «Сравнительная анатомия ангелов», Фехнер проводил кривую эволюции животного мира, от амебы до человека, а затем при помощи экстраполяции пытался создать идеальный образ бесшумного высшего существа — ангела[90]. Он заключил, что они должны иметь сферическую форму тела, ощущать силу тяжести таким же образом, как человек видит свет, и общаться друг с другом, используя язык светящихся

знаков, почти так же, как люди используют акустический язык во время беседы. В 1836 году Фехнер под собственным именем опубликовал «Маленькую книгу о жизни после смерти», где пишет[91], что человеческая жизнь разделена на три периода: от зачатия до рождения, от рождения до смерти и после смерти. Эмбриональная жизнь представляет собой постоянный сон, нормальная жизнь — колебание между сном и бодрствованием, жизнь после смерти, возможно, будет постоянным бодрствованием.

В 1833 году, в возрасте тридцати двух лет, Фехнер женился и получил должность профессора физики в университете Лейпцига. По словам Вундта, «с этого момента он достиг независимого положения, которое дало ему свободу для собственной работы, и в этот самый момент у него начались проблемы со здоровьем. Напряженная работа истощила его силы. Он с трудом доводил занятия до конца». На протяжении следующих шести лет, с 1834 до 1840 года, Фехнер продолжал напряженные исследования и провел на себе ряд экспериментов о субъективных зрительных явлениях. Его зрение ухудшилось, и в 1840 году, когда ему было тридцать девять лет, Фехнер уже не мог работать и в течение следующих трех лет не занимался профессиональной деятельностью. В терминах современной нозологии болезнь Фехнера считалась бы тяжелой невротической депрессией с симптомами ипохондрии, возможно, осложненная поражением сетчатки глаза в результате прямого наблюдения за солнцем. В действительности ее также можно считать примером того, что Новалис называл возвышенной ипохондрией — творческая болезнь, из которой человек выходит с новым философским пониманием и трансформацией личности.

На протяжении болезни бóльшей частью Фехнера заставляли жить затворником в полутемной комнате, стены которой были покрашены в черный цвет, или надевали на лицо маску, чтобы заслонить свет. Он не мог выносить большую часть пищи, не чувствовал голода и ел так мало, что его физическое состояние стало вызывать опасения. Излечение, согласно его записям, произошло необычным способом. Одна женщина, друг семьи, увидела сон, в котором готовила для Фехнера блюдо из сильно сдобренного специями окорока, запеченного в рейнском вине и лимонном соке. На следующий день она действительно приготовила и принесла ему это блюдо, настаивая на том, чтобы он, по крайней мере, попробовал его. Он согласился с большой неохотой, но неожиданно почувствовал себя лучше. Начиная с того дня, Фехнер регулярно ел маленькие порции этого кушанья и ощущал, как к нему возвращаются утраченные силы. Вскоре он стал активно заниматься умственными упражнениями, для того чтобы вернуться к прежней деятельности, что потребовало от него неимоверных усилий в течение года. По словам

Фехнера, он «чувствовал себя как всадник, пытающийся усмирить лошадь, которая понесла». Как-то, через короткое время, ему приснился сон, и в нем он увидел число 77. Фехнер понял этот знак как символ того, что выздоровление должно наступить на семьдесят седьмой день, и, по его словам, все именно так и случилось.

Трехлетний период депрессии сменился коротким периодом просветления. Фехнер наслаждался вновь обретенным здоровьем, был переполнен грандиозными идеями. У него было чувство, как будто он избран Богом и теперь способен открыть все тайны мира. Кульминационным моментом стало его заявление о том, что он открыл универсальный принцип, являющийся не менее важным для духовного мира, чем закон тяготения Ньютона — для физического. Фехнер назвал его das Lustprinzip (принцип удовольствия): гиперманиакальная эйфория трансформировалась в философскую концепцию. После трех лет, проведенных в темноте, он опять увидел мир и мог любоваться цветами в саду, поражаясь их совершенству. Фехнер полагал, что у них есть душа, и эта идея побудила его написать книгу «Нанна, или Душа растений»[92].

В течение всей оставшейся жизни у Фехнера сохранялось прекрасное здоровье, однако с ним произошли значительные изменения. До болезни он был физиком, презирающим философию природы (согласно Вундту). Теперь Фехнер сам стал философом натурфилософии, а затем поменял должность профессора физики в университете Лейпцига на должность профессора философии. Его первый курс лекций был посвящен принципу удовольствия, и он издал их в небольшой книге[93] и философском журнале[94]. После этого Фехнер ни на минуту не прекращал развивать эту концепцию и применял ее в новых областях психологии.

На протяжении второй половины жизни Фехнер написал много оригинальных и обладающих строгой логикой трактатов, отличающихся прекрасным поэтическим языком. Под старым псевдонимом Доктор Мизес он опубликовал сборник загадок, которые составлял во время болезни[95]. Под собственным именем он создал две самые типичные работы в духе философии природы: «Нанна»[96], которая, вероятно, является первой монографией, посвященной психологии растений — в высшей степени романтическому направлению философии. Название для следующей работы, «Зенд-Авеста» (комментированная Авеста), было заимствовано у священных книг древней Персии. По-видимому, Фехнер предполагал, что она будет Библией философии природы[97]. Он утверждал, что Земля — это живое существо, только более высокого уровня, чем человек. Этот уровень соответствует уровню ангелов, которых он гипотетически вывел в ранней работе «Сравнительная анатомия ангелов». Все формы земной жизни исходят от живого существа. («Могла бы мертвая мать родить живого ребенка?») Этим также можно объяс-

нить то, почему все живые создания так хорошо приспосабливаются к своему физическому окружению и дополняют друг друга. В данном живом царстве человек занимает привилегированное положение: «Он был сотворен для Земли, поскольку Земля была сотворена для него». Размышляя о месте Земли в Солнечной системе, Фехнер ввел принцип «стабильности» и «повторения». Солнечная система сохраняется, поскольку существует закон, по которому одинаковое местоположение и типы движений периодически повторяются. Следовательно, стабильность принимает специфическую форму повторения. В книге «Зенд-Авеста» содержится первый намек на применение принципа стабильности и повторения к человеческой физиологии и психологии, и первое упоминание о психофизическом законе. Эта философская работа была опубликована в крайне неблагоприятный период, поскольку натурфилософия совершенно вышла из моды.

Тем не менее Фехнер никогда не терял надежды на распространение своего учения, но, по словам Вундта, поменял тактику и занялся экспериментальной психологией. В течение многих лет он исследовал отношения между физическим и духовным мирами. Фехнер чувствовал, что должен быть общий закон, управляющий этими взаимоотношениями, и пытался открыт ту математическую формулу, которая была бы самой близкой к нему. Согласно собственным записям, эта формула, которую он называл психофизическим законом, внезапно появилась в его сознании утром 22 октября 1850 года, что как раз совпало со временем написания книги «Зенд-Авеста» и дало возможность кратко упомянуть в ней об этом событии. Фехнер продолжил разработку большой серии экспериментов, чтобы удостовериться в истинности этого закона, и эти исследования занимали его следующие десять лет. В 1860 году он опубликовал в двух томах работу «Психофизика», в которой содержались его открытия. Она вызвала значительный интерес и стала отправной точкой современной экспериментальной психологии[98].

В критическом обзоре теории эволюции видов Дарвина Фехнер сформулировал универсальный и окончательный «принцип стремления к стабильности», который претендовал на то, чтобы стать дополнительным к каузальному[99]. Он появился после принципа удовольствия и «основного психофизического закона», став третьим великим всеобщим принципом, провозглашенным Фехнером. В 1876 году он опубликовал работу по экспериментальной эстетике, которая явилась попыткой положить в основу эстетики результаты экспериментальных исследований и объяснить ее с точки зрения принципа удовольствия–неудовольствия[100]. Он также применил этот принцип к психологии юмора и острот. В 1879 году, в возрасте 78 лет, Фехнер издал работу «Дневное видение в противоположность ночному», в которой его пан-

теистическое понимание мира («дневное видение») противостоит сухому и мрачному современному материалистическому подходу[101].

В 1879 году в Лейпциге знаменитый последователь Фехнера Вильгельм Вундт открыл первый институт экспериментальной психологии. Лейпциг, приемный город Фехнера, стал центром новой науки, и со всего мира туда хлынули толпы студентов. Сам Фехнер, седовласый старец в старомодной одежде, к тому времени сделался просто легендарной фигурой, чья невероятная рассеянность вошла в поговорки. Когда в 1887 году в возрасте восьмидесяти шести лет Фехнер скончался, к нему уже пришла запоздавшая слава, и он был провозглашен отцом экспериментальной психологии.

К концу девятнадцатого века казалось, что Фехнера будут вспоминать только как пионера экспериментальной психологии и автора «основного психофизического закона». Тем не менее интересно отметить, что именно из фехнеровской психологии природы Фрейд заимствовал несколько основных концепций, которые он включил в метапсихологию. То, что Фрейд ссылается на Фехнера в работах «Толкование сновидений», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и «По ту сторону принципа удовольствия»[102] доказывает его влияние на психоанализ. Фрейд взял у Фехнера концепцию умственной (ментальной) энергии, «топографическую» концепцию разума, принципы удовольствия-неудовольствия, стабильности и повторения. Значительная часть теоретической структуры психоанализа едва ли могла возникнуть, если бы не было научных работ человека, которого Фрейд называл Великий Фехнер.

Иоганн Якоб Бахофен (1815–1887), ученый, пропагандировавший теорию матриархата, родился в 1815 году в городе Базель, Швейцария. Он происходил из древней и состоятельной аристократической семьи[103]. Бахофен изучал право в Берлине, Париже и Гамбурге, но сильный интерес к археологии привел его в Италию. Там, изучая отделку античных мавзолеев и изображения культа смерти, он задумался о том, что это искусство содержит в себе символические следы забытого мира. После того как он провел несколько лет на посту судьи и профессора римского права в Базеле, Бахофен отказался от большей части должностей, чтобы целиком отдаться любимому делу. Расшифровывая символы античного искусства и мифологии, он пришел к выводу, что они являются забытыми воспоминаниями о периоде человечества, о котором не осталось никаких исторических записей, когда власть находилась в руках женщин, а не мужчин. Правильная интерпретация этих символов даст возможность воссоздать социальные и политические особенности матриархата, так же как представление о мире (Weltanschauung) и физиогномику этого периода, и даже еще более ранний период, который

ему предшествовал. Таким образом, Бахофен, по словам Тарела, стал «историком эпохи без истории». В 1861 году он опубликовал главную работу «Материнское право», которую встретили либо безразлично, либо резкой критикой со стороны специалистов[104]. В Базеле Бахофен, величественный, с пышными бакенбардами и обладающий учтивыми манерами джентльмен, вел жизнь Privatgelehrter (свободного ученого), разделяя время между написанием книг и исследованиями в Италии и Греции. Он был холостяком и прожил с родителями до пятидесяти лет, пока не женился на очаровательной двадцатилетней кузине. В родном городе его считали несколько эксцентричным старым ученым. После смерти в 1887 году слава о нем только начала распространяться по миру.

Теория матриархата, неизвестная Бахофену, уже была разработана Жозефом Франсуа Лафито (1681–1746). Он был ученым-иезуитом и провел пять лет в племени ирокезов[105]. Отец Жюльен Гарнье, проживший шестьдесят лет среди алгонкинов, гуронов и ирокезов, рассказал Лафито все, что знал об их обычаях и социальной организации. Собственность и реальная власть у них принадлежала женщинам, которые отдавали право решать гражданские и военные вопросы вождям. Лафито сравнивал эту систему с системой древних ликийцев и несколькими другими древними цивилизациями и утверждал, что гинекократия когда-то была широко распространена у древних народов Средиземноморья и азиатских стран. Еще один французский ученый, аббат Десфонтене, описывал в романе, посвященном приключениям сына Гулливера, вымышленный остров Бабилару, где власть находилась в руках женщин, которые пользовались ею так же, как пользуются мужчины в большинстве современных цивилизаций[106]. В книге есть приложение, якобы написанное ученым, который после прочтения истории Гулливера-младшего заметил, что каждый, кто знаком с историей древних ликийцев и скифов, не найдет ничего нового в описании этого острова.

С точки зрения Бахофена, матриархат представлял собой нечто большее, чем просто социальную и политическую систему. Это широкое понятие, включающее в себя религию, представление о мире (Weltanschauung) и всю полноту культуры, связанную со всеми сторонами жизни. Более того, Бахофен утверждал, что развитие человечества прошло через три стадии: гетеризм, матриархат и патриархат, каждая из которых сохраняла символические остатки предыдущей.

Первая стадия, гетеризм, представляла собой период беспорядочных половых связей, где женщины были беззащитны и подвергались жестокому обращению со стороны мужчин, а дети не знали своих отцов. Это был также период «теллуризма», символ которого — гнилое болото, а божество — богиня Афродита (Венера).

Вторая стадия, матриархат, установилась после борьбы, длившейся тысячи лет. Женщины создали семью в ее современном значении и сельское хозяйство. В их руках находилась социальная и политическая власть. Они оказывали предпочтение социальной системе, которая подразумевала полную свободу, равенство и мирные взаимоотношения между гражданами. Основной добродетелью провозгласили любовь к матери, а ее убийство считалось самым тяжким преступлением. Матриархат представлял собой также материалистическую цивилизацию, где превыше всего ставилось воспитание тела, а не разума, и превалировали практические ценности, что нашло свое выражение в развитии сельского хозяйства и строительстве огромных городских стен. Самой почитаемой была богиня Деметра (Церера). Одной из символических характерных особенностей стало главенство ночи. Время исчислялось по количеству ночей. Ведение боевых действий, совещания, акты правосудия и культовые церемонии — все происходило в ночное время. Другими особенностями были особое почитание луны, земли и смерти, предпочтение отдавалось сестрам перед братьями, более поздно рожденным перед старшими детьми, и наконец, левой стороне перед правой.

Бахофен считал, что переход от матриархата к патриархату был шагом к более прогрессивной стадии цивилизации. Это произошло после ожесточенных войн, доказательства которых он обнаружил в греческой мифологии. После патриархата наблюдался временный возврат к матриархату (как прежде к гетеризму после матриархата). С этой точки зрения Бахофен интерпретировал такие явления, как амазонки и культ Диониса.

Амазонизм в том виде, как его описывали в древних легендах об амазонках, являлся видом женского империализма (по словам Тарела), который существовал во время древней битвы между гетеризмом и матриархатом, а впоследствии принял форму вырождающегося матриархата в период его борьбы против возникающего патриархата.

Культ Диониса, бывший эпизодом в битве между гетеризмом и матриархатом, представлял собой восстание женщин против патриархата. Система Диониса благоволила развитию изящных искусств, но в отличие от целомудренных порядков матриархата Деметры, привнесла моральное разложение. Стремление к освобождению женщин в действительности привело к тому, что они стали эксплуатироваться мужчинами. Это была система, благоприятная для деспотов.

Когда патриархальная система установилась полностью, воспоминание о матриархате стало настолько невыносимым для мужчин, что о нем «забыли». (Вспомним, что подобный случай коллективного забывания приводил Буланье к теории о разрушении предыдущей цивилизации водами Всемирного потопа.) Но память о матриархате возродилась

в виде символов и мифов, и, согласно Бахофену, косвенно послужила стимулом к созданию великих шедевров греческой литературы. Трилогия Эсхила, «Орестея», в интерпретации Бахофена является символическим изображением победы матриархата, местью патриархата и окончательным триумфом последнего. В мифе об Эдипе Бахофен считает, что сфинкс является символом древней стадии гетеризма. Убив сфинкса, Эдип тем самым способствовал установлению в Фивах матриархата под скипетром королевы Иокасты, однако последовавшее вслед за этим несчастье означало падение матриархата и его замену патриархатом[107].

Бахофен описывал патриархат как полное изменение матриархальной политики и социальной организации и отказ от его религии и философских принципов. Патриархат способствовал индивидуальной независимости и отделил людей друг от друга, но поставил их на более высокий интеллектуальный уровень. Люди первоначально любили лишь матерей, а любовь к отцам пришла только на последней стадии. Материнство предполагает более открытые и материальные взаимоотношения с детьми из-за беременности и грудного вскармливания. Отцовская любовь выше подобных отношений и является более абстрактным понятием. Это нашло выражение в законе с помощью процедуры усыновления и концепции «духовного рождения». Символическими характеристиками патриархата явился переход от ночи к дню, от луны к солнцу, от земли к небесам, от левой стороны к правой. Самым почитаемым божеством стал Аполлон, бог света и изящных искусств.

Отсутствие успеха у работы Бахофена частично объясняется плохой организацией книги, многочисленными отступлениями и длинными цитатами на латыни и греческом, которые он не переводил. Но прежде всего из-за того, что его теория подрывала не подвергавшееся сомнению ранее представление о том, что патриархальная семья существовала на протяжении всей истории человечества. В Базеле никто, даже такой ученый, как Якоб Буркхардт, не понял эти теории. Тем не менее старый Бахофен нашел последователя в лице юного Ницше, который принял его концепции о дионисических и аполлонических цивилизациях (с тем различием, что Ницше рассматривал цивилизацию Диониса скорее мужской нежели женской)[108]. В первой философской работе «Рождение Трагедии» Ницше объяснял рождение греческой трагедии результатом слияния двух течений, «дионисического» импульсивного вдохновения и «аполлонического» принципа порядка и совершенства (что во многом сходно с последующим толкованием Фрейдом рождения произведения искусства, которое является слиянием принципов удовольствия и реальности)[109].

На протяжении долгого времени историки, социологи и антропологи в равной степени игнорировали теории Бахофена, за небольшим

исключением в лице Льюиса Моргана — отца американской этнологии, который уже сделал к тому времени прекрасное описание матриархальной системы, господствующей в некоторых американских индейских племенах, и после того как познакомился с теориями Бахофена, широко цитировал его в книге «Древнее общество»[110]. Деятельность Моргана способствовала созданию многих научных обществ, и правительство Америки в благодарность сделало Бахофену подарок в виде большого количества книг об американских индейцах. Работа Бахофена впоследствии привела к созданию концепции Kulturkreis, популярной среди немецких антропологов, таких, как Вильгельм Шмидт, Копперс и Грабнер. Она также легла в основу попыток некоторых историков, изучающих доисторическую эпоху, воссоздать предшествующие стадии культуры, одной из которых был матриархат. Фридрих Энгельс дал социалистическую интерпретацию теорий Бахофена в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[111]. Матильда и Матиас Ваертинг пытались найти различия между обществами, где доминирует мужчина и женщина, и сделали вывод о том, что те или иные характерные черты, которые считаются присущими мужчинам или женщинам, соответствуют только характеру доминирования и доминирующего пола. Таким образом, согласно их теории, в обществе, где главенствует женщина, она будет обладать так называемым «мужским характером», и наоборот[112]. Еще один теоретик социализма, Август Бебель, объяснял, что женщины были первыми человеческими существами, которых можно было поработить[113]. Между тем Элизе Реклю и Бакунин также интерпретировали Бахофена в смысле анархической идеологии, и он даже стал популярным среди суфражисток.

Неожиданно в начале двадцатого века Бахофен достиг известности у более широкой аудитории благодаря деятельности группы неоромантических поэтов, философов и художников из города Мюнхена, которые называли себя Kosmiker[114]. Они с восторгом приняли его описания предыдущих культур и метод интерпретации символов. В их кругах Бахофен был провозглашен пророком и мифологом Романтизма[115]. Под влиянием неоромантиков были опубликованы его избранные сочинения, и идеи, пропагандируемые таким образом, в конце концов достигли более широких кругов. Несмотря на то, что ни одна работа Бахофена не была переведена на другие языки, многие из его концепций стали популярными, и их можно обнаружить (в более или менее искаженном виде) в многочисленных публикациях, сделанных историками, этнологами, социологами, политиками, психологами и психиатрами, где по большей части отсутствуют ссылки на его имя.

Идеи Бахофена проникли в психиатрические круги разнообразными путями, а его влияние на динамическую психиатрию было огромным.

Тарел указывал на некоторое сходство основных концепций Бахофена и Фрейда[116]. Бахофен, пишет Тарел, открыл явление подавления на полвека раньше, чем Фрейд. Можно добавить, что он обнаружил и явление формирования реакции: он указывал, что на рисунках, изображающих битвы амазонок, женщины-воины всегда побеждены, изранены и убиты. Бахофен утверждал также, что если римляне полностью стерли с лица Земли культуру этрусков, то это произошло из-за присущего им безумного страха и ненависти к матриархату. Между концепциями интерпретации символов Бахофена и Фрейда, говорит Тарел в дальнейшем, имеется огромное сходство. Оба утверждали, что существует граница, за пределы которой не могут проникнуть воспоминания индивида или человечества. У Бахофена это нашло выражение в попытках воссоздания истории человечества при помощи расшифровки мифов, а у Фрейда — при попытках воссоздания истории индивида с помощью интерпретации симптомов. Баумлер указывал на то, что Бахофен задолго до Ницше и Фрейда расстроил буржуазную систему ценностей девятнадцатого века, показав, что изначально сфера сексуальной жизни не только не подчинялась моральным нормам, но и была необычайно велика и к тому же имела собственную систему символов[117].

Можно и далее продолжать сравнивать концепции Бахофена и Фрейда. Бахофен, как может показаться исходя из его рассуждений, считал, что стадии эволюции, описываемые им для общества в целом, присущи и отдельному индивиду. Если придерживаться этой мысли, мы получим следующую схему:

Бахофен	Фрейд
«Гетерический» период первобытного промискуитета	Инфантильный период «полиморфного извращения»
Матриархат: главенство «матерей», гинекократия	До-эдиповый, «кровосмесительный» период, сильная привязанность к матери
Дионисический период	Фаллическая стадия
Мифы об Оресте и Эдипе, символический переход от матриархата к патриархату	Эдипов комплекс
Патриархат	Генитальная взрослая стадия
Подавление воспоминаний о матриархате	«Инфантильная амнезия»
Мифы	Защитные воспоминания, симптомы

Концепцию Бахофена о происхождении Амазонизма также можно сравнить с теорией Фрейда о женской гомосексуальности.

Влияние Бахофена распространилось на Альфреда Адлера через Энгельса и Бебеля. Адлер утверждал, что сегодняшнее притеснение женщин мужчинами является гиперкомпенсацией мужского начала по отношению к прежней стадии женского доминирования. Человек усвоил понятие наследственной борьбы между полами. По мнению Адлера,

невротик, испытывающий страх перед женщинами, таким образом развивает внутри себя «мужской протест», чтобы в неврозе являться игрушкой в руках этой борьбы между мужским и женским началом.

Что касается К.Г. Юнга, очень вероятно, что он прочел основные работы Бахофена, а его учения насыщены такими концепциями, как Анима и Анимус, «мудрый старец» и «великая мать», которые можно, по крайней мере, частично приписать влиянию Бахофена.

Кризис середины века

На протяжении всего девятнадцатого века имели место сильные социальные, политические и культурные изменения. Эти преобразования происходили не последовательно, а скорее циклами ускорения и замедления. В середине века наступил Великий кризис. Самым заметным его проявлением стала Революция 1848 года и ее последствия, которые потрясли Европу. Это отразилось на всех областях человеческой деятельности, что, в свою очередь, сказалось и на судьбе динамической психиатрии.

Множество изменений произошло на протяжении первой половины столетия. Промышленная революция распространилась из Англии по всей Европе и Северной Америке, результатом чего стало увеличение мощностей производства, промышленного выпуска, объема коммерческих сделок и создание новых транспортных средств. Одновременно с промышленной революцией наблюдался значительный подъем рождаемости населения Европы. Сравнительно плохие условия, в которых жили крестьяне, заставили многих из них мигрировать в города. Процесс урбанизации был особенно заметен во Франции. Париж воспринял самое лучшее из экономической, политической и интеллектуальной жизни нации. В результате сочетания урбанизации и индустриализации возник новый социальный класс — пролетариат, который стал благодатной почвой для распространения идей социализма. После Оуэна и Сен-Симона, которые были пионерами этой доктрины, между 1830 и 1848 годами появилось новое поколение ученых, таких, как Прудон, которые были главными вдохновителями часто лишь неопределенных идей и последними из тех, кого называют утопическими социалистами. «Коммунистический манифест», опубликованный в 1848 году Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, стал поворотным моментом в развитии социализма, и после 1860 года это направление стало все больше и больше ассоциироваться с идеологией и течением, созданными этими двумя учеными.

Следствием демографического взрыва стала массовая эмиграция европейцев в североамериканские страны, а также в Аргентину, Австралию и Сибирь. Страны, неподходящие для эмиграции, стали эксплуати-

роваться белым человеком[118]. Подобное промышленное, демографическое и научное развитие, а также быстрое политическое и экономическое завоевание мира внушило европейцам оптимизм, самоуверенность и агрессивность, свойственные западной культуре во второй половине девятнадцатого века.

Буржуазия, которая была лидирующим классом, а ее представители — создателями и владельцами предприятий крупной промышленности, теперь испытывала панический страх перед зарождающимся классом — пролетариатом. Социализм стал кошмаром буржуазии.

Мир все больше и больше распадался на большие суверенные, независимые государства. Англия была ведущей державой и центом Британской империи. На втором месте стояла Франция, в то время как Германия и Италия все еще стремились к национальному объединению. Выражалось некоторое беспокойство по поводу новых, растущих государств — Соединенных Штатов и России. Алексис де Токвиль пророчил, что они неожиданно появятся как две великие державы и придет день, когда они будут управлять миром и поделят его между собой[119]. В 1869 году Бахофен предсказывал, что историки, изучающие двадцатый век, будут говорить только об Америке и России, а функция Старой Европы будет сведена к обучению новых хозяев[120]. Однако подобные идеи едва ли воспринимали серьезно. Национальные волнения, вызванные романтическими идеями, начинали потрясать великие многонациональные империи, Австрию, Россию и Турцию. Революция 1848 года предоставила еще одно доказательство силы национальных стремлений.

Тем временем зарождалась новая философия, философия позитивизма, которой предстояло обрести огромную популярность. Ее корни уходят к французским энциклопедистам восемнадцатого века и особенно к Кондорсе, который утверждал, что развитие человеческого разума произойдет посредством развития науки. Новая философия, введенная на заре девятнадцатого века Сен-Симоном, была систематизирована Огюстом Контом, его последователем Литтре во Франции и Джоном Стюартом Миллем и Гербертом Спенсером в Англии. Основным принципом позитивизма был культ фактов. Он не искал непознаваемое, вещь в себе, абсолют, а искал некую «субъективную уверенность», предоставляемую экспериментальной наукой, а также постоянные законы, такие, как законы физики. Позитивизм отбрасывает любые рассуждения, близкие философии природы. Еще одной характерной чертой является интерес к эмпирической науке и поиск полезности. Продолжая линию Просвещения, позитивизм рассматривает человека как социальное существо. Огюст Конт ввел понятие «социология» и разработал основные принципы этой науки, которую он разделял на статическую и динамическую.

Эти основные направления медленно развивались на протяжении первой половины столетия, однако под влиянием кризиса середины века их развитие ускорилось. Самым заметным аспектом кризиса стала революция 1848 года. Она представляла собой политическое движение с сильным эмоциональным подъемом. Вся Европа приветствовала ее с таким юношеским пылом, что революцию 1848 года стали называть «весной народов»[121]. Это был подъем демократии против консерватизма, социализма против привилегий буржуазии, угнетенных народов против правительства иностранных государств. Во многих отношениях ее можно было считать временным возрождением Романтизма и конфликтом поколений. В Германии революция выразилась в поиске национального единства. Однако созыв парламента во Франкфурте потерпел прискорбную неудачу, в результате чего Германия как единое национальное государство начала существовать гораздо позднее, при содействии Бисмарка и под управлением Пруссии. Во всей континентальной Европе революцию встречали с энтузиазмом, потом следовал период эйфории, а затем наступило поражение и вместе с ним триумф политической реакции. Среди молодежи распространились упаднические настроения. Многим самым прогрессивным и энергичным молодым умам, особенно в Германии, наскучила Европа (Europa-mude) и они эмигрировали в Соединенные Штаты.

Широко распространенные и массовые психологические проявления, которые присутствовали и сопровождали революцию 1848 года, не стали объектами систематического исследования. Среди ее разнообразных аспектов было возросшее значение животного магнетизма. Во многих местах после публичных демонстраций происходили психические эпидемии. В то же самое время огромная волна спиритизма, о которой уже упоминалась в главе 2, поглотила Соединенные Штаты, а затем Англию и континентальную Европу. Связь между спиритическими эпидемиями и революцией 1848 года хорошо проследил Литтре, который писал: «В нашу эпоху революций общество часто сотрясают серьезные катаклизмы, наполняя одних глубоким страхом, а других несбыточными надеждами. Нервная система становится более возбудимой.(...) Такими являются обстоятельства, которые обусловили происшедший социальный взрыв»[122].

Кризис середины века завершил поражение Романтизма. Его немногочисленные последователи, такие, как Фехнер и Бахофен, были уверены, что будут неправильно поняты. Вторая половина века принадлежала науке и вере в науку. Во времена Французской революции и правления Наполеона ученых призвали, возможно, в первый раз, внести вклад в дело защиты родины с помощью своих открытий. И, возможно, этот призыв стимулировал создание ряда смелых предложений. В 1803 году

Анри де Сен-Симон заявил, что науку следует организовать в объединенное общество знания, а ученых — в иерархическое общество, наподобие католического духовенства, под управлением Совета Ньютона[123]. Иоганн Кристиан Рейль предложил организовать науку на военный манер, как государственный институт[124]. Ученые различных направлений будут работать под командованием вышестоящих начальников и посвящать себя исследованиям в области практических и прикладных наук. А в свободное время им будет разрешено заниматься теоретическими отраслями знания.

Однако тип научной организации, который преобладал в девятнадцатом веке, был далек как от творческого хаоса восемнадцатого века, так и от регламентированной науки, предложенной Сен-Симоном и Рейлем. Исследования теперь в основном проводились в университетах. Хотя каждый университет не зависел от другого, связь между ними поддерживалась через сеть научных обществ и журналов. Важным событием стало основание Берлинского университета в 1806 году. Для того времени это был крайне смелый жест, поскольку Пруссия была побеждена и разрушена. Основание университета задумывалось как первый шаг к возрождению нации. Он был организован на высоком научном уровне и ценой больших затрат под руководством Вильгельма фон Гумбольдта[125]. Берлинский университет вскоре стал моделью, по образцу которой организовывались другие немецкие университеты и создавались новые. В конечном счете он оказался стандартом для всей Центральной Европы. Таким образом, немецкая наука быстро шагнула вперед и примерно в середине века начала вытеснять Францию. Германия стала лидирующей страной в области наук.

Под совокупным влиянием позитивной философии, сосредоточения научных изысканий в университетах и направления культурного оптимизма, в западной цивилизации распространилась почти религиозная вера в науку, которая охватывала все большие и большие слои населения. Считали, что прежде всего наука должна удовлетворить бескорыстную жажду знаний человека. «Полагаете ли вы, — спрашивал Ницше, — что науки могли бы сформироваться и стать великими, если бы впереди них не шли волшебники, алхимики, астрологи и колдуны? Те, кто первыми должны были возбудить, посредством обещаний и вероломного обмана, жажду, голод и вкус к скрытым и запретным возможностям!»[126]

Это также означает, что наука была вынуждена доказывать свою действенность, защищая жизнь человека, побеждая и завоевывая природу для его блага. Теперь она является к тому же совокупностью проверенных методик и вынуждена следовать строгой методологии практической эффективности. Более того, науку стали рассматривать как

единство различных дисциплин и кладезь знаний, общих для всего человечества, из которого каждый может извлечь пользу или внести свой вклад. Это исключало существование тайных наук и научных «школ», зависящих от специфических философских систем, наподобие тех, которые были в Древней Греции. Продолжая традицию Просвещения, позитивизм уверял, что наука разгадает загадки Вселенной. И до момента, когда она будет претендовать на место религии, остается сделать только один шаг вперед.

Однако следует сказать, что определение критерия научности и ненаучности всегда было нелегким делом. Животный магнетизм, френологию и гомеопатию провозгласили удивительными научными открытиями и новыми отраслями знания. У этих направлений появились тысячи восторженных поклонников, которые время от времени обучались в университетах, но в девятнадцатом веке на их место пришли настоящие ученые.

Всеобщая вера в науку часто становилась как бы видом религии и породила умонастроение, которое назвали научным подходом (scientism). Это наукообразие зашло настолько далеко, что отрицало существование всего, что невозможно постичь научными методами, и часто переходило в атеизм. После 1850 года хлынул поток популярной литературы, пропагандирующей исключительную веру в науку в сочетании с атеизмом и иногда с излишне упрощенным учением материализма. Авторами подобных работ были Бюхнер, Молешотт и Фохт, а позднее к ним присоединились работы Геккеля.

Независимо от того, принимала ли вера в науку крайнюю форму или была более умеренной, всеобщий оптимизм — характерная черта того периода — сохранялся до конца века. Эти настроения прекрасно отразил Жюль Верн в своих романах, рассуждая о том, чего может достигнуть человек с помощью науки. На естествоиспытателя (scientist), ставшего популярным персонажем в обществе, распространился стереотип savant[127] (ученый, букв. знающий). Savant безусловно принадлежит университету, вне стен которого наука почти не существовала. Но это был не просто ученый, как в прежние времена, теперь он — исследователь и к тому же преподаватель. Самой характерной чертой стала бескорыстность. Наука — это его религия, которая, как и любая другая, имеет своих святых и мучеников. Задача этой религии — открытие истины. Savant, по необходимости, также упорно работал и был настолько поглощен своим исследованием, что не замечал ничего, что происходит вокруг. Хотя скромность не всегда считалась его основной добродетелью, он часто выглядел неуверенным в себе, был плохим собеседником и мало участвовал в общественной жизни (за исключением той, которая считалась необходимой для легитимных, академических целей).

Его эмоциональная жизнь была окутана тайной, а женой становилась скромная и мужественная женщина. Она посвящала свою жизнь заботе о муже и детях и часто была неспособна понять смысл его работы, но до конца своих дней оставалась рядом с ним. Savant верил в «чистую» науку и не испытывал ничего кроме презрения к исследователю, работающему на нужды промышленности, чьи изобретения использовали в практических целях. Конечно, было известно, что достижения науки можно также использовать и для совершения преступлений или убийств, но заявление некоторых ученых, таких, как анархист Бакунин или Эрнест Ренан, о том, что, возможно, придет день, когда науку будут использовать для угнетения и уничтожения человечества[128], считали забавным парадоксом.

Всеобщая вера в могущество науки поддерживалась не только культом позитивизма, но и многочисленными открытиями и изобретениями, появление которых беспрестанно ее усиливало. Они следовали одно за другим настолько быстро, что каждый мог, так сказать, видеть, как преображается земля под их воздействием. Прогресс в медицине и гигиене изменил условия жизни человека, а средняя продолжительность жизни с начала девятнадцатого века постоянно увеличивалась. Этот прогресс имел важное социальное и биологическое значение[129]. И, наконец, открытие между 1840 и 1850 годами хирургической анестезии не только сделало возможным развитие хирургии, но и исключило муки физической боли, чему способствовали последующие открытия болеутоляющих и успокаивающих средств. Людям не нужно было больше страдать от боли, как прежде, и они, став более чувствительными к ней, начали больше ее бояться[130]. Таким образом, человек к концу столетия стал совершенно другим биологическим существом по сравнению с тем, каким он был в начале, поэтому неудивительно, что совершенно изменилась и его психопатология.

Новые доктрины: Дарвин и Маркс

Великие социологические и биологические изменения, которые произошли в западном мире в девятнадцатом веке и особенно после 1850 года, потребовали новой идеологии. Эпоха Романтизма, по-видимому, полностью закончилась. Просвещение так и не восстановило тот престиж, который у него был в конце восемнадцатого века. Тем не менее под влиянием его идей в России освободили крепостных, а в европейских колониях и Соединенных Штатах — рабов. Однако духу Просвещения все больше и больше противоречили новые культурные направления. Философия промышленной революции — свободное предпринимательство, конкуренция, открытие новых стран и жестокая

борьба за мировые рынки — по-видимому, нашла свое научное выражение в дарвинизме, в то время как марксизм дал философскую основу социалистическим партиям, которые появились в результате развития растущего промышленного пролетариата и усиления классовой борьбы. Огромное влияние обеих доктрин, дарвинизма и марксизма, проявилось после 1860 года. Это воздействие затронуло все сферы жизни, включая и динамическую психиатрию.

Чарльз Дарвин (1809–1882)

Чарльз Дарвин впервые стал известен как подающий надежды молодой ученый, который принял участие в кругосветном плавании на «Бигле» в качестве натуралиста. Целью экспедиции было проведение геодезических и картографических исследований прибрежных областей Южного полушария[131]. Результаты наблюдений, сделанных на протяжении пяти лет путешествия (1831–1836), сразу поставили Дарвина в ряды выдающихся натуралистов того времени. Через несколько лет слабое здоровье заставило его уединиться в собственном поместье, находившемся недалеко от Лондона, где он посвящал несколько часов работе в области естественных наук, когда чувствовал себя достаточно хорошо. В октябре 1838 года случилось так, что Дарвин прочел работу Мальтуса «Опыт закона о народонаселении», где автор полагает, что «борьба за существование» является законом, управляющим развитием человеческого населения. Он предположил, что «борьба за существование» могла также объяснить и естественный отбор, в результате которого развиваются и преобразовываются виды. В 1842 и 1844 годах он вкратце набросал основные положения своей теории. В течение следующих двадцати лет Дарвин продолжал писать монографии на различные темы, касающиеся геологии и зоологии, в то же время медленно совершенствуя теорию эволюции видов и собирая огромное количество относящихся к ней фактов. Он приступил к созданию своего magnum opus в мае 1856 года и уже закончил половину к июлю 1858 года, когда получил рукопись от Альфреда Уоллеса, в которой развивалась та же самая теория эволюции видов в результате естественного отбора и борьбы за существование. Друзья Дарвина договорились о совместном представлении рукописи Уоллеса и выдержек из набросков Дарвина, сделанных в 1844 году, в Линнеевском обществе в июле 1858 года и о их совместной публикации[132]. Вслед за этим он начал писать сжатую версию книги. В 1859 году вместе с публикацией работы «Происхождение видов путем естественного отбора» к нему пришла мировая известность[133]. Он внезапно обнаружил, что находится в центре научных, философских и религиозных дискуссий, которые ученый пытался избежать всеми возможными способами. Среди его последних работ

были «Происхождение человека и половой отбор», в которой Дарвин применял теорию, развиваемую в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», к человеку, и «Выражение эмоций», где ключ к той старой проблеме ученый искал в анализе инстинктов, лежащих в основе разнообразных эмоций. Когда в 1882 году Дарвин скончался, в парламент была подана петиция о захоронении его останков в Вестминстерском аббатстве, где его могилу можно найти неподалеку от могилы Ньютона.

Известность Дарвина прежде всего ассоциируется с трансформизмом, который он называл теорией происхождения, эволюцией видов. Это противостоит концепции постоянности и неизменности видов. В действительности признаки теории трансформизма можно найти в трудах греческих философов Анаксимандра и Эмпедокла и их китайского современника Цон-Ци, который согласно Неру, в VI веке до н. э. написал следующее:

> Все организмы происходят из единственного вида. Этот единственный вид подвергался многочисленным постепенным и постоянным изменениям, а затем дал рост всем организмам разнообразных форм. Такие организмы не стали различаться немедленно, напротив, они приобрели отличия, постепенно изменяясь, из поколения в поколение [134].

Историки науки обнаружили ряд предшественников Дарвина начиная с семнадцатого века и заключили, что эволюционистические взгляды были довольно распространенными за век до него[135]. Слабым местом ранних систем было отсутствие убедительных аргументов, поддерживающих эту теорию, и вероятного объяснения механизма изменения видов. Ламарк (1744–1829) объяснял трансформацию видов посредством адаптации, продолжительного использования и неиспользования органов и передачей приобретенных качеств, но не мог предоставить доказательства. Заслуга Чарльза Дарвина не в том, что он ввел понятие трансформизма, а в том, что он предложил новое каузальное объяснение и подкрепил свою теорию огромным количеством доказательств, которые терпеливо собирал в течение двадцати лет.

Дарвин оттолкнулся от того факта, что у растений и животных происходят многочисленные самопроизвольные, случайные изменения, которые передаются следующему поколению. Это хорошо известно специалистам по разведению растений и животных. Они отбирают изменения с некоторыми свойствами, скрещивают их и таким образом получают новые виды, обладающие искомыми качествами. Иногда селекционеры просто отбирают образцы, которые считают лучшими, скрещивают их и добиваются новых, неожиданных сортов (этот процесс Дарвин назы-

вал бессознательным отбором). Его же можно назвать и искусственным отбором. В отношении естественного отбора Дарвин предположил, что новые виды могут появляться посредством случайных изменений, и их наследственная передача может происходить по тому же самому пути, как появляются новые виды. Но как природа осуществляет процесс отбора, сравнимый с отбором, регулируемым селекционерами? Дарвин полагал, что главным фактором является борьба за существование в природе — процесс, сходный с тем, к которому обратился Мальтус в области демографии. Это значило бы, что в данном виде растения или животного количество особей превышает ограничения, накладываемые величиной территории и количеством пищи, поэтому существует непрерывная борьба за существование, в которой выживут особи, претерпевшие такие произвольные изменения, которые сделали их более подготовленными к борьбе, в то время как неподготовленные будут уничтожены. Однако изменения, происходящие в окружающей среде, постоянно бросают вызов степени приспособленности живых существ.

Среди аргументов, предоставленных Дарвином в защиту теории трансформизма, были такие, как гомологическая структура у индивидов, принадлежащих родственным видам, существование рудиментарных органов (оставшихся от прежних, наследственных видов), явление реверсии, возрождение наследственных признаков и многочисленные факты, связанные с классификацией животных по геологическим периодам и месту обитания. Но для того чтобы сделать свою объяснительную теорию последовательной, Дарвин выдвинул несколько других гипотез: о том, что самопроизвольные изменения могут дать развитие новым видам (не только новым расам), что приобретенные признаки могут передаваться по наследству, что продолжительность геологических периодов была крайне велика и что развитие палеонтологии предоставит недостающие элементы, связывающие известные виды с их предполагаемыми наследственными формами.

В работе «Происхождение видов путем естественного отбора» Дарвин ничего не говорил о человеческом виде, но вскоре Томас Хаксли в Англии и Эрнст Геккель в Германии применили его теорию к происхождению человека. Во второй значительной работе «Происхождение человека и половой отбор» Дарвин выдвинул гипотезу о том, что «человек происходит от волосатого, хвостатого четвероногого млекопитающего, вероятно, привыкшего лазать по деревьям и являвшегося обитателем древнего мира»[136]. Это существо настолько отличалось от большинства диких животных, живших тогда, насколько эти животные отличаются от цивилизованного человека. Дарвин пытался воссоздать внешний вид нашего предка и дать чисто биологическое объяснение его развития от дикого существа до современного человека. Общество, го-

ворит он, произошло от инстинктов родительской любви и любви детей к родителям, от инстинктов взаимопонимания и взаимопомощи между животными одного вида. А язык начался с криков, сопровождающих некоторые эмоции и имитации криков, издаваемых другими животными. Нормы поведения в большей части произошли от вышеупомянутых инстинктов, дополненных чувствительностью человека к общественному мнению, а впоследствии разумом, образованием и привычкой. В работе «Происхождение человека и половой отбор» Дарвин не придает борьбе за выживание того исключительного значения, которое он приписывал ей в книге «Происхождение видов путем естественного отбора». Он говорит об инстинкте взаимопомощи и утверждает, что в эволюции человека наиболее важным фактором являлся половой отбор, который заключается в том, что более сильные мужские особи стремятся выбрать самых привлекательных женских особей и что самки оказывают предпочтение сильным самцам, и эти пары имеют наиболее многочисленное потомство.

История дарвинизма является типичным примером теории, которая отмежевалась от своего основателя и стала развиваться автономно и в неожиданном направлении. Работа «Происхождение видов путем естественного отбора» вряд ли была бы опубликована, если бы Дарвин обнаружил, что его теория встала в один ряд с ее многочисленными противоречивыми толкованиями и что он сам превратился в живую легенду[137]. Было сказано, что Дарвин, седобородый патриарх естественных наук, имеющий слабое здоровье, живущий изолированно и уединенно, совершил самую серьезную интеллектуальную революцию со времен Коперника[138]. Говорили, что он был первым, кто сформулировал теорию эволюции (бывших сторонников этой теории, включая и его деда, Эразма Дарвина, в лучшем случае называли предшественниками, если не игнорировали вовсе). Более того, забыв о том, что Дарвин выдвинул свою теорию лишь в качестве гипотезы, теперь полагали, что он доказал ее и поднял до уровня неопровержимой научной истины. Понятие борьбы за существование, слишком далекое от того, чтобы быть просто объяснительной гипотезой, теперь стали считать опорой дарвинизма. И совершенно проигнорировали то, что Дарвин предложил несколько других механизмов (одним из которых является половой отбор). Провозгласили, что борьба за существование, ныне понимаемая в более гоббсовском смысле как «война всех против всех», есть универсальный закон, который открыл и продемонстрировал Дарвин, «железный закон», управляющий живым миром и человечеством, который устанавливает основополагающий критерий для этики. Однако было несколько ученых, которые пытались объективно рассмотреть истинное значение идей Дарвина, оценить их с научной точки зрения и отказаться от не-

правильных толкований его теорий, сделанных восторженными сторонниками, а также ослепленными оппонентами[139].

Историческое значение любой теории не ограничивается тем, что первоначально закладывал в нее автор. Оно включает в себя ее разработку, дополнения, интерпретации и искажения, которым она подвергается, а также последствия, которые появляются в результате использования теории и извращенных толкований.

Настоящей областью применения теории дарвинизма была естественная история. Сам автор предложил ее в качестве гипотезы, направленной на то, чтобы доказать теорию трансформизма. В этом смысле ее последствия разнообразны. Она дала сильный толчок развитию естественных наук. Поиск потерянных элементов для воссоздания последовательности изменений, которые претерпели виды, способствовал прогрессу палеонтологии, а эмбриологические доказательства в защиту трансформизма стали отправной точкой для новых исследований в области сравнительной эмбриологии. Но прежде всего публикация работы «Происхождение видов путем естественного отбора» поменяла господствующие мнения в среде натуралистов. Теория фиксизма потеряла практически всех своих сторонников, а трансформизм, называемый теперь теорией эволюции, приняло подавляющее большинство ученых. Но означает ли это, что подтвердится та отдельная гипотеза, сформулированная Дарвином для объяснения механизма эволюции? Это был один из самых спорных вопросов современной науки. Несмотря на широкое признание его теории, все еще выражались некоторые сомнения по поводу истинной роли, которую играет борьба за существование[140, 141], а также по поводу ее влияния на эволюцию — могут ли случайные изменения привести к образованию нового вида (не только новой расы), и действительно ли существует большинство потерянных элементов?[142] Гертруда Химмельфарб приводит высказывание нескольких известных в то время натуралистов, которые заявили, что всеобщее принятие дарвинизма не означает его полную научную состоятельность, поскольку в основе лежат страх человека перед неизведанным и то, что ученые предпочитают любое неудовлетворительное объяснение отсутствию объяснения вообще[143].

Если бы дарвинизм оставался в рамках первоначальной области применения, он никогда бы не достиг той славы, которая у него была. Вскоре его принципы стали использовать и в других науках. Биологи называли «внутренним отбором» предполагаемую борьбу между частями организма на протяжении развития. Психологи допустили, что инстинкты и умственные способности также возникают в процессе естественного отбора. Подобным образом реконструировалась эволюция

человеческого общества, семьи, языков, моральных норм или религии, и ни одна отрасль науки не осталась незатронутой этой доктриной[144].

Дарвин старался не вторгаться в область философии, но его последователи решили, что из его идей можно вывести философскую систему и, в особенности, новую концепцию эволюции и прогресса. В эпоху Просвещения идею прогресса понимали как постоянный процесс, который проходит под руководством разума и имеет своей целью процветание и счастье человечества (включая и отверженных членов общества). Романтики размышляли о скрытом процессе, лежащем в основе природы, о бессознательных иррациональных силах, которые, тем не менее, служат рациональной цели. Теперь дарвинизм указывал на явление биологического прогресса среди живущих видов и социального, и даже морального прогресса в человечестве, который является результатом автоматического и механического действия случайных событий и слепой, всеобщей борьбы. За эту идею ухватились атеисты и использовали ее как оружие против религиозной веры в Создателя и против религии вообще. Но пока некоторые круги, отождествляемые с библейским фундаментализмом, продолжали сражаться с дарвинизмом, большинство теологов вскоре примирили идею эволюции с религией. Американский ботаник Эйса Грей (1810–1888), первая защитница идей Дарвина в Америке, с самого начала стала основателем «теистического крыла» идеи эволюции[145].

В Соединенных Штатах дарвинизм оказал сильное влияние на философию. В ней появился новый подход к мышлению, при котором мысли считали не перманентными сущностями, а скорее универсальной точкой зрения эволюции[146]. Инструментализм, прагматизм и утилитаризм являются лучшими выразителями такой философской позиции.

В Германии философский дарвинизм принял другую форму под влиянием Эрнста Геккеля. Он был биологом, достойным похвалы за великолепное исследование инфузорий, медуз и губок. Геккель провозгласил себя проповедником дарвинизма и старался подкрепить его новым доказательством, «фундаментальным биогенетическим законом»[147]. В эмбриональной стадии, говорил он, любое живое существо претерпевает те же самые изменения, которые происходили с его предками на протяжении всей эволюции («онтогенез повторяет филогенез»). Однако впоследствии он понял, что этот закон непостоянен, поскольку серии превращений могут быть ограничены или даже изменены. Но Геккель включил дарвиновский трансформизм в широкую философскую систему, называемую монизмом. Природа, говорил он, — это место универсальных процессов развития от молекулы до клеточных организмов. Нет никакого различия между органической и неорганической природой, жизнь представляет собой физическое

явление, характеризующееся особым видом вибрации в материи. Все живые виды в природе произошли из материи посредством вмешательства одной элементарной живой субстанции, «монеры», одноклеточного существа без ядра. Геккель утверждал, что видел ее через микроскоп. Весь процесс трансформизма, начиная с монеры, включает в себя три мира: мир «протист» (одноклеточных организмов), растений и животных. Геккель воссоздал целое генеалогическое древо человека, состоящее из двадцати двух ступеней, где монера была первой, человек — двадцать вторым, а все, что было между ними, являлось гипотетическими существами. Двадцать первым, то есть самым близким предком человека предположительно был «питекантроп», относящийся к обезьянам. Человек появился в Лемурии, на ныне затонувшем континенте между Индией и Африкой. Существовало двенадцать видов и тридцать шесть рас людей. Геккель учил, что клетки и даже молекулы наделены элементарным сознанием, и предложил основать новую религию, основанную на поклонении космосу. Он так и не понял, что его система была лишь последним возрождением философии природы. Он полагал, что его теории являются абсолютно научными, и сегодня трудно представить тот фантастический успех, который сопровождал их на протяжении нескольких десятилетий, особенно в Германии, где эта система часто отождествлялась с дарвинизмом. Молодые врачи поколения Фрейда познакомились впервые с дарвинизмом именно в интерпретации Геккеля. Престиж ученого оставался настолько высок, что юный Роршахв 1904 году спрашивал его совета, когда колебался между тем, заняться ли ему искусством или естественной наукой.

Наиболее сильно влияние дарвинизма чувствовалось в социальной сфере, через учение социального дарвинизма, которое представляет собой огульное применение концепций «борьбы за существование», «выживание наиболее приспособленных» и «устранение непригодных» к явлениям и проблемам человеческих обществ. Именно натуралист Томас Хаксли, один из первых последователей Дарвина, в известном сообщении, сделанном в 1888 году, резюмировал эту философию, связывая ее с современной ситуацией в Англии:

> С точки зрения моралистов, животный мир стоит примерно на том же самом уровне, что и шоу гладиаторов. С животными довольно хорошо обращаются и выводят на поле битвы, посредством чего самые сильные, быстрые и хитрые выживают для того, чтобы сражаться на следующий день. Зрителю не нужно опускать вниз большой палец, поскольку все равно пощады не будет. (...) В череде событий, которые составляют жизнь человека-животного, не обнаружить ни одной более моральной цели, чем та, которая гонит волка на беззащитного оленя. (...) Действительно, среди первобыт-

ных людей терпели поражение самые слабые и глупые, в то время как самые сильные и хитрые, лучше всего приспособленные к тому, чтобы справляться с обстоятельствами, но не самые лучшие в любом другом смысле, выживали. Жизнь была постоянной дракой, и за пределами ограниченных и временных отношений в семье, гоббсовская война всех против всех являлась нормальным условием существования. (...) Однако усилие нравственного человека, направленное на достижение моральной цели, никоим образом не умалялось, поскольку оно хоть немного изменяло глубоко укоренившиеся органические импульсы, которые заставляют естественного человека следовать своему аморальному кодексу. (...)[148]

Если уж натуралист смог интерпретировать учение Дарвина таким образом, легко можно представить, как оно было искажено в работах социологов и политиков, которые изучали его только понаслышке. Связав этот фантастический универсальный закон с теорией дарвинизма, его использовали в качестве разумного объяснения, которое оправдывало истребление примитивных народов белым человеком. Марксисты применяли его как аргумент в защиту классовой борьбы и революции. Криминалисты итальянской позитивной школы Ферри и Гарофало использовали концепцию «устранения непригодных» в качестве аргумента за сохранение смертной казни. Аткинсон распространил понятие всеобщей борьбы на область семейных отношений и описал закон, существовавший у первобытных людей, по которому взрослый сын убивал престарелого отца[149]. Милитаристы всего мира обратили это учение в научное доказательство необходимости войн и содержания армии. Псевдодарвинистская философия, которая убеждала европейскую элиту, что война является биологической необходимостью и неизбежным законом, признана ответственной за развязывание Первой мировой войны[150]. Целая плеяда политиков провозгласила те же принципы, достигшие апогея с приходом Гитлера, который неоднократно цитировал Дарвина[151]. Короче говоря, как установил Кропоткин, «нет ни одного позорного поступка в цивилизованном обществе, будь то в отношении белого человека к так называемым низшим расам, или сильного к слабому, который не нашел бы своего оправдания в этой формуле»[152]. Это направление мышления, которое можно проследить от гоббсовского принципа «человек человеку волк» до Мальтуса и от Дарвина до литературного описания «закона джунглей», сделанного Киплингом, наложило особый отпечаток на западный мир, особенно на последние десятилетия девятнадцатого и начало двадцатого столетий. Влияние любой доктрины состоит также в извращенных толкованиях и появлениях противоречий, которые идут вразрез как с доктриной, так и с ее толкованиями. С самого начала возникла сильная оппозиция по отно-

шению к идеологии, которую установил Дарвин. Во время тюремного заключения в Клерво (1883–1886) русский анархист Кропоткин увидел необходимость переоценки формулы Дарвина на основе данных, которые он обнаружил в работах русских зоологов Кесслера и Северцова. Он разработал теорию взаимопомощи как основного закона живых существ[153]. Характерно, что и эта теория, по-видимому, нашла точку соприкосновения с современными английскими натуралистами[154]. Другие натуралисты в течение долгого времени указывали на то, что даже если так называемая борьба за существование и применима к животному миру, то все еще нет никаких оснований применять ее к человеческому обществу, которое имеет особые законы и структуру[155]. Английский экономист Норман Энджелл перед Первой мировой войной говорил об ошибочности этого псевдозакона, который ведет народы Европы к катастрофе[156].

Сам закон эволюции не избежал противоречий. Французский биолог Рене Кинтон провозгласил «принцип константности». Он говорил, что если все живые существа, включая и человека, вышли из моря, то они, в свою очередь, сохраняли на протяжении всех фаз эволюции milieu interieur (внутреннюю среду), которая с физической и химической точки зрения очень похожа на состав морской воды[157]. Реми де Гурмон применил этот принцип к интеллектуальной жизни и отрицал, что в развитии человеческого мышления был какой-либо действительный прогресс. Изобретатели и художники, жившие в доисторическое время, говорил он, были много более одаренными, чем любой современный изобретатель и художник. На протяжении всех фаз культурной революции высочайший уровень человеческого интеллекта оставался одинаковым[158].

Закон «выживания наиболее приспособленных» и «устранение непригодных» представляет особый интерес для динамической психиатрии. Действительно, не много нашлось бы людей, настолько же неприспособленных к жизни в условиях жестокой конкуренции, как сам Дарвин, детской мечтой которого было стать деревенским священником и посвящать свободное время любимому увлечению — естественной истории. Слабое здоровье препятствовало бы любой университетской деятельности. Он не смог бы довести до конца свою работу, если бы не счастливое стечение обстоятельств и не заботы преданной ему жены. Он избегал личного участия в дискуссиях, развернувшихся вокруг его теорий, оставляя это своим сторонникам.

Альфред Адлер систематически обращался к принципу «устранения непригодных». Он показал, что врожденные недостатки часто дают импульс для биологической компенсации. Затем он с таким же успехом распространил этот принцип на область психологии, сделав «компенсацию» основным понятием своей системы. Таким образом, неполно-

ценность, не имеющая никакого отношения к причине неудачи, могла оказаться лучшим стимулом для социальной борьбы и победы.

Как и многие его современники, Фрейд был восторженным читателем работ Дарвина, а влияние дарвинизма на психоанализ разносторонне. Во-первых, Фрейд, как и Дарвин, сформировал свою психологическую теорию, основываясь на биологической концепции инстинктов. Такого рода психология уже была сформулирована Галлем и его последователями, а также несколькими психиатрами, такими, как Ж. С. Сантлус[159]. Но теория инстинктов Фрейда явно берет начало в работах Дарвина. Достойно внимания то, что Фрейд сначала приписывал исключительное значение либидо, а впоследствии решил разделить агрессивные и деструктивные инстинкты, в то время как Дарвин развивал свою теорию в противоположном направлении. В работе «Происхождение видов путем естественного отбора» он строит ее вокруг принципа борьбы за существование, между тем как в книге «Происхождение человека и половой отбор» дополняет ее и отдает ведущую роль в происхождении и развитии человека половой привлекательности. Во-вторых, Фрейд перенял генетическую точку зрения Дарвина относительно проявлений жизни. Дарвин выявил факт локализованной задержки развития и «реверсию», то, что Фрейд впоследствии назвал фиксацией и регрессией. В-третьих, Фрейд, по-видимому, перенес на психологию и антропологию «закон рекапитуляции» Геккеля. Положение о том, что «онтогенез повторяет филогенез» нашло эквивалент в толковании Фрейдом индивидуального развития человека, которое проходит через те же стадии, что и эволюция человеческих видов, и Эдипов комплекс является индивидуальным возрождением убийства старого отца, совершенного его сыном. И наконец, влияние Дарвина можно обнаружить в фрейдовской биологической теории происхождения человеческого общества и морали, где в основе лежит предположение о существовании раннего, гипотетического предка человека, который жил небольшими группами или стаями. Можно обнаружить и еще одно косвенное воздействие Дарвина на Фрейда. Поль Ре объяснял развитие морального сознания как выражение легализованной дарвиновской борьбы за жизнь, подобно той, что существовала среди древних исландцев[160]. Они провозгласили, что у человека нет права, которое он не мог бы защитить, поэтому если кто-нибудь хочет обладать собственностью другого человека, он может вызвать владельца на состязание. Если владелец побежден или убит в битве, его собственность легально переходит к тому, кто бросил вызов. Но наконец пришло время, когда закон запретил этот примитивный обычай, а фрустрированная агрессия и стремление человека к обладанию стали источником раскаяния, в результате чего и возникла совесть. Эту теорию развивал Ницше в работе «К генеалогии морали», которая

была прототипом понятий, впоследствии развиваемых Фрейдом в книге «Цивилизация и недовольные ею»[161].

Карл Маркс (1818–1883)

Мы видели, как последователи Дарвина трансформировали дарвинизм, который первоначально представлял собой систему гипотез, сформулированных в поддержку теории эволюции, в социальный дарвинизм. Он стал философией, давшей видимое научное разумное объяснение духу жестокой конкуренции, которая оживила промышленный, коммерческий, политический и военный мир в последние десятилетия девятнадцатого века. В противоположность социальному дарвинизму, марксизм с самого начала являлся философской системой. Вскоре он также стал философией истории, экономической теорией, политической доктриной и даже образом жизни. Его автором был Карл Маркс, который разработал эту систему в сотрудничестве со своим другом Фридрихом Энгельсом (1820–1895).

Как учение марксизма, так и учение дарвинизма разделяют представление о прогрессе человечества, но эти доктрины расходятся в точке, касающейся природы основного процесса. Дарвинизм приписывает прогресс (не только эволюции видов, но и человечества) механическому и определяющему эффекту биологических явлений; марксизм приписывает его «диалектическому» процессу, которому, тем не менее, должны способствовать сознательные усилия людей.

Еще одной чертой, одинаково характерной как для марксизма, так и для дарвинизма, является идея о том, что справедливость и нравственность — это не абсолютные, неизменные принципы, как учили традиционные философские системы и философия эпохи Просвещения, а относительные. Для Дарвина они являются результатом социальной эволюции, Маркс понимает их в терминах «исторического материализма» и истории классовой борьбы.

Основным источником марксизма как философской системы стал непосредственно сам Гегель, а также некоторые его преемники. Философия Гегеля дала Марксу «диалектический метод», то есть метод анализа на вид противоречащих друг другу концепций и открытия общего принципа, который объединил бы их в общность более высокого порядка, поступательно развивающуюся таким образом от понятия к понятию вплоть до абсолюта. Но в то время как Гегель использовал диалектический метод для построения мощной системы философского идеализма, Маркс применял его к материалистической философии.

Маркс перенял от Гегеля и концепцию «отчуждения», в которой человек «отчужден» от самого себя. «Отчуждение» означает, что индивид овеществляет какую-то часть себя, которую он затем восприни-

мает как внешнюю данность. Эта концепция вызвала многочисленные дискуссии среди последователей Гегеля. Один из них, Людвиг Фейербах, утверждал, что человек «отчужден от самого себя» потому, что он создал Бога по собственному подобию, таким образом как бы спроецировав лучшую часть своей души во внешний мир и поклоняясь ей, как будто это некая высшая сущность. Положив конец этому состоянию, человек заново создает свою собственную единую сущность. Маркс модифицировал и расширил концепцию Гегеля. Существует не только религиозное и философское отчуждение, но также и политическое, социальное и экономическое отчуждение. Человек отчужден от самого себя, утверждает Маркс, из-за классового разделения общества, при котором руководящий класс подавляет и эксплуатирует руководимые классы. Следовательно, говорил он, бесклассовое, социалистическое общество уничтожит отчуждение и все его проявления.

Маркс утверждал, что вплоть до этого времени философия пыталась объяснить мир, в то время как истинная проблема заключается в его изменении. По этой причине его философия неотделима от деятельности, то есть особенно от революционной деятельности. (Фактически Маркс и Энгельс не удовольствовались управлением революционными организациями, а участвовали в различных революционных движениях в Германии.)

Как и Гегель, Маркс говорит, что человеческий вид подвергается диалектическому процессу эволюции, но он рассматривает этот процесс, по существу, совершенно иначе. Философия истории Маркса базируется на том, что историю можно интерпретировать как классовую борьбу, которую можно объяснить понятием идеологической надстройки, находящейся на социальном базисе[162]. Открытие средств производства обусловило перемены в социальной структуре, то есть в разделении классов и взаимоотношениях этих классов. Правящие классы подавляют низшие, с этой целью они навязывают им свою политическую систему и организации. Но правящий класс также создает и «идеологию», которая включает в себя религию, моральные ценности и философию, в то же самое время являясь отражением социальной структуры и способов подавления низших классов. Посредством этой идеологии руководящие классы устанавливают свод законов и судебный аппарат, необходимые для сохранения их превосходства над эксплуатируемыми классами.

Люди, принадлежащие к правящему классу, часто не осознают, что они делают, когда применяют эту идеологию. По словам Фридриха Энгельса, «Отражение экономических отношений в форме легальных принципов... происходит без осознания теми, кто действует; юрист полагает, что действует, руководствуясь априорными принципами, в то

время как они являются лишь отражением экономических отношений»[163]. Таким образом, одно практическое правило марксистского анализа гласит: «За тем, что люди говорят, за тем, что они думают о себе, скрывается то, что они собой представляют, и это может быть выявлено посредством анализа их действий»[164]. В работах Маркса содержится множество примеров анализа того, что он называл «мистификациями», то есть тех процессов, посредством которых люди обманывают как себя, так и других своим превосходством.

Идеологическая надстройка, детерминированная социальным базисом, должна непреклонно следовать его изменениям. Однако, возможно, существуют задержки, расхождения и сопротивление этим изменениям. Это особенно верно в тех случаях, когда структура классовых взаимоотношений модифицируется таким образом, что высший класс приходит в упадок, в то время как низший класс находится в положении завоевателя. В таких случаях люди, принадлежащие к низшему классу, могут не осознать ситуацию, а люди из высшего класса могут сознательно сопротивляться изменению или разработать новую идеологию для того, чтобы обмануть низший класс. Согласно Марксу, любая война представляет собой «мистификацию» низшего класса высшим классом, который надеется, что таким образом отклонит надвигающуюся революцию.

Как политическая доктрина, классический марксизм, описанный Марксом и Энгельсом в работе «Коммунистический манифест» (1848) и в последующих произведениях, не верит в возможность последовательного и мирного перехода власти от одного класса к другому. Структура классовых отношений постепенно изменяется вплоть до той критической точки, когда в действие вступают революционные силы, вызывающие неизбежные перемены. Вмешательство этих сил, в первую очередь, подразумевает «диалектический анализ» экономического и общественного положения, для того чтобы оценить масштабы внутренних противоречий, направленность и цели революционного движения. С этого момента первая фаза революционного движения несет чувство классового сознания низшим классам общества или, по меньшей мере, их элите. Конечным шагом является возникновение революционной активности как таковой. Дальнейшим постулатом марксизма является утверждение, что при определенных обстоятельствах необходимо спровоцировать «революционную ситуацию», чтобы ускорить кризис.

Для наших целей нет необходимости развивать эти положения далее. В отношении динамической психиатрии вышесказанного достаточно для того, чтобы осветить некоторые положения концепций динамической психологии Фрейда и Адлера. Для Адлера отношение к Марксу совершенно очевидно, поскольку, хотя он не был коммунистом или

ортодоксальным марксистом, но оставался сторонником социализма. В некоторой степени Адлер рассматривал невроз как отражение общественных отношений, которое индивид переносит на свою психику. В адлеровской концепции отношений между мужчиной и женщиной можно видеть влияние социалиста Августа Бебеля.

Между некоторыми основными положениями теорий Фрейда и Маркса существуют любопытные аналогии[165]. Как у одного, так и у другого среди предков были раввины. Каждый из них принадлежал к семье, входившей в ту часть еврейского общества, которая находилась под влиянием идей Просвещения. В трудах как Фрейда, так и Маркса теория неразрывно связана с практикой (у Маркса — в форме революционной деятельности, а у Фрейда — в форме психотерапии). И один и другой считали, что религия является «иллюзией». С точки зрения Маркса, религия — это всеобщая мечта, созданная правящими классами для подавленного пролетариата, чтобы эксплуатировать его и обречь на вечное угнетение. «Религия — это опиум для народа». С точки зрения Фрейда, религия представляет собой иллюзию, которая обусловлена тем, что человек принимает желаемое за действительное. Эта мысль развивается в работе «Будущее одной иллюзии». Хотя нет никаких доказательств того, что Фрейд читал работы Маркса либо его последователей, можно обнаружить сходство в их манере мышления. Если переложить некоторые марксистские концепции из политической и социальной области на область психологии и терапии, мы получим следующие аналогии:

Маркс	Фрейд
Акцент на экономических аспектах жизни человека	Акцент на сексуальной сфере жизни человека (теория либидо)
Культура общества является надстройкой, находящейся на базисе классовых отношений и экономических факторов	Сознательная жизнь является надстройкой, находящейся на фундаменте бессознательных и конфликтующих сил
Правящий класс создает идеологию, направленную на поддержание его классовых интересов, а индивид под влиянием этой идеологии бессознательно полагает, что действует и думает свободно	Индивид полагает, что действует и думает свободно, в то время как его сознательные мысли и действия детерминированы бессознательными комплексами (рационализация)
Подавленные классы являются жертвами «мистификаций», которые вводят в заблуждение и сами правящие классы (например, война)	Это было бы в то же самое время и «рационализацией» и «механизмом защиты»

Человек «отчужден» от самого себя из-за разделения общество на классы, которые являются причиной классовой борьбы	Невротизированный индивид отчужден от себя из-за внутренних конфликтов, которые раздирают его
Чтобы совершить революцию, необходимо провести «диалектический анализ», достигнуть понимания и спровоцировать «революционную ситуацию»	Чтобы вылечить пациента, терапевт должен произвести «динамический» анализ, дать человеку понимание («Где было Ид, должно появиться Это») и спровоцировать трансфер невроза, чтобы расшифровать его
Целью является установление бесклассового общества, в котором человек не будет больше «отчужден» от себя	Целью является излечение пациента, бесконфликтное и полное осознание самого себя

Не следует слишком углубляться в подобные сравнения. Однако нет никаких сомнений, что существовала общая модель мышления, только Маркс применил ее к экономическим и социальным факторам, а Фрейд — к психологии индивида.

Изменения в психиатрии девятнадцатого века

На протяжении девятнадцатого века между первой динамической психиатрией, родоначальниками которой были Месмер и Пюисегюр, и официальной психиатрией не было единства. Несмотря на то, что они оказывали некоторое влияние друг на друга, каждая развивалась в своем направлении и претерпела изменения, которые мы кратко рассмотрим.

Официальной психиатрией магнетизеры называли психиатрию, которую признавало государство, преподавали в медицинских школах и подробно излагали в учебниках. В период между 1850 и 1860 годами произошел постепенный переход от психиатрии в госпиталях для душевнобольных (Anstaltspsychiatrie) к университетской психиатрии[166]. На протяжении первой половины столетия сердцем прогресса этой науки были клиники для психически больных пациентов, где развивались оригинальные теории и для лечения применялась моральная терапия. Около середины века психиатрия подверглась сильному влиянию позитивизма и научного подхода, и в то время как романтическая ветвь быстро угасала, к власти пришли органические теории. Врачей, таких, как Рейль, Иделер, Нейман и Хейнрот, теперь забыли или игнорировали, а моральной терапии почти повсеместно чинили препятствия.

В этот поворотный момент возникло имя одного из великих пионеров, Вильгельма Гризингера (1817–1869), представителя психиатрии

середины века. В 1845 году он опубликовал учебник по психиатрии, после чего провел несколько лет в Египте в качестве директора службы общественного здоровья и личного врача Хедива[167]. После возвращения в Европу Гризингер становится в 1860 году первым директором только что основанного университетского госпиталя для душевнобольных в Цюрихе — Бургхольцли. В 1867 году он во второй раз опубликовал с значительными добавлениями свой учебник по психиатрии, который стал образцом учебника по этой науке для целого поколения врачей. Гризингера часто считали человеком, который одержал победу тела (Somatiker) над психикой (Psychiker). Он действительно провозгласил, что «душевные болезни являются болезнями мозга», и ожидал, что тайна душевного расстройства будет раскрыта с помощью прогресса мозговой анатомо-патологии. Он также ввел психологическую концепцию рефлексов в теорию душевных болезней. И тем не менее Гризингер не был лишь исключительно «соматиком». Он применял в психиатрии концепцию динамических ассоциаций Гербарта и сохранил многие принципы «психического». Недавние исследования неожиданно выявили, до какой степени Гризингер был представителем динамической психиатрии[168]. Он заявил, что самая значительная и наиболее важная часть психических процессов является бессознательной. Он перенял и развил концепцию «психического» о патогенетической роли эмоций и таким образом объяснял психогенез навязчивых идей. «Почти все навязчивые идеи по существу являются выражением фрустрации или неудовлетворенности чьего-либо эмоционального интереса», так что в некоторых случаях терапия может опираться только на выяснение того, что лежит в основе психических состояний. Гризингер также развил целую эгопсихологию. Деформации эго могут произойти в результате деятельности неассимилированных групп представлений, которые затем могут воспринять эго как нечто чужое и войти с ним в конфликт. Гризингер, таким образом, оказался на распутье большинства психиатрических направлений девятнадцатого века — мозговой анатомо-патологии и нейропсихиатрии, клинической психиатрии и динамической психиатрии. Более того, он был хорошим организатором госпиталей для душевнобольных, и его часто считают основателем университетской психиатрии; после него ведущие специалисты в области психиатрии, по необходимости, становились университетскими профессорами. И наконец, Гризингер ознаменовал новую эру господства немецкой психиатрии над французской. До 1860 года французская психиатрия имела такой авторитет, что большинство историй болезней, приведенных в учебнике Гризингера, были заимствованы у французских авторов.

Последователи Гризингера, врачи, такие, как Вестфаль, Мейнерт и Вернике, переняли и развили его органический подход к душевным

болезням, но, по-видимому, остались слепы к той части его учения, которая касалась динамической психологии. Новому синтезу органической и динамической психиатрии предстояло осуществиться только много позднее, благодаря дальнему последователю Гризингера в Бургхольцли, доктору Юджину Блейлеру.

В то же самое время существовала и официальная психиатрия невроза, которая в большей части практиковалась неврологами (в связи с тем, что пациенты сопротивлялись тому, чтобы психиатры помещали их в клинику). В течение девятнадцатого века в этой сфере психиатрии также произошли некоторые важные изменения, самым значительным из которых подвергся сам невроз. К тому времени одержимость дьяволом пропала, хотя отдельные случаи все еще можно было наблюдать (как мы видели в главе 1, случаи Готтлибена Диттуса и пастора Блумхардта), а два вида невроза, типичные для восемнадцатого века, быстро сошли на нет. Vapeurs женщин из высшего общества исчезли вместе с падением аристократии, а ипохондрия, являвшаяся популярным мужским неврозом, постепенно вышла из моды. Но на их место пришло новое заболевание. Сначала оно появилось под названием «синдром износа». Ильза Вейт[169] указала, что в 1831 году английский врач Джеймс Джонсон описывал его как расстройство, присущее англичанам, в противоположность их соседям — французам, и приписывал его физическому и умственному переутомлению и разнообразным состояниям напряжения, являвшимся реакцией на современную жизнь в Англии под влиянием промышленной революции[170]. Джонсон особенно выделял роль сверхурочной работы, недостаток занятий на свежем воздухе и удушливый смог, нависший над городами. Он не видел никакого способа вылечить его, за исключением ежегодного отдыха и заграничных поездок.

В 1896 году в Соединенных Штатах Джордж М. Берд[171] описал некоторое подобное расстройство — неврастению. Основным симптомом неврастении, говорил он, является физическое и умственное истощение, которое проявляется в невозможности совершать физическую и умственную работу. Пациент жалуется на головные боли, невралгию, болезненную гиперчувствительность к изменениям погоды, шуму, свету, присутствию других людей и любому виду чувствительной или умственной стимуляции, бессонницу, потерю аппетита, затрудненное дыхание, нарушения секреции и дрожание мускулов. Неврастения, тем не менее, не оказывает влияния на продолжительность жизни. Один из пациентов Берда, деятельный семидесятилетний «бизнесмен», страдал этим каждый день в течение последних пятидесяти пяти лет. Сначала Берд приписал неврастению дефосфоризации нервной системы. В качестве терапии он рекомендовал обильно применять физические и химические «тонизирующие средства» нервной системы, включая физические упражнения,

«общую электризацию», фосфор, стрихнин и мышьяк. Впоследствии Берд пересмотрел свое описание этой болезни. Теперь он рассматривал неврастению как типично американский невроз[172]. Ее причины лежат в климатических условиях (сильные перепады жары и холода, влажности и сухости, воздух, насыщенный электричеством) и прежде всего — в особом образе жизни Северной Америки, где в процессе интенсивного экономического развития появилась молодая и быстро растущая нация с религиозной свободой («свобода является причиной нервозности»). Такой образ жизни вызывает повышенную работоспособность, предусмотрительность и пунктуальность, увеличение скорости жизни (железная дорога, телеграф), а также подавление эмоций («изнуряющий процесс»). Берд предвидел, что неврастения достигнет старого континента, если Европа когда-либо станет американизированной. В более поздних публикациях он по-новому интерпретирует неврастению в терминах баланса нервной энергии, присущей индивиду. Есть люди, у которых ее запасы очень малы, говорил он, а есть «миллионеры нервных сил». У некоторых их резерв огромен, а у других — очень скуден. «Людям, как аккумуляторам, необходим запас нервных сил, и силу людей, как и аккумуляторов, необходимо измерять величиной этого запаса, а не тем, что их заставляет тратить обычная повседневная жизнь». Берду нравилось высказывать эти идеи, проводя сравнение с финансовыми терминами. «Человек со скромным заработком в действительности богат до тех пор, пока расходы не превышают доходов, поэтому невротик, возможно, действительно будет хорошо себя чувствовать и быть достаточно работоспособным до тех пор, пока он не исчерпает свой ограниченный запас нервных сил». С другой стороны, «миллионеру, возможно, очень трудно уменьшить свои запасы и еще тяжелее хранить огромный остаток». По этой причине, трудность состоит в том, чтобы не растратить сил больше, чем можно себе позволить. Неврастеник — это человек, который полностью исчерпал свой запас, и если он будет продолжать это делать, то придет к «нервному банкротству». Следует отметить, что как понятие бюджета нервных сил, так и финансовые сравнения в более систематизированном виде можно обнаружить и в работах Жане. В описании Берда, неврастения — это заболевание, присущее мужчинам. Женщины имеют преимущество от того, что он назвал «необычным социальным положением», поскольку, по его словам, «феноменальная красота американских девушек самой высокой пробы» стала одним из социальных факторов, которые сделали неврастению преимущественно мужским заболеванием. В работе, изданной после его смерти, Берд сделал особое ударение на сексуальной этиологии неврастении[173].

Берд был одним из первых, если не самым первым врачом, который искал динамическое психологическое объяснение алкоголизму. В де-

вятнадцатом веке наблюдался крайний рост и распространение этого тяжелого заболевания, и клиницисты повсюду описывали и классифицировали различные состояния, являвшиеся результатом воздействия алкоголя. Патологи описывали поражения органов и тканей, но ни один, по-видимому, не исследовал проблему, почему люди, зная об опасности алкоголя, все-таки к нему прибегают. Берд предположил, что человек начинает пить, когда существует расхождение между усилием, которое он должен приложить, и количеством нервных сил, которые он в себе ощущает[174]. Достаточно интересно, что впоследствии Жане предстояло предложить подобную теорию психогенеза алкоголизма.

Идеи Берда встретили с огромным успехом. Неврастения была не только заболеванием профессионалов или упорных тружеников, но и неврозом самой современной жизни. Для ее лечения были построены санатории в Америке и Европе. Однако по мере того как диагноз «неврастения» ставили все чаще и чаще, причины ее возникновения начали приписывать скорее конституциональным факторам, нежели тяжелой работе, например, сексуальным расстройствам и мастурбации.

Клинические исследования неврастении Берда были более успешными, чем терапия, которую он предлагал для ее лечения. Изобрести стандартный метод лечения неврастении предстояло еще одному американскому врачу, Силиасу Вейру Митчелу (1829–1914). Вейр Митчел приобрел известность как ведущий американский невролог и имел самую модную практику в Филадельфии[175]. Его метод[176] был основан на отдыхе, изоляции и лечебном питании. Пациент помещался в санаторий, лежал в кровати, его вкусно кормили и ежедневно проводили сеанс массажа, который длился, по крайней мере, один час. Чтобы компенсировать нежелательные последствия длительного отдыха и обильного питания, обязательными элементами лечебной программы считали массаж и электричество. Это лечение могло продолжаться в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, и стало модным у состоятельных членов общества. Ему дали прозвище «метод доктора Диеты и доктора Покоя». По-видимому, Вейр Митчел не подозревал, что значительную часть терапевтического успеха этого метода можно было приписать сильному психологическому раппорту, который устанавливался между пациентом и массажистом.

К концу девятнадцатого века повсеместно признали, что основными неврозами являются два состояния: истерия и неврастения. Первое — в основном присуще женщинам, а второе — преимущественно невроз мужчин. Неврастению и истерию часто описывали вместе и противопоставляли друг другу. Однако эта концепция подверглась критике, и усилия были направлены на то, чтобы выявить другие специфические типы невроза.

Еще до того, как неврастению описал Берд, Бенедикт Августин Морель (1809–1873) обнаружил новый невроз, который он охарактеризовал как delure emotif (эмоциональные галлюцинации)[177]. Он привел интересную историю болезни, где говорилось об этом неожиданном новом состоянии, и считал, что его причиной является расстройство нервной системы. После Мореля «эмоциональные галлюцинации» назвали «фобиями», и началось соперничество за выделение и описание новых подформ этого заболевания: агорафобия, клаустрофобия, топофобия и тому подобное. Нозологическая ситуация этих фобий была спорной, и их часто объединяли в качестве подформ неврастении.

В 1873 году Крисгабер описал 38 случаев нового типа невроза, который он назвал церебро-кардиакальной нейропатией[178]. У пациентов внезапно начинались приступы страха, сердцебиения и головокружения. Они также страдали от бессонницы и их преследовали кошмары. Чувство страха не было связано с каким-либо конкретным объектом, как в случае фобии, и, очевидно, этот невроз был идентичен тому, который впоследствии назвали неврозом тревоги.

С приходом нового столетия область изучения неврозов, по-видимому, стала необычайно сложной. Помимо двух основных — истерии и неврастении, теперь стало известно огромное количество других случаев подобных расстройств, классифицировать которые было крайне трудно. С развитием промышленности и увеличением числа несчастных случаев на производстве, с одной стороны, и расширением деятельности страховых компаний, с другой, возросло количество травматических неврозов, которые авторы классифицировали либо под названием истерия, либо — неврастения. Все чаще и чаще «официальная медицина» стала участвовать в поиске новых теорий и новых методов лечения этих неврозов.

Такая ситуация сложилась около 1880 года, и это, по крайней мере, в некоторой степени объясняет внезапное возрождение интереса к гипнозу. С ним связывали надежды на то, что будет найдено новое решение проблем неврозов. Но как мы увидим, этим надеждам не суждено было осуществиться. Новые пути подхода к этой старой проблеме предстояло найти Жане и Фрейду.

Заключение

Полностью понять историю динамической психиатрии можно только после рассмотрения социальных, экономических, политических и медицинских предпосылок.

В конце восемнадцатого века население Европы было строго разделено на социальные классы. Основными двумя были аристокра-

тия и простолюдины. Это объясняет то, почему животный магнетизм приобрел различные характеристики у Месмера и Пюисегюра. Когда Месмер лечил дам из высшего общества, он вызывал у них состояния, которые фактически были абреакцией модного невроза, vapeurs. Когда Пюисегюр лечил крестьян, он провоцировал магнетический сон, который выражал отношения власти и подчинения между хозяином-аристократом и его слугой-крестьянином. И тем не менее, этим отношениям был присущ особый вид сделки. Baquet Месмера, что-то вроде физического аппарата, отвечал аристократическим вкусам того времени, когда физика была в большом почете. Пюисегюр магнетизировал деревья, которые фигурировали в народном фольклоре и почитались крестьянами как священные. Крах аристократии и последующий рост буржуазии вызвал распространение более авторитарного способа индивидуальной и коллективной психотерапии — гипнотического внушения.

Рождение динамической психиатрии можно понимать также как проявление победы культурного течения Просвещения над духом Барокко в его цитадели — Австрии. А тернистый путь развития динамической психиатрии в течение девятнадцатого века можно рассматривать как проявление борьбы между Просвещением (которое установило культ разума и общества) и Романтизмом (который провозгласил культ иррациональности и индивидуальности). Романтическая философия и психиатрия оказали особенно сильное влияние на динамическую психиатрию. После политического и культурного кризиса середины века Романтизм потерпел поражение и дал дорогу позитивизму, который являлся последней ветвью философии Просвещения, что стало причиной временного упадка динамической психиатрии.

Между тем промышленная революция, рост пролетариата и рост национализма способствовали приходу двух новых доктрин: дарвинизма (и его искаженного толкования в виде социального дарвинизма) и марксизма. Обе новые идеологии также отразились на развитии динамической психиатрии. Все эти перемены к тому же нашли свое выражение в форме невроза, у которого появились и развились новые типы: неврастения и фобии, и вместе с этим возникла необходимость в разработке новых методов психотерапии.

В результате совместного действия всех этих факторов окончательно появился новый тип динамической психиатрии, который пришел на место первой динамической психиатрии. Обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие ее рождение, необходимо осветить подробно. Это будет являться темой обсуждения в следующей главе.

Глава 5. В преддверии новой динамической психиатрии

Период с 1880 по 1900 год явился в истории динамической психиатрии решающим в двух отношениях. Именно в это время «официальная медицина», наконец, признала право динамической психиатрии на существование, и последняя получила широкое распространение. Данный период ознаменовался также возникновением новой динамической психиатрии. Историю этих двух процессов невозможно рассматривать, не принимая во внимание социального, политического и культурного контекстов эпохи.

Мир в 1880 году

Мир в общем и целом подвергся на протяжении девятнадцатого столетия радикальным изменениям: разразилась Французская революция, прошли наполеоновские войны, образовались новые национальные государства, ощутимый прогресс был достигнут в области науки, быстро развивались производство и торговля, человек исследовал оставшиеся еще неизведанными части света. Многие считали, что человеческая культура достигла высшей точки своего развития. Тем не менее, оглядываясь на ту эпоху с позиций современности, мы увидим, что мир тогда во многих отношениях отличался от нашего, и нам трудно представить, каким он был в действительности.

Прежде всего в обществе превалировало ощущение надежной стабильности существования. Несмотря на короткие войны локального характера, стачки на предприятиях, пропаганду социалистических идей и диверсии анархистов, мир казался непоколебимым. Такая же ситуация наблюдалась и в области экономики, если не считать периодически возникавших кризисов. Не существовало проблем девальвации и различия в курсах национальных валют. В силу того, что финансовые сделки осуществлялись посредством золотых монет, деньги представлялись чем-то постоянным, надежным и обладающим универсальной и непреходящей ценностью. Несмотря на соперничество между нациями в эту эпоху так называемого «вооруженного мира», временами можно было позволить себе практически не замечать границ между странами: любой мог покинуть свой дом и — если его финансовое положение позволяло — направиться в какую угодно часть света без паспорта, визы и других подобных

формальностей (исключение составляли лишь Россия и Турция). Эта надежность и стабильность существования нашли отражение в архитектуре своего времени: банки и отели строились по типу крепостей, а частные виллы также нередко окружались каменными стенами. Жизнь казалась настолько размеренной, что многие теряли интерес к общественным и политическим проблемам и жили каждодневными заботами, не задумываясь о будущем.

В это время с особой силой проявилось стремление сильного пола к превосходству. Это был мир, созданный мужчинами для мужчин, в котором женщинам отводилась второстепенная роль. Политических прав для женщин не существовало. Разграничение по половому признаку и неравенство полов были гораздо более ощутимыми, чем в наше время. Армия представляла собой исключительно мужскую организацию, о вспомогательных службах, куда брали бы женщин, тогда никто даже и не помышлял. Конторские служащие, включая секретарей, также были представителями только мужского пола. Женщин не принимали в университеты (первые случаи их поступления туда относятся к началу 90-х годов девятнадцатого столетия). Существовало много клубов для джентльменов, и даже на приемах, где присутствовали и мужчины и женщины, когда заканчивался обед, первые шли в курительную комнату, а вторые — в гостиную. В литературе превозносились мужские добродетели (честолюбие, агрессивность и жесткость). Общепринятым у мужчин было и ношение бороды, усов или бакенбардов, манера ходить с палкой или тростью, а также увлечение атлетикой, верховой ездой и фехтованием, а не теми видами спорта, которые популярны в наше время. Еще один чисто мужской обычай — дуэль — был распространен среди офицеров, в немецких студенческих сообществах, а также в некоторых аристократических и великосветских кругах[1]. Однако женщины имели свои салоны, комитеты, журналы, а в поездах существовали купе для женщин. Женщины, носящие брюки, короткие прически или курящие, встречались крайне редко. Авторитет отца семейства был непререкаем как для детей, так и для жены. Образование носило весьма авторитарный характер: деспотичный отец был в те времена обычным явлением, и лишь чрезмерно жестокие из них выделялись на этом фоне. Конфликты между поколениями, особенно между отцами и сыновьями, возникали гораздо чаще, нежели в наше время. Однако авторитаризм представлял собой характерную черту того времени и царил не только в семейных отношениях. Большим уважением пользовались военные чины, члены городских советов и судьи. Законы были более репрессивными, малолетние преступники сурово наказывались, а телесные наказания считались необходимыми. Все эти факторы необходимо принять во внимание при рассмотрении генезиса открытого Фрейдом Эдипова комплекса.

Некоторые классы общества были гораздо строже отгорожены друг от друга, чем в наше время. Аристократия, хотя и лишилась своей фактической власти, пользовалась большим уважением, особенно в большинстве стран, имевших королевский или имперский двор. (В Европе только Франция и Швейцария являлись республиками.) Однако правящим классом повсеместно являлась верхушка буржуазии. Именно в ее руках находилась большая часть богатств, а также политическая власть, она контролировала производство и финансы. Подчиненное положение по отношению к буржуазии занимал рабочий класс. Разумеется, условия жизни рабочих значительно улучшились по сравнению с началом века, но, несмотря на этот прогресс, они были гораздо беднее и в меньшей степени защищены социальным законодательством, чем в наши дни.

Трудовой день был долгим, и многие рабочие считали, что их нещадно эксплуатируют, поэтому демонстрации во время стачек, а также Первого мая проходили в весьма напряженной атмосфере. Детский труд запрещался, однако существовали низкооплачиваемый женский труд и предприятия с потогонной системой производства. Материальное положение крестьянства также значительно изменилось к лучшему, но, тем не менее, не настолько, чтобы это могло остановить постоянный поток беженцев в маленькие и большие города. Повсюду становилось заметным обеднение и исчезновение народного искусства. Самую нижнюю ступень социальной лестницы занимал так называемый Lumpenproletariat (люмпен-пролетариат), то есть люди, живущие в трущобах в абсолютной нищете. Существование этого класса было связано с огромным количеством неразрешимых проблем. Другой характерной чертой этой эпохи отмечается проживание в домах господ большого количества прислуги. Практически каждая семья, относящаяся к буржуазному сословию, держала, по крайней мере, одного слугу, а в богатых или аристократических домах их насчитывалось порой более дюжины. Материальное положение слуг было в большинстве случаев средним. Отношения между хозяином и слугой не строились более по патриархальному принципу, как это происходило в предыдущем столетии, но носили авторитарный и лишенный эмоциональности характер.

Господство белого человека, воспетое в произведениях Киплинга, считалось неоспоримым и представлялось необходимым условием процветания колониальных народов. Если кто-либо из представителей общественности пытался привлечь внимание к факту быстрого исчезновения с лица Земли первобытных народов в различных частях света, ему отвечали, что это печальное, однако, неизбежное следствие прогресса или борьбы за выживание. Любые возражения парировали доводами о «бремени белого человека», чья миссия состояла в том, чтобы нести цивилизацию колониальным народам.

Еще одна характерная черта рассматриваемой эпохи — это то, что представители некоторых слоев общества тратили огромное количество времени на развлечения. В аристократических и буржуазных кругах не работали не только женщины; среди аристократов, представителей богатого сословия и людей, живущих посредством капиталовложений, многие вели праздный образ жизни. Существовал также особый мир художников, писателей, журналистов и актеров, которые значительную часть своего времени проводили в кафе и других присутственных местах. Поскольку в то время ни радио, ни телевидение, ни кино не существовали, огромное значение придавалось театру. Великие актеры пользовались невероятной популярностью, сравнимой лишь с популярностью самых известных звезд кино нашего времени. Реклама, способствующая приобретению известности, в таком виде, в каком мы ее знаем, тогда еще не существовала, поэтому каждому приходилось добиваться известности своими средствами: с помощью знакомств в журналистском мире, салонных сплетен или же выделяясь от остальных каким-либо другим способом. Отсюда — показные манеры, позирование, словесные оскорбления, прилюдные ссоры и примирения известных людей того времени. Марсель Пруст точно отразил дух той эпохи в своих описаниях жизни праздных людей, их прогулок в экипажах и их пустой болтовни. Очень часто возникает вопрос, почему количество больных истерией было так велико в 80-х годах прошлого столетия и столь сильно сократилось после 1900 года. Одно из приемлемых объяснений состоит в том, что истерия соответствовала показному, неестественному образу жизни того времени.

В мире праздности главной заботой как мужчин, так и женщин была, естественно, любовь. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дух того времени просто пронизан утонченным эротизмом. Те, кто был «влюблен в любовь», придавали своим любовным интригам изощренно показной, поверхностный характер. Мы можем видеть это в литературе и театральных постановках того времени (например, в работах Артура Шницнера). Подобная атмосфера порождала неожиданные приступы разного рода безумств, такие, как помешательство на музыке Вагнера, философии бессознательного Шопенгауэра и фон Гартмана, позднее — на работах Ницше, символистах, неоромантиках и тому подобном. Только приняв во внимание все эти особенности эпохи, можно понять причины возникновения новой динамической психиатрии.

Политический фон

Рождение новой динамической психиатрии должно также рассматриваться в рамках политического контекста того периода. Мир к тому времени был поделен между державами, национальными суверенны-

ми государствами, которые пребывали в жестком соперничестве друг с другом и были связаны сложной сетью договоров и неустойчивых альянсов.

Доминирующей державой являлась Британская империя, хотя по уровню могущества ее все стремительней догоняли Соединенные Штаты. Британский флот контролировал семь морей, а Юнион Джек развевался над огромными колониями и территориями, разбросанными по всему земному шару. Британская валюта была самой стабильной, а Лондон — крупнейшим коммерческим и финансовым центром мира. Королева Виктория, коронованная к тому же в 1876 году принцессой Индии, представляла собой воплощение английского могущества, а также традиционных представлений о достоинстве и респектабельности.

В представлении современных поколений викторианский стиль — это уродливая архитектура, неуклюжая мебель, тяжелые гардины на окнах, помпезные церемонии, торжественный стиль речи, старомодные предрассудки и нелепое ханжество. Однако для тех, кто жил в эту эпоху, понятие «викторианский» скорее ассоциировалось со словом «победа», и, действительно, Англия в то время неизменно одерживала победы как на суше, так и на море. То, что современные англичане определяют как лицемерие, их предкам, жившим в викторианскую эпоху, казалось самодисциплиной и чувством собственного достоинства. Общественные настроения данной эпохи являлись, по своей сути, результатом культурных перемен, произошедших в сознании англичан в течение пятидесяти лет, предшествовавших коронации королевы Виктории в 1837 году[2]. Эти перемены начались как реакция на распутные нравы, царившие в английском обществе XVIII века, а также на смертельную опасность, угрожавшую Англии во времена Французской революции и правления Наполеона. Инициатором волны религиозного движения был Уильям Уилберфорс, влиятельный член парламента, также выступавший за запрещение работорговли. Одновременно с движением за религиозное и моральное обновление возникла целая серия различных движений в поддержку реформ общественного устройства и образования[3]. Считалось также, что перед Англией, которой приходилось управлять огромной империей, стоит задача воспитания новых поколений хорошо подготовленных и честных гражданских служащих. Вопреки сегодняшним представлениям об этой эпохе, сексуальные вопросы довольно откровенно освещались в медицинской и антропологической литературе. Осторожные намеки присутствовали также и в художественных произведениях. Англия, отнюдь не придерживавшаяся старых идеалов, переживала в то время пик своего могущества и породила множество выдающихся личностей — создателей империи, исследователей и филантропов, равно как и выдающихся женщин, таких, как

Флоренс Найтингейл. Достаточно всего лишь взглянуть на портреты викторианской эпохи, чтобы заметить на лицах выражение спокойной сосредоточенной силы. Кажется, что девизом их жизни стала строка из стихотворения Лонгфелло: «Жизнь реальна! Жизнь серьезна!» Они не испытывали негодования по поводу того, что Англия, будучи столь могущественной, имела множество врагов. Британия неизменно притягивала внимание многих иностранцев, страстно стремившихся подражать манерам англичан. Но викторианский дух, возникший еще до восшествия на престол королевы Виктории и превалировавший на протяжении большей части девятнадцатого столетия, к 1880 году уже явно клонился к упадку.

На континенте в то время наиболее могущественной державой была Германия, которая, будучи долгое время «нацией без государства», наконец достигла политического объединения. Однако это произошло не в 1848 году под эгидой Франкфуртского демократического парламента, а в 1871-м под руководством Пруссии, возглавляемой «Железным» канцлером Бисмарком. В предшествующий объединению период Германия колебалась между двумя полюсами притяжения — Австрией и Пруссией. Но Австрия выбыла из борьбы в результате поражения, нанесенного ей в 1866 году Пруссией, и объединение Германии окончательно завершилось после ее победы над Францией во Франко-Прусской войне. До этого немцев в Европе считали нацией романтиков, музыкантов, философов, поэтов и самоотверженных ученых, но теперь, после того, как немецкая нация пришла к полному осознанию своего политического значения, они часто производили впечатление агрессивного объединения, уважающего только силу. Население Германии, несмотря на массовую эмиграцию в Америку, существенно увеличилось. В эти годы страна переживает колоссальный подъем в сфере производства и торговли и создает огромную хорошо обученную армию. К этому времени, однако, другие европейские государства уже поделили между собой наиболее выгодные заморские территории, и Германии, которая подключилась к борьбе за колонии лишь в 90-х годах прошлого столетия, пришлось неохотно довольствоваться тем, что осталось. Вспомнив, что в Средние века Германия имела могущественный флот, император Вильгельм II, к великому неудовольствию англичан, решил построить новый. Негодование Германии подогревалось также опасениями мести со стороны Франции и политическими амбициями России. С течением времени немцы становятся все более одержимы навязчивым страхом попасть в «окружение» объединенных сил Франции, Англии и России. Лидерство немцев в области науки и искусства (за исключением живописи, где превалировали французы) было почти неоспоримым. Немецкий считался ведущим языком науки до такой степени, что его незнание

могло стать серьезным препятствием для ученых, работающих во многих научных областях (включая психологию и психиатрию).

Победа Германии над Францией в войне 1870–1871 годов имела для Европы сокрушительные последствия. В глазах многих немцев аннексия Эльзаса представлялась всего лишь возвратом старых территорий, принадлежавших некогда Германии и «украденных» у нее Людовиком XIV (что, тем не менее, не оправдывало захват большой части Лотарингии, имевший стратегическое значение). Однако при Наполеоне III Франция провозгласила право народов на самоопределение, принцип, использованный французами при присоединении к своим владениям провинций Савойя и Ницца в 1860 году. Поскольку население Эльзаса и Лотарингии четко выражало желание остаться в составе Франции, французы рассматривали аннексию этих областей Германией как политический анахронизм и преступление, с которыми они не могли примириться. Вслед за поражением в войне с Германией Францию захлестнуло всеобщее чувство собственной неполноценности, чему способствовало и то, что Франция занимала менее высокое положение по сравнению с Британской империей. Однако Франция находила для себя частичную компенсацию в приобретении новых колониальных владений, финансовом процветании, а также достижениях науки и культуры, бросавших вызов достижениям Германии. В отличие от жестких, дисциплинированных, воспитанных в авторитарном духе немцев, французы претендовали на то, что они воплощают спонтанное творчество и интеллектуальную свободу. Одна из особенностей Франции состояла в том, что вся интеллектуальная жизнь страны была сконцентрирована в ее столице Париже. Искусство, музыка, литература процветали в районе Парижа Ville Lumiere, который французы считали столицей цивилизованного мира. Хотя французский язык постепенно утрачивал свое былое превосходство, его все еще употребляли достаточно широко, к тому же он оставался языком международной дипломатии. В глазах многих французов их страна являлась первой на поприще духовного развития, бросая вызов тяжеловесному «культу силы». Тем не менее население Франции не увеличилось настолько, на сколько оно увеличилось в других странах, где о французах сложилось устойчивое мнение, особенно распространенное в Германии, как о «нации, переживающей упадок».

В Центральной Европе огромную территорию между Германией на севере, Швейцарией и Италией на западе, Россией на востоке и новыми балканскими государствами, а также Турцией на юге занимала Австро-Венгерская монархия. Австро-Венгрия не была объединенным национальным государством, таким, как Франция или Германия, ее часто называли «мозаикой наций и национальных территорий», переплетенных самым причудливым образом. Согласно распространенному в наши дни

мнению, Австро-Венгерская монархия представляла собой смехотворно отсталое государство, где императорский двор и аристократия все еще придерживались традиций эпохи Барокко. Австро-Венгерскую монархию часто обвиняют в том, что она «угнетала» некоторые из входивших в ее состав народов, а иногда, наоборот, в том, что она предоставляла им чрезмерную свободу. На самом деле, по выражению Сомари, отнюдь не являясь политическим анахронизмом, Австро-Венгрия была намного впереди многих стран, поскольку она смогла создать такое политическое образование, которое сейчас назвали бы «сверхнациональным» государством и которое в наши дни с чувством некоторого восхищения изучают те, кто ратует за объединение Европы[4]. После того, как император отрекся от абсолютной власти и по прошествии нескольких лет кризиса империя получила конституцию, ее основой послужил Ausgleich («компромисс») 1867 года. Империя разделилась на два государства, имеющие абсолютно равные права и подчиненные одному и тому же суверену — Императору Австрийскому и Апостолическому Королю Венгрии. Каждое из государств представляло одну доминирующую нацию и несколько национальных меньшинств. Эти два государства объединял не только общий суверен, Император Габсбург, но и общее «Имперское и Королевское правительство» (К. и К.), имевшее четко очерченный круг обязанностей: война и дипломатия. Внутренние проблемы решало в Австрии «Имперско-королевское» (К. К.) правительство и администрация, а в Венгрии — Королевское (Kngl.) правительства и администрация. Отношения между центральной администрацией и национальными меньшинствами внутри каждого из государств регулировались посредством сложной системы распоряжений. Большинство национальных меньшинств вело себя неспокойно и постоянно требовало для себя новых прав, таким образом, постоянной задачей правительства являлось предоставление им этих прав в той мере, в которой это было необходимо и целесообразно, дабы не нарушать целостности империи. Единство этого огромного политического образования поддерживалось не только верноподданническими настроениями по отношению к императору Францу Иосифу, но и эффективной работой чиновников, а также с помощью армии. Некоторые исследователи считали Австро-Венгерскую монархию подобием «песочного замка», готового рассыпаться при малейшем прикосновении, другие, наоборот, — чудом политической мудрости, а также неотъемлемым элементом европейского политического равновесия. В глазах многих австрийцев и венгров их страна была форпостом цивилизации. Множество сложных проблем доставляла близость Турции. Турция с ее деспотическим султанским двором, гаремом с евнухами и происходившей периодически резней армян и других христианских меньшинств не могла считаться цивилизованной страной.

Однако распад Османской империи, часто называемой тогда «больным Европы», положил начало возникновению новых независимых государств, агрессивная и нестабильная политика которых представляла угрозу мирному существованию. Но эта дуалистическая монархия ощущала угрозу со стороны России, чье правительство, угнетая славянские меньшинства на своей территории, претендовало на роль их защитника в других странах и подстрекало их к восстанию.

Австро-Венгерская монархия представляла собой обширную и неоднородную по своему ландшафту страну, на территории которой располагалось и морское побережье, и горы, и широкие равнины, озера, реки, а также три прекрасных древних города — Вена, Будапешт и Прага. Столица империи Вена, где находился древний прославленный престол, была одним из самых знаменитых городов мира. Хотя население Австро-Венгерской монархии говорило на разных языках, государственным языком считался немецкий. На нем говорили при дворе, и владение немецким языком считалось престижным и свидетельствовало о принадлежности к высококультурному слою. В Вене располагались представительства многих общественных организаций того времени, она была одним из важных центров европейской дипломатии и городом высокой культуры, где проживало большое количество образованных людей. В Вене жили также многие художники, музыканты, поэты, писатели, драматурги, а также величайшие ученые. Благодаря нескончаемому притоку представителей различных национальных меньшинств, жизнь в Вене казалась очень динамичной. Тем не менее многие из жителей столицы вели скорее провинциальный образ жизни. Население Вены, значительно отличавшееся от жестких, неприветливых и сдержанных немцев, представляло собой добросердечных, приятных людей с великолепным чувством юмора, умевших оценить хорошую шутку. Они говорили по-немецки с особым акцентом, употребляя некоторые выражения и идиомы, характерные для так называемого «венского диалекта». Типичной чертой жизни в Вене были кафе, которые в то время все еще посещали исключительно мужчины. Многие из этих кафе имели своих постоянных клиентов, представлявших определенный общественный класс, род занятий и политические взгляды.

Россия, на самом востоке Европы, представляла собой быстро расширяющуюся империю. После того, как царь Александр II в 1861 году освободил от крепостной зависимости 22 миллиона крестьян, Россия стала ареной стремительного развития производства и торговли. Авторитарный режим предоставил подданным ряд свобод. Процветало искусство, Россия дала миру несколько величайших писателей, а также многих выдающихся ученых в различных областях науки, в том числе и в психиатрии. Еще две характерные черты заслуживают особого

внимания. Первая заключается в том, что если в остальных государствах Европы привилегированные сословия смотрели на крестьян сверху вниз, то среди русской интеллигенции было широко распространено мнение о том, что народ является источником национальной культуры. Под девизом «возвращения в народ» многие интеллигенты и художники пытались черпать вдохновение из этого доселе неизведанного источника. И действительно, русское крестьянство в то время еще не утратило свой богатый фольклор и искусство народных промыслов и было наделено врожденным чувством красоты. Вторая черта состояла в том, что Россия стала плодотворной почвой для развития «нигилизма» — течения, которое можно определить как одержимость идеей разрушения. Отдаленные истоки нигилизма восходят к геноциду со стороны татаро-монгольских завоевателей, которые в XIII–XV веках обрушились на половину территории Азии и Центральную Россию, вырезая миллионы людей, превращая в пустыню целые государства и сравнивая с землей цветущие города. В России, в свою очередь, массовая резня стала орудием управления государством в руках царя Ивана IV Грозного. Среди народа, однако, распространились апокалиптические настроения, что проявилось в форме коллективного самоуничтожения. Так, в середине XVII века раскольники (или староверы) предпочитали сжигать свои хозяйства, а затем и самих себя, нежели принять некоторые нововведения в церковных книгах. Движение раскольников привело к образованию нескольких сект с сильными тенденциями к саморазрушению, таких, как скопцы («самокастраты») и хлысты («самобичеватели»). Именно в среде раскольников появились первые политические нигилисты, в частности печально известный Нечаев, чей «Революционный катехизис» представляет собой пособие по уничтожению общества насильственными средствами[5]. В политической истории России XIX столетия преобладала деятельность революционных групп, в большей или меньшей степени находящихся под влиянием нигилистских тенденций, а нигилизм стал ведущей темой в работах философов и писателей. Трудно ответить на вопрос, было ли случайностью то обстоятельство, что именно в трудах двух русских ученых — психиатра Токарского[6] и физиолога Мечникова[7] — была изложена концепция инстинкта смерти. В представлении остальных европейцев нигилизм и стремление «в народ» были специфическими качествами мятежной русской души, что прямым образом их никак не затрагивало.

Большинство европейцев в то время все еще считало свой континент центром Вселенной, на окраинах которой располагались Россия и Америка. Их представления об Америке, однако, сильно изменились со времен американской Войны за независимость. Французы, которые первоначально считали возникновение новой республики возрожде-

нием традиций древнегреческой или римской демократии, в ту пору начинают рассматривать США как широкомасштабный политический эксперимент. Де Токвиль, представитель обедневшего французского дворянства, с большим интересом изучал те пути, по которым развивалась американская демократия, и предсказал модель, по которой будут позднее организованы правительственные структуры европейских государств. Романтический взгляд на Америку как на страну благородных индейцев и отчаянных ковбоев был также широко распространен в Европе и, без сомнения, сыграл свою роль в ускорении процесса массовой иммиграции немецкой молодежи в Соединенные Штаты. Америка вскоре прославилась благодаря своим выдающимся ученым, и в 80-х годах XIX века Эдисон стал весьма популярной фигурой в Европе. Европейцы с удивлением наблюдали за невероятно быстрым развитием американской экономики и производства, а незадолго до конца столетия, в 1898 году, итог испано-американской войны заставил их признать, что Соединенные Штаты заняли свое место среди ведущих мировых держав. Достижение американцев в области культуры в Европе были менее известны. Однако в следующей главе мы увидим, что работы по психиатрии Джорджа Берда и С. Вейра Митчела, философские сочинения Джозайи Ройса, психологические исследования Уильяма Джеймса и Джеймса Марка Болдуина оказали огромное влияние на динамическую психотерапию Пьера Жане.

Культура, наука, университеты

Для этого периода характерны две основные черты: преобладание классического образования в обучении и та главенствующая роль, которую играли университеты как центры развития науки.

Влияние греко-латинской культуры значительно изменилось со времен эпохи Возрождения и Барокко. Латынь более не являлась великим универсальным языком науки, культуры, церкви и управления. Она потеряла свой последний оплот, когда в 40-х годах прошлого столетия венгерский язык был провозглашен официальным языком Венгрии вместо латыни. Однако латинский вовсе не исчезает из научной жизни: во Франции вплоть до 1900 года для получения степени доктора наук обязательным было представление тезиса на латинском языке. Помимо основной работы, Бергсон, Дюркгейм, Пьер Жане и другие ученые должны были представить вторую часть диссертации на латинском. Считалось, что главная цель обучения в средней школе состоит в том, чтобы преподать скрупулезное знание латинского языка методом анализа и синтеза. Студент должен был сначала выучить все склонения, спряжения, грамматические правила, приобрести определенный словарный запас

и только тогда приступал к составлению предложений и переводу с латинского и на латинский, написанию сочинений, сначала в прозе, затем в стихах. При этом он должен был все время заботиться о том, чтобы его сочинения были как можно ближе по стилю к работам великих римских классиков. После шести-девяти лет обучения студент овладевал латынью в совершенстве, но этот язык можно было использовать исключительно для письма и вряд ли для того, чтобы на нем говорить. Многие насмехались над тем, сколько времени тратится впустую на «изучение мертвого языка, совершенно бесполезного в жизни». Однако, если посмотреть на это с точки зрения эпохи, мы увидим, что изучение латыни в полной мере соответствовало тому рациональному подходу, который требовался от свободного образования. Как заметил филолог Виламовиц-Мелендорф: «Это было exercitio intelectualis, сравнимое с упражнениями по укреплению духа, к которым прибегали иезуиты»[8]. Изучение латыни являлось методом овладения навыком концентрировать умственные способности и применять синтез, что можно также сравнить с изучением математики. Ученые, прошедшие такую подготовку, оказывались способными создать собственные сложные системы синтеза. Исходя из этого можно понять, что Жане, Фрейд и Юнг были хорошо подготовлены к тому, чтобы создать предельно систематизированные структуры знания. Другое преимущество классического образования и культуры состояло в том, что оно предоставляло студенту ключ к познанию древней греко-римской культуры, а также всему, что было написано на латыни за 25 веков. Жане читал на латыни сочинения Бэкона, Фрейд — старые книги по колдовству в оригинале, Юнг — сочинения средневековых алхимиков, написанные на сложной латыни, все трое при этом не были исключением среди образованных людей того времени. Изучению латыни придавали большее значение, нежели изучению иностранных языков, поскольку первое означало приобретение знания истоков национальной культуры собственного народа, в то время как второе являлось подсознательным усвоением образа мысли, присущего чуждой культуре. Француз, англичанин или немец, получившие классическое образование, являлись в большей степени французом, англичанином или немцем, нежели их современные потомки, а также — в большей степени европейцами, так как каждый из них имел знания основ своей национальной культуры. Все они также владели общим богатством, извлекаемым из знания классики. Они могли распознать в тексте множество заимствований из сочинений греческих и латинских авторов или ссылки на них, что мало кто способен сделать в наши дни. Например, не вызывало удивления, когда ученый брал для своей книги эпиграф из Вергилия, как это сделал Фрейд в своей работе «Толкование сновидений». Так поступали не только Руссо и Пюисегюр, но и многие

их современники, такие, как Фрэзер и Майерс. Эти ученые предполагали, что читатель поймет, откуда взята цитата и, определив ее место в контексте поэмы, сможет осознать ее смысл.

Помимо изучения античной литературы, большое количество времени уделялось изучению национальной и зарубежной классики. Во Франции практическое знание немецкого считалось обязательным для любого образованного человека. В Германии знание французского также считалось существенным, а знакомство с творчеством Гете и Шекспира воспринималось как само собой разумеющееся. Другим основным элементом образования в то время являлось изучение философии. Во Франции этому посвящался последний курс лицея. В Германии и Австрии претендующие на звание доктора наук должны были в обязательном порядке пройти курс философии.

Главным центром культуры и науки считался университет. Каждый образованный человек в то время проходил через обучение в университете, а научная карьера была тесно связана с университетской. Исключения, такие, как Бахофен и Дарвин, встречались довольно редко (оба пользовались преимуществом большого состояния). Университетское образование не имело своей главной целью подготовку специалистов, скорее в его задачу входило дать студентам общее образование при специализации в одной из областей науки. Особенно ценилось умение непредвзято проводить исследование. «Чистое» исследование часто ценилось выше, чем «практическое», особенно если последнее проводилось вне стен университета. В самом университете профессора пользовались значительной автономией, и научные профессии почитались, по крайней мере, в континентальной Европе.

Карьера университетского ученого обычно была длительной и требовала огромных усилий. Известны лишь редкие случаи, когда на должность титулярного профессора назначался молодой ученый. Двадцатипятилетний Ницше, удостоившийся этой должности в 1869 году, входил в число таких заметных исключений. Младшие преподаватели университета вынуждены были не только существовать в условиях напряженной конкуренции, но также и испытывать значительные материальные затруднения. Прошли те времена, когда молодые ученые, ожидая вакансий в университете, могли подрабатывать частными уроками с детьми из богатых семей, — занятие, которое так ненавидели Фихте, Гегель. В Германии и Центральной Европе наиболее распространенной была система приват-доцентов. Она заключалась в том, что ученый читал лекции в университете исключительно за ту плату, которую вносили студенты, посещающие его занятия. Даже в самом благоприятном случае при такой системе лектор не мог стать состоятельным человеком. Таким образом, молодой ученый проводил лучшие годы своей жизни

в утомительном ожидании назначения на заветную должность экстраординариуса, что в конечном счете означало достаточно прочное финансовое положение. Назначение на должность ординариуса или титулярного профессора знаменовало завершение успешной университетской карьеры. Но на них было много желающих, а удостаивались их считанные единицы. Тем более, что для этого недостаточно было быть талантливым или усердным — требовалось также соблюдение определенных правил. Хотя считалось, что проявлять честолюбие необходимо, не менее важным при этом было умение избежать той манеры поведения, за которую ученого в Германии называли Streber, а во Франции — arriviste. Альберт Фухс вспоминает, что его отец, посвятивший всю жизнь карьере ученого в Венском университете, учил его различать две эти вещи. Усилия, направленные на получение более высокой должности, считались проявлением здорового честолюбия, в то время как попытки получить дворянский титул или награды расценивались как карьеризм (Streberei)[9]. Фухс отмечает, что граница между первым и вторым временами становилась весьма условной.

В мемуарах Макса Дессуара мы находим краткое описание правил, которых следовало придерживаться, чтобы преуспеть в университетах Германии около 1885 года[10]. Наиболее верный способ состоял в том, чтобы проявлять преданность по отношению к занимающим главенствующие должности. Другой способ заключался в написании научных работ, которые могли заметить специалисты и таким образом наладить отношения с теми, кто занимал руководящие должности в университете. Однако не менее важным представлялось не писать слишком много, дабы не прослыть «чернильным Нарциссом». Наиболее быстрым путем считалось проведение активного исследования в одном из общепринятых направлений, из чего можно сделать вывод, что далеко отклоняться от проторенной тропы также было опасно. Многогранность научных исследований в равной степени не приветствовалась, — следовало придерживаться какой-либо одной области знания. Считалось весьма почетным, если имя ученого являлось синонимом учебника, открытия или теории, тем не менее, ситуация, когда его известность выходила за рамки университета, оказывалась крайне нежелательной и опасной. Так, например, произошло с Геккелем: он начал блестящую университетскую карьеру, однако его сочинения о философии и науке в целом вызывали яростные нападки со стороны его коллег.

Из литературы того времени можно получить представление о том, что карьера ученого в университете изобиловала препятствиями и что разрушить ее было довольно легко. Патологоанатом Лубарш вспоминает, что он чуть было не загубил свою карьеру из-за единственного опрометчивого шага. Когда Лубарш работал ассистентом в Институте

патологии в Ростоке, он однажды спросил: «Какому идиоту пришло в голову положить анатомический орган в этот раствор?» На что второй ассистент ответил, что это было сделано по указанию господина профессора. На следующий день Лубарш получил письмо от профессора Тирфельдера, в котором тот сообщал, что увольняет Лубарша из института за нанесение ему оскорбления. Лубарш добавляет, что во многих областях науки, таких, как анатомия, физиология, бактериология и химия, молодой ученый полностью зависел от института, предоставлявшего ему материалы и рабочее место. Таким образом, увольнение из института было почти равносильным крушению его карьеры[11]. Резко менять направление своих исследований или переключаться на другую отрасль науки также было небезопасно. Так, Бахофен, которому многие пророчили великолепную карьеру историка права, столкнулся с тем, что все его планы разбились вдребезги, когда он опубликовал свое исследование по древним захоронениям. То же произошло с Ницше: после выхода в свет его труда «Происхождение трагедии» его блестящая карьера филолога была поставлена под угрозу, а затем и вовсе прекратилась, когда он опубликовал свои последующие философские произведения. Большое состояние тоже представляло собой палку о двух концах: оно позволяло ученому безбедно существовать, когда он находился в должности приват-доцента, но значительно усложняло дело, если он становился своим собственным меценатом. Например, серьезные проблемы возникли у физиолога Чермака после того, как он за свой счет построил в Лейпциге просторный лекционный зал, специально оборудованный для демонстрации экспериментов. Оберштейнер, профессор анатомии и патологии нервной системы, в течение тридцати семи лет бесплатно преподавал в Венском университете. Он на собственные деньги организовал институт, а позднее передал университету все свои материалы, коллекции и библиотеку, насчитывающую 60 тысяч томов. Тем не менее он часто сталкивался с враждебностью со стороны администрации университета и некоторых своих коллег. Те, кто не был обладателем состояния, нередко умирали в нищете, несмотря на свою славу. Бенедикт вспоминает, что когда умер знаменитый патолог Рокитанский, его вдове определили скудную пенсию, которую впоследствии сохранили за ней только потому, что в ее судьбе принял участие сам Бенедикт[12]. То же положение дел наблюдалось и в клинической медицине. Хотя врач мог рассчитывать на доходы со своей практики, это не могло заменить научные ресурсы, предоставляемые больницей или другим официальным заведением.

Отношения между учеными внутри университета отличались напряженным соперничеством, которое, как ни парадоксально, соседствовало с традиционной профессиональной солидарностью — Korps-

geist. Именно из соображений такой солидарности из университетов не увольняли старых профессоров, чьи знания давно устарели, или поведение стало чудаковатым, или тех, кто был уже слишком немощным для преподавания. Печальным примером такого отношения может служить случай, произошедший в родильном доме Венского университета в 1844–1850 годах. Сотни матерей потеряли жизнь из-за эндемической родильной горячки, в то время как в других родильных домах университета, выполнявших функции школ по подготовке акушерок, смертность не была столь высокой. Заместитель главного врача доктор Земмельвейс беспрестанно указывал на источник беды и старался доказать несостоятельность своего начальника, профессора Иоганна Кляйна, против которого не предпринималось никаких действий, а университетская коллегия, состоявшая из честных и ответственных людей, предпочла не вмешиваться по соображениям Korpsgeist. Когда, наконец, профессор Кляйн ушел из больницы, Земмельвейс не был назначен на его место, так как он нарушил правила этики, пытаясь разоблачить своего начальника[13]. Эта история, вызвавшая бурю негодования, не так давно повторилась с профессором Фердинандом Зауэрбрухом (1875–1951), великолепным хирургом, чье завышенное мнение относительно своих профессиональных способностей приобрело характер патологии. В последние годы его карьеры пациенты один за другим умирали у него на операционном столе, но при этом никто не осмеливался вмешаться[14].

Система, порождавшая такую конкуренцию и множество препятствий, неизбежно приводила к тому, что между соперниками возникали зависть, ревность и ненависть. Но эти чувства приходилось подавлять, дабы поведение соответствовало общепринятым нормам. Это порождало возмущение, очень тонко описанное Ницше и Шелером. Французский писатель Леон Доде дал описание особого типа профессионального негодования, возникающего в отношениях между писателями, которое он называем invidia, но его описание полностью применимо и к отношениям между университетскими учеными того времени[15]. Invidia довольно редко перерастала в открытый конфликт между профессорами одного университета. Одним из немногих примеров может служить ссора между профессорами Венского университета Хюртлем и Брюкке. Эти известные ученые жили на территории Анатомического института: Брюкке проживал на первом этаже, а Хюртль — этажом выше. Хюртль пользовался репутацией одного из величайших анатомов своего времени. Он был очень богат, но при этом не менее скареден и привередлив, за что коллеги его от души ненавидели. Угрюмый, строгий и педантичный уроженец Пруссии, Брюкке ненавидел Вену, и многие его студенты отвечали ему тем же за его строгость. Начало конфликту с Хюртлем положило заявление Брюкке о том, что он собирается читать курс лекций по

«высшей анатомии» (hohere Anatomie). Название, которое Брюкке выбрал для гистологии, Хюртль воспринял как личное оскорбление. С тех пор всякий раз, как он узнавал, что Брюкке принимает гостей в своей квартире этажом ниже, Хюртль начинал работать с инструментами, создающими много шума. Брюкке отомстил ему, поместив под окна Хюртля собак, на которых проводил эксперименты, связанные с голодом, ожидая, что их лай будет раздражать его. Однако он вскоре заметил, что животные не теряют в весе, как предполагалось. Это приводило его в недоумение, пока однажды он не обнаружил, что Хюртль тайно подкармливает несчастных животных, кидая им из окон мясо[16]. И все же, как правило, внутри одного университета профессора, которые испытывали неприязнь друг к другу, старались соблюдать видимость если не уважительных, то, по крайней мере, корректных отношений и никогда не говорили плохо друг о друге в чьем-либо присутствии. Однако, что касается отношений между учеными из разных университетов, то здесь они испытывали гораздо меньшее давление моральных обязательств ограничивать себя и нередко яростно нападали друг на друга, что выражалось либо в словесной форме (примером может служить язвительная речь Вирхова, произнесенная им в адрес Геккеля в Мюнхене в 1877 году), либо в форме едких памфлетов. Когда Ницше опубликовал свой труд «Рождение трагедии», филолог фон Виламовиц-Моллендорф резко критиковал его в письменной форме[17]. Друг Ницше, филолог Эрвин Роде[18], ответил не менее ядовитым памфлетом, начинавшимся знаменитой фразой: «Если книгой ударили по голове и при этом раздался пустой звук, разве причина обязательно в книге?»[19] Новые идеи иногда воспринимались сразу и с большим энтузиазмом (например, открытие рентгеновских лучей), но нередко они вызывали активное сопротивление. Когда Пастер создал новое профилактическое средство от бешенства, он подвергся столь яростным нападкам со стороны терапевта Петера, что впал в депрессию, и ему пришлось на несколько месяцев уйти в отпуск[20]. После того как в Германии Эрлих открыл способ лечения сифилиса с помощью аэробензолов, он несколько лет не мог избавиться от безжалостной критики. Некоторые темы, такие, как гипнотизм, время от времени выносились на всеобщее обсуждение, но подобные нападки сводили все начинания на нет. Когда Крафт-Эбинг, ставший впоследствии профессором в Граце, прибег в своей работе к гипнозу, он стал объектом яростной критики со стороны Бенедикта, заявившего, что подвергнет его «психологическому анализу», то есть личность Крафта-Эбинга будет проанализирована и затем реконструирована с помощью синтеза[21]. Какие бы объяснения этому ни приводились, остается несомненным, что раньше словесные оскорбления были гораздо более распространены в научном мире, нежели в наши дни, и это также необ-

ходимо принять во внимание при изучении полемики между Фрейдом, Адлером и Юнгом и их современниками.

И тем не менее, ради справедливости следует также упомянуть о том, что недоверие к новым идеям и открытиям не раз оправдывало себя. Не составит труда привести целый перечень мнимых открытий, оказавшихся впоследствии ошибочными. Сколько раз археологи заявляли, что нашли ключ к расшифровке языка этрусков, физики — что они открыли новые лучи, врачи — что им удалось создать средство от рака, а историки — что они установили истинного автора произведений Шекспира. Иногда ошибочное открытие вводило в заблуждение и других исследователей, и это вело к неверному заключению, опровергнутому впоследствии при более тщательном исследовании. Так произошло с физиком Блондло из Нанси, — он был убежден в том, что открыл новый вид лучей — лучи N. В конце концов было доказано, что это заблуждение[22]. Другим ошибочным утверждением, приобретшим коллективный характер и долгое время остававшимся не опровергнутым, стало открытие итальянским астрономом Скиапарелли в 1879 году каналов на Марсе. Несколько астрономов из разных стран считали, что они действительно видят эти каналы и их количество увеличивается. Публиковались карты Марса, где было отмечено до восьми тысяч таких каналов. Из этого сделали вывод, что Марс населен разумными существами[23]. Однако никому не удалось сфотографировать эти каналы. В данном случае заблуждение было особенно устойчивым, так как имело побочный эмоциональный оттенок, связанный с проблемой наличия разумных существ в других мирах. Не следует также забывать, что официальной науке приходилось постоянно противостоять нескольким псевдонаукам, таким, как френология, гомеопатия и астрология, которые пользовались популярностью у широких слоев населения и у многих представителей интеллектуального мира.

Такое напряженное соперничество среди ученых может служить объяснением той отчаянной решимости, с которой они доказывали свое первенство в том или ином открытии. Даже ученые, обладавшие достаточно мягким характером, приходили в ярость, когда кто-нибудь из их коллег обнародовал в качестве нового открытия сведения, уже опубликованные ими. Примером этого, если говорить о восемнадцатом столетии, может служить знаменитый спор Лейбница и Ньютона, касающийся первенства в открытии интегрального исчисления; этот спор сильно омрачил последние годы жизни Ньютона. Следует заметить, что в данном случае речь шла об одном из величайших открытий в истории науки, однако в девятнадцатом веке яростные споры разгорались по поводу приоритета в таких вопросах, которые в ретроспективе кажутся мелкими и недостойными подобного внимания. Редким

примером того, когда вопрос приоритета был решен в доброжелательной манере, является диспут между Дарвином и Уоллесом под покровительством Общества Линнея. Ситуация, когда ученый действительно похищал открытие у своего коллеги, возникала довольно редко, тем не менее имеются сведения о нескольких таких случаях. Огюст Форель настаивает на том, что в 1884 году он открыл ядро слухового нерва у кролика и отослал доклад профессору Бехтереву в Санкт-Петербург. Тот ответил ему, что сам недавно сделал такое же открытие. Через некоторое время Бехтерев отослал его в Neurologisches Zentralblatt. До конца своей жизни Форель пребывал в уверенности, что Бехтерев присвоил себе его открытие[24]. В большинстве подобных случаев спор заключался в том, чтобы доказать свое первенство. Было установлено правило, по которому приоритет в открытии закреплялся за тем, кто первым опубликует о нем сообщение в печати. Официальная дата публикации считалась решающей, в результате чего возникали споры вокруг количества времени, прошедшего между днем отправки рукописи в издательство и ее появлением в журнале. Форель утверждает, что в 1886 году открыл нервную клетку (the unity of the nervous cell) и отослал доклад в Archiv fur Psychiatrie, где его опубликовали лишь в январе 1887 года. Такое же открытие совершил Хиз. Он отослал сведения в другой журнал, где они были опубликованы в октябре 1886 года, благодаря чему приоритет был закреплен за ним. Позднее Рамон и Кахал, Келликер и Вальдейер также опубликовали сведения об этом открытии, но так как последний ввел термин «нейрон», то и открытие в целом приписали Вальдейеру[25]. Ходили слухи, что некоторые авторы не гнушались изменять дату публикации своих книг или памфлетов, дабы обеспечить себе приоритет.

Научная полемика подогревалась также националистическими настроениями. С начала века происходят все учащающиеся столкновения между представителями немецкой, французской и английской науки, при этом каждая из стран стремится выдвинуть на передний план своих ученых. Франко-прусская война еще более усугубила страсти. Между учеными этих стран начались споры, которые иногда проходили цивилизованным образом, как, например, диспут между Ренаном и Давидом Штраусом, а иногда в более непримиримой манере, как между Фюстелем де Куланж и Моммзеном. Временами соперники опускались до взаимных оскорблений. После поражения в войне французы считали Пастера, сделавшего открытия эпохальной важности во имя процветания человечества, символом превосходства французской нации на поприще духовного развития. Германия противопоставляла Пастеру Коха. На Международном конгрессе по гигиене, проходившем в Женеве и 1882 году, Пастер читал доклад в защиту своего открытия, опровергая аргументы Коха. Случилось так, что он стал цитировать recueil

allemand (немецкое собрание) сочинений, посвященных гигиене. Коху, который присутствовал в зале, послышалось, что Пастер сказал orgueil allemand (немецкое тщеславие). Он поднялся с места и в знак протеста принялся яростно перебивать Пастера к великому удивлению всех присутствующих в зале, которые никак не могли понять, что же именно не устраивает Коха[26]. Без сомнения, наука к тому времени во многом утратила международный характер, присущий ей в XVIII столетии. Попытки создать новую международную науку сталкивались со все возрастающим количеством препятствий, вызванных ее расширением и увеличением числа ученых. Ранее ученый мог на протяжении многих лет сосредоточивать все свои усилия на написании одного главного сочинения, которое становилось для него синтезом трудов и идей всей его жизни. С развитием научного движения настала эра регулярных заседаний академий и собраний научных обществ. На этих собраниях ученые могли сделать краткое заявление о своем открытии, как только они его совершили. Настала также эпоха многочисленных конгрессов, где ученые преждевременно заявляли об открытиях, над которыми еще только велась работа, и о результатах, которые они всего лишь желали получить. Далеко не все представляют, что научные конгрессы были в ту пору нововведением. Ежегодные национальные конференции профессиональных научных ассоциаций, а также съезды ученых, делегированных правительствами их стран для обсуждения некоторых проблем, проходили и ранее, но большие научные конгрессы, воспринимаемые теперь нами как само собой разумеющееся, в 80-х годах прошлого столетия были совершенно новым явлением[27]. Первые международные конгрессы были довольно малочисленны по количеству участников. Например, на первый Международный конгресс по психологии, проходивший в 1886 году, было заявлено 160 участников, на второй, собравшийся в 1889 году в Париже — 200 участников, на третий, в Лондоне в 1892 году — 300, а на четвертый, в Мюнхене в 1896 году — 503 участника. Официальными языками этих конгрессов были французский, немецкий, английский и иногда итальянский. Предполагалось, что ученые из разных стран смогут понимать друг друга, обходясь без услуг переводчика (система синхронного перевода тогда еще не появилась даже в научно-фантастических произведениях).

История науки — в том виде, в каком ее обычно преподносят — восхваляет победителей и умалчивает о тех многих, кто не выдержал этой яростной борьбы. В то же время некоторые из последних были если не гениями, то, во всяком случае, людьми выдающихся способностей. Мы рассмотрим всего один пример — судьбу Морица Бенедикта (1835–1920), чьи «Мемуары» представляют собой грустное повествование о его жизни в Вене, полной разочарований на научном и профессио-

нальном поприще[28]. На первый взгляд, могло бы показаться, что карьера Бенедикта складывалась весьма успешно: новатор в области невропатологии, электрологии, криминологии и психиатрии, он преподавал в Венском университете, имел богатых пациентов, многие его работы были опубликованы. Бенедикт часто путешествовал за границу, где его принимали как одного из наиболее ярких светил австрийской медицины. Он удостоился восхищения и дружбы Шарко, который назвал его именем одно из редких заболеваний (синдром Бенедикта, симптомы которого действительно впервые описал Бенедикт). Однако «Мемуары» Бенедикта написаны человеком, находившимся в состоянии глубокого отчаяния, который буквально задыхался от негодования. Он повествует о том, как его коллеги присваивали и разрабатывали его открытия одно за другим и пожинали славу, на самом деле предназначенную ему; о том, как он так никогда и не получил профессорской должности, принадлежавшей — как считал Бенедикт — ему по праву; и о том, что его соотечественники так и не признали его заслуг. Бенедикт описывает, с какой враждебностью австрийцы относятся к любым проявлениям величия и вспоминает о том неуважении, которое они проявляют к великим художникам и музыкантам, таким, как Моцарт, Гайдн, Шуберт, поэт Грилльпарцер и другие. Как можно убедиться ниже, Бенедикт, вне всякого сомнения, внес значительный вклад в развитие динамической психиатрии.

Если бы кто-то взял на себя труд детально проанализировать, какие факторы приносят славу одним ученым и забвение другим, он, безусловно, сделал бы многое для создания неизвестной истории науки. Например, можно сравнить судьбы Шампольона (1790–1832), признанного гениальным ученым за то, что он сумел найти ключ к расшифровке египетских иероглифических надписей, и Гротефенда (1775–1853), который совершенно никому не известен в наши дни, несмотря на то, что он расшифровал древнюю персидскую клинопись[29]. Ничто не дает нам права предполагать, что первое открытие является большей заслугой, нежели второе. Как же тогда объяснить столь разное отношение к этим двум ученым? Во-первых, Шампольон оказался в более выгодном положении благодаря тысячелетнему мифу, окутывавшему Древний Египет. Считалось, что иероглифические надписи (священные письмена) якобы содержат удивительные забытые секреты мудрости древних времен. В то же время культура Древней Персии была настолько сильно разрушена исламскими и монгольскими завоевателями, что уцелела лишь ничтожная ее часть. Только позднее, после того как вышли в свет книги Фехнера «Зенд-Авеста» и Ницше «Заратустра», изучение этой древней культуры становится чуть более модным. Во-вторых, буквы клинописного письма являются более абстрактыми и гораздо менее живописны-

ми, нежели выполненные в высокохудожественной манере египетские иероглифы. В-третьих, открытие Шампольона имело также и политическую подоплеку: египетский поход Наполеона (сам по себе, один из наиболее романтичных эпизодов истории) потерпел полную неудачу из-за вмешательства англичан, после чего англо-французское соперничество перешло в область науки. В то время как английские ученые были всего лишь на пути к открытию, египетские надписи сумел расшифровать француз, что было воспринято как реванш со стороны Франции. Гротефенду суждено было совершить свое открытие в то время, когда научный мир Германии был совершенно невосприимчив к подобным вещам. В-четвертых, жизнь самого Шампольона была наполнена романтикой и приключениями. Еще в детском возрасте он был очень впечатлен походом Наполеона в Египет. Когда ему было двенадцать лет, он торжественно поклялся, что разгадает тайну иероглифов. Позднее Шампольон познакомился с египетским монахом, и тот обучил его коптскому языку, который Шампольон вскоре выучил и к шестнадцати годам владел им не хуже, чем своим родным языком. Первая работа Шампольона по коптскому языку была с энтузиазмом воспринята в Institut de France. Когда Шампольон совершил свое великое открытие, он подбежал к своему брату, воскликнув «Je tiens l'affaire!» («Я это сделал!»), после чего упал в обморок и целых пять дней не вставал с постели. Во Франции это открытие отмечалось как национальный триумф, несмотря на яростные опровержения со стороны англичан. Жизнь Гротефенда была полной противоположностью: он родился в семье сапожника, с трудом добился должности учителя в небольшом классическом колледже и не имел возможности подняться выше по академической лестнице. Его открытие столкнулось с недоверием, подозрениям и враждебностью со стороны ориенталистов, которым претила сама мысль, о том, что такое великое, эпохальной важности открытие сделано вне университетских кругов. С большим трудом Гротефенду удалось опубликовать часть материалов о своем открытии, и всю оставшуюся жизнь он отчаянно добивался признания, которое пришло к нему только после смерти. Во многих областях науки можно провести немало параллелей судьбам Шампольона и Гротефенда. Воистину, научному миру той поры, наверно, более, чем любому другому явлению общественной жизни, подходит строка из стихотворения Киплинга: «Триумф и крушение... эти вечные спутники...»

Провозвестник новой эры: Ницше

Накануне 1880 года западный мир находился под мощным воздействием позитивизма, сайентизма и эволюционизма. Преобладающими направлениями, помимо пережитков старой философии Просвещения,

были социальный дарвинизм, марксизм и новейшие материалистические и механистические философии. Среди ведущих мыслителей главенствовали утилитаристы и представители социальной философии Герберта Спенсера, Джона Стюарта Милля и Ипполита Тэна. В литературе того времени натурализм требовал от писателя — насколько это возможно — точно воспроизводить картину жизни и факты, как это делал Бальзак, а позднее — Флобер, Мопассан и Золя. Романтизм казался чем-то давно ушедшим в прошлое.

Однако около 1885 года происходит еще один поворот в области культурной жизни — в ориентации сознания людей по всей Европе чувствуются значительные перемены. Они охватывают многие аспекты культуры того времени, и надо отметить, что мы не сможем понять причины возникновения новой динамической психиатрии, не принимая во внимание это обстоятельство. Фридрих Ницше заметно выделяется на фоне остальных лидеров этого движения. Ницше (1844–1900) родился в семье протестантского священнослужителя. Его отец умер, когда Ницше был еще совсем мал. Его первым призванием стала греко-латинская филология. Он был исключительно одаренным студентом: в 1869 году, в возрасте двадцати пяти лет, Ницше был удостоен звания профессора классической филологии в Базельском университете, что само по себе является легендарным достижением. Его сочинение «Рождение трагедии», вышедшее в свет в 1872 году, весьма удивило и раздосадовало его коллег. В 1879 году болезнь вынудила его оставить свою должность. К тому времени Ницше уже приступил к написанию серии сочинений, в которых, прибегнув к великолепному, изобилующему афоризмами стилю, в пророческой манере он провозгласил необходимость свержения общепринятых ценностей современного общества, сформулировал принцип стремления к власти, а также изложил более туманное учение о сверхчеловеке и вечном возвращении. В 1889 году Ницше разбил полный паралич, — оставшиеся годы своей жизни до самой смерти в 1900 году он пребывал в состоянии полного помешательства.

Ницше в значительной степени являет собой пример человека, называемого в Германии загадочной натурой, то есть личностью, судить о которой очень сложно, и при попытках дать оценку которой возникают диаметрально противоположные мнения. Духовное развитие Ницше происходило по образцу следующих один за другим кризисов. После того, как в раннем возрасте Ницше утратил веру в Христа, он страстно увлекся музыкой Вагнера и философией Шопенгауэра, за чем последовало переключение интересов от филологии к философии и неожиданный разрыв дружеских отношений с Вагнером. Эти этапы жизненного опыта шли рука об руку с этапами его непрекращающегося физического и невротического страдания, откуда он каждый раз выносил новую фи-

лософскую концепцию, последняя из которых воплотилась в знаменитой книге «Так говорил Заратустра». Трудно сказать, в какой степени перемены в мировоззрении Ницше, нашедшие отражение в его последней работе, являются следствием эволюции его учения, а в какой — его искажением, вызванным умственным расстройством.

То, что Ницше удостоился особенного внимания со стороны своих современников в Европе, было вызвано тремя причинами: легендой вокруг его имени, его стилем и его идеями. Легенда сложилась вокруг имени Ницше еще при жизни — легенда о человеке, изгнавшем себя из общества, живущем в одиночестве в швейцарских горах, подобно тому, как Заратустра жил в пещере, и предающем современное ему общество анафеме[30]. Затем последовало его безумие, которое некоторые склонны были расценивать как наказание свыше, обрушившееся на человека, дерзнувшего возвыситься над своими собратьями. После смерти Ницше легенда о нем поддерживалась в основном благодаря его архивам, настоящей целью которых, похоже, было распространять эту легенду в соответствии с желанием его сестры и небольшой группы приверженцев, не гнушавшихся публиковать фальсифицированные версии его посмертных работ[31]. В свою очередь, легенда, сложившаяся вокруг его имени, впоследствии была использована различными идеологическими учениями, включая нацизм.

Своим огромным влиянием работы Ницше в не меньшей степени, чем содержанию, обязаны стилю, в котором они были написаны. «Рождение трагедии» — единственное произведение, в котором автор придерживается последовательного и ясного плана. Остальные его работы представляют собой непрерывный ряд ярких афоризмов. «Так говорил Заратустра» — это рассказ о пророке и его изречениях. Это произведение, изобилующее аллегорическими сравнениями и мифологическими сюжетами, оказало гипнотическое воздействие на европейскую молодежь в период между 1890 и 1910 годами.

Об идеях Ницше довольно трудно судить, так как они не были приведены в единую систему и изобилуют противоречиями. Неудивительно, что они вызвали такое количество спорных интерпретаций. На современников очень сильное впечатление производил полемический характер его идей, а также яростные нападки, с которыми Ницше обрушивался на идеологические институты того времени: социальное устройство, официальную религию и общепринятые моральные нормы. Он отрицал существование причинно-следственной связи, законов природы и возможность достижения человеком какой-либо истины. Это умозаключение нашло отражение в одном из его афоризмов: «Ничто не есть истина, все позволено!» В свете этих установок учение Ницше рассматривали как радикальную систему философского и морального

нигилизма[32]. Однако большинство толкователей его идей считают, что негативный аспект в его учении предваряет философские идеи возрождения человека, общества и этики.

Рассматривая позитивные аспекты учения Ницше, необходимо отметить, что в плане психологических понятий оно представляет не меньшую важность, нежели в плане философских воззрений. Новизну первых с запозданием заметили благодаря работам Людвига Клагеса[33], Карла Ясперса[34] и Алвина Митташа[35]. Клагес даже называет Ницше истинным основателем современной психологии. Томас Манн считал его «величайшим за всю историю человеческого сознания критиком и исследователем психологии морали»[36]. Оказалось, что даже идеи Ницше относительно преступления и наказания отличаются большой оригинальностью и представляют огромный интерес для современной криминологии[37].

Алвин Митташ продемонстрировал связь психологических идей Ницше с открытиями в области физики того времени. Ницше ввел в психологию закон Роберта Майера о сохранении и превращении энергии. Аналогично тому, как физическая энергия может оставаться потенциальной или активизироваться, «квант сжатой (психической) энергии», по представлениям Ницше, может ожидать того времени, когда он будет использован, а иногда малейшей провоцирующей причины будет достаточно, чтобы вызвать мощный разряд психической энергии. Ментальную энергию также можно аккумулировать в зависимости от желания, дабы позднее использовать ее на более высоком уровне. Ее можно переводить из одного инстинкта в другой. Исходя из этого, Ницше представляет человеческое сознание как систему внутренних импульсов, а эмоцию — в виде «набора бессознательных образов и состояний воли».

Людвиг Клагес характеризует Ницше как выдающегося представителя превалировавшего в 80-е годы прошлого столетия течения — «раскрывающей» или «разоблачающей» психологии, которую Достоевский и Ибсен развивали в других направлениях. Ницше ставил задачу показать, как человек обманывает сам себя и при этом постоянно обманывает себе подобных. «Так как личность позволяет нам увидеть лишь часть самого себя, возникает вопрос: что же она стремится утаить? От чего она пытается отвести наш взгляд? Что за предубеждение лежит в основе всего этого? Насколько тонко она нас обманывает? В какой степени эта личность обманывает себя, поступая таким образом?»[38] Так как человеку свойственно обманывать себя в большей степени, чем других, психологу следует делать выводы из того, что люди действительно имеют в виду, а не из того, что они говорят или совершают. Например, евангельское изречение «Тот, кто усмиряет себя, возвысится» следует перевести как

«Тот, кто усмиряет себя, хочет возвыситься»[39]. Более того, то, что человек принимает за свои собственные мысли и убеждения, всего лишь отголоски убеждений или зачастую просто голословных суждений его родителей и предков. Таким образом, наша жизнь зависит в равной степени как от глупости, так и от мудрости наших предшественников. Ницше неустанно пытался доказать, что любое наше чувство, мнение, отношение, манеры нашего поведения и проявления добродетели проистекают из самообмана или подсознательной лжи. Таким образом, «каждый человек находится дальше всех от самого себя», бессознательное представляет собой существенную часть личности, а сознание — всего лишь зашифрованную формулу первого; в той или иной степени фантастичный комментарий к бессознательному, которое представляется в виде неизвестного, однако ощутимого текста»[40].

Ницше рассматривал бессознательное как сферу беспорядочных мыслей, эмоций и инстинктов и в то же время как область, где вновь оживают пройденные этапы жизни личности и человечества в целом. Нечеткость, беспорядочность и несвязность наших представлений во сне напоминает состояние ума на самых ранних стадиях человеческого развития. Галлюцинации, которые мы видим в сновидении, напоминают нам о тех коллективных галлюцинациях, охватывавших некогда целые сообщества первобытных людей. «Таким образом, в сновидениях мы еще раз повторяем уроки (Pensum), пройденные человечеством на ранних стадиях его развития»[41]. Они дают нам возможность оживить фрагменты нашего прошлого, а также прошлого человечества. То же самое верно по отношению к бесконтрольным проявлениям страстей и умственным заболеваниям[42].

Как Клагес, так и Ясперс проявляли огромный интерес к теориям инстинктов Ницше: теориям их взаимодействия, конфликтов и противоречий. В своих первых работах Ницше пишет о потребности в удовольствиях и борьбе, о половом и стадном инстинктах и даже — об инстинктах познания и стремления к истине. Постепенно он начинает придавать все большее значение одному основному инстинкту — стремлению к власти. Кроме того, Ницше описывает чередование инстинктов, их компенсацию с помощью иллюзий, подмену одного инстинкта другим при разрядке, сублимацию инстинктов, их подавление и ситуацию, при которой их действие направлено внутрь личности, при этом он не забывает и о возможности осознанного и непринужденного контроля над ними.

Понятия сублимации, которое отнюдь не было новым, Ницше коснулся при описании полового и агрессивного инстинктов[43]. Он считал сублимацию следствием сдерживания инстинктов или же интеллектуального процесса и отмечал, что ее проявления очень часты. «Хорошие

поступки — это сублимированные плохие»[44]. Даже в самых сублимированных своих формах инстинкты сохраняют присущее им важное значение: «Уровень и характер сексуальности личности проявляются даже в самых высших достижениях ее духа»[45].

Используя термин «ингибиция» (Hemmung), Ницше описывает процесс, который в наши дни называют репрессией или вытеснением. Он связывает его со сферой восприятия и памяти. «Потеря памяти не является всего лишь следствием инерции... Наоборот, она представляет собой активную и, в строжайшем смысле этого слова, позитивную функцию ингибиции»[46]. «"Я сделал это", — говорит моя память. "Я не мог этого сделать", — утверждает моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает»[47].

Что касается обращения инстинктов против самого себя, это положение предоставляет ключ к нескольким основным понятиям учения Ницше: негодованию, совести и происхождению цивилизации.

Слово «негодование», означающее многие виды чувств типа озлобления, неприязни, зависти, недовольства, ревности и ненависти, получило в интерпретации Ницше новое истолкование. Когда такие эмоции сдерживаются и в результате становятся бессознательными, они начинают проявляться в скрытой форме, особенно — в виде ложных моральных установок[48]. Христианская мораль, по представлениям Ницше, является утонченным проявлением негодования, это мораль рабов, которые не имели возможности открыто выступить против своих угнетателей и потому прибегли к скрытому способу борьбы, что позволяло им считать себя выше своих врагов, в то же время презирая их. Ницше также считал, что христианская заповедь «Возлюби врага своего» — это наиболее хитроумный способ привести своих врагов в ярость, а значит, — наиболее жестокий вид мести. Концепцию негодования Ницше предстояло перенять и в несколько измененном виде развить Максу Шелеру[49] и Мараньону[50].

На создание концепции о возникновении совести Ницше вдохновили идеи его друга Поля Ре, который стремился доказать, что совесть в человеческом сознании возникла ввиду невозможности высвободить те агрессивные инстинкты, с которыми люди столкнулись в определенный период истории своего существования[51]. В своей работе «К генеалогии морали» Ницше, подобно Полю Ре, описывает первобытного человека как «дикого зверя», «хищное животное» или как «прекрасного зверя со светлыми волосами, кочующего с места на место и стремящегося к захвату добычи и победе»[52]. Однако когда сформировалось человеческое общество, инстинкты дикого свободного человека стало невозможно разряжать вовне, и они обратились внутрь личности. Так возникло ощущение вины, ставшее, в свою очередь, первой предпосыл-

кой появления такого понятия в сознании человека, как совесть. Внутри личности этот процесс ускоряется благодаря воздействию моральных установок и разного рода ингибиций. «По сути своей наша совесть состоит из требований, которые к нам в детстве постоянно и без всяких объяснений предъявляли те, к кому мы испытывали уважение или страх... В основе совести лежит вера в авторитет. Это не голос Господа в нашей душе, это голос нескольких людей в одном человеке»[53]. Более того, личность носит в себе множество взглядов и ощущений, унаследованных ею от своих родителей, которые она, однако, считает своими собственными. «Для сына становится убеждением то, что для отца все еще оставалось ложью»[54]. Не только отец, но и мать может определять поведение личности в будущем. «Внутри каждого человека есть образ женщины, который складывается у него из представлений о своей матери. Именно этот образ определяет, будет ли он впоследствии уважать женщин, презирать их или будет к ним равнодушен»[55].

Ницше объясняет происхождение цивилизации в том же ключе, что и возникновение совести. В основе как первого, так и второго процесса лежит отказ от удовлетворения наших инстинктов. В этом положении можно без труда узнать старую теорию Дидро и его последователей. Цивилизация есть источник всех болезней и страданий человечества, так как она является «следствием насильственного разрыва со своим животным прошлым, ... при котором человек объявляет войну собственным старым инстинктам, составлявшим до этого его мощь, удовольствия и величие»[56].

Одна из своеобразных черт философии Ницше заключается в том, что он придает большое значение не только агрессивным инстинктам, но и инстинктам саморазрушения. Среди проявлений последних он называет стремление к познанию. В представлении Ницше, наука — «это враждебный жизни, деструктивный принцип. Желание познать истину может быть скрытым проявлением стремления к смерти»[57]. Наука представляет собой утверждение чуждого нам мира и, таким образом, отрицание нашего мира, мира, в котором мы живем.

Среди собственно философских идей Ницше две заслуживают особого внимания: это понятие сверхчеловека и идея вечного возвращения.

Понятие сверхчеловека Ницше вызывало множество толкований. Это понятие не имеет ничего общего с образом «супермена» как необычайно сильной, волевой личности, наделенной мистической властью. Идея сверхчеловека не была новой, но что подразумевал под этим сам Ницше, до сих пор остается спорным[58]. Одно из возможных толкований проистекает из положения Ницше о том, что «человек — это некий этап, который нужно преодолеть» — первого из предсказаний Заратустры[59]. Человек должен покорить сам себя, но как и ради чего? Возмож-

но, проблема заключается в том, что человек испытывает страдания, так как он зажат между установками ложной морали и своими глубоко укоренившимися животными, агрессивными инстинктами. Чтобы разрешить этот конфликт, он должен отбросить все установленные ценности и почувствовать, как все его подавленные дикие инстинкты разворачиваются внутри него: так, человеку, испытывающему жажду мести, следует насладиться ею до предела, до тех пор, пока он не обретет способность прощать, благодарить и уважать своего противника[60]. Переоценив, таким образом, свои моральные установки, он создает собственную систему ценностей и собственную мораль и начинает жить в соответствии с ними[61]. Этот человек — сверхчеловек — обрел теперь силу и даже жесткость, но он добр к слабым и соблюдает высочайший из моральных законов — закон вечного возвращения. Данная идея также дала повод для множества самых разных интерпретаций. Не следует рассматривать ее в плане теории «циклического палингенеза» (cyclic palingenesis), которую исповедовали некоторые философы древности. Учитывая физическое строение Вселенной, они считали, что одни и те же события будут обязательно повторяться через определенные промежутки времени до бесконечности (ad infinitum). У.Д. Виллиамс трактовал идею Ницше следующим образом:

> Мы еще и еще раз возвращаемся не к жизни, точно повторяющей эту жизнь, а к самой жизни... Ницше считает, что вся жизнь, с ее самыми высокими и самыми низкими проявлениями, величественным и сиюминутным добром и злом, является вечной, хотим мы этого или нет... Мы можем заметить, что в этой идее предельно отражено осознание нашей абсолютной ответственности как представителей человеческого рода, ответственности, которой мы никогда не сможем избежать. Мы должны ответить за каждое мгновение своей жизни, воскрешая ее в вечности[63].

То же самое Ницше выразил в краткой формуле: «Эта жизнь — твоя вечная жизнь». Он проводил связь между идеей сверхчеловека и понятием вечного возвращения. Сверхчеловек сообразует свою жизнь с принципом бесконечного возврата, существуя, таким образом, с точки зрения вечности (sub specie aetemitatis), отсюда — повергающее в ужас величие каждого человеческого шага.

Ницше как-то сказал, что любая философская система — это не что иное, как скрытая исповедь. «Человек может возрасти, сколь это возможно, благодаря своим знаниям и казаться себе при этом максимально объективным, однако при окончательном анализе он не представит вам ничего, кроме собственной биографии»[64]. Применительно к Ницше это должно быть верно в большей степени, чем по отношению

к любому другому человеку. Лу Андреас-Саломе первой осознала тесную связь между страданиями физического и нервного характера, которые испытывал Ницше, и продуктивностью его мышления[65]. Согласно предположению Андреас-Саломе, он прошел сквозь серию циклов, среди которых были фаза болезни, фаза выздоровления, наступавшего одновременно с появлением новых философских открытий, и фаза эйфории, предшествовавшая новому приступу болезни. Этим, возможно, объясняется твердое убеждение Ницше в том, что он несет человечеству новые знания и является пророком новой эры, а также то обстоятельство, что его идеи пользовались в Европе 90-х годов прошлого столетия поистине фантастической популярностью. Целое поколение буквально бредило учением Ницше — в какой бы манере его ни трактовали — подобно тому, как предыдущее поколение находилось под влиянием идей дарвинизма. Невозможно преувеличить то воздействие, которое Ницше оказал на динамическую психиатрию. Его — в большей степени, чем даже Бахофена, — можно считать общим источником творчества Фрейда, Адлера и Юнга.

Для тех, кто знаком с работами как Ницше, так и Фрейда, схожесть их мышления представляется столь очевидной, что не возникает даже вопроса о том, оказал ли первый влияние на последнего. Фрейд характеризует Ницше как философа, «чьи предположения и интуитивные заключения часто самым удивительным образом совпадают с открытиями в психоанализе, на свершение которых было потрачено множество усилий». При этом он добавляет, что сам долгое время не читал трудов Ницше, так как стремился оградить свое сознание от внешних влияний[66]. Стоит однако отметить, что во времена ранней зрелости Фрейда необязательно было изучать работы Ницше, чтобы проникнуться его идеями, — настолько часто его сочинения цитировали, рассматривали и обсуждали во всех интеллектуальных кругах, журналах или газетах.

Психоанализ, без сомнения, принадлежит к тому же «разоблачающему» течению, поиску скрытых подсознательных мотивов, характерному для 80–90-х годов XIX века. В учениях как Фрейда, так и Ницше слова и поступки рассматриваются как проявления бессознательных влечений, в основном — инстинктов и их конфликтов. Оба они считают бессознательное сферой диких грубых инстинктов, которые не находят позволительного выхода. Они возникли в более раннюю пору существования человечества и выражаются в страстях, сновидениях и умственных расстройствах. Даже термин «ид» (das Es) впервые возникает в работах Ницше. Динамическая концепция сознания, представление о ментальной энергии, количестве латентной или сдержанной энергии, а также освобождении энергии и превращении ее из одного стремления в другое — все это также можно найти в трудах Ницше. Задолго

до Фрейда он стал рассматривать сознание как систему стремлений, которые могут приходить в столкновение или сливаться друг с другом. В отличие от Фрейда, однако, Ницше придавал наибольшее значение не половому влечению — хотя важность последнего он должным образом признавал, — а агрессивному и саморазрушительному стремлениям. Ницше были хорошо знакомы те процессы, которые Фрейд позднее назовет механизмами защиты, в особенности — сублимация (этот термин встречается в работах Ницше не менее десяти раз), вытеснение (Ницше использует термин «ингибиция») и обращение инстинктов против самого себя. В произведениях Ницше также присутствует понятие образов отца и матери. Описание негодования, ложных угрызений совести и ложных моральных установок предвосхитили появление в работах Фрейда описаний невротического чувства вины и суперэго Фрейда. Можно также провести параллель между работой Фрейда «Недовольство культурой» и сочинением Ницше «К генеалогии морали». Оба исследователя дают новое толкование старому положению Дидро о том, что современный человек подвержен специфическому заболеванию, причина которого заключается в самой цивилизации, так как именно она требует от человека, чтобы он отказался от удовлетворения своих инстинктов. По всем произведениям Ницше буквально разбросаны бесчисленные идеи и фразы, которые можно обнаружить и в произведениях Фрейда. Ницше учил, что жалобы и самообвинения никогда не возникают отдельно от стремления к отмщению, таким образом: «Каждая жалоба (Klagen) — это обвинение (Anklagen)»[67]. Подобную идею, где присутствует та же игра слов, можно найти в знаменитой работе Фрейда «Скорбь и меланхолия»: «Их жалобы (complaints) — это, на самом деле, обвинения (plaints) в более древнем смысле этого слова»[68].

Если бы интерпретация идеи сверхчеловека, предложенная Лу Андреас-Саломе была верной, она содержала бы ростки концепции психоаналитического лечения Фрейда. Сверхчеловек, превзошедший конфликт между соглашательской моралью и потребностями своих инстинктов, обретает внутреннюю свободу и создает свою систему ценностей, равно как и собственную независимую мораль. Если он «благодетелен», то исключительно потому, что он сам принял решение быть таковым. Он превзошел самого себя, как это происходит с невротиком после успешного психоаналитического лечения.

Несмотря на то что влияние Ницше на психоанализ еще недостаточно хорошо изучено[69], имеется довольно подробное исследование Крукшенка, где он рассматривает творчество Ницше и Адлера[70]. Здесь также нельзя не отметить многочисленные параллели. В понимании как Ницше, так и Адлера человек является незавершенным созданием, которое должно само обрести завершенность. Принцип Ницше «Человек есть

нечто, что необходимо преодолеть» имеет аналог у Адлера: «быть человеком значит стимулироваться чувством неполноценности, которое необходимо преодолеть». Более позднее представление Ницше о том, что единственным основным инстинктом человека является стремление к власти, нашло отражение в учении Адлера о базовом стремлении человека к превосходству. В этом отношении работы Ницше изобилуют примерами, показывающими, как стремление к власти находит выражение в бесчисленном количестве скрытых форм, включая аскетизм и добровольное подчинение другому человеку (выражаясь более современным научным языком — моральный мазохизм). Основное расхождение во взглядах Ницше и Адлера заключается в том, что последний приравнивает преодоление самого себя к обретению «чувства общности», в то время как радикальный индивидуалист Ницше с презрением говорит о «стадном инстинкте». Однако его мысль о том, что «ошибка в восприятии жизни необходима для жизни», а самообман необходим личности, предвосхищает понятие Адлера о «направляющей фикции» у невротиков.

В отличие от Фрейда, Юнг всегда открыто заявлял, что Ницше оказал на него колоссальное влияние. Учение Юнга изобилует положениями, которые — с разной степенью изменений — были заимствованы из учения Ницше. Таковыми являются взгляды Юнга на проблему зла — главенствующего инстинкта человека, на проблему бессознательного, сновидений, архетипов, тени, персоны, мудрого старца, а также на многие другие понятия. Юнг также дает свою интерпретацию личности Ницше. Заратустра, в его представлении, — вторичная личность Ницше, которая сформировалась и медленно развивалась в его бессознательном до тех пор, пока она неожиданно не прорвалась на поверхность, открыв тем самым огромное количество архетипического материала. Сочинения Юнга, посвященные Заратустре, составляют девять неопубликованных машинописных томов и содержат самый подробный из известных комментариев знаменитой работы Ницше[71]*.

Неоромантизм и fin de siécle

Как уже отмечалось выше, около 1885 года по всей Европе происходят стремительные перемены в ориентации сознания. Это движение представляло собой реакцию, направленную против позитивизма и натурализма и в какой-то мере спровоцировавшую возврат к романтизму, в силу чего оно получило название неоромантизма[72]. Однако данное движение не смогло вытеснить позитивистские и натуралистические

* В настоящий момент этот материал в основном опубликован. См.: *Jung C.G.* Lectures of Zaratustra. 1990. — *Прим. ред.*

течения и до конца столетия существовало параллельно с ними. Неоромантизм охватил сферы философии, литературы, изобразительного искусства, музыки, повлиял на образ жизни в целом и оказал несомненное влияние на глубокие перемены, происходившие в то время в динамической психиатрии.

В узком смысле этого термина движение неоромантизма ограничивалось группой немецких поэтов, в которую входили Стефан Георге, Герхард Гауптманн, Гуго фон Гофмансталь и Райнер Мария Рильке. В широком смысле оно включало в себя гораздо более обширный круг поэтов, художников, музыкантов и философов, принадлежавших ко множеству местных объединений временного характера, таких, как прерафаэлиты в Англии, символисты во Франции и движение Jugendstil в Германии. Наивысшее свое выражение неоромантизм нашел в эпохе «декаданса» и особых настроениях fin de siecle (конца века).

Несмотря на название, это движение ни в коей мере нельзя считать простым возвратом к романтизму. В некотором смысле его можно назвать искаженным подражанием, почти карикатурой на романтизм. Во-первых, отношение неоромантиков к природе не могло оставаться тем же. Благодаря широкомасштабной индустриализации, урбанизации, новым открытиям науки жизнь в XIX столетии значительно утратила свою естественность, поэтому неудивительно, что в неоромантизме отсутствует то непосредственное, обостренное ощущение личного контакта с природой, которое лежало в основе романтизма. Даже в тех случаях, когда в произведениях неоромантиков отсутствует целенаправленное стремление к неестественному и когда они ближе всего подходят к природе, она, как правило, изображается в традиционном стиле, глазами художников и эстетов. Если романтики видели окружающий мир в процессе роста и эволюции, то неоромантики имели склонность считать, что он находится в процессе упадка. Если первые обладали причудливой способностью поставить себя на место героев почти любой исторической эпохи, то последние предпочитали обращаться к периодам упадка. Неоромантики не имели также и возможности установить непосредственный контакт с душой народа, как это когда-то делали немецкие романтики. По мере сокращения числа крестьян фольклор, который был неисчерпаемым источником вдохновения для представителей романтизма, на протяжении XIX столетия постепенно исчезал, и неоромантикам приходилось довольствоваться более или менее туманными поисками мифа. Романтизм подчеркивал уникальность и непреходящую ценность личности, рассматривая ее в то же время сквозь призму межличностных контактов — в дружбе, в любовных отношениях, в отношениях внутри небольшой группы людей, а также общества в целом. Для неоромантизма характерно преклонение перед личностью, доведенное до тех пре-

делов, где она рассматривается изолированно от других, в результате чего одной из основных черт этого направления является нарциссизм. Никогда еще в истории литературы поэты так не превозносили Нарцисса и героев, у которых эта черта превалировала. Известно, что фигура Нарцисса стала главным символом и воплощением духа того времени[73]. Однако неоромантики в не меньшей степени, чем их предшественники, проявляли интерес к иррациональному и оккультному, равно как и к исследованиям неизведанных глубин человеческого сознания. Подобно тому, как романтики обращались к Месмеру и животному магнетизму, неоромантики интересовались гипнотизмом и нуждались в новых подтверждениях существования бессознательного.

В своих мемуарах Жюлю Ромену удалось отразить разительный контраст между движением символистов во Франции и общим прогрессом цивилизации в современном им мире:

> Мир стремительно двигался по пути прогресса и был буквально переполнен жизненной энергией. Повсеместно шло установление принципов политической свободы и социальной справедливости. Материальное положение, не только тех немногих, кто принадлежал к привилегированному сословию, но и огромного числа обычных людей беспрестанно улучшалось. Наука и современная техника демонстрировали исключительно свои положительные стороны и, похоже, не предвещали ничего, кроме дальнейшего улучшения условий временного пребывания на Земле... В мире, который стремительно наполнялся гигантскими предприятиями, заводами, машинами, обладавшими огромной мощностью, где главная проблема заключалась в том, чтобы быть в курсе происходящего, включить все это в свою духовную жизнь, научиться управлять этим хаосом, дабы извлечь из него гармонию новой цивилизации, истинный символист, сидя в своей башне из слоновой кости, рассказывает самому себе легенды, иногда — приятные, иногда книжные и наивные... (Он считал свое время эпохой декаданса, сравнивая его с эпохой упадка Византии)... что, конечно, представляет собой один из самых феноменальных примеров неправильного отражения реальности, когда-либо имевшего место в литературе. Это явление можно назвать разновидностью коллективной шизофрении, значение которой, возможно, не было таким уж ничтожным[74].

То, что Жюль Ромен говорит о движении символистов во Франции, вполне применимо и к другим подобным движениям, существовавшим по всей Европе, то есть движениям, исповедовавшим идею упадка современной цивилизации и относящимся к неоромантикам.

Исследователь истории литературы А. Э. Картер схожим образом описывает эту тенденцию:

> Почти все писатели того времени считали свой век эпохой упадка. Это было отнюдь не проявление обыкновенного стремления к эксцентричности, а устойчивое мнение многих патологоанатомов, философов и критиков. Если посмотреть на XIX век из руин нашего времени, он покажется нам неимоверно массивным, неким соединением пара, прокатного железа и уверенности в себе, точь в точь как какая-нибудь из международных выставок той эпохи. Это был век, захватывающий континенты и покоряющий мир... Почему же именно в этом веке, отличающемся особой энергичностью жизни, люди проводили столько времени в мрачных размышлениях над тем, что их время — эпоха упадка — довольно сложный вопрос, на который невозможно дать простой ответ?[75]

Как утверждает Картер, само слово «декаданс» поменяло смысл и к концу столетия приобрело побочное значение роскошной, обольстительной развращенности. Люди, жившие в то время, сравнивали его с эпохой упадка Рима (или же, скорее, с легендарной атмосферой Рима периода империи), с не менее легендарным временем заката Византийской империи, а также с отличавшейся безудержным распутством двора эпохой правления Людовика XV. Повсюду можно было наблюдать попытки выразить мысль о том, что мир стал слишком стар, подкрепляемую различного рода псевдонаучными теориями, — в особенности теорией дегенерации. Этим можно объяснить огромный успех книги Макса Нордау «Вырождение», содержавшей радикальное осуждение современных культурных движений того времени[76].

Понятия декаданса и дегенерации, обретавшие всевозможные формы и обличия, пронизывают все мышление того времени. В 50-х годах XIX века Морель сформулировал психиатрическую теорию, объединяющую почти все хронические психические расстройства под общим названием «умственная деградация». Теория Мореля пользовалась колоссальным успехом, и в 1880-х годах стала доминирующей во французской психиатрии благодаря Маньяну. Дошло до того, что все определения диагноза во французских психиатрических больницах начинались со слов degenerescence mentale, avec..., (умственная дегенерация, с...) после чего следовали основные симптомы заболевания. В начале 80-х годов XIX века Ломброзо поведал миру о «прирожденных преступниках», которые, как предполагалось, представляли собой результат регрессии до уровня первобытного человека. Медицинские теории Мореля и Маньяна обрели популярность благодаря романам Золя и других писателей натуралистического направления. Однако в более утонченной форме они распространялись и благодаря группам неоромантиков. Граф де Гобино утверждал, что человеческие расы не являются равными и что все существующие цивилизации были основа-

ны высшими расами, которые в результате смешения с низшими растворились среди последних, таким образом, человечество обречено дойти до крайней степени смешения, в результате чего оно потеряет все свои творческие способности[77]. Следует отметить, что гораздо чаще мыслители довольствовались описаниями мнимого упадка какой-либо одной конкретной расы или нации. Во Франции, Италии, а также в Испании, после того, как она в 1898 году потерпела поражение в Испано-Американской войне, была широко распространена идея о неполноценности народов романской группы, часто дополняемая идеей о превосходстве англосаксов[78]. Тем не менее англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен подчеркивал мнимое превосходство немецкой нации и заявлял о том, что немцам необходимо сохранять чистоту нации с помощью расового отбора[79]. Еще одна версия концепции декаданса заключалась в идее «упадка аристократии»: вследствие повсеместного распространения демократических идей лучшие индивиды, а также благороднейшие семейства будут поглощены массами. И наконец, существовало утверждение Ницше о том, что человечество в целом пришло в упадок, так как цивилизация не совместима с природой человека. Подобные настроения стали причиной ностальгии по первобытной жизни, первобытным народам и первобытному искусству.

Кульминацией этого движения в целом стал особый дух времени fin de siècle (дух конца века). Это выражение, видимо, впервые появилось в Париже в 1886 году и вошло в моду благодаря Полю Бурже и его роману «В сетях лжи» (Mensonges). К 1891 году оно стало своего рода «литературным бедствием», — это выражение на каждом шагу появлялось в разговорах, и его можно было по десять раз увидеть на каждой странице любой газеты[80]. Точно так же, как во времена романтизма, главенствующей была идея mal du siècle (идея «болезни века»), период, предшествующий концу столетия, был наполнен переживаниями fin de siècle. Во-первых, для этого времени характерно всеобщее пессимистическое настроение, якобы берущее истоки в философии фон Гартманна и Шопенгауэра. Нам, живущим в современную эпоху, трудно представить то завораживающее воздействие, которое философия Шопенгауэра оказывала на представителей интеллектуальной элиты того времени. Мальвида фон Мейзенбург, хорошо знавшая Вагнера и Ницше, пишет в своих мемуарах о том, что для нее ознакомление с работами Шопенгауэра было равносильно обращению в новую веру[81]. Философские проблемы, волновавшие ее на протяжении многих лет, неожиданно прояснились. Она получила возможность поиному взглянуть на христианскую веру и обрела душевный покой, равно как и новый смысл жизни. Однако гораздо чаще пессимизм Шопенгауэра и фон Гартманна воспринимался менее возвышенно и служил источником вдохновения для мрачных и унылых эссе, пьес и романов.

Второй характерной чертой настроений fin de siècle стал культ Anti-Physis («антифизис»), то есть всего, что противопоставлялось природе. Если в XVIII веке превалирующим был миф о «благородном дикаре», решительном первобытном человеке, живущем в лесу и сражающемся за свою свободу, то теперь это место занял представляющий собой полную противоположность миф о «развращенном цивилизованном человеке», избалованном роскошью большого города и весьма искушенном в ней[82]. Вопреки представлениям романтиков о единении с природой, герой эпохи fin de siècle чувствует себя как дома в подобных монстрам огромных городах, villes tentaculaires, как о них сказал поэт Верхарн, и наслаждается теми развратными и извращенными удовольствиями, которые они предоставляют. Все это сопровождалось культом эстетизма, проявлявшимся в подчеркнутой элегантности одежды и интерьера, а также стремлением людей ко всему редкостному, в чем они видели хотя бы крупицу эксцентрики. Пожалуй, никогда в истории культуры в ней не было такого насыщения эксцентричным, как в этот период.

Следующей характерной чертой данной эпохи был присущий ей туманный мистицизм. В наиболее благоприятных случаях увлечение мистицизмом привело нескольких авторов к тому, что они — самым удивительным образом — в той или иной степени обратились к религии (как это произошло раньше с некоторыми из романтиков). Что же до остальных, то они попросту вступали в различные оккультные или спиритические секты. В редких случаях это стремление подымалось до увлечения такими феноменами, как гипноз, сомнамбулизм, множественная личность и психические заболевания. Литература взяла на вооружение новый прием — внутренний монолог, имевший целью в точности отобразить поток мысли героя. Французский писатель Эдуард Дюжарден[83] и австриец Артур Шницлер[84] стали писать романы, в которых не было действия, однако присутствовало описание предполагаемых мыслей, возникающих в сознании героя за определенный период времени, нить которых автор разворачивал перед читателем.

Еще одной немаловажной чертой особого духа fin de siècle был культ эротизма. Так называемый «викторианский дух», превалировавший примерно до середины XIX века в основном в Англии, к этому времени уже иссяк, и на континенте его влияние также было весьма незначительным. Более того, журналы и газеты пестрили публикациями эротического характера, хотя их способ выражения был несколько более сдержанным и утонченным, нежели в наши дни. Засилье непристойной литературы было столь интенсивным, что Жюль Кларетье в своем обозрении, посвященном 1880 году, поместил эпитафию следующего содержания: «Здесь лежит порнографический год, 1880-й»[85]. Эротизм доминировал в литературе, начиная с самых высоких утонченных про-

изведений таких писателей, как Анатоль Франс и Артур Шницлер, и заканчивая наиболее непотребными публикациями для необразованных слоев. Появилось умопомрачительное количество медицинской и псевдомедицинской литературы, посвященной половым извращениям, которая обрела большое количество читателей. Сексуальные извращения описывались в более или менее сдержанной форме и во многих романах того времени. Действительно, именно в ту эпоху некоторые из извращений получили названия, сохраняемые ими и поныне: садизм, мазохизм, фетишизм, а научное описание какого-либо извращения часто следовало за его появлением на страницах литературного произведения. Марио Праз отметил ту роль, которую в мировоззрении людей прошлого столетия играл вампиризм, а также то обстоятельство, что образ «вампира-мужчины» (коварного обольстителя или волка) к концу века постепенно был вытеснен образом «женщины-вампира» («роковой женщины»)[86]. Другим заметным проявлением эротизма был культ проститутки: живописцы, такие, как Тулуз-Лотрек и Климт, с некоторой нежностью изображали этих женщин на своих картинах, писатели — Мопассан, Ведекинд, Вильдганг, а также Поппер-Люнкеус прославляли их.

Особый дух fin de siècle царил, по крайней мере, в двух городах — в Париже и Вене. Историки философии отмечают, что поколение, которому в 1890 году было от двадцати до тридцати лет, может считаться одним из наиболее одаренных, какие когда-либо знала Франция. В области философии, науки, искусства и литературы это время отмечено расцветом гениальности и таланта и настоящей бурей в результате столкновения идей. Представители старого поколения часто с неодобрением относились к этой духовной анархии: они не подозревали, что fin de siècle — всего лишь временное настроение и что именно в это время возникают новые формы мышления. Писатели, такие как Поль Моран, рассматривая по прошествии многих лет этот период истории, склонны считать его пустой, легкомысленной эпохой, неспособной дать миру ничего, кроме банальностей. Они подчеркивают нездоровый эротизм, буквально пронизывавший жизнь в то время[87]. Андре Бийи, однако, утверждает, что эротизм, засилье которого он не отрицает, все же предъявлял достаточно высокие эстетические требования и являлся в ту эпоху одной из составляющих стремления людей обрести счастье[88]. Он также считает, что помимо всего прочего эпоха fin de siècle страдала от чрезмерной интенсивности культурной жизни.

Вена была вторым крупнейшим центром, где царил дух fin de siècle. В Австрии идея декаданса, превалировавшая в Европе, приобрела особый смысл, так как рассматривалась в применении к монархии и империи, которым многие предсказывали грядущий упадок и разложение. Как и в Париже, молодое поколение Вены было чрезвычайно одарен-

ным и блистало талантами. Среди членов кружка «Молодая Вена» были такие поэты, как Германн Бар, Рихард Беер-Гофманн, Гуго фон Гофмансталь, Рихард Шаукаль и Артур Шницлер. Здесь, вероятно, так же, как и в Париже, основная проблема заключалась в перенасыщенности идеями и невероятной интенсивности культурной жизни.

Тесная связь между появляющейся новой динамической психиатрией и атмосферой того времени проявилась в сходстве между тем, как пациентов описывали психотерапевты, и тем, как это делали писатели и драматурги. Мы уже отмечали, что многие из историй болезни, описанных Пинелем, казалось, были заимствованы им из произведений Бальзака. В то же время пациенты Жане демонстрируют значительное сходство с героями Золя (например, пациентка Жане Ирен с Полиной, героиней романа Золя «Радость жизни» (La Joie de Vivre)). Однако Электра Гофмансталя гораздо более напоминает Анну О. Брейера, нежели Электру Еврипида, а знаменитая Дора Фрейда похожа на героинь коротких рассказов Шницлера. Это неудивительно, так как эти писатели и психотерапевты принадлежали к одному поколению, и первые изображали своих героев, а вторые описывали пациентов в свете представлений эпохи fin de siècle, отличавшихся стремлением к утонченности и высоким уровней эротизма.

Психиатрия и психотерапия

Как мы уже видели в предшествующей главе, в первые десятилетия XIX века доминировали два главных направления в психиатрии: одно представляли приверженцы соматического подхода, другое — психического (в Германии их называли, соответственно Somatiker и Psychiker). Первые приписывали проявление умственных расстройств физическим причинам и состоянию мозга, представители второго направления особо подчеркивали эмоциональные причины таких заболеваний. Как мы уже видели, последняя тенденция к 1840 году исчерпала себя, и Гризингер предпринял попытку объединить эти две теории. После него, однако, органическая теория возобладала во всех областях психиатрии. По всей Европе существовало два основных подхода к лечению психических больных. Первый, гуманитарный подход, возник из учения Пинеля и его современников о том, что с такими пациентами следует обращаться как можно более гуманно. Второй основывался на утверждении, что «психические расстройства — это заболевания мозга», поэтому лучшее, что может сделать для своих пациентов психиатр — изучать анатомию и патологию мозга в надежде на то, что это приведет его к открытию особых способов лечения таких заболеваний. Результатом подобного взгляда явилось то, что многие лечебные заведения для ду-

шевнобольных превратились в центры изучения анатомии и патологии мозга. Были случаи, когда директором психиатрической больницы назначался врач-терапевт исключительно из тех соображений, что он, будучи студентом, прилежно изучал строение человеческого мозга. В результате несколько выдающихся открытий того времени были сделаны в небольших провинциальных психиатрических лечебницах. Выдвинув тезис: «психические расстройства — это заболевания мозга», Гризингер объявил войну последователям старого романтического направления психиатрии. В это время Рокитанский и Вирхов закладывали основы клеточной патологоанатомии, которая, казалось, являлась прочным основанием для всех областей медицины. Вскоре Мейнерт, Вернике и их последователи предприняли попытку основать психиатрическую науку на этой базе. Теодор Мейнерт (1833–1892) и Карл Вернике (1848–1905), два страстных исследователя анатомии мозга, обладавшие огромным клиническим опытом, пытались создать общую систему органической и механистической психиатрии. Однако они часто подкрепляли свои объективные открытия гипотезами, основанными на анатомическом и физиологическом восприятии психической активности, а к концу девятнадцатого столетия многие психиатры имели обыкновение определять психопатологические расстройства в терминах, заимствованных из области анатомии мозга: это называли Hirnmythologie (мифология мозга).

Заслуга в преодолении этой тенденции принадлежит Эмилю Крепелину (1856–1926), который ввел сложный подход к психиатрии, где различал неврологию, анатомию мозга и экспериментальную психологию. В последней применялись самые современные на тот момент методы тестирования, и тщательно исследовалась история жизни пациента. В наши дни Крепелин стал своего рода мальчиком для битья для многих психиатров, утверждающих, что он заботился лишь о навешивании на своего пациента таблички с диагнозом, после чего не предпринимал никаких действий, чтобы помочь ему. В действительности же, будучи необычайно гуманным человеком, Крепелин проявлял величайшую заботу о том, чтобы каждый из его пациентов получал помощь на самом современном уровне[89]. Одним из его крупных достижений было создание рациональной нозологии и классификации психических заболеваний, в которую входили понятия «dementia praecox» (раннее слабоумие, впоследствии названное «шизофренией») и «маниакально-депрессивное заболевание». Около 1900 года Крепелин получил наконец признание как исследователь, внесший ясность в учение о психических расстройствах, и его система была принята повсеместно.

В то же время работы таких специалистов, как Гейнрот, Иделер, Нейман и остальных представителей направления Psychiker, которое

полностью никогда не утрачивало свои позиции в восьмидесятые годы, переживает свое второе рождение. В этой связи особого внимания заслуживают два исследователя: Форель и Блейлер.

Огюст Форель (1848–1931) был необычайно энергичным человеком, чья жизнь стала нам хорошо известна благодаря его автобиографии[90], а также биографии, написанной Аннмари Уэттли[91]. Жизнь этого ученого представляет собой типичный пример того, как юноша, страдающий комплексом неполноценности, обретает компенсацию и становится одним из выдающихся ученых своего поколения. В детские годы Форель находил утешение в изучении муравьев и стал, вероятно, одним из самых крупных специалистов в этой области. Форель хотел изучать естественные науки, однако исходя из практических соображений выбрал медицину, где вскоре отличился своими открытиями в области анатомии мозга, благодаря которым он получил должность профессора в Цюрихском университете, пост, предусматривающий надзор за психиатрической больницей в Бургхольцли. Форель внес важные изменения в устройство этого заведения, благодаря чему больница в Бургхольцли стала пользоваться мировой известностью. Изначально Форель принадлежал к последователям органической школы, однако его взгляд на эту проблему постепенно менялся. Он недоумевал, почему психиатрам не удается успешно лечить алкоголиков, в то время как это получается у некоторых непрофессионалов. Форель спросил одного из таких целителей, сапожника Боссхардта, как ему это удается, на что получил ответ: «Ничего удивительного, господин профессор, ведь я трезвенник, а вы нет»[92]. Такой ответ настолько изумил Фореля, что он дал обет не употреблять спиртного, и с тех пор успешно лечил больных алкоголизмом. Это был первый шаг, сделанный Форелем на пути осознания того, что успех лечения во многом зависит от личного отношения психотерапевта. Его вторым шагом в этом направлении стало открытие им гипноза. Прослышав о деятельности Бернгейма, он отправился в Нанси, где оставался до тех пор, пока не овладел техникой лечения с помощью гипноза, которую по возвращении стал применять в Цюрихе. Вскоре Форель стал одним из ведущих специалистов, применяющих этот метод. Он организовал отделение амбулаторного лечения, где гипноз также с успехом применялся при лечении ревматизма и других различных физических заболеваний. Среди учеников Фореля были Юджин Блейлер (1857–1939), впоследствии ставший одним из выдающихся психиатров Швейцарии, и Адольф Мейер (1866–1950), позднее один из знаменитейших психиатров США.

Юджин Блейлер[93] стал всемирно известен благодаря разработанной им концепции «шизофрении»[94]. Вряд ли можно разобраться в исследовании Блейлера, не принимая во внимание политические и социальные

пертурбации, происходившие в XIX веке в Цюрихском кантоне. Юджин Блейлер родился в 1857 году в Цолликоне, фермерской деревне (в наши дни — пригород Цюриха). Его предки были фермерами, однако отец принадлежал к коммерсантам и имел также должность управляющего местной школы. Отец Блейлера, его дед и вся семья еще хорошо помнили те дни, когда фермеры этого кантона находились в ведении городских властей Цюриха, которые строжайшим образом запрещали фермерскому населению осваивать ремесла, профессии и, помимо всего прочего, получать высшее образование. Классовое сознание фермеров часто проявлялось в форме агрессивных или же революционных действий, однако иногда они вели себя и более конструктивным образом. Фермеры организовывали читательские кружки, а также занимались другими видами культурных мероприятий. Семья Блейлеров приняла активное участие в политической борьбе, приведшей к тому, что в 1831 году фермеры получили равные права с горожанами. В 1833 году был открыт Цюрихский университет, которому было предназначено способствовать интеллектуальному развитию молодого поколения фермерского сословия. На вакантные должности, на которые не нашлось швейцарских ученых, пригласили профессоров из-за границы.

В числе первых, кто прибыл в Цюрих преподавать психиатрию, были немецкие профессора: Гризингер, Гудден и Гитциг. Они также стали первыми директорами психиатрической больницы в Бургхольцли. Однако у пациентов возникали жалобы на то, что эти господа больше внимания уделяют своим микроскопам, нежели больным, а также, что пациентам трудно их понимать, так как те говорили исключительно на верхненемецком и не были знакомы с местным диалектом. Когда Блейлер был школьником, он часто слышал такие жалобы от людей из своего ближайшего окружения. Он решил стать психиатром, который смог бы понимать больных и которого без труда понимали бы его подопечные.

Как только Блейлер защитил диплом, он получил должность интерна в больнице Вальдау, недалеко от Берна, где продемонстрировал необычайную преданность по отношению к своим пациентам. Затем он направился в Париж продолжить свое образование, обучаясь у Шарко и Маньяка, посетил Лондон и Мюнхен и по возвращении домой стал врачом в психиатрической больнице Бургхольцли, которую в то время возглавлял Форель. В 1886 году Блейлер был назначен главным врачом психиатрической лечебницы в Рейнау, огромного приюта, населенного утратившими рассудок стариками, считавшегося одним из самых отсталых медицинских заведений Швейцарии. Блейлер взял на себя нелегкую задачу по восстановлению репутации этой больницы и заботился о своих пациентах в высшей степени самоотверженно. Будучи холостым, Блейлер жил на территории больницы и все свое время, с утра

до вечера, уделял пациентам, принимая участие в физическом лечении, организации трудовой терапии и устанавливая близкий эмоциональный контакт с каждым из пациентов. Таким образом, он добился уникального понимания психических больных и наиболее интимных сторон их внутренней жизни. Опираясь на этот опыт, Блейлер собрал сведения, которые в дальнейшем вошли в его работу по шизофрении и в созданный им учебник психиатрии.

В 1898 году Блейлера избрали на должность директора психиатрической больницы Бургхольцли, на которой он сменил Фореля. В его обязанности теперь входило также и преподавание, что позволило ему передавать молодому поколению опыт, приобретенный им в Рейнау, и эти лекции стали основой его знаменитой работы по шизофрении, опубликованной им с большим опозданием, лишь в 1911 году[95]. В то же время Блейлер продолжал свои исследования, в чем ему помогали сотрудники его больницы, в число которых после 1900 года входил К. Г. Юнг.

Поскольку учение Блейлера о шизофрении часто понимают неправильно, я думаю, не будет лишним привести здесь ее основополагающие принципы. Отправной точкой для Блейлера послужило его стремление понять ту категорию людей, которых никто ранее не понимал, то есть шизофреников. В течение двенадцати лет, проведенных в Рейнау, постоянно находясь среди множества пациентов, он не только разговаривал с ними на родном диалекте, но и делал все возможное для того, чтобы выяснить значение их якобы «бессмысленных» восклицаний и бреда. Таким образом, Блейлер оказался в состоянии установить раппорт или «эмоциональный контакт» (affektiver Rapport) с каждым из своих пациентов. Этот метод клинической практики позднее заменили в Бургхольцли исследованием с помощью теста словесных ассоциаций, которое проводилось под руководством Юнга, а еще позднее — методом, в котором применялись психоаналитические понятия Фрейда.

На базе своих клинических исследований Блейлер разработал новую концепцию шизофрении. В противоположность превалировавшим в то время органическим теориям он разработал подход, который в наши дни называли бы органодинамическим. Блейлер полагал, что шизофрения возникает вследствие неизвестной причины (например, в результате воздействия токсических веществ на мозг) и что в этом важную роль играет наследственность. Среди хаоса разнообразных симптомов шизофрении он выделял первичные, или физиогенные симптомы, вызванные неизвестным органическим процессом, и вторичные, или психогенные, являющиеся результатом первичных. Это различие, возможно, было подсказано понятием психастении Жане, определившего главное нарушение при психастении в форме понижения психологического напряжения. Блейлер также предположил, что главным нарушением при

шизофрении является понижение напряженности ассоциаций — процесс, подобный тому, что происходит во время сна или дремы. Он считал, что все многообразие вторичных симптомов проистекает именно из первичных, особенно из Spaltungen или расщеплений между различными психическими функциями, например, между эффективностью и интеллектом или между эффективностью и волей. Аутизм, представляющий собой потерю контакта с реальностью, в первоначальном варианте концепции Блейлера присутствовал лишь как последствие внутреннего разрыва (только позднее его ученики увидели в этом главный симптом шизофрении). На ум приходит курьезное сравнение подхода к шизофрении Блейлера и философском теории Шлегеля[96], заключавшейся в том, что человек лишен связи с Богом, природой и Вселенной вследствие того, что внутри он разрывается между разумом, волей и фантазией, при этом задача философии состоит в том, чтобы восстановить в нем первоначальную гармонию. Однако, несмотря на некоторую схожесть в рассуждениях, представляется весьма сомнительным, что именно идеи Шлегеля повлияли на концепцию Блейлера.

С точки зрения нозологии, подход к шизофрении Блейлера шире, нежели представление о dementia praecox у Крепелина, так как первый относит к шизофрении различные острые состояния, которые ранее считались самостоятельными заболеваниями. Блейлер считал, что, если по отношению к пациентам, находящимся в таком состоянии, проявлять надлежащую заботу, они получат шанс на выздоровление. Однако в том случае, когда о них заботятся недостаточно или применяют неправильное лечение, состояние многих из пациентов может ухудшиться до стадии хронической шизофрении.

Концепция шизофрении Блейлера представляла собой не только новую теорию, но и, как подчеркивал Минковский, обладала возможностью применения в терапевтических целях[97]. Именно Блейлер впервые высказал исполненное оптимизма мнение о том, что шизофрению можно остановить или, по крайней мере, снять остроту ее проявлений на любой стадии болезни. Во времена, когда не существовало ни физиологических, ни фармакологических методов ее лечения, он использовал ряд приемов, которые, согласно свидетельству всех его коллег, работавших в то время в психиатрической больнице Бургхольцли, временами совершали настоящие чудеса исцеления. Блейлер, например, мог прибегнуть к преждевременной выписке из больницы пациента, который был явно тяжело болен, неожиданно перевести пациента в другое отделение или же поручить ему какие-нибудь обязанности. Он также организовал систему трудовой терапии, определял занятия в часы отдыха пациентов и добился установления в психиатрической больнице порядков нормального человеческого общежития. Блейлер

не был единственным психиатром, который в период с 1890 по 1900 год стремился лечить психических больных, исходя из понимания их психологии, но, по-видимому, именно его усилия в этом направлении увенчались наибольшим успехом. Он первым избрал тот путь, по которому позднее пошел американец Адольф Мейер[98]. В Германии подобные эксперименты проводились во многих больницах, постепенно они начали приносить улучшение в состоянии больных, что часто приводило в изумление иностранных посетителей. В 1906 году Стюарт Пейтон отмечал оптимистические настроения немецких психиатров и утверждал, что психиатрические больницы в Эрлангене, Вюрцбурге и Мюнхене достойны называться образцовыми заведениями для душевнобольных[99]. Он также отметил и то, как хорошо в Германии организована служба амбулаторного лечения, следствием чего оказывается значительное улучшение психического здоровья населения в целом. Кульминационным моментом проводимых усилий стало создание Германном Зимоном системы aktivere Therapie (более активной терапии), метода, разработанного им за несколько лет до начала Первой мировой войны[100]. Это была тщательно продуманная система трудовой терапии, где каждому пациенту поручалось конкретное задание и определенное количество работы, цель которой состояла в том, чтобы вызвать максимально возможное улучшение в состоянии больного. В результате проведения всех этих мероприятий психиатрическая лечебница, во главе которой стоял Блейлер, избавилась от присущей ей нездоровой атмосферы, причем, повторюсь, это произошло в то время, когда ни физиологические, ни фармакологические методы лечения еще не были известны. В частных заведениях такие специалисты, как Мебиус, Громанн и другие, также применяли трудовую терапию для лечения невротиков[101].

Другой отличительной чертой периода с 1880 по 1900 год было постепенное формирование такого понятия, как динамическая психиатрия. Слово «динамический» часто использовалось в психиатрии в самых разных значениях, что нередко приводило к неразберихе. Философы и физиологи порой употребляли его в весьма неясном смысле, поэтому словарь Философского общества Франции предупреждал относительно его использования. «Слово “динамический”, — говорится в словаре, — весьма привлекательно для ученого, ввиду того, что оно относится к научной лексике, при всем при том (особенно в значении прилагательного) это слово представляет собой один из ложных терминов, наиболее часто встречающийся в языке студентов-философов и мыслителей псевдофилософского толка»[102]. Я предлагаю рассмотреть различные значения, которые этот термин приобретал в невропсихиатрии.

Большинство исследователей полагают, что термин «динамический» впервые ввел Лейбниц. Он придавал ему значение, противопо-

ложное смыслу слов «статический» и «кинематический». Лейбниц использовал данный термин в механике. Это слово появилось в психологии благодаря Гербарту, различавшему статическое и динамическое состояния сознания, а позднее и в социологии, где его впервые применил Огюст Конт, считавший, что эта наука делится на статическую и динамическую. В физиологии этот термин появился еще в 1802 году, когда немецкие магнетизеры заговорили о «динамико-психических» силах[103]. Тем не менее именно Фехнер ввел понятие психической энергии, и, как мы увидим далее, на протяжении второй половины XIX века постоянно возникали теории о нервной и умственной энергиях, создаваемые, в большей или меньшей степени, по модели физической теории энергии.

Французские физиологи, однако, использовали слово «динамический» в значении «функциональный», то есть противоположный термину «органический». Макарио написал часто цитируемую работу о «динамических параличах»[104], под которыми он подразумевал параличи, не сопровождающиеся повреждениями нервной системы. Позднее Шарко учил, что существуют два вида паралича — «органический» и «динамический»; последняя группа включает в себя параличи, возникающие в результате истерии, гипноза и психических травм.

Третье значение ввел Браун-Секар, сформулировавший теорию «динамических процессов» в нервной системе[105]. Он утверждал, что стимуляция одного раздела нервной системы может привести к воздействию на какой-либо из остальных, либо в форме «динамогенеза» (стимуляции функции), либо в форме «ингибиции» (убавления функции). Психиатры стали использовать эти понятия в применении к умственным расстройствам, особенно к неврозу, дополняя их иногда другими, заимствованными из области физиологии мозга, например, понятием «фасилитации» («облегчения»)[106].

В то же самое время термин «динамический» применялся также в представлениях о движущей силе образов, предположительно восходящих к философу Мальбраншу и его последователям. Согласно сведениям де Морсье, из философии в психологию эти представления перенес Эскироль, посещавший с 1811 по 1813 год лекции философа Ларомигьера[107]. Идею о движущей силе образов воспринял Бернгейм, положивший ее в основу своей теории внушения. Назвав это явление «законом идеодинамизма», он выразил свое убеждение в том, что «любая внушенная и воспринятая идея имеет тенденцию проявиться в действии»[108].

В 1987 году Эме описал в общих чертах теорию динамической психологии, основанную на учении Брауна-Секара и на идеях Нансийской школы[109]. Он различал три класса нервных расстройств: чисто органические, чисто динамические (при которых неизвестно о каком-либо фи-

зическом повреждении) и смешанные состояния (в наши дни их назвали бы органодинамическими). Он учил, что идеи и эмоции, по сути, являются «динамическими нервными факторами», то есть выражениями либо динамогенных, либо ингибиторных явлений в нервных структурах. Правильная диагностика призвана оценить соответствующие составляющие и органических, и динамических факторов болезни. Динамические методы лечения делятся на два класса: основанные на подавлении и основанные на динамогенезе. Среди последних — внушение как таковое, внушение посредством гипноза, «материализованное внушение» (в наше время называемое плацебо-терапией) и, наконец, методы тренировки. Автор придает особенную важность динамической терапии при лечении или, по крайней мере, облегчении всевозможных болезней физического характера.

И, наконец, слово «динамический» приобрело еще одно значение, относящееся к концепции эволюции и регрессии. По-видимому, первым, кто ввел эти понятия в психиатрию (не используя еще, однако, термин «динамический»), был Моро (де Тур), который учил, что умственные расстройства имеют свою собственную сферу, отличную от внешнего мира и сравнимую лишь с миром грез, несмотря даже на то обстоятельство, что ее элементы могут быть заимствованы из реального мира[110]. Определяющий фактор, лежащий в основе этого мира маний и галлюцинаций, заключается не в стимуляции какой-либо из функций мозга, но, наоборот, в модификации, приводящей к сокращению числа интеллектуальных функций и непропорциональному развитию рудиментарной психической активности. Жане постоянно подчеркивал то, что на создание своей собственной динамической теории его вдохновил — как он выражался — «фундаментальный закон умственного расстройства», сформулированный Моро де Туром[111]. Анри Эй неоднократно отмечал оригинальность идей Моро[112]. Сходную концепцию позднее ввел в неврологию Хьюлингс Джексон, который первым применил ее при изучении афазии и эпилепсии[113]. Джексон принял во внимание эволюцию нервной системы. В нервной системе человека некоторые центры появились на более поздней стадии его эволюции, нежели другие. Чем моложе эти центры, тем более уязвимыми они являются, а когда один из них поврежден, увеличивается активность более древних центров. Отсюда проистекает различие между нервными повреждениями с негативными симптомами (вызванными исключительно физическим повреждением) и нервными повреждениями с позитивными симптомами (причиной которых является реактивация функций более древних центров). На самом деле термин «динамический» в учении Джексона совмещает несколько из описанных выше значений этого слова. Он отражает контраст между физиологическим и анатомическим аспектами, функциональным и ор-

ганическим, аспектом регрессии в противоположность неизменному состоянию (status quo) и выражает в то же время энергетический аспект, включая даже иногда побочное значение конфликта и сопротивления. Концепция Джексона — как хорошо известно сегодня — оказала огромное влияние не только на невропатологов, таких, как Хэд и Гольдштейн, но также и на психиатров: на Адольфа Мейера, который учился у Джексона в Лондоне в 1891 году, и, по всей видимости, на Фрейда.

Сексуальная психология и патология, 1880–1900

Характерным явлением 80-х и 90-х годов стал быстрый прогресс исследований в сфере сексуальной психологии и психопатологии. И хотя этот период не столь отдален от нас, выстроить его точную картину достаточно сложно. Общий стереотип рисует его как время сексуального невежества и подавления всяких проявлений сексуальности, эпоху лицемерия, которое накладывало «табу» на обсуждение подобных вопросов. Однако более тщательное исследование показывает, что в 80-х годах XIX века «дух лицемерия викторианской эпохи» почти повсеместно отходит, сохраняясь лишь в некоторых буржуазных кругах, отличающихся показной возвышенностью взглядов и манер. Устоявшийся стереотип представлений об этом периоде, вероятно, проистекает из нашего непонимания того, что социальный порядок в нем не позволял говорить о сексуальных проблемах столь открыто, как это происходит в наши дни, и что некоторые их аспекты, такие, как гомосексуализм, тогда игнорировались и замалчивались. Запрет, налагавшийся на обсуждение вопросов, связанных с сексуальной сферой — якобы одна из основных черт того времени — часто представлял собой простое следствие всего лишь двух обстоятельств: недостаточного распространения в то время противозачаточных средств и страха перед заражением венерическими заболеваниями. При заражении гонореей, например, требовалось несколько месяцев болезненного лечения, а от сифилиса больной, как правило, не мог избавиться в течение всей жизни, очень часто при этом болезнь угрожала полным параличом. Сифилис стал причиной бесчисленных трагедий, нашедших отражение в таких литературных произведениях описываемого периода, как «Привидения» Ибсена, «Жертвы сифилиса» Бри и поэмах Антона Вильдганга. Однако даже литература не могла полностью передать весь ужас той трагедии, которая в действительности происходила в судьбах конкретных людей. Молодой Ницше в феврале 1865 года, в двадцатилетнем возрасте, всего лишь на одну ночь остановился в Кельне. Неопытный, он попал в публичный дом, заразился сифилисом, от которого уже никогда полностью не излечился.

Болезнь развивалась в скрытой форме и привела к полному параличу и страшной катастрофе, постигшей Ницше в 1889 году[114]. Венерические заболевания были тем более опасны из-за значительного распространения проституции в этот период, а также из-за того, что проститутки были почти поголовно заражены и, следовательно, являлись источником инфекции. Мы вряд ли можем себе представить, какой ужас вызывала перспектива заразиться сифилисом. Страх усиливался тем, что эта болезнь — как оказалось — может передаваться следующему поколению в форме «врожденного сифилиса». Последний, в свою очередь, стал еще одним кошмаром той эпохи, при этом многие врачи имели тенденцию относить к «врожденному сифилису» все болезни, причину которых они не могли установить. Таким образом, Фрейд, считавший врожденный сифилис одной из причин невроза, лишь публично выразил позднее мнение, уже широко бытовавшее в медицинских кругах того времени.

Другой основной чертой данного периода была борьба за признание прав женщин. Начало истории движения феминисток восходит к Мэри Уолстонкрафт и некоторым французским женщинам-революционеркам конца восемнадцатого столетия, однако развитие феминизма шло довольно медленными темпами. Тем не менее в период с 1880 по 1900 год борьба за права женщин разгорелась с новой силой, несмотря даже на то, что большинство современников считало ее идеалистической и безнадежной. Как бы там ни было, она привела к проведению огромного числа дискуссий, посвященных проблеме естественного равенства или неравенства полов, а также появлению женской психологии. По поводу предоставления женщинам равных прав с мужчинами существовало несколько точек зрения.

Превалирующим в те годы было мнение, согласно которому мужчина по своей сути изначально превосходил женщину не только в отношении физической силы, но и по качествам характера, силе воли, а также интеллектуальным и творческим способностям. В 1901 году немецкий психиатр Мебиус опубликовал научный труд под названием «О физиологической имбецильности женщины». Согласно мнению Мебиуса, женщина — как физически, так и умственно — представляет собой нечто среднее между ребенком и мужчиной[115]. Ее характеру больше, чем характеру мужчины, присущи животные черты, а также полное отсутствие критического подхода и самоконтроля, однако все вышеперечисленные черты можно считать положительными, так как, по словам Мебиуса, «не будь женщины столь слабыми в физическом и умственном отношении, они представляли бы огромную опасность». Данную точку зрения разделяло огромное число мужчин и даже многие из женщин. Еще в начале двадцатого столетия неполноценность женщины прини-

малась за само собой разумеющееся, и единственным вопросом, обсуждавшимся в связи с этой проблемой, было выяснение причин этой неполноценности. Противоположная тема, то есть мнение о естественном превосходстве женщины, поддерживалась немногочисленными страстными феминистками, и никто не мог даже и представить, что в последующие годы появятся мужчины, которые будут отстаивать эту точку зрения[116].

Тезис о естественном равенстве полов поддерживался большинством феминисток, которые, отвечая на доводы о превосходстве мужчины в области творческих способностей, в качестве контраргумента приводили утверждение о том, что интеллектуальная неполноценность женщины является следствием тирании сильного пола на протяжении многих столетий. В таких обсуждениях многие использовали сочинения Бахофена, особенно часто к этому прибегал социалист Бебель, добивавшийся признания равных прав и обязанностей для мужчин и женщин, а также равных возможностей для них при получении образования.

Третий тезис в большей степени относился к проблеме качественных различий между мужчиной и женщиной, нежели к вопросу о превосходстве и неполноценности. Его главное положение заключалось в том, что мужская и женская половины человечества дополняют друг друга. Это положение часто объединяли с теорией об изначальной бисексуальности человека. Невозможно не увидеть здесь древний романтический миф об Андрогине, воскрешенный из забвения и принявший обличие психологической теории. Мишле уже ранее высказывал предположение, что «мужчина и женщина — два неполноценных родственных существа, так как они являются всего лишь половинками одного целого»[117]. В описываемый период эта теория вновь завладела сознанием людей, находя выражение в самых разных формах.

Достойно внимания то обстоятельство, что из трех великих пионеров психоанализа — Фрейд, Адлер и Юнг — каждый воспринял одну из этих теорий. Фрейд, по-видимому, принимал утверждение о естественной неполноценности женщин за само собой разумеющееся, так как в одной из ранних работ он отметил, что причина этой неполноценности лежит в более интенсивном подавлении женщинами своей сексуальности. Позднее он высказал мнение о естественном мазохизме, присущем женщине. Адлер, в свою очередь, непоколебимо отстаивал теорию естественного равенства полов. Что касается Юнга, то, без сомнения, его теория о мужской аниме и женском анимусе позволяет отнести его к приверженцам третьей точки зрения.

В течение двух последних десятилетий XIX века в процессе таких дискуссий появилось множество идей, позднее использованных при создании своих теорий создателями динамической психиатрии нового

поколения. Одной из самых знаменитых была идея о том, что мужчина, вместо того чтобы воспринимать женщину такой, как она есть на самом деле, проецирует на нее свои представления, которые можно разделить на три категории: (1) воображаемый идеал, (2) представления, взятые из собственного прошлого, (3) то, что можно классифицировать как архетипические представления. Э.Т.А. Гофман, Ахим фон Арним и другие романтики, ведя повествование от лица влюбленного, сумели отразить иллюзорность образа возлюбленной и показать, к сколь разрушительным последствиям приводят подобные заблуждения. Позднее конфликт образа и реальной женщины лег в основу романа Шпиттелера «Имаго», произведения, которое привело в восхищение Фрейда и Юнга, а его название пополнило психоаналитический словарь и стало широкораспространенным термином в психоаналитической среде[118]. Другой распространенной темой была тема первой любви и то неиссякающее влияние, которое она оказывает на личность, независимо от того, забыта эта первая любовь или нет. Новалис в романе «Ученики в Саисе» уже поведал историю молодого человека, странствующего по свету в поисках героини своего видения и, в конечном счете, оказывающегося в храме Изиды, где перед ним наконец предстает предмет его вожделений, в котором юноша узнает свою подругу детства[119]. Тема этого произведения предвосхитила выход в свет романа Вильгельма Йенсена «Градива», настолько впечатлившего Фрейда, что он удостоил его своим комментарием[120]. По мнению других исследователей, например Ницше, ведущую роль в сознании мужчины играет образ матери. Карл Нейссер выдвинул предположение, что когда мужчина испытывает любовь к женщине, она начинает напоминать ему его предков слабого пола, тех женщин, которые были объектом любви его праотцов[121]. То, что Нейссер изложил на ста страницах своего философского труда, Верлен сумел выразить с помощью всего лишь одного великолепного сонета «Моя знакомая мечта». И идея, содержащаяся в ней, весьма близка понятию анимы у Юнга. Третья излюбленная тема была связана с тем, что мужчина проецирует на женщину один из готовых образов, заложенных в нем самом: образ чисто сексуального объекта, роковой женщины, музы, а также образ непорочной девы-матери — то, что Юнг позже назвал архетипами. Некоторые из архетипов стали в то время темой множества дискуссий.

Одной из таких архетипических фигур (или Frauenphantome — призраков женщин, как их называли в странах, где говорят по-немецки) был образ женщины как сексуального объекта, который можно было встретить в работах многих философов — от Лютера до Шопенгауэра. Данный образ был воскрешен в произведениях Лоры Мархольм: цель женщины — удовлетворять желания мужчины, и это — единственное,

для чего она существует[122]. Эту идею развил и довел до абсурда Вейнингер в своей знаменитой работе «Пол и характер»[123]. Он утверждал, что женщина не обладает ни интеллектом, ни характером и не имеет никакого отношения ни к миру идей, ни к Богу. Она — индивид, но не личность; смысл ее существования — секс. Женщина — это прирожденная проститутка, которая, становясь старше, подбивает молодых женщин вступить на ту же стезю. Книга Вейнингера пользовалась колоссальным успехом и вызвала восхищенные отклики нескольких известных писателей того времени. Другим «признаком», или архетипом, был образ музы, или, как ее называли во Франции, femme inspiratrice («женщина-вдохновительница»), которая часто играла огромную роль в жизни и творчестве писателей и мыслителей[124]. Биографию любого писателя можно смело поделить на периоды, соответствующие его отношениям с женщинами, успешно игравшими в его жизни роль femme inspiratrice. В свою очередь, существовало несколько категорий женщин-вдохновительниц, начиная от тех, кого во Франции называли aventuriere, стремившихся завести любовные отношения с известными людьми, и заканчивая идеалистками, ищущими платонической дружбы с мыслителями, для которых они становились последовательницами, соратницами по духу или же покровительницами. Одна из самых известных femme inspiratrice, Мальвида фон Мейзенбург, происходившая из семьи немецких аристократов, бежала в Англию, так как придерживалась демократических взглядов. Она жила во Франции и Италии и сыграла огромную роль в судьбах Александра Герцена и Рихарда Вагнера[125]. Ее мемуары представляют собой галерею портретов знаменитых мужчин — патриотов и революционеров, композиторов, писателей и драматургов, а также философов и ученых[126]. Именно она познакомила Ницше с другой, более молодой femme inspiratrice, Лу Андреас-Саломе. Последней суждено было сыграть важную роль в судьбах многих известных людей того времени, от Ницше до Рильке, и закончить свою собственную карьеру в качестве профессионального психоаналитика.

Образ «роковой женщины» был также очень популярным «призраком». Это — образ женщины, которая разрушает гений мужчины или даже приводит его к гибели. Роковая женщина опасна также тем, что иногда появляется в обличье музы, как это делает Ребекка в драме Ибсена «Росмерсхольм». Близко к ней, однако более двусмысленный, стоит образ женщины, который Юнг определял как фигуру анимы. В качестве примера он приводил Айешу из романа Райдера Хаггарда «Она». Это тип женщин, производящих завораживающее впечатление на мужчину и способных с легкостью погубить его, однако, их чары можно побороть, как это произошло, скажем, в случае с Одиссеем и волшебницей Цирцеей.

Другая архетипичная фигура — образ Непорочной Матери. Риа Классен определила ее как тип женщины, которая помогает мужчине «сублимировать и одухотворять свои низменные инстинкты»[127]. В духовной жизни католических монахов эту роль играл образ Мадонны, а для Данте огромное значение имела фигура Беатриче.

Исследования в этой области любопытным образом отразились в романе Вилье де Лиль-Адана «Будущее Евы», в котором мы видим несколько женских архитепических образов[128]. Одной из героинь романа является женщина-вамп Эвелина, совращающая честного отца семейства, что приводит его к полному краху и самоубийству. Другая героиня романа де Лиль-Адана Алисия отличается красотой, но вместе с тем глупа и вульгарна. Еще одно действующее лицо — женщина-фантазия, плод воображения главного героя романа Томаса Эдисона. Она является точным физическим повторением Алисии, но ее внутренняя пустота, по замыслу Эдисона, должна быть заполнена духом умершей женщины Адали, которая станет его «женщиной-вдохновительницей». Характерным проявлением духа того времени в романе можно считать то обстоятельство, что, работая над этим научно-фантастическим произведением, типичным для литературы конца прошлого столетия, автор обратился также к темам раздвоения личности и спиритизма.

В то время, когда проводились эти психологические дискуссии по поводу равенства полов, биологи, проводившие опыты в своих лабораториях, старательно искали новые способы подхода к тем же проблемам. Значительный прогресс был достигнут около 1830 года, когда Бэр в Германии, а за ним и другие ученые открыли и прояснили для науки явление овуляции. Мишле во Франции особо подчеркивал значение этих открытий для понимания психологии женщины и популяризировал их в свойственной ему романтической манере[129]. Позднее, 1 июня 1889 года, в эпоху, когда физиологи еще только закладывали основы эндокринологии, в Биологическом обществе в Париже семидесятилетний исследователь Браун-Секар прочел доклад, посвященный воздействию на человеческий организм подкожных инъекций экстракта из половых желез морских свинок и собак[130]. Он сообщил, что сделал курс из восьми инъекций одному пожилому человеку, результатом чего явилось необыкновенное физическое и психологическое омоложение пациента. Этим пациентом, как оказалось, был сам ученый, и те из присутствующих в зале, кто хорошо его знал, не могли не признать, что он выглядит на двадцать лет моложе своего возраста. Еще за несколько столетий до этого в результате опытов над кастратами стало известно, что мужские половые железы содержат вещество, производящее сильное воздействие на организм мужчины, а кроме того, значительно увеличивающее агрессивность человека вообще. Теперь наука получила доказательство

«динамогенетического» воздействия половых желез, впоследствии подтвержденное открытием собственно мужского гормона. Браун-Секар отмечал параллели между этим физиологическим явлением и его воздействием на психологическое состояние человека. Вполне возможно, что именно это открытие подтолкнуло Фрейда к созданию теории либидо, которое он изначально рассматривал как явление психобиологического характера, где в основе лежит неизвестное химическое вещество.

В области психологического подхода к изучению половой сферы наука того времени достигла не меньшего прогресса, однако здесь необходимо отметить две характерные особенности. Первая: в истории науки довольно часто складывались ситуации, когда какие-то факты считались общепризнанными сведениями внутри одной дисциплины и совершенно игнорировались в других. Некоторые сведения, например, хорошо известные гинекологам, могли быть совершенно неизвестны невропатологам, а достаточно знакомые врачам-преподавателям оказаться совершенно неизвестными практикующим медикам. Вторая особенность состоит в том, что некоторые ошибки в науке, сделанные учеными, пускали корни и сохранялись в течение довольно долгого времени. Так, на протяжении восемнадцатого и девятнадцатого столетий поддерживалось устойчивое (ошибочное) мнение о вреде мастурбации, в частности, о том, что она может стать причиной тяжелого заболевания продолговатого мозга и других болезней костного мозга, а также гебефрении. В конце XIX века наука стала подвергать сомнению подобные утверждения, однако они по-прежнему господствовали в научно-популярной литературе и отчасти в литературе непосредственно научной. Существовало распространенное мнение, что мастурбация является одной из причин неврастении; эту идею мы можем обнаружить даже в ранних произведениях Фрейда.

В то время как большинство врачей считали детскую сексуальность редко встречающейся патологией, многие священники и педагоги уже в течение многих лет воспринимали ее как само собой разумеющееся. Отец Дебрен, теолог-моралист, который был также врачом, утверждал в своих сочинениях, что мастурбация и сексуальные игры детей представляют собой весьма частые явления, а также упоминал о фактах совращения совсем еще маленьких детей ухаживающими за ними няньками и слугами[131]. Епископ Дюпанлу, выдающийся педагог из Орлеана, неоднократно подчеркивал в своих трудах, что сексуальные игры детей возникают довольно часто, и утверждал, что большинство из детей приобретает эти «вредные привычки» в возрасте от одного до двух лет[132]. Схожие идеи были блестяще отражены Мишле в некоторых его работах, написанных в научно-популярном стиле. В сочинении «Наши сыновья» он предупреждал родителей об опасности того, что в наши дни назва-

ли бы детской сексуальностью и эдиповым комплексом[133]. Он с одобрением ссылается на древнееврейские письмена, где говорится о том, что отцу следует соблюдать некоторую дистанцию между собой и дочерью, а также на сочинения католических теологов-моралистов, призывающих матерей вести себя так же осторожно по отношению к своим сыновьям. Мишле отмечает, что наука того времени подтвердила мудрость таких указаний и что мальчик является мужчиной уже с самого момента рождения: «Если ему и не хватает присущей мужчине силы, он, тем не менее, подвержен действию инстинктов, равно как и способен грезить, и впадать в состояние неопределенной чувственности». Маленькие дети даже в грудном возрасте, уже способны испытывать сексуальные ощущения, поэтому мать должна быть чрезвычайно осторожной в этом отношении. Ребенок почти всегда испытывает ревность по отношению к своим братьям или сестрам, а также к отцу. Мишле с необычайной проницательностью пишет о том, что дети могут притворяться, дабы иметь лучшую возможность внимательно наблюдать за разговорами или интимным общением своих родителей. Если у матери входит в привычку брать ребенка с собой в постель, между ними начинает появляться «магнетическая» связь, которая может в будущем обернуться гибельными последствиями для ребенка. Он также предупреждает о случаях инцеста между родными сестрами или братьями в маленьком возрасте и утверждает, что знает пять или шесть весьма известных и уважаемых семей, где подобные отношения привели к плачевным последствиям. Как и многие его современники, Мишле говорит об опасности совращения маленьких детей слугами и о тех случаях, когда мать с большим вниманием и заботой относится к одному из своих детей. Его работы пользовались большой популярностью, и на примере Мишле и его современников можно отметить, что «ангельская чистота маленького ребенка» уже не была всеобщим убеждением[134].

Медицинские и психологические исследования половых извращений также сделали значительный шаг вперед, однако их результаты отнюдь не были для мира откровением[135]. На протяжении веков их изучали теологи-моралисты, например, в XVII веке Санчез написал на эту тему грандиозный труд под названием De Sancto Matrimonii Sacramento, сокращенные версии которого были хорошо известны многим приходским священникам[136]. В восемнадцатом столетии еще большей популярностью пользовалась работа Альфонсо де Лигуори[137]. Исходя из теологической точки зрения на грех, Лигуори проводит четкое различие между действиями, совершаемыми согласно природе человека, такими, как изнасилование, измена или инцест, и действиями ей противоположными, к которым он причисляет гомосексуализм и зоофилию. Лигуори проводит также различие между «совершенными» и «несовер-

шенными» действиями (последние включают в себя довольно широкий диапазон: от грязных мыслей и непотребных слов до физического контакта без завершения действия). Эту классификацию усовершенствовал отец Дебрен, который, будучи также врачом, работал над изучением психологического аспекта проблемы, и его можно называть пионером в области исследования сексуальной патологии.

Реми де Гурмон утверждал, что сексуальные извращения возникают в основном по двум причинам: чтению трудов католических теологов-моралистов и сочинений авторов порнографической литературы. Однако настали времена, когда писатели стали освещать сексуальную сферу, отнюдь не прибегая к порнографическим способам выражения. Жан-Жак Руссо (1712–1778) в своей «Исповеди» стремился самым откровенным образом отразить наиболее интимные стороны своей жизни, свой сексуальный опыт, включая мастурбацию, сдерживание сексуальных стремлений и моральный мазохизм. Одним поколением позже Ретиф де ля Бретонн (1734–1806) в серии своих романов, особенно в «Месье Николя», описал свой опыт в области фетишизма. Маркиз де Сад (1740–1814), принадлежавший к французской аристократической семье, был разнузданным психопатом, но вместе с тем и необычайно умным человеком. За неоднократное совершение развратных действий он провел четырнадцать лет жизни в тюрьме и тринадцать — в различных психиатрических больницах[138]. Он использовал свой вынужденный отдых для написания романов, которые на протяжении многих лет считались скучными. В последние годы возникло мнение, что де Сад был непризнанным гением и великим инициатором изучения сексуальной патологии. Однако не следует забывать, что он провел свое детство и юность в доме своего дяди, образованного и состоятельного епископа де Сада. Если юный маркиз читал трактаты теологов-моралистов из библиотеки дяди, он мог почерпнуть оттуда большую часть якобы своих собственных представлений в этой области. Среди более поздних писателей, Леопольд Захер-Мазох (1836–1895) описал собственные патологические сексуальные стремления в нескольких произведениях, особенно в романе «Венера в мехах»[139]. Герой этого романа имеет навязчивое стремление подвергаться унижениям со стороны любимой им женщины и испытывать болезненную привязанность к ее мехам.

В то же время русский врач Каан (Kaan) опубликовал в 1844 году трактат на латыни под названием «Psychopathia Sexualis», в котором кратко описал различные варианты проявления nisus sexualis (полового инстинкта)[140]. Немецкий психиатр Якоб Христоф Зантлус сформулировал систему психологии и психопатологии, основанную на теории инстинктов[141]. Основное стремление к бытию в человеке (Seinstrieb) Зантлус разделял на животную и духовную стороны, отсюда — два

основных стремления: сексуальное и духовное. Эти стремления могут развиваться, но между ними возникает взаимодействие, приводящее ко множеству извращений, часть которых Зантлус описал в своей работе. Кроме того, он особо подчеркивал связь между религиозными заблуждениями и сексуальными стремлениями. Во Франции Пьер Моро (де Тур) создал классический труд, посвященный сексуальным извращениям[142]. В 1870 году, используя термин «извращенное сексуальное влечение», Вестфаль положил начало исследованиям в области мужского гомосексуализма[143].

Однако честь называться основателем современной научной сексопатологии принадлежит австрийскому врачу Крафту-Эбингу (1840–1902), к тому времени получившему известность выдающегося специалиста по судебной психиатрии. В 1886 году он опубликовал свой труд «Половая психопатия» (Psychopathia Sexualis), в основу которого легло большое количество описаний историй болезни личностей с отклонениями в сексуальном поведении. Книга имела огромный успех, и она много раз переиздавалась, так как автор постоянно вносил изменения в ее содержание, равно как и в классификацию половых извращений. Именно он ввел термины «садизм» и «мазохизм», первый в честь маркиза де Сада, обозначающий отклонение, при котором удовольствие при половом акте достигается с помощью жестоких действий по отношению к партнеру, а второй — в честь Захер-Мазоха для обозначения отклонения, ассоциируемого с мысленным или действительно имеющим место унижением и грубым отношением со стороны женщины[144]. Вопреки распространенному утверждению, Крафт-Эбинг не включал сюда стремление к физической боли, наоборот, он утверждал, что мазохисты испытывают отвращение к самоистязанию. Он считал, что последнее относится к совершенно другим состояниям и вовсе не обязательно связано с сексопатологией. Первая классификация сексуальных патологий включала в себя четыре класса отклонений: (1) Отсутствие сексуального влечения. (2) Патологическое повышение сексуального влечения. (3) Отклонения, связанные с появлением сексуального влечения (либо слишком рано, либо слишком поздно). (4) Извращения: садизм, некрофилия, а также «влечение к представителям собственного пола»[145]. В последующих изданиях своей работы «Половая психопатия» Крафт-Эбинг несколько раз изменял свою классификацию и, в конечном счете, пришел к мнению, что существуют две основные группы отклонений: в основу деления в первой группе положена цель (садизм, мазохизм, фетишизм и эксгибиционизм), а во второй — объект влечения (гомосексуализм, педофилия, зоофилия, геронтофилия и аутоэротизм). Исследования Крафта-Эбинга придали колоссальный импульс изучению сексопатологии, а после 1880 года по данному вопросу было

издано огромное количество трудов, особенно в Германии. В 1889 году Магнус Хиршфельд основал первый журнал, посвященный исследованиям в этой области, Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen. Следует отметить, что именно он впервые стал проводить различие между гомосексуальностью и трансвестизмом. Необходимо упомянуть и исследования Ивана Блоха, Левенфельда, Маркузе, Молла, а также отметить работы немецких антропологов в области сравнительной психопатологии. Во Франции Лазег еще в 1877 году опубликовал первое психиатрическое исследование, посвященное эксгибиционизму[146]. Альфред Бине в своей великолепной работе по фетишизму впервые употребил этот термин[147]. Ученик Шарко Шамбар в 1881 году впервые упоминает о существовании эрогенных зон, термина, который окончательно утвердился благодаря Крафту-Эбингу и позже нашел свое место в психоанализе[148]. В Англии Хэвлок Эллис получил известность в основном благодаря своей работе над составлением «Сочинений по сексуальной психологии».

Исследования Крафта-Эбинга и других ученых в этой области способствовали проявлению к ней большого интереса, охватившего вскоре широкую публику, которая, как уже упоминалось, не испытывала недостатка в романах на сексуальную тему. Вопреки устоявшемуся в наше время мнению о том, что рассматриваемая эпоха отличалась полным невежеством в области сексуальных отношений, на континенте не существовало никаких ограничений публикации, распространения и допуска к подобной литературе. В это же время появляется большое количество сочинений научно-популярного характера на тему сексуальных отношений. В Германии, например, бестселлером стала книга Бельше «Любовные отношения в природе», представляющая собой подробное описание процесса репродукции у животных во всем его многообразии[149]. Правда, подобный наплыв литературы на сексуальные темы породил, соответственно, возрастающую волну критики, однако следует отметить, что настоящую причину появления подобной критики в наши дни зачастую понимают неправильно. Мориц Бенедикт вспоминает, что когда вышла в свет работа Крафт-Эбинга «Половая психопатия», ему пришлось уговаривать совет Британской медико-психологической ассоциации не лишать автора его почетного звания члена ассоциации[150]. Претензии, предъявленные к Крафт-Эбингу, состояли не в том, что он опубликовал эту книгу, а в том, что на ее продажу не были наложены ограничения. Бенедикт, однако, заметил, что «в наши дни ученицы высшей школы гораздо более осведомлены в вопросах сексуальных извращений, чем мы в начале нашей врачебной карьеры». Бенедикт добавляет, что итальянский профессор Мантегазза опубликовал книгу, посвященную сексуальным отношениям, которая также стала бестселлером и была переведена на несколько иностранных языков, при этом профессор оправдывал

себя тем, что его жалованье слишком незначительно, и ему приходится искать дополнительные источники дохода. Безусловно, границу, где заканчивалась популяризация научных идей и начиналась откровенная порнография, было всегда трудно определить. Другое обстоятельство, вызывавшее неприязнь Бенедикта и других ученых к новоявленным «сексологам», заключалось в том, что последние придали сексуальным извращениям некую «романтическую» окраску. Если в предыдущие годы к извращенцам относились как к преступникам, то теперь их изображали как мучеников, которым приходилось выносить немыслимые страдания. В этом отношении следует также отметить, что иногда было нелегко отличить сочинения профессиональных ученых от сочинений людей с сексуальными отклонениями, защищавшими свою точку зрения.

В те времена широко обсуждался вопрос о том, являются ли сексуальные отклонения врожденными или приобретенными заболеваниями. В этом случае также можно заметить расхождение взглядов ученых в зависимости от их поля деятельности. Для преподающих врачей проблема выглядела довольно просто: они считали гомосексуализм почти естественным следствием неких неблагоприятных обстоятельств, в которые попадали подростки или молодые мужчины. То же самое можно было отнести к отношениям в армии, на флоте и в тюрьмах. Крафт-Эбинг, однако, будучи судебным экспертом, который в своей работе сталкивался с самыми жестокими случаями сексуальных извращений и к тому же находился под влиянием теории дегенерации Мореля и Маньяна, был склонен рассматривать даже наиболее отталкивающие из сексуальных извращений как имеющие конституциональное происхождение. Эту точку зрения на первых порах разделяли многие психиатры, однако мнение о том, что сексуальные извращения являются следствием причин психологического характера, также находило своих сторонников. Во многих случаях возникновение сексуального извращения можно было проследить до определенного момента в детстве. Руссо задолго до этого писал о том, что порка, которую он получил от молодой женщины в возрасте восьми лет, положила начало его половому отклонению. Бине, не отрицавший роли изначальной предрасположенности, отмечал, что в жизни его пациентов-фетишистов были события, которые определили характер их сексуального извращения. В 1894 году Фере рассказал о двух женщинах, ставших в раннем детстве объектом сексуальных ласк домашних слуг, что, однако, не вызвало немедленного эффекта, но позднее в жизни под давлением стрессовых обстоятельств их извращение все-таки проявилось[151]. Фере полагал, что схожая ситуация может возникнуть при сексуальном совращении маленьких детей. В 1901 году Молл отметил опасность телесных наказаний детей, предупреждая о том, что это может стать причиной сексуальной стимуляции

у учителя, наблюдающих эти сцены учеников и, особенно, у самого провинившегося ребенка, так как на него это может произвести впечатление, которое сохранится в его сознании на всю жизнь[152].

Теодор Мейнерт учил, что причина возникновения сексуальных отклонений лежит в определенных ситуациях межличностного характера, возникающих в ранней юности[153]. Он утверждал, что его клинический опыт позволяет ему предположить, что гомосексуализм является приобретенным заболеванием. В качестве примера он приводит рассказ о человеке, испытывавшем сексуальное влечение к представителям своего пола, мать которого рано овдовела и стала приглашать к ним домой маленьких мальчиков, чтобы ему не было скучно. При этом она не могла скрыть эротических переживаний, испытываемых по отношению к ним. Следуя во всем ее примеру, он, таким образом, тоже стал чувствовать влечение к представителям своего собственного пола. Мейнерт также приводит историю одного некрофила, чье сексуальное отклонение возникло в то время, когда он работал в морге. Именно тогда он впервые почувствовал сексуальное влечение при виде обнаженных трупов женщин.

Получила распространение идея о том, что сексуальные нарушения могут быть обусловлены психологическими факторами, начало которых можно обнаружить в детстве больного. Даллемань говорил о периодическом появлении вспышек сексуального возбуждения у детей в возрасте пяти-шести лет, порождающих ассоциации, которые впоследствии формируют бессознательную основу наших ощущений и действий[154]. В 1886 году Рибо создал классификацию сексуальных расстройств, положив в ее основу причины их возникновения: (1) анатомические и физиологические причины; (2) социологические причины (например, закрытые сообщества мужчин); (3) психологические причины бессознательного характера, отмеченные Даллеманем, выражающие действия бессознательной субличности, которая контролирует сознательную личность, а также; (4) психологические причины сознательного характера (воображение, работающее на эротические темы, точно так же, как оно может работать в области искусства или науки)[155].

Предположение о том, что сексуальные извращения обусловлены причинами психологического характера, привело к попыткам излечить их с помощью психотерапии. Известен, например, случай с пациентом Шарко и Маньяна, который в возрасте шести лет неоднократно наблюдал за тем, как мастурбировали солдаты и с этого времени его приводил в половое возбуждение исключительно вид мужчин, при этом к женщинам он не испытывал никакого интереса[156]. Лечение состояло в том, что образ обнаженной женщины заменялся образом мужчины, после чего по прошествии нескольких месяцев пациент оказался в состоянии провести нормальный сексуальный контакт с женщиной. Через двадцать

лет Маньян опубликовал продолжение этой истории: пациент убедился в том, что его «наваждение» не является непреодолимым, и после того, как он приложил большие усилия по созданию новых, гетеросексуальных ассоциаций, смог завести семью и с тех пор больше никогда не возвращался к своим старым привычкам[157].

В период с 1880 по 1900 год значительно возрос интерес к скрытым проявлениям полового инстинкта, которые ранее были предметом исследований Иделера, Неймана, Зантлуса и других. Роль полового инстинкта при истерии без возражений принималась большинством врачей до Брике, который, как мы уже знаем, начисто отрицал эту роль в своем учебнике, написанном в 1859 году. После Брике мнения на этот счет разделились и по этому поводу произошел один из расколов, нередко встречающихся в истории науки: в то время как большинство невропатологов были склонны принять точку зрения Брике и Шарко, гинекологи все еще верили в то, что происхождение истерии связано с сексуальными причинами. В главе 3 мы уже рассказывали о том, что американский гинеколог А.Ф.А. Кинг, принявший теорию Бине о раздвоении личности у пациентов, больных истерией, утверждал, что этими двумя личностями являются «репродуктивное эго» и «эго самосохранения»[158]. Если женщина решает сказать «нет» проявлениям своих репродуктивных функций, вполне возможно возникновение истерии, за исключением тех случаев, когда борьба за существование поглощает всю ее потребность в какой-либо деятельности. Однако одним из невропатологов, отказавшихся принять теорию Брике был Мориц Бенедикт: в 1864 году он заявил, что истерия обусловлена функциональными (не физическими) половыми расстройствами[159]. В 1868 году он подтвердил эту теорию с помощью своих клинических наблюдений, опубликовав описание четырех случаев болезней, причиной которых, как он считал, явилось неправильное отношение к этим пациентам в детстве, и провозгласил необходимость психотерапевтического лечения[160]. В 1891 году, равно как и в последующие годы, Бенедикт описывал то, что он называл второй жизнью — существование у многих личностей, особенно у женщин, тайной жизни, имеющей для них большое значение, и ту патогенную роль тайны, почти всегда связанную — по его утверждению — с одним из аспектов сексуальной жизни пациента[161]. Бенедикт приводит несколько примеров быстрого излечения острых истерических состояний с помощью исповеди, во время которой такие патогенные тайны раскрывались, при этом по прошествии какого-то времени пациент освобождался от своих проблем.

В отношении часто встречавшихся тогда невроза и неврастении большинство специалистов считало, что одна из главных причин этих расстройств заключается в мастурбации, однако появился еще один миф о том, что имеются также и другие причины полового характера,

в особенности прерванный половой акт (coitus interruptus). Александр Пейер, врач из Цюриха, ссылался по меньшей мере на десяток авторов, разделявших его точку зрения[162]. Пейер также утверждал, что существует особая форма астмы, вызываемой некоторыми сексуальными расстройствами и особенно coitus interruptus[163].

Еще одной частой темой дискуссий стали различные реакции, которые, помимо психоза или классического невроза, как полагали, возникают при неудовлетворении полового инстинкта. Австрийский криминолог Ганс Гросс придавал этой проблеме огромное значение, так как предполагал, что фрустрация полового инстинкта может в определенных состояниях привести к совершению преступления, и поэтому для того, кто ведет расследование, необходимо знать, в какие формы облекается скрытая сексуальность[164]. Одна из них, по его утверждению, — это ложное благочестие, вторая — скука, которую он трактует как неспособность заполнить свой духовный мир, какую бы напряженную жизнь ни вел при этом человек. Третьей формой является «болезненное тщеславие», а четвертой — обидчивость. Широко обсуждался также и вопрос о том, является ли вредным половое воздержание. Большинство исследователей склонялись к положительному ответу. Однако Крафт-Эбинг считал, что половое воздержание может принести вред лишь личностям, имеющим предрасположенность к такого типа реакциям; тем, у кого оно может вызывать различные симптомы, от состояния легкого беспокойства до бессонницы и галлюцинаций[165].

Не менее популярным было обсуждение обычных и возвышенных проявлений сексуального инстинкта. В достаточной степени курьезным можно считать тот факт, что Галль, будучи инициатором психологии, основанной на изучении инстинктов, возражал против этой идеи и воскликнул: «Кто посмеет заявить, что поэзия, музыка и изобразительные искусства являются результатом полового возбуждения?»[166] Оствальд в своих биографиях великих ученых утверждал, что они не придавали любви большого значения, и их сексуальная жизнь не отражалась на их научных открытиях[167]. Однако Мечников, чье мнение разделяло большинство исследователей, верил в то, что сексуальность имеет весьма важное значение для созидательной способности гения, и собрал большое количество документов, посвященных этой проблеме[168].

Многие исследователи заходили дальше и утверждали, что чувство красоты напрямую связано с сексуальным инстинктом. Эспинас сформулировал теорию о том, что эстетическое чувство исходит из соперничества мужчин за сердца женщин, выражающееся в ношении броских нарядов, песнях и танцах, а также в том, что женщины всегда стараются быть для мужчин привлекательными[169]. Ницше писал, что «любое проявление красоты стимулирует наше влечение к воспроизводству, к ре-

продукции, таково ее специфическое воздействие, начиная от низшей чувствительности и заканчивая высшей духовностью»[170]. Штейнталь придерживался точки зрения, что в процессе выделения человека из животного мира часть его сексуального инстинкта трансформировалась в чувство прекрасного[171]. Мебиус учил, что все то прекрасное, что мы находим в природе, обязано своим происхождением сексуальному инстинкту, а само эстетическое чувство непосредственным образом связано с ним[172]. Сантайана считал, что сексуальный импульс придает некое особое значение религии, филантропии, любви к природе и животным, а также чувству прекрасного[173]. Науманн (Naumann) отмечал, что в сексуальной жизни заключается примитивный и неиссякающий источник эстетической активности человека, равно как и его удовольствий»[174]. Юрьо Хирн, выражаясь более скромно, считал сексуальный инстинкт одним из четырех основных факторов, повлиявших на происхождение искусства, и рассматривал эротизм как средство эволюционного отбора, а также как эмоциональный стимулятор[175]. Реми де Гурмон утверждал, что ни мужчины, ни женщины сами по себе не могут считаться красивыми, при этом женщины — в еще большей степени, чем мужчины, и если женское тело стало воплощением красоты, это произошло исключительно благодаря сексуальной иллюзии мужчины[176]. Для краткости можно сказать, что концепция сексуального происхождения эстетического чувства была наиболее популярна и полностью укладывалась в общую картину данной эпохи.

В описываемый период начались также исследования, посвященные стадиям эволюции полового инстинкта как в истории человеческой цивилизации, так и в развитии отдельной личности. В 1894 году Дессуар сделал доклад об эволюции полового инстинкта у молодых людей[177]. Согласно его утверждению, существует фаза неразличения, за которой следует фаза дифференциации, приводящая либо, в нормальном варианте, к гетеросексуальности, либо, при отклонении от нормы, к гомосексуальности. Нарушения в процессе дифференциации могут привести к сексуальным отклонениям, однако развитие сексуального чувства может сохраняться на такой «эмбриональной» стадии, когда личность остается неразборчивой в сексуальном отношении и может испытывать половое влечение к любому теплому живому телу, включая даже тело животного. Немаловажно проводить различие между теми, кто действительно является гомосексуалистами, и личностями, чья сексуальность осталась на стадии неразличения, которые могут испытывать половое влечение к представителям обоих полов. Альберт Молл в своей работе «Исследование Libido Sexualis» продолжил разработку теории Дессуара о фазе сексуального неразличения до периода полового созревания, предшествующего фазе дифференциации[178]. Можно

считать простым совпадением то обстоятельство, что слово «либидо» неоднократно использовалось исследователями в той или иной степени, включавшими в свою терминологию латинские слова. В их представлении оно просто обозначало половое влечение. Его иногда использовал в своих сочинениях Мейнерт[179], чаще — Бенедикт[180], а также — Крафт-Эбинг[181]; довольно часто это слово употребляли менее известные авторы, такие, как Эффертц[182] и Ойленбург[183]. По-видимому, именно Молл первым придал ему более широкое значение сексуального инстинкта, рассматриваемого в эволюционном аспекте, и в этой связи на его сочинения ссылается Фрейд.

В 1886 году французский философ Арреа предположил, что, подобно тому, как половой акт является всего лишь моментом проявления сексуального инстинкта как такового, последний, возможно, представляет собой часть некого более общего инстинкта[184]. В отношениях мужчины и женщины, состоящих в браке, существует более широкий спектр супружеской любви вокруг ядра чистой сексуальности, который, однако наполнен сексуальным влечением. В любви родителей к своим детям существует нечто большее, нежели только родительская любовь: отец ревнует свою дочь гораздо чаще, чем даже мать своего сына. Обратное можно заметить еще в детском возрасте — в той чувственной жадности, с которой маленький ребенок сосет грудь своей матери, а дети постарше целуют своих родителей. Арреа приводит в качестве примера рассказ о семилетней девочке, которая любила заворачиваться в грязную одежду своего отца, говоря при этом: «она пахнет папой». Он также цитирует мнение Переса и многих других авторов о роли секса в жизни маленьких детей. Сексуальный подтекст всегда присутствует также в обыкновенных проявлениях вежливости (особенно со стороны мужчины по отношению к молодой женщине), и в «чисто дружеских» отношениях. Арреа считает весьма значительной и роль полового инстинкта во взглядах на социальную жизнь. В этом отношении сексуальные отклонения могут рассматриваться с точки зрения, выдвинутой Ломброзо, то есть как задержки в развитии.

Из вышесказанного становится ясно, что к 1900 году сексуальная психология и психопатология развивались уже в течение двадцати лет, а немалые успехи в этой области позволяли говорить о создании новой науки — сексологии.

Изучение сновидений

Так как теории сновидений и их толкованию суждено было сыграть важную роль в создании динамической психологии, не будет лишним узнать, как они развивались в период становления с 1880 по 1900 год.

В то время проводилось огромное количество исследований, посвященных сновидениям. Тем не менее, чтобы понять их значение, нам придется еще раз переместиться во времени от рассматриваемого периода на несколько десятилетий назад.

Как уже сообщалось, романтики придавали сновидениям огромное значение, и почти каждый из них либо придерживался какой-то законченной теории сновидений, либо имел отдельные соображения, посвященные данному вопросу; большинство романтиков считало, что во сне происходит творческий процесс. Эннемозер[185] писал: «Суть сновидения заключается в потенциальной жизни гения». Трокслер[186] пошел еще дальше, утверждая, что сновидение представляет собой процесс более фундаментальный, нежели явь, по-видимому, имея в виду, что процесс сновидения продолжается в скрытой форме и в сознательном состоянии, и мы подключаемся к нему только в состоянии сна. Романтическая концепция сна нашла свое высшее выражение и в идеях фон Шуберта, которые мы уже кратко обсудили в главе 4.

После упадка романтизма, в наступившую за этим эру позитивизма возник взгляд на сновидения как на лишенный всякого смысла побочный продукт автоматической некоординируемой деятельности сознания, возникающей в состоянии сна. Однако именно в этот период появились работы пионеров исследований в этой области — Шернера, Мори, а также Эрве де Сен-Дени. Эти исследователи заложили основы, на которых предстояло построить дальнейшие разработки теории сновидений в период с 1880 по 1900 год, а также более поздние теории сновидений Фрейда и Юнга.

В то же время исследователям сновидений удалось постепенно разработать набор приемов для проведения научных разработок, основывавшихся на наблюдениях, результатах экспериментов и искусстве управлять своими сновидениями. Было обнаружено, что такие наблюдения можно проводить как в процессе погружения в состояние сна, так и в тех случаях, когда спящего будят или при его естественном пробуждении, чтобы запомнить свой сон. В любом случае, очень важно сохранять спокойствие после пробуждения. Следует немедленно изложить содержание сна на листе бумаги, который должен быть всегда под рукой. Эрве де Сен-Дени дополнял изложение своих снов рисунками. Исследователи сновидений заметили, что человек может, не прикладывая больших усилий, натренировать себя хорошо запоминать свои сны. Метод экспериментального моделирования снов был впервые предложен Мори, а изобретением техники управления сновидениями мы обязаны Эрве де Сен-Дени.

В 1861 году появилась книга Шернера «Жизнь в сновидениях», представлявшая собой единственную книгу из предполагаемой серии о восьми открытиях в сфере изучения человеческой души[187]. Сочинение

Шернера никогда не пользовалось популярностью. Некоторым читателям не понравился романтический тон, к которому автор прибегает, говоря о душе в предисловии: что она проявляет себя в сновидениях, «подобно любящему в его отношении к своей возлюбленной». Другие были разочарованы сухостью манеры изложения основного текста книги и, как они отмечали, чрезмерным стремлением Шернера к классификации. Если мы добавим, что книга получилась весьма сжатой по своему содержанию, а кроме того, вскоре сделалась большой редкостью, становится понятным, почему в наши дни она известна лишь узкому кругу читателей. Шернер начинает свое исследование с рассмотрения того, что в наше время назвали бы феноменом сновидения, и утверждает, что свет в сновидениях является отражением ясности мысли и твердости духа, а светотень — проявлением отсутствия четкости ощущений. Он описывает также стадии сновидений при погружении в сон, состоянии сна и пробуждении. В плане внутренней организации сновидений он различает децентрализацию (в наши дни это явление назвали бы растворением или регрессией) и положительными проявлениями фантазии. Основная идея состоит в том, что психическая активность в сновидениях выражается посредством языка символов, отсюда появляется возможность их толкования. Шернер предложил систему толкования снов, в основу которой была положена весьма убедительная теория — результат длительных объективных наблюдений автора.

Возникновение одних символов обусловлено процессами, происходящими в душе человека, другие — являются отражением процессов, возникающих в его теле. Религиозные чувства выражаются в форме откровений, вызываемых общением с уважаемым наставником, интеллектуальные чувства — в виде обсуждений между равными участниками, чувства пониженной жизнеспособности — в образах больного человека и тому подобное. Значительная часть книги посвящена анализу символов, происхождение которых связано с телесными ощущениями. Каждому органу соответствует свой символ, при этом символы устанавливаются не случайно, а открываются человеку по мере приобретения им опыта. Шернер изучал соотношение между снами и физиологическими заболеваниями спящего, а также функциональными изменениями в его организме на момент пробуждения. Например, он обнаружил, что сновидения, связанные с полетом, приводят к увеличению активности легких, а сновидения, где присутствуют картины напряженного движения на улицах, могут вызвать нарушения сердечно-сосудистой системы. Согласно утверждению Шернера, основным символом, являющимся отражением человеческого тела, является образ дома, при этом его части символизируют различные части тела человека. Автор приводит рассказ женщины, которая легла спать с ужасной головной болью: во сне

она увидела, что находится в комнате, где потолок покрыт паутиной, с множеством огромных отвратительных пауков. Около десяти страниц книги посвящено символам, имеющим отношение к сексуальной сфере. Среди мужских половых символов он упоминает высокие башни, трубки, кларнеты, ножи и заточенное оружие, бегущих лошадей и размахивающих крыльями преследуемых птиц. Среди женских половых символов — узкие дворы и лестницы, по которым предстоит подняться.

После Шернера несколько авторов — со ссылками на него или без них — упоминают о тех же символах и связывают их с теми же органами[188]. Объясняя значение сексуальных символов, Фрейд ссылается на Шернера, однако у Фрейда им придается более абстрактное значение, и они не имеют отношения к физиологическому состоянию. Тем не менее, деятельность Шернера имела другое, неожиданное продолжение. Фридрих Теодор Фишер провел параллель между символизмом Шернера и архитектурным символизмом Древнего Египта и Древней Индии, главная идея которого, по-видимому, состояла в изображении человеческого тела с помощью архитектуры. В последнее время появилось множество подобных предположений относительно храма в Луксоре[189]. Идея Шернера также положила начало новой эстетической концепции, впервые изложенной Робертом Фишером и впоследствии разработанной Фридрихом Теодором Фишером[190]. Как во сне, так и наяву мы имеем тенденцию проецировать (hineinversetzen) наши телесные ощущения на различные предметы, как это видно из некоторых идиом (например, «карликовое дерево»). Художественная эмпатия или сопереживание (Einfühlung) основывается на скрытом стремлении к объединению с другими существами (говоря современным языком, проекции образа нашего тела на другие существа или образы).

Классический труд Мори «Сон и сновидения» вышел в свет в том же году, что и работа Шернера, однако, в противоположность последней, он несколько раз переиздавался[191]. Мори экспериментировал над собой, применяя два метода исследования сновидений. Сначала он развил в себе умение записывать свои сны сразу после пробуждения, придавая особое значение определению всех обстоятельств, которые могли вызвать то или иное сновидение. Он был потрясен, в какой мере в его сновидениях отражаются малейшие изменения в режиме питания или же изменения в атмосферных условиях. Он также считал, что гипнагогические иллюзии галлюцинаций поставляют «эмбриогенез» ночного сна. Другим методом его исследования являлась сенсорная стимуляция. Ассистент Мори давал ему нюхать духи во время сна, после чего ему снилась парфюмерная лавка в Каире. Когда ассистент создавал шум с помощью железных предметов, Мори снилось, что он слышит удары колокола, и в стране началась революция.

Мори, однако, не считал стимуляцию органов чувств причиной возникновения большей части сновидений. Его длительные наблюдения и опыт в толковании сновидений позволили ему сделать заключение, что фантазия и творчество в формировании снов играют гораздо меньшую роль, чем это принято считать. Он заметил, что многие виденные им во сне события представляли собой не что иное, как забытые воспоминания, восходящие порой к периоду раннего детства. Мори также считал, что скорость восприятия сновидений сознанием гораздо больше скорости восприятия мысли наяву.

Деятельность Мори положила начало исследованиям в области экспериментальной стимуляции сновидений. Норвежский исследователь Джон Моурли Волд провел ряд экспериментов над собой и своими учениками, при которых спящему связывали конечности. Обнаружилось, что во сне это порождает ощущение движения (спящий видит во сне самого себя или кого-либо другого в движении)[192]. Это положение легло в основу концепции «кинестетических реакций» Германа Роршаха, занимавшегося тестированием с помощью чернильных пятен. Санте де Санктис подверг критике эксперименты Мори, утверждая, что ожидание увидеть некие сны само по себе способствует появлению у исследователя именно тех сновидений, которые подтверждают его теорию. Подобной критике подвергались все исследователи сновидений[193].

Третьим великим пионером в области изучения психологии сновидений был маркиз Эрве де Сен-Дени (1823–1892), преподаватель китайского языка и литературы в Коллеж де Франс. Его книга «Сновидения и методы управления ими», опубликованная анонимно в 1867 году, представляет собой наиболее тщательное и полное исследование собственных снов автора[194]. Эту книгу можно также назвать наиболее часто цитируемым и в то же время мало читаемым (по причине своей исключительной редкости) произведением, посвященным сновидениям. По утверждению Фрейда, он никак не мог достать экземпляр этой книги. То обстоятельство, что это сочинение является очень большой редкостью, представляется тем более прискорбным, что оно, как известно, содержит эпохальные открытия в области исследования сновидений, совершенные ученым, открывшим для науки новый путь, следовать которому смогли лишь немногие. В первой части своего исследования Эрве де Сен-Дени рассказывает о том, как в детстве, когда ему было тринадцать лет, у него возникла идея нарисовать необычный сон, приснившийся ему ночью. Ему это понравилось, и он завел целый альбом, делая зарисовки всех своих снов. Он заметил, что развил в себе способность великолепно запоминать их содержание, так что по прошествии полугода он редко забывал какой-нибудь сон. Однако Эрве настолько увлекся изучением своих снов, что не мог думать ни о чем другом, и у него начались голов-

ные боли, так что он был вынужден на какое-то время прекратить заниматься сновидениями. Вскоре он вернулся к своему увлечению и продолжал рисовать и комментировать свои сновидения в течение двадцати лет. Сен-Дени утверждал, что не пропустил за это время ни единого сна, и, таким образом, ему удалось собрать двадцать два альбома, где содержались зарисовки сновидений за тысячу девятьсот сорок шесть ночей. Эрве описал стадии, которые он успешно прошел, тренируя в себе умение управлять своими сновидениями. Первый шаг заключался в том, что через несколько месяцев экспериментов он научился осознавать то, что он видит как сновидение. Второй шаг был достигнут, когда Сен-Дени сумел выработать привычку просыпаться по собственному желанию для того, чтобы записать интересный сон. Третий шаг заключался в обретении способности концентрироваться по желанию на любой части сна, которую он хотел изучить более подробно. Четвертый и последний шаг представлял собой попытку управлять событиями, по крайней мере, части собственного сна, хотя Сен-Дени пришлось признать, что здесь он натолкнулся на некоторые ограничения. Приведем всего один пример: Сен-Дени хотел увидеть во сне свою собственную смерть, в сновидении он поднялся на башню, откуда бросился вниз, но в тот же момент он обнаружил, что находится в толпе людей, собравшейся вокруг человека, который спрыгнул с башни.

Вторая часть книги Эрве де Сен-Дени посвящена критическому обзору более ранних теорий сновидений; он добавляет к ним огромное количество материала, взятого из собственного опыта. Первый вопрос: «Откуда возникают образы в сновидениях?» Здесь Эрве подтверждает наблюдение Мори, что роль памяти гораздо больше, чем мы предполагаем. Как и Мори, он приводит примеры картин сновидений, казавшиеся ему совершенно новыми, однако по прошествии некоторого времени он смог случайно идентифицировать их как забытые воспоминания, при этом образы сновидений в основном представляли собой мысленное воспроизведение clichés-souvenirs (что можно перевести как «воспоминания-моментальные фотографии»). На вопрос: «Почему содержание сновидений иногда бывает путаным и абсурдным?» Эрве отвечает, что восприятие, возможно, было быстрым и нечетким, поэтому его воспроизведение во сне, в свою очередь, является нечетким и смазанным. Иногда сны воспринимаются очень неясно, потому что в них присутствуют два или больше clichés-souvenirs, накладывающихся друг на друга. В конечном счете, в сновидениях имеет место и «абстракция», когда какое-либо из качеств одного объекта присваивается другому. Таким образом, явления, которые Сен-Дени называет абстракцией или наложением, в современном научном языке соответствуют понятиям смещения и конденсации или сгущения. Согласно мнению Эрве, другое

характерное для сновидений явление — разговор между несколькими людьми — отражает внутренний конфликт спящего.

Однако содержание снов не составляют исключительно образы-воспоминания. Эрве утверждает, что свою роль играет в них и творческая фантазия. Хотя Сен-Дени и упоминает случай, когда во сне была решена шахматная задача, он с особым вниманием рассматривает удивительные спектакли, создаваемые человеческой фантазией в сновидениях. Несколько его снов представляют собой примеры высокой поэтики и красоты. В одном из них Эрве смотрит в волшебное зеркало, где видит себя сначала юношей, потом он постепенно начинает стареть, пока не превращается в безобразного старика, после чего маркиз в ужасе просыпается. Содержание другого сна удивительным образом предвосхищает один из эпизодов романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка». Еще более необычны сновидения, которые в юнгианской терминологии назвали бы архетипическими, и современному читателю может показаться, что автор позаимствовал их из какого-то произведения Юнга.

Эрве также внес свой вклад в экспериментальные исследования снов. В то время как Мори довольствовался проведением экспериментов, где применял простые приемы стимуляции органов чувств и наблюдал реакцию на них, Эрве изобрел технику solidarité rememorative (дословно «солидарного припоминания»), представлявшую собой нечто подобное регулированию сновидений. Во время пребывания на природе, в живописной области Франции, он каждый день помещал в свой платок каплю духов, а по возвращении в Париж прекратил это делать. По прошествии нескольких месяцев Эрве попросил своего ассистента поместить несколько капель этих духов на его подушку, когда он будет спать. Действительно, через двенадцать дней Сен-Дени увидел во сне Виваре, местность, где он провел свой отпуск, а когда проснулся, понял, что именно этой ночью его подушка была пропитана духами. Затем он стал проводить более сложные эксперименты. На балу, где он танцевал с двумя дамами, Сен-Дени специально заплатил музыкантам, чтобы они все время играли одну определенную мелодию, когда он будет танцевать с одной из дам, и другую мелодию, когда он будет танцевать со второй. Через некоторое время он попросил поставить ему эти две мелодии во время сна и обнаружил, что каждый из вальсов воскрешал во сне образ именно той дамы, с которой он танцевал под эту мелодию.

В заслугу Эрве де Сен-Дени можно также поставить то, что он привлек внимание исследователей к гибкости процесса сновидения. В то же время техника, разработанная им для управления и сознательного модулирования своих собственных сновидений, была настолько сложной, что этим путем могли следовать лишь очень немногие. Одним из его немногочисленных последователей был голландский психиатр и поэт

Фредерик Ван Эден, который в 1896 году начал изучать свои сновидения, применяя технику, схожую с методом Эрве. Как и последний, Ван Эден говорит, что его первым шагом было достижение осознания того, что он видит сон, и позднее он выработал способность направлять ход своих сновидений по собственному желанию. Сначала Ван Эден кратко изложил содержание своих открытий в романе «Невеста из сновидений»[195]. Он не осмелился опубликовать эти открытия под своим собственным именем, учитывая их необычный характер, однако сообщил о них в своем докладе в Обществе психологических исследований. Он различал несколько классов сновидений, среди них, например, — демонические сновидения, где автор общался с демоническими личностями, то есть действующими и говорящими самостоятельными существами, не имеющими отношения к миру людей[196]. У Ван Эдена также бывали вещие сны, в которых он по собственной воле общался с умершими людьми, которых он когда-то знал. Ван Эден также утверждал, что в процессе сновидения ему удалось передать сублиматическое послание медиуму. Возможно, именно эксперименты Эрве вдохновили Жоржа дю Морье (Maurier) на создание романа «Питер Иббетсон», бестселлера 1890 года, где паре влюбленных, находящихся в разлуке друг с другом, удается каждую ночь встречаться в своих сновидениях и вместе исследовать мир своего детства, своих предков, а также события минувших столетий[197]. Мир сновидений Роберта Льюиса Стивенсона, о котором мы уже говорили в главе 3, можно охарактеризовать как регулируемый полубессознательно[198]. Стивенсон сообщает о том, что для написания своих романов он пользуется услугами своих «маленьких человечков» или «домовых». Странно, но после Эрве де Сен-Дени почти все авторы, за малым исключением, — сознательно или бессознательно — противились идее энергетической податливости сновидений[199].

Идеи трех основателей — Шернера, Мори и Эрве де Сен-Дени — доминировали в более поздних исследованиях сновидений в течение последней трети девятнадцатого столетия. Большинство ученых, занимавшихся в ту пору изучением сновидений, почти забыты в наши дни и лишь вскользь упоминаются в исторических трудах, за исключением Бинсвангера[200]. Штрюмпель, профессор Лейпцигского университета, заинтересовался вопросом, почему мир в сновидениях выглядит совсем по-другому, нежели наяву, и пришел к следующему мнению: при пробуждении мы не в состоянии найти нашему сновидению место в прошлом или настоящем, это и объясняет наше стремление искать его значение в будущем[201]. На вопрос «Почему спящий считает, что видимое им во сне происходит на самом деле?» Штрюмпель отвечает, что во время сна душа выстраивает «сферу сновидения», в которой проецируются образы и воспоминания, что создает полное впечатление восприятия

наяву в тот момент, когда различие между объективным и субъективным, а также причинно-следственная связь исчезают. В отношении той проблемы, что сны очень легко забываются, он ссылается на слабость, размытость и бессвязность большинства образов, возникающих в сновидениях. При этом Штрюмпель отмечает, что на самом деле уместно было бы задать вопрос «Почему мы так много запоминаем?» Штрюмпель также отмечает роль, играемую в сновидениях речевыми образами.

Фолькельт в своей книге «Фантазия в сновидениях» критикует предшествующих исследователей сновидений за то, что они придавали слишком большое значение происходящим в них негативным процессам и (за исключением лишь Шернера) недостаточно обращались к изучению позитивного элемента — фантазии, присутствующей в сновидениях[202]. Он также считал, что они слишком подчеркивали роль ассоциаций и игнорировали открытый Шернером факт, что фантазия трансформирует в процессе сновидения наши телесные ощущения в виде символов. Фолькельт приводит несколько примеров собственных сновидений, в которых подтверждает истинность символов, установленных Шернером. В противоположность романтикам, считавшим, что во время сна душа покидает оковы тела, Фолькельт считает, что она, напротив, впадает в большую зависимость от него. Восприятие тела в целом проявляется в сновидении совершенно иным образом, нежели это происходит наяву. Здесь Фолькельт подробно останавливается на проблеме изменения образов, имеющих отношение к телесным проявлениям в сновидениях.

В том же 1875 году появилась посвященная исследованию снов работа Фридриха Теодора Фишера, включающая анализ процесса, вследствие которого спящий отдает (surrenders) себя «на откуп» своим образам, получая, тем самым, возможность увидеть в этих образах свое отражение[203]. Шернер развивает свои идеи в направлении их применения к теории эстетики.

В 1876 году Гильдебрандт опубликовал свое исследование, посвященное сновидениям, а также их использованию в жизни[204]. Он считал, что существует четыре возможности их применения. Первая: красота некоторых сновидений приносит спящему удовольствие. Вторая: сновидение создает у спящего преувеличенное представление о его моральных стремлениях. Слова из Священного Писания «Тот, кто затаил зло на брата, есть убийца его» находят подтверждение в сновидениях, где спящий совершает безнравственный поступок и испытывает стресс при пробуждении. При более внимательном рассмотрении он может обнаружить, что это сновидение было воплощением некой появляющейся аморальной мысли. Гильдебрандт считал, что человек абсолютной нравственности никогда не станет мечтать о чем-либо непристойном.

Третья: сновидение может пролить свет на некоторые вещи, наяву воспринимающиеся неясно, например, ощущение того, что кто-то хочет причинить спящему вред. Четвертая: существуют сновидения, предсказывающие болезнь — о них было известно еще во времена Аристотеля, — а также те, благодаря которым, как утверждал Шернер, мы можем почерпнуть сведения о нашем физиологическом состоянии.

Интересно, что обсуждение моральной ответственности спящего за свои сновидения, начатое Гильдебрандтом, было продолжено Йозефом Поппером в его изысканном эссе, где он пишет, что личность — и во сне, и наяву — остается той же самой личностью, с присущими ей мыслями и чувствами, и поэтому, если у человека есть какие-то непристойные или скрытые мысли, его сновидения кажутся бессмысленными или даже абсурдными[205]. В этом предположении мы узнаем тезис, которому позднее предстояло стать краеугольным камнем теории сновидений Фрейда.

В 1878 году Бинц указал на роль химических и токсикологических факторов в происхождении сновидений[206]. Некоторые химические вещества способны вызывать специфические сновидения. Таковы, например, сновидения, вызванные воздействием опиума, атропина, алкоголя, гашиша и эфира. Бинц считал, что исследователи сновидений всегда слишком преувеличивали роль психологических причин и мало внимания уделяли физиологическим факторам, влияющим на сновидения.

Роберт предложил новую точку зрения на данную проблему[207]. В природе, по его мнению, все имеет свое предназначение. Если сновидения существуют, они должны выполнять какую-то функцию. Какую именно? Роберт полагает, что она заключается в очистительном процессе, происходящем в мозгу, отражение которого мы воспринимаем в виде сновидения. Таким образом, верно не то, что у человека могут быть сновидения, а то, что они должны у него быть, дабы он мог очистить свое сознание от отягощающих его образов; в том случае, например, когда происходит переполнение сознания внешними впечатлениями или образами, созданными фантазией. Особенно часто этот процесс очищения касается неясных впечатлений или идей, которые не были до конца обработаны в сознании. В ходе этого очистительного процесса, называемого Робертом «работой сновидений» (Traumarbeit), такие образы либо включаются в память, либо забываются совсем. Уничтожаемые образы воспринимаются нами в виде картин сновидений: они как бы представляют собой «щепки на лесопилке сознания». Отсюда можно сделать немаловажное заключение о том, что «человек, лишенный возможности видеть сны, рано или поздно превращается в душевнобольного», при этом тип психического расстройства зависит от тех мыслей, от которых сознание должно было освободиться в процессе сновидений. Роберт приводит пример с двумя коммерсантами; каждый

из них получает в конторе по письму, однако не читает его. Первый коммерсант испытывает значительные финансовые затруднения, в то время как второму удалось недавно освободиться от них. Таким образом, они находятся в разном расположении духа, и это, безусловно, отразится на их сновидениях. Однако, если бы эти коммерсанты не имели возможность разгрузить свое сознание во сне, у первого возникла бы мания преследования, у второго — мания величия.

Ив Делаж, французский биолог, посвятил много лет своей жизни изучению сновидений. Он впервые кратко изложил свою теорию в 1894 году[208]. Делаж приступил к исследованию проблемы с нестандартной точки зрения. Заинтересовавшись вопросом «Что же все-таки никогда не появляется в наших сновидениях?», он обнаружил, что в них никогда не возникают мысли, которыми наше сознание обременяет себя в течение дня, равно как и важные события нашей жизни. Влюбленные, например, как правило, никогда не видят друг друга в своих сновидениях до свадьбы, в течение медового месяца и некоторого времени после этого. Это начинает происходить позднее, когда они привыкнут друг к другу. На вопрос «Что же на самом деле составляет содержание наших сновидений?» Делаж отвечает, что подавляющее их количество состоит из неоконченных действий и размышлений, как правило, имеющих отношение к минувшему дню (насколько известно, Делаж не знал о работах Роберта). Это, однако, не исключает того факта, что сновидения могут быть вызваны эффективной стимуляцией органов чувств, как это описывал Мори. Делаж принадлежал к представителям энергетико-динамического направления в психологии, развивавшегося в русле учения Гербарта. Он утверждал, что наши впечатления являются «аккумуляторами» энергии, другими словами, что каждое из них обладает своим собственным зарядом энергии, в зависимости от которого эти впечатления могут отталкивать или подавлять друг друга. Хотя в наших сновидениях в основном преобладают недавно воспринятые незавершенные мысли или образы, завершенные мысли могут также выйти наружу, при условии, что они обладают достаточно сильным зарядом энергии: именно таким образом это происходит при ночных кошмарах. Однако в сновидениях присутствует также активность независимого характера, которая уменьшается при изменении состояния от грез к полусну и от сновидения, где спящий частично контролирует процесс, к обычному сновидению. В то же время сновидение состоит не только из недавно воспринятых неизменных образов. В этом отношении Делаж упоминает о двух процессах, которые до этого уже были описаны в сочинениях Мори и Эрве де Сен-Дени. Первый заключается в слиянии всех представлений в один образ, а второй — в приписывании нейтрального акта другому объекту (используя современную терминологию, конденсация

и смещение). Более того, в сновидениях могут проявляться не только новые, но и старые воспоминания. Можно заметить, что старые воспоминания появляются по ассоциации с новыми, и цепочку ассоциаций можно восстановить (таким же образом, как это делал Мори со словесными ассоциациями). Делаж полагал, что такие же цепочки присутствуют и в сновидениях.

Из этого кратного обзора видно, что в период с 1860 по 1899 год исследователи сновидений выработали уже почти все понятия, синтезированные позднее в учениях Фрейда, Юнга и многих других специалистов, работы которых пока еще в должной мере не изучены. В теориях Фрейда мы узнаем влияние таких исследователей, как Мори, Шернер, Штрюмпель, Фолькельт и Делаж. В отношении Юнга можно отметить, что его теория сновидений более всего напоминает нам о фон Шуберте и романтиках, а порой мы находим у него суждения, поразительно схожие с воззрениями Эрве де Сен-Дени.

Исследование бессознательного

В последние десятилетия девятнадцатого века философское понятие бессознательного в форме, предложенной Шопенгауэром и фон Гартманом, сделалось крайне популярным, и большинство современных философов допускало существование бессознательной умственной жизни. Психологи искали научные свидетельства, и в промежутке между 1880 и 1900 годами в этом отношении был достигнут значительный прогресс. Для того чтобы рассмотреть эту проблему в соответствующем контексте, нам снова придется совершить экскурс в прошлое. Предположение о том, что некая часть духовной жизни человека недоступна его сознательному восприятию, возникло еще много веков тому назад. В семнадцатом и восемнадцатом столетиях она начала привлекать все больше внимания. В девятнадцатом веке, являясь идеей, вызывающей огромное количество споров, она стала одним из краеугольных камней современной динамической психиатрии. Традиционный умозрительный подход, к которому прибегали романтики, теперь сменили два других метода — экспериментальный и клинический[209].

Умозрительный подход использовался пантеистическими философами, создателями учения Веданты, а также мистиками Индии и Греции, такими, например, как Плотин, Дионисий Ареопагит, многими мистиками в Средние века — Бёме, Шеллингом, а также философами-натуралистами, Шопенгауэром, К. Г. Карусом и фон Гартманом. Следует, однако, отметить, что с течением времени аргументы, приводимые этими философами, приобретали все более психологический характер. Умозрительным подходом пользовались также некоторые философст-

вующие психологи. Именно Лейбниц впервые предложил теорию бессознательного, в доказательство которой он приводил исключительно доводы психологического характера[210]. Он указывал на то, что существуют некие слабые ощущения, находящиеся за порогом сознания, но играющие важнейшую роль в нашей интеллектуальной жизни. Гербарт перенял эту идею у Лейбница, однако рассматривал ее с динамической точки зрения[211]. Он сравнивал порог сознания с плоскостью, где множество постоянно меняющихся ощущений непрерывно сталкиваются друг с другом. Более сильные выталкивают слабых из этого пространства, вытесненные образы стремятся вновь пробиться на поверхность и для этой цели часто объединяются друг с другом. Под порогом сознания неясные представления составляют нечто подобное хору, выступающему в качестве аккомпанемента в той драме, которая разыгрывается на сцене сознания. Ниже порога находится также и сама апперцептивная масса — компактно организованная группа бессознательных представлений. Удержится ли новое восприятие или нет, зависит от того, насколько оно укладывается в апперцептивную массу и может быть ею ассимилировано. Гербарт разработал математические формулы соотношения сил ощущений. Хотя его теория бессознательного во многом является умозрительной, она оказывала колоссальное влияние на немецкую психологию на протяжении всего девятнадцатого столетия, в том числе на психоаналитические концепции Гризингера и Фрейда. Умозрительный подход в биологии использовал Геринг, который утверждал, что память является главной функцией организованной материи, и что, помимо памяти личности, существует также память человеческого рода в целом, и считал инстинкт одним из ее проявлений. Подобные идеи высказывал в Англии писатель Сэмюель Батлер, и их позднее разрабатывали Рихард Земон, Ганс Дриш и Юджин Блейлер.

Экспериментальный подход к изучению бессознательного впервые применил Фехнер, разрабатывая свое психофизическое учение[212]. Чтобы проверить правильность своей метафизической гипотезы об отношении сознания и тела, он провел около 1850 года длительную серию экспериментов по вычислению математических соотношений интенсивности стимуляции и интенсивности ощущений. Вычисляя интенсивность ощущений, он не придавал значения тем ощущениям, которые находятся ниже порога сознания. Однако выяснилось, что главное различие между состоянием сна и бодрствованием заключается не в интенсивности какой-либо из функций сознания. Создавалось впечатление, что ментальная деятельность одного и того же порядка разыгрывается на разных сценах или подмостках (наблюдение, которое положило начало топографической метафоре в структуре психического у Фрейда). В то время как Фехнер и его последователи пытались измерить бессо-

знательные восприятия, Гельмгольц открыл феномен «бессознательного умозаключения»: мы воспринимаем предметы не в зависимости от того, как они воздействуют на наши органы чувств, а такими, «какими они должны быть»[213]. Восприятие представляет собой нечто подобное мгновенному бессознательному восстановлению того знания, которым мы уже располагаем о предмете. Оно не только прибавляет эти сведения к ощущению, но и позволяет абстрагироваться от этого ощущения, оставляя от него лишь сведения, представляющие ценность для нашего знания.

Новый вариант экспериментального подхода был разработан Шевролем[214], которому удалось доказать, что движения магического жезла и маятника являются результатом бессознательного сокращения мышц исполнителя, вызванного бессознательными мыслями. Шевроль включил также в сферу своих исследований феномен «переворачивающихся столов» на спиритических сеансах. Он утверждал, что столы двигают вовсе не «духи», а бессознательные сокращения мышц участников сеанса. Мнимые послания «духов» есть не что иное, как выражение бессознательных мыслей медиума[215]. Концепция бессознательных мыслей, проявляющихся в бессознательных движениях, разработанная Шевролем, позднее применялась при изучении таких феноменов, как «кумберландизм» (считывание мыслей другого человека) и автоматическое письмо. Еще один экспериментальный подход был разработан Гальтоном, создавшим словесно-ассоциативный тест. Он обнаружил, что ответы на спиритических сеансах даются не случайно, а имеют отношение к мыслям, чувствам и воспоминаниям индивида[216]. Последователи Гальтона, тем не менее, упустили из виду последнее обстоятельство, и первым, кто стал использовать этот тест в качестве детектора бессознательных представлений, был К.Г. Юнг. И наконец, Нарцисс Аш, проведя серию тщательно разработанных экспериментов и подробно изучив проявления бессознательного в мышлении и воле человека, продемонстрировал экспериментальным путем роль, которую бессознательные определяющие тенденции играют в выполнении сознательных проявлений воли и мышления[217].

Другой подход к проблеме бессознательного, впервые использованный в Англии, появился благодаря новым исследованиям в области парапсихологии. В 1870 году в Кэмбриджском университете возникло движение, цель которого заключалась в исследовании неизведанных глубин человеческого сознания и, в частности, фактов ясновидения, предсказаний будущего и целенаправленного общения с духами умерших. После долгого периода существования этого движения в качестве неформальной организации физик Уильям Баррет, представитель духовенства преподобный Стейнтон Мозез, философ Генри Сиджвик

и молодой специалист в области гуманитарных наук Фредерик Майерс основали в 1882 году Общество психологических исследований, главную роль в котором в течение первых двадцати лет суждено было сыграть Фредерику Майерсу[218]. В основе размышлений Майерса лежал философский вопрос: «Дружественна ли нам Вселенная?», при этом он считал, что удовлетворительный ответ на него можно получить лишь ответив на предварительный вопрос: «Продолжается ли жизнь человека после смерти?», дабы гарантировать его дальнейшее развитие и осуществление. Таким образом, проблема жизни после смерти была положена в основу парапсихологических исследований. В связи с этим возникало множество других проблем, поэтому Майерс считал, что нужно провести тщательный анализ таких явлений, как гипноз и раздвоение личности, равно, как и других, наиболее часто встречающихся парапсихологических феноменов, прежде чем приступать к изучению собственно проблемы общения с умершими. Он предпринял тщательное исследование всей связанной с этим вопросом литературы. Результаты этого исследования, а также его собственные изыскания в области парапсихологии были собраны в энциклопедическую работу и опубликованы посмертно в 1903 году[219]. Таким образом, Майерс был не только парапсихологом, но и одним из величайших систематизаторов знаний о сфере бессознательного. Согласно его воззрениям, «сублиминальная (подсознательная) самость» (используя его терминологию) имеет низшие и высшие функции. Низшие функции проявляются в процессах диссоциации, описываемых психопатологами, а проявления высших мы можем найти среди некоторых примеров деятельности человеческого гения, которые можно представить как «сублиминальный прорыв» обширных запасов информации, эмоций и рефлексий, лежащих за порогом сознания созидающего мыслителя. Майерс считал, что в результате использования высших функций человеческое сознание может случайно оказаться в контакте с духами умерших. Третью функцию бессознательного Майерс называл мифопоэтической, то есть бессознательным стремлением человека фантазировать. К несчастью, он не раскрыл эту интереснейшую идею в полном объеме.

Клинический подход к изучению бессознательного широко использовался на протяжении всего девятнадцатого столетия, поскольку деятельность магнетизеров и гипнотизеров в основном заключалась в клинических исследованиях бессознательного, хотя следует отметить, что их работа во многих случаях проводилась бессистемно, в ней часто отсутствовал критический подход и не проводилось необходимое различие между экспериментальными понятиями и теорией.

Во Франции интерес к подобным исследованиям возник вновь после выхода в свет в 1875 году работы Шарля Рише[220]. В начале 80-х годов

XIX века, когда Шарко и Бернгейм стали впервые проводить исследования гипноза в клинических условиях, проявилось огромное количество работ и публикаций. Взгляд на эту проблему в конце 80-х годов был кратко изложен Эрикюром в его эссе, опубликованном в 1889 году, где он утверждал, что бессознательная ментальная деятельность вне всякого сомнения является научной истиной, и ставил в заслугу Шевролю то, что он сумел это доказать экспериментальным путем[221]. В качестве повседневных проявлений бессознательного Эрикюр упоминает привычки и инстинкты, забытые воспоминания, непроизвольно возникающие в сознании, случаи решения задач во сне, бессознательные движения, имеющие психологическое содержание и значение, а также бесчисленные проявления симпатии и антипатии. Даже в дневное время бессознательное управляет нашим сознанием. Мы подвергаемся внушениям извне не только во время экспериментов с использованием гипноза, но и в состоянии бодрствования, трансформируя их в мысли и чувства, которые считаем своими собственными. Другими доказательствами деятельности бессознательного можно считать истерию, медиумизм и автоматическое письмо. Отношение между сознанием и сферой бессознательного делится на три основные стадии: (1) В нормальном состоянии между ними должно существовать мирное сотрудничество, бессознательное при этом выступает в качестве безмолвного помощника. (2) Однако в этих отношениях может возникнуть некий разрыв, приводящий к тому, что бессознательное принимает форму «второй личности», как это происходит временно при гипнозе и постоянно у таких пациентов, как Фелида. (3) И наконец, возможен открытый бунт бессознательного против сознания, в результате которого наступает более или менее продолжительная борьба и могут появиться всевозможные последствия, такие, как импульсы, фобии и навязчивые состояния. Безумие наступает тогда, когда сознание сдается на милость бессознательного.

В период с 1889 по 1900 год были сделаны значительные успехи в области клинических исследований бессознательного. В 1889 году Жане опубликовал свою работу «Психический автоматизм», оказавшую значительное влияние и в течение долгого времени определявшую развитие исследований бессознательного. Жане придерживался этого курса в своих исследованиях на протяжении нескольких лет. Тем временем, Брейер и Фрейд опубликовали «черновой вариант» своей работы в 1893 году, а затем «Исследования по истерии», — к обсуждению которых мы вернемся в главе 7. В то же самое время, в Женеве, Флурнуа самостоятельно провел отличающееся большой оригинальностью исследование бессознательного.

Теодор Флурнуа (1854–1920), врач, философ и психолог, а также последователь Вундта, был в 1891 году назначен на должность профес-

сора психологии в Женевском университете. Он изучил технику экспериментальной психологии и взял на себя смелость применить ее при решении проблем парапсихологии. Он придерживался — как он сам утверждал — принципа Гамлета: «Все возможно», и принципа Лапласа «Вес доказательства должен быть пропорционален невероятности факта». Он предпринял длительное исследование, посвященное медиумам Женевы. В декабре 1894 года Флурнуа был приглашен на собрание, где медиум Катрин Мюллер демонстрировала свои способности. Он был заинтригован, когда услышал, как медиум рассказывает о событиях, произошедших довольно давно в его семье, и недоумевал, откуда она может о них знать. Однако Флурнуа не спешил делать выводы. Он предпринял тщательное расследование происхождения и прошлого медиума и обнаружил, что его и ее родители в течение некоторого времени поддерживали дружеские отношения, таким образом, она могла слышать об этих событиях и забыть о них. Флурнуа стал регулярно посещать ее сеансы, и с этого времени в ее медиумизме начали происходить значительные изменения[222]. Катрин впадала в абсолютно сомнамбулические состояния, и в ее личности происходили перемены, при которых она предположительно переживала второй раз сцены из своих предыдущих жизней. Это положило начало исследованию, длившемуся целых пять лет: Катрин Мюллер, медиум, более известная под псевдонимом Хелен Смит, высокая, красивая женщина тридцати лет, работала продавщицей в универмаге. Она ревностно верила в спиритизм и никогда не брала денег за свои услуги в качестве медиума. Ценители таланта Катрин считали ее изречения откровениями других миров, в то время как скептики были убеждены в том, что это шарлатанство. Флурнуа предположил, что ни то ни другое мнение не является верным, и что возможно естественное объяснение данного феномена. Он начал свое исследование с изучения трех циклов состояния медиума. В первом цикле Катрин предположительно воскрешала события своей предыдущей жизни, в которой она была индийской принцессой XV века. Во втором — события из жизни Марии Антуанетты, чьим воплощением она также себя считала. В марсианском цикле она утверждала, что ей знакома планета Марс, ее ландшафт, обитатели, а также их язык, на котором медиум могла говорить и писать. Флурнуа удалось установить, что большая часть этого материала проистекает из книг, прочитанных Катрин в детстве. В «Истории Индии» он нашел основные сведения, ставшие источником индийского цикла. Результат пяти лет исследований Флурнуа был опубликован в книге под названием «От Индии до планеты Марс», где он показал, что откровения медиума были «фантазиями ее сублиминального воображения», основанными на забытых воспоминаниях и символизирующих исполнение ее желаний. Флурнуа также сумел доказать, что

направляющий Катрин дух Леопольд представляет собой бессознательную субличность медиума[223]. Каждый из циклов, по мнению Флурнуа, строился на «реверсии» личности к разному возрасту: цикл Марии Антуанетты к шестнадцатилетнему возрасту, индийский — к восьмилетнему, а марсианский — восходил к раннему детству. Флурнуа пришел к заключению: «Подобно тому, как тератология иллюстрирует эмбриологию (при этом последняя, в свою очередь, объясняет первую), и подобно тому, как обе эти дисциплины проливают свет на анатомию, изучение случаев медиумизма — можно надеяться — когда-нибудь поможет нам обрести непредвзятый и прогрессивный взгляд на нормальный психогенез». В наши дни, возможно, покажется, что Флурнуа уделял недостаточное внимание раппорту (или переносу, выражаясь современным языком) между ним и медиумом. Однако в книге Флурнуа неоднократно говорится о привязанности, которую испытывала к нему Хелен Смит. По мнению Клапареда, Флурнуа прекрасно понимал психосексуальный характер их отношений, однако он был достаточно осторожен, чтобы не распространяться о нем, так как знал, что эту книгу будет читать и сама медиум, и ее знакомые[224].

Публикация книги имела неожиданные последствия. В то время как Флурнуа доказал, что в грамматическом плане «марсианский» язык был создан по образцу французского, лингвист Виктор Анри утверждал, что значительную часть его словаря составляют искаженные венгерские слова[225]. (Венгерский был родным языком отца Хелен.) Вскоре после этого Хелен Смит прекратила отношения с Флурнуа и своими друзьями-спиритистами. Богатая американка оставила ей свое состояние, достаточно большое, чтобы она могла полностью посвятить себя спиритизму. Это нанесло роковой удар по психическому здоровью медиума. Она оставила свою должность, прервав тем самым последнюю связь с реальным миром, и жила в почти абсолютной изоляции, впадая в сомнамбулическое состояние, чтобы писать картины на религиозные темы[226]. После ее смерти эти работы выставлялись в Женеве и Париже[227].

Данное исследование было наиболее удачным из известных нам работ по изучению сферы бессознательного, проведенных Флурнуа, и, рассмотрев его, можно определить принципы, которых он придерживался. Первой его задачей было абстрагироваться от лишних гипотез, связанных с парапсихологическими процессами. Ему удалось объяснить многие из этих феноменов забытыми воспоминаниями (для чего он ввел термин «криптомнезия»). Таким же образом он доказал, что происхождение некоторых посланий духов имеет хотя и бессознательный, но, тем не менее, психологический характер[228]. Еще одна задача, стоявшая перед Флурнуа, заключалась в изучении функций бессознательного, в первую очередь функций, имеющих отношение к творческой

деятельности. Он приводит в качестве примера историю одной молодой матери, которая время от времени диктовала фрагменты философских сочинений, по своему содержанию далеко выходивших за рамки ее интересов и знаний[229]. Во-вторых, Флурнуа изучал также защитные функции бессознательного. Он упоминает случаи, когда с помощью бессознательного человек получал предупреждения об опасности, обретал утешение и приходил в себя после совершения грубых ошибок. В-третьих, Флурнуа отмечает, что бессознательное выполняет компенсирующие функции, что особенно хорошо заметно на примере Хелен Смит, образованной, честолюбивой молодой женщины, которая испытывала разочарование по поводу своего социального и финансового положения и для которой романтические истории, порожденные ее сублиминальным воображением, заменяли исполнение желаний. И наконец, он говорил о развлекательных или игровых функциях бессознательного, также нашедших отражение в ее сублиминальных фантазиях. Как отмечал Флурнуа, это обстоятельство имеет существенную важность для понимания психологии медиума. Большинство из них не имеет намерений обманывать, а лишь испытывает желание поиграть, подобно тому, как маленькие девочки играют со своими куклами, однако иногда воображаемая жизнь берет верх над реальностью.

В конце прошлого столетия к решению проблемы бессознательного подходили с разных точек зрения. Суммируя, можно сказать, что к 1900 году исследователи определили четыре различных аспекта деятельности бессознательного: консервативный, диссолютивный, творческий и мифопоэтический.

1. Под консервативными функциями подразумевалось фиксирование огромного количества воспоминаний и даже бессознательных ощущений, абсолютно неизвестных сознанию индивида. Имели место случаи, когда пациенты в лихорадочном бреду разговаривали на языке, который они изучали в детстве и к тому моменту уже совершенно забыли[230]. Благодаря применению гипноза стало известно огромное количество случаев «гипермнезии», и, как мы уже знаем, наиболее проницательным исследователям сновидений удалось увидеть в кажущихся новыми образах забытые воспоминания. Непрерывность действия забытых ощущений и воспоминаний проиллюстрировал Корсаков. Он привел в качестве примера больного амнезией, который испытывал страх перед электрическими приборами, хотя, казалось, каждый раз начисто забывал о предыдущих сеансах лечения электрическим током[231]. Флурнуа настаивал на том, что воздействие криптомнезии имеет устойчивый характер, и что этот факт может объяснить мнимые случаи ясновидения и телепатии. В конце прошлого столетия в обсуждениях психологов и философов стал классическим вопрос о том, сохраняет ли че-

ловеческая память бессознательную запись, содержащую совокупность воспоминаний за всю жизнь.

2. За диссолютивными функциями бессознательного закреплялись две категории явлений. Первую составляли явления психологического характера, когда-то находившиеся в сфере сознания, однако затем перешедшие в область бессознательного (например, привычки). Во вторую входят отщепленные части личности, которые, тем не менее, могут вести паразитическое существование и вмешиваться в протекание нормальных процессов. Классическим примером таких явлений считалось постгипнотическое внушение. Следует отметить также факты, нашедшие отражение в исследованиях Шарко, Бине, Жане, Дельбефа и Майерса. Около 1895 года «предположение о том, что тенденции к нарушениям включаются в область бессознательного, стало общепринятым»[232]. Изучение подобных явлений положило начало исследованиям Жане и Фрейда.

3. О творческой функции бессознательного было известно еще романтикам, придававшим ей особенное значение. Затем, уже с точки зрения психологической науки, ее изучал Гальтон, а позднее — Флурнуа и Майерс[233].

4. Мифопоэтическая функция (термин, который, по-видимому, впервые употребил Майерс) соответствует «средней области» сублиминальной самости, где происходит непрерывное создание внутриличностных романтических фантазий[234]. Флурнуа, занимавшегося изучением феномена Хелен Смит, а также других случаев медиумизма, можно назвать великим исследователем этой функции бессознательного. Согласно его концепции, одним из предназначений бессознательного является постоянное создание фантазий и мифов, часто остающихся в пределах бессознательного и проявляющихся лишь в сновидениях. Иногда они принимают форму грез, разыгрывающихся непроизвольно в тени человеческого сознания (намеки на этот факт мы находим у Шарко). Известны случаи, когда эти фантазии проявляются в виде таких явлений, как сомнамбулизм, гипноз, навязчивые состояния, транс медиумов, мифомания и другие виды мании. Иногда мифопоэтические функции проявляются органически, что может служить отправной точкой одной из концепций истерии. Представляется удивительным, что мифопоэтическая функция, на изучение которой возлагались такие надежды, не была исследована более подробно.

Великий год

Последние пятнадцать лет девятнадцатого столетия невозможно представить без настроений fin de siècle (конца века), которые буквально пронизывали общественную жизнь и мышление людей той эпохи.

Однако по мере того как столетие подходило к концу, место fin de siècle в общественном сознании постепенно заняло новое понятие — Великий год, год, которому предстояло завершить девятнадцатое столетие и открыть новую неизведанную эру в истории человечества. 1900 год стал символом, ассоциировавшимся одновременно как с завершением одного столетия, так и с началом нового. Астрономы, разумеется, не считали, что 1900 год будет чем-то отличаться от остальных, однако существовало устойчивое мнение, согласно которому смена столетий и Великий год — как это было принято считать у этрусков и ацтеков — имеют символическое значение. Как бы там ни было, это событие давало повод философам, педагогам, ученым и журналистам подвести итоги уходящего столетия и сделать прогноз на будущее.

Альфред Уоллес в своем произведении «Прекрасный век» предпринял попытку дать оценку всем благоприятным событиям и неудачам, выпавшим на долю человечества в девятнадцатом столетии[235]. Перечисляя события позитивного характера, автор приводит целый список научных открытий, совершенных во всех областях науки, начиная с физики и астрономии и заканчивая биологией, включая теорию естественного отбора, а также возможные способы применения этих открытий в создании новых средств передвижения и связи, машин, позволяющих экономить человеческие усилия и т. п. В числе негативных моментов Уоллес отмечает оспопрививание (называя его «ошибкой») и его принудительное введение под страхом уголовной ответственности (по его мнению, «преступление») и постыдное игнорирование такой науки, как френология, которой он предсказывал «несомненное полное признание в двадцатом веке», а также гипнотизма и психологических исследований. Кроме того, в числе тех наиболее ужасных болезней прошлого века автор называет «демона жадности», «разорение природных богатств» и «вампира войны». Первая прибавила к несчастьям человечества бесчисленное количество бед и страданий, вторую можно назвать преступлением против последующих поколений, а третья превратила мир в «стол для азартных игр шести великих держав», не говоря уже об истреблении туземного населения. В этом отношении прогноз на следующее столетие был довольно мрачным. Большинство предсказателей рассматривали будущее с точки зрения своих собственных интересов. Известный автор научно-популярных книг Бюхнер утверждал, что в двадцатом веке человечество завершит все то, что ему не удалось довести до конца в девятнадцатом, а также достигнет синтеза науки и жизни[236]. Эллен Кей, шведка, получившая известность как выдающийся борец за права женщин, заявила, что двадцатый век станет временем, когда будут соблюдаться права женщин, а по отношению к детям люди начнут проявлять необходимую заботу: это будет «век ребенка»[237]. Со-

циалист Херцтка в своем романе представил мир будущего как социалистический рай, где предусмотрены все возможные достижения технического прогресса, в том числе — самолеты[238]. Геккель предсказывал скорое исчезновение всех религий, связанных с суевериями, и возникновение Монистической Церкви, основанной на принципах науки, но в то же время выполняющей эстетические обряды по образцу античных религиозных церемоний[239]. В новых храмах не будет ни крестов, ни статуй святых, зато в них будут великолепные пальмы и аквариумы с медузами, кораллами и морскими звездами. Алтарь заменит карта звездного неба, на которой можно будет наблюдать движение звезд и планет.

Марксисты также не стеснялись делать прогнозы на будущее, используя при этом свой метод диалектического анализа. Фридрих Энгельс писал, что над человечеством висит дамоклов меч войны и что в первый же ее день все договоры и альянсы будут нарушены. Это будет война наций, где на одной стороне выступят германские народы, а на другой — романские и славянские. Энгельс предсказывал, что в этой войне будет участвовать от пятнадцати до двадцати миллионов человек, а единственной причиной, почему она еще не разразилась, он считал абсолютную непредсказуемость ее исхода[240].

Герберт Уэллс предпринял попытку прогнозировать будущее, основываясь на тщательном изучении социальных, политических, а также научных тенденций конца девятнадцатого столетия[241]. Он предсказывал небывалое развитие науки и техники, в особенности транспорта, исчезновение железных дорог, которые заменят моторизованные средства передвижения (использование воздушного транспорта Уэллс считал нерентабельным), стремительный рост городов, возникновение нового среднего класса, в большинстве своем состоящего из представителей технических профессий, исчезновение крестьянства, а также общественных паразитов: как богатых бездельников, так и безработных бедняков. Он также считал, что «вторичные языки» выйдут из употребления, и мир будет говорить лишь на английском и французском, возникнут войны нового типа, в которых, по его мнению, «одни народы обрушат на другие ужасные удары и установят над ними беспощадный гнет», а права гражданского населения не будут учитываться. Однако посреди всеобщего смятения появится группа «кинетических людей»; они принесут в мир новую философию и новую мораль.

Вероятно, наиболее популярными из всех попыток предсказать будущее были романы «о двадцатом веке» французского писателя Альбера Робида, которые автор иллюстрировал забавными рисунками, где изображались люди, одетые по моде 1895 года, в окружении фантастических машин и гигантских зданий в «стиле модерн»[242]. Как и Уэллс, он предсказывал невероятное развитие науки и техники и считал, что все

области жизнедеятельности людей будут зависеть от электричества. Погоду будет контролировать метеорологический институт, пустыни снабдят сетью ирригационных каналов, а все неиспользуемые земли — заселят после того, как они подвергнутся мелиорации. Города будут разрастаться, занимая все большую площадь, население Парижа достигнет одиннадцати миллионов человек. Будет установлено непрерывное сообщение, осуществляемое посредством пневматических туннелей и аэропланов. С помощью «теле», представляющего собой телефон, соединенный с подобием зеркала, в котором говорящий сможет видеть своего собеседника, станет возможной мгновенная связь в масштабах всего земного шара. Люди перестанут писать друг другу письма, они будут обмениваться аудио- и видеозаписями. Большинство книг окажется вытесненным фонокнигами. Настанет эра, когда достижения литературы и культуры потеряют былое значение, а классиков будут читать только в сокращенной форме. Домохозяйкам не придется больше готовить, специальный институт общественного питания будет доставлять еду с помощью пневматических труб. Достижения науки предоставят человеку возможность услышать голоса из далекого прошлого, оживить вымерших животных и провести удачный эксперимент по искусственному размножению людей. Женщины получат абсолютно равные права с мужчинами. Возникнет новая, финансовая аристократия, и миллионы рабочих ожидает жизнь, полная ужасных лишений. Жизнь будет протекать в бешеном ритме, она будет полна изнурительного труда и жесткой конкуренции. Появятся новые виды искусства и виды спорта, такие, как охота на подводных лодках. Конфиденциальность исчезнет из человеческой жизни, так как наука предоставит неограниченные возможности наблюдения за людьми. Начнутся ужасные войны, целью которых будет не выяснение старомодных вопросов чести и достоинства, а лишь завоевание новых коммерческих рынков. В таких войнах, где будут использоваться отравляющие газы и бактериологическое оружие, проявления личного мужества покажутся совершенно бессмысленными. Тем не менее война не затронет некоторые страны. Бретань, например, превратится в резервацию, где бретонцы будут в точности сохранять жизненный уклад девятнадцатого столетия, в то время как Италия станет огромным парком отдыха с аттракционами для туристов.

По крайней мере, один психиатр решился приложить руку к этой игре и сделать прогноз на будущее. В заключении к своей книге, посвященной великим коллективным психозам периода с XVI по XIX век, Реньяр попытался вкратце представить себе, каким же будет массовый психоз двадцатого столетия[243]. Принимая во внимание крушение таких общественных институтов, как семья, аристократия и религия, потерю контроля за общественной конкуренцией, распространение революци-

онных идеологий и губительное влияние алкоголизма, он предсказывал, что массовый психоз XX века, возможно, примет форму «страшной бойни, кровавого и разрушительного безумия».

В таких областях науки, как психология и психиатрия, как, впрочем, и в остальных, по-видимому, мало кто сомневался в том, что будущее принесет стремительный прогресс и, возможно, самые невероятные вещи. В 1892 году Жане заявил, что «в двадцатом веке любому пациенту, начиная с простого ревматика и заканчивая полным паралитиком, будет предоставлено лечение, при котором врачи будут в состоянии в течение считанных минут детально изучить его психологию», предположение, казавшееся в то время несбыточной мечтой[244]. В 1901 году Бергсон заявил: «Главной задачей психологии в этом столетии будет исследование бессознательного, работа с потаенными областями человеческого ума, осуществляемая наиболее адекватными методами. Я не сомневаюсь в том, что нас ждут великие открытия, которые, вероятно, будут иметь не меньшее значение, чем достижения в области физики и естественных наук предыдущих столетий»[245].

Тем временем в моду вошел новый термин «психотерапия», впервые использованный последователями Бернгейма[246]. Он довольно скоро стал популярен среди журналистов, а также широкой публики, и по поводу психотерапии будущего делались всевозможные предположения[247]. Ван Эден признавал, что гипноз и внушение имеют эффект лишь при работе с пациентами, принадлежащими к низшим слоям общества: «недопустимо, чтобы это лечение применялось только по отношению к клиническим больным», — добавлял он[248]. Необходимо найти способы лечения образованных людей, выработать неавторитарные методы, при которых не ограничивалась бы свобода личности, врач объяснял бы пациенту, что происходит с его сознанием, и существовала гарантия того, «что все приемы, применяющиеся при лечении больного, действуют исключительно через его душу».

Таким образом, в 1900 году многие предсказывали рождение новой динамической психиатрии, но лишь немногие, по-видимому, осознавали тот факт, что она уже появилась на свет.

Глава 6. Пьер Жане и психологический анализ

С хронологической точки зрения, Пьер Жане является основателем новой системы динамической психиатрии, имевшей целью заменить предшествующие разработки в этой области, существовавшие в XIX веке, поэтому его работу можно считать звеном, связывающим первые динамические психиатрии и более современные системы. Ни один из пионеров-разработчиков современных психиатрических и психотерапевтических теорий не знал первую динамическую психиатрию так глубоко, чтобы извлечь из нее столько (по крайней мере, извлечь сознательно), сколько это удалось сделать Жане. Его работа явилась одним из основных источников, использованных Фрейдом, Адлером и Юнгом, хотя они, в отличие от Жане, в большей или меньшей степени являлись прямыми наследниками романтизма, в то время как Жане шел своим собственным путем. В контрасте между творчеством Жане, с одной стороны, и творчеством Фрейда, Адлера и Юнга, с другой, можно видеть более позднее проявление контраста между духом Просвещения и духом романтизма.

Жизнь Пьера Жане

Пьер Жане родился в Париже в 1859 году и умер там же в 1947 году. Если не считать семи лет преподавания в провинции и нескольких поездок за границу, он всю жизнь провел в Париже и был до мозга костей парижанином как по манерам, так и по образу жизни.

1859 год, год рождения Жане, относится к периоду расцвета правления Наполеона III, через несколько лет, однако, Наполеон оказался вовлеченным в роковую для Франции войну с Мексикой, режим дал трещину и был окончательно сметен в результате поражения страны во франко-прусской войне 1870 года. Когда Пьеру было одиннадцать лет, ему пришлось вместе со всей семьей перенести осаду Парижа, голод и бомбардировки. Страсбург, город, в котором родилась его мать, был занят и аннексирован немцами. Его отрочество и юность прошли в период быстрого восстановления разрушенного войной хозяйства и последовавшего за ним экономического и интеллектуального подъема, когда в стране действовала конституция французской колониальной империи. Жане опубликовал свои первые научные работы в 1886 году,

в это время Францию захлестнула волна булонжизма, движения, поднявшего патриотический дух и выступавшего за возвращение Эльзаса и Лотарингии. Первые крупные работы Жане появились в относительно мирный период между 1889 и 1905 ходами. Последовавший за этим период от 1905 до 1914 года характеризовался ростом напряжения в Европе, проявившемся в ряде кризисов. Это напряжение непрерывно нарастало, пока в 1914 году не разразилась Первая мировая война. Когда она закончилась победой союзников и подписанием Версальского договора, Жане было 60 лет. Франция, истощенная войной, потеряла положение великой державы и переживала интеллектуальный и моральный кризис. В 1925 году Жане начал пересматривать свои теории и разработал новую систему, создание которой из-за царившего в стране политического и идейного хаоса прошло незамеченным. Когда в 1933 году в Германии пришел к власти Гитлер, Жане было семьдесят три года. Два года спустя он ушел в отставку, но продолжал деятельно трудиться. В момент начала Второй мировой войны Жане достиг восьмидесятилетнего возраста. Он пережил нашествие немцев и оккупацию Франции и ко времени освобождения Парижа в 1944 году был восьмидесятичетырехлетним стариком, который оказался «человеком из другого века». Жане скончался в 1947 году в возрасте восьмидесяти семи лет.

По своему происхождению Жане был представителем верхушки среднего класса, давшей стране многих ученых, юристов и инженеров. Он принадлежал к профессиональным кругам и был знаком с выдающимися французскими учеными своего времени. Он был агностиком и либералом, но никогда не занимался политикой. С 1907 года до самой своей смерти Жане жил на Рю Де Варенн, в районе, где проживали в основном аристократы и представители дипломатического корпуса. Однако большинство пациентов, которых он лечил и которые обеспечивали материал для его исследований, принадлежало к сословию бедняков. Таким образом, Жане можно считать представителем высшей прослойки французского среднего класса; его жизнь, охватывающая весь период Третьей Республики, почти целиком прошла в Париже.

Семья[1]

Прадедушка Пьера Жане, Пьер-Этьенн Жане (1746–1830), был процветающим владельцем книжного магазина в Париже, который он основал на Рю Сен-Жак[2]. Во всех своих шести сыновьях он старался воспитать вкус к литературе и театру. Один из них, Пьер-Оноре Жане[3], также стал книготорговцем, который специализировался на продаже музыкальной литературы. Он преждевременно скончался в 1832 году, оставив двух сыновей, Жюля и Поля, и дочь, Фелиситэ. Младший сын,

Поль (1823–1899), стал хорошо известным философом, гордостью семьи. Старший сын, Жюль (1813–1894), начал заниматься коммерцией, хотя, согласно семейным архивам, его брат Поль пытался убедить его переключиться на изучение права. Однако, хотя в некоторых документах его называют адвокатом, на самом деле он, по-видимому, никогда не занимался адвокатской практикой, но зарабатывал на жизнь, редактируя юридические издания. Жюль Жане был дважды женат. Первый раз он женился 5 сентября 1832 года на своей кузине, Аделаиде-Антуанетте Жане. В 1850 году у нее родилась дочь Берта, вскоре после чего Аделаида-Антуанетта умерла, а несколько лет спустя Жюль, будучи в гостях у своего брата Поля, который был в то время профессором в Страсбургском университете, познакомился с Фанни Юммель, юной соседкой Поля. 10 апреля 1858 года они поженились. У них было трое детей, Пьер, Маргарита и Жюль.

О семье Юммель известно мало. Отец Фанни Юммель, Франсуа-Жак Юммель, был строительным подрядчиком в Страсбурге. У него было пятеро детей, из которых Фанни, появившаяся на свет 4 сентября 1836 года, была старшей. Юммели были ревностными католиками, и Фанни, мать Пьера Жане, всю свою жизнь оставалась глубоко религиозным человеком. Ее сестра Мари, родившаяся 2 мая 1838 года, стала монахиней ордена Успения и провела жизнь в монастырях этого ордена, сначала во Франции, затем в Англии. (Дочь Жане, мадам Элен Пишон-Жане, вспоминает о своем посещении тети в Лондоне, куда ее в детстве возил отец.) Юммели принадлежали к той части эльзасцев, которые были яростными французскими патриотами и для которых аннексия Эльзаса и Лотарингии Германией считалась семейной трагедией[4]. Во многих из этих семей часть членов семьи оставалась в Эльзасе, в то время как другие переселялись во Францию. Семейные предания рассказывают о том, что один из братьев Фанни бежал во Францию, где вступил в армию и позднее стал офицером (что делало его подозрительной персоной с точки зрения германских властей), и о том, как он однажды тайно посетил Страсбург в гражданской одежде, в сопровождении своего племянника Пьера.

Не многое известно и о личности Пьера Жане-отца. Согласно семейным преданиям, он был чрезвычайно добрым человеком, хотя и застенчивым, любящим уединение и «психастеником». Дошедшие до нас сведения о нем являются весьма скудными, и их не просто интерпретировать. Пьер Жане вспоминает один эпизод из своего детства. Находясь в кабинете отца, он ходит взад-вперед по комнате и ударяет по двери ногой, в то время как его отец спокойно наблюдает за всем этим, не произнося ни слова. В конце концов юному Пьеру надоедает эта игра, и он выходит из комнаты. Но указывает ли это на чрезвы-

чайную пассивность его отца, которая не давала ему отреагировать на происходящее соответствующим образом, или же напротив, на его мудрость, позволившую ему справиться с капризами ребенка проявлением терпения?

Известно, что мать Жане была очень умной, тонкой и добросердечной женщиной. Пьер был нежно к ней привязан и всегда говорил о ней с глубоким чувством. Он был старшим из детей своей молодой матери — когда он родился, ей был всего двадцать один год, в то время как его отцу было сорок пять лет, то есть отец Жане был на целое поколение старше матери. Сводная сестра Жане и младшие братья и сестры его матери относились хронологически к промежуточному поколению. У Жюля и Фанни было трое детей — Пьер, Жюль и Маргарита. Последняя вышла замуж за человека по фамилии Вюитель и всю жизнь, подобно своей матери, оставалась ревностной католичкой. Жюль (родился 22 декабря 1861 года) стал врачом, хорошо известным урологом. Он очень интересовался психологией и в период своего пребывания врачом-интерном принимал участие в связанных с гипнозом экспериментах своего брата. Его диссертация, посвященная невротическим расстройствам мочеиспускания, явилась прекрасным вкладом в то, что сегодня называют психосоматической медициной, то же можно сказать и о его более позднем исследовании анурии. И Пьер, и Жюль на протяжении всей своей жизни оставались прекрасными семьянинами[5].

Из всех членов семьи наибольшее влияние на Пьера оказал его дядя Поль. Он не только помогал Пьеру в его карьере, но, по-видимому, был для него образцом, которому молодой человек старался подражать. В жизни этих двух людей можно обнаружить любопытные параллели. Оба были робкими, замкнутыми подростками, прошедшими в ранней юности через период депрессии, и оба, преодолев ее, сделали удачную научную карьеру. Оба учились в лицее Луи-ле-Гран, оба поступили в Эколь Нормаль, оба получили звания агреже (Agreges) в области философии, преподавали философию в лицеях, а затем стали университетскими профессорами и членами Institute de France. Поль Жане был также автором нескольких учебников по философии, которые на протяжении двух-трех поколений считались во Франции классическими, и написал большое количество работ по истории философии. Сын философа, которого также звали Полем, стал хорошо известным инженером-электриком, основавшим Электротехнический институт в Гренобле, а позднее — Ecole Superieure d'Electricite в Париже. Он также занимался философией и опубликовал ряд исследований по философии науки и психологии научных открытий[6]. Благодаря своим многочисленным родственникам Пьер Жане имел обширные связи в университетских кругах, среди инженеров и чиновничества.

Жизнь Пьера Жане

Пьер Жане родился 30 мая 1859 года в Париже в доме номер 46 по Рю Мадам, небольшой улице неподалеку от Люксембургского сада. Вскоре родители Пьера переехали в Бург-на-Рейне, где они приобрели дом. Бург-на-Рейне, который сейчас является пригородом Парижа, был в то время еще небольшим самостоятельным городом. Дом был старый и, в отличие от окружающих его зданий, был построен в стиле Ренессанс, с покатыми, крытыми шифером крышами и розовыми стенами. Согласно семейным преданиям, этот дом был последним уцелевшим строением, оставшимся от резиденции, подаренной галантным королем Генрихом IV своей знаменитой любовнице Габриэль Д'Эстре. Улица до наших дней сохраняет название «Тупик Габриэль Д'Эстре». Пьер Жане навсегда сохранил теплые воспоминания об этом доме и прилегающем к нему саде. Учился Жане в Коллеж Сент-Барб-де-Шан в соседнем городе Фонтеие-о-Роз. Известно, что он был робким ребенком, которому нелегко было находить общий язык со сверстниками. Через несколько лет Жане начал учиться в Коллеж Сент-Барб в Париже, одном из старейших и наиболее престижных учебных заведений Франции. Немногие школы могут похвастаться столь внушительным списком выпускников, включающим таких великих людей, как святой Игнаций Лойола, святой Франциск Ксавье и Кальвин, и многочисленных ученых, писателей, политических деятелей и военачальников. Уровень преподавания в школе был очень высок и соответствовал тому, чего можно было ожидать от столь прославленного учебного заведения. В 1870 году, накануне Франко-прусской войны, когда Жане было одиннадцать лет, его родители приняли оказавшееся впоследствии неудачным решение покинуть Бург-на-Рейне и временно поселиться в Париже, считая, что там будет безопаснее. В результате семье пришлось вынести вся тяготы осады Парижа пруссаками. Когда война закончилась, детей отправили к родственникам матери в Страсбург. Благодаря этому юный Пьер стал свидетелем боли и гнева, испытываемых теми жителями Эльзаса, которые, подобно семье его матери, были страстными французскими патриотами и негодовали по поводу утраты Эльзаса и аннексии его Германией[7].

В пятнадцатилетнем возрасте Пьер пережил период депрессии, из-за которой ему пришлось на несколько месяцев прервать занятия и которая одновременно явилась религиозным кризисом. Однако он сумел преодолеть депрессию и обрести какое-то душевное равновесие. С этого времени Жане становится блестящим студентом и принимает решение посвятить себя изучению философии.

Успешно сдав 10 июля 1878 года экзамены об окончании средней школы и затем проучившись год на подготовительном отделении Лицея

Луи-ле-Грап, Жане сумел выдержать высокий конкурс для поступления в Эколь Нормаль. Это хорошо известное учебное заведение, где тщательно отобранные студенты проживают в течение трех лет и проходят интенсивную подготовку, позволяющую выпускникам претендовать на работу преподавателями во французских лицеях. Из этого заведения выходит и значительное число университетских профессоров. Эколь Нормаль дает прекрасное образование, но в то же время предоставляет обучающимся достаточно свободы и досуга для того, чтобы они могли заняться выработкой самостоятельного мышления. Несмотря на характерные для воспитанников этого заведения некоторый цинизм и склонность к полемике — особый дух этой школы, возможно, и являющийся проявлением искусства самостоятельно мыслить, — обстановка в ней, тем не менее, весьма способствует установлению прочных дружеских связей между молодыми людьми, которым судьба предназначила стать интеллектуальными лидерами своего поколения[8]. Когда Жане был допущен к конкурсным вступительным экзаменам 1879 года, среди успешно выдержавших эти экзамены кандидатов было несколько человек, которым предстояло стать хорошо известными учеными, в том числе будущий социолог Дюркгейм и логик Гобло. О трех годах, проведенных Жане в стенах этой школы, сохранилось чрезвычайно немного сведений[9], хотя известно, что он получил диплом 3 августа 1880 года, и что директор школы, философ и моралист Эрнест Берсо[10], умер в том же году и его сменил на посту директора историк Фюстель де Куланж. Жане проводил часть своего свободного времени, изучая естествознание, и 7 апреля 1881 года получил диплом по специальности естествознание. 7 сентября 1882 года он занял второе место в очень серьезных конкурсных экзаменах на получение степени агреже по философии (к экзамену было допущено всего восемь соискателей, среди них Дюркгейм, который занял седьмое место). Во время пребывания Жане в Эколь Нормаль в 1881 году в Париже была организована Всемирная выставка, посвященная использованию электричества, эта выставка позволила людям увидеть проблески будущей жизни, ведущую роль в которой будут играть наука, техника и электричество[11]. Еще одним сенсационным событием 1882 года явился доклад Шарко, прочитанный им в Академии наук, доклад, в котором была проведена официальная реабилитация гипноза, неожиданно получившего статус научного метода. Имя Шарко было в то время предметом многочисленных споров, и, как сообщает Пароди, Жане видел себя в будущем врачом, способным принимать участие в дискуссиях по поводу теорий Шарко[12]. Среди студентов, учившихся в том же учебном заведении на один курс старше, были Бергсон и Жорес. Последнему предстояло завоевать славу великого лидера французских социалистов, а первому — стать самым известным французским

философом своего поколения. Бергсон и Жане оставались в тесном интеллектуальном контакте на протяжении всей жизни.

Получив второе место на экзаменах на получение ученой степени агреже в области философии 7 сентября 1882 года, Жане немедленно занялся профессиональной карьерой. В то время выпускники Эколь Нормаль освобождались от военной службы, поскольку десять лет преподавания, которые они обязывались отработать, считались достаточной службой на пользу государства[13].

Решением Министерства от 23 сентября 1882 года двадцатидвухлетний Жане был направлен преподавать философию в лицей города Шатору, в сельскохозяйственной провинции Берри, где он приступил к обязанностям 4 октября 1882 года. Любопытно, однако, что уже 22 февраля 1883 года он покидает это заведение в связи с назначением в лицей в Гавре[14]. Переход преподавателя из одного лицея в другой во время учебного года был достаточно необычным явлением, и единственное объяснение, которое кажется правдоподобным, это то, что в Гавре неожиданно освободилось место и там срочно был нужен преподаватель. Работать в Гавре считалось намного более престижным, нежели в Шатору. Незадолго до своего отъезда из Шатору 10 февраля 1882 года Жане прочел лекцию на тему «Основы права собственности»[15]. Уже в этой первой из известных нам опубликованных работ Жане поражает логичность построений, твердость суждений и ясность стиля, которые характерны для всех его последующих произведений. Частная собственность, писал Жане, существовала не всегда, она не является ни метафизической, ни естественной необходимостью, но была изобретена человеком для того, чтобы использоваться в практических целях. Ее следует совершенствовать, и целью ее существования должно быть примирение интересов отдельных людей и установление справедливости!

Последующие шесть с половиной лет (с февраля 1883 года по июль 1889 года) Пьер Жане провел в Гавре, морском, промышленном и торговом городе, население которого в то время насчитывало 105 000 человек. Руководство городом осуществлялось прогрессивным мэром, Жюлем Зигфридом, принадлежавшим к эльзасской протестантской семье, которая покинула Эльзас после аннексии его Германией. Зигфрид был активным и энергичным руководителем, радеющим за благосостояние города. Чтение двух местных еженедельников того периода «Le Passe-Temps du Havre» и «Le Carillon» позволяет сделать вывод о том, что викторианский дух (который, якобы, царил в Европе того времени), несомненно, не был столь популярен в Гавре, поскольку оба издания полны насмешек в адрес мэра-пуританина, пытающегося ограничить в городе проституцию и порок. Другим характерным аспектом жизни города

была политическая активность его жителей — по нему то и дело прокатывались волны националистических и антигерманских настроений. Что же касается развлечений и общественных мероприятий, то, помимо спектаклей, даваемых часто приезжающими из Парижа театральными труппами, устраивались и публичные представления гипнотизеров. В мае 1883 года, например, газеты сообщают о незадачливом профессоре, которому пришла в голову мысль попытаться разоблачить трюки, используемые Донато, в результате чего незадачливый критик вынужден был покинуть сцену, осыпаемый насмешками публики. Случаи, когда женщины влюблялись в музыкантов или посылали им анонимные письма, приписывались «истерии», которая, в свою очередь, рассматривалась как результат сексуального неудовлетворения женщин. Таким истерическим женщинам газеты саркастически рекомендовали обратиться к Шарко. Неизвестно, в какой степени эта лихорадочная жизнь города интересовала Жане и принимал ли он в ней какое-либо участие. Огромным преимуществом жизни в Гавре являлось для него то, что этот город имел хорошее сообщение с Парижем, что позволяло ему довольно часто навещать своих родственников. Во время визитов в Париж он часто осматривал больных вместе со своим братом Жюлем, который, был студентом-медиком и также интересовался неврозами и гипнозом. Именно в этот период Пьер Жане лишился матери (она умерла 3 марта 1885 года в возрасте сорока девяти лет).

О преподавательской деятельности Жане известно довольно мало. Не вызывает сомнений, что курс лекций по истории философии, который он читал, был тщательно подготовлен и оригинален, как можно судить по учебнику, опубликованному им позднее. Во французских школах существует обычай: на заключительной церемонии в конце учебного года, посвященной вручению наград наиболее отличившимся ученикам, один из молодых преподавателей произносит речь на тему, которую он выбирает сам. 5 августа 1884 года на собрании, проходившем в лицее под председательством мэра города Жюля Зигфрида, Пьер Жане обратился к присутствующим с речью на тему «О преподавании философии»[16]. То, что философия преподается в каждом французском лицее, сказал он, принимается нами за нечто само собой разумеющееся, при этом мы забываем, какую борьбу вели наши предшественники за то, чтобы получить право ввести в учебную программу курс оригинальной философии. Теперь, когда люди получили так много гражданских и политических свобод, продолжал Жане, преподавание философии получило особое значение, поскольку истинная цель философии состоит в том, чтобы научить человека отказываться от своих привычных, укоренившихся идей и уважать мнение своих сограждан. Два года спустя, в 1886 году, Жане организовал издание одного из произведений Мальбранша

для учащихся средних учебных заведений, написал к нему предисловие и подготовил примечания[17].

Во время пребывания в Гавре Жане снимал дом с кем-нибудь из своих приятелей на двоих. Дом был окружен садом, в котором он мог заниматься своим любимым делом — садоводством. В течение некоторого времени соседом Жане по дому был математик Гастон Мило, его коллега и тоже, как и Жане, холостяк. Известно, что большую часть свободного времени Жане уделял волонтерской (безвозмездной) работе в местной больнице и психиатрическим исследованиям, которыми он занимался самостоятельно.

В своей автобиографии Жане пишет, что он приехал в Гавр с намерением подыскать тему для своей будущей докторской диссертации[18]. У него была мысль написать диссертацию о галлюцинациях, связанных с механизмами перцепционных процессов, и он обратился к доктору Жильберу, хорошо известному в Гавре врачу-терапевту, с просьбой подыскать ему соответствующего пациента. У Жильбера таковою не оказалось, но он рассказал Жане о замечательном феномене — пациентке по имени Леони, которую можно было подвергать гипнозу на расстоянии. По просьбе доктора Жильбера Леони приехала в Гавр и в течение нескольких лете некоторыми интервалами служила объектом опытов Жане. Первая серия экспериментов с Леони проводилась с 24 сентября по 14 октября 1885 года. Жане убедился, что Леони легко поддается гипнозу не только при непосредственном контакте, но и на расстоянии, и что ей легко отдавать «умственно» приказания, которые она неизменно выполняет с большой точностью. Он написал об этих экспериментах доклад, который был прочитан 30 ноября от лица автора его дядей, Полем Жане, в Париже на заседании Общества физиологической психологии под председательством Шарко[19]. Неизвестно, присутствовал ли на этом заседании сам Пьер Жане, но сообщение произвело на присутствующих сильное впечатление, как это видно из последовавшей за его чтением дискуссии, которая была описана одним из ее участников доктором Охоровичем[20]. Жане проявил достаточную осторожность, предпочтя лишь описать свои опыты и не сопровождать их никакими заключениями, но в результате того сообщения в Гавр начали приезжать многие известные специалисты, которым не терпелось увидеть Леони. Из Парижа приехали Шарль Рише, Джулиан Охорович и Марийе, из Лондона прибыла делегация Общества физических исследований, в состав которой входили Фредерик Майерс, его брат А. Майерс и Сиджвик. К этой группе присоединись также дядя Жане Поль и его брат Жюль. Предварительные эксперименты начались 13 апреля, а основные были проведены в период между 1 и 23 апреля 1886 года. Результаты опытов, казалось, подтвердили существование феномена внушения на расстоя-

нии. Эти эксперименты, однако, держались в тайне от широкой публики, несмотря на то, что в то время в Гавре было очень модно устраивать публичные опыты, связанные с гипнозом[21]. Тем не менее эксперименты Жане были высоко оценены научным миром, и он лично познакомился с Шарко, Рише, Майерсом и другими известными специалистами. Но, к величайшему «удивлению и огорчению» Жане, многие понаслышке цитировали его высказывания вместо того, чтобы получить от него точную информацию. Он видел, что при проведении подобных опытов не предпринимаются достаточные меры предосторожности, чтобы избежать косвенного внушения, и что публикуемые сообщения страдают отсутствием точности. У Жане появилось также сохранившееся на долгие годы скептическое отношение к парапсихологическим исследованиям, и он решил хотя бы временно ограничиться систематическим изучением элементарных явлений, связанных с гипнозом и внушением.

Тем временем Жане начал постоянную клиническую работу в больнице в Гавре, где доктор Повилевич предоставил в его распоряжение небольшую палату, в которой Жане мог вести прием страдающих истерией женщин. Говорят, что он в шутку называл эту комнату «палатой Святого Шарко» (в то время во французских больницах существовал обычай называть палаты именами святых). Жане понимал, что большим преимуществом работы в Гавре является то, что его пациенты не искушены, подобно больным в Сальпетриере, где их сотни раз осматривали врачи и студенты. Но вскоре Жане предстояло сделать неожиданное открытие: Леони уже подвергалась в прошлом воздействию магнетизма. То, что она делала во время опытов, было повторением магнетических упражнений, которые она выполняла раньше, и описание которых Жане обнаружил в работах магнетизеров предшествующих поколений. Все то, что в учениях Шарко и Бернгейма преподносилось в качестве удивительных открытий, уже было известно этим загадочным людям из прошлого. Жане открыл для себя целый мир забытых знаний и, исследуя его от поколения к поколению, обнаружил, что даже самые ранние магнетизеры, такие, как Пюисегюр и Бертран, уже знали многое из того, что, как считалось, открыли его современники. Жане начал собирать работы этих старых пионеров гипноза и позднее использовал полученные таким образом знания при написании своей работы «Психологические методы лечения» (Les Medication Psychologiques).

На основании опытов, проведенных с Леони, а также из информации, полученной из общения с членами делегации, которая приезжала в Гавр, чтобы посмотреть на его пациентку, Жане решил следовать основополагающим методологическим правилам: во-первых, всегда осматривать пациентов самому и без свидетелей, во-вторых, вести точную запись того, что пациенты говорят или делают (он называл это мето-

дом автоматической ручки), и, в-третьих, подвергать тщательнейшему рассмотрению всю историю жизни пациентов и их лечения в прошлом. Такие принципы могут показаться очевидными сегодня, но в те времена они были новшеством. Первые результаты его исследований были опубликованы отдельными частями в журнале «Revue Philosophique» с 1886 по 1889 год и составили суть главного тезиса Жане «Психический автоматизм» (L'Automatisme Psychologique).

Для написания докторской диссертации в то время требовалось представить тщательно разработанный основной тезис на французском языке и меньший по объему дополнительный тезис, в котором освещалась бы какая-то другая проблема на латыни. В качестве этого второго тезиса, написанного на латинском языке, Жане выбрал тему «Бэкон и алхимики»[22]. Жане, по-видимому, находился под большим впечатлением личности Фрэнсиса Бэкона, человека, который был одновременно учеником алхимиков (и таким образом, наследником старых, ушедших в прошлое знаний), но в то же время пионером новой экспериментальной науки. Жане тоже являлся наследником вековой традиции философской психологии (одним из ее последних представителей был дядя Жане, Поль), но он чувствовал, что должен принять участие в основании новой, экспериментальной психологии, о которой говорил Рибо, психологии, первым шагом к созданию которой явился главный тезис диссертации самого Жане «Психический автоматизм».

На фотографии 1889 года, сделанной в конце пребывания Жане в Гавре, мы видим его сидящим у своего любимого дерева в саду. Вскоре ему предстоит покинуть Гавр и направиться в Париж, чтобы предстать перед членами экзаменационной комиссии, а затем начать новую научную карьеру. Как и на других его фотографиях, сделанных в этот период, Жане производит впечатление человека, полного энергии, но сдержанного, способного к величайшей концентрации мысли.

Церемония представления диссертации состоялась 21 июня 1889 года в Сорбонне на заседании Ученого Совета под председательством декана факультета Гимли[23]. Комиссию составляли профессора Бутру, Марион, Сеэй, Воддингтон и Поль Жане[24]. Против положений, изложенных в диссертации, были высказаны многочисленные замечания и возражения, но острота ума, логичность аргументов и красноречие Жане произвели на членов комиссии большое впечатление. Жане получил поздравления членов Жюри, которые с уважением отнеслись к тому, что он твердо решил оставаться в своих исследованиях в области философии, не посягая на выход из нее в сферу медицины.

Жане, который был уже хорошо известен в философских и психологических кругах благодаря публикациям, которые он сделал за предшествующие три с половиной года, теперь завоевал репутацию настоя-

щего мэтра. Он переехал в Париж, где получил новую работу. Церемония представления его диссертации состоялась во время проведения в Париже Международной выставки 1889 года. Ученые, приехавшие со всего мира, встречались в Виль-Люмьер на конгрессах, которые проводились беспрерывно по два-три одновременно. С 8 по 12 августа проводился Международный конгресс по экспериментальному и терапевтическому гипнозу[25]. Жане входил в организационный комитет конгресса наряду с Льебо, Бернгеймом, Дежереном и Форелем и имел прекрасную возможность познакомиться со всеми знаменитостями психологического и психиатрического мира. Среди 300 участников конгресса были Дессуар, Майерс, Уильям Джеймс, Ломброзо и невропатолог из Вены по имени Зигмунд Фрейд.

Жане с самого начала знал, что он не сможет продолжать свои исследования в области психопатологии, если не получит звание доктора медицинских наук, и он решил заняться учебой, не прекращая своей профессиональной деятельности и научных исследований. В период с 1889 по 1893 год Жане поглощен работой, он выполняет обязанности преподавателя сначала в лицее Ле Гран, на протяжении 1889/90 учебного года, а затем в Коллеж Ролле. Единственным дошедшим до нас свидетельством его деятельности в этот период является речь, произнесенная 30 июля 1892 года на вечере, посвященном награждению лучших учащихся, в которой Жане обратился к выпускникам со следующими словами: «Чему вы научились за десять лет пребывания в средней школе? Разумеется, вы получили определенный объем знаний основ науки и некоторые навыки интеллектуальной работы, приобретенные благодаря упражнениям в сочинении и изложении. Но помимо этого, цель высшего образования — научить понимать других, научить задумываться над социальными проблемами, научить относиться с разумной долей сомнения и терпимости к мнению окружающих»[26].

Жане начал свои занятия медициной в ноябре 1889 года[27]. В то время курс обучения в медицинских учебных заведениях длился четыре года, включая один год подготовительных занятий по физике, химии и естествознанию, и еще один год требовался на подготовку к выпускным экзаменам и защите диплома. Жане, однако, был освобожден от необходимости проходить подготовительный курс. Благодаря снисходительному отношению к себе преподавателей Жане и в дальнейшем пользовался преимуществом освобождения от многих связанных с учебой обязательств, что давало ему возможность проводить больше времени в палатах Шарко в больнице Сальпетриер, осматривая его пациентов. Имеются также записи о его клинической работе в больницах Ланнек и Сент-Антуан. В последней он наблюдал историю болезни четырнадцатилетней девочки, которая была помещена в больницу с явными невро-

тическими симптомами и вскоре скончалась. Вскрытие показало наличие у нее на мозге гидатидной кисты. Жане опубликовал статью, в которой выражал удивление по поводу того, что такое серьезное поражение мозга могло вызывать столь слабо выраженные клинические симптомы. Пациентка принадлежала к семье, писал он, с ярко выраженной невропатической наследственностью, чем, по-видимому, и объясняется тот факт, что киста была расположена в мозге, а не на каком-нибудь другом органе[28]. Жане сдал экзамены 31 мая 1893 года и представил дипломную работу 29 июля того же года. Председателем дипломной комиссии был Шарко, а одним из трех других ее членов — Шарль Рише. Жане был удостоен диплома с отличием.

Между тем в 1890 году Жане возобновил свои клинические исследования, наблюдая за пациентами Сальпетриер мадам Д., Марселем, Исабель и Ахиллом, которые сыграли важную роль в становлении его теории. На основании своих наблюдений он создал теорию истерии, которая была изложена им сначала в различных научных журналах, а затем в его дипломной работе 1893 года. Его известность вышла за пределы Франции; в июле 1893 года он прочел доклад о связи между амнезией и бессознательными навязчивыми идеями на Международном конгрессе экспериментальной психологии в Лондоне[29].

Шарко уже в течение длительного периода интересовался психологией. Совместно с Шарлем Рише он основал Общество физиологической психологии. Пытаясь внедрить экспериментальную психологию в созданный им в Сальпетриере исследовательский центр, он открыл для этой цели лабораторию, руководство которой поручил Пьеру Жане. Поскольку Шарко нуждался в Жане для выполнения этой работы, а Жане нужен был Шарко чтобы иметь возможность получать богатый клинический материал, извлекаемый из работы с пациентами в Сальпетриере, это обещало стать началом длительного и плодотворного сотрудничества. Но 7 августа 1893 года, всего через три недели после защиты Жане диплома, на которой присутствовал Шарко, пришло известие о внезапной кончине мастера.

В период с 1893 по 1902 год Жане работал в Сальпетриере с относительной свободой. Профессор Фюльжанс Реймон, занявший место Шарко, лично не интересовался исследованиями в области неврозов, но психологическая лаборатория в Сальпетриере продолжала работать, и он одобрительно относился к деятельности Жане. Поскольку статьи Жане касались пациентов Сальпетриера, большинство из них в течение нескольких лет публиковались за подписью Жане и Реймона. Для Жане это был период энергичной работы и в других областях. Он преподавал философию в Коллеж Ролле вплоть до 1897 года, а в течение 1897/98 учебного года — в Коллеж Кондорсе. Вскоре он был назначен

сначала ответственным (charge de cours) за занятия экспериментальной психологией в Сорбонне (1898–1899), а затем доцентом (1898–1903). В тот же период Рибо просил Жане заменить его на время с декабря 1895 года по август 1897 года в Коллеж де Франс[30]. В 1894 году Жане опубликовал учебник по философии, над которым работал в течение двенадцати лет и о котором мы поговорим позднее.

В личной жизни Жане тоже произошли изменения. В 1894 году он женился на Маргарите Дюшен, дочери аукционера из Гавра, которая после смерти отца переехала в Париж. Молодые супруги сняли квартиру на Рю де Бельшас, а в 1889 году переехали на Рю Барбе де Жюи недалеко от Латинского квартала. У них было трое детей: Элен (которая впоследствии вышла замуж за Эдуарда Пишона), Фанни (ставшая учительницей французского языка) и Мишель (он был по образованию инженером и умер в молодом возрасте). Жане вел обычную жизнь преподавателя французского коллежа: в течение девяти месяцев в году он преподавал в Париже, затем три месяца отдыхал, готовя во время отпуска лекции к следующему учебному году и занимаясь написанием научных работ. Жане обычно проводил лето в Фонтенбло; его любимым занятием были длительные прогулки по лесу, во время которых он изучал жизнь растений. 22 октября 1894 года в возрасте восьмидесяти двух лет скончался его отец.

В этот период интересы Жане охватывали широкий спектр научных проблем, как это видно из написанных им рецензий на книги, посвященные самым различным темам, начиная от гистологии мозга и кончая экспериментальной психологией и криминологией. Фокус его научных исследований постепенно сдвигался из области истерии в область неврастении. Исследовательская работа Жане была одновременно и экстенсивной, поскольку он осматривал множество больных в клинике и в больнице, и интенсивной, так как он выбирал небольшое количество пациентов, за которыми вел тщательное постоянное наблюдение, длящееся иногда многие годы. Среди таких пациентов была женщина, которую Жане называл «Мадлен», поступившая в Сальпетриер в феврале 1896 года по поводу приступов религиозного экстаза и появления у нее стигматов. Ей предстояло на протяжении нескольких лет играть важную роль в его научных исследованиях. Кроме того, Жане имел собственную врачебную практику и принимал частных пациентов в санатории в Ванвесе. К тому времени он уже завоевал репутацию одного из ведущих специалистов в области неврозов, многие пациенты приезжали к нему лечиться из-за границы. В 1896 году он прочитал на Международном конгрессе психологов в Мюнхене доклад по «сомнамбулическому влиянию», в котором подверг дальнейшему развитию старое понятие «раппорт».

Жане уже несколько лет обдумывал план создания нового психологического общества, которое продолжило бы деятельность Общества физиологической психологии, прекратившего свое существование вскоре после смерти Шарко. В 1896 году на средства, полученные от нескольких спонсоров, в число которых входил атташе русского императорского посольства Сергей Юрьевич, был основан Международный институт психологии. Он осуществлял свою деятельность под эгидой международного комитета, членами которого являлись Уильям Джеймс, Фредерик Майерс, Ломброзо, Теодор Флурнуа и Теодюль Рибо[31]. Цели этого общества не были четко определены, предполагалось, что оно будет иметь психопатологическую клинику, лаборатории, библиотеку и будет выпускать свои бюллетени. Большинству этих амбициозных проектов не суждено было осуществиться, но, во всяком случае, это было новое психологическое общество, насчитывавшее в момент основания сорок членов, проводившее ежемесячные заседания в одном из зданий института и издававшее бюллетень, который отражал его деятельность. К числу активных участников нового общества принадлежали Жане и его младший коллега доктор Жорж Дюма, названный секретарем. История Института психологии не была исследована в научной литературе; было бы интересно узнать, почему институт не получил дальнейшего развития, но прекратил свою деятельность, просуществовав всего несколько лет.

В 1902 году в Коллеж де Франс в связи с уходом на пенсию Теодюля Рибо освободилась должность профессора экспериментальной психологии. На эту должность претендовали два кандидата — Пьер Жане и Альфред Бине. На совете профессоров, состоявшимся 19 января 1902 года, кандидатуру Жане представлял Бергсон, а кандидатуру Бине — физиолог Марей[32]. Марей рассказал о многочисленных опытах, проведенных Бине в различных областях психологии, подчеркивая его искусство ученого-экспериментатора. Бергсон говорил о методичности и целенаправленности, с которыми Жане проводил свои исследования и эксперименты, и о необычайном значении его открытий в области подсознательного. 17 февраля 1902 года Министерство образования, которое должно было сделать окончательный выбор, приняло решение в пользу Жане, который уже замещал Рибо с декабря 1895 года по август 1897 года и с ноября 1900 года вплоть до рассматриваемого момента. С этого времени Коллеж де Франс становится основным местом деятельности Жане. Его лекции посещали в основном иностранцы, неспециалисты и лишь немногие из студентов. В Коллеж де Франс существовало правило, что профессора читают одну лекцию в неделю и каждый учебный год выбирают для своего курса лекций новую тему, о которой они объявляют заранее. Лекции Жане, прочитанные в период с 1902

по 1912 год, были посвящены нормальным и болезненным эмоциям, сознанию, истерии и психастении, психотерапии, психологии тенденций, перцепции и социальным тенденциям. Этот материал частично вошел в его книги, в частности в работы «Обсессии и психастения» и «Психологические методы лечения». В 1904 году Жане совместно со своим другом Жоржем Дюма основал «Психологический журнал», в котором, начиная с этого времени, он публиковал свои статьи. В 1907 году Жане переехал в прекрасную большую квартиру, где ему суждено было прожить до самой смерти. Квартира находилась на Рю де Варенн, в аристократическом районе, называемом Фобур Сен-Жермен, в котором разворачивается действие многих романов Марселя Пруста. Квартира состояла из семи комнат, роскошного зала и имела балкон, на котором Жане выращивал цветы и кактусы.

Тем временем, скончавшегося в 1910 году Реймона сменил в Сальпетриере Дежерен, враждебно относившийся к Жане и его работе. К тому же многие специалисты, такие, как Бабинский, признавали только неврологическую сторону учения Шарко и с подозрением относились к Жане, обвиняя его в том, что он повторяет ошибки Шарко. Мы не знаем точно, какие интриги были использованы для того, чтобы лишить Жане его лаборатории и прежних палат Шарко. Однако в Сальпетриере были палаты, которые вели другие врачи, среди них доктор Нажеотт, невропатолог, интересы которого лежали прежде всего в области гистологии мозга. Он читал курс лекций по этому предмету в Коллеж де Франс. Нажеотт предоставил в распоряжение Жане небольшую палату, в которую тот мог поместить нескольких пациентов и регулярно посещать их. Это двусмысленное положение Жане не давало ему возможности проводить практические занятия со студентами, так что ему приходилось отказывать многим изъявлявшим желание посещать его занятия в условиях клиники.

Однако известность Жане продолжала расти. 24 сентября 1904 года он прочел лекцию по психопатологии на международном конгрессе, прошедшем во время Всемирной выставки в Сент-Луисе в США; конгресс проводился под председательством доктора Эдварда Коулса, а секретарем секции был выбран доктор Адольф Мейер[34]. Согласно воспоминаниям родственников, Жане с большим энтузиазмом относился к Соединенным Штатам Америки и вспоминал восторженный прием, оказанный ему в Сент-Луисе, Бостоне, Чикаго и других местах. Он посетил Скалистые Горы и Ниагарский водопад. В июне 1906 года Жане ездил в Лондон в составе делегации Коллеж де Франс, участвовавшей в празднествах, организованных Лондонским университетом. В том же 1906 году он вторично посетил Соединенные Штаты, где по приглашению Гарвардского университета в октябре-ноябре прочел состоявший

из пятнадцати лекций курс по истерии[35]. Жане также принимал участие в различных международных конгрессах в Риме (1905), Амстердаме (1907) и Женеве (1909).

В августе 1913 года в Лондоне проводился Международный медицинский конгресс. Психиатрическая секция конгресса организовала сессию, посвященную обсуждению психоанализа Фрейда. Жане должен был выступить с критикой этого учения, а Юнг — с его защитой. Критика Жане касалась двух моментов: во-первых, он сам претендовал на приоритет в открытии катартического излечения неврозов методом выявления происхождения травмы и считал, что психоанализ является развитием этой фундаментальной идеи. Во-вторых, он подверг резкой критике метод символической интерпретации снов Фрейда и его теорию сексуального происхождения неврозов. Жане считал психоанализ «метафизической» системой[36]. Позднее мы вернемся к этой памятной конференции 8 августа 1913 года и опишем посвященный психоанализу доклад Юнга и последовавшую за ним дискуссию. Во время своего выступления Жане, казалось, отошел от свойственной ему тактичной манеры ведения научной дискуссии. Обычно он с величайшим вниманием относился к перечислению источников получения информации и всегда воздавал должное своим предшественникам, даже если дело касалось самых незначительных деталей.

Однако он ожидал подобного отношения и от других, и потому у него, несомненно, вызвало раздражение то, что Фрейд, как казалось Жане, развивал принадлежащие ему идеи, не удосуживаясь сослаться на их создателя. Позднее Жане сожалел о том, что позволил себе проявить по этому поводу раздражение, но он до конца дней считал, что Фрейд поступил по отношению к нему несправедливо. Однако, когда в июне 1914 года Фрейд подвергся резкой критике на заседании Терапевтического общества, Жане защищал его, что было актом большого гражданского мужества, если учесть растущие антигерманские настроения во Франции. Его статья в защиту Фрейда была напечатана в «Revue de Psychotherapie» в 1915 году, когда в Европе уже бушевала война[37].

Начиная с 1910 года Жане развивает свой метод преподавания, пытаясь создать более совершенную систему «иерархических функций сознания». Проведенное Жане в 1915 году исследование алкоголизма отражает его озабоченность социальными и национальными проблемами. В потоке воинственного джингоизма, охватившего во время Первой мировой войны как Францию, так и Германию, лишь несколько ученых сумели не поддаться шовинистическим идеям. Во всех работах Жане, относящихся к этому периоду, невозможно найти ни малейшего намека на шовинизм, несмотря на то (а возможно, именно из-за того), что его мать была родом из Эльзаса и некоторые из его родственников, вероят-

но, состояли в немецкой армии, в то время как другие воевали на стороне французов.

Публикация работы Жане «Психологические методы лечения», являющейся результатом его многолетнего труда, затянулась до 1919 года. Тщательное и систематическое исследование в области психологии, насчитывавшее более 1100 страниц, по своему настроению и стилю, однако, не отвечало настроениям и взглядам послевоенного периода. Дух времени изменился. Из всех сочинений Жане это было последнее, переведенное на английский язык.

Но Жане начинает развивать свою систему в новых направлениях. В 1921–1922 годах он читает курс лекций, посвященный эволюции морального и религиозного поведения. Один из слушателей курса, американский пастор У. М. Хортон из Нью-Йорка опубликовал этот курс в сокращенном виде в Американском Психологическом Журнале[38]. Жане, который на протяжении двадцати пяти лет не переставал поражаться необычайности случая с его пациенткой Мадлен, сделал его отправной точкой большого психологического исследования, изложенного в его книге De I'Angoisse a Vextase (От гнева к экстазу). Научное сотрудничество между Францией и другими странами постепенно налаживалось, и в мае 1920 года Жане прочитал три лекции в Лондонском университете, а в мае 1921 года он был приглашен на церемонии, посвященные празднованию столетия со дня основания больницы в Блумингдейле около Нью-Йорка, где 26 мая он также прочел лекцию. В мае 1922 года Жане присутствовал на церемониях, посвященных столетию независимости Бразилии, в качестве делегата от Французского института и Коллеж де Франс. Он принимал также участие в Международном конгрессе психологов в Оксфорде (27 июля — 2 августа 1923 года). В 1925 году Жане был направлен французским правительством по обмену в Мексику и был необычайно тепло принят в университете города Мехико, где он прочитал по-французски пятнадцать лекций[39]. Кроме того, он прочитал две лекции в Пуэбло и одну в Гвадалахаре. По пути во Францию он снова посетил Соединенные Штаты, остановившись в Принстоне в штате Нью-Джерси, а также в Филадельфии и в Нью-Йорке, где он был принят в Колумбийском университете.

Начиная с 1925 года Жане продолжает развивать свою новую систему психологии поведения. В период с 1925 по 1930 год в Коллеж де Франс были опубликованы курсы его лекций, которые не были отредактированы самим автором. В дальнейшем он начинает записывать свои курсы лекций и позднее использовать их при подготовке своих последних книг. Но, несмотря на огромные усилия, вложенные Жане в его новую систему, и на оригинальность его новых теорий, по-видимому, лишь немногие во Франции могли следовать за Жане по этому

новому пути. Очевидно, его имя слишком долго идентифицировалось с понятием психического автоматизма и психастении. Его слава за границей, однако, все еще была достаточно велика. В сентябре 1932 года Жане получил приглашение прочитать курс лекций в Буэнос-Айресе. Он совершил путешествие по всей стране, добравшись даже до водопада Игуассу[40]. В 1933 году он прочитал двадцать лекций в Рио-де-Жанейро, а в апреле 1937 года посетил Вену, где встретился с Вагнером-Яуреггом. Фрейд отказался увидеться с ним[41].

В феврале 1935 года Жане оставляет преподавательскую работу в Коллеж де Франс, но продолжает заниматься частной практикой. Теперь его интересы обращены к новым областям психологии (таким, как графология) и к новым типам пациентов. Он занимается больными паранойей в больнице Анри-Руссель и стремится модифицировать и закончить свою теорию мании преследования[42]. Посещает Жане и тюрьму Пти-Рокетт[43], где он осматривает женщин-заключенных. К сожалению, однако, Жане не оставил описаний своих исследований, связанных с криминологией. В период между 1935 и 1937 годами Жане опубликовал три своих последних книги, а в 1938 году кратко изложил свою психологическую систему в виде очерка, написанного им специально в качестве официальной статьи для Французской энциклопедии[44]. В сентябре 1936 года Жане был приглашен в США для участия в торжествах, посвященных трехсотлетию Гарвардского университета, где он также прочел лекцию. В 1939 году Жане отметил свое восьмидесятилетие. Поздравительный альбом в честь этого события, содержащий написанные родственниками поздравления, был составлен зятем Жане, Эдуардом Пишоном. Брат Жане, Жюль, написал воспоминания о работе с Леони и об опытах, проводимых ими в Гавре[45]. 22 июня 1939 года в Сорбонне отмечалось столетие со дня рождения Теодюля Рибо, и администрация университета решила совместить эти торжества с празднованиями, посвященными восьмидесятилетию ученика Рибо, Жане. Жане представил свою диссертацию «Психический автоматизм» ровно за пятьдесят лет и один день до этого. В честь Жане было произнесено множество речей, среди прочих его поздравили Пиаже, Минковский и другие, после чего сам Жане сказал речь, посвященную памяти Рибо[46].

Тот год еще не закончился, когда началась Вторая мировая война. В начале оккупации Жане и его супруга уехали из Парижа и жили в течение некоторого времени на юге Франции в Лединьяне у своих друзей, профессора Жоржа Люма и его жены, но вскоре решили вернуться в Париж. Помимо страданий, испытываемых всей нацией в это время, Жане пришлось пережить и личные утраты — он потерял в этот период многих близких родственников и друзей. Уже в январе 1940 года скон-

чался его зять, Эдуард Пишон. Сестра Жане, Маргарита, и его брат Жюль умерли в 1942 году, а в октябре 1943 года, незадолго до пятидесятилетней годовщины их свадьбы, скончалась мадам Жане. В январе 1944 года умер их сын Мишель, в 1945 году — жена брата Жане, и за ними последовали многие дорогие ему друзья.

После смерти жены Жане продолжал жить в своей большой квартире на Рю де Варенн с дочерью Фанни. В 1942 году доктор Жан Деле, который когда-то был одним из студентов Жане, был назначен профессором психиатрии и директором психиатрической клиники Св. Анны при университете в Париже. Он пригласил Жане, посещать клинику каждую неделю и осматривать нескольких пациентов[47]. У Жане вновь пробудился интерес к психиатрии, и на протяжении всего учебного года (1942–1943) в возрасте восьмидесяти трех лет он регулярно посещал лекции профессора Деле, вызывая восхищенные взгляды студентов, слушавших этот курс. Они поражались тому, с каким страстным интересом этот великий старик относился к занятиям. По просьбе администрации, Жане сам прочитал студентам несколько лекций. Будучи необычайно наблюдательным, Жане не мог не заметить достижений новой психиатрии, столь сильно отличающейся от той, которую он изучал в Сальпетриере. Он был счастлив, что некоторые его собственные идеи получили в это время новое воплощение. Разработанный к тому времени наркоанализ явился реализацией его предсказания о том, что проявится новый метод лечения алкоголизма с помощью погружения пациента в гипнотическое состояние введением химических препаратов, и Жане отмечал сходство между нарко-гипнотическим лечением психических травм и экспериментами, которые он сам проводил когда-то со своими первыми пациентами в Гавре[48]. Жане проявлял большой интерес к электрошоковой терапии, наблюдая, как больной, почти год безуспешно подвергаемый психоанализу, излечился от депрессии в результате третьей попытки применения электрошока[49].

В августе 1946 года Жане был приглашен в Цюрих, где его принимал в психиатрической больнице Бургхольцли профессор Манфред Блейлер, сын Юджина Блейлера, с которым Жане был хорошо знаком. Жане выступил в этой психиатрической больнице, а также в Швейцарском обществе прикладной психологии.

В 1947 году Жане продолжал работать над книгой по психологии веры, но эта работа осталась незаконченной. Он скончался в ночь с 23 на 24 февраля 1947 года в возрасте восьмидесяти семи лет. Погребальная служба была проведена в церкви Св. Клотильды в Париже, а похоронен был Жане на кладбище в Бург-ла-Рейн рядом с матерью, отцом, женой, братом и женой брата. На его надгробии высечена простая надпись: Пьер Жане 1859–1947.

Личность Пьера Жане

С точностью оценить личность Пьера Жане довольно сложно. Он всегда проводил четкую границу между своей деятельностью и частной жизнью и всячески старался избежать внимания со стороны публики, постоянно отказываясь давать интервью журналистам[50] и редко раскрываясь даже во время бесед с близкими друзьями. Пьер Жане был невысокого роста, в молодости имел худощавое телосложение, но с годами приобрел более плотную фигуру, у него были каштановые волосы, карие глаза, густые темные брови и всегда хорошо ухоженная борода. Многие вспоминают о нем как об активном и живом человеке, подвижном, остроумном и блестящем собеседнике. Другие описывают его как очень сдержанного человека, выслушивающего собеседника с сосредоточенным вниманием, склонного впадать в глубокие раздумья и имеющего склонность к депрессии. По-видимому, эти две грани его личности являлись отражением живой и активной индивидуальности матери Жане, с одной стороны, и «психастенического» отца, с другой. Обе эти грани можно проследить и на фотографиях, сохранившихся от Пьера Жане.

На парадных фотографиях, для которых он специально позировал, Жане запечатлен с выражением спокойного внимания, но на снимках, сделанных неожиданно, мы видим его ведущим с собеседником оживленный разговор. У него был четкий и разборчивый почерк. Как и большинство ученых того времени, Жане вел активную переписку со своими коллегами. Он никогда не диктовал писем секретарю, всегда писал их сам, а затем перепечатывал свои рукописи.

Жане довелось дважды писать автобиографические заметки. Первый раз он сделал это для «Истории психологии в автобиографиях» Карла Мерчисона[51]. В своей второй, более подробной биографии, написанной за год до смерти, он объясняет свое желание стать психологом как определенный компромисс между достаточно ярко выраженной склонностью к занятиям естествознанием и испытываемыми им в детстве и юности сильными религиозными чувствами[52]. Он всегда стремился не поддаваться мистическим настроениям и, подобно Лейбницу, мечтал о возможности примирения науки с религией в форме усовершенствованной философии, которая одинаково удовлетворяла бы и разум, и веру. «Мне не удалось совершить это чудо, — писал он, — но я остаюсь философом». Направив свои знания и усилия в сторону психологии, Жане создал чрезвычайно обширную и развитую систему, в которой почти каждый возможный аспект этой науки занимает свое место. Существует удивительная связь между его первыми философскими сочинениями и поздними работами, которые ему помешала завершить смерть. Разумеется, в его взглядах происходили изменения, но они являлись скорее развитием

его прежних теорий, нежели перечеркиванием их. Ту же последовательность мы видим и в том, как складывалась жизнь Жане. Известно, что в детстве он был застенчив и нелюдим, но в семнадцатилетнем возрасте он пережил период депрессии и религиозного кризиса, после чего стал блестяще учиться и приобрел трудолюбие, свойственное ему до конца жизни. К сожалению, сохранились лишь немногие источники, позволяющие судить о семилетнем периоде, который он провел в Гавре, но его публикации того времени показывают, что он был не только ученым-теоретиком, но и блестящим клиницистом. Эти великолепные качества, вероятно, получили свое развитие в Париже после того, как он расширил свой клинический опыт, работая в Сальпетриере. Макс Дессуар, посетивший Жане в 1894 году в Париже, так пишет о нем: «Он был признанным ученым и популярным специалистом в области заболеваний нервной системы... Это был живой, темноволосый человек, говорящий по-французски в истинно парижской манере и любивший рассказывать о том, с чем ему приходится сталкиваться в работе»[53]. Дессуар добавляет, что Жане производит успешные эксперименты в области телепатии и внушения на расстоянии, но скептически относится к подобным вещам. «Его критика была столь острой, будто она содержала кислоту, способную растворить платину фактов. Но при этом он всегда оставался безукоризненно любезным». Хочется предложить одну гипотезу, связанную с личностью Жане. В 1893 году Марсель Прево опубликовал роман «Осень женщины», в котором описал несколько пациентов Сальпетриера, а также некого доктора Домье, проводившего необычайно успешное психотерапевтическое лечение своих больных; методы последнего весьма напоминают методы, которыми пользовался Жане[54]. Это позволяет предположить, что, описывая манеры и речь доктора Домье, автор создал литературный портрет самого Жане.

В тот период своей жизни, когда Жане жил и работал в Париже, он выступал не только в роли обремененного многочисленными обязанностями врача и плодотворно работающего ученого, но и человека, который вел активную светскую жизнь, давал у себя в доме прекрасные приемы. У него были близкие друзья среди коллег, как во Франции, так и за границей, к числу последних относились Мортон Принс и Джеймс Болдуин. Согласно многочисленным свидетельствам, Жане был утонченно любезным человеком, имеющим, однако, некоторую склонность к парадоксам, так что люди, которые знали его не очень близко, часто не были уверены в том, говорит ли он серьезно или шутит. Иногда у окружающих создавалось впечатление, что его больше привлекает игра словами, нежели стремление к серьезному обмену мыслями с собеседником.

С годами психастенические черты, которые всегда были у Жане, стали более заметны. Враждебное отношение со стороны его коллег

в Сальпетриере и относительная изоляция, являвшаяся следствием этой враждебности, оказывали на него гораздо большее действие, чем ему хотелось показать окружающим. Тяжелая работа, вероятно, требовала от него крайнего напряжения всех сил. Жане все чаще и чаще испытывает приступы депрессии, становится все более непрактичным и рассеянным. По свидетельству близких, его суждения о людях, с которыми он сталкивался в повседневной жизни, часто оказывались недостаточно глубокими, исключая те случаи, когда речь шла о его пациентах. Эти черты особенно усугубились в последние годы его жизни, проходившие на фоне мрачных исторических событий и личных утрат. У окружающих складывалось мнение, что Жане упрямо цепляется за старые привычки и старые понятия. Однако если он принимал какие-то новые идеи, свойственная ему всегда острота ума проявлялась при этой с новой силой. Мадам Пишон-Жане вспоминает, что как только ему пришла в голову мысль о том, что он должен отказаться от чтения исключительно своих любимых старых авторов, таких, как Виктор Гюго, он с таким энтузиазмом стал относиться к Марселю Прусту и Полю Валери, что часто цитировал первого и выучил наизусть известное стихотворение второго «Le cimetiere marin» (Кладбище моряков). Жане был человеком постоянных привычек, бережным и аккуратным и являлся страстным коллекционером. Главная его коллекция состояла из историй болезней его пациентов, написанных его собственной рукой. К концу его жизни в коллекции числилось свыше пяти тысяч единиц, и она занимала целую комнату в его квартире. В другой комнате располагалась обширная библиотека, содержавшая уникальное собрание работ старых магнетизеров и гипнотизеров, а также большое количество книг, подаренных ему авторами. Он вел тщательно составленный каталог всех своих книг на карточках. Третью коллекцию составлял достаточно обширный гербарий, содержащий растения, которые он собирал и классифицировал всю жизнь.

Пьер Жане принадлежал к тому поколению ученых, которые считают своим долгом большую часть своего времени и сил уделять официальным академическим занятиям, а также работе в признанных научных обществах и журналах. Он был активным членом Неврологического общества, Медико-психологического общества и особенно Психологического общества и выполнял различные обязанности в Академии моральных и политических наук. Согласно свидетельству всех знавших его людей, Жане был очень пунктуален в отношениях с коллегами. Он не столь часто выступал в Психологическом обществе, но регулярно посещал все заседания и иногда делал во время выступлений заметки. Если же он действительно принимал участие в обсуждении сообщений, то обычно как бы «переводил» их содержание на язык своих собственных теорий.

Мы не обладаем информацией, позволяющей судить о преподавании Жане философии в лицеях, но можно с уверенностью предположить, что он делал это на том же уровне, на каком позднее преподавал в Коллеж де Франс и других заведениях. По всеобщему мнению, Жане был великолепным лектором. На какую бы тему он ни читал лекцию, аудитория с самого начала слушала его, затаив дыхание. Пастор Уолтер Хортон из Нью-Йорка, посещавший лекции Жане зимой 1921–1922 года, так пишет о его слушателях:

> Уже на первой лекции мрачная, обшарпанная аудитория была заполнена до отказа, и всю зиму студенты слушали его лекции с неослабевающим интересом, не обращая внимания на неудобные скамьи без спинок и плохую вентиляцию. Популярность этого курса лекций в какой-то степени можно было объяснить блестящим, поистине вольтеровским остроумием Жане, передать которое не в состоянии никакие попытки, но в основном важностью темы и оригинальностью взглядов автора. Я уверен, что не один я из присутствовавших на его лекциях иностранцев считал, что уже одни эти лекции с лихвой возместили ему расходы на поездку во Францию[55].

Манера Жане говорить была четкой и живой, а стиль его речи представлял нечто среднее между письменным и устным стилем. О его манере читать лекции можно судить по публикации стенографических записей его лекций с 1920 по 1929 год. Поскольку эти записи не были отредактированы автором, они содержат некоторые оговорки, такие, как «Арнольд Мейер» вместо «Адольф Мейер», и некоторые шутки, которые преподаватель, читающий лекцию, может себе иногда позволить, но, если стенограмма предназначена для публикации, он обязательно их уберет при редактировании. Например, Жане имел обыкновение говорить, что «любовь — это гипотеза, трансформировавшаяся в идею-фикс»[56]. Иногда, когда дело касалось того, что действительно сильно его волновало, Жане начинал говорить с необычайным воодушевлением, для большей выразительности сопровождая свою речь жестикуляцией. Один из участников Международного психологического конгресса в 1937 году в Париже рассказывает о том, что во время выступления Жане его попросили говорить медленнее с тем, чтобы дать возможность переводчику успевать переводить его речь, но через несколько минут Жане забыл об этом и начал говорить быстро, при этом любопытно, что переводчик, который сидел в своей кабине, откуда он не мог видеть Жане, казалось, был захвачен тем же воодушевлением и повторял жестикуляцию докладчика, «что производило впечатление телепатии».

В отношении Жане к его пациентам четко прослеживаются две особенности. Первая — это его необычайная проницательность. Он точно

определял, когда пациент говорит правду, а когда он пытается ввести врача в заблуждение. Жане неоднократно повторял, что в поведении многих пациентов существенную роль выполняет элемент игры (то же, что Флурнуа называет «игровой функцией», которую он продемонстрировал, работая со своими медиумами). Это особенно относится, говорил Жане, к сексуальным извращениям. На заседании Психологического общества в 1908 году[57] Жане выразил сомнение по поводу искренности людей, подверженных сексуальным извращениям, и в своем предисловии к переводу на французский язык работы Крафта-Эбинга «Сексуальная психопатия»[58] он не колеблясь утверждал, что ненормальное сексуальное поведение во многих случаях не более, чем поза и игра. Он ставил под сомнение и правдивость многих пациентов, страдающих тяжелой формой психопатии: «Чаще всего они играют. Не верьте и одной четверти того, что они говорят. Они пытаются произвести на вас впечатление своим благородством или своим ощущением вины, в которую сами не очень верят или не верят вообще»[59]. Другой чертой Жане было его психопатическое искусство, «его бесконечная изобретательность», как писали о нем авторы работы «Жизнь Жане»[60]. Хотя примеры этого можно найти в его «Психологических методах лечения», они далеко не исчерпывают данную тему, и чтобы убедиться, насколько разнообразны были его психотерапевтические приемы, следует прочесть хотя бы некоторые из его статей. По-видимому, никто из исцеленных Жане не оставил описания истории своего излечения, хотя один из них, Раймон Руссель, которого Жане несколько лет лечил от мегаломании и который позднее стал известным писателем-сюрреалистом, приводит в одной из книг историю своей болезни, написанную Жане, не делая при этом никаких ссылок на источник[61]. Лишь немногие ученики имели возможность изучать психотерапию под руководством Жане, который, как уже указывалось, не мог из-за направленных против него интриг проводить постоянные занятия со студентами. Доктор Эрнст Хармс, посетивший Жане в Сальпетриере, написал следующее:

> Когда я приехал в Париж, чтобы изучить методы Жане, мне было предложено ознакомиться самому с обитателями Сальпетриера и условиями, в которых они жили. Поскольку я прибыл из Цюриха, где работал в клинике Крепелина, я был удивлен тем, как были размещены больные. Я обнаружил, что в одной палате лежат пациенты, страдающие манией преследования, которые оказывали друг на друга эмоциональное воздействие своими фантастическими рассказами. Когда я спросил Жане, в чем терапевтический смысл такого размещения больных, я получил следующий, немало удививший меня ответ: «Я верю этим людям, пока не будет доказано, что то, что они говорят — неправда». Только что до этого я видел молодого человека,

который боялся наступать на любую тень, говоря, что там прячется Наполеон, грозящий забрать его в армию. Рядом с ним находилась женщина старше 70 лет, заявлявшая, что мэр Парижа преследует ее своими сексуальными домогательствами. Мне довольно трудно было обнаружить какую-то истину в таких высказываниях. Жане заметил, что его слова озадачили меня. «Видите ли, эти люди страдают манией преследования, и их необходимо тщательно изучить, чтобы добраться до того, что лежит в основе их болезни». Он имел в виду, что фантазии таких пациентов не следует отбрасывать как безумные или рассматривать их, пока не будут вскрыты условия, явившиеся причиной заболевания. Я всегда помнил эти мудрые слова Жане о больных, страдающих манией преследования, так же как и многие другие его высказывания, которые играли столь большую роль в его отношениях со студентами. Он обладал сократовским искусством общения с учениками, которого я не видел ни у одного из выдающихся профессоров, преподающих психиатрию. Для Жане такое отношение к ученикам было неотделимо от его понятия психиатрии[62].

Один небольшой инцидент показывает, как внимательно относился Жане к своим пациентам и как он заботился о том, чтобы защитить их от бестактностей и любопытства окружающих. Во время одного из пребываний в Сальпетриере пациентки Жане, Мадлен, в больницу нанес визит президент республики. Врач-интерн, которым оказался не кто иной, как Жан Шарко, сын знаменитого невропатолога, послал за ней, чтобы показать ее президенту. «Доктор Жане, который знает, как я не люблю подобные вещи, — пишет Мадлен в письме сестре от 26 июня 1898 года, — немедленно вмешался, дав Шарко знак ничего обо мне не говорить»[63]. Некоторые считают, что стремление Жане скрыть подлинные имена пациентов, болезнь которых он описывал, заходило слишком далеко. После его смерти пять тысяч, если не более, хранившихся у него папок с историями болезней были сожжены, согласно его завещанию. Нельзя не сожалеть по поводу утраты столь обширных и прекрасно классифицированных материалов, в особенности, когда дело касается таких пациентов, как Леони и Мадлен, но в то же время акт подобного отношения к соблюдению врачебной тайны не может не вызывать уважения.

Что касается семейной жизни Жане, мы можем судить о ней по воспоминаниям его дочери, Элен Пишон-Жане. Она пишет, что ее родители были весьма сдержанны в выражении своих чувств друг к другу, но они никогда не расставались, мадам Жане всегда сопровождала мужа в поездках и была его незаменимой помощницей во всех делах и общественных обязанностях. Жане был нежным и любящим отцом. Несмотря на занятость, он всегда находил время почитать детям книжку после обеда.

Как это было со многими учеными, в юности научные интересы Жане были достаточно разносторонними, но постепенно он ограничил область своих исследований так, чтобы сосредоточить усилия на главной работе своей жизни. В тот период, когда он учился в Эколь Нормаль, там было прекрасно поставлено преподавание греческого и латинского языков, и студенты, изучающие философию, были хорошо знакомы с сочинениями Цицерона и Вергилия, так же, как и с работами французских классиков. Жане, по-видимому, не проявлял особого интереса к античной философии, хотя временами демонстрировал блестящее знание латинского языка. По словам родственников, когда Жане впервые встретился с Д. М. Болдуином, ни тот, ни другой не знали языка своего собеседника, и им пришлось изъясняться на латыни, что было достаточно затруднительно из-за различий в произношении. Жане изучал в школе немецкий язык, но (возможно, под влиянием патриотически настроенной матери) у него, по-видимому, развилось негативное отношение к этому языку. Позднее Жане всегда ощущал, что незнание немецкого языка приносит ему большие неудобства. Что касается английского, он изучил его позднее и прекрасно им владел, хотя говорил с сильным французским акцентом.

Возможно, ввиду отсутствия свободного времени Жане мало читал помимо психологической и психиатрической литературы. Не проявлял он также особого интереса ни к музыке, ни к искусству, ни к архитектуре. Но было бы ошибочным считать, что Жане был оторванным от жизни ученым старой школы, которого не интересовало ничего, кроме науки. Ему была свойственна необычайная любовь к природе. Гербарий, который он собирал, был лишь одной стороной, отражавшей его любовь к цветам. Начиная с детства, когда у него был свой собственный маленький участок в саду, он любил выращивать всевозможные растения. Он считал, что каждый цветок обладает своей собственной индивидуальностью, и он описывал эту индивидуальность, как настоящий поэт. Жане ездил верхом со своим дядей со стороны матери. Позднее он научился ездить на велосипеде, который в то время был только что изобретен. Но он всегда предпочитал прогулки пешком. Даже будучи человеком преклонного возраста, Жане любил бродить по парижским улицам. Во время летнего отпуска он часто совершал пешие походы и изучал жизнь растений в лесах Фонтенбло. Огромное удовольствие доставили ему поездки в Скалистые Горы, в Йеллоустонский Парк, а также в бразильские джунгли и на водопад Игуассу.

Прежде чем стать психологом и психиатром, Жане долгое время был философом. Написанные им учебники по философии позволяют судить о взглядах Жане на многие жизненно важные вопросы. Очевидно, его волновали проблемы социальной справедливости и будущее

освобождение колоний. Он писал о том, что понятие частной собственности должно быть усовершенствовано, что смертная казнь является пережитком варварства и что было бы хорошо, если бы люди смогли создать международный искусственный язык общения[64]. Хотя он всегда старался не смешивать философские понятия с психологическими теориями, в работах Жане есть некая метафизическая идея, которая, подобно лейтмотиву, повторяется во всех его произведениях, — это идея о том, что прошлое человечества в целом каким-то образом сохраняется в настоящем[65]. Он даже утверждал, что наступит время, когда люди смогут совершать путешествия в прошлое, подобно тому, как они путешествуют по воздуху. «Все, что когда-то существовало, — говорил он, — все еще продолжает существовать в каком-то неведомом для нас месте, которое для нас недоступно». Жане говорил, что если когда-либо будет изобретен «палеоскоп», люди узнают много удивительных вещей, о которых они сегодня не имеют ни малейшего понятия. В основе философских взглядов Жане лежала не только «спиритуалистическая философия» его дяди, Поля Жане, но и подавляемые религиозные чувства, которые он пережил в детстве. Хотя его часто изображают атеистом, Жане в действительности был скорее агностиком, никогда до конца не порывавшим своих связей с религией. Напротив, его жена, которая в детстве воспитывалась в монастыре и, возможно, дальше Жане отошла от религии, открыто выражала свое неприятие католической церкви. Дочь Жане, Элен Пишон-Жане, рассказывала автору этой книги, что ее отец настоял на том, чтобы все его дети получили соответствующее религиозное воспитание в одной из протестантских церквей Парижа. Очевидно, он считал, что позднее они могут пожелать обратиться к религии, и не хотел лишить их возможности получить элементарное религиозное образование. После смерти мадам Жане он распорядился, чтобы ее похоронили в соответствии с обычаями католической веры. То же самое было сделано и по отношению к Жане несколько лет спустя.

Чем больше изучаешь работы Жане, тем больше чувствуешь, что за его сократовской усмешкой скрывается мудрость, которую он унес с собой в могилу.

Современники Жане

Ни один созидательный ум не творит в изоляции. Помимо учителей и учеников, великие пионеры науки имеют и спутников, людей своего поколения, которые могут быть по отношению к ним дружелюбны, враждебны, равнодушны, но которые существуют рядом и проходят свой курс эволюции параллельно с ними, и их идеи не могут избежать взаимовлияния.

Если мы бросим взгляд на поколение Жане как бы с высоты птичьего полета, то есть посмотрим на людей, которые родились в том же году или с разницей в один-два года, мы увидим среди них целое созвездие выдающихся мыслителей. Помимо других к поколению Жане принадлежат Анри Бергсон (1859–1941), Эмиль Мейерсон (1859–1933), Эдмон Гобло (1858–1935) и Морис Блондель (1861–1949), социологи Эмиль Дюркгейм (1858–1917) и Люсьен Леви-Брюль (1858–1939), лидер французских социалистов Жан Жорес (1859–1914), математик и философ Гастон Мило (1858–1918) и психолог Альфред Бине (1857–1911). Краткого взгляда на биографию Бергсона достаточно для того, чтобы увидеть определенное сходство между его жизнью и жизнью Жане[66]. Оба родились в Париже в 1859 году. Оба учились в одном из парижских лицеев (Бергсон — в Лицее Кондорсе, Жане — в Коллеж Сент-Барб). Оба поступили в Эколь Нормаль, Бергсон в 1878 году, а Жане — в 1879-м. Оба начали свою карьеру с преподавания философии в провинциальных лицеях (Бергсон провел один год в Анжере и пять — в Клермон-Ферране, Жане — полгода в Шатору и шесть с половиной лет в Гавре). Для обоих эти проведенные в провинции годы были временем становления личности и интенсивной работы. Оба увлекались экспериментами с гипнозом. Первая статья Бергсона была посвящена бессознательной симуляции в гипнозе, а первая работа Жане в том же году — его экспериментам с Леони[67]. В обеих статьях чувствовался скептицизм авторов по отношению к парапсихологическим интерпретациям. Оба выступили в качестве редакторов философских работ и оба представили свои диссертации в Сорбонну в 1889 году[68]. Оба ученых пытались найти отправную точку для психологии в наиболее элементарных психологических явлениях, Бергсон в своем «Очерке о непосредственных данных сознания», а Жане — в работе «Психический автоматизм» предприняли попытку решить одну и ту же проблему, хотя и разными способами. Оба были назначены преподавателями философии в парижских лицеях, Бергсон несколько раньше начал работать в Коллеж Ролен, где Жане вскоре занял его должность. Оба преподавали в Сорбонне и позднее в Коллеж де Франс, куда Бергсон был назначен раньше, чем Жане, и где он выступил на защите диссертации Жане на академическом совете. В течение многих лет после этого они вместе работали в Коллеж де Франс, а затем в Академии моральных и политических наук и часто общались друг с другом. И, наконец, весьма примечательно, что оба они в конце жизни проявили столь глубоко скрывавшийся в их душах интерес к религии.

Влияние Бергсона на Жане было чрезвычайно важным, как это признавал сам Жане. Используемое Бергсоном понятие «внимания к жизни» (attention a la vie) весьма напоминает то, что Жане называ-

ет fonction du reel, а то, что Бергсон говорил об острие жизни как об авангарде эволюции, также очень близко к понятию «психологического напряжения» у Жане. Жане признавал также, что когда он начал представлять психологические факты как модели поведения, это, возможно, объяснялось влиянием первых книг Бергсона[69]. Но и влияние Жане на Бергсона было не менее значительным. В своей работе «Материя и память» Бергсон ссылается на проделанное Жане исследование диссоциаций личности, он также заимствовал у Жане термин «фабульная функция» (fonction fabulatrice), понятие, которое, возможно, близко к тому, что Фредерик Майерс называл мифопоэтической функцией бессознательного.

Не менее сложным было и взаимовлияние Жане и Бине. Альфред Бине был на два года старше Жане — он родился в 1857 году в Ницце[70]. Бине учился в лицее в Ницце, затем в Париже в Лицее Луи-ле-Гран, где его школьным товарищем был Бабинский. Сначала Бине интересовался правом, потом биологией и лишь затем начал проявлять интерес к психологии, тогда он и познакомился с Рибо и Шарко, который позволил ему осматривать пациентов в своих палатах. Одно из первых исследований Бине было посвящено «психической жизни микроорганизмов»[71]. Подобно Жане и Бергсону, Бине также интересовался проблемой наиболее элементарных форм жизни и попытался решить ее, изучая живые существа, которые, как он считал, находятся в самой нижней части шкалы жизни, то есть инфузории, и, как ему казалось, сумел обнаружить у них проявления сенсорной деятельности, разума и даже элементы проявления взаимопомощи. Первая книга Бине «Психология разума» была опубликована в 1886 году. Он выбрал в ней гипноз как метод решения проблемы и сделал заключение, что в основе каждого проявления психической деятельности человека лежит постоянный и автоматический процесс подсознательного мышления[72]. Он посвятил несколько лет исследованию гипноза, истерии и раздвоению личности. Научная деятельность Бине протекала в одно время с исследованиями Жане, так что в определенные моменты впереди оказывался один из них, а в другие — второй. Когда Жане опубликовал свою работу «Психический автоматизм», Бине написал на нее развернутую рецензию для журнала «Revue Philosophique», в которой признал, что Жане удалось достичь некоторых результатов, которые он сам надеялся получить в своих исследованиях, и что это делает ненужным продолжение его собственной работы[73]. Подобно Жане, Бине также интересовался историей животного магнетизма и в соавторстве с Фере он написал книгу, посвященную магнетизму[74]. Однако он не располагал столь глубокими знаниями этого предмета, какими обладал Жане. В последующие годы Жане и Бине, по-видимому, встреча-

лись довольно часто. Они обменивались мнениями по поводу своих исследований и в течение некоторого времени оба работали в лаборатории экспериментальной психологии в Сорбонне. Однако вскоре в их отношениях наступило какое-то охлаждение. В 1893 году Бине основал издание «L'Annee Psychologique» — хорошо известный ежегодник, посвященный психологии, в котором он печатал свои многочисленные статьи, но где не появилось ни одной работы, написанной Жане. Бине испытывал серьезные трудности в карьере. Когда он пытался получить место профессора в Коллеж де Франс, на это место был назначен Жане, а когда он принял участие в конкурсе на получение профессорской должности в Сорбонне, предпочтение отдали Жоржу Дюма. Это привело к тому, что Бине постепенно отдалился от своих коллег. Его лаборатория в Сорбонне была расположена в отдаленной мансарде, которую знали лишь немногие, а из-за своей чрезвычайной застенчивости Бине никогда не принимал участия в научных конгрессах. Но он обладал большим трудолюбием и внес свой вклад во многие области психологии. В своей работе «Экспериментальное исследование ментальной деятельности» он дал подробное описание мыслительных функций двух своих дочерей, Арманды и Маргариты, которых он тщательно обследовал с помощью тестов. Ему удалось показать, что они представляют собой два различных психологических типа, несколько лет спустя определенные Юнгом как интроверты и экстраверты.

Именно Бине создал в 1905 году шкалу для определения умственных способностей учащихся (тест Бине и Симона), он был пионером в исследовании детской психологии и экспериментальной педагогики, а также в области сексуальной психологии. Бине первым описал фетишизм и ввел сам термин «фетишизм». Он сочинял пьесы с мрачными сюжетами (иногда в соавторстве) и публиковал их под псевдонимом. Бине был талантливым человеком, к сожалению, растратившим свои способности, пытаясь заниматься многими проблемами в разных областях науки и не создав значительного труда, обобщившего бы результаты его многолетних исследований. В 1911 году его постигла ранняя смерть, к этому времени он, очевидно, уже давно не имел никаких контактов с Жане, с которым у него когда-то были столь тесные творческие связи.

Можно было бы провести некоторые параллели между жизнью Жане и жизнью Дюркгейма, Леви-Брюля и другими его современниками. Невозможно учесть взаимное влияние, которое эти люди оказали друг на друга. Если смотреть на них издалека, они похожи на статуи, возвышающиеся в величественной изоляции, но когда приближаешься к ним, они кажутся погруженными в бесконечные беседы друг с другом.

Творчество Жане: I — философия

Созданную Пьером Жане психологическую систему невозможно понять, не принимая во внимание ее философской основы. Жане изучал философию в лицее Луи ле Гран, а затем в Эколь Нормаль, где эту дисциплину преподавали моралист Берсо, логик Рабье, философ академической школы Оле-Лапрюн и представитель неокантианской философии Бутру. Жане, несомненно, был знаком с работами своего дяди Поля Жане. Как Жане сообщает в автобиографии, в юности он был глубоко религиозен и в возрасте семнадцати лет пережил нечто вроде религиозного кризиса. Он мечтал о создании философии, которая примирила бы науку с религией. «Мне не было суждено достичь этого», — сознается он в старости, добавляя, что его попытки создать новую психологию в некотором смысле явились заменой того, о чем он мечтал в юности. Однако есть все основания считать, что Жане не только мечтал о новой философской системе, но на протяжении некоторого периода времени работал над ее созданием. Единственная возможность понять философские воззрения Жане — это рассмотреть его работы, посвященные философии, то есть написанные им учебники по философии.

В своем первом учебнике, опубликованном в 1894 году, Жане проводит резкую грань между философией науки и философией морали[75]. Первый раздел его учебника начинается с определения науки: человек сумел защитить себя от сил природы, ему удалось покорить эти силы, а затем он поставил перед собой задачу изменить окружающий мир. Наука родилась из потребности человека покорить природу, для чего необходимо было постигнуть ее тайны, сначала получив о ней определенные знания, а это предполагало необходимость выработки определенного метода, основанного на анализе и синтезе. Затем Жане приводит классификацию наук и краткий обзор основных из них: математики, естествознания, морали (которая включает психологию и социологию) и истории. Затем следует глава, посвященная великим научным гипотезам, она включает в себя критику теории Дарвина и преувеличения роли прогресса. Жане говорит, что придавать слишком большое значение прогрессу опасно, поскольку это ведет к презрению к настоящему и незаслуженному забвению прошлого. Вторая часть книги включает в себя анализ таких проблем, как свобода, ответственность, сознательность и справедливость и, наконец, существование Бога и религии. Книга, которая началась с изложения мировоззрения в духе Бэкона, заканчивается цитатой из философа Эпиктета: «Я наделен разумом и должен воздавать хва-

лу Господу, это есть мое призвание, и я следую ему». Не подлежит сомнению, что эта книга явилась результатом большого труда и многих размышлений. В нее почти дословно вошла лекция о понятии собственности, прочитанная Жане в 1822 году в Шатору в возрасте двадцати двух лет. Автор дает четкое определение каждому философскому термину, который в ней используется. Он объективно излагает все основные теории философии и существующие в ней проблемы. Невольно приходит в голову мысль, что написание школьного учебника явилось для Жане предлогом для создания наброска собственной философии! Два года спустя, в 1866 году, появилось второе, полностью пересмотренное автором издание книги. Оно содержало ту же проблематику, но теперь учебник полностью соответствовал тому, что требовали официальные инструкции по преподаванию философии в средних учебных заведениях, в том же духе были выдержаны и последующие, часто расширенные издания.

Невозможно точно определить, в какой момент научные интересы Жане переместились из области философии в область психологии, точно так же, как невозможно с точностью сказать, когда, в предшествующий период его жизни, его интерес к религии уступил место интересу к философии. О его отношении к философии в последующий период жизни можно судить по тому, что он написал в предисловии к организованному им изданию трудов Мальбранша: «Развитие науки возможно лишь как результат вдохновения некоторыми общими идеями, содержащими метод и средства объяснения явлений. Эти общие идеи изобретаются философами, которым для их создания необходима некая метафизическая или мистическая основа»[76]. В этом отношении интересно проследить, что Жане взял от философии, когда он обратился к психологии. Его задачей было использование строго научного метода, попытка рассмотрения психологических явлений в научном духе, основу которого, как он говорил, составляли научное любопытство и независимость суждений, в сочетании с пренебрежением к мнению авторитетов и традициям. Жане определял научный метод как соединение анализа и синтеза. Анализ предполагает разложение целого на составляющие его элементы, при условии, что последние действительно являются составляющими его элементами. Так, анатом не делит человеческое тело на четыре или на сто частей, но различает в нем мышцы, нервы, кровеносные сосуды и другие части. Подобный подход Жане применял и к научной психологии: по его мнению, она должна начинаться с психологического анализа, то есть с идентификации и раздельного изучения элементарных психологических функций, фаза, за которой должен следовать синтез — реконструкция целого на основе отдельных составляющих.

Творчество Жане: II — психический автоматизм

Весьма многие философы до Жане пытались воссоздать структуру человеческой психики посредством анализа и синтеза. Большинство из них в качестве основного элемента своего учения и его отправной точки использовали ощущения. Кондильяк представил путь психического развития человека в своем философском мифе о статуе, которой постепенно, одно за другим даются ощущения, при этом начальной точкой развития он считал гипотетическое развитие ума статуи; единственным недостатком такого подхода было его чисто воображаемое построение. Когда Жане взялся за выполнение той же задачи, он твердо решил оставаться на надежной основе экспериментальной психологии. Его диссертация, носящая название «Психический автоматизм», имеет следующий поясняющий подзаголовок: «Экспериментально-психологическое исследование низших форм человеческой деятельности». Таким образом, в отличие от Кондильяка, Жане отталкивается не от чистых ощущений, а от «деятельности», то есть он никоим образом не отрывает сознание от деятельности.

Его диссертация содержит результаты исследований, проведенных Жане в Гавре в период между 1882 и 1888 годами. Статьи, которые он одну за другой публиковал в это время в «Revue Philosophique», позволяют проследить ход его научных изысканий. После первых опытов применения гипноза на расстоянии, проведенных с Леони, результаты которых сам Жане считал неубедительными, он познакомился с пациенткой по имени Люси, девятнадцатилетней девушкой, страдавшей от приступов панического страха, наступавших без каких-либо видимых оснований. Посредством автоматического письма Жане обнаружил как причину этих приступов страха, так и их смысл. Когда Люси было семь лет, двое знакомых решили испугать ее, спрятавшись за занавеской, и когда у Люси начинались приступы, вторая личность внутри ее психики, Адриана, вновь, переживала этот эпизод. Жане описал, каким образом ему удалось, используя установившийся между ним и пациенткой раппорт, помочь ей избавиться от болезненных симптомов и в конце концов заставить исчезнуть вторую личность[77]. Восемь месяцев спустя у больной произошел рецидив болезни, но Жане сумел быстро ликвидировать его с помощью гипноза в сочетании с автоматическим письмом. Жане дал уточненное описание раппорта, в частности, характерной для него избирательности, то есть постоянного наличия у пациентки внушаемости по отношению только к одному человеку, в данном случае к Жане, при отсутствии внушаемости по отношению ко всем другим[78].

Новые эксперименты с Леони принесли Жане несколько очень интересных открытий[79]. Он показал, что у пациентки, находящейся в состоянии гипноза, можно обнаружить два различных вида психологических проявлений: с одной стороны, это способность играть определенные роли с целью угодить гипнотизеру, с другой — возможность спонтанного проявления неизвестной личности, с помощью которой часто осуществляется возврат пациентки к детству. Так, Леони в состоянии гипноза называла себя именем, которым ее звали в детстве — Нишетта. Но за этой гипнотической личностью может скрываться и возникать, в случае гипноза второй личности, третья личность. Интересно, что у Леони эта третья личность являлась ожившей через двадцать лет старой гипнотической личностью, которую магнетизеры когда-то вызывали в ее психике. За время, прошедшее после тех опытов, она ни разу не проявляла себя, но теперь возникла точно в таком же виде, в каком появлялась в прошлом. Жане обнаружил, что подобный случай был описан Бертраном в 1823 году.

Жане посвятил свой «Психический автоматизм» докторам Жильберу и Повилевичу, которые предоставили ему для работы пациентов: четырнадцать женщин и пять мужчин, страдавших истерией, и восемь психотиков и эпилептиков. Основная часть его исследования, однако, основывалась на наблюдении за четырьмя женщинами: Розой, Люси, Мари и прежде всего знаменитой Леони. Жане стремился оставаться на твердой основе объективных фактов и в силу этого воздерживался от описания парапсихологических экспериментов с Леони. Ему приходилось применять осторожность и не делать выводов о возможных терапевтических применениях своих открытий, во-первых, поскольку Faculte des Lettres (филологический факультет) весьма болезненно относился к подобным вещам, во-вторых, для того, чтобы не вызывать критики со стороны врачей-терапевтов.

Сам термин «психический автоматизм» не был изобретен Жане. Среди многих других, им пользовался, например, Депен, который определял его как «необычайно сложные, требующие разума действия, имеющие целью достижение строго определенной и соответствующей обстоятельствам цели, действия, сугубо подобные тем, которые приказывает выполнить эго в других случаях через аналогичный механизм»[80]. Однако для Депена психический автоматизм есть продукт живого механизма, лишенный сознания, в то время как для Жане — это психологическое явление, выступающее самостоятельно и всегда связанное с рудиментарным сознанием. Жане подразделял проявления психического автоматизма на две группы: полный автоматизм, процесс, охватывающий мышление субъекта в целом, и частичный автоматизм, который подразумевает, что часть личности как бы вышла из-под ее контроля

и следует своему автономному, подсознательному развитию[81]. Наиболее рудиментарной формой полного автоматизма, считал Жане, является каталепсия. Состояние сознания каталептика можно сравнить с состоянием человека, приходящего в себя после обморока: он уже обрел какое-то сознание, но еще не осознал своего эго. Проведенные Жане исследования каталепсии позволили обнаружить три факта: (1) что такие состояния сознания имеют тенденцию сохраняться при отсутствии какой-то стимуляции извне, (2) что не существует сознания без той или иной формы движения, (3) что любая эмоция, проявившаяся во время этого состояния, имеет тенденцию определять движение, соответствующее этому ощущению, при условии, что это ощущение не противоречит личности данного субъекта.

Менее рудиментарным состоянием по сравнению с каталепсией является искусственный сомнамбулизм, то есть гипнотическое состояние, которое Жане определяет тремя критериями: (1) амнезия, наблюдаемая после пробуждения, (2) пациент помнит предшествующие гипнотические состояния во время гипноза, (3) находясь в гипнотическом состоянии, пациент помнит свое обычное состояние. Но в действительности дело обстоит сложнее, и Жане дает описание своих экспериментов с Леони и трех ее состояний: Леони I, Леони II и Леони III (она же Леонора) и об отношении этих трех воплощений друг к другу. Жане полагал, что он нашел определенное соотношение между различными состояниями амнезии и памяти, с одной стороны, и различными состояниями амнезии и памяти, с другой стороны, и он объясняет появление постгипнотической амнезии изменившимся состоянием чувствительности.

Более сложным по сравнению с гипнотическим состоянием является состояние, которое Жане называет последовательными сущностями (избегая, таким образом, выражения «переменные личности»). Жане анализирует вопрос о том, как относится каждая из этих личностей к остальным: иногда остальные личности не воспринимаются как таковые, но у пациента возникает ощущение того, что с ним происходит что-то странное, необычное, иногда другие личности воспринимаются с ощущением враждебности и презрения. Поведение второй личности часто имитирует поведение ребенка, и она называет себя прозвищем, которое пациент имел в детстве.

Жане начинает исследование автоматизма с простейших его видов — частичной каталепсии и дистракций (нервно-психического возбуждения), то есть особых состояний рассеянности сознания. В последнем случае врач может шепотом задать пациенту вопрос в тот момент, когда его внимание поглощено чем-то другим, и пациент автоматически отвечает, не осознавая происходящего. Жане показал, что такие состояния можно использовать для того, чтобы делать пациенту внушения и даже

вызывать у него галлюцинации, в результате чего возникает любопытное смешение сознательного и подсознательного и вмешательство их в работу друг друга. Тесно связано с состояниями дистракции и явление так называемого автоматического письма, широко практикуемое спиритами с 1850 года. Поместив в руку пациента карандаш и отвлекая его внимание, можно заставить его записывать информацию, о существовании которой он сам не подозревает, и таким образом извлекать большое количество подсознательного материала. Еще одним проявлением частичного автоматизма является постгипнотическое внушение — противоречивое явление, объясняемое Жане следующим образом: подсознательное мышление, которое выдвигается на передний план во время гипноза, а затем снова отступает назад, упорно стремится к точному выполнению приказаний, полученных от гипнотизера во время сеанса. Эту сложную проблему одновременного существования сознательного и подсознателього объясняет разработанная Жане общая теория desegregations psychologiques (психологической дезинтеграци) — понятия, весьма схожего с представлением о психологическом распаде, впервые предложенном Моро де Туром, а позднее Хьюлингсом Джексоном.

Остальная часть книги посвящена описанию и интерпретации различных форм частичного психического автоматизма: лозоходству, спиритизму и медиумизму, навязчивым влечениям и идеям («зацикленности») и галлюцинациям психотических пациентов. И, наконец, Жане рассматривает еще одно явление, которое он называет «обсессией» или «одержимостью», то есть состояния, действия и чувства индивида, находящегося под контролем неизвестной ему подсознательной идеи, как это было в случае с Люси. Последняя часто говорила с выражением ужаса на лице: «Мне страшно, но я не знаю почему». Жане объясняет это следующим образом: «Причиной происходящего является то, что подсознание пациентки пребывает в состоянии сна и оно видит во сне двух людей, спрятавшихся за занавеской, и это погружает ее тело в состояние страха». Когда Леони говорит: «Я плачу и не знаю почему», можно предположить, что и здесь действует какая-то подсознательная идея. «В подавляющем большинстве психических заболеваний, — делает вывод Жане, — равно как и при многих физических болезнях, психические и телесные нарушения являются результатом вытеснения какой-то идеи из сознания личности в ее подсознание».

Работа Жане «Психический автоматизм», уже получившая некоторую известность благодаря публикациям отрывков из нее в «Revue Philosophique», с самого начала получила признание как классическое исследование в области психологических наук. Она разрешила многие спорные вопросы, поставив в то же время ряд новых проблем. Основные особенности этой работы можно суммировать в следующем виде: (1) Ра-

ботая с пациентами, не испытавшими на себе ранее воздействие гипноза, Жане избежал возможной критики по поводу того, что наблюдаемые у пациентов симптомы могли являться результатом особой, замкнутой обстановки Сальпетриера, способной оказать воздействие на психическое состояние пациентов. Правда, с одной из его пациенток, Леони, когда-то проводились эксперименты гипнотизерами старой школы, и, изучая историю ее жизни, Жане открыл для себя забытый мир проводившихся на протяжении целого столетия исследований, проводимых старыми магнетизерами и гипнотизерами[82]. (2) Создавая свой психический анализ, Жане отошел от жесткой структуры классической психологии с ее строгим разграничением между интеллектом, эффективностью и волей. Жане утверждал, что даже на низшем уровне психической жизни нет ощущений и чувств без движения, он был согласен с мнением Фуйе о том, что естественной тенденцией каждой идеи является стремление развиться в действие. (3) Жане использовал динамический подход к проблеме, используя понятия физической силы и слабости. В случаях тяжелых форм истерии он говорил о психологической нищете (misere psychologique). (4) Жане настойчиво употребляет понятие «поле сознания» и говорит о его сужении у истерических пациентов в результате их психологической слабости. (5) Жане обнаружил два уровня ощущений на низшем уровне ментальной жизни — ощущения per se и ощущения, связанные с сознательным эго. Это подвело его к формулировке понятия функции синтеза (зачаткам его будущего понятия синтеза иерархии психических функций и физиологического напряжения). (6) Обратившись к появившемуся около ста лет назад понятию раппорта, Жане начал рассматривать его как особую форму анестезии, то есть искажение перцепции мира, другими словами, особую форму перцепции мира, сконцентрированную вокруг личности гипнотизера. (7) Жане утверждал, что определенные истерические симптомы могут быть связаны с существованием отщепленных от личности частей (подсознательные фиксированные идеи), наделенных автономной жизнью и развитием. Он показал, что их появление связано с каким-то травматическим событием в прошлом больного и что излечения больного от симптомов, свойственных истерии, можно добиться путем обнаружения и последующего растворения (dissolution) этих подсознательных психологических систем. Как иллюстрация вышеизложенного, заслуживает упоминания история болезни и психологического излечения пациентки Жане по имени Мари.

Эта молодая девятнадцатилетняя девушка была привезена из провинции и помещена в больницу в Гавре. Все считали, что она психически больна, и врачи утратили всякую надежду на ее излечение. Время от времени больная страдала приступами конвульсий, которые сопровождались бре-

дом и продолжались в течение нескольких дней подряд. В результате наблюдения выяснилось, что болезнь проявляется в виде тяжелых приступов, которые происходят регулярно и по времени совпадают с менструациями, и менее тяжелых, но более продолжительных недомоганий, наступающих нерегулярно в промежутках между менструациями. Мы начнем обсуждение ее болезни с рассмотрения регулярных приступов. В период, предшествующий менструации, поведение пациентки менялось, она становилась мрачной и агрессивной, что обычно было ей не свойственно, и страдала от болей, нервных спазмов и дрожания во всем теле. Тем не менее в целом ее состояние в первый день менструации не отличалось резко от обычного. Однако через двадцать часов менструация внезапно прекращалась, все ее тело охватывал сильный тремор, а затем наступала резкая боль, которая начиналась в области живота и затем поднималась вверх к горлу, после чего с больной происходил тяжелый истерический припадок. Эти приступы, хотя и были очень тяжелыми, продолжались недолго и не напоминали тремор, наблюдаемый при эпилепсии, они сопровождались тяжелым продолжительным бредом. Больная то испускала крики ужаса, не переставая говорила о крови и об огне, пыталась бежать, спасаясь от пламени, то представляла себя ребенком, играющим с матерью, пыталась залезть на плиту и на предметы мебели, стоящие в палате, и устраивала там страшный беспорядок. Эти приступы бреда и сильные судороги перемежались периодами отдыха, продолжавшимися по 48 часов. Затем следовало несколько приступов кровавой рвоты, после чего состояние больной становилось нормальным. После одного-двух дней Мари успокаивалась, при этом она абсолютно не помнила ни о чем, что до этого с ней происходило. В промежутках между этими ежемесячными приступами у больной наблюдались небольшие судороги рук или различных межреберных мышц или онемения, происходившие в разных участках тела, кроме этого, она страдала полной и постоянной слепотой левого глаза (...) Больная переживала также менее сильные приступы, не сопровождавшиеся сильным бредом, но характеризующиеся ощущением панического страха. Данный случай, очевидно связанный с менструациями, казался сугубо физическим заболеванием, поэтому сначала я очень мало занимался этой пациенткой. Я провел с ней несколько гипнотических экспериментов и пытался обследовать ее онемения, но при этом старался избегать всего того, что могло вызвать у нее беспокойство в моменты приближения тяжелых приступов. Мари пролежала в больнице семь месяцев, регулярно получая различные медикаментозные средства и гидротерапию, что не вызвало никаких изменений в ее состоянии. Более того, все терапевтические способы лечения, особенно те, которые касались ее менструаций, приводили лишь к ухудшению состояния больной и усиливали бред.

В конце восьмого месяца ее пребывания в больнице Мари с отчаянием пожаловалась на свой тяжелый жребий, она прекрасно понимала, что

ее приступы никогда не прекратятся. «Послушайте, — сказал я из любопытства, — объясните, что происходит, когда вы чувствуете приближение приступа».— «Вы знаете, все как будто останавливается, меня охватывает дрожь, а потом я уже ничего не помню». Я хотел получить точную информацию о том, что с ней происходило, когда у нее впервые появились и начали прерываться менструации. Мари не дала мне четкого ответа, казалось, она забывала все, что относилось к тому времени. И тогда мне пришло в голову погрузить ее в глубокое сомнамбулическое состояние, состояние, дающее, как мы видели, возможность вызывать давно забытые воспоминания, и благодаря этому мне удалось точно восстановить события, о которых больная имела лишь смутное представление.

В возрасте 13 лет у Мари впервые началась менструация, и в результате детских страхов, а может быть из-за того, что она что-то об этом слышала и неправильно поняла, она вообразила, что с ней происходит что-то постыдное и пыталась найти способ как можно скорее прекратить кровотечение. Примерно через двадцать часов после начала менструации она незаметно вышла из дома и погрузилась в стоявшую во дворе большую бочку с холодной водой. Цель была достигнута, менструация немедленно прекратилась, и, несмотря на сильную дрожь во всем теле, Мари смогла добраться до постели. После этого она несколько дней пробыла в бреду и долго болела. Однако, в конце концов, болезнь отступила, и менструации не появлялись в течение пяти лет. Когда они возобновились, то принесли с собой те болезненные приступы, которые я наблюдал. Если сопоставить симптомы ее заболевания — внезапное прекращение менструации, дрожь, боли, которые она испытывает, будучи в сознании, с тем, что она говорит в сомнамбулическом состоянии (и что было подтверждено другими источниками), можно сделать следующий вывод: каждый месяц сцена погружения в холодную ванну как бы повторяется, наступает прекращение менструации и состояние бреда, и все это в более тяжелой форме, чем это было в первый раз, и наконец происходит дополнительное кровотечение через желудок. Но, находясь в сознании, она ничего этого не помнит, не помнит даже того, что дрожь вызывается галлюцинацией холода. Следовательно, можно предположить, что эта сцена происходит в подсознании и что остальные нарушения связаны с ней.

После того как это предположение было сделано — соответствовало оно истине или нет — и после консультации с доктором Повелевичем, я попытался удалить из сомнабулического сознания пациентки абсурдную фиксированную идею о том, что причиной прекращения менструации является погружение в холодную ванну. Сначала мне не удалось это сделать, навязчивая идея сохранялась, и менструация, которая должна была начаться на два дня позже, происходила с обычными осложнениями. Но теперь, когда в моем распоряжении было больше времени, я повторил свою попытку

и смог добиться успеха, применив весьма своеобразную тактику. Было необходимо использовать внушение таким образом, чтобы вернуть больную к тринадцатилетнему возрасту, возвратить ее в те обстоятельства, которые послужили причиной возникновения заболевания, и убедить ее в том, что менструация продолжалась положенные три дня, непрерываемая никакими печальными инцидентами. Когда это было сделано, следующая менструация началась в положенное время, продолжалась три дня и не сопровождалась никакими болями, конвульсиями или бредом.

Теперь, когда был достигнут этот результат, можно было приступить к рассмотрению других симптомов. Я опускаю детали этого психологического исследования, которое временами представляло значительные трудности. Оказалось, что приступы панического страха были повторением тех ощущений, которые девушка испытала в шестнадцатилетнем возрасте, увидев, как погибла пожилая женщина, упав с лестницы; кровь, о которой больная говорила в бреду, была связана с воспоминаниями об этой сцене. Что касается ее упоминаний о пожаре, по-видимому, это было лишь порождением ее воображения, поскольку этот образ не был связан ни с какими реальными эпизодами. Используя тот же прием, то есть возвратив пациентку к тому моменту, когда произошел несчастный случай, я сумел (хотя и не без некоторых сложностей) внушить ей, что женщина всего лишь споткнулась, а не погибла, после чего приступы страха исчезли.

И наконец, я решил заняться изучением причин того, что Мари не видела левым глазом. Она возражала против моего обследования, говоря, что слепа на этот глаз с самого рождения. Погрузив ее в состояние сомнамбулизма, не сложно было убедить пациентку в том, что она ошибается, — при возвращении Мари с помощью известных методов к тому времени, когда она была пятилетним ребенком, она вновь обретала свойственные ей в том возрасте ощущения, и оказывалось, что она видит обоими глазами. Следовательно, слепота наступила, когда больной было пять лет. Но при каких обстоятельствах это случилось? Мари утверждала, что она этого не знает. Я заставил ее вновь проиграть в состоянии сомнамбулизма основные события ее жизни того периода и обнаружил, что слепота наступила в определенный момент в результате одного малозначительного случая. Однажды Мари, несмотря на ее протесты, уложили в постель вместе с девочкой ее возраста, у которой всю левую половину лица закрывало пятно импетиго. Через некоторое время подобное поражение кожи появилось на том же месте и у Мари. Это пятно появлялось у нее на протяжении нескольких лет примерно в одно и то же время, но наконец она излечилась от этого. Однако никто не заметил, что с того момента у нее наступило онемение левой части лица и она ослепла на левый глаз. Это онемение оставалось у нее постоянно или, если не выходить за рамки того, что я сам наблюдал, оно оставалось у нее постоянно, в какие бы периоды жизни я ее ни погружал с помощью

внушения; причем, когда онемение наступало в других частях тела, оно потом полностью исчезало. Я сделал попытку излечить ее тем же способом, что я использовал раньше. Я заставил Мари снова оказаться рядом с ребенком, который вызывал у нее такой ужас. Мне удалось убедить ее в том, что ребенок выглядит нормально и у него отсутствует то страшное заболевание (заставить ее поверить в это было нелегко, и мне удалось этого добиться только со второй попытки). Поверив в то, что ребенок нормален, Мари смогла дотрагиваться до него и гладить его без всякого опасения, после чего чувствительность левого глаза легко восстановилась, и, когда Мари проснулась, она видела обоими глазами.

С тех пор как я произвел эти эксперименты, прошло пять месяцев. За это время у Мари не появилось ни малейших приступов истеричности, она прекрасно себя чувствует и становится здоровее и здоровее. В состоянии ее физического здоровья произошли явные сдвиги. Я не хотел бы преувеличивать значение этого случая и не знаю, каково будет состояние пациентки в будущем, но считаю, что эта история интересна тем, что она доказывает, какое большое значение имеют подсознательные идеи и какую большую роль они играют в возникновении некоторых физических, равно как и психических заболеваний[83].

Творчество Жане: III — психологический анализ

В конце 1899 года, когда Жане начал заниматься медициной, он сразу предпринял психологические обследования в Сальпетриере, где в его распоряжении находились пациенты из палат Шарко, Фальре и Сегла.

Одной из первых пациенток, на которых он продемонстрировал метод психологического анализа и синтеза, была молодая двадцатидвухлетняя женщина Марсель[84]. Она была помещена в палату доктора Фальре в связи с тяжелым психическим расстройством, которое началось в четырнадцатилетнем возрасте и постепенно усиливалось. Больная испытывала особые трудности в передвижении, хотя и не была парализована, и у нее наблюдалось сильное расстройство памяти и мышления. Жане поставил себе задачу найти способ помочь пациентке, используя методы экспериментальной психологии. Он был уверен, что никакие психологические измерения функций в данном случае не помогут. «Экспериментальный подход, — писал он, — состоит, прежде всего, в тщательном изучении пациента — его жизни, учебы, характера и мыслей — при этом врач всегда должен придерживаться убеждения, что информация, которой он располагает о пациенте, недостаточна. Затем следует помещать пациента в обычную или специфическую ситуацию и наблюдать, как он ведет себя и что говорит. Эти наблюдения должны

быть направлены сначала на изучение его поведения и высказываний, затем на рассмотрение каждой специфической функции. В случае Марсель наиболее показательным симптомом были трудности, испытываемые ею при движении. Казалось, что она с легкостью выполняет обычные для себя движения, но не может выполнить движений, при которых необходимо принятие самостоятельного решения. Поток мысли у пациентки часто прерывался тем, что она называла облаками, и в это время ее сознание наполняли всевозможные странные хаотические идеи и галлюцинации. Ее память хранила все события, происходившие с ней до пятнадцатилетнего возраста, но больная лишь смутно помнила то, что случилось с ней в период между пятнадцатью и девятнадцатью годами, и совсем не помнила ничего из того, что происходило после этого. Она оказывалась абсолютно не способной хоть как-то представить свое будущее и была отчуждена от собственной личности.

Жане прежде всего проделал классификацию симптомов заболевания в соответствии с их глубиной (profondeur). На самом поверхностном уровне оказались облака, которые он сравнил с последствиями постгипнотических внушений. Ему пришла в голову мысль о том, что их содержание, возможно, является частичным отражением содержания популярных романов, чтение которых было страстным увлечением Марсель на протяжении многих лет. На среднем уровне располагались импульсы, которые Жане приписывал действию подсознательных навязчивых идей, являющихся результатом определенных травматических воспоминаний. И, наконец, в глубине лежал болезненный слой, связанный с наследственностью, тяжелыми физическими заболеваниями, перенесенными пациенткой в прошлом, и травматическими событиями ее детства.

За психологическим анализом должен был следовать психологический синтез, то есть реконструкция развития заболевания. Сначала больная страдала от нарушений, связанных с наследственностью, затем, в четырнадцатилетнем возрасте, пережила тяжелую форму брюшного тифа, в результате чего она утратила всякую способность приспособляться к окружающим условиям, что было тяжелым ударом для ее психического состояния. Все это привело к образованию порочного круга — не будучи в состоянии приспособляться к новым ситуациям, Марсель удалялась от действительности в свои мечты, что делало ее еще менее приспособленной к окружающей действительности, чем раньше. Год спустя последовала еще одна травма. Скончался ее отец, который на протяжении последних двух лет страдал параплегией. Последним ударом для Марсель стала неудачная любовная связь, в результате которой появились мысли о самоубийстве. В это время она лишилась памяти о последних событиях своей жизни.

Что можно было сделать, чтобы помочь этой пациентке? Сначала Жане тщетно пытался развить у нее синтетическую функцию посредством элементарных упражнений в навыках чтения. Затем он предпринял попытку использовать внушение, чтобы помочь ей отделаться от навязчивых идей, но не успевал он уничтожить один симптом, как на смену ему появлялся другой, в то же время сопротивление пациентки во время гипноза усиливалось. Использование автоматического письма привело к классически выраженным истерическим кризам. Однако вскоре Жане заметил, что эти попытки принесли и свою пользу. Гипноз и автоматическое письмо провоцировали кризы, но, с другой стороны, в сознании больной после них появлялись некоторые прояснения. Эти кризы становились все более тяжелыми, а всплывавшие на поверхность навязчивые идеи имели все более давнее происхождение. Идеи, которые появлялись у пациентки на протяжении всей ее жизни, возникали теперь одна за другой в обратном порядке. «Удалив поверхностный слой заблуждений, я вызвал появление старых, упорно сопротивляющихся навязчивых идей, лежавших на дне ее сознания. Постепенно они начали исчезать, что принесло значительные улучшения в состоянии больной». Среди других наблюдений, связанных с данным случаем, следует отметить высказывание Жане о том, что «в человеческом сознании ничто никогда не утрачивается» и что «подсознательные навязчивые идеи являются результатом психической слабости, с одной стороны, и источником дальнейшего ее ослабления и ухудшения психического состояния пациента — с другой».

Хотя Жане был осторожен в выборе пациентов и обычно предпочитал заниматься только теми, кто недавно попал в Сальпетриер, для того, чтобы избежать неблагоприятных последствий царившей там обстановки, он сделал исключение для почти легендарной мадам Д., на основе экспериментов с которой Шарко построил свое понятие «динамической амнезии». В небольшом провинциальном городе в западной части Франции проживала тридцатичетырехлетняя замужняя белошвейка, которую 28 августа 1891 года обнаружили в состоянии крайнего беспокойства. Она заявила, что какой-то незнакомый человек позвал ее по имени и сообщил ей о смерти ее мужа. Это сообщение оказалось ложным, и происшедший инцидент не получил никакого объяснения, но на протяжении трех дней больная пребывала в состоянии истерической летаргии и бреда. 31 августа у нее появились признаки ретроградной амнезии, простирающейся на шестинедельный отрезок времени. Она помнила все события своей жизни, вплоть до 14 июля 1891 года. На протяжении следующих шести недель с ней произошли некоторые события, такие, как церемония награждения в школе, в которой учились ее дети, поездка в Руэ, но она полностью утратила о них всякие воспоминания.

У больной появилась также и антероградная амнезия. Она забывала то, что делала в предшествующую минуту, как это происходит с пациентами, пораженными болезнью Корсакова. Так, например, ее укусила собака, которая, как полагали, была больна бешенством, после чего больной сделали прижигание, и муж отвез ее в Париж в институт Пастера, но она ничего не помнила об этих событиях. Перед отъездом из Парижа муж привел ее к Шарко в Сальпетриер, где она осталась в качестве пациентки. Наблюдения показали, что мадам Д. разговаривает по ночам во сне и упоминает события, которые она, по-видимому, забыла. Это навело Шарко на мысль поручить одному из своих ассистентов загипнотизировать ее. В одной из своих незабываемых клинических лекций, прочитанной 22 декабря 1891 года, Шарко продемонстрировал мадам Д. публике, прежде чем загипнотизировать ее. Он задавал ей вопросы, связанные со смертью мужа, с эпизодом с собакой, об Эйфелевой башне, об институте Пастера и Сальпетриере. Она не могла ответить ни на один из этих вопросов. После этого пациентку увели, загипнотизировали и привели обратно в аудиторию. На этот раз, когда Шарко задавал ей те же вопросы, она оказалась в состоянии ответить на все из них[85]. Жане было поручено заняться с ней психотерапией. Он заметил, что несмотря на длительную амнезию, память пациентки, вероятно, удерживала последние события, иначе она не могла бы так хорошо приспособиться к жизни в больнице. Жане начал исследовать ее подсознательные воспоминания. Помимо материала, полученного из снов пациентки и во время гипнотических сеансов, он смог извлекать информацию об ее подсознательных воспоминаниях с помощью автоматического письма и отвлечения ее внимания, а также воспользовавшись новым методом, состоявшим в том, что пациентке разрешалось громко говорить о чем угодно, вместо того, чтобы писать автоматически[86]. Но почему пациентка не могла вспомнить те события, воспоминания о которых лежали в глубине ее сознания? Жане предположил, что причиной этого явилась психотическая травма и принялся за уничтожение навязчивых идей. Поместив больную в гипнотическое состояние, он осторожно вызывал из ее памяти фигуру мужчины, который когда-то напугал ее, и попытался изменить его образ. Затем он попытался вновь проиграть сцену, связанную с этим человеком, заменив его самим собой и спрашивая ее, не может ли он зайти к ней в гости. Воспоминания пациентки начали переходить в ее сознание, но это сопровождалось появлением сильных головных болей и суицидных тенденций, которые, однако, в конце концов исчезли. Помимо лечения гипнозом, применялась и специально разработанная система умственных тренировок. В случае с этой больной Жане также подчеркивал двоякий аспект навязчивых идей, с одной стороны, являющихся результатом психической слабости пациентки,

а с другой — представляющих собой одновременно и причину этой слабости[87]. В последний том своей работы «Клинические аспекты заболеваний нервной системы» Шарко включил историю болезни мадам Д., отметив благоприятный результат лечения, проведенного Жане[88].

Еще одной из первых пациенток Жане в Париже была Жюстина!, сорокалетняя замужняя женщина, которая появилась в Сальпетриере в октябре 1890 года и лечилась амбулаторно у доктора Сегла. На протяжении нескольких лет она страдала паническим страхом заразиться холерой и время от времени переживала истерические кризы, сигналом к которым было восклицание: «Холера... она приближается ко мне!» В детстве больная испытывала страх смерти, поскольку иногда ей приходилось помогать матери, которая работала в больнице медсестрой и часто дежурила у постели умирающих. Однажды девочка увидела трупы двух пациентов, умерших от холеры. Жане три года лечил Жюстину амбулаторно, и ее излечение явилось одним из самых блестящих его достижений[89]. В этом случае психоанализ был также тесно связан с терапевтическим процессом.

Жане начал свою работу с этой пациенткой с изучения ее истерических кризов. Во время этих приступов с больной бесполезно было разговаривать, — она, казалось, ничего не слышала. Тогда Жане решил подключиться к драме, переживаемой ею во время криза, в качестве второго ее участника. И когда Жюстина издала свое обычное восклицание: «Холера... Она приближается ко мне!», Жане ответил: «Да, она держит вас за правую ногу!», в результате чего пациентка старалась отодвинуть правую ногу. Тогда Жане спрашивал ее: «Где же она, ваша холера?», на что она отвечала: «Здесь! Смотрите! Она синяя. Я слышу ее ужасный запах!» Таким образом Жане удалось завязать с больной разговор, который он поддерживал на протяжении всего криза и постепенно переводил ее в нормальное гипнотическое состояние. Позже он смог вызывать у нее гипнотическое состояние обычным способом и получил полную информацию о событиях, вновь переживаемых ею во время кризисов. Она видела два трупа, стоящих рядом с ней, причем ближе к ней стоял труп безобразного голого старика, имевший зеленоватый оттенок и испускавший зловоние разложения. Одновременно она слышала звон церковных колоколов и крики: «Холера! Холера!». Как только криз заканчивался, Жюстин, по-видимому, все забывала, но мысль о холере постоянно оставалась в ее сознании. Жане разработал план лечения пациентки с помощью гипноза. Команды, отдаваемые ей во время погружения в гипнотическое состояние, приносили лишь ограниченную пользу. Более эффективным явилось разрушение картины галлюцинаций, но это был медленный процесс, возможности которого также были ограничены. Самым эффективным методом лечения ока-

залась подмена, то есть внушение о постепенной трансформации картины галлюцинаций. Обнаженный труп постепенно получил одежду и стал идентифицироваться с китайским генералом, который произвел на Жюстину большое впечатление во время посещения ею Всемирной выставки. Затем генерал обрел способность ходить и действовать, так что его облик уже не связывался с чем-то вызывающим ужас, скорее он представлял собой комическую фигуру. Приступы истерии сменились несколькими криками, за которыми, однако, следовали взрывы смеха. Затем исчезли и крики, и видения, связанные с холерой, появлялись только в снах да и то лишь до тех пор, пока Жане не изгнал их и оттуда, внушив ей, что ее сны должны быть безобидными. На то, чтобы добиться этих результатов, потребовалось около года. Тем не менее навязчивая идея, связанная с холерой, продолжала сохраняться как на сознательном, так и на подсознательном уровне. Иногда можно было услышать, как Жюстина шепчет слово «холера», в то время как ее сознание занято совершенно другими мыслями. Попытки уничтожить эту навязчивую идею с помощью автоматического письма заканчивались тем, что больная начинала бесконечно повторять слово «холера... холера...». Тогда Жане решил направить усилия против самого слова и внушил ей, что «Хо-ле-ра» — это имя того самого китайского генерала. Жане добавлял к слогу «хо» другие окончания до тех пор, пока не наступил день, когда слово «холера» потеряло свое зловещее звучание.

Но полное исцеление еще не наступило. После исчезновения основной навязчивой идеи, стали развиваться вторичные навязчивые идеи. Жане разделил их на три группы: 1) производные навязчивые идеи, возникающие как результат ассоциаций с основной навязчивой идеей (например, смертельный страх перед гробами и кладбищами), 2) навязчивые идеи ниже лежащих слоев: как это ни удивительно, но после удаления одной навязчивой идеи на поверхность всплывает другая, не связанная с первой и не имеющая никакого отношения к окружающим первую идею обстоятельствам. Это более ранняя идея, предшествовавшая по времени той, которую только что удалили, идея, появляющаяся повторно. Когда, в свою очередь, и эта идея оказывается устраненной, на смену ей появляется третья, еще более ранняя, поэтому излечение пациента от навязчивых идей, когда-либо посещавших его, должно проводиться в обратном порядке, 3) случайные навязчивые идеи, которые представляют собой нечто совершенно новое и могут быть спровоцированы любым событием повседневной жизни; они легко убираются, но при условии, что лечение проводится немедленно. Тот факт, что они могут столь легко появляться, говорит о состоянии повышенной чувствительности пациента, и это, в свою очередь, вызывает необходимость дальнейшего лечения. В этом случае не следует применять

лечение с помощью внушения. Эту проблему скорее можно решить, развивая у пациента внимание и способность к умственному синтезу. С этой целью Жане разработал для Жюстины программу, состоящую из элементарных упражнений, начинающихся с арифметических действий и нескольких строчек письма, для выполнения которых Жюстиной он заручился помощью ее мужа. После тренировок, продолжавшихся год, то есть к концу третьего года лечения, пациентка, очевидно, находилась в нормальном состоянии, но Жане все еще не считал, что можно говорить о ее полном выздоровлении.

Проводя синтетическую реконструкцию болезни Жюстины, Жане рассмотрел фактор наследственности и историю жизни пациентки. В свете этих двух моментов он рассматривал воздействие друг на друга физических болезней и психической травмы больной. В возрасте шести-семи лет Жюстина перенесла тяжелое заболевание неизвестного характера, по всей вероятности, менингит. Позднее она переболела брюшным тифом. (Жане отмечает, что заболевание брюшным тифом и гриппом часто предшествует появлению невроза.) В детстве Жюстина несколько раз испытывала состояние сильного испуга и эмоционального потрясения, кульминацией чего явился эпизод, когда она увидела трупы больных, умерших от холеры. Восстанавливая семейную историю пациентки на протяжении трех-четырех поколений, Жане обнаружил, что несколько представителей более ранних поколений семьи страдали болезненными импульсами и обсессиями и были подвержены алкоголизму, а среди недавних поколений были эпилептики и слабоумные, что точно соответствовало родословным, на основе которых Морель построил свою теорию умственной дегенерации. Однако Жане не верил в фатальность деградации, он утверждал, что фамильные болезни могут отступать так же, как и болезни индивидов. Основное, говорил он, — это понять, что заболевание выходит за рамки данного индивида, поскольку в этом случае есть причины оставить надежды на полное излечение больного. Предупреждая об опасности впасть в другую иллюзию, Жане подчеркивал, что «чем легче представляется излечение, тем сильнее на самом деле поражен мозг больного», так как высокая внушаемость свидетельствует о слабости мышления, а это может привести к потребности пациента в сомнамбулизме, способной превратиться в непреодолимое влечение, не менее опасное, по мнению Жане, чем морфинизм. Такие пациенты не только испытывают потребность в том, чтобы подвергаться гипнозу, но и стремятся к общению с психиатром, образ которого постоянно находится в их подсознании, жаждут слышать его критику в свой адрес и получать его указания. Во время своих галлюцинаций Жюстина часто просила у него совета, и он объяснял ей, как следует поступить, причем интересно, что его указания не были для

нее повторением того, что он говорил ей раньше, но казались ей чем-то новым и необычайно мудрым. Терапевтическая проблема, делает заключение Жане, состоит, во-первых, в том, чтобы установить контроль над сознанием пациента, а во-вторых, в том, чтобы свести этот контроль до необходимого минимума, в частности, проводя приемы больного через соответствующие промежутки времени. Сначала Жане встречался с Жюстиной несколько раз в неделю, затем один раз, а во время третьего года лечения — раз в месяц. Но как долго должно продолжаться такое лечение? Жане отвечает на этот вопрос, приводя эпизод из практики доктора Мореля. Морель магнетизировал в своей психиатрической больнице пациентку, страдающую психозом, и вылечил ее. Больную выписали, но она регулярно приходила к нему на прием. Однако когда Морель скончался, в ее состоянии произошло резкое ухудшение и ее пришлось снова поместить в лечебницу, на этот раз навсегда. «Будем надеяться, что подобного не произойдет с нашими пациентами», — заключает Жане.

Еще один случай, прославивший врачебное искусство Жане — излечение пациента по имени Ахилл. Этот тридцатитрехлетний человек был помещен в Сальпетриер в конце 1890 года с признаками демонической одержимости. Он вырос в семье, все члены которой были суеверны, а его отец заявлял, что однажды у подножия дерева он встретился с самим дьяволом. Ахилл постоянно находился в состоянии сильного возбуждения, ударял себя кулаком в грудь, произносил богохульства и временами беседовал с дьяволом, голос которого перемежался с его собственным. Шарко просил Жане заняться лечением этого пациента. История болезни не давала сколько-нибудь ясной картины заболевания. Примерно за полгода до начала болезни пациент отправился на несколько месяцев в короткую деловую поездку, по возвращении из которой его жена заметила, что он стал мрачным и неразговорчивым, и был постоянно погружен в себя. Доктора, осматривавшие его, не находили у него никаких заболеваний. Однажды у него внезапно начался приступ дикого хохота, не прекращавшийся в течение двух часов, после чего он заявил, что видел ад, сатану и демонов. Затем, связав себе ноги, он бросился в пруд. После того как его вытащили оттуда, он сказал, что это было испытанием, имевшим целью проверить, действительно ли он одержим дьяволом. Ахилл оставался в таком состоянии на протяжении нескольких месяцев, и Жане заметил у него на теле классическую стигму, свидетельствующую о его одержимости дьяволом. Пациент отказывался говорить и, как выяснилось, не поддавался воздействию гипноза.

Жане воспользовался тем, что внимание пациента было обращено на что-то другое, вложил ему в руку карандаш и, стоя позади него, на-

чал шепотом задавать ему вопросы. Когда рука больного стала двигаться, Жане прошептал: «Кто ты?» «Дьявол», — появилась ответная надпись. «Тогда нам есть о чем поговорить», — сказал Жане и попросил, чтобы в качестве доказательства того, что он действительно дьявол, он заставил пациента поднять руку против желания последнего, что было незамедлительно сделано. Тогда в качестве еще одного доказательства Жане попросил дьявола погрузить пациента в гипнотическое состояние также против воли последнего. Было выполнено и это. Как только больной оказался погруженным в гипнотическое состояние, он начал отвечать на вопросы сам и рассказал следующую историю. Во время своей поездки шесть месяцев назад Ахилл изменил жене. Он пытался забыть этот инцидент, но внезапно обнаружил, что утратил способность говорить. Ему часто снился дьявол, и однажды он обнаружил, что дьявол вселился в него.

Как объяснял Жане, бредовые идеи пациента были не просто продолжением его снов. «Это соединение, то есть реакция двух направлений мысли, которые раздирают его бедный ум, это взаимодействие сна, который ему снится, и сопротивления нормального человека». Вот почему внушение как метод лечения здесь было бы недостаточным. «Необходимо обнаружить главный факт, лежащий в основе заболевания... Болезнь в данном случае связана не с мыслью о демоне. Мысль о нем вторична и представляет собой скорее интерпретацию его представлений, связанных с суеверием. Истинной причиной заболевания являются угрызения совести». Жане попытался убедить пациента в том, что жена полностью простила его. Внешние признаки болезни стали исчезать, болезненные идеи оставались только в снах, откуда их пришлось удалять последовательно. В своем описании этого случая, которое он опубликовал в декабре 1894 года, Жане писал, что пациент не проявляет никаких болезненных признаков уже на протяжении трех лет. В заключение он пишет: «Человек, со свойственной ему гордыней, полагает, что он является хозяином своих движений, своих слов, своих идей и себя самого[90]. На самом же деле именно собой мы в состоянии распоряжаться менее всего. Есть масса вещей, которые происходят внутри нас без участия нашей воли». Он добавляет, что «люди имеют склонность утешать себя прекрасными историями, чтобы спастись от тусклой действительности. Некоторыми из них эти истории овладевают до такой степени, что становятся более важными, чем сама действительность»[91].

Еще одним классическим случаем излечения, относящимся к более позднему периоду деятельности Жане, стал случай с Ирен, которая была помещена в Сальпетриер в возрасте двадцати трех лет с тяжелыми истерическими расстройствами, сомнамбулическими кризами, галлюцинациями и амнезией[92]. Болезнь началась после смерти ее матери за

два года до этого. Ирен была единственным ребенком алкоголика-рабочего и матери, страдающей неврозом. Это была умная, трудолюбивая девушка, обладающая чувством ответственности, но нервная и чрезвычайно робкая. Когда Ирен было двадцать лет, на ее плечи легли заботы о больной матери, страдавшей тяжелой формой туберкулеза. В то же время ей приходилось работать, чтобы зарабатывать деньги на жизнь для всей семьи. На протяжении двух последних месяцев, предшествовавших смерти матери, Ирен день и ночь проводила у ее постели, не смыкая ни на минуту глаз. После кончины матери, последовавшей в июле 1900 года, поведение Ирен резко изменилось. Она смеялась на похоронах, не соблюдала траур, начала посещать театры. Она знала, что ее мать умерла, но относилась к этому как к событию, не имевшему к ней никакого отношения. У нее развилась сильнейшая амнезия, охватывающая три-четыре месяца, предшествовавшие смерти матери, и достаточно сильная амнезия на события, последовавшие за этим. Время от времени она страдала галлюцинациями, во время которых видела свою мать и слышала ее голос, иногда этот голос приказывал ей покончить жизнь самоубийством. Кроме того, у нее случались сомнамбулические припадки, во время которых она заново проигрывала смерть матери. Эти приступы продолжались несколько часов, и, как пишет Жане, «это был превосходный драматический спектакль», никакая актриса не могла бы разыграть эти мрачные сцены столь совершенно. В течение некоторого времени Ирен разговаривала со своей умершей матерью и по ее приказанию ложилась на железнодорожные рельсы, необыкновенно впечатляюще изображая ужас в ожидании поезда, который должен ее переехать. Она проигрывала и другие драматические сцены, в частности, в одной из них она была свидетельницей того, как человек убивает себя выстрелом из револьвера. Ирен провела в больнице три месяца в изоляции от других больных, ее подвергли лечению гидротерапией и электричеством, но без каких-либо результатов. Когда Жане пытался гипнотизировать пациентку, он столкнулся с очень сильным сопротивлением с ее стороны. Воспоминания возвращались к ней только в результате больших усилий и мощной стимуляции, осуществляемой врачом. Более того, возвращение утраченных воспоминаний сопровождалось сильными головными болями, как это было и в случае с мадам Д., и восстановленные воспоминания быстро исчезли в результате наступившей амнезии. Главным терапевтическим агентом в этом случае была стимуляция памяти: «С того момента как Ирен смогла думать о матери по желанию, навязчивые мысли о ее смерти оставили ее, после чего исчезли и амнезия, и гипермнезия, полностью прекратились и истерические приступы, галлюцинации и внезапные приступы страха подсознательного происхождения».

Жане отмечал, что в случае с Ирен процесс лечения шел в обратном направлении по сравнению с мадам Д., у которой уничтожение навязчивой идеи привело к исчезновению амнезии. Жане сделал отсюда заключение о том, что в таких случаях истерии «болезнь одновременно проявляется в двух признаках: (1) в неспособности пациента сознательно и добровольно вызывать у себя некоторые воспоминания, (2) в автоматическом, непреодолимом и нежелательном возвращении тех же воспоминаний. Таким образом, здесь приходится иметь дело с физиологической системой, которая выходит из-под контроля сознания и развивается самостоятельно». В случае с Ирен, как и в случаях с другими пациентами, лечение с помощью гипноза и внушения пришлось дополнить курсом умственной стимуляции и преобразования. Жане постепенно расширил понятие подсознательных навязчивых идей, распространив его за пределы классической истерии, например, на случай упорной бессонницы, помня, какую роль Нуазе и другие магнетизеры старой школы придавали воле и внушению во время сна. Жане указывал, что одна из форм бессонницы вызывается подсознательными навязчивыми идеями, в качестве иллюстрации которой он приводил следующий случай. Женщина тридцати семи лет, потерявшая ребенка, через четыре месяца после этого перенесла тяжелую форму брюшного тифа, в результате чего в течение одного-двух месяцев у нее наблюдалась навязчивая фиксация мыслей на умершем ребенке[93]. Когда эта обсессия прекратилась, больная начала страдать от бессонницы, которая к моменту ее встречи с Жане продолжалась уже три года. Прием снотворных препаратов вызывал у пациентки головные боли и путаницу в мыслях, но не избавлял от бессонницы. Больную поместили в Сальпетриер, где за ней было установлено наблюдение. Было обнаружено, что она не спит ни минуты. Когда Жане начал гипнотизировать пациентку, она засыпала на две-три минуты, а затем снова просыпалась. Так он определил, что больная может заснуть, но не может продолжать спать. Жане удалось установить с ней раппорт в течение нескольких минут, которые она спала, и, уговаривая ее мягким голосом, он сумел добиться того, чтобы она проспала два часа. Во время сна больная непрерывно разговаривала с ним и сообщила, что ее постоянно преследует неотступная идея, связанная со смертью и похоронами ребенка, которая иногда сменяется мыслями о смерти отца. Таким образом, эта навязчивая идея поначалу была осознанной, а затем стала подсознательной и явилась причиной появления бессонницы. В этом случае лечение также состояло в диссоциации фиксированной идеи, однако после исчезновения ее симптомов пациентка по-прежнему нуждалась в постоянной поддержке Жане.

При обследовании восьми пациентов, страдающих судорогами мышц туловища, Жане обнаружил, что каждый из них перенес психиче-

скую травму или эмоциональный шок[94]. Он считал, что судороги у них продолжаются, поскольку пережитое ощущение сохраняется. Это нечто вроде «застывшей эмоции», которую пациент не осознает. Лечения с помощью внушения, продолжает он, в таких случаях недостаточно. Необходимо избавить пациента от навязчивой идеи и, помимо психологического лечения, применить массаж, результаты которого, как считал Жане, в значительной степени зависят от того, насколько велико личное влияние, оказываемое массажистом на пациента.

В работах Жане содержатся многочисленные подробные описания других случаев заболеваний, в которых удалось достичь исцеления пациента через установление и уничтожение «подсознательных навязчивых идей», начиная со случая с Люси (1886), Мари (1889), Марсель (1891), благодаря которым Жане пришел к выводу о том, что с помощью психологического анализа можно добиться терапевтического эффекта[95].

Сейчас мы кратко подведем итоги основных открытий, сделанных Жане в области «психологического анализа».

Жане принадлежит открытие «подсознательных навязчивых идей» и их патогенной роли. Причиной их появления обычно является какое-то травматическое событие или испуг, мысль о котором стала подсознательной и была вытеснена болезненными симптомами. По мнению Жане, этот процесс связан с сужением поля сознания.

Жане обнаружил промежуточные уровни подсознательных идей, лежащие между сознанием и конституциональной структурой обследуемых пациентов. Далее он пришел к выводу, что данная проблема является еще более сложной, поскольку вокруг первичных навязчивых идей через ассоциацию и субституцию возникают вторичные навязчивые идеи, каждая из которых появилась в определенный момент жизни пациента.

Подсознательные навязчивые идеи, по мнению Жане, являются одновременно как следствием, так и причиной ментальной слабости, и в этом смысле представляют собой порочный круг. Они подвергаются медленным изменениям. В некоторых случаях эти идеи могут спонтанно развиваться и усиливаться в подсознании, а иногда их воздействие становится более умеренным.

Идентификация подсознательных навязчивых идей может представлять значительные сложности. Иногда информация, получаемая во время кризиса, полностью раскрывает сущность навязчивой идеи (как в случае сомнамбулических проигрываний Ирен сцены смерти ее матери). Но чаще истерические кризисы представляют собой замаскированные проигрывания подсознательной навязчивой идеи. Жане часто упоминает символический характер симптомов (например, в слу-

чае с Мари). Подсознательную навязчивую идею необходимо искать с помощью объективных средств обычного расследования. Иногда (как в случае с мадам Д.) некоторые ключи к ее содержанию можно обнаружить в результате рассмотрения снов больного, но главным средством ее обнаружения Жане считал гипноз, с помощью которого, преодолевая большее или меньшее сопротивление со стороны пациента, можно заставить его вернуть забытые воспоминания. В качестве дополнительного средства Жане часто использовал автоматическое письмо или отвлечение внимания больного. В некоторых случаях Жане также применял метод автоматического разговора (случай с мадам Д.) или метод созерцания магического кристалла[96].

Наличие подсознательных навязчивых идей представляет собой характерную особенность истерии, в противоположность обсессивным неврозам, где они являются осознанными. Однако Жане вскоре открыл факт существования подсознательных навязчивых идей в таких случаях, как тяжелая бессонница и мышечные спазмы.

Его работа по амбулаторному автоматизму, опубликованная совместно с Реймоном, по-видимому, явилась первым исследованием, в котором различные действия больного, совершаемые во время приступов, объяснялись как координированные проявления подсознательных навязчивых идей[97].

Хотя лечение больного должно быть направлено на его избавление от подсознательных навязчивых идей, Жане с самого начала подчеркивал, что вывести подсознательные идеи в сознание еще не означает вылечить пациента. Это может лишь превратить такую идею в осознанную навязчивую обсессию. Навязчивые идеи следует уничтожать с помощью диссоциации и трансформации. Очевидно, что поскольку навязчивая идея сама по себе представляет одно из проявлений болезни, ее удаление следует подкреплять синтезирующим лечением в виде переобучения и других форм ментальной тренировки. Лечение электричеством и массаж, по мнению Жане, могут в значительной степени играть роль завуалированных форм психотерапии[98].

Жане подчеркивал роль раппорта в терапевтическом процессе. Уже в своей работе «Психический автоматизм» он рассматривал раппорт с точки зрения эклективного сужения поля сознания вокруг личности гипнотизера. Жане воздавал должное работе старых гипнотизеров, которые описали и исследовали раппорт и показали, что его воздействие выходит за временные рамки гипнотического сеанса (Жане использует здесь термин «сомнамбулическое влияние»). В статье 1891 года, посвященной истории заболевания Марсель, Жане дает рекомендации по поводу того, как можно использовать это «влияние» на пользу пациента. В первый период следует установить раппорт,

во второй — принять меры против того, чтобы развитие раппорта не выходило за положенные пределы, ограничив его назначением больному сеансов с соответствующими промежутками времени. В августе 1896 года на Международном конгрессе психологов в Мюнхене Жане прочел доклад на тему «Сомнамбулическое влияние и необходимость управления им»[99]. Он отмечал, что интервал между двумя гипнотическими сеансами может быть разделен на два периода. Во время первого периода пациент переживает облегчение, он ощущает себя более счастливым и деятельным, чем раньше, и очень мало думает о гипнотизере, на протяжении второго периода он становится все более и более подавленным, ощущает потребность в гипнозе и постоянно думает о гипнотизере. Отношение больного к гипнотизеру может носить разный характер: это может быть страстная любовь, суеверный страх, почтение или ревность. Некоторые пациенты принимают его влияние, другие сопротивляются ему. Но даже если это влияние не является столь четко осознанным, оно существует в глубине и может проявиться, например, в снах пациента, при рассматривании магического кристалла и в автоматическом письме. Жане вскоре заметил, что подобное явление характерно и для пациентов, не страдающих истерией. Но в то время как у истерических пациентов оно принимало форму потребности подвергаться гипнозу, у обсессивных и депрессивных пациентов оно выражалось в «потребности находиться под контролем». Такие проявления психологической зависимости, считал Жане, могли бы послужить хорошей стартовой точкой для изучения психологии социальных чувств и взаимоотношений между людьми в целом. Он более подробно развил эти идеи в своих последующих публикациях[100]. Говоря о психологическом анализе, Жане никогда не претендовал на то, чтобы считать его своим собственным методом. Очевидно, он использовал этот термин в общем смысле, подобно тому, как это делают математики, имея в виду алгебраический анализ или химики — химический анализ. Тем не менее слова «психологический анализ», по-видимому, достаточно часто ассоциировались с исследованием Жане подсознательных процессов[101].

Творчество Жане: IV — исследование неврозов

Жане начал свои клинические исследования с больных, страдающих истерией, а затем перешел к изучению других видов невроза, используя для этой цели многочисленных амбулаторных пациентов Сальпетриера, а позднее и своих частных клиентов. Он пытался внести некоторую упорядоченность в эту область и разработал синтетическую теорию

неврозов, которую изложил в двух объемистых трудах: «Невроз и навязчивые идеи»[102], и «Обсессии и психастения»[103]. Существенные черты этого понятия изложены им также позднее в более сжатой работе «Неврозы»[104]. Жане никогда не отделял свою теоретическую работу от клинических наблюдений, и в том смысле, какие бы изменения ни происходили в теории неврозов, истории болезней, сделанные Жане, сохраняют свою ценность с точки зрения описания симптомов. Весь этот клинический материал был классифицирован и обобщен в единое целое с учетом различия между двумя основными видами неврозов: истерией и психастенией. Жане отбросил слово «неврастения», связанное с неврофизиологической теорией, не подтвержденной доказательствами, и ввел термин «психастения», охватывающий группу неврозов, в которую он включил обсессии, фобии и другие различные невротические проявления. Исследование Жане истерии публиковалось в виде серии статей с 1886 по 1893 год и было обобщено в его медицинской диссертации (1893)[105], а два года спустя последовал новый вклад в изучение неврозов — работа по психотерапии истерии[106]. Позднее он вносил некоторые изменения в свои исследования, как можно видеть на примере его книги «Неврозы». Сущность понятия истерии, разработанного Жане, состоит в различии между двумя уровнями симптомов: «случайностями» (несущественными, побочными симптомами) и «стигмами» (постоянными, основными симптомами). «Стигмы», которые Жане называет также негативными симптомами, есть выражение одного основного нарушения, определяемого Жане как «сужение поля сознания».

В 1893 году Жане пишет работу, в которой рассматривает различные теории истерии, которые к тому времени были выдвинуты[107]. Он отвергает как чисто неврологическую теорию, так и теорию о том, что симптомы истерии являются результатом симуляции. Вслед за Брике и Шарко, Жане считает истерию психогенным заболеванием (хотя и развивающимся на основе ненормального склада психики). Теорию «нездорового представления», выдвинутую Мебиусом и Штрюмпелем, Жане принимал лишь в той степени, в какой это касалось патогенеза истерических «случайностей». Он разделяет взгляд на истерию Вине, считавшего ее формой двойственной личности; Жане утверждает, что пациенты, страдающие истерией, как бы ведут подсознательное существование, которое выходит наружу во время приступов и при погружении в гипнотическое состояние и которое и является невидимой причиной «случайностей». Однако полное описание природы истерии должно включать в себя более основополагающую ее черту — «сужение поля сознания». Жане пишет: «Истерическая личность не в состоянии воспринять все явления окружающей действительности, она очевидно

приносит в жертву некоторые из них. Происходит нечто вроде автотомии*, и не воспринятые сознанием явления начинают развиваться самостоятельно, при этом сама личность этого не осознает»[108]. «Сужение сознания», в свою очередь, обусловлено недостаточной психологической силой пациента.

Описания случаев заболевания истерией, сделанные Жане, и его исследования этой болезни нигде не упоминают «металлоскопию» и явления «трансфера», которыми так увлекались некоторые ученики Шарко. Жане, очевидно, никогда в них не верил, но воздерживался от того, чтобы критиковать их.

Жане собрал также огромный материал по психастении, который он систематизировал в большое теоретическое исследование. В этой работе он также различает два уровня симптомов. На более поверхностном уровне находятся различные типы психастенических кризов, приступы беспокойства и всевозможные специфические проявления, связанные с навязчивыми идеями. Но в противоположность истерии эти навязчивые идеи осознаются в виде обсессии и фобий, на более глубоком уровне находятся психастенические «стигмы», которые Жане связывает с основным нарушением «функции реальности». «Наиболее сложной ментальной операцией, поскольку именно она исчезает первой и это происходит довольно часто, является fonction du reel», говорит Жане. Он приравнивает эту функцию к тому, что Бергсон называл «вниманием к окружающей жизни», но Жане дает более подробный анализ рассматриваемого явления[109].

Наиболее заметным проявлением функции реальности является способность действовать в соответствии с внешними обстоятельствами и изменять реальность. Трудности, стоящие перед этой функцией, увеличиваются, когда ей приходится иметь дело с социальным окружением, выполнять сложные действия, связанные с профессиональной деятельностью, приспособляться к новым ситуациям, а также когда она должна выражать отпечаток нашей индивидуальности и стремления к свободе, то есть когда действия должны соответствовать требованиям внешней реальности, а с другой стороны, совокупности особенностей, составляющих нашу личность. Функция реальности подразумевает наличие внимания, которое представляет собой акт восприятия окружающей реальности, такие, как и наши собственные идеи и мысли. Эти две операции, добровольное действие и внимание, объединяются в одну синтетическую операцию, презентификацию (presentification), то есть образование в сознании представления настоящего момента. Естественная тенденция сознания состоит в том, чтобы пребывать в области

* Спонтанное деление, самораспад. — *Прим. ред.*

прошлого и будущего, и нужны некоторые усилия, чтобы удержать свое внимание на настоящем, и еще большие усилия для того, чтобы сконцентрировать его на действии, которое необходимо выполнить в настоящем. «Реальное настоящее для нас является актом определенной сложности, которую мы воспринимаем как единое состояние сознания несмотря на эту сложность и несмотря на его реальную длительность, которая может быть большей или меньшей протяженности... Презентификация состоит в том, чтобы сделать настоящее состоянием ума и группой явлений»[110]. Операции сознания на более низком уровне Жане называет незаинтересованной деятельностью (привычные, не вызывающие интереса и автоматические действия). Еще на более низком уровне находятся функции воображения (репрезентативная память, фантазии, абстрактное мышление, мечты). И наконец существуют два низших уровня — уровень эмоциональных реакций и уровень бессмысленных мускульных усилий.

Мы можем проследить путь развития понятий Жане в этой области. В работе «Психический автоматизм» он различал два уровня: функцию синтеза и автоматическую функцию. Позднее он составил иерархическую систему функций, состоящую из пяти уровней, наверху которой расположена функция реальности с ее высшей точкой «презентификацией», то есть способностью максимального осмысления реальности), и с низшей точкой в виде двигательных разгрузок. Это новое понятие позволяет приписать каждой умственной операции некий «коэффициент реальности», дающий ключ к пониманию симптомов психастении. «Если рассматривать соотношение частоты и скорости, с которой у пациента исчезают психологические функции, оказывается, что чем выше коэффициент реальности, тем быстрее они исчезают, а чем ниже этот коэффициент, тем дольше они удерживаются».

В дальнейшем Жане пришел к мысли о том, что обсуждать ментальную энергию только в терминах ее количества недостаточно, но что нужно также учитывать и так называемое «психологическое направление» индивида, то есть его способность поднимать эту энергию до определенного уровня в иерархии функций. Психологическое напряжение, согласно определению, данному Жане в 1903 году, представляет собой комбинацию двух фактов: 1) акта концентрации и объединения психологических явлений в новом ментальном синтезе, 2) количества психологических явлений, синтезированных подобным образом[111]. Степень психологического напряжения индивида проявляется тем высшим уровнем, которого он достигает в иерархии ментальных функций. В своей работе «Обсессии и психастения» Жане, таким образом, сделал наметки той динамической теории, которую ему предстояло развить в последующие годы.

Разработанное Жане понятие неврозов не принадлежит ни к чисто органистической, ни к чисто психогенической теориям. В истерии, так же как и в психастении, он выделяет психогенический процесс, являющийся результатом определенных событий и фиксированных идей, и органический субстрат, то есть предрасположение к неврозу. Он приписывает последнее тем наследственным и связанным с конституцией пациента факторам, которые в конце девятнадцатого века во Франции без всякого разбора объединили под довольно неудачным названием «умственная дегенерация», понятием, заимствованным у Мореля, которое потеряло всякое значение, но все еще по привычке использовалось некоторыми психологами.

Этот двойственный характер факторов, связанных с возникновением невроза, то есть роль психогенеза в формировании симптомов заболевания, с одной стороны, и роль органических факторов как причины самой болезни, с другой стороны, был продемонстрирован в статье, опубликованной Жане в 1903 году. В Сальпетриер поступил пациент, многие годы страдавший манией преследования, возникновение которой можно было частично объяснить определенными событиями его жизни. Однако осмотр больного показал, что он страдает частичным параличом, так что, говоря о его мании, можно считать, что «он упал туда, куда и был склонен упасть».

Творчество Жане: V — динамическая теория

Выведенное Жане различие между двумя основными типами невроза, истерией и психастенией, было воспринято Юнгом, который сделал их прототипами экстровертного и интравертного типов личностей (причем последний из них связывал также с теорией шизофрении Блейлера). Тем временем, по крайней мере во Франции, неврологическая школа, пришедшая на смену школе Шарко, поставила под сомнение само существование истерического невроза, и истерические пациенты постепенно исчезли из французских психиатрических больниц. Критике подверглось и понятие психастении: появились сомнения в том, что это понятие действительно может быть предметом нозологии.

Жане закончил свое исследование неврозов и занялся созданием динамической теории, первые наброски которой он сделал в своей работе «Обсессии и психастения» (1903). Эти новые открытия изложены в его книге «Психологические методы лечения» (1919) и написанной в более поздний период в работе «Психологическая сила и слабость» (1930)[112]. Со временем эта теория приобрела характер тщательно разработанного и сложного построения, которое мы попытаемся изложить здесь настолько кратко, насколько его сложность нам это позволит.

В эпоху Жане многие авторы признавали существование некоей гипотетической нервной или ментальной энергии, недостаток которой приводил к неврастеническим расстройствам. Но при этом озадачивали некоторые наблюдения, например, то, что совершенно изможденный человек под влиянием определенных стимулирующих обстоятельств может найти в себе силы выполнить достаточно сложные действия. Жане преодолел эти кажущиеся противоречия, разработав систему, в которой психологическая энергия характеризуется двумя параметрами: силой и напряжением.

Психологическая сила — это количество элементарной психической энергии, то есть способность совершать многочисленные, продолжительные и быстрые психологические действия. Она существует в двух формах: латентной и явной. Мобилизовать энергию — заставить ее перейти из латентной в явную форму. Психологическое напряжение — это способность индивида использовать свою психическую энергию на более или менее высоком уровне в иерархии тенденций, описанной Жане. Чем больше количество синтезированных операций, тем более новой является форма синтеза и, таким образом, тем выше соответствующее психологическое напряжение[113].

Для иллюстрации этой идеи делались сравнения с физическими явлениями. Соотношение психологической силы и напряжения сравнивалось с соотношением тепла, выраженного в калориях и в единицах температуры, и с соотношением электричества, выраженного в единицах электрического тока и в его мощности. Эти отношения психологической силы и напряжения проявляются в различного рода явлениях. Беспокойства начинаются там, где количество силы поддерживается на прежнем уровне, в то время как психологическое напряжение падает. Психолептические кризы и другие виды психологической разрядки являются следствием внезапного понижения психологического напряжения. Дренаж происходит там, где психологическая энергия определенного уровня используется на более высоком уровне. Между силой и напряжением должно существовать некоторое равновесие. Это равновесие не всегда легко достижимо, в результате чего имеют место колебания, которые, по мнению Жане, играют важную роль в возникновении ментальной патологии.

Используя эти понятия психологической силы, психологического напряжения и их соотношений, Жане разработал новую теоретическую модель неврозов, применимую к невротическим состояниям и психотерапии.

«Возможно, когда-нибудь мы сможем создать балансовую ведомость запаса энергии, точно так же, как сейчас такие ведомости существуют в бизнесе. В этом случае психиатр сможет эффективно исполь-

зовать слабые ресурсы пациента, избегая ненужных расходов и направляя его усилия только туда, где они необходимы, а еще лучше, если он сможет научить пациентов, как увеличить имеющееся у них количество энергии, как сделать свою психику мощнее»[114]. Этот принцип Жане развивает на 1100 страницах своей работы «Психологические методы лечения». Его система получила дальнейшее развитие и была кодифицирована его швейцарским учеником Леонардом Швартцем[115]. Нижеследующий материал основывается на принципах, выдвинутых Жане и разработанных Швартцем[116].

Имея дело с невротическим пациентом, прежде всего следует произвести оценку его психологической силы и напряжения. Под этим имеется в виду, что врач должен обратить самое тщательное внимание на описание пациента, его образа жизни и его отношений с социальным окружением. Такое систематическое обследование даст возможность психотерапевту отделить друг от друга составные части двух основных синдромов невроза: астенический и гипотонический синдромы, которые почти всегда смешаны друг с другом.

Астенический синдром, определяемый как недостаточность психологической силы, проявляется прежде всего в вялости, увеличивающейся после совершения усилий и уменьшающейся после отдыха.

Существует огромное разнообразие астенических состояний. Жане выделяет среди них три основные группы[117]. При легкой астении пациент испытывает недовольство собой, он неспособен полностью наслаждаться жизнью и испытывать удовольствия, легко впадает в состояние беспокойства и депрессии. Зная, как легко он утомляется, больной избегает каких-либо усилий, не проявляет инициативу, избегает социальных отношений, в силу чего окружающие считают его эгоистичным и скучным человеком. Его интересы, чувства и действия ограничены до такого предела, что его жизнь можно называть аскетической (невротический аскетизм). Такой человек подозрительно относится к окружающим, склонен к колебаниям и неспособен быстро приспосабливаться к новым ситуациям. Он пытается быть скрытным, но не способен хранить тайны. В этой категории часто встречаются патологические лгуны. Вследствие своей астении они много внимания и сил уделяют тому, на что другие не обращают внимания.

К промежуточной форме астении, которую Жане называет также социальной астенией, относятся пациенты, страдающие ощущением пустоты (sentiment duvide): окружающие их люди, вещи и даже собственная личность кажутся им пустыми и даже вызывают у них отвращение, если астения зашла достаточно далеко. Они не любят людей и не пользуются популярностью у окружающих, а поэтому ощущают себя в изоляции. Они часто ищут человека, которому они могли бы покорно

подчиняться. Представители этой категории стремятся найти способ жить так, чтобы не совершать каких-либо усилий. В эту группу входят многие алкоголики. Третью группу составляют пациенты, страдающие столь сильной формой астении, что они не в состоянии поддерживать сколько-нибудь устойчивое существование. Сюда относятся тяжелые шизофренические состояния, которые в то время все еще называли латинским термином dementia praecox (раннее слабоумие). Жане имел обыкновение говорить, что la demence precoce est une demence sociale (dementia praecox = это социальное безумие).

Гипотонический синдром, определяемый недостаточностью психологического напряжения, характеризуется симптомами двух порядков: первичные симптомы, являющиеся результатом неспособности совершать акты психологического синтеза на определенном психологическом уровне, и вторичные симптомы (или деривации), выражающие напрасную трату нервной силы, которая не может быть использована на желаемом уровне. Основным субъективным симптомом является ощущение собственной неадекватности (sentiment d'incompletude), являющееся выражением того, что из-за своей неспособности выполнять законченные действия на определенном уровне личности приходится работать на более низком профессиональном уровне. Вторичные симптомы составляют целую гамму состояний беспокойства, детальное описание которых Жане дает в «Обсессиях и психастении» (1903): это моторные возбуждения, тики, жестикуляция, неумеренная разговорчивость, беспокойство, обсессии, неумеренная склонность к обдумыванию любого шага, а также астма, учащенное сердцебиение и мигрени. Характерной особенностью является то, что усталость у этой категории увеличивается в результате отдыха и часто уменьшается в результате напряженных усилий. Характерно также, что пациенты этого типа спонтанно ищут стимуляции, поскольку стимуляция не только мобилизует латентные силы, но и поднимает эти силы на более высокий уровень психологического напряжения.

Из вышесказанного становится очевидным, что эти два типа синдрома требуют различных видов лечения, которые иногда являются диаметрально противоположными.

При течении астенического синдрома следует учитывать, что больные, страдающие астенией, являются психологически бедными. Их лечение должно концентрироваться на трех направлениях: (1) увеличить «доход», (2) уменьшить «расходы» и (3) ликвидировать «долги».

Первое направление лечения — увеличение доходов. Нам не известна точная природа психологических сил. Жане никогда не сомневался, что они являются по своей природе физиологическими, и, по-видимому, верил в то, что наступит время, когда эти силы можно будет с точ-

ностью измерять. Он считал, что эти силы в большой степени связаны с состоянием мозга и других органов и также подвержены различным тенденциям. Каждая тенденция обладает определенным зарядом психической энергии, величина которого отличается от одного индивида к другому. Эти силы, очевидно, могут определенным образом восстанавливаться и храниться. «Я не знаю, где находятся эти резервы, — писал Жане, — но я знаю что они существуют». Одним из главных источников восстановления энергии является сон, отсюда становится понятным, как важно терапевту научить своего пациента, как лучшим образом готовиться ко сну. То же можно сказать о различных методах отдыха и релаксации, распределении пауз во время дня, выходных в течение месяца и отпусков на протяжении года. Еще один источник сил — это питание, но не в плане метода Вейра Митчела, проповедующего переедание, а скорее в смысле рекомендации качественной диеты, использующей действие витаминов и других диетических агентов, которое еще не вполне изучено.

Стимулирующие средства не приносят в этом пользы, поскольку они имеют тенденцию мобилизовать ресурсы, которых часто и так не хватает, и растрачивать их. Однако, по-видимому, некоторые виды стимуляторов действительно способны увеличить количество энергии. К ним относятся определенные эндокринные продукты и физиотерапевтические методы, которые оказывают на кожу стимулирующее воздействие[118].

Второе, что необходимо сделать при лечении астенического синдрома, — уменьшить расход энергии. Жане называл это психологической экономией (economies psychologiques). Здесь также следует помнить о том, что психологические силы до определенной степени идентичны физиологическим силам. Следовательно, надо искать все возможные утечки физиологической силы, иногда связанные с хроническими инфекциями, заболеваниями пищеварительного тракта и глазным напряжением. Следует также устранить ненужные виды деятельности или те из них, которые поглощают чрезмерное количество энергии. Но, как подчеркивал Леонгард Швартц, два слабых места, которые встречаются чаще всего — это взаимоотношения пациента с социальным окружением и его работа.

Врач прежде всего должен получить информацию о людях, с которыми пациент контактирует, и о его отношениях с каждым из них, для того, чтобы выяснить, в какой степени они дают ему силу или лишают ее. Наиболее опасными в этом смысле являются пожиратели энергии (пиявки) — те, кто в силу своего скверного характера, злобности, зависти или стремления доминировать отравляют жизнь окружающим. Их влияние может оказаться столь губительным, что психиатр может

почувствовать себя вправе проделать, по выражению Жане, операцию «социальной хирургии», то есть потребовать раздельного пребывания или разлучения отдельных индивидов, а в некоторых случаях даже их постоянного разъединения. Астеническим женщинам, например, не следует иметь детей. Или же, если у них все-таки есть дети, они время от времени должны находиться в детских учреждениях или лагерях отдыха. В случаях менее серьезной астении может оказаться достаточным установить в семье определенные правила или проконсультировать членов семьи пациента, как вести себя в сложившейся ситуации, чтобы помогать лечению больного. Ради справедливости следует добавить, однако, что невротик сам часто выступает в роли поглотителя энергии и что он сам в значительной степени нуждается в совете психиатра по поводу своего отношения к людям, которые его окружают. Самое главное — это тем или иным способом добиться прекращения конфликтов[119].

Необычайно важно также проконсультировать пациента по поводу его профессиональной деятельности. Этот вопрос был разработан доктором Леонгардом Шварцем, поскольку он обладал знаниями психических методов и психологии профессиональной деятельности. Шварц подробно исследовал требования, предъявляемые к специалистам различными профессиями в плане психологической силы и напряжения. К сожалению, он опубликовал только краткие предварительные наброски своих открытий[120]. Многие невротики, говорил он, имеют возможность значительно улучшить свое состояние, сменив профессию или даже изменив расписание или продолжительность своей работы. Человеческий фактор — отношения с начальством, с коллегами, с подчиненными также должны стать объектом внимания психиатра. Таким образом, мы видим, что взгляды Жане имеют самое непосредственное отношение к промышленной гигиене и промышленной психологии.

Третье направление лечения астенического синдрома — ликвидация долгов. Когда пациент благодаря описанным выше методам лечения накопил некоторый потенциал энергии, можно заняться ликвидацией его психологических долгов. В некоторых случаях следует учесть то, что Жане называл мораторием: какое-то время вслед за физической или моральной перегрузкой индивидуум может казаться нормальным, но затем происходит коллапс. Это имеет место тогда, когда человек в течение определенного периода жил за счет своих латентных ресурсов и истощил их. Психиатр, который наблюдает за индивидуумом, находящимся в этой латентной стадии заболевания, должен суметь, несмотря на видимость здоровья пациента, диагностировать истощение и назначить лечение, необходимое при астении.

Все это самым непосредственным образом связано с подсознательными навязчивыми идеями, которыми Жане так много занимался

в предшествующие периоды жизни. Позднее он начал рассматривать их как одну из конкретных форм более общего психического явления — некупированных актов. Любое событие любой конфликт, любая болезнь, даже любая фаза жизни должны быть ликвидированы в определенной точке, иначе могут остаться их патогенные следы, которые вызывают непрерывную невидимую потерю энергии. Пациент должен просмотреть вместе с психиатром всю историю своей жизни, обсудить с ним интерпретацию определенных событий, а также желательность выполнения определенных актов отречения и ликвидации. Жане указывал на огромное значение актов терминации (завершения). При просмотре жизненных историй невротических и ментальных пациентов поражает количество неадекватно терминированных некупированных ситуаций и значение, которое они сыграли в появлении психического заболевания; при этом характер самого заболевания может быть различным[121].

Лечение гипотонического синдрома включает в себя две группы терапевтических приемов, соотношение которых должно варьироваться в зависимости от конкретного случая. Первая группа связана с деривациями (источниками), вторая направлена на то, чтобы повысить психологическое напряжение.

Во-первых, необходимо поглотить (ресорбировать) сами источники. Можно было бы до определенной степени уменьшить эти источники снижением количества энергии пациента, как это происходит при высокой температуре. По мнению Жане, то же действие оказывают бромиды и седативные препараты, хотя достигаемые при этом результаты напоминают пиррову победу.

Гораздо лучший метод состоит в том, чтобы направить возбуждение в соответствующее русло, переключив его на полезные или хотя бы не выходящие за рамки нормального поведения виды деятельности. Это напоминает стратегию мудрой матери, которая находит для своих детей соответствующие игры и занятия, так что вместо того чтобы ссориться и нарушать спокойствие в доме, каждый из них поглощен выполнением своей собственной задачи. Этот принцип лежит также в основе метода систематизированной трудовой терапии, разработанного в Германии Германом Зимоном[122]. Определив точно тип работы, который необходим для каждого пациента для того, чтобы ресорбировать его возбуждение, Зимон сумел добиться того, что в его больнице исчезли шум и возбуждение в то время, когда еще не существовало методов психологического лечения и почти не было седативных препаратов. Самая огромная ошибка, какую психиатр может допустить по отношению к гипотоническому невротику, это рекомендовать ему отдохнуть, как это делается с успехом в отношении астенических пациентов. В зависимости от силы и степени возбуждения гипотонических пациентов

следует занимать активной деятельностью: они могут ходить в походы, заниматься спортом и охотой, выполнять различную физическую работу. Проблема становится более сложной, когда источники (деривации) приняли характер автономной организации, как это имеет место при обсессивно-компульсивных синдромах. В таких случаях к вышеуказанным предписаниям можно добавить другие приемы, имеющие целью добиться диссоциации этих автономных активностей.

Во-вторых, необходимо повысить психологическое напряжение. Если психологическое напряжение достигает достаточно высокого уровня, первичные гипотонические симптомы исчезают, так же как и вторичные, являющиеся результатом наличия дериваций. Выражаясь терминами, используемыми Жане, избыток психологической энергии теперь откачан, то есть использован на более высоком уровне.

Первым средством повышения психологического напряжения является стимуляция — процедура, к совершению которой пациент естественно стремится сам. Стимуляция — это сложное явление, в котором соединяется мобилизация латентных сил с поднятием этих сил на более высокий уровень психологического напряжения. Жане подробно описал различные виды стимулирующих средств, как химического типа (алкоголь, кофе, стрихнин), так и психологического типа (стимулирующие эмоции, путешествия, изменения в жизни, любовные увлечения), к которым пациент стремится бессознательно. Но стимуляция есть не что иное как смещение или трансформация энергии и, следовательно, является лишь временным и неэкономичным способом.

Гораздо более результативным, хотя и более сложным и требующим больше времени, методом является тренировка, в основе которой лежит принцип: совершая полное и законченное действие, пациент добивается повышения психологического напряжения. Этот метод, в том виде как его применил и усовершенствовал Шварц, состоит из четырех шагов:

1. Обеспечить уровень, на котором пациент способен выполнять завершенные действия.

2. Заставлять его выполнять и доводить до конца задачи подобного рода, сначала медленно и тщательно, затем быстро, но по-прежнему добиваясь совершенства, пока их выполнение не будет представлять для него дальнейших трудностей.

3. Переключать пациента на выполнение задач другого рода, более сложных и на несколько более высоком уровне.

4. Найти другие разнообразные психологические инвестиции.

Вообще же, это есть принцип всякого обучения и переобучения.

Жане и Шварц указывали, что нарушения точно того же рода, что встречаются при гипотоническом синдроме, могут появиться и у индивидуумов, которые вынуждены работать на уровне психологического

напряжения более низком, чем их собственный уровень, например, у иммигрантов, вынужденных заниматься трудом более низкого социального уровня, чем их прежняя профессия, и, конечно, в еще большей степени у безработных.

Теория ментальной энергии Жане выходит далеко за рамки вышеупомянутых ментальных состояний. Существуют неуловимые переходы от здоровых индивидов к невротикам и психотикам. Жане никогда не пытался создать типологию, основанную на его понятиях динамической энергии, но это достаточно легко было бы сделать, соединив вместе различные наблюдения, разбросанные по его произведениям.

Иногда у Жане встречаются упоминания о психологических миллионерах, то есть тех, кто наделен огромной психологической силой в соединении с высоким уровнем психологического напряжения. Такие люди способны выполнять большое количество высокосинтезированных действий. Примером этого может служить Наполеон на поле битвы, учитывающий огромное количество известных или предполагаемых данных о силе и передвижениях врага и вынужденный быстро взвешивать и принимать решения на протяжении достаточно длительного периода времени.

Еще один тип, часто упоминаемый Жане, — люди, склонные к внезапному понижению психологического напряжения. Эпилептический криз есть не что иное, как внезапный коллапс психологического напряжения в форме разряда энергии, при котором индивидуум опускается на низкий его уровень, а затем постепенно поднимается. Не столь драматичны психолептические кризы психастеников[123]. У них внезапно наступает затруднение речи и восприятия и утрачивается чувство реальности, при этом заканчиваться такой криз может как внезапно, так и постепенно. Жане пришел к выводу, что у определенных индивидов колебания психологического напряжения имеют циклическую модель, эти пациенты в течение некоторого времени могут существовать в состоянии полного равновесия, но затем как следствие истощения или каких-то внешних обстоятельств их психологическое напряжение может понизиться и оставаться на низком уровне на протяжении какого-то определенного периода времени, при этом некоторые из них будут страдать от маниакально-депрессивной болезни.

Тип индивида, психологическое напряжение которого постоянно находится ниже желаемого уровня, хотя он обладает достаточной психологической силой, также часто упоминается в работах Жане. Такое психологическое состояние не только соответствует большому числу психастеников в классических формах обсессии, фобий и тому подобного, но позволяет также понять и многие психопатологические нарушения. Потребность в стимуляции может заставить таких людей

прибегнуть к искусственным способам повышения психологического напряжения. Это, по мнению Жане, является главным психогенезом алкоголизма и объясняет многие случаи пристрастия к наркотикам, сексуальных извращений и определенных видов преступности[124]. Связь между клептоманией и ментальной депрессией была хорошо иллюстрирована случаем пациентки, которая случайно обнаружила, что может облегчить свою депрессию через стимуляцию, которую она ощущала, воруя вещи в магазинах[125].

Индивид, обладающий очень малым количеством психологической энергии и находящийся на низком уровне напряжения, как бы представляет собой антипод психологического миллионера. Однако такие люди иногда способны определенным образом приспособиться к окружающим условиям, ведя непритязательный и весьма ограниченный образ жизни. Они часто занимаются работой, которая низко оплачивается, но является достаточно спокойной и стабильной. Они не заводят многочисленных знакомств, не имеют ни жены, ни любовницы. «Окружающие считают их эгоистичными и трусливыми, — пишет Жане, — однако, возможно, они ведут себя так в силу своей мудрости»[126].

На еще более низком уровне находятся некоторые виды шизофреников, состояние которых Жане называет астеническим слабоумием (asthenic dementia). Хотя Жане неизменно признает роль наследственных, врожденных и органических факторов, он придает большое значение автономному динамизму психической энергии. Если психиатр понимает и знает, как использовать законы психологического динамизма, он вправе ожидать значительных психотерапевтических результатов. В этом смысле основной закон психологического динамизма можно сформулировать следующим образом: «Полные и завершенные акты усиливают психологическое напряжение индивида, в то время как незавершенные и не достигшие своей цели действия понижают его». Жане проводит здесь сравнение с финансовыми инвестициями. Удачная инвестиция приносит прибыль. Ряд хороших инвестиций приносит доходы и способствует увеличению состояния владельца акций. Плохая инвестиция приносит финансовые потери, ряд плохих инвестиций приносит долги и разорение[127]. Именно это происходит спонтанно со многими людьми. Оставив в стороне все промежуточные формы, давайте рассмотрим два экстремальных случая. На одном полюсе находится человек, который благодаря непрерывной последовательности хорошо исполненных и завершенных актов сумел увеличить свое психологическое напряжение. Жане особо отмечает при этом случай, когда робкие от природы люди делают значительные усилия в освоении социального поведения, что позволяет им преодолеть свою застенчивость и достичь видного положения в обществе.

Диаметрально противоположным является случай с человеком, который бросает свои дела незаконченными и не добивается поставленной цели, каждый раз снижая свое психологическое напряжение, в результате чего уменьшаются его способности приспособляться к окружающей действительности, таким образом, он впадает в порочный круг, логичным завершением которого является астено-гипотонический синдром, находящий свое экстремальное выражение в гебефренической шизофрении. Эта концепция очень напоминает теорию шизофрении Адольфа Мейера, в которой это заболевание рассматривается как исход длинного ряда неадекватных реакций и постепенной деградации.

Концепция Жане, возможно, также проливает свет на вызывавший большое количество споров механизм трудовой терапии. Очевидно, с точки зрения Жане, существуют две разновидности. Первая действует через направление дериваций в нужное русло. Это именно тот тип терапии, который рекомендуется некоторыми популярными изданиями, написанными для невротиков, где людям, страдающим неврозом, дается совет постоянно занимать и заводить для себя как можно больше хобби и различных занятий[128]. В психиатрии — это принцип, получивший свое наиболее полное выражение в методе активной терапии психических заболеваний, разработанном Германом Зимоном.

Вторым, совершенно отличным от предыдущего, является метод тренировки, при котором пациенту даются физические или интеллектуальные задания, требующие от него действий на достаточно высоком уровне проявления способностей, при этом его учат выполнять их медленно, до конца и качественно, постепенно повышая необходимый уровень. Это было принципом классического образования и профессиональных школ, но его можно использовать и при обучении пациентов с умственными расстройствами новым языкам, новым профессиям, новым навыкам. Прогресс при использовании этого метода, возможно, становится ощутимым не так скоро, как при методе Германа Зимона, но, в конечном счете, он приносит более высокие результаты.

Можно было бы задать вопрос: каково место гипноза в вышеописанной системе Жане? Жане никогда не оставлял этот метод и использовал его при лечении истерических пациентов. Исходя из его новой, динамической точки зрения, гипноз является средством регулировки ментальной энергии у пациентов, страдающих неадекватным распределением энергии[129].

Старое понятие терапевтического раппорта, который Жане изучал в 1886 году, исходя из своего аспекта избирательности, и в 1896 году в более общих аспектах сомнамбулического влияния и испытываемой пациентом потребности в руководстве со стороны психиатра, теперь также было расширено и стало рассматриваться как акт адаптации.

В отношениях между пациентом и руководящим им психиатром, говорил Жане, раньше или позже, иногда совершенно неожиданно, происходит разительная перемена. Отношение пациента к терапевту приобретает очень специфический характер, это отношение, которое он никогда не проявлял ни к кому другому. Он начинает утверждать, что терапевт является совершенно необыкновенным человеком, что он наконец-то нашел того, кто его понимает и воспринимает его серьезно. В действительности это означает, что пациент теперь способен говорить о своих чувствах и серьезно рассуждать о самом себе. Сложившаяся в его сознании нереальная картина личности терапевта представляет собой смесь всевозможных более или менее схожих отношений к другим лицам, теперь синтезировавшихся в конкретном виде. Эти мнения и отношения пациента, выразившиеся в виде адаптации, а также возросшее самомнение, позволяют ему совершать действия, на которые он был неспособен до этого, и могут помочь психотерапевту вывести пациента из его многочисленных трудностей.

Можно было бы еще много говорить о динамической психотерапии Жане, однако уже сказанного достаточно, чтобы показать, что это гибкий и емкий метод, который можно применять к любому заболеванию и к любому пациенту. Можно сказать, что это больше чем специфическая психотерапия, — это общая система психотерапевтической экономии.

Творчество Жане: VI — великий синтез

Психологический анализ для Жане всегда был первой фазой метода, второй фазой которого должен стать психологический синтез. В «Психическом автоматизме» он проводил различие между сознанием и подсознанием, указывая на функцию синтеза, выполняемую сознанием. В «Обсессиях и психастении» он представил более сложную иерархию ума, основывавшуюся на пяти уровнях, а также концепцию психологического напряжения и интерпретацию психастении как понижение психологического напряжения, направленного вдоль этих уровней. Начиная с 1909 года в лекциях, читаемых им в Коллеж де Франс, Жане стал создавать более передовую и более полную теорию синтеза, начальные наброски которой появились в первом томе его работы «От гнева к экстазу»[130]. Жане заявил, что психологи, работавшие в конце века, создали слишком много монографий, посвященных узким, специальным темам, что привело к появлению большой путаницы в психиатрии. Отсюда появилась необходимость в разработке всеобъемлющих систем, которые дали бы возможность психологам упорядочить, классифицировать

и интерпретировать факты и вызвали бы научные дискуссии, позволившие в дальнейшем модифицировать и более конкретные системы. Жане взялся за создание широкой концептуальной модели, основывавшейся не только на психологии взрослых и психопатологии, но и на данных детской психологии, этнологии и психологии животных. При столь широких рамках исследования вряд ли можно найти какое-то явление, связанное с деятельностью мозга, которое так или иначе не было бы освещено в его системе. Им были даны новые истолкования понятий восприятия, памяти, веры и личности, а также таких ненормальных проявлений, как галлюцинации и бред.

В своей усовершенствованной системе Жане сохранил созданные им прежде понятия психологической энергии и напряжения, но теперь он концентрируется на психологическом анализе тенденций (понятие, которое он предпочитает понятию инстинкта, тенденции более гибки и могут комбинироваться друг с другом.) Каждая из тенденций наделена определенным зарядом латентной энергии, который отличается от одного индивида к другому. Каждая тенденция, как только она активируется определенной стимуляцией, может быть подведена более или менее близко к своему полному осуществлению. Каждая тенденция связана с определенным уровнем в иерархии тенденций, и это дает ключ к пониманию многих психопатологических состояний. В этой новой системе подсознательный акт определяется как «действие, которое сохраняет низшую форму среди действий более высокого уровня», другими словами, любой акт на любом уровне может стать подсознательным, когда индивид сознательно совершает действия более высокого уровня[131].

Великий психологический синтез Жане — это памятник таких огромных размеров, что потребовался бы объем не менее чем 400–500 страниц для того, чтобы изложить его элементы. Самому Жане не удалось реализовать такой объем[132]. Автором, ближе всего подошедшим к решению этой задачи, был Леонгард Швартц, посмертное произведение которого осталось незаконченным (среди других вещей, которых в ней недоставало, были главы о созданных Жане понятиях галлюцинаций и бреда)[133].

Ниже мы попытаемся как можно более кратко изложить суть великого синтеза Жане. Следует учитывать, что самому Жане потребовалось для этого около двадцати книг и несколько десятков статей.

Девять тенденций делятся на три группы:

I. Тенденции нижнего уровня:

1. Рефлексивные тенденции.

2. Перцептивно-суспенсивные (напряженно-ожидательные) тенденции.

3. Социоличностные тенденции.

4. Элементарно-интеллектуальные тенденции.

II. Тенденции среднего уровня

1. Непосредственные действия и утверждающие верования.
2. Рефлексивные действия и верования.

III. Тенденции высшего уровня

1. Рационально-эргетические (ergetic) тенденции.
2. Экспериментальные тенденции.
3. Прогрессивные тенденции.

Теперь мы попытаемся дать краткое описание каждой из этих тенденций.

I.1. Рефлексивные тенденции. Это действия взрывного характера, которые вызываются только в тех случаях, когда стимул достиг определенной степени. Они имеют организованную форму и приспособляются к внешнему объекту или ситуации. Иногда такие действия состоят из движений отвращения, притяжения, экскреции (выделение) или инкорпорации. Иногда они принимают характер более сложных актов, рефлекторных цепей, кинетических мелодий (kinetic melodies). Здесь отсутствуют какие-либо психологические регулировки, как это имеет место в эмоциях, и, однажды начавшись, движение должно пройти до конца весь свой курс. Психология дает нам примеры таких рефлекторных тенденций в поведении некоторых больных тяжелой формой идиотизма. Приступ эпилепсии представляет собой переходную регрессию к этому уровню.

I.2. Перцептивно-суспензивные тенденции. Это тенденции, полная активация которых требует стимуляции, состоящей из двух шагов: первая стимуляция возбуждает тенденцию и за этим следует период тревожного ожидания (suspense), после чего необходима вторая стимуляция, чтобы довести действие до его завершения. Иногда тенденция является более сложной и включает в себя последовательность действий. В отличие от тенденций чисто взрывного характера, перцептивно-суспенсивные тенденции, как только внешний стимул вызывает их, стремятся что-то видоизменить во внешнем мире (такой же характер носит действие хищника по отношению к добыче), и таким образом подразумевают некоторую степень приспособления. Перцептивно-суспензивные тенденции являются отправной точкой всех форм действия, включающих фазы ожидания и поиска. Они составляют основу акта восприятия и представления об объекте. Восприятие располагается посередине между первой и второй стимуляциями. Объект в основном представляет собой перцептивную схему (например, восприятие кресла — это перцептивная схема движений, которые необходимо проделать, чтобы сесть в него). Среди различных объектов один имеет привилегированное положение, а именно, собственное тело, из-за не-

возможности оказаться вне него, а также из-за нашего стремления сохранить его. Жане иллюстрирует этот уровень рассказом об участнике велосипедной гонки, который начинает ее полный решимости выиграть (социоличностная тенденция), но под влиянием все растущего изнеможения теряет интерес к зрителям, к ландшафту, и к самой идее выиграть соревнование. Его поле восприятия сужается внутри самой формы промежуточной стадии перцептивно-суспензивной тенденции. Следующий шаг в наступившем процессе регрессии мог бы состоять в том, чтобы он заснул на ходу и продолжал крутить педали чисто механически[134].

I.3. Социоличностные тенденции. В какой-то момент происходит разделение между двумя группами форм поведения: между формами, направленными на социум, и формами, направленными на наше собственное тело. Однако между этими двумя линиями поведения имеют место взаимодействия и взаимные влияния. Индивид приспособляет свои действия к действиям социума. В результате такие действия всегда являются комбинированными действиями с различными соотношениями компонентов, или, как говорит Жане, двойными действиями (actes doubles). К таким поведенческим актам относится имитация, сотрудничество, а также команды и повиновение. В отношении понятия имитации Жане принимает определение Дюркгейма: кажется, что перцепция действия, выполняемого одним человеком, контролирует выполнение этого действия имитатором, но имитация есть «двойное действие», в основе которого лежит не только действие имитатора, но также и действие того, кого имитируют. Более совершенным видом имитации по сравнению со спонтанной является сознательная имитация, которой дети обучаются в процессе игры. При сотрудничестве два социума объединяются в совместном действии, имеющем целью достижение общего результата и приносящим обоим участникам чувство триумфа. Акт приказа и повиновения может рассматриваться как особый вид сотрудничества, при котором члены группы принимают действие главы группы как часть общего действия, при этом между участниками распределяются и остальные роли. Но как социумы соотносятся с распределением ролей? Через акты valorisation sociale (установление значимости на конкурентной основе), в результате чего самости каждого приписывается определенная значимость, которую остальные вынуждены признать. Среди других актов, находящихся на том же уровне, Жане анализирует жалость, соперничество, борьбу, дарение и кражу, сокрытие и показ, сексуальное поведение и т. д.

И человек не только приспособляет свои действия к действиям социума, но осуществляет такое же приспособление по отношению к самому себе. Другими словами, он осуществляет те же действия в отношении себя, которые он осуществляет в отношении других. Здесь и находится

начальная точка того, что Жане называет актом секретности, поведения, которому он придает необычайно большое значение, поскольку последним термином такой модели является затаенная мысль[135]. Когда человек находится в одиночестве, за его поведением никто не наблюдает и ему нет необходимости соблюдать определенные правила вежливости по отношению к собеседнику (egards); а это означает, что модель его поведения становится более простой и он расходует меньше энергии.

К тому же уровню, с точки зрения социальной психологии, принадлежат церемонии. В своем исследовании обряда австралийских туземцев, называемого интичиума (intichiuma), Дюркгейм подчеркивал роль взаимной стимуляции, оказываемой участниками друг на друга. По мнению Жане, к этому уровню принадлежат и четыре основные человеческие эмоции. Подавляющая часть ощущений, которые составляют эмоциональную жизнь личности, зависит от комбинации определенных моделей социального поведения с четырьмя основными эмоциями — усилиями, усталостью, грустью и радостью. Для сравнения можно привести тот факт, что в человеческом теле существуют не только функции дыхания и циркуляции крови, но также и регулирующие механизмы, которые, в зависимости от потребностей организма и внешних обстоятельств, увеличивают или уменьшают интенсивность дыхания и циркуляции крови. Точно так же имеются психологические регулировки, которые увеличивают или уменьшают количество энергии, необходимой для стимуляции той или иной тенденции. Научившись реагировать на акты своего социума, человек применяет те же модели поведения к самому себе, таким образом учась реагировать на свои собственные действия. В некоторых случаях такие регулирующие механизмы отсутствуют, и пациент испытывает при этом чувство пустоты или sentiment du vide. Жане сравнивает две элементарные эмоции, усилия и усталость, с действием акселератора и тормозов в автомобиле. Обсессивные невротики — это люди, которые часто совершают преувеличенные и ненужные усилия, а лень склоняет к недостаточным усилиям. В той же теории грусть — это страх действия и реакция на постоянные неудачи, в то время как радость — это запас энергии, оставшийся после удачно законченного действия (реакция триумфа). Жане сравнивает грусть с обратным движением тормозов при вождении машины. В этом случае радости соответствует экономия бензина, который образуется при включении тормозов. В действительности, однако, теория эмоций Жане является несравненно более сложной. В своей книге о любви и ненависти, например, Жане проделывает тщательнейший анализ, охватывающий множество нюансов и воплощений этих двух чувств[136].

Жане чрезвычайно интересовали с точки зрения психопатологии все формы социального поведения на уровне ниже речи, такие, как те,

что встречаются у идиотов. С другой стороны, регрессия до уровня социоличностных тенденций дала ему ключ к пониманию многих психопатологических проявлений на более высоких уровнях. Беспокойство, связанное с поведением в обществе (valorisations sociales), по-разному проявляется у людей робких и властных. Недостаток valorisation sociales вызывает реакцию неудачи. Мания преследования возникает в результате процесса социального и намеренного воплощения. Другой вид мании преследования, бред отношения (delusion of reference) (как у пациентов, которым кажется, что за ними постоянно наблюдают и что другие читают их мысли) описывается Жане как недостаток у пациента способности совершать «акт секретности».

I.4. Элементарные интеллектуальные тенденции. Тенденции этого уровня стали одним из любимых предметов исследования Жане, которому он посвятил две из своих последних книг[137]. Это уровень разума до владения языком и появление языка, память, символическое мышление, производство и объяснение. Наиболее элементарный мыслительный акт, по мнению Жане, состоит в конфронтации и комбинации двух моделей поведения в отношении двух различных объектов. В качестве иллюстрации Жане анализирует «поведение» корзины с яблоками. Оно состоит из двух действий, которые собственно не относятся ни к корзине, ни к яблокам: наполнение корзины и опустошение ее. Таким же образом Жане анализирует значение элементарного инструмента, портрета или статуи, комода, двери, улицы или общественного места. В каждом из этих чрезвычайно тонко выполненных анализов Жане показывает, каким образом любой из обсуждаемых объектов может быть представлен как комбинация двух действий.

Это также уровень появления языка, что тоже является двойным действием (acte doulde), то есть комбинацией речи и выслушивания ее[138]. Жане считал, что язык возник как трансформация актов приказания и повиновения. Производимые голосом действия, такие, как боевой клич, заменили для вождя необходимость отдавать команду с помощью жестов. Подобная теория может быть использована и для объяснения появления памяти. Память является трансформацией действия, о котором может быть сообщено даже отсутствующим в данной ситуации людям (например, часовой, завидев приближающегося врага, поднимает тревогу, и это будет зарождающийся язык, при отсутствии же врага он доложит об этом вождю и это — зарождающаяся память). Таким образом, «память — это приказ, отдаваемый отсутствующим до того, как он стал приказом, отдаваемым отсутствующими». Еще одна модель элементарного интеллектуального поведения объясняет происхождение производства: горшечник, по мнению Жане, объединяет два представления — представление о том действии, которому его изделие бу-

дет служить, и представление о действии, которое он производит. Жане бесконечно варьирует свои примеры, изобретая действия, объединяющие эти два взгляда. Близким к происхождению производства является происхождение объяснения, когда человек осознавал существование других актов производства. На этом уровне также существуют психопатологические импликации. Некоторые идиоты и слабоумные, находящиеся на предъязыковом уровне, способны выполнять определенные акты, требующие рудиментарного ума. Регрессии к этому уровню могут иметь место при состояниях ментальной конфузии и онеВризма.

II.1. Спонтанные действия и утверждающие верования. Однажды появившись, язык получил гигантское развитие, распространившись на все человеческие действия. Каждому моторному акту стал соответствовать речевой акт. Это развитие имело немедленные последствия. Язык диссоциировался от действия, и человек начал использовать его для разговоров как с собой, так и с окружающим его социумом. Поведение человека стало распадаться на телесное и вербальное. По выражению Жане, «на этой стадии все поведение человека становится анализом отношений между телесным поведением и речью». Телесное поведение, исключительно с помощью которого можно немедленно и прямым образом изменить мир, является единственно эффективным поведением, но оно является медленным, тяжелым и изнурительным. Словесное поведение является быстрым, легким и недорогим, но с его помощью невозможно сразу изменить мир. Жане считал, что это огромное различие между двумя способами поведения стало отправной точкой разделения тела и ума. Вначале слово было лишь началом действия. Но затем речь освободилась от телесного поведения, человек начал играть языком, и это то, что Жане называет «непоследовательным» языком[139]. Непоследовательный язык можно наблюдать у детей от трех до шести лет, которые часто говорят, не обращая внимания на то, что говорит собеседник, как это описано в работе Пиаже. Это можно наблюдать, добавляет Жане, в коллективных монологах некоторых слабоумных, а временами даже и у нормальных взрослых людей. Реакция против непоследовательного языка выражается двумя способами. Во-первых, посредством утверждения, которое Жане приравнивает к обещанию и считает, что от него ведет начало вера. Во-вторых, с помощью волевого акта, который является способом создать тесную связь между языком и действием.

И наконец, человек начал применять язык для того, чтобы разговаривать с самим собой с помощью внутреннего языка. Это было началом мысли. Жане посвятил целый курс лекций происхождению внутреннего мышления[140]. Одна из основных черт этой стадии составляет то, что Жане называет утверждающей верой, то есть верой, адекватной чувст-

вам, а не фактам, и следовательно, часто противоречивой и абсурдной. На этой стадии человек верит в то, чего он желает или боится. Это та вера, которую мы обычно видим у детей, у слабоумных или во время процесса предположения, а временами и у многих нормальных людей. Представление человека о мире принимает форму, которую Жане называет миром утверждающих верований: точно так же как перцептивное поведение создавало объекты, утвердительное поведение теперь создает существа, существа есть не более чем объекты, которым дано имя, а вера добавляет им упорства и стабильности. Память на этой стадии проходит процесс, подобный тому, что проходил язык, непоследовательная память отделяется от памяти, соответствующей действиям. Непоследовательная память игнорирует четкую локализацию во времени и является началом легенд и мифов.

В этой точке индивид развивается в персонаж, характеризуемый определенными отношениями и ролями. Персонаж — это индивид, который действует в соответствии с образом самого себя, созданным им и представляемым другим людям. Отсюда его внушаемость и гибкость; он также приписывает роли и окружающим. С психопатологической точки зрения, это не только уровень непоследовательного языка и памяти, внушаемости (представляющей собой нечто вроде непоследовательной веры) и дружеских бесед. Жане проводит резкую грань между дружескими беседами и мифоманией. При последней индивидуум осознает, что он лжет, но уровень утверждающей веры находится ниже уровня более сложного поведения, характеризующего ложь.

II.2. Рефлективные действия и верования. Рефлексия, по мнению Жане, исходит из дискуссии между индивидом и несколькими социумами. Это коллективное поведение интернализуется в форме внутренней дискуссии, в которой можно выделить несколько фаз. Сначала приходит сомнение, представляющее собой приостановку утверждения, затем размышление, являющееся борьбой между тенденциями и аргументами; а затем заключение в акте принятия решения. Борьба этих тенденций называется размышлением, когда она заканчивается либо намерением, либо верой. Рефлективные действия и верования еще не достигли логического уровня. Тем не менее они подразумевают начальные знания внешнего объекта и самого себя. Представление человека о внешнем мире на этой стадии принимает форму мира рефлекторного верования (которое Жане называет также le réel reflechi, рефлективная реальность), где нет просто существ, но есть тела и духи. В этой точке Жане вводит новое понятие реального, более сложное, чем то, которое он предложил в 1903 году. Это часть учения Жане, которая ближе всего смыкается с его теориями галлюцинаций и бреда. Сознательная реальность, говорит он, это комплексная структура, в которой взаимо-

действуют три уровня реальности: réel complet (совершенно реальное), presque réel (почти реальное) и demi-réel (полуреальное).

Совершенно реальное — это плод веры, связанной с возможностью немедленного действия или неосязаемой перманентности. Оно охватывает тела и духи. Тело есть устойчивая реальность, о которой человек утверждает с размышлением, что она обладает перцептивными качествами, то есть, что оно является отличным и лишенным преднамеренности. Эти две отчетливые реальности (тело и дух) могут быть объединены в общем и в самом человеке в частности. Почти реальное связано с актом ожидания и сообщения самому себе, оно соответствует тому, что Жане раньше называл презентификацией. Почти реальное включает в себя понятие настоящего момента, действия, которое мы выполняем и непосредственно имеем в виду, и докладываем об этом себе. Оно подразумевает мир сознания, осуществляющий регулировку наших настоящих действий.

Полуреальное охватывает пограничные области реальности, которые представляют собой (в порядке уменьшения близости): перцепция ближайшего будущего, перцепция недавнего прошлого, перцепция идеала, отдаленного будущего, воображаемого и, наконец, абстрактной идеи.

В нормальном состоянии существует определенная адекватность между реальностью и чувством, которое мы о ней имеем. В случае душевной болезни возникает неадекватность либо в форме избыточной реальности (surrealisation), сюрреализма, когда события далекого прошлого наделяются верой в то, что оно присутствует в настоящем, либо в форме недостаточной реальности, когда имеет место неспособность ощущать объекты настоящего как реально существующие. Это наблюдается в тех случаях, когда сообщения пациента больше не соответствуют тем идеям, которые его окружение (socil) разделяет относительно тех же событий или объектов. В этих понятиях Жане нашел ключ к пониманию бреда, которое он развил в нескольких своих подробно разбирающих эту проблему статьях. На том же уровне находятся последовательная память, акты сознательной воли и дальнейшее развитие индивида в форме рефлекторной самости (moi réfléchi, эго). По сравнению с персонажем, сознательное эго подразумевает временную организацию личности и интегрированную биографию.

Этот уровень особенно важен с психопатологической точки зрения. Регрессии на этот уровень или нарушения в процессе рефлективной веры происходят у тех пациентов, которые жалуются на потерю чувства реальности и настойчиво пытаются обрести реальное. Это также тот уровень, к которому относятся нарушения воли, такие, как абулия и, как уже упоминалось, мифомания. Индивиды, не вышедшие за уро-

вень рефлекторных действий и верований, проявляют такие характеристики, как страсть, эгоизм, лень и лживость.

III.1. Рационально-эргетические тенденции. Рационально-эргетический уровень — это первый уровень высших тенденций. Здесь добавляется новая функция, а именно тенденция работать. Животные не знают, что такое работать, «труд вола не является настоящей работой», работа навряд ли существует среди народностей, находящихся на примитивном уровне развития. Она исчезает у определенных индивидов в цивилизованном обществе, таких как преступники и проститутки, а также у многих невротиков и психотиков.

Работа подразумевает специфическое распределение силы. Сила извлекается не только из нижних тенденций, но и из специального запаса. Это означает, что индивидуум на этом уровне выполняет решения и обещания даже в том случае, если он не получает от этого удовольствия. Кант выразил это на языке философии в своем понятии «категорического императива». Жане добавляет, что «ценность человека может быть измерена в его способности выполнять тяжелую и неприятную работу» (corvées)[141]. Выполнение долга есть одна из многих трудных задач, которые цивилизованный человек способен наложить на себя. Сюда относятся также способность совершать добровольные действия, проявлять инициативу, упорство и терпение, то есть способность выносить ожидание, скуку и усталость. К ним принадлежит и понятие истины. Истина подразумевает веру человека в постоянную реальность, простирающуюся за пределы его знаний в данный момент. Сюда же, согласно Жане, относятся и правила логики. До этого существовали лишь абстрактные понятия, были приняты правила поведения, выполнение которых человек считал для себя обязательным. Сюда, далее, относится акт обучения, процедура, которая, если рассматривать ее в широком смысле, пронизывает всю человеческую культуру. На этом уровне происходит дальнейшее развитие индивидуальности от эго к персоне. Различие между эго и персоной состоит в том, что персона подразумевает связанность действий и единство жизни. Хотя рационально-эргетические тенденции относятся к высшим уровням, нельзя сказать, чтобы они были лишены полностью психопатологических импликаций. Человек, оставшийся на этом уровне развития, рискует оказаться непрактичным и стать esprit faux, догматиком и педантом, суждение которого основывается на теоретических системах и строгих принципах, а не на личном опыте.

III.2. Экспериментальные тенденции. В отличие от рационально-эргетического уровня экспериментальное поведение принимает во внимание опыт и учитывает факты действительности. Это поведение, следовательно, является отправной точкой научной деятельности. Ощущение

абсолютного здесь сменяется понятием возможного. Природа теперь рассматривается как система естественных законов. Человек ощущает потребность «подвергать проверке все, начиная от любого прибора до того, что говорится» и критиковать любую систему с точки зрения ее практической пользы. Эти тенденции включают в себя также то, что моралисты называют добродетельным поведением, которое отличает скромность, твердость характера и принятие объективной истины.

III.3. Прогрессивные тенденции. То, что Жане называет прогрессивными тенденциями, является высшим развитием индивидуального и творческого поведения. На этом уровне человек раскрывает свою собственную уникальную индивидуальность, признавая в то же время высшую индивидуальность каждого из окружающих его людей и устанавливая с ними отношения духовной близости. Поиски индивидуальности распространяются также и на события, особенно на исторические события. Жане делает здесь одно из своих любимых изречений: «Мы вырастаем во времени подобно тому, как растения растут в пространстве». Это означает, что эволюция человека, даже если его рассматривать как биологическую сущность, открыто в сторону будущего. В этом смысле Жане, по-видимому, согласен с некоторыми мыслями, выраженными Бергсоном в его «Творческой эволюции»[142]. «Эволюция, — делает он заключение, — не есть нечто законченное, человек всегда творил и будет и в будущем продолжать творить чудеса».

Творчество Жане: VII — философия религии

Жане никогда не терял глубокой связи с религией, которой была окрашена его юность, и в ходе клинической работы он столкнулся с несколькими случаями, представлявшими значительный интерес с точки зрения религиозной психологии и психопатологии. Впоследствии он разработал полную психологическую теорию религии, которую он изложил в своих лекциях, прочитанных в 1921–1922 годах. Жане так и не написал на эту тему книгу, как он планировал, но мы знакомы с его теориями благодаря сокращенной версии, опубликованной одним из его слушателей, пастором Уолтером Хортоном, а также отдельным высказываниям, которые Жане сделал в нескольких из своих поздних публикаций[143].

Представляется уместным кратко описать здесь некоторые из клинических случаев, с которыми Жане столкнулся. Один из них — знаменитая история Ахилла, человека, который в 1891 году был помещен в Сальпетриер по поводу одержимости дьяволом и которого Жане удалось вылечить благодаря раскрытию подсознательных навязчивых

идей пациента. Другим случаем явилась история с Меб, молодой двадцатишестилетней девушкой, оказавшейся пациенткой Сальпетриера из-за истерических галлюцинаций мистическо-эротического характера[144]. Больная утверждала, что страдала галлюцинациями в возрасте от восьми до двенадцати лет. Ее посещали ангелы, имя одного из которых было Святая Филомена. В возрасте семнадцати лет больная пережила эмоциональную травму, вслед за которой галлюцинации возобновились. Мать пациентки и ее тетка были страстными спиритистками. В доме повсюду можно было видеть следы пребывания потусторонних сил: на лестнице валялись сверкающие камешки, во время еды на стол падали птичьи перья, Меб находила на тумбочке около своей кровати маленькие кусочки стекла, имеющие форму креста, и вся семья верила, что эти предметы были помещены туда духами. Находясь в гипнотическом состоянии, пациентка рассказала Жане о том, что она помнит, как ночью в сомнамбулическом состоянии она выложила крест. Она же набросала на лестницу камешков, поскольку видела, как ей казалось, что то же делала Святая Филомена. Меб также помнила, что на следующий день она впала в состояние транса или сомнамбулизма и поверила в то, что она сама и есть Святая Филомена. Меб вновь проиграла сцену, которая тогда произошла: как она взлезла на стол и, пользуясь смесью муки с водой, приклеила к потолку несколько птичьих перьев, которые позднее отлепились и упали на стол во время еды. Эту пациентку Жане избавил от одержимости тем же способом, что и Ахилла.

Третьей пациенткой, гораздо более интересной с точки зрения рассматриваемой проблемы, была Мадлен, женщина, о которой очень много написано как Жане, так и католическими теологами. Она была принята в Сальпетриер в феврале 1896 года в сорокадвухлетнем возрасте и находилась под опекой Жане с 10 мая 1896 года по 2 декабря 1901 года, а затем со 2 января 1903 года по 5 марта 1904 года. После выписки из больницы она почти ежедневно писала Жане до самой смерти, последовавшей в 1918 году, так что он имел возможность наблюдать за ней на протяжении двадцати пяти лет. Жизнь Мадлен была необычной с самого начала[145]. Она родилась в 1853 году в традиционно католической части Западной Франции. С раннего детства девушка отличалась величайшей набожностью. В восемнадцатилетнем возрасте она отправилась в Англию в качестве гувернантки, но через несколько месяцев вернулась домой, расстроив всех своих родственников сообщением о том, что она предпочитает жить в абсолютной бедности и смирении. Мадлен поддерживала связь со своей семьей через сестру. Она проводила много времени в заботе о бедных, ухаживала за больной раком женщиной и провела в тюрьме положенный срок за то, что отказалась назвать чиновникам свое имя. В Сальпетриер ее поместили из-за специфической болезни

контрактуры мышц ноги, в результате которой она могла ходить только на цыпочках. Эти моторные нарушения приписывались истерии. Жане заподозрил у нее сирингомелию или какую-то другую разновидность поражения медуллы, но окончательный диагноз так и не был поставлен. Мадлен страдала странными мистическими галлюцинациями. Она считала, что удостоилась божественного откровения и обладает способностью летать.

Во время пребывания Мадлен в палате Клода Бернара (в которой лежало несколько пациентов Жане) было обнаружено, что время от времени у нее появляются кровоточащие порезы на тыльной стороне рук, на ногах и один на левой стороне грудной клетки. Эти пять участков ее тела начинали одновременно кровоточить несколько раз в году с разными интервалами времени и соответствовали стигмам, подобным тем, какие описывались у Франциска Ассизского и нескольких других святых. На протяжении всего того времени, когда больная находилась под наблюдением Жане, у Мадлен было два наставника: ее духовник и Жане, которого она тоже всегда называла mon Pére (Отец), выступавший в роли ее психотерапевта. Из писем Мадлен, так же как и из публикаций, сделанных в католической прессе, становится очевидным, что Жане всегда относился к ней как к личности с величайшим уважением, но несмотря на это, как психолог он проявлял при рассмотернии этого случая строгую научную объективность. Жане замечал, что в состоянии Мадлен происходили значительные колебания, и он выделил пять аномальных состояний, в которых она могла находиться, назвав их утешение, экстаз, искушение, сухость и мука, а также состояние равновесия, вначале лишь временно ее посещавшее, но ставшее преобладающим в последние годы жизни. Эти различные состояния были описаны Жане в первом томе его работы «От гнева к экстазу». В большой степени исходя из этих наблюдений Жане разработал свою теорию эмоций и часть понятий религиозной психологии. Публикация упомянутой книги Жане вызвала противоречивые отклики в католических кругах. Жане стал объектом яростных нападок священников, которые клеймили его как атеиста. С другой стороны, католический теолог, отец Бруно-де-Езус-Мария, сделал описание этого случая, которое весьма интересным образом дополняет публикации Жане. С точки зрения автора этого описания, Мадлен, несомненно, страдала неврозом, но в то же время была прекрасным человеком и замечательной личностью, мистицизм которой представлял собою смесь психопатологии и истинного религиозного чувства.

Психологию религии Жане следует рассматривать в рамках его понятий психической энергии и иерархии тенденций. Морально-религиозное поведение, говорит Жане, — это прежде всего функция управ-

ления, то есть функция контроля над бюджетом ментальных сил. Инстинкт экономии лежит в корне всякой морали. Человек применяет его прежде всего к экономии своих ментальных ресурсов и вторично эти принципы применяются к экономии финансовых ресурсов. Финансовая экономия вышла из первоначального контроля над бюджетом ума. Моральное поведение в большой степени представляет собой контроль индивида над его функциями, осуществляемый во имя сохранения ментальной энергии. Но на социоличностном уровне человек уходит на шаг вперед, поскольку здесь имеет место взаимный учет ментальной энергии индивида и социума в процессе имитации. Отношение к ментальной энергии со стороны имитаторов и лидера является различным. Для имитатора имитация является менее дорогостоящим действием. Для лидера подавать пример — более дорогостоящее действие, но оно более чем окупается чувством удовлетворения, которое он получает от того, что является предметом имитации. Таким образом, имитация является энергосберегающим действием, как для имитируемого лидера, так и для имитаторов. На уровне элементарных интеллектуальных тенденций увеличивается социальная специализация. Лидер имеет тенденцию не только продолжать исполнять свои функции, но и расширять их, и он требует того, чтобы ему повиновались.

На утверждающем уровне создаются обряды и мифы. Обряды представляют собой сложные модели поведения, в которых даже самые мельчайшие детали являются жестко фиксированными и которые люди принуждают друг друга соблюдать, хотя для этого не существует никаких причин, как логических, так и моральных. Мифы, говорит Жане, не столь примитивны, как обряды, и обычно прилагаются к обрядам в качестве дополнения для того, чтобы дать им какое-то объяснение. Функция обряда — стимулировать ментальные ресурсы, поднять тонус эмоционального содержания сознания. Достигая своей высшей точки, коллективные обряды вызывают массовую интоксикацию. Неудивительно, что принадлежностью многих первобытных религий являются оргиастические обряды, в которых немаловажную роль играет алкогольное опьянение. Даже траурные церемонии имеют целью повысить энергию участников, как на это указывал Дюркгейм.

Рефлективный уровень — это, по словам Жане, тот уровень, на котором возникает идея бога. Жане считает, что там, где нет богов, нет истинной религии. Характерными чертами бога (или духа) являются его антропоморфизм, невидимость, могущество и способность выполнять специфические функции, которые не может выполнять ни одно человеческое существо. Эти функции варьируются в зависимости от потребностей тех, кто ему поклоняется. Черты бога зависят от поведения верующих, которые воздают ему почести, как если бы они желали

польстить человеку. Они смиренно унижаются перед ним, как унижались бы перед вождем и воздают ему хвалу за милости, дарованные им в прошлом. За это они ожидают, что бог ответит им. Бог отвечает через верующих или, по крайней мере, через жреца, обязанностью которого является «добиться божественного ответа».

Для того чтобы объяснить, как возникли подобные верования и обычаи, Жане обращается к анализу явления мысли. Мысль возникла как «внутренний» язык, и, как упоминалось выше, вслед за интернализацией языка появилась идея двойника или духа, существующего невидимо вне осязаемых действий индивида. Это было также начало анимизма. «Анимизм возникает спонтанно в тот момент, когда впервые осознается необходимость провести различие между человеком, который разговаривает и действует так, как будто он является твоим другом, и невидимым, неслышным врагом, который притаился позади него». Идея богов-духов выросла из отношения к отсутствующим, причем особую категорию отсутствующих составляли умершие. Но как случилось, что боги-духи стали играть такую большую роль в жизни людей? Жане отвечает, что все религии представляют собой союз (соглашение) с богом, заключаемый либо из страха, либо ради обретения моральной поддержки, либо из желания обрести руководство и любовь. Человек ищет идеального, невидимого, всемогущего и всепонимающего наставника и друга, таковым и представляется ему бог. Здесь мы видим функцию религии, состоящую в том, чтобы «заставить бога заговорить», и, по словам Жане, «не следует предполагать, что религия смогла бы удержаться, если бы боги никогда не говорили».

Заставить бога говорить можно разными способами. Один из них — молитва, представляющая собой внутреннюю беседу. Верующий просит чего-то у бога, и что-то внутри него самого дает ему ответ и утешение от имени бога. Здесь мы сталкиваемся с проявлением автоматизма, который можно наблюдать как бы под увеличительным стеклом при патологических состояниях. Меб, например, взывала к Святой Филомене, роль которой она играла в сомнамбулических состояниях, выполняя свои собственные просьбы. Мадлен также поочередно играла то роль смиренной просительницы, то роль Христа, отвечающего ей и утешающего ее. Жане делает предположение, что то же происходит в молитвах, хотя верующий и не осознает этого. Несколько более сложную картину представляет собой культ Тромба, существующий на Мадагаскаре, где все племя молится духам, после чего несколько туземцев, находящихся в толпе, ощущают, что они одержимы духами, которые через них сообщают свой ответ общине. Однако иногда они не получают ожидаемого ответа, например, когда наступала acedia (состояние, нередко наблюдавшееся в монастырях в Средние века), acedia объяснялась как

постепенное истощение ментальной энергии. Противоположное acedia состояние — «конверсия» — подразумевает подъем веры и новое ощущение ментальной власти и стабильности, за которыми следует определенный процесс восстановления ментальной энергии и некоторых видов стимуляции.

Здесь также проявляются фанатизм и прозелитизм. Объяснить, что такое фанатизм, можно указав на различие между философской и религиозной дискуссией. Философская дискуссия предполагает принятие возможного поражения, уважение к противнику и интеллектуальную порядочность. В религиозной дискуссии нет места характерной для ученых сдержанности, для нее характерны насмешки над противником и отсутствие интеллектуальной честности, которое проявляется, например, в искажении цитат, взятых из произведений соперника. Прозелитизм — рвение в завоевание новых приверженцев — еще одна характерная особенность каждой существующей религии. В зависимости от эпохи, новообращенные могут привлекаться в лоно той или иной религии с помощью запугивания или заманиваться соблазнительными обещаниями. Среди аргументов, используемых при ведении религиозной дискуссии, видное место занимают чудеса, которые Жане определяет как «события, следующие за каким-то религиозным действием и несущие на себе печать официальной религиозности». Высшей ступенью прозелитизма являются религиозные преследования, которые Жане объясняет как стремление к господству, интеллектуальному единству и облегчению ментальной депрессии.

Явление демонической одержимости Жане рассматривает как противоположность молитве. Как и при молитве, здесь имеет место двойная модель поведения, при которой субъект играет две роли, но в то время, как при молитве вторая личность олицетворяет добро (бог или святой), при одержимости это зло (дьявол или демон). Совершая молитву, верующий остается хозяином внутренней драмы — речь божества может быть прервана по желанию молящегося, в то время как при одержимости вторая роль выходит из-под контроля, а первая исчезает вообще. Что касается экстаза, который мистики считают истинной формой причастия к божественному, Жане ссылается на свои наблюдения Мадлен. Во время экстаза движения сведены до минимума, находящийся в экстазе стремится к тому, чтобы его оставили одного, его психологический тонус повышается, и все его существо охватывает волна спокойной, пассивной, великолепной радости. Он ощущает себя озаренным божественным светом и обладает твердым убеждением в том, что все, что происходит в его сознании, является истинным и чрезвычайно важным. В некотором смысле это состояние напоминает сомнамбулизм, но отличается от него тем, что память об экстазе сохраняется и это событие

часто продолжает оказывать влияние на всю жизнь человека. Это явление, которым церковь дорожит, но, с другой стороны, она относится к нему с некоторым опасением, поскольку человек, испытавший экстаз, склонен делать собственные откровения, которые могут расходиться с церковной догмой.

К вопросу о том, существуют ли боги, Жане подходит с точки зрения психологического анализа веры. Боги не являются ни «вещами», ни «фактами», но, используя терминологию Жане, они представляют собой «существа», то есть религиозные сущности. Если факты находятся на уровне экспериментального подтверждения, то религиозные сущности — на уровнях утверждения и рефлексии. Вера в научный факт и вера в религиозную реальность — это два совершенно различных явления. В первом случае вера появляется постепенно через гипотезу и эксперимент. Религиозная вера появляется сразу, и никакой практический опыт не может поколебать ее. Она может и исчезнуть также внезапно, и утрата веры способна вызвать тяжелый нервный срыв. Научные и философские истины не затрагивают нашу преданность, как это имеет место с религиозными убеждениями, за которые человек может отдать свою жизнь, так же как он отдает ее за родину.

Влияние религии, говорит Жане, неизмеримо. Именно религия создала мораль в современном значении этого слова. В отличие от обычных приказов, отдаваемых лидером, моральные предписания обладают достоинством (категорическое качество), императивным качеством (то есть им следует повиноваться тайно) и их выполнение приносит человеку ощущение гордости. Причиной такого различия, считает Жане, является то, что соблюдение религиозных заповедей не является выполнением приказа вождя или лидера, но приказа, отдаваемого богами. Таким образом, можно считать, что мораль несет на себе отпечаток религии и является ее порождением. Благодаря религиозной морали человек обрел эго, то есть он научился подчинять и организовывать свои желания. Логика, добавляет Жане, представляющая собой интеллектуальную мораль, также несет на себе отпечаток религиозного влияния.

На рационально-энергетическом и экспериментальном уровнях появились факторы, способствующие разрушению религии. Жане пишет, что на этих уровнях впервые появляются четыре типа поведения: работа, образование, философия и наука. Все они прямо или косвенно являются порождением религии, однако все имеют тенденцию оказывать на нее разрушительное влияние. Философия и большинство других наук бросают вызов религии, и отсюда возникает вопрос — что случится с человечеством, если религия исчезнет? Поскольку религия играла и все еще играет огромную роль в жизни людей, появляется проблема найти то, что могло бы заменить ее. На эту роль претендовал спиритизм, дви-

жение, изучению которого так много внимания уделял Жане[146]. Являясь попыткой вступить в общение через «медиумов» с духами умерших, спиритизм представляет собой явление, имеющее очень древнее происхождение, но современный спиритизм, появившийся около 1850 года, отличается от того, что было раньше, поскольку он является аналитическим и совершается в атмосфере научного любопытства. Таким образом, спиритизм помимо воли его сторонников, внес ценный вклад в научную психологию (например, работа Флурнуа), но для большинства его адептов спиритизм стал чем-то вроде популярной метафизики, дешевой и неадекватной заменой религии. Что же касается «момента удовлетворения», испытываемого благодаря религии, это понятие было воспринято романтизмом, термин, который Жане использует в расширенном смысле, как религию чувства. Фундаментальный принцип этого движения состоит в том, что где бы мы ни находили радость, силу и удовлетворение, это всегда есть непосредственное проявление Божественного. Классической иллюстрацией этого направления является работа Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Однако, как заметил Вутру в своем предисловии к французскому изданию этой работы, «нет никаких доказательств того, что чувства энтузиазма и радости всегда сопровождают истину».

Пытаясь найти более удовлетворительную замену религии, Жане думал о двух вариантах; одним из них, которому, как он писал, предназначено более, чем всем другим, показать несостоятельность религии, является научная психотерапия. Она стремится объяснить научно те состояния ума, главным и наиболее популярным, хотя и не совершенным средством избавления от которых является религия. Второй ее заменой могло бы стать поклонение научному прогрессу. Жане использует этот термин не в значении материального или механического прогресса, и даже не в смысле интеллектуального и социального прогресса. Он делает для себя основополагающим принцип Гюйо, философа, которого он очень любил,— «быть уверенным в себе и с уверенностью смотреть на окружающий мир».

Таково крайне схематичное изложение сделанного пастором Хортоном конспекта лекций Жане, прочитанных в 1921–1922 годах. Книга по философии религии, которую Жане собирался создать, так и не была написана. Одной из причин этого, возможно, является то, что в оставшиеся годы жизни его представления о религии приняли иной характер. Такой вывод можно сделать из статьи Жане, написанной в 1937 году[147]. Тем временем была опубликована книга Бергсона «Два источника морали и религии», а также другие исследования, посвященные мистицизму. Жане в это время, по-видимому, уже больше не считал мистицизм исключительно утверждающим типом веры. Теперь он скорее рассмат-

ривал мистиков как группу прогрессивных мыслителей, которые пытались выйти за пределы тех видов веры, которые им предлагали наука и логика того времени. Мистики открыли для человечества новые перспективы: «Многие понятия, которые повсеместно употребляются сегодня, появились в работах мистиков как знаки стремления к более совершенному знанию». Они первыми стали рассматривать истину как «добродетель, достижимую через аскетические практики и заслуживаемую через моральное поведение». Мистики провозгласили новый тип логики, которая рассматривала человеческие чувства, прежде всего любовь, как имеющие доказуемую ценность. В той же связи Жане указывает, что понятие индивидуальности проникает даже в физику, а понятие ценности — в науку об обществе, и что история в девятнадцатом веке пронизана двумя принципами — принципом «исторической истины» и принципом «процесса», то есть двумя понятиями абсолютно чуждыми позитивным наукам. История как бы наводит на мысль, что прошлое человечества есть перманентное пространство, которое когда-нибудь станет доступным для прямого исследования человеком. И здесь Жане в заключение приводит свое любимое высказывание в духе Прометея о том, что эволюция человечества не закончилась и в будущем примет такие формы, о которых мы не можем даже мечтать.

Источники Жане

Первым и наиболее непосредственным источником любого творческого мыслителя является его собственная личность. Хотя Жане старательно избегал говорить о себе, он делал определенные намеки, проливающие свет на некоторые аспекты его творчества. В «Психическом автоматизме» Жане вскользь отмечает, что он относится к моторному типу людей.

> Когда я бодрствую, я могу мыслить, лишь когда говорю вслух или записываю, и моя мысль — это всегда наполовину задержанный жест. К наступлению ночи, напротив, как я часто замечал, я впадаю в абсолютную неподвижность. Я уже больше не актер, а зритель, образы и звуки, образующие живые картины, проходят перед моими глазами. Я вижу себя действующим и слышу говорящим, хотя и редко, — и в то же время у меня всегда сохраняется ощущение собственной неподвижности и беспомощности. Именно из-за этого большого различия между моими снами и моими мыслями в состоянии бодрствования мне так трудно запомнить свои сны[148].

В другом месте в той же книге Жане делает любопытное отступление, касающееся явления влюбленности, которую он считает чем-то

вроде болезни, которая не может поразить абсолютно здорового и сбалансированного человека[149]. В этих двух местах Жане дает нам ключ к пониманию общей направленности своего мышления. Он, очевидно, принадлежал к деятельному, неэмоциональному типу людей. Все, кто знал его, подчеркивали его удивительную активность, а также самообладание. Неудивительно, что Жане пришел к созданию психологической теории, центральным понятием которой является активность, и в которой эмоции считались чем-то приносящим неприятные нарушения нормального хода действий или, в лучшем случае, нарушения его регулировки. Неудивительно, что Жан Деле называл Жане «психологом эффективности».

Заслуживают внимания и два обстоятельства, связанные с личностью Жане. Первое — это депрессия, пережитая им в возрасте пятнадцати лет, и его склонность к психастении, не столь заметная в зрелые годы, но особенно проявившаяся в последние годы жизни. Можно предположить, что его блестящий анализ психастении был в некоторой степени основан на наблюдении над самим собой. Второе обстоятельство — религиозный кризис, постигший его в возрасте семнадцати лет и, без сомнения, ставший одним из решающих событий его жизни. Не вызывает сомнений то, что он не стал бы так внимательно следить в течение двадцати пяти лет за состоянием Мадлен, если бы его по-прежнему не волновала потеря веры, которую он пережил в юности.

Среди членов семьи Жане человеком, оказавшим на него наибольшее влияние, был его дядя Поль. Он был представителем школы спиритов, философии, кредо которой состояло в трех пунктах: вера в человеческую свободу, основанная на прямом свидетельстве сознания; мораль, основанная на принципе абсолютного добра, и вера в абсолютный долг, которая связывает человеческую свободу с абсолютным добром как средством достижения ее цели. Поль Жане изложил свою философию во многих книгах: главным их достоинством, по словам Фуйе, является огромное количество второстепенных вопросов, примеров и аргументов, которые он разбирает и которые больше нигде невозможно найти[150]. Хотя под влиянием позитивистского духа, преобладающего в его время, Пьер Жане отмежевался от спиритуалистских взглядов, пропагандируемых его дядей, и переместился из области философской психологии в область научной психологии, в творчестве Пьера Жане ощущается прочное влияние его дяди. То, что Поль Жане подробно излагал под названием «морального», было включено Пьером Жане в его иерархию тенденций под названием «рационально-эргетического», «экспериментального» и «прогрессивного» поведений. Более личностное влияние на Жане оказал Ж. М. Гюйо, автор работы «Неверие будущего», оказавшей огромное влияние на французских интеллектуалов

поколения Жане[151]. Мировоззрение Гюйо — это мировоззрение глубоко религиозного человека, не связанного ни с одной из официальных религий, который не может принять ни религиозную веру, ни атеизм.

Нам не известно, какие философы были предметом изучения Жане во время учебы в Эколь Нормаль и в годы его преподавания. По-видимому, он обладал достаточно хорошим знанием истории философии в общем[152]. Среди философов, которых он чаще всего цитировал, были Бэкон (его творчество явилось темой диссертации Жане, написанной на латинском языке), Мальбранш, Кондильяк, школа Идеологов и в особенности Мен де Биран. Последний явился как прямым, так и косвенным источником философии Жане. В восемнадцатом веке превалировала теория, что ощущение есть первичная субстанция, из которой развилась вся умственная деятельность человека. Около 1750 года философы начали интересоваться случаями, когда слепые обретали зрение в результате хирургической операции. Начались размышления о роли зрения и о каждом и каждом из других типов сенсорного восприятия в ментальной жизни. После этого Кондильяк (1715–1780) опубликовал свой знаменитый «Трактат о чувствах» (1754), в котором он изложил миф о статуе, обладавшей физическим строением человека, но лишенной психической жизни. Статуя получала одно ощущение за другим, и Кондильяк размышлял, как будет происходить процесс ее оживления, от ощущений к образам, идеям, мыслям, суждениям и к созданию науки. Мен де Биран (1766–1824) разработал новую теоретическую модель человеческой психики, основной чертой которой является усилие[153]. Сознание есть апперцепция этого усилия. Принцип Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» был заменен на «Я проявляю волю, следовательно, я существую». Добровольное усилие создает сознание и поднимает его от ощущения к восприятию и к мыслительным операциям более высокого порядка и вырабатывает понятия силы, причинности, единства, идентичности и свободы. Под этой нормальной человеческой жизнью, состоящей из сознательных усилий, существует животная жизнь, в которой царят привычки, элементарные эмоции и инстинкты, жизнь, продолжающаяся на уровне ниже сознания и проявляющаяся во сне и сомнамбулизме. В более поздние годы своей жизни Мен де Биран пришел к утверждению того, что, помимо обычной человеческой жизни, состоящей из добровольных усилий, существует третья, духовная и религиозная жизнь.

Влияние Мена на психологию Жане было как прямым — в результате чтения его работ — так и косвенным, ввиду большого влияния, оказанного Меном де Бираном на французских психиатров девятнадцатого столетия. Анри Делакруа хорошо показал, как теоретические концепции Белларже восходят к учению Мена де Бирана[154]. В своей теории

галлюцинации Белларже утверждает, что галлюцинации и бред происходят там, где память и воображение эмансипируются от сознательной личности. Та же мысль более обоснованно выражена в созданной Моро де Туром теории desagregation (в современном языке этому термину соответствовало бы слово «регрессия»). «Галлюцинации и бред есть результат постепенного ослабления собственной воли, той силы, с помощью которой мы связываем и координируем наши идеи». Именно поэтому Моро де Тур считал сновидения ключом к пониманию психических болезней. Жане постоянно ссылается на то, что он называет «основным законом психической жизни, открытым Моро де Туром».

К психологам — учителям Жане — можно, несомненно, причислить и Теодюля Рибо, к которому он испытывал чувство необычайного уважения и признательности. В то время как экспериментальная психология в Германии развивалась под влиянием Вундта как наука измерений психологических факторов, французская школа во главе с Тэном и Рибо предпочитала психологический подход. Рибо заимствовал у Клода Бернара идею о том, что заболевание есть опыт, установленный природой. Он применил эту идею к области психологии. Для того чтобы изучить нормальные функции памяти, воли и личности, Рибо исследовал заболевания этих функций и посвятил монографию каждому из них. Однако, не будучи врачом, Рибо должен был полагаться на описания, сделанные психиатрами, в то время как Жане получил медицинское образование, чтобы выполнять самому клинические исследования. Рибо также ввел разработанный Франсом Джексоном принцип эволюции и диссолюции и положительных и отрицательных симптомов в нервных болезнях. Рибо применил этот принцип к психопатологии памяти (то, что при старческой амнезии недавние воспоминания исчезают раньше, чем более ранние, было названо «законом Рибо») и к воле (в заболеваниях воли, говорил Рибо, добровольные действия исчезают раньше автоматических, и здесь лежит начало теории психастении Жане).

С клинической точки зрения Жане обычно считают учеником Шарко. При этом часто не учитывается тот факт, что до начала своей работы в Сальпетриере в 1899 году, за плечами Жане было шесть-семь лет клинической работы с неврозами и психическими заболеваниями в Гавре с доктором Жибером и доктором Повилевичем, так что он, появился в Сальпетриере не как ученик, но скорее как опытный соратник. Он изучал там методику лечения психотиков в основном в палатах доктора Сегла и доктора Фальре.

Еще одним фундаментальным источником работы Жане была первая динамическая психиатрия. Напомним, что во время своего пребывания и Гавре он открыл работу доктора Перье и небольшой группы гип-

нотизеров в Казне, и что после этого он исследовал целый мир забытых знаний, созданный благодаря исследованиям таких ученых, как Пюисегюр, Делез, Бертран, Нуазе, Тест, Готье, Шарпиньон, оба Деспена, Дю Поте и большого числа пионеров, заслуги и открытия которых Жане никогда не забывал упоминать.

Теории психологической энергии Жане имеют много общего с идеями Джорджа Берда и С. Вейра Митчела и особенно Уильяма Джеймса. Статья Уильяма Джеймса «Энергии человека» рассматривает проблемы нашего энергетического бюджета, уровня энергизации и различных способов мобилизации энергии[155]. Среди динамогенных факторов Уильям Джеймс упоминает усилие, молитву и религиозную конверсию. Это можно считать предвосхищением столь любимого Жане понятия психологического напряжения.

Созданные Жане в более поздний период теории иерархии тенденций, его расширенный бихевиоризм были, несомненно, в большой степени инспирированы творчеством Джосайи Ройса и Джеймса Марка Болдуина. Джосайя Ройс утверждал, что «различие между самостью и несамостью носит прежде всего социальное происхождение». Наше эмпирическое самосознание, добавлял он, зависит от серии контраст-эффектов, психологическое происхождение которых восходит к социальной жизни. Самость ребенка растет и формируется через имитацию. «Следовательно, по своему происхождению эмпирическое Эго вторично по отношению к нашему социальному опыту. В реальной социальной жизни Эго всегда известно как находящееся в противоположении к Другому». Ребенок, говорит Ройс, идеализирует (то есть интернализирует) свои социальные отношения так, что контраст между Эго и Другим (Alter)«может быть представлен в виде сознательного контраста между настоящей и прошлой самостью, между моей более высокой и более низкой самостью или между моим сознанием и моими импульсами. Моя рефлективная жизнь, в ее эмпирическом следовании от момента к моменту, есть нечто вроде резюме и сжатого изложения всей моей социальной жизни»[156]. Ройс также извлекал психопатологические импликации из этих теорий[157]. Социальная жизнь имеет свои болезни, может испытывать депрессию, экзальтацию или впадать в состояние мании. Мании подозрительности, преследования и величия являются патологическими вариантами социальных аспектов самосознания, которые при нормальном состоянии психики означали бы, что данное лицо проявляет интерес к общественному положению, обладает чувством собственного достоинства, стремится занять соответствующее место в мире и имеет характер. Теории Д.М. Болдуина напоминают теории Ройса, но в них больший акцент делается на генетическом аспекте развития. Болдуин различает три стадии в генезисе Эго и Другого. Сна-

чала имеет место проективная стадия, во время которой ребенок «проецирует», другими словами, чувствует окружающих до того, как получает собственные ощущения. По достижении семимесячного возраста наступает субъективная стадия, во время которой имитация позволяет ребенку «перейти от моего опыта относительно того, чем являетесь вы, к интерпретации того, чем являюсь я». Затем наступает «эйективная» стадия, во время которой ребенок повторяет процесс в обратном варианте, это означает переход «от более полного ощущения того, что есть я, назад, к более полному знанию того, что есть вы: это также означает, что Эго и Другой рождены вместе. Мое ощущение себя растет с помощью имитации вас, и мое ощущение вас растет в терминах моего ощущения себя. Как Эго, так и Другой, таким образом, являются в существенной мере социальными, каждое из них есть Социус и является порождением имитации».

Жане никогда не скрывал того, что многие его идеи, которые он столь широко развил в своем великом синтезе, были навеяны творчеством Ройса и Болдуина. Даже сам термин «социус», который так ему нравился, был заимствован им у Болдуина.

Оценить влияние на Жане немецкой психологии не так легко. Хотя Жане не знакомился с работами немецких психологов непосредственно, он знал о них от Рибо и из других источников. Наиболее вероятным, в частности, является влияние на Жане философии Гербарта. Одно из любимых понятий Жане «сужение поля сознания», по-видимому, не было известно французским психологам до Жане, но может быть определенно прослежено к творчеству Гербарта. В теории Гербарта подавление и сужение поля сознания есть два аспекта одного и того же явления. Поскольку поле сознания является слишком узким, лишь ограниченное количество представлений может одновременно выйти на передний план сознания, а отсюда борьба, происходящая между более сильными и более слабыми представлениями, и подавление более слабых более сильными»[158].

Оценить влияние на Жане его современников невозможно. Как уже указывалось в отношении Бергсона, Дюркгейма и Бине, речь здесь скорее может идти о взаимном влиянии, которое чаще осуществлялось во время бесед или личных контактов, нежели через чтение работ друг друга.

Еще одну проблему представляет собой сходство, которое можно обнаружить, сравнивая теории некоторых его современников. В. Драбович указывает на «сходство между доктринами» Жане и Павлова[159]. Оба заявили о значении силы и энергии в психической деятельности, хотя Павлов использовал для их выражения физиологические термины, а Жане — психологические. По мнению Драбовича, используемые Жане понятия психологического напряжения, «дренажа», предполо-

жения, гипноза имеют свои аналоги среди терминов, которые мы находим в работах Павлова. Павловым написано несколько статей, посвященных теориям Жане[160].

О сходстве между теориями Жане и теориями Мак-Дугалла писал Керрис[161]. Оба они описывали процесс развития и создавали модель личности на основе тенденций. Мак-Дугалл, однако, не дает столь подробной картины или шкалы иерархии тенденций. Большое внимание он уделяет соперничеству и борьбе между тенденциями и подчеркивает интегративный процесс нервной системы. С другой стороны, Жане в большей степени придерживается своего клинического опыта.

Особенно поразительны аналогии между поздними теориями Жане и учением Джоржа Герберта Мида. Система Мида также представляет собой социальный бихевиоризм, в качестве отправной точки которого использована социальная активность индивида и сотрудничество нескольких индивидов, связанное с каким-то социальным объектом[162]. Сознание, по Миду, есть интериоризация действия других, а мышление является символической интериоризацией обсуждения между несколькими индивидами[163]. Мид также считает эмоции реакцией человеческого организма на наши собственные отношения. Он рассматривает перцепцию как промежуточную стадию между импульсацией и манипуляцией (у Жане «суспенсивно-перцептивное» поведение). Мид различает в сознательной личности «I», «Me» и «Self», которые, очевидно, соответствуют у Жане терминам individu, personnage и moi. «Me», то же, что «personnage» у Жане, это собрание интернализированных ролей. Можно было бы процитировать и другие подобия, что неизбежно приводит к вопросу, есть ли это результат влияния Мида на Жане или влияние Жане на Мида? Решение этой проблемы усложняется тем, что работы Мида были опубликованы посмертно в 1934 году и позднее, а во время его жизни появлялись лишь фрагментарно в виде статей, разбросанных по журналам, не всегда доступным для читателей в Европе. С другой стороны, первая важная публикация поздней системы Жане появилась в 1926 году в его книге «От гнева к экстазу», хотя он уже на протяжении пятнадцати лет излагал эту теорию в своих лекциях в Коллеж де Франс. Нет никаких указаний на то, что Жане и Мид были лично знакомы. Объяснение, возможно, состоит в том, что каждый из них независимо от другого разработал те же понятия, которые они взяли из работ Джосайи Ройса и Джеймса Марка Болдуина.

Влияние Жане

Жане стоит на пороге создания современной динамической психиатрии, его идеи нашли столь широкое распространение, что их происхож-

дение не всегда известно и часто приписывается другим. Лишь немногие, например, знают, что термин «подсознательный» был создан Жане.

Концепция Блейлера о том, что шизофрения состоит из первичных симптомов с понижением напряжения ассоциации и вторичных симптомов, исходящих из первичных симптомов, во многом была переложением понятия психастении Жане с ее понижением психологического напряжения. Сам Блейлер говорил, что слово «аутизм» в значительной степени означает с положительной точки зрения то, что Жане называл «потерей чувства реального» с отрицательной точки зрения[164].

К. Г. Юнг постоянно ссылался на Жане (лекции которого он посещал в Париже во время зимнего семестра 1902–1903 учебного года). Влияние на Юнга «Психического автоматизма» Жане можно видеть в том, что Юнг рассматривает человеческий ум как состоящий из нескольких субличностей (у Жане «одновременные психологические сущности»). То, что Юнг называл «комплексом», по своему происхождению было не что иное, как эквивалент «подсознательной навязчивой идеи» Жане. Работа Жане оказала огромное влияние на индивидуальную психологию Адлера. Адлер признавал, что его исследования чувства неполноценности представляло собой развитие наблюдения Жане над sentiment incompletude[165].

Влияние Жане на Фрейда является весьма противоречивой проблемой, которая будет рассматриваться в следующей главе. А сейчас мы удовлетворимся тем, что упомянем лишь некоторые факты, освещающие данный вопрос. В своем предварительном отчете (1893) и в «Исследованиях по истерии» (1895) Брейер и Фрейд ссылаются на работу Жане. Описания случаев Люси (1886) и Мари (1889), Марсель (1891), мадам Д. (1892), Ахилла (1893) и некоторых других, опубликованные между 1886 и 1893 годами, содержали примеры излечения истерических больных путем перевода бессознательных идей в сознание и последующим уничтожением их. Близкое сходство разработанного Фрейдом понятия переноса и используемого Жане понятия сомнамбулического влияния и необходимости его ограничения, было отмечено Джонсом в одном из его ранних сочинений[166].

В своей работе «Формулировка двойного принципа психической жизни» Фрейд при определении принципа реальности ссылается на созданное Жане понятие функции реального. Разработанное Жане понятие функции синтеза, которое он позднее расширил в своей психологии тенденций и в теории конструирования личности, предвосхитило сдвиг психоанализа Фрейда от психологии подсознательного в сторону эго-психологии. Жане оказал также значительное влияние на французскую психиатрию и трех ее выдающихся представителей — своих современников Анри Барюка, Анри Эя и Жана Деле. На празднествах,

посвященных столетию со дня рождения Жане, Анри Барюк говорил о нем как о человеке, который создал клиническую базу для развития современной психофизиологии, и заявил, что в будущем работа Жане сыграет роль в появлении новых открытий в нейрофизиологии[167]. Органодинамическая психология Анри Эя и его теория структуры состояния сознания в большой степени являются развитием мыслей Жане[168]. По мнению Жана Деле, современные открытия в нейрофизиологии являются подтверждением адекватности понятия психологического напряжения Жане. Понятие вигильности, так же как и презентификация у Жане, имеют субстрат в некоторых частях промежуточного мозга. Именно поэтому психотропные препараты в психофармакологии классифицируются как «психолептические», «психоаналептические» и «психодислептические», согласно классификации, основанной на понятиях Жане[169].

Творческая биография Жане являет собой поразительный пример того, как несправедливо судьба распределяет славу и забвение между учеными. На пороге двадцатого века современники Жане не сомневались в том, что скоро он станет основателем великой научной школы. Однако, несмотря на постоянное движение вперед в своей работе, он как бы медленно отходил в сторону от основного движения науки. В глазах многих психиатров и психологов он всего лишь автор «Психического автоматизма» и клиницист, создавший точное описание обсессивного невроза. И, по-видимому, лишь немногие знают, что он занимался созданием синтеза невиданного размаха и пропорций.

Нелегко ответить на вопрос, почему Жане стал избранником Лесмозины, богини забвения, а не Мнемозины, богини памяти. Ответ, возможно, следует искать в том, что у него было достаточно много врагов, в самих особенностях личности Жане, а также в неуловимых колебаниях духа того времени. В ходе своей научной карьеры Жане, по крайней мере, трижды сталкивался с жестким сопротивлением или безжалостной враждебностью. Первый раз это случилось после смерти Жане: мы уже описывали гонения, направленные против учения Шарко по истерии и гипнотизму, которые в то время имели место. Хотя Жане старательно воздерживался от каких-либо опасных рассуждений по поводу металлотерапии и переноса, его, тем не менее, связывали с учением Шарко уже хотя бы в силу того, что в Сальпетриере он единственный настаивал на использовании гипноза и считал истерию заболеванием, а не просто притворством со стороны пациентов. Реакция против Шарко была столь сильной, что среди французских невропатологов стали распространяться антипсихологические тенденции, опровергающие органическое происхождение любого психического заболевания. Такие люди, как Бабинский и Дежерен, открыто проявляли свою враждебность по

отношению к Жане и в конце концов сумели уничтожить влияние, которым он пользовался в Сальпетриере. Не менее яростными были атаки на Жане представителей школы в Нанси, выступавших против него за то, что он проводил разграничение между гипнозом и внушением. Вторая волна выступлений против Жане была развязана рядом католических священников и светских философов вслед за публикацией его работы «От гнева к экстазу». Однако наиболее злобными были нападки со стороны психоаналитиков. Хотя Фрейд в конце концов признал некоторый приоритет Жане в исследованиях, опубликованных в 1893 и 1895 годах, его отношение к Жане становилось все более критичным. Сделанный Жане в 1913 году на Конгрессе в Лондоне доклад по психоанализу, в котором он претендовал на приоритет в открытии подсознательных фиксированных идей и катартической психотерапии, явился сигналом для яростных атак на него со стороны некоторых психоаналитиков. Эрнст Джонс публично и сознательно обвинил его в нечестности, утверждая, что открытия Фрейда никаким образом не связаны с тем, что сделал Жане[170]. В 1945 году французский психоаналитик Мадлен Каве, не принимая во внимания элементарных фактов хронологии, обвинила Жане в плагиате, совершенном после публикации в 1893 году статьи Брейера и Фрейда[171]. Жане, утверждала она, опубликовал в 1889 году описание болезни Мари, не понимая, как и почему пациентка выздоровела, но после публикации вышеупомянутой статьи Брейера и Фрейда в 1893 году он разобрался в этом и поспешно начал применять этот вид терапии и описывать другие случаи излечения пациентов, утверждая, что Брейер и Фрейд имитируют его методы. Восьмидесятишестилетний ученый, возможно, не знал об этом обвинении и никак не отреагировал на него, но оно, несомненно, внесло свой вклад в установление враждебного к нему отношения со стороны психоаналитиков более молодого поколения.

Другие причины того, что Жане не достиг истинной славы ученого, следует искать в особенностях его личности. Он всегда стремился к неограниченной независимости, даже Шарко и Рибо, по сути, не могут считаться его учителями. Он никогда не принадлежал ни к каким группировкам ученых и не входил ни в какие команды. У него не было ни учеников, ни школы, ему было совершенно чуждо какое-либо стремление завоевать себе сторонников. Для того чтобы иметь студентов, Жане необходимо было либо занимать соответствующий пост в Сорбонне, либо иметь палату в Сальпетриере, что дало бы ему возможность приводить клинические занятия. Однако у него не было ни того, ни другого, а его преподавательская деятельность была ограничена работой в Коллеж де Франс, высшем учебном заведении, не связанном ни с одним университетом и поэтому посещаемом специалистами, зарубежными гостями

и образованной публикой гораздо в большей степени, нежели студентами. Некоторые представители его немногочисленных слушателей, относившиеся к его учению с большим энтузиазмом, пытались сами пропагандировать его. К ним относится пастор Хортон, опубликовавший сжатый конспект лекций Жане по психологии религии, доктор Бенджамен Сюберказо из Чили[172], который изложил теорию Жане об иерархии тенденций на испанском языке, и доктор Леонгард Шварц из Базеля, посмертно опубликованная книга которого о психологии Жане, к несчастью, осталась незаконченной[173].

Третью причину того, что Жане не достиг славы, на которую он мог бы рассчитывать, следует искать в том, что немцы называют словом Zeitgeist (дух времени). Лекции Жане по психотерапии были прочитаны им в 1909 году, а в 1910 году он начал работать над психологией тенденций. На то, чтобы написать «Психологические методы лечения», ему понадобилось несколько лет, а публикацию этой работы пришлось отложить из-за войны. Когда же в 1919 году эта книга наконец вышла в свет, у публики сложилось впечатление, что за десять лет воззрения Жане не претерпели никаких изменений, и лишь немногие понимали, что к тому времени его научные интересы приняли другое направление. С другой стороны, послевоенный период был периодом общих кардинальных перемен и ниспровержения традиций как в сфере идей, так и в сфере политики и морали, и чем больше проходило времени, тем больше становился разрыв между творчеством Жане и тем, что занимало умы молодых психиатров.

Может сложиться мистическое впечатление, что судьба каким-то странным образом позаботилась о том, чтобы имя Жане было забыто.

Когда он умер, 24 февраля 1937 года, в Париже в результате забастовки печатников не выходила ни одна газета, вследствие чего его смерть осталась почти незамеченной. Когда же 18 марта газеты снова начали выходить, о его кончине было сообщено в некрологе, занявшем две строчки и затерявшемся среди массы всевозможных объявлений, накопившихся за те несколько дней, что не выходили газеты[174]. О его смерти сообщалось в документальной хронике, идущей в кинотеатрах, но поскольку его никогда не снимали в кино, кинорепортерам пришлось удовлетвориться тем, что с экрана показали лишь его фотографию. Единственная известная запись его голоса, по-видимому, была утрачена. В 1956 году в Сальпетриере праздновалось столетие со дня рождения Фрейда, и в память о его посещении клиники Шарко в 1885–1886 годах была открыта мемориальная доска. Но никому не пришла в голову мысль об увековечении памяти Жане, когда отмечалось столетие со дня его рождения в 1959 году, хотя именно здесь он проводил свои знаменитые исследования мадам Д., Марсель, Жюстины, Ахилла, Ирен, про-

славленной Мадлен и многих других. В 1960 году, когда в честь столетия со дня основания Коллеж Сент Барб, вышла в свет книга, посвященная этому заведению, в списке знаменитых людей, которые в нем когда-то учились, не было упомянуто имя Жане. Более того, работы Жане никогда не переиздавались, они становятся все более редкими и мало доступными для читателя[175].

Таким образом, творчество Жане можно сравнить с обширным городом, подобно Помпее, погребенным под пеплом. Но судьба любого погребенного города неизвестна. Он может остаться лежащим под слоем пепла навсегда. Он может остаться в неизвестности, будучи разграбленным мародерами. Но, возможно, когда-нибудь его откопают и возвратят к жизни.

А тем временем, как покрывало Лесмозины медленно опускалось на Жане, Мнемозина снимала свое покрывало с его великого соперника, Зигмунда Фрейда.

Примечания

Глава 1. Предшественники динамической психотерапии

[1] Adolf Bastian. Über psychische Beobachtungen bei Naturvolkern // Schriften der Gesellschaft fur Experimental-Psychologie zu Berlin. II. Leipzig: Ernst Günther, 1890. S. 6–9.

[2] Max Bertels. Die Medizin der Narurvolker. Ethnologische Beitrage zur Urgeschichteder Medizin. Leipzig: Th. Grieben, 1893.

[3] Georg Buschan. Über Medizinzauber und Heilkunst im Leben der Volker. Berlin: Oswald Arnold, 1941.

[4] Henri Sigerist. History of Medicine. Vol. I. New York: Oxford University Press, 1951.

[5] Forest E. Clements. Primitive Concepts of Disease // University of California-Publications in American Archeology and Ethnology. XXXII. No. 2. 1932. P. 185–252.

[6] Henri Meige. Les Possedees noires. Paris: Schiller, 1894.

[7] Georges Gilles de la Tourette. Traité clinique et thérapeutique de L'hystérie. Paris: Plon-Nourrit, 1891. P. 121.

[8] Oskar Pfister. Instinktive Psychoanalyse unter den Navaho-Indianern// Imago. XVIII. No. 1. 1932. P. 81–109.

[9] Claude Lévi-Strauss. Sorciers et psychanalyse // Courrier de l'Unesco. IX. July-August 1956. P. 8–10.

[10] William W. Elmendorf. Soul Loss Illness in Western North America. Selected Papers of the XXIXth International Congress of Americanists. III. Chicago: University of Chicago Press, 1952. P. 104–114.

[11] Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939.

[12] J.G. Frazer. The Golden Bough. Vol. II. London, 1911. (Имеется сокращенный русский перевод. См.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.; Л., 1931. — *Прим. ред.*)

[13] Г.В. Ксенофонтов. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М.: Безбожник, 1930.

[14] Federico Sal y Rosas. El mito del Jani o Susto de la medicina del Peru // Revista Psiquiatrica Peruana. I. No. 2. 1957. P. 103–132.

[15] Franz Boas. The Religion of the Kwakiutl Indians. Part II, translation // Columbia University Contributions to Anthropology. New York: New York University Press. 1930. X. P. 1–4.

[16] Claude Lévi-Strauss. Le Sorcier et sa magie // Les Temps modernes. IV. No. 41. 1949. P. 121–138.

[17] Traugott Konstantin Oesterreich. Die Besessenheit. Langenzalza: Wendt& Klauwell, 1921.

[18] Ludwig von Baelz. Über Besessenheit // Verhandlungen der deutschen Gesellschaft Naturforscher und Ärzte. No. 79. 1906.

[19] Kiyoshi Nozaki. Kitsune. Japan's Fox of Mystery, Romance and Humor. Tokyo: The Hokuseido Press, 1961. P. 211–227.

[20] Henri Rusillon. Un petit continent: Madagascar. Paris: Societé des Missions Evangéliques, 1933.

[21] Percival Lowell. Occult Japan, or the Way of the Gods. Boston: Houghton Mifflin Company, 1895.

[22] Rudolf Kriss and Hubert Kriss-Heinrich. Peregrinatio Hellenika // Veröffenthugendes Oesterreichischen Museums fur Volkskunge. VI. Vienna, 1955. S. 66–82.

[23] Цитируется по: Erwin Liek. Das Wunder in der Heilkunde. Munich: J.F. Lehmanns Verlag. 1930. S. 67–70.

[24] Peter Hartocollis. Cure by Exorcism in the Island of Cephalonia // Journal of the History of Medicine. XIII. 1958. P. 367–372.

[25] Gustav Roskoff. Geschichte des Teufels. Bd. II. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1869.

[26] Justinus Kerner. Nachrichtjvon dem Vorkommen des Besessenseyns... Stuttgart: Cotta, 1836.

[27] Blumhardts Kampf. Stuttgart-Sillenbuch: Verlag Goldene Worte, 1955.

[28] Множество примерно таких верований можно найти в монографии: Gisela Piaschewsky. Der Wechselbarg: Ein Beitrag zum Aberglauben der nordeuropäischen Völker.Breslau: Maruschko and Berendt, 1935.

[29] Friedrich Zundel. Pfarrer Johann Christoph Blumhardt — Ein Lebensbild. Zurich: S. Höhr, 1880.

[30] Pierre Scherding. Christophe Blumhardt et son pere // Publ. Faculte de Théologie Protestante de Strasbourg. No. 34. Paris: Alcan, 1937.

[31] Ibid.

[32] Pfarrer Blumhardt. Mittheilungen // Evangelisches Kirchenblatt zunachst für Würtemberg. 1845. S. 113–122; 227–233; 241–254. Автор обязан получением фотокопии этого документа Вюртембергской национальной библиотеке в Штутгарте.

[33] Viktor von Weizsäcker. Seelenbehandlung und Seelenfuhmng. Guteeslon: C. Bertelsmann, 1926.

[34] Edgar Miclwelis. Geisterreich und Geistesmacht. Der Heulungs- und Dämonenkampf J. Chr. Blumhardts. Bern: Hauht, 1949.

[35] Gaetano Benedetti. Blumhardts Seelensorge in der Sicht heutiger psychotherapeutischer Kenntnis // Reformatio. IX. 1960. S. 474–487, 531–539.

[36] Alfons Maeder. Studien uber Kurz-Psychotherapie. Stuttgart: Klett, 1963.

[37] Fernand Gribert. Au Cabon. Paris: Société des Missions evangéliques, 1928. P. 171–172.

[38] Marcel Mauss. Effet psychique chez l'individu de L'idée de mort suggérée par lacollectivué. Australie: Noevelle Zelande) // Journal de psychologie normale et pathologique, XXIII. 1926. P. 653–669.

[39] На это различие между африканскими и полинезийскими фактами автору было указано в разговоре с антропологом Морисом Линхардтом.

[40] Raffaele Peitazzoni. La confessione dei peccati, 3 vols. Bologna: Nicola Zanichelli, 1929, 1935, 1936.

[41] H. Aldenhoven. Klinischer Beitrag zur Frade der Todesahnungen // Psychotherapie. II. 1957. S. 55–59.

[42] Цитируется по: C Blake-Palmer. Maori Attitudes to Sickness // The Medical Journal of Australia. XLIII. No. 2. 1956. P. 401–405.

[43] Fritz Ernst. Vom Heimweh. Zurich: Fretz & Wasmuth, 1949; M. Bachet. Etude sur les états de nostalgie // Annales Médico-Psychologiques. CVIII. No. 1. 1950. P. 559–587; No. 2. P. 11–34.

[44] Father Raguenau. The Jesuit Relations and Allied Documents. V. XLII. Cleveland: Burrows Brothers Co., 1899. P. 164.

[45] Father Raguenau. The Jesuit Relations... XXXIII, 1898, P. 188–208. На значение этой работы указывалось в: Mark D. Altschule. Roots of Modern Psychiatry. New York: Grune & Stratton Inc., 1957.

[46] Raguenau. The Jesuit Relations... XLII. 1899. P. 158–160.

[47] Raguenau. The Jesuit Relations... VIII. 1897. P. 260–262.

[48] Maurice Genty. Magendie // P. Busquet and M. Genty, eds. Les Biographies medicales. Paris: Bailliere, 1936. V. IV. P. 113–144.

[49] Bruno Lewin. Der Zar, ein agyptischer Tanz zur Austreibung Böser bei Geisteskrankheiten, und seine Beziehungen zu Heitlanzzeremonien anderer Völker und der Tanzwut des Mittelalters //Confinia Psychiatrica. I. 1958. P. 177–200.

[50] Louis Mars. La Schizophrenie en Haïtu // Bulletin du Bureau I'Ethologie. № 15. March 1958.

[51] [51] C. Le Barbier. Notes sur le pays der Bara-Imamono. Bulletin de l'Academie malgache. Nouvelie serie. III. 1916–1917. P. 63–162.

[52] E. Birkeli. Folklore sakalava recueilli dans la région de Morondava. Bulletin de I'Academie malgache. Nouvelie serie, VI. 1922–1923. P. 185–364.

[53] Еше одним мощным стимулом для достижения излечения является то, что, если пациент не поправляется после Било, лекарь несет за это ответственность и подвергается моральному осуждению своих сородичей и может быть даже исключен из общины. На это обстоятельство внимание автора было обращено антропологом Луи Моле.

[54] Pierre Janet. Les Médications psychologiques. Paris: Alcan, 1919.1. P. 11–17.

[55] A.M. Hocart. The Life-Giving Myth and Other Essays. New York: Grove Press, Inc., 1954. Chap. 20.

[56] Терапевтический эффект «возвращения к истокам» и переразыгрывание великих космогонических мифов было освещено в работе: Mircea Eliade. Mythes, rêves etmystères. Paris: Gallimard, 1957. P. 48–59.

[57] L.S. Freeland. Porno Doctors and Poisoners // University of California Publicationsin American Archeology and Ethology. XX, 1923. P. 57–73.

[58] Mathilda C. Stevenson. The Zuni Indians: Their Mythology, Esoteric Fraternities and Ceremonials // Annual Report of the Bureau of American Ethology, XXIII. Wachington: Smithsonian Institution, 1901–1902. P. 2–608.

[59] Ibid.

[60] Oskar Pfister. Instinktive Psychoanalyse unter den Navaho-Indianern // Imago. XVIII. No. 1. 1932. P. 81–109.

[61] Washington Matthews. The Night Chant, a Navago Ceremony // Memoirs of the American Museum of Natural Hystory. Vol. VI; Anthropology. Vol. V. 1902.

[62] Ruth Cranston. The Miracle of Lourdes. New York: McGraw-Hill, Inc., 1955. P. 7.

[63] Павсаний. Описание Эллады. IV, книга 9. М., 1994. Т. I. С. 305.

[64] Emma J. Edelstein andLudwig Edelstein. Asclepius. A. Colleceion and Interpretation of the Testimonies. 2 vol. Baltimore: The Jotins Hopkins Press, 1945. Karl Kerenyi. Der göttliche Arzt. Basel: Ciba Gesellschaft, 1948.

[65] C.A. Meier. Antike Inkubation und moderne Psychotherapie. Zürich: Rascher-Verlag, 1949. P. 59–65.

[66] Otto Stoll. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. 2nd ed., Leipzig: Von Weit & Co., 1904.

[67] A.P. Elkin. Aboriginal Men of Nigh Degree. Sidney: Australasian Publishing Co., 1945.

[68] Ronald Rose. Living Magic. The Realities Underlying the Psychical Practices andBeliefs of Australian Aborigines. New York: Rand McNally & Co., 1956.

[69] Heinrich Brugsch. Aus dem Morgenlande. Leipzig: Ph. Reclam jun., Universal-Bibliothek, 1893). No. 3151–3152. P. 43–53.

[70] Marcel Mauss et H. Hubert. Esquisse d'une theorie generale de la magie. L'année Sociologique.VII. 1902–1903.

[71] J.G. Fraser. The Golden Bough. Vol. I. The Magic Art and the Evolution of Kings. 3rd ed. London: Macmillan, 1911.

[72] Louis Weber. Le Rythme du progrès. Paris: Alcan, 1913.

[73] Роль коллективного внушения в таких обрядах была хорошо освещена Марселем Моссом (см. прим. 70); см. также: Claude Lévi-Strauss. Le Sorcier et samagie // LesTemps Modemes. IV No. 41. 1949. P. 121–138.

[74] Herbert Basedow. The Australian Aboriginal. Adelaide: F.W. Preece and Sons, 1925. P. 174–182.

[75] Ibid.

[76] G.W. Harley. Native African Medicine. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1941.

[77] R.W. Felkin. Notes on Labour in Central Africa // Edinburgh Medical Journal. XXIX. 1884. P. 922–930.

[78] J. N.P. Davies. The Development of «Scientific» Medicine in the African Kingdom of Bunyoro-Kitara // Medical History. III. 1959. P. 46–57.

[79] J. Qvistad. Lappische Heilkunde. Oslo: Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, 1932. P. 90–91.

[80] Henri Sigerist. A History of Medicine. New York: Oxford University Press, 1951. 1. P. 161.

[81] Alphonse Maeder. Studien über Kurz-Psychotherapie. Stuttgart: Klett, 1963.

[82] Erwin H. Ackerknecht. Problems of Primitive Medicine // Bulletin of the History Medicine. XI. No. 5. 1942. P. 503–521.

[83] Georg Nioradze. Der Schamanismus bei den sibirischen Völkern. Stuttgart: Streeker and Schröder, 1925.

[84] Henri Ellenbeiger. La Nation de maladie creatrice // Dialoque, Canadian Philosophical Review. III. 1964. P. 25–41.

[85] Forest E. Clements. Primitive Concepts of Disease // University of California Publications in American Archeology and Ethnology. XXXII. No. 2. Berkeley, 1932. P. 185–252.

[86] Erwin H. Ackerknecht. Problems of Primitive Medicine // Bulletin of the History of Medicine. XI. No. 5. 1942. P. 503–521.

[87] См. также: Mircea Eliade. Yoga, Essai sur les origines de la mystique indienne. Paris: Geuthner, 1936; Techniques di Yoga. Paris: Gallimard, 1948.

[88] Более подробную информацию об организации греческих философских сект можно найти в книге: Léon Robin. La Pensée grecque et les origines de l'esprit scientifique. Paris: Renaissance di Livre, 1923. P. 61–85; Paul Friedländer under. Platon Seinswahrheit und Lebenswirklichkeit. 2nd ed., Berlin: de Gruyter, 1954; Normal W. Dewitt. Epicurus and His Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958. P. 89–120.

[89] Paul Rabbow. Seelenführung. Methoden der Exerzitien in der Antike. Munich: Koesel, 1954.

[90] R. De Saussure. Epicure er Freud // Gecundheit und Woglfahrt. XVIII. 1938. P. 356–360.

[91] Galen. On the Passions and Errors of the Soul. Trtans. by Paul W. Harkins with an introduction and interpretation by Walter Riese. Columbus: Ohio State University Press, 1961. (См. также: Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела. М.: Медицина, 1971. — *Прим. ред.*)

[92] Французский поэт А. де Виньи утверждает, что психологический роман обязан своим происхождением христианскому обычаю исповеди: Louis Ratisbonne. éd., Journal d'un poète. Paris: Michel Levy, 1967. P. 172.

[93] Как мы увидим в последующей главе, объективное исследование сексуальной психопатологии берет начало в работах католических моралистов-теологов.

[94] Henri F. Ellenberger. The Pathogenic Secret and Its Therapeutics // Journal of theHistory of the Behavioral Sciences. II. 1966. P. 29–42.

[95] Heinrich Stilling (Jung-Stilling). Theobald oder Schwärmer, eine wahre Geschichte. Frankfurt and Leipzig, 1785. I. P. 287–302.

[96] Имеется сокращенный и весьма неточный перевод на английский: Heinrich Stilling. Theobald of the Fanatic. A True Stoiy. Trans, by Rev. Samuel Schaeffer. New York: Saxton and Miles, 1846. В этом переводе ключевое высказывание звучит так: «...в действительности, это не более чем естественный инстинкт, чистое возбуждение животного характера, которое люди могут представлять, как нечто утонченное, сублимировать и поднимать, как они это постоянно делают, до высоты самого элегантного платонизма, но несмотря на все эти сублимации, он остается тем же самым грубым, низменным принципом». Это несколько смягченный перевод высказывания, которое почтенный Босиус произносит на грубом просторечном языке и на которое Занхен отвечает: «Herr Pfarrer! Sie beschamen mich!» («Вы заставляете меня краснеть!»).

[97] A.M.J. Chastenet de Puységur. Mémoires pour servir a l'histoire et a l'établissement du magnétisme animal. 1784.

[98] Count de Lutzelbourg. Extraits des journaux I'un magnétiseur attaché a la Société des Amis Réunisde Strasbourg. Strasbourg: Librairie Académique, 1786. P. 47.

[99] Jeremias Gotthelf. Wie Anne Babi Jowager haushaltet und es ihr mit den Doktomergent, 2 vols. Solothurn, 1843–1844.

[100] Натаниел Хоторн. Алая буква. Новеллы. М., 1965.

[101] Henrik Ibsen. The Lady from the Sea. (Fruen fra havet. 1888). Trans, by Eleanor Marx-Aveling. London: Unwin, 1890.

[102] См. гл. 5, гл. 7, гл. 10.

[103] См. гл. 9.

[104] O.V. Hovorka and A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedizin. 2 vols. Stuttgart: Stretcher and Schroder, 1908–1909.

[105] Erwin H. Ackerknecht. Problems of Primitive Medicine // Bulletin of the History of Medicine. XI. № 5. 1942. P. 503–521.

Глава 2. Возникновение динамической психиатрии

[1] Мы берем эти сведения из немецкого перевода этих писем, сделанного Эшенмайером: Über Gassners Heilmethode // Archiv für thierischen Magnetismus. VIII. № I. 1820. P. 86–135.

[2] Eugen Sierke. Schwärmer und Schwindler zu Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Leipzig: S. Hirzel, 1874. P. 222–287.

[3] J.A. Zimmermann. Johann Joseph Gassner, der berühmte Exorzist. Sein Leben und wundersames Wirken. Kempten: Jos. Kosel, 1879.

[4] Johann Joseph Cassner. Weise, fromm und gesund zu leben auch gottselig zu sterben, oder nutzlicher Unterricht wider den Teufel zu streiten. Stif Kempten, in der-Hochfurstlichen Buchdruckerei, 1774.

[5] Zimmermann. Op. cit. P. 115–122.

[6] Жизнь и судьба этой несчастной женщины легла в основу сюжета исторического хорошо документированного романа К. Фройлера: Anna Goldi, die Geschichte der letzten Hexe. Frankfurt am Main: Buchergilde Gutenberg, 1945.

[7] Хаен, придворный врач императрицы Марии Терезы, был очень сильно настроен против Гасснера, который, как он полагал, сумел вылечить всего нескольких пациентов, да и эти исцеления он объяснял либо мошенничеством, либо действием воображения пациентов, либо длительными поездками, которые им приходилось предпринимать, либо диетой. См.: Antonii de Haen. Dissertatio theologico-physica de miraculis. Naples: Typis Vincentii Ursini, 1778. P. 131.

[8] A. Mesmer. Schreiben über die Magnetkur. n. p., 1776. II. P. 44–46.

[9] Justinns Kerner. Franz Anton Mesmer aus Schwaben, Entdecker des thierischen Magnetismus. Frankfurt: Literarische Anstalt, 1856.

[10] Rudolf Tischner. Franz Anton Mesmer, Leben, Wekr und Wikrungen // Münchner Beitrage zur Geschichte und Lireratur der Natukwissenschaften und Medizin. I. № 9/10. 1928. P. 541–714.

[11] F. Schürer-Waldheim. Anton Mesmer. Ein Naturforscher ersten Ranges. Vienna: Selbstverlag, 1930.

[12] Karl Bittel. Der berühmte Hr. Doct. Mesmer, 1734–1815. Auf seinen Spuren am Bodensee, im Theugau und in der Markgraffschaft Baden, mit eunigen neuen Beiträgen zur Mesmer-Forschung. Überlingen: August Feyel, 1939.

[13] Joseph Rudolph Wohteb. Franz Anton Mesmer. Biographischer Sachstandbericht // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Neue Folge. LIII, Helf I. 1939. P. 33–130.

[14] Bernhardt Milt. Franz Anton Mesmer und seine Beziehungen zur Schweiz // Mitteillungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich. XXXVIII. № I. 1953. P. 1–139.

[15] Jean Vinchon. Mesmer et son secret. Paris: Legrand, 1936.

[16] Жизнь Месмера в Вене была исследована Ф. Шюрером-Вальдхаймом (Anton Mesmer. Ein Naturforscher ersten Ranges. Vienna: Selvstverlag, 1930).

[17] Цит. по: Karl Bittel. Der berühmte Hr. Doct. Mesmer, 1734–1815. Überlingen: August Feyel, 1939.

[18] Franz Anton Mesmer. Schreiben über die Magnetkur an einen auswärtigen Arzt. Vienna, 1775.

[19] Этот документ отыскал и опубликовал Юстинус Кернер (Franz Anton Mesmeraus Schwaben. Frankfurt: Literarische Anstalt, 1856. P. 19–45).

[20] Описания некоторых из этих исцелений Биттель отыскал в местных газетах того времени и опубликовал их в своем исследовании жизни Месмера. См. прим. 12.

[21] Ludwig August Frankl. Maria-Theresia von Paradis. Biographie. Linz, 1876.

[22] На протяжении более ста пятидесяти лет все, кто писал о ней, называли ее крестницей императрицы. Несостоятельность этих, как и многих других сведений, доказал Германн Ульрих (Maria-Theresia Paradis und Dr. Franz Anton Mesmer // Jahrbudides Vereines für Geschichte der Stadt Wien. XVII–XVIII. 1961–1962. P. 149–188).

[23] См.: Justinus Kerner. Franz Anton Mesmer aus Schwaben, Entdecker des thierischen Magnetismus. Frankfurt: Literarische Anstalt, 1856.

[24] Месмер упоминает этот эпизод в своей «Précis historique des faits relatifs au magnétisme-animal jusques en avril 1781» (London, 1781). Отец Марии-Терезии приводит несколько другую версию развития событий, которую опубликовал Юстинус Кернер (Op. cit. P. 61–71).

[25] Собственные описания Месмером своих эмоциональных переживаний см. в его «Precis historique...» (London, 1781. P. 21–23).

[26] Жизнь в Париже в это напряженное время великолепно отражена в письмах Мельхиора Гримма немецкому королю: Correspondance littéraire, philosophique et critique adressée à un souverain d'Allemagne, 5 vols., par le Baron de Grimm et par Diderot. Paris: F. Buisson, 1813. Данная корреспонденция содержит ценные сведения о Месмере.

[27] Franz Anton Mesmer. Mémoire sur la découverte du magnétisme animal. Paris: Didot. 1779. См. также его «Precis historique...».

[28] D'Eslon. Observations sur le magnétisme animal. London et Paris: Didot, 1780.

[29] Его биографию написал Луи Бергассе (Un Defenseur des princepes traditionnclssous la Revolution, Nicolas Bergasse. Paris: Perrin, 1910. Un Philosophe lyonnais Nicolas Bergasse. Lyon: Le Van, 1938).

[30] Описание этого знаменитого исцеления дает Миайе (Exposé par ordre alphabétique des cures opérées en France par le magnétisme animal, depuis Mesmer jusqu'a nos jours. Paris: Dentu, 1826. II. P. 81–82).

[31] Franz Anton Mesmer. Mémoire sur la découverte du magnétisme animal. Paris: Didot, 1779.

[32] Sir William Ramsey. The Life and Letters of Joseph Black. London: Constable & Co., 1918. P. 84–85.

[33] Nicolas Bergasse. Observations de M. Bergasse, sur un ecrit du Dr Mesmer, ayant pour titre Lettre de l'inventeur du magnetisme animal a l'auteur des Reflexions preliminaires. London, 1785.

[34] Eugene Louis. Les Origines de la doctrine du magnétisme animal. Thèse méd. Paris,1898–1899. № 111. Paris: Societe d'Editions Scientifiques, 1898.

[35] Caullet de Veaumorel, ed. Aphorismcs de M. Mesmer dictes a l'accemblee de seseleves... en 344 paragraphes. Paris: Quinquet, 1785.

[36] Antoine Lavoisier. Sir le magnétisme animal. Vol. III. Oeuvres de Lavoisier. Paris: Imprimerie Nationale, 1865. P. 499–527.

[37] Rapport des Commissaires chargés par le Roy de l'examen du magnétisme animal. Paris, 1784.

[38] Этот отчет был перепечатан в: Claude Burdin, Frederic Dubois. Histoire académique du magnétisme animal. Paris: Baillière, 1841.

[39] A.L. De Jussieu. Rapport de l'un des commissaires charges par le Roy de l'examen du magnetisme animal. Paris: Veuve Herissant, 1784.

[40] См. особенно пьесы Жана-Батиста Раде (Les docteurs modernes. Comedie parade... suivie de baquet de sante... Paris: Brunet, 1784).

[41] Paid Schmidt. Court de Gebelin a Paris. Paris: Fischbacher, 1908.

[42] L'anti-magnetisme, ou origine, progres, decadence, renouvellcment et refutation dumagnetisme animal. London, 1784.

[43] M. Thouret. Recherches et doutes sur le magnetisme animal. Paris: Prault, 1784.

[44] Marat. Memoire sur l'electricite medicale. Paris: Mequignon, 1784. P. 110.

[45] Caullet de Veaumorel. Aphorismes de M. Mesmer, dictes a l'assemblee de seseleves. Paris: Quinquet, 1785.

[46] Nicolas Bergasse. Theorie du monde et des etres organises, suivant les principes de M. Paris, 1784.

[47] Цит. по: Wohleb. Op. cit.

[48] На этот период жизни Месмера частично проливает свет исследование Карла Биттеля (op. cit.) и: Benihard Milt. Franz Anton Mesmer und seine Beziehungen zur Schweiz // Mitteilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich. XXXVIII. 1953. P. 1–139.

[49] Karl Christian Wolfart, ed. Mesmerismus, Oder System der Wechselwirkungen, Theorie und Anwendung des thierischen Magnetismus. Berlin: Nicolai, 1814.

[50] Justinus Kerner. Franz Anton Mesmer aus Schwaben. Frankfurt: Literarische Anstalt,1856.

[51] Nicolas Bergasse. Observations de M. Bergasse sur un ecrit du Dr. Mesmer, ayantpour titre: Lettre de l'inventeur du magnetisme animal a l'auteur des reflexions preliminaires. London, 1785.

[52] Мемуары Иоганна Генриха Эгга были напечатаны в местной газете и восстановлены Бернхардом Мильтом (Franz Anton Mesmer und seine Beziehungen zur Schweiz. P. 1–139).

[53] Charles Richet. L'Homme et l'intelligence. Fragments de philosophie. Paris: Alcan,1884. P. 295, 543.

[54] Robert de Puysegur. Notice genealogique sur la famille Chastenet de Puysegur. Paris: Lemerre, 1904. Marquis de Blosseville. Les Puysegur. Leurs ouevres de litterature, d'economiepolitique et de science. Paris: Aubry, 1873.

[55] Автор книги выражает особую признательность виконту дю Буадулье, прямому потомку маркиза де Пюисегюр, за предоставление большого количества сведений о его знаменитом предке и семье Пюисегюр.

[56] Остались описания первых из этих сеансов, сделанные очевидцем, сборщиком налогов Клоке, а также самим Пюисегюром в анонимном памфлете: [Puysegur]. Detaildes cures operees a Buzancy pres de Soissons, par le magnetisme animal. Soissons, 1784.

[57] A.M.J. Chastenet de Puysegur. Mémoires pour servir a l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal. N. p., 1784.

[58] A. M.J. Chastened de Puysegur. Memoires pour servir a l'histoire eta retablissement du magnetisme animal. 2nd ed.; Paris: Cellot, 1809. P. 39–52.

[59] Anon. Nouvelle cures operees par le Magnetisme Animal, n. p., 1784.

[60] A.M.J. Chastenet de Puysegur. Du magnetisme animal, considere dans ses rapports avec diverses branches de la physique generale. Paris: Desenne, 1807. P. 108–152.

[61] Копия этих бесценных и невероятно редких публикаций хранится в Bibliotbsque National et Universitaire в Страсбурге. Они даны под следующими заголовками: Exposé des différents cures opérées depuis le 25 l'août 1785, époque de la formation de la société fondée a Strasbourg, sous la dénomination de Société Harmonique des Amis-Réunis, jusqu'au 12, du mois de Juin 1786, par différents membres de cette Société. Strasbourg: Librairie Académique, 1787. Suite des cures faites par differents magnétiseurs, membres de la Société Harmonique des Amis-Réunis de Strasbourg. Strasbourg: chez Lorenz et Schouler, 1787. Vol. II, Annales de la Société Harmonique des Amis-Rénius de Strasbourg, ou cures que des membres de cette société ont opérées par le magnétisme animal. A Strasbourg, & chez les principaux libraires de l'Europe, 1789. Vol. III.

[62] A.M. J. Chastenel de Puysegur. Les Fous, les insenses, les maniaques et les frenetiques ne seraient-ils que des somnambules desordonnes? Paris: Dentu, 1812.

[63] M.S. Mialle. Exposé par ordre alphabétique des cures opérées en France par le magnétisme animal, depuis Mesmerjusqu'a nos jours. (1774–1826), 2 vols. Paris: Dentu, 1826. I. P. 202–204.

[64] Encyclopedie du XIXe Siecle, 3rd ed. Paris: 1872. Vol. XIX art. Puysegur. Bureau de l'Encyclopedie du XIXe siecle.

[65] Эти детали подтверждает месье Гиллермо, мэр Бюзанси.

[66] Письмо от G. Dumas, Directeurdes Services d'Archives del'Aisne, June 14,1963.

[67] Petetin. Memoire sur la decouverte des phenomenes que presentent la catalepsie etle somnambulisme, symptomes de reflection hysterique essentiellc. Lyon, 1785.

[68] Extraitdujournal Tune cure magnetique. Traduitde Tallemand. Rastadt: J.W. Domer, 1787.

[69] Abbe de Faria. De la cause du sommeil lucide, ou Etude de la nature dc l'homme. Tome ler. Paris: chez Mine. Horiac, 1819. Это единственный опубликованный том из четырех, которые Фариа планировал выпустить в свет.

[70] J.P.E. Deleuze. Histoire critique du magnétisme animal. Paris: Schoell, 1810.

[71] A. Berlrand. Traite du somnambulisme et des differentes modifications qu'il presente. Paris: Dentu, 1823.

[72] General Noizet. Mémoire sur le somnambulisme et le magnétisme animal. Paris: Plon, 1854.

[73] Муйзо в 1787 году приказал своей пациентке, которая находилась в состоянии магнетического сна, навестить одного человека в назначенный час на следующий день, что она и выполнила. Цит. по: Tischner. Franz Anton Mesmer: Leben, Werk und Wirkungen // Münchner Beiträge zur Geschichte und Literatur der Naturwissenschaften und Medizin. I. No. 9/10. 1928. P. 541–714.

[74] «Réciprocité magnétique» упоминается еще в 1784 году в памфлете против Месмера, написанном анонимным автором, который был хорошо знаком с его теорией: La Vision, contenant l'explication de l'écrit intitulé: Traces du magnetisme & la theoriedes vrais sages. Paris: Couturier, 1784.

[75] Tardifde Montrevel. Essai sur la théorie du somnambulisme magnétique. London, 1785. P. 43–45.

[76] Этот аспект был детально проработан Делезом, а также большинством исследователей того времени.

[77] Claude Burdin, Frederic Dubois. Histoire academique du magnétisme animal. Paris: Bailliere, 1841.

[78] Wilhelm Erman. Der tierische Magnetismus in Preussen vor und nach den Freiheitskriegen aktenmassig. Munich and Berlin: R. Oldenburg, 1925.

[79] Asklapeion, allgemeines medizin-chirurgisches Wochenblatt fur alle Theile derHeikunde und ihre Hulfswissenschaften. Berlin, 1811.

[80] Carl Alexander Ferdinand Kluge. Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel. Berlin, 1811. P. 102–108.

[81] Friedrich Hufeland. Ueber Sympathie. Weimar: Verlag des Landes-Industrie-Comptoirs, 1811.

[82] Kluge, ср. n. 8.

[83] Rene Guighard. Un Poète romantique allemand, C. Brentano. Paris: Les Belles-Lettres, 1933.

[84] Das bittere Leiden unseres Herrn Jesu Christi. Nach den Betrachtungen der fittseligen Anna Katharina Emmerich. Sulzbach: Seidel, 1837.

[85] Leben der heiligen Jungfrau Maria. Nach den Betrachtingen der gottseligen Anna Katharina Emmerich. Munich: Literarisch-artistische Anstalt, 1852.

[86] P. Winfried Hümpfner. Clemens Brentanos Glaubwürdigkeit in seinen Ernmerich-Aufzeichningen. Wurzburg: St. Rita-Verlag, 1923.

[87] Justines Kerner. Das Fettigift, oder die Fettsaure und ihre Wirkungen auf den ierischen Organismus. Stuttgart-Tübingen: J.G. Cotta, 1822.

[88] Theobald Kerner. Das Kernerhaus und seine Gaste. 2nd ed.; Stuttgart and Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1897.

[89] Heunrich Straumann. Justinus Kerner und der Okkultismus in der deutschen Romantik. Horgen-Zürich und leipzig münster-Presse, 1928.

[90] Justinus Kerner. Geschichte zweyer Somnambulen. Nebst eunigen andern Denkwurdigkeiten aus dem Gebiete der magischen Heikunde und der Psychologie. Karlsruhe: Gottlieb Braun, 1824.

[91] David Friedrich Strauss. Justinus Kerner // Gesammelte Schriften. Vol. I. Bonn: E. Strauss, 1876.

[92] Justinus Kerner. Die Seherin von Prevorst. Eröffnungen über das innere Leben und über das Hineinragen einer Geisterwelt in die unsere, 2 vols. Stuttgart-Tubingen: Cotta, 1829.

[93] Ibid.

[94] Justinus Kerner. Klecksographien. Mit illustrationen nach den Vorlagen des Verfassers. Stuttgart: Deutsche Berlag-Anstalt, 1857.

[95] James Braid. Neurhyphology, or The Rationale of Nervous Sleep Considered in Relation with Animal Magnetism. London: J. Churchill, 1843.

[96] John Elliotson. Numerous Cases of Surgical Operations Without Pain in the MesmerisState. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1843.

[97] James Esdaile. Mesmerism in India and its Practical Application in Surgery andMedicine. Hartfold: Silas Andrus & Son., 1847.

[98] James Esdaile. Natural and Mesmeric Clairvoyance with its Practical Applecationof Mesmerism in Surgery and Medicine. London: Hippolyte Baillere, 1852.

[99] Mesmerism; Its History, Phenomena, and Practice: With Reports of Cases Developedin Scotland. Edinburgh: Frazer&Co., 1843.

[100] John Hughes Bennett. The Mesmeric Mania of 1851, with a Physiological Explanation of the Phenomena Produced. Edinburgh: Sutherland and Knox, 1851.

[101] Frank Podmore. Modern Spiritualism. London: Methuen, 1902. 1. P. 154–176.

[102] См. его автобиографию: Andrew Jachson Davis. The Magic Staff. New York: J.S. Brown & Co., 1857.

[103] Pierre Janet. Les Medications psychologiques. Paris: Alcan, 1919. I. P. 27–29.

[104] Мы в основном берем сведения из: Frank Podmore. Modern Spiritualism. A History and a Criticism, 2 vols. London: Methuen, 1902.

[105] Robert Amadou. Les Grands mediums. Paris: Denoel, 1957.

[106] Mrs. Daniel Dunglas Home. D.D. Home. His Life and Mission. London: Trubner, 1888.

[107] The Earl of Dunraven. Experiences in Spiritualism with D.D. Home. London: Thomas Scott, Work Court in Holborn, 1869.

[108] E.E. Fournierd'Albe. The Life of Sir William Crookes. London: T. Fisher Unwin, 1923.

[109] Allan Kardec. Le Livre des esprits, contenant les principes de la doctrine spirite. Paris: Dentu, 1857.

[110] Frederick Myers. Human Personality and its Survival of Bodily Death, 2 vols. London: Longmans, Green and Co., 1903.

[111] Michel Chevreul. Lettre a M. Ampere sur une classe particuliere de mouvements musculaires // Revue des Deux Mondes, 2nd series, 1833. II. P. 258–266.

[112] Michel Chevreul. De la Baguette divinatoire, du pendule dit explorateur et des tabletoumantes, au point de vue de l'histoire, de la critique et de la méthode expérimentale. Paris: Mailet-Bachelier, 1854.

[113] A. Jacquet. Ein hables Jahrhundert Medizin. Basel: Benno Schwalbe, 1929. P. 169.

[114] Charles Richet. Du somnambulisme provoqué // Journal de l'Anatomie et de la Physiologie normales el pathologiques de rhomme et des animaux. II. 1875. P. 348–377.

[115] Мы используем в основном сведения из книги: W. van Renterghem. Liebeault en zijne Scholl. Amsterdam: Van Rossen, 1898. Выдержки из книги были опубликованы во французском переводе: Zeitschrift fur Hypnotismus. IV. 1896. P. 333–375; V. 1897. P. 45–55,95–127; VI. 1897. P. 11–44.

[116] Pierre Janet. Les Medications psychologiques. Paris: Alcan. P. 130.

[117] Смотри биографические сведения: A. Liebeault. Pour constater la réalité de magnétisme. Confession d'un hypnotiseur. Extériorisation de la force neurique ou fluidc magnétique. Paris: Libraire du Magnetisme, n. d.

[118] A. Liebeault. De sommeil et des états analogues, considérés surtout au point de vue de Paction du moral sur le physique. Paris: Masson, 1866.

[119] Это одна из легенд в истории динамической психиатрии. У Льебо были читатели во Франции, Швейцарии и даже в России, что доказывает книга Николая Грота «Сновидения, как предмет научного анализа» (Киев: Типография Фрица, 1878), который часто ссылался на теорию сна Льебо.

[120] A. W. van Renterghem, см. прим. 116.

[121] Биографические и автобиографические сведения можно найти в: Jubile du Professeur H. Bernheim, 12 novembre 1910. Nancy, 1910. Автор в особенности благодарен мадемуазель Г. Коэ, главному библиотекарю Университета медицинской школы в Нанси, за предоставление очень редкого издания и других документов, касающихся школы в Нанси.

[122] H. Bernheim. De la suggestion dans l'état hypnotique et dans l'état de veille. Paris: Doin, 1884.

[123] H. Bernheim. De la suggestion et de ses applications a la thérapeutique. Paris: Doin, 1886.

[124] H. Bernheim. Hypnotisme, suggestion, psychothérapie. Etudes nouvelles. Paris: Doin, 1891.

[125] См.: Poul Bjerre. The History and Practice of Psychoanalysis. Trans, by Elizabeth Barrow. Boston: Badger, 1920. Chap. 2.

[126] Смотри его автобиографию: Frederick van Eeden. Happy Humanity. New York: Doubleday & Co., Inc., 1912.

[127] Frederik van Eeden. The Theory of Psycho-Therapeutics // The Medical Magazine. I. 1895. P. 230–257.

[128] A. W. van Renterghem. L'Evolution de la psychotherapie en Hollande // Deuxieme Congres International de l'Hypnotisme, 1900. Paris: Vigot, 1902. P. 54–62.

[129] Augeste Forel. Rückblick auf mein Leben. Zürich: Europa-Verlag, 1935.

[130] В своем рассказе о школе в Нанси ван Рентергхем упоминает Фрейда и Брейера: A. W. van Renterghem. Liebeault en zijne Scholl. Amsterdam: Van Rosse, 1898. P. 133.

[131] Этот прием не был столь новым, как считал Бернгейм. Еще в 1818 году Левен-хилм (Bibliotheque du magnétisme animal. V. P. 228–240) утверждал, что, положив два пальца на лоб пациента, можно заставить его вспомнить свои пе-

реживания в состоянии гипноза, другие магнитезеры также часто пользовались различными приемами с той же целью.

[132] H. Bernheim. École de Medicine de Nancy. Doctrine de la suggestion, in «Nancy et Lorraine» // Idées modernes. III. 1909. P. 139–149. См. также: Jubilc du Professeur H. Bernheim. Nancy, 1910.

[133] Georges Guillain. J. M. Charcot. 1835–1893. Sa Vie, son oeuvre. Paris: Masson and Cie, 1955.

[134] A. Souques. Charcot intime // Presse Medicale. XXXIII. I. № 42. May 27, 1925. P. 693–698.

[135] А. Любимов. Профессор Шарко. Научно-биографический этюд. СПб., 1894.

[136] Levillain. Charcot et l'Ecole de la Salpêtrière // Revue Encyclopedique. 1894. P. 108–115.

[137] Georges Guillain. U Oeuvre de Duchenne de Boulogne // Etudes Neurologiques, 3rdseries. Paris: Masson and Cie, 1929. P. 419–448. Paul Guilly, Duchenne de Boulogne. Paris: Legrand, 1936.

[138] Paul-Richer. Études cliniques sur l'hystéro-épilepsie ou Grande Hystérie. Paris: Delahaye et Lecrosnier, 1881.

[139] J. M. Charcot. Sur les divers etats nerveux déterminés par l'hypnotisation chez les hystériques // Comptes-Rendus hebdomadaires des seances de l'Academie des Sciences. XCIV. 1882.1. P. 403–405.

[140] J. M. Charcot. Ouevres complètes. Leçons sur les maladies du système nerveux. Paris: Progrès Médical, 1890. III. P. 299–359.

[141] Benjamin Collins Brodie. Lectures illustrative of certain local nervous affections.London: Longmans and Co., 1837.

[142] Russel Reynolds. Remarks on Paralyses and other Disorders of Motion and-Sensation, Dependent on Ideas // British Medical Journal. II. 1869. P. 483–485.

[143] J. M. Charcot. Sur un cas d'amnésie rétro-antérograde, probablement l'origine hystérique // Revue de Médecine. XII. 1892. P. 81–96. См. также: Revue de Médecine.XII. 1892. P. 267–400, 867–881.

[144] J. M. Charcot. La Foi qui guerit // Archives de Neurologie. XXV. 1893. P. 72–87.

[145] Leon Daude. Souvenirs des milieux littéraires, politiques el médicaux de 1885 a 1905. 2nd scries: Devant la douleur. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1915. P.4–15. См. также того же автора: Les Oeuvres ct les homines. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1922. P. 197–243: Quand mon père vivait, Souvenirs inedits sur Alphonse Daudet. Paris: Grasset, 1940. P. 113–119.

[146] Edmond et Jules de Goncourt. Journal. Memoiresde la vie litterairc. Paris: Fasquellc et Flammarion. 1956. См. в особенности том III.

[147] А. Любимов, см. прим. 136.

[148] Henri Meige. Charcot artiste // Nouvelle Iconographie de la Salpêtriére. XI. 1898.

[149] Georges Guillain. J.M. Charcot, 1825–1893. Sa vie, son oeuvre. Paris: Masson andCie, 1955.

[150] См. прим. 136.

[151] Jules Claretie. La Vie a Paris, 1881. Paris: Havard, 1882. P. 128–129.

[152] J.M. Charcot and Paul Richer. Les Difformes et les malades dans I'art. Paris: Lccrosnier and Babe, 1889.

[153] J.M. Charcot and Paul Richer. Les Démoniaques dans Tart. Paris: Delahaye and Lecrosnier, 1887.

[154] Ch. Fere. J.M. Charcot et son oeuvre // Revue des Deux Mondes. CXXII. 1894. P. 410–424.

[155] Levillain. Charcot et l'École de la Salpêtriére // Revue Encyclopedique. 1894. P. 108–115.

[156] Joseph Delhoeuf. De l'Influence de l'imitation et de Peducation dans le somnambulisme provoqué // Revue Philosophique. XXII. 1886. P. 146–171.

[157] Bite. Le Magnetisme humain. Congres International de 1889. Paris: Georges Carre, 1890. P. 333–334, 338–339.

[158] George M. Beard. The Study of Trance, Muscle-Reading and Allied Nervous Phenomena in Europe and America, vvth a Letter on the Moral Character of Trance Subjects and a Defense of Dr. Charcot. New York, 1882.

[159] G. Halm. Charcot et son influence sur l'opinion publique. Revue des Questions Scientifiques, 2nd series, VI. 1894. P. 230–261, 353–359. См. также: Ch. Fere. J.M. Charcot et son oeuvre // Revue des Deux Mondes. CXXII. 1894. P. 410–424.

[160] Pierre Janet. J.M. Charcot, con oeuvre psychologique // Revue Philosophique. XXXIX. 1895. P. 569–604.

[161] A. Baudouin. Quelques souvenirs de la Salpêtriére // Paris-Medical. XV. I. № 21. May 23, 1925. P. X–III.

[162] Frederick Myers. Human Personality and its Survival of Bodily Death, 2 vols. London: Longmans, Creen and Co., 1903.

[163] Jules Janet. L'Hysteire et l'hypnotisme, d'après la théorie de la double personnalité // Revue Scientifique. Revue Rose, 3rd series. XV. 1888. P. 616–623.

[164] Le Figaro. August 17, 1893.

[165] A. de Monzie. Discours au centenaire de Charcot // Revue Ncurologique. XXXII. № I, June 1925.

[166] C.F. Withinglon. Letter to the Editor // Boston Medical and Surgical Journal, CXXIX. 1893. P. 207.

[167] См.: Jean-Baptiste Charcot. Paris: Yacht-Club de France, 1937. Auguste Dupouy. Charcot. Paris: Plon, 1938.

[168] Jean-Baptiste Charcot. Discours pronocé a Г inauguration de la bibliothèque de son pere // Bulletin Medical. XXI. November 23. 1907.

[169] Leon Daudet. Les Morticoles. Paris: Charpentier, 1894.

[170] Axel Mtmthe. The Story of San Michelc. New York: Duffin, 1929. Chap. 17.

[171] Jules Bois. Le Monde invisible. Paris: Flammarion, n. d. P. 185–192.

[172] J. Bahinski. Recherches servant a ctablir que certames manifestations hystériqucs peuvent être transférées d'un sujet à l'autre sous l'influence de l'aimant. Paris: Delahaye et Lecrosnier. 1886.

[173] Об этом говорится во многих статьях, особенно в: J. Babinski. Définition de l'hystérie. (Société de Neurologic de Paris, seance du 7 novcmbre 1901, sous la présidence du Prof. Raymond) // Revue Neurologique. IX. 1901. P. 1074–1080.

[174] Georges Guillain. J. M. Charcot. P. 174.

[175] Aragon et Breton. Le Cinquantenaire de l'hystérie. (1878–1928) // La Révolution Surréaliste. IV. № II. March 15, 1928. P. 2022.

Глава 3. Первая динамическая психиатрия

[1] Justinus Kerner. Geschichten Besessener neuerer Zeiten. Beobachtungen aus dem Gebiete kakodämonischer magnetischer Erscheiningen nebst Reflexionen von C. A. Eschcnmayer über Besessenseyn und Zauber. Karlsruhe: G. Braun, 1835.

[2] Montaigne. Essais. 1581. Paris: id. Pleiade, 1940. P. 110–120.

[3] Lodovico Antonio Muratori. Delia Forza della Fantasia Umana. Venice: Presso Giambatista Pasquali, 1745.

[4] Otto Stall. Suggestion und Hypnotisnuis in der Völkerpsychologie. Leipzig: Von Weit &Co., 1904.

[5] James Braid. Neurhypnology; or, the Rationale of Nervous Sleep, Considered in Relation with Animal Magnetism. London: John Churchill, 1843.

[6] Согласно Жане, этой теории придерживались Бертран, Делез, Брэйд, Нуазе, Льебо, Шарко и в госпитале Сальпетриер. В действительности Пюисегюр описал «магнетический сомнамбулизм» («somnambulisme magnétique») еще в 1809 году (Suite des mémoires pour servir à l'histoire et a l'établissement du magnétisme animal. Paris: Cellot, 1809. P. 221).

[7] Pierre Janet. Les Médications psychologiques. Paris: Alcan, 1919.1. P. 267–271.

[8] Mouillesaux, цит. по: Rudolf Tischner. Frans Anton Mesmer. Leben, Werk und Wirkungen // Münchner Beiträge zur Geschichte und Literatur des Naturwissenschaften und Medizin. I. № 9/10. 1928. S. 541–714.

[9] J. P. F. Deleuze. Instruction pratique sur le magnétisme animal. Paris: Bail Here, 1825. P. 118.

[10] A. Bertrand. Traite du somnambulisme. Paris: Dentu, 1823. P. 298–299.

[11] Count de Lovenhielm. Bibliothèque de magnétisme animal. (1818). V. P. 228–240.

[12] Pierre Janet. Les Medications psychologiques. Paris: Alcan, 1919. I. P. 281–283.

[13] J. Charpignon. Physiologie, médicine et metaphysique du magnétisme. Paris: Bailliere, 1848. P. 364–365.

[14] Baron Du Potet, цит. по: Pierre Janet. Les Medications psychologiques. Paris: Alcan, 1919.1. P. 141.

[15] Eugen Bleuler. Zur Psychologie der Hypnose // Münchener medizinischeWochenschrift. XXXVI. 1889. S. 76–77.

[16] Berthold Stokvis. Selbsterleben im hypnotischen Experiment // Zeitschrift für Psychotherapie. VI. 1956. P. 97–107.

[17] Albert de Rochas. Les Vies succeccives. Documents pour l'etide de cette question. Paris: Chacornac, 1911.

[18] Tardif de Montrevel. Essai sur la théorie du somnambulisme magnétique. London, November 1785.

[19] Alphonse Teste. Manuel pratique du magnétisme animal. Paris: Bailliere, 1846. P. 486–493.

[20] P. J. C Debreyne. Pensées d'un croyant catholique. Paris: Poussielgue-Rusand,1844. P. 340–457.

[21] Baron Du Potet. La Magie dévoilée, ou principes de science ossulte. Paris: Vigot,1893. P. 1–58.

[22] H. Bernheim. Les Hallucinations rétroactives suggéres dans le sommeil naturel ouartificiel // Premier Congrès International de I'Hypnotisme Expérimental et thérapeutique. Paris, August 8–12, 1889. Paris: Doin, 1890. P. 291–294.

[23] J.M. Charcot. Leçons du mardi à la Salpêtrière. Policlinique, 1888–1889. Paris: Progres Medical, 1889. P. 247–256.

[24] Из современной литературы см., особенно: J.N. Schultz. Gesundheitsschädigungen nach Hypnose, Ergebnisse einer Sammelforschung. Halle: C. Marhold, 1922.

[25] Перепечатано в: Claude Burdin, Frédéric Dubois. Histoire académique du magnétisme animal. Paris: Bailliere, 1841.

[26] Theodor Meynert. Klinische Vorlesungen über Psychiatrie auf wissenschaftlichen Grundlagen. Vienna: W. Braumüller, 1889–1890. P. 197.

[27] Frederick Myers. Automatic Writing // Proceeding of the Society for Psychical Research. III. 1885. P. 1–63; IV. 1886–1887. P. 209–261.

[28] William James. Automatic Writing // Proceedings of the American Society for Psychical Research. I. 1885–1889. P. 548–564.

[29] Baron Du Potet. La Magie dévoilée, ou principes de science occulte. Paris: Pommaret te Moreau, 1852.

[30] Theodore Flournoy. Des Indes a la planete Mars. Geneva: Atar. 1900. Esprits etmediums. Geneva: Kiindig, 1909.

[31] Pétetin. Mémoire sur la découverte des phénomènes que présentent la catalepsie etle somnambulisme, symptômes de I'affection hystérique essentielle. Lyon, 1785. Mémoire sur la découverte des phénomènes de l'affection hystérique essentielle et sur la méthode curative dc cette maladie, 2nd. Part, 1785.

[32] Claude-Etieime Bourdin. Traité de la catalepsie. Paris: Rouvier, 1841.

[33] J. T Puel. De la catalepsie. Paris: Bailliere, 1856.

[34] P. Briquet. Traité clinique de thérapeutiquede l'hysterie. Paris: Baillère, 1859.

[35] James Cowles Prichard. A Treatise of Insanity and Other Disorders Affecting theMind. London: Sherwood, Gilbert and Piper, 1835. P. 454–458.

[36] Gerard de Nerval. Octavie. (1842) // Gerard de Nerval. Oeuvers. Paris: Gallimard, 1952. P. 305–312.

[37] Wilhelm Jensen. Gradiva. Ein pompejanisches Phantasiestüsk. Dresden and Leipzig: C Reissner, 1903.

[38] Andre Breton. Les Vases communiquants. Paris, 1932.

[39] Anselm Feuerbach. Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen. 2 Bd. Giessen: Heyer, 1828.

[40] L. M. Charcot. Leçons du mardi a la Salpêtrière. Paris: Progres Medical, 1889. P. 317–322.

[41] M. Naef. Ein Fall von temporärer totaler theilweise retrograder Amnesie (durch Suggestion geheilt) // Zeitschrift für Hypnotismus, VI. 1897. P. 321–354.

[42] F. Raymond. Pierre Janet. Les Delires ambulatoires ou les fugues // Gazette desHopitaux, LXVIII. 1895. P. 754–762.

[43] Бл. Августин. Исповедь. М., 1991. X. Пар. 41. С. 263.

[44] A. Jundt. Rulman Merswin et l'Ami de Dieu de l'Oberland: un problème de psychologie religieuse. Paris: Fischbacher, 1890.

[45] Eberhardt Gmelin. Materialen für die Antropologie. I. Tübingen: Cotta, 1791. P. 3–89.

[46] J. C. Reil. Rhapsodien über die Anwendung der psychischen Curmethode auf Geusteszerrüttungen. Halle: Curt, 1803. P. 71–78, 93–96.

[47] Erasmus Darwin. Zoonomia, or the Laws of Organic Life. 3rd ed.; London: J. Johnson, 1801.11. P. 131.

[48] Полагают, что Д. К. Митчелл опубликовал историю Мэри Рейнолдс в журнале «Medical Repository» в 1815 году или вскоре после этого. Миссис Элис Д. Вэвер, библиотекарь Нью-Йоркской академии медицины, исследовала всю библиотеку и не нашла никаких упоминаний о статье или письме доктора Митчелла, касающихся случая Мэри Рейнолдс.

[49] William S. Plumer. Mary Reynolds; A Case of Double Consciousness // Harper's New Mythly Magazine. XX. 1859–1860. P. 807–812.

[50] Rober Macnish. The Philosophy of Sleep. Glasgow: W. R. M'Phun, 1836. P. 187.

[51] Pierre Janet. Les Nevroses. Paris: Flammarion, 1909. P. 246–259.

[52] Dr. Despine Pere. De l'Emploi du magnétisme animal et des eaux minérales dans letraitement des maladies nerveuses, suivi d'une observation très curieuse de guérison de névropathie. Paris: Germer, Bailliere, 1840.

[53] Автор благодарит гг. A. Shnegg и H. Jung, сообщивших ему эти детали.

[54] Среди основных обзоров по феномену раздвоения личности самыми важными, в хронологическом порядке, являются следующие:

Theodule Ribot. Les Maladies de la personnalité. Paris: Alcan, 1888.

H. Bourn and P. Burnt. Variations de la personnalité. Paris: Bailliere, 1888.

J. M. Charcot. Lecjons du mardi a la Salpêtrière. Paris: Progres Medical, 1889.

Alfred Binet. Les Alterations de la personnalité. Paris: Alcan, 1892.

Max Dessoir. Das Dopel-Ich. Leipzig: Gunther, 1892,

Frederick Myers. Human Personality and Its Survival from Bodily Death, 2 vols. London: Longmans, Green & Co., 1903.

T.K. Oesterreich. Phänomenologie des Ich. Leipzig: Barth, 1910.

Morton Prince. The Unconscious. New York: Macmillan and Co., 1914. P. 147–310.

T.W. Mitchell. Divisionsof the Self and Co-Consciousness // Problems of Personality: Studies Presented to Dr. Morton Prince. Marfie Campbell, ed. New York, 1925. P. 191–203.

Pierre Janet. L'Evolution psychologique de la personnalité. Paris: Chahine, 1929. P. 483–506 (Рус. пер.: Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический Проект, 2010. — *Прим. ред.*).

W.S. Taylor and Mabel E Martin. Multiple Personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. XXXIX. 1944. P. 281–300.

Gardner Murphy. Personality. New York: Harper & Row, 1947. P. 433–351.

[55] Theodore Flournoy. Des Indes à la planète Mars. Geneva: Atar, 1900.

[56] G.E. Morselli. Mescaline e Schizopfrenia // Revista de Psicologia. XL–XLI. 1944–1945. P. 1–23.

[57] Max Bircher-Benner. Der Menschenseele Not, Erkrankung und Gesundung. Zürich: Wendepunkt-Verlag, 1933. II. P. 288–310.

[58] Charles E. Cory. A Divided Self // Journal of Abnormal Psychology. XIV. 1919–120. P. 281–291.

[59] Richard Hodgson. A Case of Double Consciousness // Proceedings of the Society of Psychical Research. VII. 1891–1892. P. 221–255.

[60] William James. The Principles of Psychology, 2 vols. New York: Holt, 1890 (Рус. пер.: Джеймс У. Психология. М.: Академический Проект, 2011. — *Прим. ред.*).

[61] S.I. Franz. Persons One and Three. A. Study in Multiple Personalities. New York: McGraw-Hill, Inc., 1933.

[62] Etienne Eugene Azam. Hypnotisme, double conscience et alteration de la personnalite. Preface de J.M. Charcot. Paris: J.B. Bailliere, 1887.

[63] G.E. Morselli. Sulla dissoziazione mentale, Rivista Sperimentale di Freniatria, LVI.1930. P. 209–322.

[64] Pierre Janet. L'Automatisme psychologique. Paris: Alcan, 1889. P. 318 (Рус. пер.: Жане П. Психический автоматизм. М.: Наука, 2009. — *Прим. ред.*).

[65] Morton Prince. The Dissociation of a Personality. New York and London: Longman's, Green and Co., 1906.

[66] Waiter Franklin Prince. The Doris Case of Quintuple Personality // Journal of Abnormal Psychology. XI. 1916–1917. P. 73–122. James H. Hyslop and Walter Franklin Prince. The Doris Fisher Case of Multiple Personality // Journal of the American Society of Psychical Research. X. 1916. P. 381–399, 436–454, 541–558, 613–631, 661–678.

[67] Alfred Binet. La Suggestibilite. Paris: Schleicher, 1900.

[68] Emil Lucka. Verdoppelungen des Ich // Preussische Jahrbiicher. CXV. No. 1. 1904. P. 54–83.

[69] Gardner Murphy. Personality. New York: Harper & Row, 1947. P. 433–451.

[70] G.E. Morselli. Le personalita alternanti // Revista de psicologia normale, patologica e applicata. XLII. 1946. P. 24–52.

[71] G.E. Morselli. Personalita altemante e patologia affetive // Archivo de psicologia, neurologia e psichitria. XIV. 1935. P. 579–589.

[72] Hans Binder. Das anonyme Briefschreiben // Schweizer Archiv ftr Neurologie undPsychiatrie, LXI. 1948. P. 41–43; LXII. P. 11–56. (Случаи Albert F. и Heinrich L.).

[73] Corhett H. Thipgen and Hervey Cleckley. The Three Faces of Eve. New York: McGraw-Hill, Inc., 1957.

[74] P. Briquet. Traité clinique et thérapeutique de l'hystérie. Paris: J.B. Bailliere, 1859.

[75] Anon. Mesmerism; Its History, Phenomena, and Practice: with Reports of Cases Developed in Scotland. Edinburgh: Fraser& Co., 1843. P. 101–106.

[76] Paid Richer. Etudes cliniques sur l'hystéro-épilepsie ou guande hystérie. Paris: Delahaye et Lecrosnier, 1881.

[77] Alfred Binet. On Double Consciousness // Experimental Psychological Studies.Chicago: Open Court Publiching Company, 1889–1890.

[78] A. F.A. King. Hysteria // The American Journal of Obstetrics. XXIV. № 5. May 1891. P. 513–532.

[79] Это хорошо понял и прокомментировал Жюль Готье в работе «Le Genie de Flobert» (Paris: Mercure de France, 1913. P. 101–110).

[80] Max Dessoir. Das Doppel-Ich. Leipzig: Giinther, 1890. Последующие расширенные издания были обогащены фактами, заимствованными у Бине, Жане, Майерса, Герни и др.

[81] Richard Hennig. Beitrage zur Psychologie des Doppel-Ich // Zeitschrift fur-Psychologie. XLIX. 1908. P. 1–55.

[82] Le Sommeil magnetique explique par le somnambule Alexis enetat de lucidite. Paris: Dentu, 1856.

[83] J.P. Durand (de Gros). Polyzoisme ou pluralite animate chez l'homme. Paris: Imprimerie Hennuyer, 1868. J.P. Philips (Durand). Electrodynamisme vital. Paris: J.B. Bailliere, 1885.J. P. Durand (de Gros). Ontologie et psychologie physiologiques. Paris: J.B. Baulliere, 1871.

[84] Edmond Colsenet. Etudes sur la vie inconsciente de l'esprit. Paris: Bailliere, 1880.

[85] J.C. Reil. Rhapsodien über die Anwendung der psychischen Surmethode auf Geisteszerrüttüngen. Halle: Curt, 1803. P. 93.

[86] G. N.M. Tyrrell. Personality of Man. Baltimore: Penguin Books, Inc., 1947. P. 158–160, 198.

[87] Согласно Ж. де Морсье, принцип идеодинамизма был введен в психиатрию Эскиролем, который перенял его из психологии «способностей души», которую преподавал Ларомигьер и чьи лекции он посещал. См.: G. de Morsier. Les Hallucinations // Revue d'Oto-Neuro-Opthalmologie. XVI. 1938. P. 244–352.

[88] A. A. Liebeault. Ebauche de psychologie. Paris: Masson, 1873. P. 176.

[89] J.M. Charcot. Lemons sur les maladies du système nerveux II J.M. Charcot. Oeuvres Completes. III. P. 335–337.

[90] Pierre Janet. L'Automatisme psychologique. Paris: Alcan, 1889. P. 436.

[91] Paul Bjierre. The History and Practice of Psychoanalysis. Eng. trans, revised ed., Boston: Badger, 1920. P. 198–217.

[92] Hippolyte Bernheim. De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique. Paris: Doin, 1886.

[93] Aldous Huxley. The Devils of Loudun. New York: Harper & Row, 1952. P. 183.

[94] Noizet. Memoire sur le somnambulisme et le magnétisme animal. Adresseen 1820 al'Academie Royale de Berlin. Paris: Plon, 1854. P. 96.

[95] Anon. La Vision, contenant Pexplication de l'écrit intitulé: Traces du magnetisme, &la theorie des vrais sages. A. Memphis. Paris: Couturier, 1784. P. 22, 26.

[96] Tardi fde Montrevel. Essais sur la théorie du somnambulisme magnétique. London, 1785.

[97] Villers. Le Magnétiseur amoureux. Geneva, 1787.

[98] J. A. Klinger. De Magnetismo Animali. Wirceburgi: Nitribit, 1817.

[99] Friedrich Hufeland. Über Sympathie. Weimar: Verlag des Landes-Industrie-Comptoir, 1811. S. 110.

[100] Charpignon. Physiologie, vedecine et metaphysique du magnetisme. Paris: Bailliere, 1848.

[101] Gotthilf Heinrich von Schubert. Ansichten von derNachtseite der Naturwissenschaft. Leipzig: Weigel, 1808.

[102] Mesmerism, Its History, Phenomena, and Practice: with Reports of Cases Developed in Scotland. Edinburg: Fraser& Co., 1843. P. 101–106.

[103] Albert Rault. Le Mecanisme de la sugestion hypnotique // Revue Philosophique. XX. 1886. II. P. 676–697.

[104] Пьер Жане. Психический автоматизм. М., 1913.

[105] Albert Moll. Der Rapport in der Hypnose // Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung. Leipzig: Abel, 1892. Ill, IV. P. 273–514.

[106] Pierre Janet. L'Influence somnambulique et le besoin de direction. Ill // Internationaler Congress fur Psychologie in Miinchen, 1896. Munich: J.E. Lehmann, 1897. P. 143–147.

[107] Pierre Janet. L'Influence somnambulique et le besoin de direction // Revue Philosophique. XLIII. 1897. I. P. 113–143.

[108] Paul Sollier. L'Hystérie et son traitement. Paris: Alcan, 1901. P. 161.

[109] Aubin Gauthier. Traité pratique di magnétisme et du somnambulisme. Paris: Bailliere, 1845. P. 20–75, 309–354.

[110] Baron Du Potet. La Magie dévoilée, ou principes de science occulte. Paris: Vigot, 1893. P. 1–58.

[111] R. Count de Maricouri. Souvenirs d'un magnétiseur. Paris: Plon, 1884.

[112] Charles Lafontaine. Mémoires d'un magnetiseur. 2 vols. Paris: Germer-B. Bailliere, 1886.

[113] Augusts Lassaigne. Mémoires d'un magnétiseur, contenant la biographie de lasomnambule Prudence Bernard. Paris: Bailliere et Dentu, 1851.

[114] Lichtenbergs Magazin für das Neueste aus der Physik und Naturgeschichte. 1786. IV. S.201–203.

[115] Henry Brunschwig. La Crise de l'état prussien à la fin du 18e siécle et la genèse dela mentalité romantique. Paris Presses Universitaires de France, 1947. P. 197–200.

[116] Xuvier Leon. Fichte et son temps. II, Fichte a Berlin. 1789–1813. Paris: Colin,1927. P. 280–282.

[117] Wilhelm Gwinner. Arthur Schopenhauer aus persönlichem Umgang dargestellt. Leipzig: Brockhaus, 1922.

[118] Arthur Schopenhauer. Versuch über das Geistersehn uns was damit zusammenhängt // Arthur Schopenhauer. Parerga und Paralipomena I. Sämmtliche Werke. IV Leipzig: Reclam, n. d. P. 304.

[119] K. J. H. Windischmann. Versuch über den Gang der Bildung in der heilenden Kunst. Frankfurt: Andrea, 1809; Ueber Etwas, das der Heilkunst Noth thut. Leipzig: Cnobloch, 1824.

[120] Joseph Ennemoser. Der Magnetismus nach der allseitigen Beziehung seines Wesens, seiner Erscheinungcn, Anwendung und Entnithselung. Leipzig: Brockhaus, 1819; Der Magnetismus im Verhaltnis zur Natur und Religion. Stuttgart and Tübingen: Cotta, 1842.

[121] Johann Nepomuk von Ringseis. System der Medizin. Regensburg: Manz, 1841.

[122] Paid Sucker. Les Sources du merveilleux chez E. T. A. Hoffman. Paris: Librairie Felix Alcan, 1912.

[123] E. T. A. Hoffman. Das Sankrus // E. T. A. Hoffman. Samtliche Werke. Ed. Rudolf Frank. Munich and Leipzig: Rosl, 1924. IX. P. 143–163.

[124] Comte de Las Cases. Le Mémorial de Ste-Hélène. 1823. Paris: Plei'ade, 1956. P. 918.

[125] Henri Dominique Lacordaire. Conferences de Notre-Dame de Paris. II. Paris: Sagnier& Bray, 1847. P. 467–470.

[126] Fernand Baldensperger. Orientations étrangères chez Honoré de Balzac. Paris: Champion, 1927.

[127] Paul Bowget. Au Service de l'ordre. Paris: plon, 1929.1. P. 243.

[128] Joseph Adolphe Gentil. Initiation aux mystères secrets de la théorie et de la pratique du Magnétisme, suivie d'expériences faites à Monte-Cristo chez Alexandre Dumas. Paris: Robert, 1849.

[129] Alexandre Dumas. Mémoires d'un médecin, Joseph Balsamo. Paris: Fellens et Dufour, 1846–1848.

[130] Frederic Soulie. Le Magnétiseur, 2 vols. Paris: Dumont, 1834.

[131] См.: Jerome M. Schneck. Robert Browning and Mesmerism // Bulletin of the Medical Library Association. XLIV. 1956. P. 443–451.

[132] The Philosophy of Animal Magnetism by a Gentleman of Philadelphia. Joseph Jackson, ed. Philadelphia, 1928.

[133] Edgar Allan Poe. The Facts in the Case of Mr. Valdemar // The American Review.December 1845; Mesmerism in Articulo Mortis. An Astounding and Horrifying Narrative, Showing the Extraordinary Power of Mesmerism in Arresting the Progress of Death. By Edgar A. Poe, Esq., of New York. London: Short & Co., 1946.

[134] G. Mahru. Les Magnétiseurs jugés par eux-mêmes. Nouvelle enquête sur le magnétisme animal. Paris: Mallet-Bachelier, 1858. P. 512–517.

[135] См. обзор соответствующей литературы: E. Menninger-Lerchenthal. Der Doppelgänger. Bern: Hans Huber, 1946. P. 75–83.

[136] E. T. A. Hoffmann. Die Elixieredes Teufels // E. T. A. Hoffmann. Sämmtliche Werke. Munich and Leipzig: Rodl, 1924. IV. P. 13–365.

[137] E. A. Poe. William Wilson. (1839).

[138] Ф. М. Достоевский. Двойник. (1846).

[139] Gustave Simon. Les Tables tournantes de Jersey. Paris: Conard, 1923.

[140] Camille Flammarion. Les Habitants de l'autre monde, révélations d'outre-tombe. Paris: Ledoyen, 1862–1863.

[141] Patience Worth. The Sorry Tale: A Story of the Time of Christ. New York: Holt, Rinehartand Winston, Inc., 1917; Hope Trueblood. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1918; The Pot upon the Wheel. St. Louis: The Dorset Press, 1921; Light from Beyond. Brooklyn: Patience Worth Publishibg Co., n. d.; Telka. An Idyl of Medieval England. NewYork: Patience Worth Publishing Co.; London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1928.

[142] Casper S. Yost. Patience Worth: A Psychic Mystery. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1916.

[143] Walter Franklin Prince. The Case of Patience Worth. A Critical Study of Certain Unusual Phenomena. Boston Society for Psychical Research, 1927.

[144] G. N. M. Tyrrell Personality of Man. Baltimore: Penguin Books, Inc., 1947. P.134–143.

[145] Jules Bois. Le Miracle moderne. Paris: Ollendorf, 1907. P. 145–163.

[146] Charpignon: Rapports du magnetisme avec la jurisprudence et la medecine legale. Paris: Bailliere, 1860.

[147] Цит. по: Crocq. L'Hypnotisme scientifique. Paris: Société d'Editions Scientifiques,1900. P. 267–269.

[148] Baron von Schrenck-Notzing. La Suggestion et l'hypnotisme dans leurs rapportsavec la jurisprudence // II Congrés International d'Hypnotisme, Paris, 1900, compte-rendu. Paris: Vigot, 1902. P. 121–131.

[149] Gustave Le Bon. Psychologie des foules. Paris: Librairie Felix Alcan. 1895 (Рус. пер.: Густав Лебон. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2015. — *Прим. ред.*).

[150] Entile Magnin. L'Art et l'hypnose. Paris: Alcan, 1907.

[151] Hector Malot. Conscience. Paris: Charpentier, 1888.

[152] Gilbert Augustin Thierry. Marfa. Le Palimpseste. Paris: Dumont, 1887.

[153] Jules Claretie. Jean Mornas. Paris: Dentu, 1885.

[154] George du Maurier. Trilby. New York: Harper & Row, Publishers, 1894.

[155] Guy de Maupassant. Le Horla (1886) // Oeuvres Completes. XII. Paris: Louis Conard, 1927.

[156] Léon Gozlan. Le Médecin du Pecq, 3 vols. Paris: Werdet, 1839.

[157] Jules Claretie. L'Obsession — Moi et l'autre. Paris: Lafitte, 1908.

[158] Charles Epheyre. Soeur Marthe // Revue des Deux Mondes, XCIII. 1889. P. 384–431.

[159] Leon Hennique. Minnie Brandon. Paris: Fasquelle, 1899.

[160] William Mintorn. Le Somnambule. Paris: Ghio, 1880.

[161] Paul Lindau. Der Andere. New York: I. Goldmann, 1893. French adaptation, Le Procureur Hallers, in: Petite Illustration. No. 46. Paris, January 1914.

[162] Robert Louis Stevenson. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde. London: Longmans and Co., 1886.

[163] Robert Louis Stevenson. A Chapter on Dreams // Across the Plains, with Other Memories and Essays. New York: Scribner's Sons, 1892.

[164] Paid Bourget. L'Irreparable. Paris: Lemerre, 1883.

[165] Marcel Proust. Le Jardin secret. Paris: Lemerre 1897.

[166] Marcel Proust. Le Temps retrouvé // Marcel Proust. A la Recherche de temps perdu. Paris: Gallimard, 1961. III. P. 716. (Рус. пер.: Пруст М. В поисках утраченного времени. В 5 томах. М.: Художественная литература, 1973–1980. — *Прим. ред.*).

[167] Adrien Proust. Automatisme ambulatoire chez un hystérique // Bulletin Medical. IV. 1890. P. 107–108.

[168] Hippolyte Taine. De PIntelligence. Paris: Hachette, 1870.

[169] Th. Ribot. Les Maladies de la memoire. Paris: Bailliere, 1885; Les Maladies de la perconnalite. Paris: Alcan, 1885.

[170] Pierre Janet. The Major Symptoms of Hysteria. New York: Macmillan, 1907. P. 78.

[171] Elizabeth Ganne de Beacoudrey. La Psychologie et la métaphysique des idées forces chez Alfred Fouillée. Paris: Vrin. 1936. P. 87–88.

[172] Gilbert Maire. Bergson, mon maître. Paris: Grasset, 1935.

[173] Henri Bergson. Simulation inconsciente dans l'état d'hypnotisme // Revue Philosophique. XXII. 1886. II. P. 525–531.

[174] H. Bergson. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris: Alcan, 1889.

[175] E. Spenle. Essais sur l'idéalisme romantique en Allemagne. Paris: Hachette, 1904.

[176] Paul Valeiy. Svedenborg, Nouvelle Revue Franchise, CLVI. 1936. P. 825–844. Oeuvres, ed. Ple Tade. Paris: Gallimard, 1957.1. P. 867–883.

[177] Francis Gallon. Antechamber of Consciousness, Reprinted in: Inquiries into Human Faculty. London: Dent, 1907. P. 146–149.

[178] Paul Chabaneix. Physiologie cérébrale. Le Subconscient chez les artistes, les savantset les écrivains. Paris: Bailliere, 1897.

[179] C.G. Jung. Zarathustra-lectures. 1995. Эти строки Ницше взяты из поэмы «Сильс-Мария», предположительно посвященной Лу Андреас-Саломе.

[180] Jules Romains. Souvenirs et confidences d'un écrivain. Paris: Fayard, 1958. P. 113–114, 235–239. Saints de noire calendrier. Paris: Flammarion, 1952. P. 46–47.

[181] Jean Delay. La Jeunesse d'André Gide, 2 vols. Paris: Gallimard, 1956–1957.

[182] Среди множества других примеров см. статью Генри Фриборна «Временное вспоминание мертвых языков во время состояния бреда при бронхопневмонии» (The Lancet, LXXX. 1902. I. P. 1685–1686).

[183] C.G. Jung. Zur Psychologie und Psychopathologie sogenannter occulter Phänomene. Leipzig: Oswald Mutze, 1902.

[184] Lou Andreas-Salome. Friedrich Nietzsche in seinen Werken. Vienna: Carl Konegen, 1894. P. 189–190.

[185] H. Wagenvoort. Die Entstehung von Nietzsches Geburt der Tragodie // Mnemosyne, Ser. 4. XII. 1959. P. 1–23.

[186] Regis Michaud. Autour d'Emerson. Paris: Bossard, 1924.

[187] Paul Valéry. Autres Rhumbs. Paris: Gallimard, 1927. См. также: Paul Valéry. Oeuvres. II. Paris: Gallimard, 1960. P. 677.

[188] Moritz Benedikt. Hypnotismus und Suggestion. Eine klinisch-psychologische Studie. Leipzig and Vienna: Breitenstein, 1894. P. 66–67.

[189] Count de Lutzelbourg. Extraits des journaux d'un magnétiseur attaché a la Société des Amis Réunis de Strasbourg. Strasbourg: Librairie Académique, 1786. P. 47.

[190] Dr. Bonjour. La Psychanalyse // Bibliothéque Universelle et Revue Suisse. 125th annee. Vol. 97. 1920. P. 226–239, 337–354.

[191] H. Bernheim. De Taction medicamenteuse a distance // Revue de l'Hypnotisme. 1888. P. 164.

[192] Henri Bergson. Simulation inconsciente dans l'état d'hypnotisme // Revue Philosophique. XXII. 1886. P. 525–531.

[193] Crocg. Discussion d'une communication de Félix Régnault // II Congres International de l'Hypnotisme. Paris: Vigot, 1902. P. 95–96.

[194] J. Delboeuf. De l'influence de l'education et Limitation dans le somnambulisme provoqué // Revue Philosophique. XXXII. 1886. № 2. P. 146–171.

[195] Martin T. Orne. Implications for Psychotherapy Derived from Current Research on the Nature of Hypnosis // American Journal of Psychiatry. CXVIII. 1962. P. 1097–1103.

[196] Oskar Vogt. Valeur de l'hypnotisme comme moyen d'investigation psychologique // IIe Congrès International de l'Hypnotisme. Paris, 1900. Paris: Vigot, 1902. P. 63–71.

[197] Ainslie Meares. The Y-Statc-An Hypnotic Variant // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis, VIII. 1960. P. 237–241.

[198] Frederick W.H. Myers. Multiplex Personality // The Nineteenth Century. XX. 1886. P. 648–666.

Глава 4. Предпосылки возникновения динамической психиатрии

[1] Louis-Antoine de Bougainville. Voyage autour du monde. 2 nd. ed.; Paris: Saillant et Nyon, 1772. См. особенно: II. P. 44–47, 86–88.

[2] Denis Diderot. Supplément au voyage de Bougainville. 1772 // Denis Diderot. Oeuvres. Paris:

[3] Henri Carré La Noblesse en France et l'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1920

[4] Alexandre Bertrand. Lettres sur la physique. Paris: Bossange, 1825. P. 422–432.

[5] Joseph Raulin. Traite des affections vaporeuses du sexe, avec Imposition de leurssymptomes, de leurs différentes causes, et la méthode de les guérir. 2 nd ed., Paris: Herissant, 1759.

[6] Pierre Pomme. Traité des affections vaporeuses des deux sexes, ou maladies nerveusesvulgairement appelées maux de nerfs. Paris: Desaint et Saillant, 1760.

[7] Paul Sebbilot. Le Folk-Lore de France. Paris: Guilmoto, 1906. II. P. 367–442.

[8] Aubin Gauthier. Traité pratique du magnétisme et du somnambulisme. Paris: Bailliere,1845. P. 154–162.

[9] Флобер Г. Бювар и Пекюше // Флобер Г. Собр. соч. Т. 4. М., 1971. — *Прим. ред.*

[10] Viscount du Boisdulier. Letter of May 22, 1963.

[11] Virey. Magnétisme animal // Dictionnaire des Sciences Médicales. XXIX. Paris: Panckoucke, 1818. P. 495, 547.

[12] Wilhelm Muhhnann. Chiliasmus und Nativismus. Berlin: Reimer, 1961. P. 215–217.

[13] Madame Roland. Oeuvres de J.M. Roland, femme de Гex-Ministre de l'nterieur. I. Paris: Bideault, an VIII. P. 148–150.

[14] Expose des differentes cures operees depuis le25 l'aout 1785 ...jusqu'au 12dumois dejuin 1786 ... Strasbourg: Librairie Academique, 1787.

[15] Suite des cures faites par differents magnetiseurs, membres de la Societe Harmonique des Amis-Reunis de Strasbourg. Strasbourg: Lorenz et Schouler, 1788. Vol II.

[16] T.S. Ashton. The Industrial Revolution, 1760–1830. New York Oxford University Press, 1948; Paul Mantoux. La Revolution industrielle au XVIIIesiecle. 1906. Paris: Genin,1959.

[17] Walter Prescott Webb. The Great Frontier. Boston: Houghton Mifflin, 1952.

[18] Georges Weill. L'Europe de XIXe siecle et l'idee de la nationalite. Paris: Albin-Michel, 1938.

[19] Боусвелл упоминает, что Джонсон в 1775 году провел два месяца в Париже и в течение всего пребывания там говорил только на латыни. James Boswell. The Life of Samuel Johnson. 1791. Great Books of the Western World. Chicago: Encyclopedia Britannica, Inc., 1922. XLIV. P. 272.

[20] Ernst Mach. Popular Lectures. Chicago: Chicago Open Court, 1897. P. 309–345.

[21] Ж. Кондорсе. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

[22] F. Baldensperger. Etudes I 'histoire litteraire. Paris: Hachette, 1907. P. 46–53 (краткое описание последовательных идеальных типов человека в Европе, начиная с Ренессанса).

[23] Якоб Буркхардт. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1904–1906.

[24] Идеальный тип человека эпохи Ренессанса описан в известной книге: Baldassare Castiglione. II Libro del Cortegiano. Venice: Aldo Romano, 1528 (англ. перевод: The Bookof the Courtier. New York: Scribner's Sons, 1903).

[25] Baltasar Gracian. Oraculo manual y arte de prudencia. Huesca: Juan Noques, 1647 (англ. перевод: The Art of Worldly Wisdom. London and New York: Macmillan and Co., 1892).

[26] Henry Sigerist. Grosse Arzte: eine Geschichte der Heilkunde in Lebensbildern. Munich: Lehmanns Verlag, 1965. P. 115–122.

[27] Ernst Troeltsch. Die Aufklärung. 1897. (См. также: Gesammelte Schriften. Tübingen: Mohr, 1925. IV. P. 338–374).

[28] Immanuel Kant. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? (1784)// Immanuel Kant. Werke. Berlin: Bechjenau-Cassirer, 1913. IV. P. 167–176 (Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Наука, 1966. — *Прим. ред.*).

[29] W. E. H. Lecky. History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism inEurope, 2 vols. London: Longmans. Green, 1865. Ernst Cassirer. Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1932 (Рус. пер.: Кассирер Э. Философия Просвещения. М.; СПб., 2013. — *Прим. ред.*). Daniel Mornet. La pensée française au XVIIIe siècle. Paris: Colin, 1932. Baron Cay von Broekdorff. Die englische Aufklärungsphilosophie. Munich: Reuhardt, 1924. E. Ermattinger. Deutsche Kultur in Zeitalter der Aufklärung. Postdam, 1935. Hans M. Wolf. Die Weltanschauung der deutschen Aufklärung. Bern: Francke, 1949.

[30] Это особенно хорошо проиллюстрировано жизнью Моисея Мендельсона. См.: Berta Badt-Strauss. Moses Mendelssohn, der Mensch und das Werk. Berlin: Welt-Verlag, 1929.

[31] Immanuel Kant. Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft. (1793) //Immanuel Kants Werke. Berlin: Bruno Cassier, 1914. VI. P. 139–353 (рус. пер.: Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. — *Прим. ред.*).

[32] Gustav Roskoff. Geschichte des Teufels. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1869. II.

[33] E.H. Ackerknecht. Medizin und Aufklärung // Schweizerische medizinische-Wochenschrift, LXXXIX. 1959. P. 20.

[34] Immanuel Kant. Von der Macht des Gemüths, durch den blossen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein // Immanuel Kants Werke. Berlin: Bruno Cassirer, 1916. VII. P. 411–431.

[35] Литературный пример лечения, которое получал душевнобольной пациент в семейном окружении такого рода, описан Гете в «Годах учения Вильгельма Мейстера» (кн. IV, гл. 16). Гете И.В. фон. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1978. — *Прим. ред.*

[36] Gaston Bachelard. La Formation de l'esprit scientifique // Contribution a une psychanalyse de la connaissance objective. Paris: Vrin, 1947.

[37] John Hampton. Nicolas Antoine Boulanger et la science de son temps. Geneva: Droz. 1955.

[38] Abbé Terraison. Séthos. Histoire ou vie des monumens anecdotes de l'ancienneEgypte. Traduite d'un manuscript grec, 3 vols. Paris: Jacques Guerin, 1731.

[39] Antoine Court de Gebelin. Le Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, 9 vols. Paris, 1773–1782.

[40] Rudolf Haym. Die romantische Schule. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes. Berlin: Rudolf Gaertner, 1870 (Рус. пер.: Гайм Р. Романтическая школа. СПб., 2007). Ricarda Hitch. Die Romantik. Blütezeit der Romantik. Leipzig: Haessel, 1920. Ricarda Huch. Die Romantik. Ausbreitung, Blütezeit und Verfall. Tübingen/Stuttgart: Hermann Leins, 1951. Richard Benz. Die deutsche Romantik. Geschichte einer geistigen Bewegung. Leipzig: Reclam, 1937. Paul Kluckhohn. Das Ideengut der deutschen Romantik. a. edition. Halle: Max Niemeyer, 1942.

[41] Henri Brunschwig. La Crise de Fetat prussien à la fin du XVIIIe siecle et la genèse de la mentalite romantique. Paris: Presses Universitaires de France, 1947.

[42] Фридрих Шлегель цит. по: Ricarda Huch. Die Romantik. Ausbreitung, Blütezeitund Verfall. Stuttgart: Leins, 195 1. P. 257.

[43] Novalis. Neue Fragmente. № 146 // Novalis. Werke und Briefe. Munich: Winkler-Verlag, n. d. P.452–453.

[44] Schleiermacher. Monologen. (1800) II Schleiermacher. Kristische Ausgabe. Leipzig: Durr, 1902. (На русском языке см.: Фридрих Шлейермахер. Речи о религии. Монологи. М., 1911. — *Прим. ред.*).

[45] Max Schelen Vom Umsturz der Werte. 4th ed.; Francke, 1951. P. 126.

[46] Friedrich Schlegel. Lucinde. Berlin: Frohlich, 1799. (На русском языке см.: Фридрих Шлегель. Люцинда // Немецкая романтическая повесть. Т. 1. М; Л., 1935. — *Прим. ред.*)

[47] Новалис цит. по: Ricarda Huch. Die Romantik. Blutezeit der Romantik. Leipzig: Haessel, 1920. P. 258. (Рус. пер.: Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014. — *Прим. ред.*).

[48] Fritz Ernst. Dei romantische Ironie. Zürich: Schelthess, 1915.

[49] Friedrich Wilhelm von Schelling. Ideen zu einer Philosophie der Natur. (Leipzig, 1797); Von der Weltseele. (Hamburg, 1798) // Friedrich Wilhelm von Schelling. Werke. Leipzig: Fritz Eckard, 1907. Bd. I.

[50] Friedrich Hufeland. Ueber Sympathie. Weimar: Verlag des Landes-Inductric-Comptoirs, 1811.

[51] K.E. Rothschuh. Geschichte der Physiologie. Berlin: Springer, 1953. P. 112–118.

[52] August Winkelmann. Einleitung in die dynamische Physiologie. Göttingen: Dieterich, 1802.

[53] J.W. Goethe. Versuch, die Metamorphosen der Pflanzen zu eklären. Gotha: C.W. Ettinger, 1790.

[54] См.: Agnes Arber. Goethe's Botany: The Metamorphosis of Plants (1790), and Tobler's Ode to Nature (1782) // Chronica Botanica. X. 1946. P. 63–126.

[55] Adolf Meyer-Abich. Biologic der Goethezeit. Stuttgart: Hippocrates-Verlag, 1949.

[56] F. Giese. Der romantische Charakter. Bd. I. Die Entwicklung des Androgynenproblems in der Frühromantik. Langensalza, 1919. Ernst Benz. Adam. Der Mythus vom Urmenschen. Munich-Planegg: Otto-Wilhelm-Barth Verlag, 1955.

[57] Philip Lersch. Der Traum in der deutschen Romantik. Munich: M. Hueber, 1923. Albert Beguin. L'Ame romantique et le rêve. Essai sur le romantisme allemand et la poésie française, 2 vols. Marseilles: Cahiers du Sud. 1937.

[58] W. Leibhrand. Schellings Bedeutung für die moderne Medizin // Atti del XIV Congresso Intemazionale di Storiadella Medicina. Rome, 1945.11.

[59] Ernest Jones. The life and Wirk of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 318. (См. рус. перевод: Эрнест Джонс. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. Пер. с англ. В.В. Старовойтова. М., 1997. — *Прим. ред.*)

[60] G. H. von Schubert. Ahndungen einer allgemeinen Geschichte des Lebens. Leipzig: Reclam, 1820; Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden and Leipzig: Wcigel, 1808.

[61] Hans Kern. Die Seelenkunde der Romantik. Berlin-Lichterfelde. Widukind-Verlag, 1937.

[62] G. H. von Schubert. Die Symbolik des Traumes. Neue, verbesserte und vermehrtc Auflage. Leipzig: Brockhaus. 1837.

[63] Две его работы представляют особое значение: Ignaz Troxeler. Blicke in das Wesen des Menschen. Aarau: Sauerlander, 1812; Naturlehre des menschlichen Erkennens oder Metaphysik. Aarau: Sauerlander, 1828.

[64] Carl Gustav Carus. Psyche, zur Entwicklungsgeschichte der Seele. Pforzheim: Flammer and Hoffmann, 1846.

[65] Paul Janet. Principes de métaphysique et de psychologie. Paris: Delagrave, 1897. P. 189–390. Поль Жане утверждает, что поздняя слава пришла к Шопенгауэру не в результате заговора молчания (как полагал Шопенгауэр), а в результате того, что его философия, которая противоречила «Zeitgeist» («духу

времени») в период между 1820–1840-ми годами, стала более понятна после разочарований 1848 года.

[66] Arthur Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. 1819. Следующие цитаты взяты из книги IV (Leipzig: Brockhaus, 1873. II. P. 584–591. P. 607–643).

[67] Arthur Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. Book III, op. cit. II. P. 456–460.

[68] Ernst Cassirer. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. P. 31–32.

[69] Max Scheler. Mensch und Geschichte. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929.

[70] Thomas Mann. Freud und die Zukunft. Vienna: Bormann-Fischer, 1936. (Англ. пер.: Essays of Three Decades. New York: Knopf, 1947. P. 411–428.)

[71] Luis S. Granjel. Schopenhauer y Freud // Actas Luso-Espanolas de Neurologia y Psiquiayria. IX. 1950. P. 120–134.

[72] Eduard von Hartmann. Philosophie des Unbewussten. Berlin: Duncker, 1869. (См.русский перевод: Э. Гартман. Сущность мирового процесса или философия бессознательного. Вып. 1–2. М., 1873–1875. — *Прим. ред.*)

[73] Werner Leibbrand. Romantische Medizin. Hamburg and Leipzig: H. Goverts, 1937.

[74] Novalis. Fragmente über Ethisches, Philosophisches und Wissenschaftlisches. Sämmtliche Werke. 1898. III. P. 164, 169, 170. (Рус. пер.: Новалис. Фрагменты. СПб.: Владимир Даль, 2014. — *Прим. ред.*)

[75] H.F. Ellenberger. La Notion de maladie créatrice // Dialogue. III. 1964. P. 25–41.

[76] Ernst Freiherr von Feuchtersleben. Zur Diätetik der Seele. 1838. 23rd. ed.; Vienna: Gerold, 1861. S. 144.

[77] Самыми доступными источниками являются работы: Theodor Kirchhoff. DeutscheIrrenärzte, 2 Bd. Berlin, 1924; W. Leibbrandt, A. Wettley. Der Wahnsinn: Geschichte der abendländischen Psychopathologie. Munich: K.A. Freiburg, 1961.

[78] Ernest Harms. Modern Psychotherapy — 150 Years Ago // Journal of Mental Science, CHI. 1957. P. 804–809.

[79] Johann Christian Reil. Rhapsodien über die Anwendung der psychischen Cur-Methoden auf Geisteszerrattungen. Halle: Curt, 1803.

[80] Ernest Harms. Johann Christian Reil // American Journal of Psychiatry, CXVI. 1960. P. 1037–1039.

[81] J. C.H. Heinroth. Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens oder Seelenstörungen und ihrer Behandlung, 2 Bd. Leipzig: F. C W. Vogel, 1818.

[82] Ernest Harms. An Attempt to Formulate a System of Psychotherahy in 1818 // American Journal of Psychotherapy. XIII. 1959. P. 269–282.

[83] Karl Wilhelm Ideler. Grundriss der Seelenheilkunde, 2 Bd. Berlin: Verlag von T. C F. Enslin, 1835.

[84] «Любое бессознательное влечение души способно к неограниченному развитию».

[85] «...и с отвращением и внутренним нежеланием спасается в область фантазии из реального мира» (II, 365).

[86] Heinrich Naumann. Lehrbuch der Psychiatrie. Erlangen: F. Enke, 1859.

[87] Таким образом, бессознательное влечение, когда оно не может быть удовлетворено, переходит в страх.

[88] Большинство из этих психиатров были немцами. Впрочем, к той же группе принадлежал и бельгийский психиатр Guislain, высказывавший оригинальные идеи о роли тревоги в возникновении душевных заболеваний. См.: J. Guislain. Traité sur les phrénopathies, ou doctrine nouvelle des maladies mentales. Brussels: Etablissernent Encyclopédique, 1833; Traité sur l'aliénation mentale. Amsterdam, 1826; Leçons orales sur les phrénopathies, 2 vols. Grent, 1852.

[89] Johannes Kuntze. Gustav Theodor Fechner. (Dr. Mises) Ein deutsches Gelehrtenleben. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1892. Wilhelm Wundt. Gustav Theodor Fechner. Rede zur Feier seines hundertjahrigen Geburtstages. Leipzig: W. Engelmann, 1901. Kurt Lasswitz. Gustav Theodor Fechner. Stuttgart: Fromanns Verlag, 1902.

[90] Dr. Mises. Vergleichehde Anatomie der Engel. Eine Skizze. Leipzig: Baumgartner, 1825.

[91] G.T. Fechner. Das Buchlein vom Leben nach dem Tode. Dresden: Grimmer, 1836.

[92] Английский перевод рассказа Фехнера об этой болезни см.: G.T. Fechner. Religion of a Scientist. New York: Pantheon Books, 1946. P. 36–42.

[93] G.T. Fechner. Über das hochste Gut. Leipzig: Bretkopf & Hartel, 1846.

[94] G.T. Fechner. Über das Lusfprinzip des Handelns // Fichtes-Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. XIX. 1848. P. 1–30, 163–194.

[95] Dr. Mises. Rätselbüchlein. Leipzig: G. Wigard, 1850.

[96] G.T. Fechner. Nanna, oder über das Seelenleben der Pflanzen. Leipzig: Voss, 1848. Нанна — имя богини растений у древних германцев.

[97] G.T. Fechner. Zend-Avesta, oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits, 2 vols. Leipzig: Voss, 1851.

[98] G.T. Fechner. Elemente der Psychophysik, 2 vol. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1860.

[99] G.T. Fechner. Einige Ideen zur Schopfungs — und Entwicklungsgeschichte der Organismen. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1873.

[100] G.T. Fechner. Vorschule der Aesthetik, 2 vols. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1873.

[101] G.T. Fechner. Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1900.

[102] Imre Hermann. Gustav Theodor Fechner: Imago. 1925. II. P. 371–421. Maria Doner. Historische Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig: F. Meiner, 1932. Siegfried

Bernfeld. Freud's Earliest Theories and the School of Helmholtz // Psychoanalytic Quarterly. XIII. 1944. P. 341–362. Rainer Spehlmann. Sigmund Freuds neurologische Shriften. Berlin: Sprunger, 1953. H.F. Ellenberger. Fechner and Freud // Bulletin of the Menninger Clinic. XX. 1956. P. 201–214.

[103] Краткую биографию Бахофена, написанную Карлом Меули, см. в книге: Johann Jakob Bachofens Gesammelte Werke, herausgegeben von Karl Meuli. Basel: Benno Schwabe, 1948. III. P. 1011–1128.

[104] Johann Jakob Bachofen. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaekokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart: Kreis & Hoffman, 1861. (На русском языке главы из книги Бахофена «Материнское право» см. в: Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1996. — *Прим. ред.*)

[105] Lafitau. Meurs des sauvages ameriquains, comparées aux moeurs des premiers temps. Paris: Saugrain, 1724. I. P. 69–89.

[106] Abbé Desfontaines. Le nouveau Gulliver, ou Voyages de Jean Gulliver, fils du capitaine Lemuel Gulliver, 2 vols. Paris: Clouzier, 1730.

[107] Интерпретацию мифа об Эдипе, данную Бахофеном, см.: Das Mutterrecht. Gesammelte Werke. Basel: B. Schwabe, 1948. II. 438–448.

[108] См.: Charles Andler. Nietzsche, sa vie et sa pensée. II. La jeunesse de Nietzsche. Paris: Bossard, 1921. P. 258–266. Karf Albrecht Bernoulli. Nietzsche und die Schweiz. Frauenfeld, Huber&Co., 1922. A. Baeumler. Bachofen und Nietzsche. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929.

[109] Ф. Ницше. Рождение трагедии из духа музыки // Ф. Ницше. Сочинения. М., 1990. С. 57–157.

[110] Л.Ф. Морган. Первобытное общество. Исследование прогресса человечества из дикого состояния к варварству, и из варварства к цивилизации. СПб., 1900.

[111] Friedrich Engels. Die Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats. Göttingen-Zürich: Volksbuchhandlung, 1884.

[112] Mathias and Mathilde Vaerting Neubegründung der Psychologie von Mann und Weib, 2 vols. Karlsruhe im Braunschweig: Hofbuchdmckerei, 1921–1923. Английская адаптация сделана Эденом и Седаром Паулем: The Dominant Sex. A Study in the Sociology of Sex Differentiation. London: Allan and Unwin Ltd., 1923.

[113] Август Бебель. Женщина и социализм. М., 1959.

[114] Особенно см.: Ludwig Klages. Vom kosmogonischen Eros. Iena: E. Diederichs,1922; Der Geist als Widersacher der Seele. Leipzig: J. A. Barm, 1929.

[115] Edgar Salin. Bachofen als Mythologe der Romantik // Schmollers Jahrbuch. 1926. Bd. V.

[116] Adrien Turel. Bachofen-Freud. Zur Emanzipation des Mannes vom Reich der Mutter. Bern: Hans Huber, 1939.

[117] A. Baeumler. Bachofen und Nietzsche. Zürich: Verlag der Neuen Schweizer Rundschau, 1929.

[118] Walter Prescott Webb. The Great Pontier. Boston: Houghton Mifflin, 1952.

[119] Alexis de Tocqueville. De la Démocratie en Amérique. Brussels, 1840. III. P. 283–284.

[120] Цит. по: Karl Meuli. Nachwort // Bachofens gesammelte Werke. Basel: B. Schwabe, 1948. III. P. 1011–1128.

[121] 1848 dans le monde. Le printemps des peuples, 2 vols. Ed Francois Fejto. Paris: Editions de Minuit, 1948.

[122] Emile Littré. Des tables tournantes et des esprits frappeurs // Revue des Deux Mondes. 1856.

[123] Comte de Saint-Simon. Lettres l'un habitant de Geneve a ses contemporains. 1803. (Русский перевод «Письма женевского обитателя» см. в: Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л. 1948. — *Прим. ред.*)

[124] Johann Christian Reil. Rhapsodien. Halle: Curt, 1803. P. 42–43.

[125] Heinrich Deiters. Wilhelm von Humboldt als Grunder der Universitat Berlin // Fonrschen und Wirken, Festchrift zur 150-Feier der Humboldt Universitat zu Berlin. Berlin: VEBDeutscher Verlag der Wissenschaften, 1960. I. P. 15–39.

[126] Ф. Ницше. Веселая наука // Ф. Ницше. Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 491–719.

[127] Charles Richet. Le Savant. Paris: Hachette, 1923.12S Цит. по: The Political Philosophy of Bakunin: Scientific Anarchism. Glencoe: The Free Press, 1953. P. 77–81.

[128] Ernest Renan. Dialogues et fragments philosophiques. 1876 // Ernest Renan. Oeuvres Completes. Paris: Calmann-Levy, n. d. P. 1, 614–619.

[129] Alfred Sauvy. Theorie generale de la population. Paris: Presses Universitaires de France, 1954. II. P. 75.

[130] Rene Leriche. Regies generales de la chirurgie de la douleur // Anesthesie et Analgesie. II. 1936. P. 218–240.

[131] Charles Darwin. Life and Letters. Francis Darwin, ed., 3 vols. London: Appleton, 1887. The Autobiography of Charles Darwin, new ed., Nora Barlow. New York: Harcout, Brace, 1959. Walter von Wyss. Charles Darwin, ein Forscherleben. Zurich: Artemis-Verlag,1959. Gertrude Himmelfarb. Darwin and the Darwinian Revolution. London: Chatto &Windus, 1959.

[132] On the Tendency of Species to Form Varieties, and on the Perpetuation of Varietiesand Species by Natural Means of Selection, by Charles Darwin, Esq., and Alfred Wallace. Esq. Communicated by Sir Charles Lyell and J.D. Hoker, Esq. // Journal of the Proceedings of the Linnean Society. Zootogy. III. № 9. 1858. P. 45–62.

[133] Ч. Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь // Ч. Дарвин. Полное собрание соч.Т. 1–4. М.; Л. 1925–1929. (Цит. по этому изданию. — *Прим. ред.*)

[134] Jawaharlal Nehru. Glimpses of Worls History. New York: John Day Co., 1942. P. 525–526.

[135] Heinrich Schmidt. Geschichte der Entwicklungslehre. Leipzig: A. Kroner, 1918. John C. Green. The Death of Adam. Ames: The Iowa State University Press,

1959. Gerhard Wichler. Charles Darwin, der Forscher und der Mensch. Munich: Reingardt, 1959. Bentley Glass. Forerunners of Darwin. Baltimore: Johns Hopkins, 1959.

[136] Charles Darwin. The Descent of Man, and Selection in Regard to Sex. London: John Murray, 1871. II. P. 389.

[137] Считается, что 1250 экземпляров первого издания «Происхождения видов» были распроданы в первый же день поступления в торговлю. Согласно Гертруде Химмельфарб (Darwin and the Darwinian Revolution. London: Chatto & Windus, 1959. P. 395), термин «распродажа» в действительности означает, что весь выпуск был полностью заказан дилерами.

[138] Дарвина сравнивал с Коперником Эмиль дю Буа-Реймон: Darwin und Kopemikus. (January 25, 1883, Friedrichs-Sitzung der Akademie der Wissenschaften) // Reden. Leipzig: Von Veit, 1912. II. P. 243–248; см. также: Thomas Huxley. Lectures andLay Sermons. New York: E. P. Dutton, 1926.

[139] См., например: A. de Qiiatrefages. Les Emules de Darwin, 2 vols. Paris: Alcan, 1894.

[140] Зоолог Адольф Портманн (Natur und Leben im Sozialleben. Basel: F. Reinhardt, 1946) безжалостно критикует концепцию «борьбы за существование» в естественных науках.

[141] E. Rabaud. L'Interdépendance générale des organismes // Revue Philosophyque, LIX. № 2. 1934. P. 171–209. Автор утверждает, что основной закон живого мира взаимозависимость; борьба играет лишь второстепенную роль и имеет ограниченное значение.

[142] Evan V. Shute. Flaws in the Theory of Evolution. London, Ontario: Temside Press, 1961.

[143] Gertrude Himmelfarb. Darwin and the Darwinian Revolution. P. 366–367.

[144] Карл Дю Пре серьезно применял дарвинизм в астрономии и описывал «уничтожение» «непригодных» небесных тел в Солнечной системе, таких, как метеориты, астероиды и некоторые кометы. См.: Oscar Hertwig. Zur Abwehr des ethischen, des sozialen, des politischen Darwinismus. Jena: Gustav Fischer, 1918.

[145] A. Hunter-Dupree. Asa Gray. Cambrigde: Harvard University Press, 1959.

[146] John Dewey. The Influence of Darwin in Philosophy, and Other Esays in Contrmporary Thought. New York: H. Holt, 1910.

[147] Ernst Haeckel. Anthoropogenie, oder Entwicklungsgeschichte des Menschen. Leipzig: W. Engelmann, 1874; и др. работы.

[148] Thomas H. Huxley. The Struggle for Emistence in Human Societies. (1888) // Thomas H. Huxley. Evolution and Ethics and Other Essays. New York: D. Appleton & Co., 1914. P. 195–236.

[149] J.J. Atrinson. Primal Law // Andrew Lang. Social Origins. London: Longmans, Green and Co., 1903. P. 209–294.

[150] Gottfried Benn. Das moderne Ich. Berlin: Erich Reiss, 1920.

[151] См., например: Henry Pikker, ed. Hitlers Tischgesprache, 1941–1942. Bonn: Athenaeum-Verlag, 1951. P. 227.

[152] Князь Петр Кропоткин. Записки революционера. М.; Л., 1933.

[153] Князь Петр Кропоткин. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пг.; М., 1922.

[154] См.: Ashley Montague. On Being Human. New York: Schuman, Ltd., 1950.

[155] Oscar Hertnng. Das Werden der Organismen. Eine Widerlegung von Darwins Zufallstheorie. Jena: Gustav Fischer, 1916; Zur Abwehr des ethischen, des sozialen und des politischen Darwinismus. Jena: Gustav Fischer, 1918. Adolf Portmann. Natur und Kultur im Sozialleben. Basel: Reinhardt, 1946.

[156] Norman Angell. The Great Illusion, a Study of the Relation of Military Power inNations to Their Economic and Social Advantage London: W. Heintmann, 1910.

[157] Rene Quiton. L'Eau de mer, milieu organique. Paris: Masson, 1904.154 Remy de Gourmont. Le Principe de Constance intellectuelle in: Promenades hilosophiques, 2nd series. Paris: Mercure de France, 1908. P. 5–96.

[158] См., например: Walter von Wyss. Charles Darwin, ein Forscherleben. Zürich und Stuttgart: Artemis-Verlag, 1958.

[159] J. C Santlus. Zur Psychologie der menschlichen Triebe. Neuwied und Leipzig: Heuser, 1864.

[160] Paul Ree. Die Entstehung des Gewissens. Berlin: Karl Duncker, 1885.

[161] Friedrich Nietzsche. Zur Genealogie der Moral // Nietzsches Werke, Taschenausgabe, VIII. Leipzig: C G. Naumann, 1906.

[162] Конечно, существует экономическая и социальная интерпретация истории, независимая от марксизма. Примером являются работы американского историка Чарльза Остина Берда (An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: Macillan Inc., 1913; Economic Origins of Jeffersonian Democracy. New York: MacMillan, Inc., 1915; The Economic Basis of Politics. New York: Knopf, Inc., 1945).

[163] Friedrich Engles. Letter to Conrad Schimidt, October 27, 1890// Karl Marx, Friedrich Engels. Ausgewahlte Briefe. Berlin: Dietz, 1953. P. 508.

[164] Henri Lefebvre. Pour connaitre la pensee de Karl Marx and Lenin: The Science of Revolution. New York: Albert and Charles Boni, 1927; гл. 8.

[165] Это особенно подчеркивал Карл Ясперс. (См.: Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. — *Прим. ред.*)

[166] Wilhelm Griesinger. Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Stuttgart: Adolph Krabbe, 1845. P. 60.

[167] Mark D. Altschule. Roots of Modern Psychiatry. Essays in the History of Psychiatry. New York: Gnine & Stratton, 1957. Roland Kuhn. Griesingers Auffassung der psychischen Krankheiten und seine Bedeutung für die weitere Entwicklung der Psychiatrie // Bibliotheca psychiatrica et neurologica. C. 1957. P. 41–67.

[168] Ilza Veith. The Wear and Tear Syndrome // Moderne Medicine. December 1961. P. 97–107.

[169] James Johnson. Change of Air or the Pursuit of Health. London: S. Highly, T. & G. Inderwood, 1831.

[170] George M. Beard. Neurasthenia, or Nervous Exhaustion // Boston Medical and Surgical Journal. III. 1869. P. 217–221.

[171] George M. Beard. A Practical Treatise on Nervous Exhaustion. Neurasthenia, Its Symptoms, Nature, Sequence, Treatment. New York: W. Wood, 1880; American-Nervousness, Its. Causes and Consequences. New York: Putnam's Sons, 1881.

[172] Geoige Beard. Sexual Neurasthenia. Nevrous Exhaustion. New York: E.B. Treat,1884.

[173] George Beard. Neurasthenia (Nevrous Exhaustion) as a Cause of Inebriety // Quarterly Journal of inebriety. September 1879.

[174] Anna Robenson Burr. Weir Mitchell, Hiss Life and Letters. New York: Duffield.1929.

[175] S. Weir Mitchell. Wear and Tear, or Hints for the Overworked. Philadelphia, 1871.

[176] S. Weir Mitchell. Fat and Blood, or How to Make Them. Philadelphia, 1877.

[177] B.A. Morel. Du Délire émotif. Névrose du système nerveux ganglionnaire viscéral // Archives Generales de Medecine, 6th series, VII. 1866. P. 385–402, 530–551, 700–707.

[178] M. Krishaber. De la névrophathie cérébro-cardiaque. Paris: Masson, 1873.

Глава 5. В преддверии динамической психиатрии

[1] Согласно сведениям Андре Бийи (L'Epoque 1900: 1885–1905. Paris: Tallandicr, 1951) в период с 1895 по 1905 год в Париже состоялось по меньшей мере сто пятьдесят дуэлей между политиками, журналистами и литераторами, из которых две закончились смертью.

[2] Muriel Jaeger. Before Victoria. London: Chatto and Windus, 1956.

[3] Strathearn Gordon and T.G. Cocks. A People's Conscience. London: Constable &Co., 1952.

[4] Felix Soman. Erinnemgen aus meinem Leben. Zurich: Manasse-Verlag, 1959.

[5] Robert Payne. Zero. The Story of Terrorism. New York: The John Day Co., 1950.

[6] См. статью А. Токарского в журнале «Вопросы философии и психологии» (№ 40. 1897).

[7] И. Мечников. Этюды о природе человека. М., 1903.

[8] Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf. Erinnerungen, 1848–1914. Leipzig: Koehler,1928. P. 70.

[9] Albert Fuchs. Geistige Strömungen in Oesterreich. Vienna: Globus-Verlag, 1949. P. VIII.

[10] Max Dessoir. Buch der Erinnerungen. Stuttgart: Enke, 1946. P. 217.

[11] Otto Lubarsch. Ein bewegtes Gelehrtenleben. Erinnerungen und Erlebnisse Kämpfe und Gedanken. Berlin: Springer, 1931. P. 107.

[12] Moritz Benedikt. Aus meinem Leben. Erinnerungen und Erörterungen. Vienna: Carl Konegen, 1906. P. 66.

[13] Moritz Benedict. Aus meinem Leben. Erinnerungen und Erörterungen. Vienna: Carl Konegen, 1906. P. 76–77.

[14] Jurgen Thorwald. Die Entlassung. Munich-Zürich: Droemersche Verlagsanstalt, 1960.

[15] Leon Daudet. L'Invidia litteraire // Le Roman et les nouveaux ecrivains. Paris: Le Divan, 1925. P. 106–111.

[16] Dora Stockert-Meynert. Theodor Meynert und seine Zeit. Vienna and Leipzig: Osterreichischer Bundesverlag, 1930. P. 52. Moritz Benedikt. Aus meinem Leben. S. 58.

[17] Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf. Zukunftphilologie! 2 Bd. Berlin: Borntrager, 1872–1873.

[18] Erwin Rohde. Afterphilologie. Leipzig: Fritzsch, 1872.

[19] «Wenn ein Kopf und ein Buch zusammenstossen, und es klingt hohl, ist denn das allemal im Buche?».

[20] Rene Vallery-Radot. La Vie de Pasteur. Paris: Hachette, 1900.

[21] Moritz Benedikt. Hypnotismus und Suggestion. Leipzig und Vienna: Breitenstein, 1894.

[22] Henri Pieron. Grandeur et decadence des Rayons N. Histoire d'une croyance // L'Annee Psychologique. XIII. 1907. P. 143–169.

[23] Percival Lowell. Mars and Its Canals. New York: Macmillan, 1906.

[24] Auguste Forel. Mcmoires. Neuchatel: La Baconniere, 1941. P. 125. В английском переводе воспоминаний Огюста Фореля (Out of My Life und Work. London: Allen &Unwin, 1937. P. 157) соответствующий абзац отредактирован таким образом, что суть произошедшего весьма трудно понять. В заметке, посвященной жизни Фореля, Ганс Штек без всяких колебаний утверждает, что Бехтерев украл открытие, принадлежащее Форелю (Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie, LXV. 1950. I. P. 421–425).

[25] Auguste Forel. Mémoires. Neuchatel: La Baconniere, 1941. P. 131–133.

[26] Rene Vallery-Radot. Pasteur inconnu. Paris: Flammarion, 1954. P. 101–102.

[27] Werner Leibbrandt. Der Kongress // Medizinische Klinik. LXI. 1961. P. 901–904.

[28] Moritz Benedikt. Aus meinem Leben. Erinnerungen und Erörterungen. Vienna: Carl Konegen, 1906.

[29] См.: Cyrus H. Gordon. Forgotten Scripts: How They Were Deciphered and Their Impact on Contemporary Culture. New York: Basic Books, 1968.

[30] Женевьева Банки (Genevieve Bianquis. Nietzsche devant ses contemporains. Textes recueillis et choisis. Monaco: Editions du Rocher, n. d.) указывает на то, что Ницше далеко не был таким затворником, как о нем говорит легенда вокруг его имени, и что, напротив, у него были весьма преданные друзья.

[31] Erich F. Podach. Friedrich Nietzsche's Werke des Zusammenbruchs. Heidelberg: Wolfgang Rothe, 1961.

[32] Hans M. Wolff. Friedrich Nietzsche. Der Weg zum Nichts. Bern: Francke, Sammlung Dalp, 1956.

[33] Ludwig Klages. Die psychologischen Errungenschaften Nietzschen. Leipzig, A. Barthes, 1926. (Рус. пер.: Клагес Л. Психологические достижения Ницше. М., 2016. — *Прим. ред.*)

[34] Karl Jaspers. Nietzsche. Einführung in das Verstandnis seines Philosophierens, Berkin: De Gruyter, 1936. P. 105–146.

[35] Alwin Mittasch. Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph. Stuttgart: Alfred Kroner, 1953.

[36] Thomas Mann. Nietzsche's Philosophy in the Light of Contemporary Events. Washington: Library of Congress, 1947.

[37] Kurt Heinze. Verbrechen und Strafe bei Friedrich Nietzsche. Versuch einer Deutung und Zusammenschau seiner Gedanken zum Strafrecht. Berlin: De Gruyter, 1939.

[38] F. Nietzsche. Morgenrote//F. Nietzsche. Werke. V. № 523. Leipzig: Nauman, 1906. P. 338.

[39] Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. I. № 87 // F. Nietzsche. Werke. III. Leipzig: Nauman, 1906. P. 91.

[40] F. Nietzsche. Morgenrote. Op. cit. V. № 119, 123.

[41] F. Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. 1. № 12. Op. cit. III. P. 27.

[42] F. Nietzsche. Morgenrote. № 312. Op. cit. VI. P. 253–254.

[43] Walter Kaufmann. Nietzsche — Philosopher — Psychologist — Antichrist. Princeton: University Press, 1950.

[44] F. Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. I. № 107. Op. cit. III. P. 110.

[45] F. Nietzsche. Jenseits von Gut und Böse. IV. № 75. Op. cit. VIII. P. 95.

[46] F. Nietzsche. Zur Genealogie der Moral. II. № 1. Op. cit. VIII. P. 343.

[47] F Nietzsche. Jenseits von Gut und Böse. IV. № 68. Op. cit. VIII. P. 94.

[48] Главным образом это объяснено в работе Ницше «К генеалогии морали» (см. прим. 46).

[49] Max Scheler. Ueber Ressentiment und moralisches Werturteil // Zeitschrift für Pathopsychologie. I. 1911–1912. P. 269–368.

[50] Georgia Maranon. Theorie des Ressentiments // Merkur. VI. P. 241–249; Tiberius.A Study in Resentment. London: Hollis & Carter, 1956.

[51] Paul Ree. Der Ursprung der moralischen Empfindungen. Chemnitz: Ernst Schmeitzner, 1875.

[52] F. Nietzsche. Zur Genealogie der Moral. I. № 11. Op. cit. VIII. P. 322.

[53] F Nietzsche. Der Wandere und sein Schatten. № 52. Op. cit. VI. P. 230–231.

[54] F. Nietzsche. Der Antichrist. № 55. Op. cit. X. P. 438.

[55] F. Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. I. № 380. Op. cit. III. P. 301.

[56] F. Nietzsche. Zur Genealogie der Moral. II. № 16. Op. cit. VIII. P. 380–381.

[57] F. Nietzsche. Die fröhliche Wissenschaft. № 344. Op. cit. VI. P. 301.

[58] Ernst Bernz, ed., Der Uebermensch. Zürich: Rhein-Verlag, 1961. Julius Wolff. Zur Genealogie des Nietzsche'schen Uebermenschen // Veröffentlichungen der Deutschen Akademischen Vereinigung zu Buenos Aires. Vol. I. № 2.

[59] Fritz Ernst. Die romantische Ironie. Zürich: Schulthess, 1915. P. 125. Автор сообщает, что эта знаменитая фраза уже присутствовала в «Athenäum» Фридриха Шлегеля.

[60] F. Nietzsche. Die frohliche Wissenschaft. № 44. Op. cit. VI. P. 111–112.

[61] Эту интерпретацию предложила Лу Андреас-Саломе (Friedrich Nietzsche in seinen Werken. Vienna: Carl Konegen, 1894. P. 205).

[62] W.D. Williams. Nietzsche and the French. Oxford: Basil Blackwell, 1952. P. 100.

[63] F. Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. 1. № 513. Op. cit. III. P. 369.

[64] Lou Andreas-Salome. Friedrich Nietzsche in seinen Werken. Venna: Carl Konegen, 1894.

[65] Sigmund Freud. Selbstdarstellung. 1925 // Sigmund Freud. Gesammelte Werke. XL P. 119–182 (Standart Edition. XX. P. 60).

[66] Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. Сочинения. Т. 2. С. 5–237.

[67] F. Nietzsche. Alles Klagen sind Anklagen // F. Nietzsche. Der Wanderer und sein Schatten. II. № 78. Op. cit. IV P. 45.

[68] Sigmund Freud. Ihre Klagen sind Anklagen // Sigmund Freud. Trauer und Melancholia. Internationale Zeitschrift für ärztliche Psycholtherapie. 1916–1916. IV. P. 288–301.

[69] Некоторые замечания были сделаны Шарлем Бодуэном (Nietzsche as a Forerunner of Psychoanalysis // Contemporary Studies. London: Allen and Unwin, 1924. P. 40–43).

[70] F.G. Crookshank. Individual Psychology and Nietzsche // Individual Psychology Pamphlets. № 10. London: C W. Daniel Co., 1933.

[71] A.J. Leahy. Nietzsche interprété par Jung // Études nietzschéennes. I. № 1. Aix-en-Provence: Societé Françфise l'Etudes Nietzschéennes, 1948. P. 36–43.

[72] Ika Thomese. Romantik und Neu-Romantik. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1923. Eudo C. Mason. Rilke, Europe and the English-speaking World. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1961. P. 67–80.

[73] Heinz Mitlacher. Die Entwicklugn des Narziss-Begriffs // Romanisch-germanische Monatsschrift. XXI. 1933. P. 373–383.

[74] Jules Romains. Souvenirs et confidences d'unecrivain. Paris: Fayard, 1958. P. 15–16.

[75] A.E. Carter. The Idea of Decadence in French Literature, 1830–1900. Toronto: University of Press, 1958. P. 144–151.

[76] Макс Нордау. Вырождение. М.: Республика, 1995. (Цит. по этому изд. — *Прим. ред.*)

[77] Count Arthur de Gobineau. Essai sur l'inégalité des races humaines, 4 vols. Paris: Firmin-Didot, 1853–1855.

[78] Наиболее известное произведение, где отражены подобные настроения, было написано французским автором Эдмоном Демоленом (A quoi tient la superiorite desAnglo-Saxons?. Paris: Firmin-Didot, 1897).

[79] Houston Stewart Chamberlain. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. Munich: F. Bruckmann, 1899.

[80] Keith G. Millward. L'Oeuvre de Pierre Loti et l'esprit «fin de siècle». Paris: Nizet, 1955. P. 11–36.

[81] Malwida von Meysenburg. Memoiren einer Idealistin. Berlin: Auerbach, n. d. III. P. 223–234.

[82] Данные противопоставления подробно обсуждаются в работе А.Э. Картера. The Idea of Decadence in French Literature, op. cit.

[83] Edouard Dujardin. Les Lauriers sont coupes. Paris: Revue Independante, 1888.

[84] Arthur Schnitzler. Leutnan Gustl. Berlin: S. Fischer, 1901.

[85] Gi-git 1880 — l'année pornographique. Jules Claretie. La Vie a Paris. 1880. Paris: Victor Havard, 1881. P. 507.

[86] Mario Pratz. The Romantic Agony. London: Oxford University Press, 1933.

[87] Paul Morand. 1900. Paris: Les Editions de France, 1931.

[88] Andre Billy. L'Epoque 1900–1885–1900. Paris: Tallandier, 1953.

[89] Его первая книга была направлена против смертной казни: Emil Kraepelin. Die Abschaffung des Strafmasses. Stuttgart: F. Enke, 1880.

[90] August Forel. Ruckblick auf mein Leben. Zurich: Europa-Verlag, 1935.

[91] Annemarie Wettley. August Forel ein Arztleben im Zwiespalt seiner Zeit. Salzburg: O. Müller, 1953.

[92] August Forel. Rückblick auf mein Leben. Zürich: Europa-Verlag, 1935. S. 126–127.

[93] В свет еще не вышло ни одной биографической работы о Юджине Блейлере. Я использовал следующие материалы: Manfred Bleuler. Eugen Bleuler, die Begründng die Schizophrenie-Lehre // Gestalter unserer Zeit. IV. Erforscher des Lebens. Oldenburg: Gerhard Stalling, n. d. S. 110–117; Jacob Wyrsch. Eugen Bleuler und sein Werk // Schweizerische Rundschau. XXXIX. 1939–1940. S. 625–627.Manfred Bleuler. Geschichte des Burgholzh und der psychiatrischen Universitätsklinik // Züricher Spitalgeschichte. Regierungsrat des Kantons Zürich, 1951. S. 317–425.

[94] В 1852 году Морель впервые употребил термин demence prĕcoce, которыйотносился к случаям, когда пациенты впадали в состояние острого умственного расстройства вскоре после начала болезни (B.A. Morel. Etudes cliniques. I [1852]. P. 37–38). Существовало мнение, согласно которому все ментальные заболевания рано или поздно переходят в острое умственное расстройство. Тогда его называли demence, хотя в значении этого термина отсутствовал оттенок, указывающий на ментальное повреждение. Таким образом, термин démence précoce в действительности означал «быстро развивающееся умственное расстройство». Позднее ему стали неточно приписывать значение «раннее слабоумие».

[95] Eugen Bleuler. Dementia Praecox, oder Gruppe der Schizophrenien // Aschaffenburg Handbuch der Psychiatrie. Spezieller Teil. 4. Abt. I. Vienna: F. Deuticke, 1911.

[96] Friedrich Schlegel. Philosophie des Lebens. (1827) // Friedrich Schlegel. Schriften und Fragments Ernst Behler, ed. Stuttgart: Kröner, 1956. P. 245–249.

[97] Eugene Minkowski. La Schizophrénie. Paris: Payot, 1927. P. 249–265.

[98] Для истории психиатрии принципиальное значение имеют статьи: Adolf Meyer. Fundamental Concepts in Dementia Praecox // British Medical Joumal. II. 1906. P. 757–760; Journal of Nervous and Mental Disease. XXXIV. 1907. P. 331–336.

[99] Stewart Paton. The Care of the Insane and the Study of Psychiatry in Germany // Journal of Nervous and Mental Disease. XXXIII. 1906. P. 225–233.

[100] Hermann Simon. Krankenbehandlung in der Irrenanstalt. Berlin and Leipzig: De Gruyter, 1929.

[101] A. Grohmann. Technisches und Psychologisches in der Beschäftigung von Nervenkranken. Stuttgart: Enke, 1899.

[102] Andre Lalande. ed. Vocabulaire technique critique de la philosophie. Fifth ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1947. P. 246.

[103] A. Winkelmann. Einleitung in die dynamische Physiologie. Göttingen: Dieterich, 1802.

[104] Maurice Martin Antonin Macario. Mémoire sur les paralysies dynamiques ou nerveuses // Gazette médicale de Paris. 1857–1858.

[105] Charles-Edouard Brown-Sequard. Inhibitions et dynamogénie. Académic des Sciences. 1885.

[106] Sigmund Exner, Entwurf zu einer physiologischen Erklärung der psychischen Erscheinungen. Leipzig and Vienna: Deuticke, n. d. II. P. 69–82.

[107] Georges De Morsier. Le mécanisrae des hallucination // Annales Médico-Psychologiques. LXXXVIII. 1930; II. P. 365–389; Les Hallucinations // Revue d'Oto-Neuro-Ophthalmologie. XVI. 1938. P. 244–248.

[108] Toute idée suggérée et acceptée tend à se faire acte.

[109] Henri Aimé. Etude clinique du dynamisme psychique. Paris: Doin, 1897.

[110] Jacques-Joseph Moreau (de Tours). Du Hachisch et de l'aliénation mentale. Paris: Fortin, 1845.

[111] Пьер Жане. Неврозы и фиксированные идеи. СПб., 1909.

[112] Henri Ey et Hubert Mignot. La psychopathologie de J. Moreau (de Tours) // Annales Médico-Psychologiques. 1947. II. P. 225–241.

[113] John Hughlings Jackson. The Factors of Insanity. (1874) II John Hugh lings Jackson. Selected Writings. London: Hodder & Stoughton, 1923. I. P. 411–421. См. также: A. Stengel. The Origin and the Status of Dynamic Psychiatry // British Journal of Medical Psychology. XXXVII, Pt. 41. 1954. P. 193–200.

[114] Hellmut Walther Brann. Nietzsche und die Frauen. Leipzig: Felix Meiner, 1931. P. 139–140. S. 207–208. Этот эпизод был использован Томасом Манном в романе «Доктор Фаустус» (гл. 16 и 17).

[115] Moebius. Über den psysiologischen Schwschsinn des Weibes. Halle: Marhold, 1901.

[116] Цит. по: Samuel Chugerman. Lester F.'Ward, The American Aristotle. Durham: Duke University Press, 1939, P. 378–195; Ashley Montague. The Natural Superiority of Women. London: Macmillian, 1953.

[117] Jules Michelet. La Femme // Oeuvres Completes. Paris: Flammarion, 1860. Vol. XXXIV. P. 605.

[118] Carl Spitteler. Imago. Jena: E. Oiederiehs, 1906.

[119] Novalis. Die Lehrlinge zu Sais // Schriften. Jena: Diederichs, 1907. Vol. IV.

[120] Вильгельм Йенсен. Градива. СПб., 1912.

[121] Karl Neisser. Die Entstehung der Liebe. Vienna: Carl Jonegen, 1897.

[122] Laura Marholm. Zur Psychologie der Frau. Berlin: C. Duneker, 1897, 1903.

[123] О. Вейнингер. Пол и характер. М.: Терра, 1992.

[124] Hugues Rebell. Les Inspiratrices. Paras: Dujarric, 1902. Edouard Schuré. Femmes inspiratrices et poètes annonciateurs. Paris: Perrin, 1908.

[125] Emil Reicke. Malwida von Meysenbug. Berlin and Leipzig: Schuster & Loeffler, 1911.

[126] Malwida von Meysenbug. Memoiren einer Idealistin. Berlin: Auerbach, n. d.; Das Lebensabend einer Idealistin. Berlin und Leipzig: Schuster & Loeffler, n. d.

[127] Ria Claassen. Des Frauenphantom des Mannes // Zürcher Diskussionen, Flugblatter aus dem Gesamtgebiet des modernen Lebens. Vol. I. № 4. 1897–1898.

[128] Auguste Villiers de I 'Isle-Adam. L'Eve future. (1886) // Oeuvres Completes I. Paris: Mercure de France, 1922. Vol. I.

[129] Jules Michelet. La Femme. (1860) // Oeuvres Completes 1. Paris: Flamarion, 1895. Vol. XXXIV. P. 13–17.

[130] Brown-Sequard. Des Effets produits chez I'homme par des injecitons souscutaneesd'un liquide retire des tecticules frais de cobayes et de chiens // Comptes-Rendushebdomadaires des seances et Memoires de la Societé de Biologie. 9 series. I. 1889. P. 415–419.

[131] P. J. C. Debreyne. Essais sur la théologie morale considérée dans ses rapports avec la physiologie et la médecine. Paris: Pousseilgue-Rusand, 1844; Moechialogie. Traité sur les péchés contre le sixiéme et le neuvième commandements du Décalogue. Paris: Poussielgue-Rusand, 1846.

[132] Bischop Dupanloup. De l'éducation, 3 vols. Paris: Douniol, 1866. I. P. 86; III. P. 444–460.

[133] Jules Michelet. Nos Fils. (1869) // Ouevres Completes. Paris: Flammarion, 1895. XXXI. P. 283–588.

[134] О частых случаях мастурбации среди маленьких детей, а также заменяющем ее сосании большого пальца было хорошо известно сексологам того времени. См.: Hermann Rohleder. Vorlesungen über Sexualtrieb und Sexualleben des Menschen. Berlin: Fischer, 1941; Albert Fucks. Zwei Falle von sexueller Paradoxien // Jahrbuch für Psychiatrie und Neurologie. XXIII. 1903. S. 206–213.

[135] История сексопатологии описана в следующих произведениях: Maurice Heine. Recueil de confessions et observations psycho-sexuelles tirées de la littérature médicale et présentées avec un avant-propos. Paris: Cres, 1936; Annemarie Wettley. Von der Psychopathia Sexialis zur Sexualwissenschaft. Stuttgart: Enke, 1959.

[136] Thomas Sanchez. De Sancto Matrimonii Sacramento, 3 vols. Antwerp, 1607.

[137] Alphonse de Liguori. Oeuvres. Paris: Gallimard, 1957.

[138] Gilbert Lely. Vie du marquis de Sade, 2 vols. Paris: Gallimard, 1957.

[139] Leopold Ritter von Sacher-Masoch. Venus in Pelz. Dresden: Dohrn, 1901.

[140] Henricus Kaan. Psychopathia sezualis. Lipsiae: Voss, 1844.

[141] Dr. Santlus. Zur Psychologie der menschlichen Triebe. Neuwied und Leipzig: Heuser, 1864.

[142] Pierre Moreau (de Tours). Des aberrations du sens genesique. Paris: Asselin, 1880.

[143] C. Westphal. Die Contrare Sexualempfindung // Archiv für Psychiatrie. II. 1870. S. 73–100.

[144] Richard von Krafft-Ebing. Beiträge zur Kenntnis des Masochismus// Arbeiten aus dem Gesammtgebiet der Psychiatrie und Neuropathologie. Leipzig: Barth, 1897–1899. IV. S. 127–131.

[145] Richard von Kraft-Ebing. Über gewisse Anomalien des Geschlechtstriebes // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, VII. 1876–1877. P. 291–312.

[146] Ernest-Charles Lasegue. Les exhibitionnistes // Union medicale. May 1877. (Цит. по: Крафт-Эбинг. Половая психология. М.: Республика, 1996. — *Прим. ред.*)

[147] Alfred Binet. Le fétichisme dans l'amour // Revue Philosophique. XII. 1887; II. P. 143–167.

[148] Ernest Chambard. Du Somnambulisme en général // These Med. Paris: 1881. № 78. Paris: Parent, 1881. P. 55, 65.

[149] Wilhelm Bölsche. Das Liebesleben in der Natur, 3 Bd. Jena: Diederichs, 1898–1902.

[150] Moritz Benedikt. Aus meinem Leben. Erinnerungen und Erörterungen. Vienna: Carl Konegen, 1906. P. 163.

[151] Charles Fire. Comtributions à l'histoire du choc moral chez les enfants // Bulletinde la Societe de Medicine mentale de Belgique, LXXIV. 1894. P. 333–340.

[152] Albert Moll. Über eine wenig beachtete Gefahr der Prügelstrafe bei Kindern // Zeitschrift für Psychologie und Pathologie. III. 1901. S. 215–219.

[153] Theodor Meynert. Klinische Vorlesungen über Psychiatrie auf wissenschaftlichen Grudlagen. Vienna: Braunmüller, 1889–1890. P. 185.

[154] J. Dallemagne. Dégénéres et déséquilibrés. Brussels: H, Lamertin, 1894. P. 525–527.

[155] Т. Рибо. Психология чувств. СПб., 1898. (Рус. пер. — *Прим. ред.*)

[156] Charcot er Magnan. Inversion du sens génital // Archives de Neurologie, III (1882). P. 53–60; IV. P. 296–322.

157 Valentin Magnan. Inversion sexuelle et pathologie mentale // Bulletin de l'Academie de Médicine. LXX. 1913. P. 226–229.

158 M. F.A. King. Hysteria // American Journal of Obstetrics. XXIV. 1891. P. 513–532.

159 Moritz Benedikt. Beobachtung über Hysterie // Zeitschrift für practische Heilkunde. I. 1864.

160 Moritz Benedikt. Elektrotherapie. Vienna: Tendler & Co., 1868. P. 413–445.

161 Moritz Benedikt. Second Life. Das Seelenbinnenleben des gesunden und kranken Menschen // Wiener Klinik. XX. 1894. P. 127–138.

162 Alexander Peyer. Der unvollständige Beischlaf (Congressus Interruprtus, Onanismus Conjugalis) und seine Folgen beim mannlichen Geschlecht. Stuttgart: Enke, 1890.

163 A. Peyer. Asthma und Geschlechtskrankgeiten. (Asthma sexuale) // Berline Klinik, Sammlung klinischer Vortrage. № 9. Berlin: Fischer, 1889.

164 Hans Gross. Criminalpsychologie. Graz: Langsehner and Lubensky, 1898.

165 Richard von Krafft-Ebing. Über Neurosen und Psychosen durch sexuelle Abstinenz // Jahrbuch für Psychiatrie. VIII. 1889. P. 1–6.

166 J.F. Gall Sur les fonctions du cerveau er sur celles de chacune de ses parties. Paris: Bailliere, 1925. III.

167 Wilhelm Ostwald. Crösse Männer. Leipzig: Akademische Verlags gesellschaft, 1909.

168 И. Мечников. Воспоминания. М., 1959.

169 Alfred Espinas. Des Societes animales. Paris: Bailliere, 1877.

170 Friedrich Nietzsche. Götzendammerung. X. P. 22.

171 H. Stein thai. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft, 2. Aufl. I. Berlin: Dümmler, 1881. P. 351–353.

172 P.J. Moebius. Ueber Schopenhauer. Leipzig: J.A. Barth, 1899. P. 204–205.

173 George Santayana. The Sense of Beauty. New York: C. Scribner's Sons, 1896. P. 57–60.

174 Gustav Naumann. Geschlecht und Kunst. Leipzig: Haessel, 1899.

175 Yrjo Him. Origins of Art. London: Macmillan Co., 1900.

176 Remy de Gowmont. La Dissociation des idées // Remy de Gourmont. La Culture des idées. Paris: Mercure de France, 1900. P. 98–100.

177 Max Dessoir. Zur Psychologie der Vita Sexualis // Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie, L. 1894. P. 941–975.

178 Albert Moll. Untersuchungen über die Libido Sexualis. Berlin: Kornfeld, 1898.

179 Theodor Meynert. Klinische Vorlesungen über Psychiatrie aus wissenschaftlichen Grundlagen. Vienna: Braunmüller, 1889–1890. S. 195.

180 Moritz Benedikt. Elektrotherapie. Vienna: Tendler, 1868. Слово «либидо» встречается девять раз между страницами 48 и 454.

[181] Richard von Krafft-Ebing. Ueber Neirosen und Psychosen durch sexuelle Abstinenz // Jahrbuch für Psychiatrie. Vol. VIII. 1889. Слово «либидо» встречается три раза между с. 1 и 6.

[182] Otto Effertz. Ueber Neurasthenie. New York, 1894.

[183] Albert Eulenburg. Sexuale Neuropathie, genitale Neurosen und Neuropsychosen der Männer und Frauen. Leipzig: Vogel, 1895.

[184] Lucien Arreat. Sexualité et altruisme. Revue psilosophique. XXII. 1886. II. P. 620–632.

[185] Joseph Ennemoser. Das Wesen des Traumes ist ein potentielles Geniusleben, Der Magnetismus in Verhaltnisse zur Natur und Religion. Stuttgart and Tübingen: Cotta, 1842. P. 335–336.

[186] Ignaz Troxler. Blickc in das Wesen des Menschen. Aarau: Sauerlander, 1812.

[187] Karl Albert Schemer. Das Leben des Traums. Berlin: Heinrich Schindler, 1861.

[188] См., например: F.J. Soesman. Réves organo-génésiques // Annales médico-psychologiques, LXXXVI. 1928. II. P, 64–67; Jean Piaget. La Formation du symbole chez l'enfant. Neuchâtel: Delachaux etNiestle, 1959. P. 213; Marce Deat. L'interpretation du rythme du coeur certains rêves // Journal de Psychologie. XVIII. 1921. P. 555–557.

[189] R.A. Schwaller de Lubicz. Le Temple de l'homme. Apet du Sud à Louqsor, 3 vols. Paris: Caracteres, 1958.

[190] Robert Vischer. Über das optische Formgefühl. Leipzig: Cresner, 1873.

[191] Alfred Maury. Le Sommeil et les reves. Paris: Didier, 1861. (Edition revue et augmentee, 1878).

[192] John Mourly Void. Einige Experimente über Gesichtsbilder in Traume. Dritter Internationaler Congress fur Psychologie in Munchen 1896. Munich: J.F. Lehmann, 1897; Ueber den Traum. Experimental-psychologische Untersuchungen, O. Klemn ed. Leipzig: Barth, 2 Bd., 1910–1912. P. 338.

[193] Sante De Sanctis. Die Träume, Medizin-psychologische Untersuchung. Halle: Marhold, 1901.

[194] Marie-Jean-Leon Hervey de Saint-Denis. Les Rêves et les moyens de les diriger. Paris: Amyot, 1867.

[195] Frederik van Eeden. De Nachtbruid. (1909). Англ. перевод: The Bride of Dreams. New York and London: Mitchell Kennerley, 1913.

[196] Frederik van Eeden. A Study of Dreams // Proceedings of the Society for Psychical Research. LXVII. 1913. № 26. P. 413–461.

[197] George Du Maurier. Peter Ibbetson. New York: Harper, 1891.

[198] Robert Louis Stevenson. A Chapter on Dreams // Across the Plains. London: Chatto and Windus, 1898. Chap. 8.

[199] George Dumas. Comment on gouverne les rêves // Revue de Paris. XVI. 1909. P. 344–367.

[200] Ludwig Binswanger. Wandlungen in der Auffassung und Deutung des Traumes, von den Griechen bis zur Gegenwart. Berlin: Springer-Verlag, 1928.

[201] L. Strümpell. Die Natur und Entstehung der Träume. Leipzig: Von Veit& Co., 1874.

[202] Johannes Volkelt. Die Traum-Phantasie. Stuttgart: Meyer & Zeller, 1875.

[203] Friedrich Theodor Vischer. Der Traum. (1875) // Altes und Neues. Stuttgart: Adolf Bonz, 1882. I. P. 187–232.

[204] F. W. Hildebrandt. Der Traum und seine Verwertung für Leben. Eine psychologische Studie. Leipzig: Reinboth, n. d.

[205] Lynkeus [Joseph Popper]. Phantasien eines Realisten. Dresden: Reissner, 1899. II. P. 149–163.

[206] C. Binz. Uber den Traum. Nach einem 1876 gehaltenen öffentlichen Vortrag. Bonn: Adolph Marcus, 1878.

[207] W. Robert. Der Traum als Naturnothwendigkeit erklärt, 2. Aufl. Hamburg: Hermann Seippel. P. 13–17.

[208] Yves Delage. Essai sur la théorie du rêve // Revue Scientifique. XLVIII. № 2. 1891. p, 40–48. Эта работа позднее появилась в форме книги: Le Reve, etude psychologique, philosophique et litteraire. Paris: Press Universitaires de France, 1919.

[209] Существует множество работ, посвященных истории возникновения теорий бессознательного. См.: James Miller. Unconsciousness. New York: John Wiley, 1942; Donald Brinkmann. Probleme des Unbewussten. Zürich: Rascher, 1943; Edward L. Margetts. The Concept of the Unconscious in the History of Medical Psychology // Psychiatric Quarterly. XXVII. 1953. P. 115; H. Ellenberger. The Unconscious before Freud // Bulletin of the Menninger Clinic. XXI. 1957. P. 3–15; Lancelot Law Whyte. The Unconscious before Freud. New York: Basic Books, 1960.

[210] G. W. von Leibniz. Nouveaux essais sur l'entendement humain. (1704); Monadologie. I (1741);

[211] J. K Herbart. Psychologie als Wissenschaft, neugegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. (1824) // Sämtliche Werke. Leipzig: Voss, 1850. Bd. V–VI.

[212] G. T. Fechner. Elemente der Psychophysik. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1860.

[213] Hermann von Helmgoltz. Handbuch der physiologischen Optik. III. 1859. 3 Aufl. Hamburg: L. Woss, 1910. P. 3–7.

[214] Michel-Eugene Chevreul. Lettre a M. Ampere // Revue des Deux Mondes, 2 series.1833. II. P. 258–266.

[215] Michel-Eugene Chevreul. De la Baguette divinatoire, du pendule explorateur, des tables toumantes, au point de vue de l'histoire, de la critique et de la méthode éxpérimentale. Paris: Mallet-Bachelier, 1854.

[216] Francis Gallon. Antechamber of Consiousness // Francis Gatlon. Inquiries into Human Faculy. London: Dent, 1907. P. 146–149.

[217] Narziss Ach. Über die Willenstätigkeit und das Denken. Göttingen: Vandenhoek und Ruprecht, 1905.

[218] Gardner Murphy. The Life and Work of Frederick W.H. Myers // Tomorrow. II. Winter. 1954. P. 33–39.

[219] Frederick W. H. Myers. Human Personality and Its Survival of Bodily Death, 2 vols. London: Longmans, Green & Co., 1903.

[220] Charles Richet. Du Somnambulismé provoqué // Journal de l'Anatomie et de la Physiologie normales et pathologiques de l'homine et des animaux. II. 1875. P. 348–377.

[221] Jules Hericourt. L'Activite inconsciente de I'esprit // Revue scientifique, 3 series. XXVI. 1889. II. P. 257–268.

[222] Edouard Claparede. Théodore Flournoy, Sa vie et son ouevre // Archives de Psychologie. XVIII. 1923. P. 1–125.

[223] Theodore Flournoy. Des Indes à la planète Mars: étude sur un cas de somnambulisme avec glossolalie. Paris et Geneva: Atar, 1900. (Англ. пер.: From India to the Planet Mars. A study of a case of somnambulism with glossolalia. New York and London: Harper, 1900.)

[224] Edouard Claparede. Theodore Flournoy. Sa vie et son oeuvre // Archives de Psychologie. XVIII. 1923. P. 1–125.

[225] Victor Henry. Le Langage martien. Etude analytique de la genese d'une langue dans un cas de glossolalie somnambulique. Paris: Maisonneuve, 1901.

[226] H. Cuendet. Les Tableaux d'Helene Smith peintsa l'état de sommeil. Geneva: Atar, 1908.

[227] Рассказ медиума в деталях был записан Владимиром Деонна (De la planete Mars en Terre Sainte. Paris: Dc Boccard, 1932).

[228] Theodore Flournoy. Genèse de quelques prétendus messages spirites // Annales des Sciences psycholoques. IX. 1899. P. 199–216.

[229] Congres International de Psychologie. Munich: 1896. P. 417–420.

[230] Henry Freeborn. Temporary Reminiscence of a Long-Forgotten Language During the Delirium of Broncho-Pneumonia // Lancet. LXXX. 1902. I. P. 1685–1686.

[231] Sergiei Korsakoff. Etude médico-psychologique sur une forme de maladies de la mémoire // Revue Philosophique. XXVIII. 1889. II. P. 501–530.

[232] Gardner Murphy. Historical Introduction to Modern Psychology. New York: Harcourt Brace, 1949. P. 204.

[233] Francis Galton. Antechamber of Consciousness // Inquiries into Humann Faculty. London: Dent, 1907. P. 146–149.

[234] Gardner Murphy and Robert O. Ballou. William James on Psychical Research. London: Chatto & Windus, 1961. P. 221.

[235] Alfred Russel Wallace. The Wonderful Century, Its Successes and Failures. London: Sonnenschein, 1898.

[236] Ludwig Buchner. Am Sterbelager des Jahrhundcrts. Blicke eines freien Denkers aus der Zeit in die Zeit. Giessen: Emil Roth, 1898.

[237] Ellen Key. The Century of the Child. (1899). London and New York: G. P. Putnam's Sons, 1909.

[238] Theodor Hertzka. Entrückt in die Zukunft. Sozialpolitischer Roman. Berlin: F. Dummler, 1895.

[239] Э. Геккель. Мировые загадки. М., 1937.

[240] Friedrich Engles. Einleitung zu «Der Burgerkrieg in Frankreich» // Karl Marx — Friedrich Engels Werke. Berlin: Dietz, 1962. XVII. P. 616.

[241] H.G. Wells. Anticipations of the Reaction of Mechanical and Scientific Progressupon Life and Thought. New York and London: Harper Bros., 1902.

[242] Albert Rohida. Voyage de fiancailles au XXe siecle. Paris: Conquet, 1892; Le Vingtiènie Siècle. La vie électrique. Paris: Librairie Illustrée, 1895; Le Vingtième Siècle. Texteet dcssins, Paris: Montgredien, n. d.

[243] П. Реньяр. Умственные эпидемии. Демонизм, истерия, гипнотизм, морфиномания и мания величия. СПб., 1899.

[244] Pierre Janet. L'Anesthesie hysterique // Archives de Neurologic XXIII. 1892. P. 323–352.

[245] Henri Bergson. Le Reve // Bulletin dc l'institut psychologique international. I. 1900–1901. P. 97–122.

[246] Фредерик Ван Эден в автобиографии (Happy Humanity. New York: Doubleday, Page &. Co., 1912) претендует на то, что это он ввел данный термин, хотя при этом он добавляет, что Хак Тюк уже использовал термин «психотерапевтика».

[247] Maurice Barres. Trois stations de psychotherapie. Paris: Perrin, 1891.

[248] Frederick van Eeden. The Theory of Psycho-Therapeutics, The Medical Magazine. I. 1895. P. 230–257.

Глава 6. Пьер Жане и психологический анализ

[1] Автор выражает особую благодарность мадам Элен Пишон-Жане и мадемуазель Фанни Жане, которые предоставили ему большое количество сведений о жизни их отца, а также об истории семьи Жане.

[2] Эти подробности заимствованы из биографии дяди Пьера Жане: Georges Pirn. I Paul Janet. Notice historique. Paris: Hachette, 1903.

[3] Подробности, касающиеся имен и дат рождения членов семьи Жане, были предоставлены Archives du Département de la Seine.

[4] Филипп Долинже, директор Страсбургских архивов, любезно предоставил автору копии фотографий семьи Юммель из городского отдела записи актов гражданского состояния.

[5] Jules Janet. Les Troubles psychopathiques de la miction // Essai depsycho-physiologie normale et pathologique. These med., 1889–1890. No. 216. Paris: Lefrancois, 1890.

[6] Paul Janet. Notes et souvenirs. Paris: Gauthier-Villars, 1933.

[7] Эти подробности взяты из статьи мадам Элен Пишон-Жане «Pierre Janet — Quelques notes sur sa vie» (L'Evolution Psychiatrique. 1950. № 3. P. 345–364).

[8] Jules Lemaitre. L'Esprit normalien // Le Centenaire de FEcole Normale Superieure, 1795–1895. Paris: Hachette, 1895. P. 566–571.

[9] Профессор Мартен из Эколь Нормаль, который любезно показал автору школьный архив и разыскал папку Пьера Жане, нашел в ней всего два документа: заявление Жане от 1 февраля 1879 года и доверенность его отца.

[10] Берсо также был автором книги «Mesmer et le magnétisme animal» (Paris, 1852), которая в то время как раз была переиздана с дополнением и которая, возможно, привлекла внимание юного Пьера Жане к истории животного магнетизма.

[11] Данные подробности были заимствованы автором из папки с документами Пьера Жане в архивах медицинского факультета в Париже.

[12] Доминик Пароди, некролог Пьера Жане (Association Amical de secours des anciens élèves de l'École Normale Superieure. 1948. P. 27–30).

[13] Позднее, в 1888 году, вышел новый закон, согласно которому ученики Эколь Нормаль должны были в обязательном порядке отслужить один год в армии. См.: André Lalande. L'instruction militaire a l'école // Le Centenaire de l'Ecole Normale Superieure. P. 544–551.

[14] Автор весьма признателен за эти сведения Ж. Дюпре из лицея Жана Жироду в Шатору.

[15] Fondement du droit de propriété. Conférence de M. Pierre Janet Ligue Française enseignement, cercle de Chateauroux. Chateauroux; Imgrimerie Gablin, 1883. В Национальной библиотеке в Париже хранится, возможно, единственный уцелевший экземпляр этой лекции.

[16] Автор выражает свою признательность м-ру Алекану из Лицея в Гавре за доставление экземпляра этой речи, которая была опубликована в 1884 году.

[17] Nicolas Malebranche. De la Recherche de la vérité. Ed. Pierre Janet. Paris: Alcan, Livre II.

[18] Pierre Janet. Psychological autobiography // Carl Murchison. A History of Psychology in Autobiography. Worcester, Mass: Clark University Press, 1930. I. P. 123–133.

[19] Pierre Janet. Note sur quelques phénomènes de somnambulisme // Bulletins de la Société de psychologie physiologique. 1885. P. 24–32.

[20] J. Ochomwicz. De la Suggestion mentale. Paris: Doin, 1887. P. 118.

[21] Никаких упоминаний об этих экспериментах не удалось обнаружить ни в «Le Passe-Temps du Havre», ни в «Le Carillon». М-р А. Лекрок, главный архивариус Гавра, который любезно взял на себя труд просмотреть ежедневно выходившие газеты Гавра в тот критический период и последующие недели, сообщил автору о том что не смог найти никаких сообщений об этих опытах.

[22] Pierre Janet. Baco Verulamius alchemicis philosophis quid debuerit. Angers: imprimerie Burdin, 1889.

[23] Эти подробности взяты из речи Эдмона Фараля, произнесенной на праздновании восьмидесятилетия Жане в Сорбонне 22 июля 1939 года. См.: Le Centenaire de Theodule Ribot et Jubile de la psychologie scienfique française. Agen: Imprimerie modeme, 1939.

[24] Критические замечания Поля Жане по поводу «L'Automatisme psychologique» содержатся в его «Principes de metaphysique et de psychologie» (Paris: Delagrave, 1879. II. P. 556–572).

[25] Premier Congrès international de l'hypnotisme experimental et therapcutique. Comtesrendus publiés par Edgar Berillon. Paris: Doin, 1890.

[26] Discours de M. Pierre Janet a la distrubution des prix du College Rollin. July, 1892. Paris: Chaix, 1892.

[27] Автор выражает глубокую признательность доктору Хану, главному хранителю библиотеки и архивариусу медицинского факультета в Париже за предоставление ему фотокопий всех материалов, касающихся Жане.

[28] Pierre Janet. Kyste parasitaire du cerveau // Archives Générales de Medecine, 7 series. XXVIII. 1891. II. P. 464–472.

[29] Pierre Janet. Etude sur quelques cas d'amnésie antérograde dans la maladie de la désagrégation psychologique // International Congress of Experimental Psychology. 2nd Session. London, 1892. London: William and Norgate, 1892. P. 26–30.

[30] До сих пор не удалось обнаружить список тем, по которым Жане читал лекции в Сорбонне и в Коллеж де Франс в эти годы.

[31] Réunion constitutive de l'Institut Psychique // Bulletin de FInstituque International. I. 1900. P. 13–21.

[32] Эти сведения были получены из личного дела Жане в архиве Коллеж де Франс.

[33] С подобной ситуацией столкнулся Эрнест Джонс, как он сам рассказывает об этом в автобиографии: Free Associations. London: Hogarth Press, 1959. P. 175.

[34] The Relationships of Abnormal Psychology // International Congress of Art and Science, Universal Exposition, St. Louis, 1904. V. Howard J. Rogers ed. Boston, 1906. P. 737–753.

[35] Эти лекции были опубликованы в исследовании: The Major Symptom Hysteria. London: Macmillan Co., 1907.

[36] По мнению Жане, этот термин, несомненно, перекликается с идеей Огюста Конта о том, что интерпретация человеком природы проходит три стадии: «религиозную», когда явления природы объясняются вмешательством богов и духов, «метафизическую», когда человек для их объяснения прибегает к вымышленным абстрактным понятиям, и «научную», когда при формулировке общих законов природы в расчет принимаются исключительно экспериментальные данные.

[37] Pierre Janet. Valeur de la psycho-analyse de Freud // Revue de Psychothérapie et de Psychologie Appliquée. XXIX. 1915. P. 82–83.

[38] M. Horton. The Origin and Psychological Function of Religion According to Pierre Janet // American Journal of Psychology. XXXV. 1924. P. 16–52.

[39] Ezequiel A. Chavez. Le Docteur Pierre Janet et son oeuvre. Discours prononcé dans le grand auditoire de l'Université Nationale le Mexico, de 14 août 1925. Publicaciones de la Sccretaria de Educación Pública. Mexico, D. F.; Editorial Culture, 1925.

[40] Жане описал свои впечатления от Аргентины в: Journal des Nations Airfticaines: Argentine. Nouvelle Serie. I. № 7. June 18. 1933.

[41] Фрейд пишет об этом инциденте в письме Мари Бонапарт, оригинальный текст которого можно найти в немецком издании: Jones. Das Leben und Wcrk von Sigmund Freud: Huber, 1962. III. P. 254.

[42] E. Minkowski. A propos des demieres publications de Pierre Janet // Bulletin de Psychologie. XIV. November 1960. P. 121–127.

[43] См. высказывание Жане в «Perspectives d'application de la psychologie & Industrie», Premier cycle d'etude de psychologie industrielie, Fascicule № 1, Psychologie et Travail. Paris: Cégos, 1943. P. 3–8.

[44] Pierre Janet. La Psychologie de la conduite // Encyclopédie Française. VIII. La vie mentale (1938). P. 8.

[45] Mélanges offerts a Monsieur Pierre Janet par sa famille, ses amis et ses disciples a l'occasion de ses quarte-vingts ans. Paris: d'Artrey, 1939.

[46] Centenaire de Théodule Ribot. Jubilé de la psychologie française. Agen: Imprimerie Modeme, 1939.

[47] Эти подробности были любезно предоставлены профессором Жаном Деле (Jean Delay).

[48] Pierre Janet. Les Médications psychologiques. Paris: Alcan, 1919. I. P. 280.

[49] Жане приписывается высказывание о том, что, если бы было обнаружено средство, с помощью которого можно вызывать эпилептические припадки по желанию, его можно было бы применить при лечении определенных психических заболеваний. Автору не удалось найти эту мысль, четким образом сформулированной в его работах, но эта идея достаточно прозрачно прослеживается, например, в: Les Médications psychologiques. Paris: Alcan, 1919. II. P. 124.

[50] Насколько мы знаем, единственное интервью, которое Жане когда-либо давал, датируется 17 марта 1928 года. Оно было опубликовано в: Frédéric Lefevre. Une heure avec... 6 series. Paris: Flammarion, 1933. P. 48–57. Это, собственно, не интервью, а отчет о дискуссии между Жане и неким Марселем Жуссом, на которой присутствовал автор указанного материала.

[51] Carl Murchison. A History of Psychology in Autobiography. Worcester, Mass.: Clark University Press, 1930. I. P. 123–133.

[52] Pierre Janet. Autobiographie psychologique // Les Etudes philosophiques, Nouvelle serie. № 2. 1946.

[53] Max Dessoir. Buch der Erinnerungen. Stuttgart: Enke, 1946. P. 122.

[54] Marcel Prevost. L'Automne d'une femme. Paris: Calmann-Levy, 1893. Мадам Элен Пишон-Жане на вопрос автора сообщила ему, что ее отец действительно, хотя и не близко, был знаком с Марселем Прево.

[55] Walter M. Horton. The origin and psychological function of religion according to Pierre Janet // American Journal of Psychology. XXXV 1924. P. 16–52.

[56] Pierre Janet. L'Evolution psychologique de la personnalité. Paris: Chahine, 1929. P. 332 («L'amour n'est autre chose qu'une hypothese transformee en idee fixe»).

[57] Journal de Psychologie. V. 1908. P. 516–526.

[58] R. Kraft-Ebing. Psychopathia Sexualis, trad. fr. Paris, 1931. P. 4–8.

[59] Pierre Janet. L'Evolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929. P. 328.

[60] L'Evolution psychiatruque. 1950. № 3. P. 344.

[61] Raymond Roussel. Comment j'ai ecrit certains de mes livres. Paris: Lemerre, 935. P. 27, 175–183.

[62] Ernest Harms. Pierre M.F. Janet // American Journal of Psychiatry. CXV. 1959. P. 1036–1037.

[63] Fr. Bruno de Jesus-Marie. A propos de la «Madeleine» de Pierre Janet // EtudesCarmelitaines. XVI. № 1. 1931. P. 20–61.

[64] На международном конгрессе в Амстердаме семеро его участников подписали обращение с призывом к использованию эсперанто на научных конгрессах. Одним изних был Пьер Жане (Compte-Rendu des Travaux du ler Congres International de Psychiatrie et de Neurologie, tenu a Amsterdam en 1907. Amsterdam: J. H. de Bussy, 1908. P. 908).

[65] Pierre Janet. La Tension psychologique, ses degrcs, ses oscillations // British Journal of Psychology, Medical Section. I. 1920–1921. P. 164; Les souvenirs irreels // Archives de Psychologie. XIX. 1925. P. 17; L'Evolution de la memoire et la notion du temps. Paris: Maloine, 1928. P. 491; L'Evolution psychologique de la personnalité. Paris: Chahine, 1929. P. 579; Les Debuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935. P. 166–168; La Psychologie de la croyance et le vysticisme // Revue de Metaphysique et le Morale. XLIII. 1936. P. 399; L'Acte de la destruction // Revue Générale des Sciences. LI. 1940–1941. P. 145–148.

[66] Jean Guitton. La Vocation de Bergson. Paris: Gallimard, 1960.

[67] Henri Bergson. De la simulation inconsciente dans l'état d'hypnotisme // Revue Philosophique. XII. 1886. II. P. 525–531.

[68] Анри Берг сон опубликовал с комментариями отрывки из книги Лукреция «De Natura Rerum» (1883), а Жане II книгу сочинений Мальбранша «Recherche de la verite» (1886).

[69] Revue de Metaphysique et de Morale. XLIII. 1936. P. 53 1.

[70] Francois-Louis Bertrand. Alfred Binet et son oeuvre. Paris: Alcan, 1930.

[71] Alfred Binet. La Vie psychique des micro-organismes // Revue Philosophique. XXIV.1887. II. P. 449–489, 582–611.

[72] Alfred Binet. La Psychologie du raisonnement. Paris: Alcan, 1886.»Revue Philosophique. XXIX. 1890. I. P. 186–200.

[73] Charles Fere et Alfred Binet. Le Magnetisme Animal. Paris: Alcan, 1887.

[74] Alfred Binet. L'Etude experimental de l'intelligence. Paris: Schleicher, 1903.

[75] Pierre Janet. Manuel du baccalaureat de l'enseignement secondaire classique Philosophie. Paris: Nony, 1894.

[76] Malebranche. De la Recherche de la vérité. Pierre Janet, ed. Paris: Alcan, 1886. II. P. 22.

[77] Pierre Janet. Les Actes inconscients et le dédoublement de la personnalité pendant le somnabulisme provoqué // Revue Phylosophique. XXII. 1886. II. P. 577–592.

[78] Pierre Janet. L'Anesthésie systematisee et la dissociation des phenomenes psy-chologiques // Revue Philosophique. XXIII. 1887. II. P. 449–472.

[79] Pierre Janet. Les Actes inconscients et la memoire pendant le somnambulisme // Revue Philosophique. XXV. 1888.1. P. 238–279.

[80] Prosper Despine. Psychologie Naturelle. Paris: Savy, 1868. I. P. 490–491.

[81] Пьер Жане всегда утверждал, что именно он изобрел термин «подсознательное». Автору действительно не удалось обнаружить использования этого термина в работах, опубликованных до Жане. Он, очевидно, придумал этот термин с целью показать, что им используется психологический подход, совершенно отличный от метафизического понятия подсознательного у Гартмана, использовать который было столь модно в тот период.

[82] Жане был прекрасно знаком с подвижностью истерических явлений, и он упоминает о том, как три пациента, страдающие совершенно различными истерическими кризисами, были помещены в одну палату, после чего их симптомы свелись к одному типу кризиса. Таким образом, можно сказать, что в этой палате происходил процесс образования нового типа истерии, который, не зная причин его появления, можно было бы принять за естественный.

[83] Pierre Janet. L'Automatisme psychologique. Paris: Alcan, 1889. P. 436–440. Это был второй случай катартического излечения, опубликованный Жане; первым таким случаем был случай излечения Люси, опубликованный в 1886 году.

[84] Pierre Janet. Etude sur un cas l'aboulite et l'idees fixes // Revue Philosophique. XXXI. 1891. I. P. 258–287, 382–407.

[85] V.M. Charcot. Sur in cas d'amnésie rétro-antérograde probablement d'origine hyste-rique // Revue de Medecine. XII. 1892. P. 81–96. См. также статью А. Суке (A. Sou-ques) в том же журнале: Р. 267–400, 867–881.

[86] Pierre Janet. Etude sur un cas d'amnésie antérograde dans la maladie la desegregation psychologique // International Congress of Experimental Psychology, London, 1892. London: Williams & Norgate, 1892. P. 26–30.

[87] Pierre Janet. Ammésie continue // Revue Generale des Sciences. IV. 1893. P. 167–179.

[88] J. M, Charcot. Clinique des maladies du systeme nerveux. Georges Guinon, ed. Paris: Progrès Médical et Alcan, 1893. II. P. 266–288.

[89] Pierre Janet. Histoire d'une idee fixe // Revue Pgilosophique. XXXVII. 1894. I. P. 121–168.

[90] Pierre Janet. Un Cas de possession et l'exorcisme moderne // Bulletin de l'Universite de Lyon, VIII. 1894. P. 41–57. Жане ранее уже излагал в общих чертах этот случай, см.: Contrubution a 1'etude des accidents mentaux chez les hysteruques. Paris: Rueff, 1893. P. 252–257.

[91] В своем предисловии к «Неврозам и фиксированным идеям» Жане упоминает, что Ахилл по-прежнему находился в хорошем физическом состоянии через семь лет после лечения.

[92] Pierre Janet. L'Amnesie et la dissociation des souvenirs // Journal de Psychologie. I. 1904. P. 28–37.

[93] Pierre Janet. L'Insomnie par idee fixe subconsciente // Presse Medicale. V. 1897. II. P. 41–44.

[94] Pierre Janet. Note sur quelques des muscles du tronc chez les hysteriques // La France Medicale et Paris medical. XLII. 1895. P. 769–776.

[95] Психологический анализ Жане с самого начала имел терапевтические импликации, но до тех пор, пока Жане не начал свои занятия медициной, он не мог делать упор на этом аспекте своей работы.

[96] Pierre Janet. Sur la divination par les miroirs et les hallucinations subconscientes // Bulletin de l'Universite de Lyon. XL. 1897. P. 261–274.

[97] Raymond et Janet. Les delires ambulatories ou les fugues // Gazette des Hopitaux. LXVIII. 1895. P. 754–762.

[98] В своей статье «L'Anesthesie hysterique» (Archives dc Neurologic XXIV. 1892. P. 29–55) Жане упоминает явление «воображаемой электризации», которое он наблюдал в больнице в Гавре. Применяя лечение электричеством к больному, пораженному истерическим параличом, он удивился тому, насколько больной положительно реагирует на подключение электрода, пока вдруг не заметил, что вилка не была вставлена в розетку.

[99] L'Influence sotnnambulique et le besoin de direction. HI. Intcrnationaler Congressfur Psychologic, vom. 4 bis 7. Augest 1896. Munich: J.F. Lehmann, 1897. P. 143–145.

[100] Pierre Janet. L'Influence somnambulique et le besoin de direction // Revue Philosophique. XLIII. 1897.1. P. 113–143; Nevroses et idees fixes. Paris: Alcan, 1903. II. P. 423–480.

[101] То же см. и в рецензии на диссертацию Жане, опубликованную в: Mind, New Series. II. 1893. P. 403.

[102] Пьер Жане. Неврозы и фиксированные идеи. СПб., 1903. (Цит. по этому изд. — *Прим. ред.*)

[103] Pierre Janet. Les Obsessions et la psychasthenie, 2 vols. Paris: Alcan, 1903.

[104] Пьер Жане. Неврозы. М., 1911.

[105] Pierre Janet. Contribution a I 'etude des accidents mentaux chcz les hysteriqucs. Paris: RueffetCie, 1893.

[106] Pierre Janet. Traitement psychologiquc de L'hystérie // Traité de Thérapeutique Appliquiie. Dr. Albert Robin. Fascicule XV, lie. partie. Paris: Rucff, 1898. P. 140–216.

[107] Pierre Janet. Quelques definitions recentes de l'hysterie // Archives de Neurologic. XXV. 1893. P. 417–438; XXVI. P. 1–29.

[108] Pierre Janet. Quelques definitions recentes de l'hystérie // Archives de Neurologie. XXV. 1893. P. 417–438; XXVI. P. 1–29.

[109] Анри Бергсон. Материя и память // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1913.

[110] Pierre Janet. Les Obseccions et la psychasthenic. Paris: Alcan, 1903. I. P. 491.

[111] Pierre Janet. Les Obsessions et la psychasthenie. Paris: Alcan, 1903. I. P. 505.

[112] Pierre Janet. Un Cas de délire systématise dans la paralisie générale // Journal de Psychologie. III. 1906. P. 329–331. Несколько схожее исследование было предпринято С. Ференци и С. Холлосом. (Zur Psychoanalyse der paralytischen Geistesstörung. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1922).

[113] Едва ли стоит упоминать о том, что термин «психологическое напряжение» в понимании Жане не имеет ничего общего с тем, что называют «напряжением» в разговорной речи, где оно означает чувство беспокойства или раздражительности, что в терминологии Жане соответствовало бы низшим стадиям «психологического напряжения».

[114] Pierre Janet. Les Medications psychologiqucs. Paris: Alcan, 1919. III. P. 469–470.

[115] Leonhard Schwartz. Neurasthenie: Entstehung. Erklärung und Behandlung der nervösen Zustände. Basel: Benno Sclnvabe, 1951.

[116] Трудно установить до какой степени Шварту разрабатывал идеи Жане. Как сообщил автору сам Шварту, он поддерживал постоянную связь с Жане и обсуждал эти проблемы с ним.

[117] Они подробно описываются в курсе: Pierre Janet. Psychologie Expewrimentale. Compte-Rendu dc cours de M. Janet, College de Fiance. Paris: Chahine, 1926. P. 223–317.

[118] Pierre Janet. La Force et la faiblcsse psychologiqucs. Paris: Maloine, 1930. P. 127–128.

[119] В этой связи Эрнст Кречмер в своей работе «Psychotherapeutische Studien» (Stuttgart: Thieme, 1949) утверждал, что «прояснение и полное устранение настоящих конфликтов есть альфа и омега любого лечения неврозов» (P. 198).

[120] Leonhard Schwartz. Berufstätigkeit und Nervosität // Schweizcrische Zeitschrift für Hygiene. № 4. 1929.

[121] Я считаю уместным привести здесь собственный пример: по выздоровлении после острого приступа шизофрении один достаточно интеллектуальный пациент рассказал автору историю своей болезни и добавил: «Доктор, никогда не выписывайте больного, не объяснив ему суть его болезни». Когда пациента выписывают из больницы, врач завершает его историю болезни, однако, обычно никому не приходит в голову помочь пациенту «провести завершающую черту под заболеванием», через которое он прошел.

[122] Hermann Simon. Aktivere Krankenbehandlung in der Irrenanstalt. Berlin and Leipzig: De Gruyter, 1929.

[123] Pierre Janet. The Psycholeptic Crises // Boston Medical and Surgical Journal. CLII. 1905. P. 93–100.

[124] Pierre Janet. L'Alcoholisme et la depression mentals // Revue Internationale de Sociologic. XXIII. 1915. P. 476–485.

[125] Pierre Janet. Le Kleptomanie et la depression mentale // Journal de Psychologie. VIII. 1911. P. 97–103.

[126] Pierre Janet. Les Medications psychologiqucs. Paris: Alcan, 1919. II. P. 97–98.

[127] Pierre Janet. Les Medications psychologiqucs. Paris: Alcan, 1919. III. P. 249–297; La Force et la faiblcsse psychologiques. P. 179–180.

[128] Смотри, например: M. B. Kay. How Never to Be Tired. Indianapolis and New York: Bobbs Merrill Co., 1938. Совет, который содержится в этой книге, будет весьма полезен больным гипотоническими неврозами, но, тем не менее, чрезвычайно опасен астеникам.

[129] Pierre Janet. Les Médications psychologiques. Paris: Alcan. 1919. III. P. 414–417.

[130] Pierre Janet. Dc l'Angoisse a l'extase. Paris: Alcan, 1926. I. P. 210–234.

[131] Pierre Janet. Les Debuts de l'intelligence. Paris: Flammarion. 1935. P. 44–45.

[132] Лучшим примером может служить статья Жане «La psychologie delaconduitc» (Encyclopedie Française, VIII. (1938).

[133] Leonhard Schwartz. Die dynamische Psychologie von Pierre Janet. Basle: B. Schwabe, 1951. См. также: I. Meyerson. Janet et la theorie des tendances // Journal de Psychologie. XL. 1947. P. 5–19.

[134] Pierre Janet. De L'Angoisse a l'extase. Paris: Alcan, 1926. II. 1928. P. 262.

[135] Pierre Janet. La Pensee interieure et ses troubles. Paris: Maloine. 1927.

[136] Pierre Janet. L'Amour et la haine. Paris: Maioine, 1937.

[137] Pierre Janet. Les Debuts del'intelligence. Paris: Flammarion, 1935; L'Intelligence. Paris: Flammarion, 1936.

[138] Жане, видимо, не подозревал, что подобная лингвистическая теория уже была создана Гейманном Штейнталем: H. Steinthal. Einleitung in die Psychologie der Sprach-wissenschaft, 2. Auft. Berlin: Dummler, 1881. P. 212–221.

[139] Pierre Janet. Le Langage inconsistent // Theoria. III. 1937. P. 57–71.

[140] Pierre Janet. La Pensée intérieure et ses troubles. Paris: Maioine, 1927.

[141] Pierre Janet. De l'Angoissea Textase. Paris: Alcan, 1926. I. P. 229.

[142] Анри Бергсон. Творческая эволюция // Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1913. Схожие мысли высказывал Гарднер Мерфи: Gardner Murphy. Human Potentialities. New York: Basic Books, 1958.

[143] Walter M. Horton. The Origin and Psychological Function of Religion According toPierre Janet//American Journal of Psychology. XXXV. 1924. P. 16–52.

[144] Pierre Janet. Un Cas du phenomene des Apports // Bulletin de PInstitut Psychologique International. I. 1900–1901. P. 329–335. См. также предисловие Жане к: J. Grasset. Le Spiritisms devant la science. Montpellier et Paris, 1904. P. VII–XXIX.

[145] Жане предпринимал все возможное, чтобы скрыть настоящее имя и местожительство Мадлен, когда рассказывал о ней. Биографические сведения, приведенные здесь, были заимствованы, возможно, из более детального описания ее жизни: Bruno de Jesus-Marie. A proros de la Madeleine de Pierre Janet // Etudes Carmelitaines. XVI. No. 1. 1931. P. 20–61.

[146] Pierre Janet. Le Spiritisme contemporain // Revue Philosophique. XXXIII. 1892.1.P. 413–442.

[147] Pierre Janet. La Psychologie de la croyance et le mysticisme // Revue de Metaphy-sique et de Morale. XLIII. 1936. P. 327–358, 507–532; XLIV. 1937. P. 369–410.

[148] Pierre Janet. L'Automatisme psychologique. Paris: Alcan, 1889. P. 118–119. IS» Pierre Janet. L'Automatisme psychologique. Paris: Alcan, 1889. P. 466–467.

[149] Alfred Fouillee. Critique des systemes de morale contemporaine. Paris: Alcan,1883. P. 281–317.

[150] Jean-Marie Guyu. L'irreligion de l'avenir // Etude Sociologique. Paris: Alcan, 1887.

[151] В книге: Pierre Janet, Henri Pieron. et Charles Lab. Manuel du Baccalaureat (Paris: Vuibert, 1925) глава, посвященная истории философии (P. 329–367), написана Пьером Жане.

[152] См.: Paul Janet. Les Maiters de la pensée moderne. Paris: Calmann Levy, 1888. P. 363–403; Andre Cresson. Maine de Biran, sa vie, son oeuvre. Paris: Presses Universitares de France, 1950; а также специальный выпуск «Bulletin de la Societe Francaise de Philosophie» (Vol. XXIV. 1924) посвященный Мену де Бирану.

[153] Henri Delacroix. Maine de Biran et l'Ecole medico-psychologique // Bulletin de la Societe Française de Philosophie. XXIV. 1924. P. 51–63.

[154] William James. The Energies of Man //The American Magazine. (1907) См. также; William James. Memories and Studies. New York and London: Longmans Green & Co., 1911. P. 229–264.

[155] Josiah Royce. The World and the Individual. New York: Macmillan, 1901. P. 245–266.

[156] Josiah Royce. Studies of Good and Evil. New York: Appteton, 1898. P. 169–197.

[157] James Mark Baldwin. Mental Development in the Child and the Race, Methodsand Processes. New York: Macmillan, 1895. P. 334–338.

[158] Эта часть учения Гербарта, возможно, стала известна Жане благодаря статье; Straszevski. Herbart, sa vie et sa philosophie // Revie Philosophique. VII. 1879.1. P. 504–526, 645–673.

[159] W. Drabovitch. Fragilité de la liberté et séduction des dictatures. Essai de psychologie sociale. Paris: Mercure de France, 1934.

[160] Ivan Pavlov. Lettre ouverte a Janet, Les sentiments d'emprise et la phase ultrapar-adoxale // Journal de Psychologie. XXX. 1933. P. 849–854.

[161] Felicitas Kerris. Integration und Desintegration der Persönlichkeit bei Janet und McDougall, Phil. Diss. Bonn-Wurzburg: Richars Mayr, 1938.

[162] См. вступление К.У. Морриса к работе Г.Х. Мида «Mind, Self and Society» (Chicago: University of Chicago Press, 1934).

[163] David Victoroff. G.H. Mead, socioloque et philosophe. Paris: Presses Universitaires de France, 1953. P. 62–63. Викторов утверждает, что теории отраженной

мысли Мида и Жане совпадают и выражены посредством почти одних и тех же терминов.

[164] Eugen Bleuler. Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenien (1911) // Aschaffenburg. Handbuch der Psychiatrie, Spezieller Teil, 4. Abt., 1. Halfte. S. 52.

[165] Alfred Adler. Ueber den nervösen Charakter. Wiesbaden: J.F. Bergmann, 1912. P. 3.

[166] Ernest Jones. The Action of Suggestion in Psychotherapy // Journal of Abnormal Psychology. V. 1911. P. 217–254.

[167] Revue Philosophique. CL. 1960. P. 283–288.

[168] Henru Ey. La Psychologie de Pierre Janet et la conception dynamique de la psychiatrie // Mélanges offerts a Monsieur Pierre Janet... Paris: d'Artrey, 1939. P. 87–100.

[169] Jean Delay. Pierre Janet et la tension psychologique // Psychologie Franchise. V. 1960. P. 93–110.

[170] Ernest Jones. Professor Janet on Psychoanalysis: A. Rejoinder // Journal of Abnormal Psychology. IX. 1914–1915. P. 400–410.

[171] Madeleine Cave. L'Oeuvre paradoxale de Freud. Essai sur le théorie des névroses. Paris: Presses Universitaires de France, 1945.

[172] Benjamin Subercaseaux. Apuntes de Psichologia Comparada. Santiago de Chile: Bardi, 1927.

[173] Leonhard Schwartz. Die Neurosen und die dynamische Psychologie von Pierre Janet. Basel: Benno Schwabe, 1950.

[174] Le Monde. March 18, 1947.

[175] Один из бывших издателей работ Жане, в разговоре с которым автор поднял этот вопрос, категорически заявил: «Нет, сэр, произведения Жане никогда уже не будут переиздаваться».

Оглавление

Научное издание

Элленбергер Генри Фредерик

Открытие бессознательного—1. История и эволюция динамической психиатрии

От первобытных времен до психологического анализа

Редактор: Дамте Д.С.
Корректор: Башлай И.М.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.

Подписано в печать 13.12.2017. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,5. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. AE51. H 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11AE51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

ISBN: 978-5-8291-2159-4

EAC

По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aprogect.ru, zakaz@aprogect.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.

В издание входит классический труд, в котором в историко-социальном контексте систематизирована «одиссея» поиска понимания картины человеческой души, патологических процессов психической жизни. Это уникальное по масштабу издание охватывает практически все психотерапевтические (психиатрические) направления в европейской истории, начиная от целительства у древних народов и заканчивая современными теориями и практиками вплоть до середины XX века.

Книга остается непревзойденной по объему представленного материала и количеству научных и медицинских ссылок энциклопедией психотерапии и является незаменимым справочным пособием в самых разных областях истории психологии, психиатрии и психоанализа.

Вместе с тем это источник информации об одном из важнейших слоев европейской культуры, необходимый всякому, кто хочет знать ее во всей сложности и взаимообусловленности самых разных ее сфер.